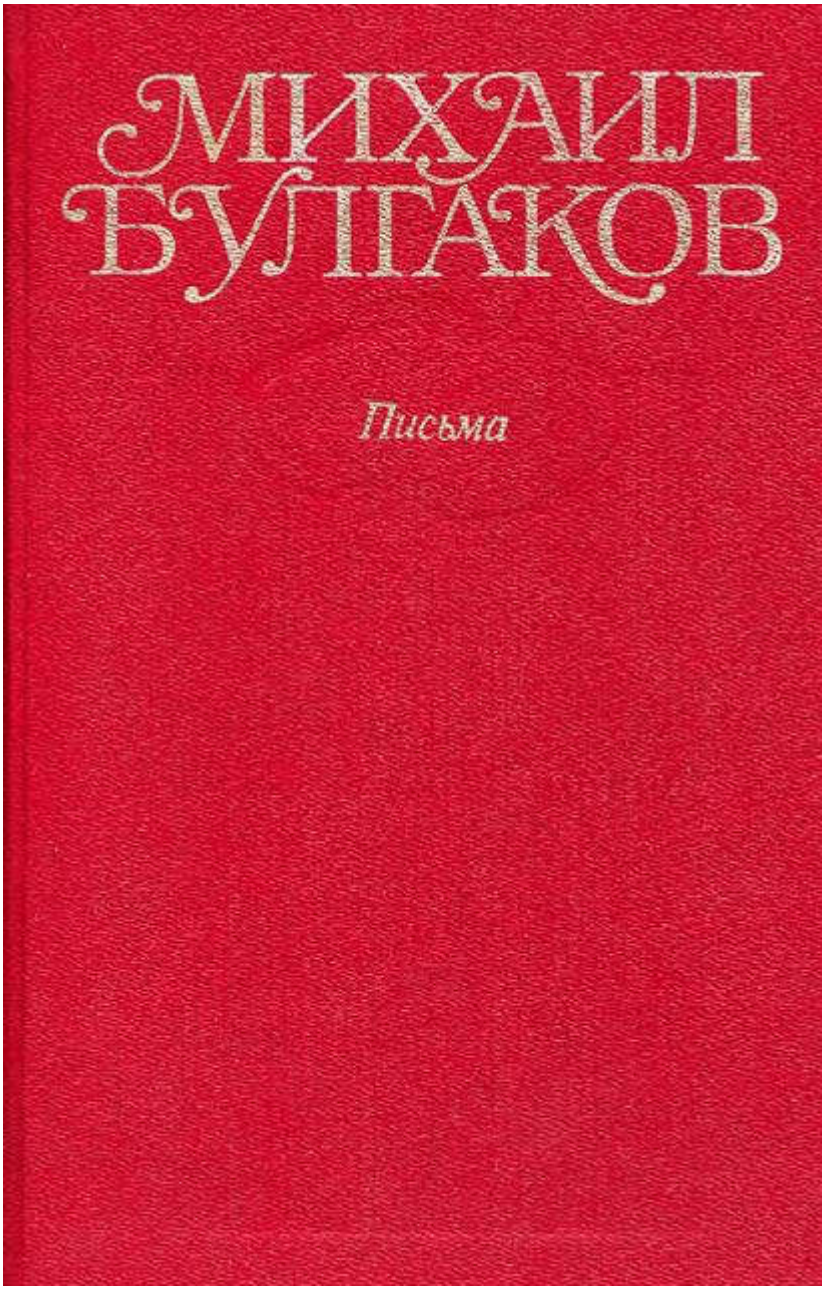
Михаил Афанасьевич Булгаков
Том 10. Письма

Собрание сочинений в десяти томах – 10



«Булгаков. Собрание сочинений в десяти томах. Том 10. Письма»: "Голос"; Москва; 2000. — ISBN 5-7117-0248-3.

Аннотация

В настоящем Собрании сочинений представлены все художественные произведения Михаила Булгакова, созданные им на протяжении 20 лет литературной работы (романы, повести, рассказы, драматические произведения, фельетоны и очерки), а также эпистолярное наследие писателя.

В десятый том Собрания сочинений Михаила Булгакова включены письма, дневники, автобиография и другие биографические материалы.

Михаил Булгаков. Собрание сочинений в 10 томах
Том 10

Письма

О «Письмах» М. Булгакова и о нем самом

В последние годы имя Михаила Афанасьевича Булгакова прочно вошло в сознание русских читателей, привлекло внимание всего читающего мира. Огромен интерес не только к творчеству, но и к судьбе, личности художника. Пока, к сожалению, в удовлетворении этого интереса гораздо более преуспели заграничные издатели, чем соплеменники знаменитого писателя. Но сколько в этих заграничных изданиях неточностей, а то и просто ошибочных сведений. Сколько здесь всяческого вымысла и домысла, рассчитанных на сенсацию. Одни представляют Булгакова как жертву культа личности, искажают факты, чтобы представить его несчастным мучеником 30-х годов. Другие стремятся выпятить его имя в литературе тех лет настолько, что оно заслоняет других выдающихся художников того времени...

Казалось бы, после публикации «Мастера и Маргариты» (1966 — 1967) наступила пора трезвого осмысления личности и творчества М.А. Булгакова, сразу обретшего мировую славу. И действительно, в наши издательства «посыпались» предложения издавать его сборники рассказов, повестей, фельетонов, пьес, издавать монографии о его творчестве. Но кому-то из «державных» людей показалось, что слава писателя наносит ущерб нашему государству. И вот — издатели попадали в зависимость от вышестоящего чиновника, слово

которого всегда оказывалось решающим...

Но это время прошло и сейчас началась кропотливая работа по собиранию и реконструкции фактов жизни великого русского писателя.

В жизни Булгакова было много действительно драматического. Чаще всего к этим фактам его биографии и привлекают внимание исследователи. Но были ведь и счастливые годы. Да и в годы тяжкие жизнь не замыкалась кругом страданий. В частности, вспомним май 1931 года. В письме Генеральному секретарю ВКП(б) И.В. Сталину Булгаков со всей откровенностью перечисляет все, что им сделано за последние два года. Сделано немало. Здесь же он признается в том, что устал от многолетней травли, говорит о переутомлении, о надрыве. И это все так, соответствует фактам его биографии. Но вот проходит месяца два после письма Сталину, и Булгаков пишет своей приятельнице Н.А. Венкстерн: «План мой: сидеть во флигеле одному и писать, наслаждаясь высокой литературной беседой с Вами. Вне писания буду вести голый образ жизни: халат, туфли, спать, есть... Расскажу по приезде много смешного и специально для Вас предназначенного... Буду сидеть как Диоген в бочке».

В письме Сталину Булгаков правдиво рассказал о своем положении в обществе и о своем душевном состоянии. Положение, конечно, ужасное. Но жизнь полна неожиданностей, контрастов, противоречий. И читатель, прочитав письма, может себе представить его жизнь во всей ее многогранности.

Предлагаемый десятый том представляет современникам возможность познакомиться с эпистолярным творчеством выдающегося русского художника нашего века, его дневниками, автобиографиями.

Письма родным, брату Николаю Афанасьевичу Булгакову в Париж, письма Сталину, Горькому, Станиславскому, Вересаеву, писателям Евгению Замятину, Юрию Слезкину, другу Павлу Попову, наконец, жене Елене Сергеевне Булгаковой... Сколько неповторимых подробностей запечатлено в этих документах, сколько деталей быта, примет времени, сиюминутных настроений и забот, сколько страданий и радостей, творческих достижений и несбывшихся надежд... Читаешь письма Михаила Булгакова, подлинные, без всяких вольных усекновений, которые позволяют себе авторы многих монографических трудов о нем, — и вспоминаешь прекрасные слова Герцена о сокровенности письма: «Письма больше чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». В письмах настоящего сборника предстает подлинный Булгаков, который даже в самые трудные и критические годы жил полной жизнью, много работал, любил женщин, умных, обаятельных, прекрасных в своей неповторимости, поигрывал в карты, играл в теннис, биллиард, много страдал, но и много смеялся, познал шумный успех, но и изведал горе одиночества... Работа порой беспощадно захлестывала его, заставляя торопиться, спешить с ее исполнением, но потом что-то менялось в планах заказчиков, и что-то сразу рушилось — тут же расторгали договор, требуя возвращения аванса, уже, как обычно, истраченного, прожитого; но тут же возникали новые предложения и новые договоры, заставлявшие вновь и вновь спешить и торопиться с исполнением заказа. И снова беспощадная к самому себе, изнурительная работа — работа на износ. Так продолжалось все двадцать лет его творческой жизни. Он работал много, самозабвенно и самоотверженно. Брался порой за вещи, за которые мог бы не браться, если б не нужно было зарабатывать на жизнь.

Письма, публикуемые здесь, намечают пунктиры биографии М.А. Булгакова с 1914 года по 1940-й, год его кончины. Они, за редким исключением, расположены хронологически и дают представление о важнейших этапах его судьбы и творчества. Здесь собраны разные письма как по своему значению, так и по своему содержанию. Есть просто записки, написанные, как говорится, на скорую руку. А есть письма, в которых раскрывается душа художника, его внутренний мир, его убеждения, суждения, его эстетическая программа.

Конечно, при чтении писем М. Булгакова необходимо помнить, в какое сложное и противоречивое время он жил и работал... Уже в самом начале своего творческого пути М.

Булгаков опасался полной откровенности, а потому предупреждал свою сестру не доверяться целиком белому листу бумаги: он опасался перлюстрации писем. Но бывало и так, что его холодная осторожность уступала бурным признаниям, и он подробно и откровенно изливал свое самое наболевшее. Так было и в письмах Советскому правительству, в письмах И.В. Сталину, П.С. Попову, В.В. Вересаеву, Н.А. Булгакову... Время требовало порой осмотрительности, приспособленчества, угождения власть имущим, но читатели увидят, что М.А. Булгаков не внял этим требованиям и остался самим собой, беспощадно правдивым и бескомпромиссным.

При чтении писем Булгакова родным необходимо знать, что Н.А. Земская, сестра Михаила Афанасьевича, публикуя их частично (1976), кое-что весьма существенное опустила. Купюры были сделаны по охранительным соображениям — Н.А. Земская не решилась оставить те фразы, которые свидетельствовали о мыслях М.А. Булгакова покинуть пределы России. Еще в феврале 1921 года в туманных выражениях он писал двоюродному брату Косте: «Во Владикавказе я попал в положение „ни взад ни вперед“. Мои скитания далеко не кончены. **Весной я должен ехать или в Москву (может быть, очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь...** » (подчеркнуто мною. — *В. П.*) Выделенные слова при публикации Н. Земской были опущены. Такие же намеки содержались и в других письмах писателя тех лет к родным.

Здесь читатели познакомятся с двумя автобиографиями М.А. Булгакова, 1924 и 1937 годов, прочитают письма выдающихся деятелей культуры того времени Е.С. Булгаковой, в которых глубоко и зримо показано значение М.А. Булгакова как художника, раскрыты черты его характера, масштабы его личности...

Что ж сделал он в русской культуре? Об этом много говорилось в предыдущих томах. Но ...

Перелистаем страницы его произведений. Напомним лишь некоторые, как нам представляется, ключевые факты его биографии. Подведем некоторые итоги: здесь неизбежны повторения полюбившихся автору мыслей.

«Мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный, очень умный, с ним, даже тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не все видел так, как оно на самом деле, то в этом нет ничего удивительного, хуже было бы, если бы он фальшивил» (письмо Л.А. Фадеева к Е.С. Булгаковой от 15 марта 1940 г.).

Если к этим словам Фадеева, довольно точно передающим сущность творческой личности Михаила Булгакова, приобщить высокие отзывы о нем Горького как о прозаике и драматурге, напомнить восторженные оценки Станиславского его режиссерского и актерского таланта, если рядом с этими оценками привести воспоминания о Булгакове его близких и знакомых, то перед нами предстанет облик не только всесторонне одаренного художника, но и очень своеобразного человека с добрым и бескорыстным сердцем, человека благородного, мужественного и принципиального, умеющего даже в самые тяжелые для него времена смотреть на жизнь с оптимизмом, с юмором, с верой в доброе и светлое.

Булгаков — художник, оставивший богатое литературное наследство почти во всех жанрах: начинал он с фельетонов, создал несколько драматических шедевров, повестей, рассказов, кончил творческий путь глубокими по содержанию и блестящими по форме романами «Мастер и Маргарита» и «Записки покойника» («Театральный роман»).

Булгаков — человек сложной, трудной, трагической судьбы. Сейчас к нему пришло признание, заслуженная слава. А было время, когда он был лишен того, что по праву ему, как большому художнику, принадлежало, лишен был главного — живого и непосредственного общения с читателем, зрителем; вокруг его имени создавали нездоровый

интерес, каждую новую его вещь встречали подозрительно и часто видели в ней то, чего там вовсе не было.

Трудно жилось, трудно писалось Булгакову, но он всегда оставался верным своему народу, своему Отечеству. Резко протестуя против искажений текста пьесы «Зойкина квартира», допущенных в переводе ее на французский, М.А. Булгаков писал своему брату Н.А. Булгакову: «Прежде всего я со всей серьезностью прошу тебя лично проверить французский текст „Зойкиной“ и сообщить мне, что в нем нет и не будет допущено постановщиками никаких искажений или отсебятины, носящих антисоветский характер, следовательно, совершенно неприемлемых и неприятных для меня как гражданина СССР. Это самое глазное». «Русский писатель не может жить без родины» — таков главный смысл его ответа на вопрос Сталина, не хочет ли он покинуть Россию. Глубинные истоки творчества Булгакова питались его кровной связью с Россией, которую он беспредельно любил.

В каждой строчке своих произведений он исповедуется в любви к Отечеству. Любви не созерцательной, а активной, подобной той, заинтересованной в судьбе народа любви, которая сделала Гоголя и Салтыкова-Щедрина великими сатириками. Верность традициям русской классики, особенно традициям Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого,— вот то главное, что присуще Михаилу Булгакову как художнику советского времени, художнику, который противопоставил свое творчество, свою индивидуальность некоторым заметным молодым писателям начала 20-х годов, отказывавшимся от национального культурного наследия. Булгаков избежал этого пагубного поветрия. И вместе с тем его творчество предстало перед нами как принципиально новое художественное явление.

В «Дьяволиаде», «Записках на манжетах», «Похождениях Чичикова», «Роковых яйцах» Булгаков создал фантастический мир, полный противоречий, больших и малых конфликтов, возникающих всякий раз, когда человек, по личному заблуждению, оказывается не на своем месте. Одновременно с этим в его «Белой гвардии», «Мольере», «Пушкине», «Дон Кихоте», «Театральном романе» изображен другой, реальный мир с его нравственными исканиями, утверждением человечности в человеческом бытии, опутанном многими искусственными путами. В «Мастере и Маргарите» эти два мира, как бы до сей поры существовавшие отдельно, слились в один, полномерный и многогранный. В этом, последнем своем романе, писатель решает одну из центральных проблем своего времени — проблему гуманизма, ратует за незыблемость гуманности, дает критику античеловечности, жестокости, несправедливости.

Булгаков обладал редким даром гармонического миросозерцания: он с одинаковой остротой видел и изобличал отрицательное в жизни и одновременно, следуя своему душевному складу, воплощал в художественных созданиях образы светлые.

Булгаков создал свой, особый, неповторимый мир, нанося художническим воображением свои материки и реки, свои моря и океаны; он населил эти материки созданными им людьми, наделил их неповторимым складом души, столкнул их с неотвратимыми случайностями и парадоксами жизненных обстоятельств.

Почему же так случилось, что столь талантливого писателя не признавали, а в конце 20-х и в начале 30-х годов беспощадно травили?

Некоторые исследователи жизни и творчества М.А. Булгакова отвечают на этот вопрос просто: виноват Сталин, диктатор, восточный деспот, погубивший множество честных людей... В нашей же истории все было гораздо сложнее, противоречивее. Нужны документы, публикации архивов, исследования историков, исследования неподкупные и объективные...

Современному читателю трудно понять причины этой травли, если он незнаком, хотя бы поверхностно, с литературной обстановкой 20—30-х годов.

В то время острой атаке подвергалось культурное наследие русского народа, все великие завоевания мировой культуры. В известном стихотворении В. Кириллова «Мы», которое часто цитируется историками литературы, прямо говорилось: «Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, // Разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Это

стихотворение было опубликовано во втором номере журнала «Грядущее» в 1918 году. И здесь лишь «поэтическое» воплощение целой идеологической платформы.

Ожесточенные споры вокруг культурного наследия пролетариата возникли еще до Великого Октября. В частности, некоторые «теоретики» марксизма признавали Шекспира «исполином», но только «в рамках своего времени»: «С точки зрения нашего времени» его царственные «герои» «кажутся марионетками» и вызывают «чувство досады».

Уже в то время (1910—1912) появлялись мысли, будто «пролетариат должен отвергать всякое искусство, тенденции которого не находятся в согласии с его мировоззрением» (Лежнев А. Вопросы литературы и критики. М.—Л., 1926. С. 18). Эти мысли в разных вариациях высказывались «напостовцами», «лефовцами», «пролеткультовцами».

«Изучение памятников искусства, — поучал Осип Брик, — не должно выходить за пределы научного исследования... Пролетариат, как класс творящий, не смеет погружаться в созерцательность, не смеет предаваться эстетическим переживаниям от созерцания старины» (Искусство коммуны. 1919, № 5).

В 20-е годы находились такие горячие головы, которые заявляли, что революция переплавила прежний быт, что самый уклад жизни подвергся уничтожению или коренному переустройству. А если не удастся переплавить, то все прежнее «надо перепахать». «Литература прошлых эпох была пропитана духом эксплуататорских классов» (Вардин. На посту. 1923, № 1), а раз это верно, то творчество Тургенева, Льва Толстого, Чехова, Гоголя годится только для музейного изучения.

По отношению к культурному наследству у В.И. Ленина и его сторонников была четкая и ясная позиция. В «Декрете о государственном издательстве» партия и правительство призывали немедленно приступить к широкой издательской деятельности: «В первую очередь должно при этом быть поставлено дешевое народное издание русских классиков» (О партийной и советской печати. М, 1954. С. 174). «Необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров» (там же, с. 197). Этой четкой и ясной ленинской позиции противостоял и Троцкий и троцкисты.

В письме ЦК РКП (б) «О пролеткультах» говорится: «...В пролеткульты нахлынули социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые иногда фактически захватывают руководство пролеткультами в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из родов буржуазной публицистики и философии стали кое-где заправлять всеми делами в пролеткультах».

В тот год, когда М. Булгаков заканчивал работу над повестью «Дьяволиада» и романом «Белая гвардия» (1923), вышел первый номер журнала «На посту». Об этом необходимо напомнить, потому что «напостовцы» много сделали для того, чтобы исказить подлинный смысл булгаковского творчества.

Первый принципиальный пункт напостовской программы:

«Прежде всего, пролетарской литературе необходимо окончательно освободиться от влияния прошлого и в области идеологии и в области формы». В передовой «От редакции» говорилось об «упадочной полосе русской литературы последних лет и десятилетий(?) перед революцией», говорилось о намерении бороться против тех, кто старается «построить эстетический мостик между прошлым и настоящим» (На посту, 1923, № 1. С. 6—7).

В своей литературной практике «напостовцы» руководствовались идеей Троцкого, писавшего, что «Октябрь вошел в судьбы русского народа, как решающее событие, и всему придал свой смысл и свою оценку. Прошлое сразу отошло, поблекло и обвисло, и художественно оживить его можно только ретроспекцией от того же Октября. Кто вне октябрьских перспектив, тот опустошен, насквозь и безнадежно» (Правда, 1922 г.).

Известно, что Троцкому принадлежит и термин «попутчик». Логика его удивительно проста: раз писатель идет из деревни и пишет о деревне, то он не может осознать, уловить «революционную алгебру в действии», «...первостепенная черта, идущая не от деревни, а от

промышленности, от города...» — «ясность, реалистичность, физическая сила мысли, беспощадная последовательность, отчетливость и твердость линии, — эта основная черта Октябрьской революции чужда ее художественным попутчикам». «И оттого они только попутчики. И это нужно сказать им — в интересах той же ясности и отчетливости линии революции».

К. Федин, Л. Леонов, Вс. Иванов и многие другие принимали участие в революционных событиях, работая в армейских газетах, в советских учреждениях, но они были зачислены всего лишь в «попутчики». Сергеев-Ценский, А. Толстой, Пришвин, Чапыгин, Есенин и многие другие навсегда связали себя с новой Россией, а их относили к разряду новобуржуазной литературы, что равносильно реакционной, контрреволюционной. Грубая, предвзятая характеристика давалась Горькому, который назывался «бывшим главсоколом, ныне центроужом».

Здесь же, в первом номере «На посту», Г. Лелевич оценивает творчество Маяковского как «поэзию деклассированного интеллигента, заядлого индивидуалиста». Г. Лелевич, исходя из того, что «с изменением экономического базиса меняются и идеологическая надстройка, и потребности читателей», в статье «Отказываемся ли мы от наследства?» приходит к выводу: литература прошлого только объект «серьезнейшего научного изучения» «как продукт определенной классовой идеологии и в определенной исторической обстановке», «пролетарий в то же время строит свою литературу, совершенно отличную от прошлой, как по содержанию, так и по форме» (На посту, 1923, № 2—3. С. 50).

Лелевича поддержал А. Тарасов-Родионов в статье «Классическое и классовое»: попутчик, «как бы доброжелательно к пролетариату он ни настраивался, — пока мы его не поставили прочно на коммунистическую точку зрения, — он все равно никаких объективных ценностей в целом создать для нас не может» (На посту, 1923 № 2—3. С. 92).

Характеризуя положение на литературном фронте, А. Чапыгин писал Горькому (1926): «Молодые писатели МАППа—ВАППа, ЦАППа и других ассоциаций густо невежественны, в этом их смерть. Один со мной пространно рассуждал о том, что-де „психология — это штука буржуазная, и мне — пролетарскому писателю — она не нужна...“» (Горький и советские писатели. Неизданная переписка, М., 1963. С. 646). Даже Федор Гладков, позиция которого значительно отличалась от чапыгинской по ряду вопросов, в 1928 году сообщал тому же Горькому: «...Наши шустрые пострелы и казенные писаря из „На литературном посту“ невыносимо пустозвонят с репетиловской развязностью о вещах, в которых они ничего не смыслят. Все эти Волины, Зонины, Авербахи, Ермиловы, Фатовы и К0, не имеющие никакого отношения к литературе, изо всех сил лезут в „вожди“ и „идеологи“ и с апломбом невежд и бесстыдников пророчествуют об „органически гармоническом человеке современности“, о „живом человеке в художественной литературе и т. п.“ (там же, с. 104).

Булгаков осознавал себя продолжателем великих реалистических традиций русской литературы. По выражению самого писателя, „Дни Турбиных“, „Бег“, „Белая гвардия“ — это „упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране“. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях „Войны и мира“. Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией. Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает, несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР» (Октябрь, 1987, № 6).

Леонид Леонов, задумываясь над вопросом, почему некоторые писатели не могут написать о своей эпохе так, чтобы «каждая строчка жгла», видел одну из причин этого в том, что критики усматривают в любом просчете писателя «либо бессилие творческое, либо явную злонамеренность»: «Существуют в литературных краях этакие добровольные аргусы, которые мгновенно свешивают это на весах советской благонадежности и, буде окажется, что процент „уклона“ превышает процент „добродетели“, сразу начинается самая похабная

травля писателя» (Печать и революция, 1929, № I).

Остро поставленный вопрос «кто кого?» был механически перенесен в область литературы и искусства. Раз социалистическое строительство в своем поступательном движении вызывает сопротивление враждебных социализму социальных групп, то и «своеобразие современного этапа художественного развития в том и состоит, что враждебные пролетариату стремления обнаруживаются с особой силой» (Печать и революция, 1929, № 4). В связи с этим называются прежде всего имена Сергеева-Ценского и Булгакова. Л. Авербах в статье «Классовая борьба в современной литературе» (Звезда, 1929, № 1, с. 148) писал: «Буржуазная литература носит самый различный характер. С одной стороны, она носит характер контрреволюционного памфлета, как у Сергеева-Ценского, затем идеализация патриархальной старой деревни, как у Сергея Клычкова... и с другой стороны, если не идеализация, то во всяком случае оправдание белогвардейщины, как в „Днях Турбиных“ Булгакова и в „Беге“, произведении, еще более реакционном, чем „Дни Турбиных“».

Русская литература издавна славилась психологизмом, глубоким и тонким постижением человеческой души. Вот почему выступали и против психологизма: если враг будет изображен во всем многообразии и полноте своего характера, со всеми своими человеческими переживаниями, то может стереться граница между другом и врагом, тогда все смешается в «густой душевной мешанине», тогда психологизм «становится контрреволюцией». Отсюда и оценка «Белой гвардии».

Другие теоретики, выступавшие против «психологизма», ссылались на то, что «психология рабочего достаточно проста, ясна, что поэтому никаких сложных переживаний у рабочего нет, что всякие разговоры о психологизме являются интеллигентскими выдумками».

Не одного М. Булгакова подвергали разносной критике. В том же 1927 году А. Чапыгин в письме Горькому просит за Клюева: «Очень вас прошу написать в Москву кому-либо из власть имущих о Клюеве, — его заклевали и он бедствует, а между прочим, поэт крупный и человек незаурядный — пусть ему как-нибудь помогут. Не печатают его, и живет он по-собачьи. Жаль будет, если изведется!» (Горький и советские писатели. С. 656).

Ю. Тынянов пренебрежительно отзывался и о Сергее Есенине, не видя в его стихах ничего нового, оригинального: «В сущности Есенин вовсе не был силен ни новизной, ни левизной, ни самостоятельностью... Наивная, исконная и потому необычайно живучая стиховая эмоция — вот на что опирается Есенин». Стихи Есенина, по мнению Ю. Тынянова, — стихи для легкого чтения, и они в большей мере перестают быть стихами. Теоретик «формальной школы», цитируя, пожалуй, лучшие есенинские строчки, видит в них только «банальности», «слова захватанные», «ежеминутные». И все дело в том, что Есенин желает «выровнять лирику по линии простой, исконной эмоции» (Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Прибой, 1929. С. 544—547).

Б. Эйхенбаум публикацию сборников стихов А. Блока считал анахронизмом. «Блок увел нас от подлинного искусства, но не привел нас к подлинной жизни» (Б. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Сборник статей. Л., 1924. С. 215—232).

В. Шкловский не принял роман Горького «Жизнь Клима Самгина»: «Горький — жертва установки на „великую литературу“»...

П. Незнамов дал резко отрицательный отзыв о романе Леонова «Вор» по той же самой причине: «Леонов... просто переписывает Достоевского» (там же, с. 139).

Леонид Леонов не выдержал и возмутился. «Следует разумно, — писал он, — использовать литературу для построения нового общества, следует всячески способствовать расцвету ее живых и здоровых сил, а не стандартизировать циркулярами художественную мысль» (Печать и революция. 1929, № 1, с. 69). Критики, которые стояли, как им казалось, на правильных позициях и поносили Горького, Сергеева-Ценского, Чапыгина, Есенина, Клюева, Клычкова, Шолохова, Андрея Белого, Федора Сологуба, Евгения Замятина,

Булгакова, Леонова, Федина и др., как раз и способствовали своими циркулярами стандартизации художественной мысли. Сергеева-Ценского, Замятина, Булгакова называли «писателями новой буржуазии», «так как общая картина общественной жизни, которую они дают в своих произведениях, показывает их отрицательное отношение к современной действительности» (Саянов В. Современные литературные группировки. Л., 1930. С. 34).

В конце 20-х годов глава конструктивистов К. Зелинский, как бы подводя итоги этой нигилистической «переоценки ценностей», писал: «Да, не повезло русскому народу просто как народу... Мы начинаем свою жизнь как бы с самого начала, не стесняемые в конце никакими предрассудками, никаким консерватизмом сложной и развитой старой культуры, никакими обязательствами перед традициями и обычаями, кроме предрассудков и обычаев звериного прошлого нашего, от которого мысли или сердцу не только не трудно оторваться, но от которого отталкиваешься с отвращением, с чувством радостного облегчения, как после тяжелой неизлечимой болезни».

Самые прозорливые деятели того времени чувствовали, что «перебрали» с нигилистическим отрицанием культурного наследия народа, и предупреждали, что необходимо унять этот пафос. А.В. Луначарский на совещании в Отделе печати ЦК нашей партии в мае 1924 года, отвечая лидерам «напостовства», сказал: «Если мы встанем на точку зрения гг. Вардина и Авербаха, то мы окажемся в положении кучки завоевателей в чужой стране».

Даже в эти кризисные годы, при всей оригинальности дарования, при всей его неповторимости, Михаил Булгаков был верен национальным традициям. Он всегда был верен самому себе, взглядам, чувствам, тому, что обычно называют миросозерцанием. Не изменил себе художник и после того, как за короткий срок на него обрушилось 298 «враждебно-ругательных» отзывов о его творчестве. Он делал аккуратные вырезки этих публикаций, наклеивал их в альбом или вывешивал на стены комнаты, как рассказывали Л.Е. Белозерская, Е.С. Булгакова, явно издеваясь над всей шумихой недоброжелателей. В Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки имени В.И. Ленина хранится этот примечательный альбом — он стоит того, чтобы внимательно перелистать его, вчитываясь в то, что писали тогдашние критики. Иначе как коллективным доносом это и не назовешь. А много лет спустя Е.С. Булгакова извлекла из альбома все фамилии и составила список.

«Вспоминаю, как постепенно распухал альбом вырезок с разносными отзывами и как постепенно истощалось стоическое к ним отношение со стороны М.А., а попутно истощалась и нервная система писателя: он становился раздражительней, подозрительней, стал плохо спать, начал дергать плечом и головой (нервный тик). Надо только удивляться, что творческий запал (видно, были большие его запасы у писателя Булгакова!) не иссяк от этих непрерывных грубо ругательных статей. Я бы рада сказать критических статей, но не могу — язык не поворачивается» (Л.Е. Белозерская).

И, наконец, М. Булгаков, больной от недобрых предчувствий, издерганный постоянной травлей, обратился с письмом к Правительству СССР 28 марта 1930 года. А меньше чем через месяц ему позвонил Сталин (см. комментарии на с. 170—174).

Л.Е. Белозерская вспоминала, что к этому телефонному звонку прислушалась вся литературная и театральная Москва: «В скором времени после приезда из Крыма (лето 1930 года.— *В. П.*) М.А. получил вызов в ЦК партии, но бумага показалась Булгакову подозрительной. Это оказалось „милой шуткой“ Юрия Олеши. Вообще Москва широко комментировала звонок Сталина. Каждый вносил свою лепту выдумки, что продолжается и по сей день»...

Читатели, конечно, обратят внимание на письма М.А. Булгакова Енукидзе, Горькому, Вересаеву, Правительству СССР, Сталину, брату Николаю Афанасьевичу в Париж, в которых он описывает свое положение после того, как все три его пьесы, поставленные в театрах, были сняты с репертуара, а законченные «Бег» и «Кабала святош» не разрешены

Главреперткомом. В этих письмах чувствуется безысходность, отчаяние, но они полны так же благородства и достоинства. Читатели прочитают эти письма и комментарии к ним и поймут, в каком положении оказался писатель и кто был в этом виноват.

Положение М.А. Булгакова было действительно тяжелейшим. И телефонный звонок Сталина, пообещавшего хорошо оплачиваемую работу в любимом театре, действительно вернул его к творческой жизни.

Примем во внимание, что 1930 год — это год «великого перелома», бурная пора повсеместной коллективизации... Лишь в январе 1932 года, как свидетельствуют очевидцы, Сталин снова вспомнил о Булгакове, подивившись, что «Дни Тубиных», одна из его любимых пьес, не идет в театре. Таковы очевидные факты, которые необходимо учитывать, читая письма Михаила Афанасьевича этого времени. О своих переживаниях, связанных с возобновлением спектакля, Булгаков подробно рассказывает П.С. Попову.

Так что же происходило в жизни М.А. Булгакова за это время — от телефонного звонка Сталина до возобновления «Дней Турбиных»?

Булгаков начал работать над инсценировкой «Мертвых душ» Гоголя для МХАТа, куда он поступил режиссером-ассистентом: то, что было сделано с «Мертвыми душами» до него, никуда не годилось, и поневоле ему пришлось заново переписывать пьесу. Читатели сборника могут прочитать письмо Булгакова П.С. Попову, в котором выражено отчаяние Михаила Афанасьевича, связанное с этой инсценировкой в театре: «Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду — назначили в несуществующую пьесу... Кратко говоря, писать пришлось мне».

Из писем Л.Е. Белозерской читатели узнают о его поездке в Крым с артистами ТРАМа, о впечатлениях от Крыма — из писем к Н.А. Венкстерн. Вернувшись из этой поездки, Булгаков пишет «простые неофициальные строки» К.С. Станиславскому. Осенью 1930 года он завершает инсценировку «Мертвых душ», и театр приступает к репетициям, в которых активное участие принимает и Булгаков. В это же время он обращается к дирекции театра с просьбой дать ему аванс в тысячу рублей в связи с его денежными затруднениями. Читатели сборника поймут, почему он так нуждался в то время, из писем Михаила Афанасьевича брату Николаю.

В 1931 году Булгаков вновь вернулся к «роману о дьяволе», о чем свидетельствуют две тетради с черновыми главами романа. Но то, что получалось, казалось ему, вряд ли могло быть напечатано, и он вновь бросает рукопись романа, хотя предполагал завершить ее в самое ближайшее время: жизнь заставляет художника вернуться к более актуальным, злободневным задачам.

Больше года прошло с тех пор, как Булгаков послал письмо в Правительство и после разговора со Сталиным, а ощутимых сдвигов в его творческой судьбе так и не произошло. И он вновь решил обратиться к Сталину: «Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Около полутора лет прошло с тех пор, как я замолк. Теперь, когда я чувствую себя очень тяжело больным, мне хочется просить Вас стать моим первым читателем...» На этом письмо обрывается, так и оставшись неоконченным.

В это время Булгаков начинает работать над пьесой о «будущей войне»: в июле он заключает договор с театром им. Вахтангова и Красным театром в Ленинграде на пьесу «Адам и Ева», а в октябре читает ее в Ленинграде. В конце августа заключает договор на инсценировку романа Льва Толстого «Война и мир» для ленинградского драматического театра. 3 октября 1931 года Главрепертком разрешил постановку пьесы «Кабала святош», предложив переменить название. Пьеса стала называться «Мольер».

Большой интерес вызывают письма Булгакова Е.И. Замятину, В.В. Вересаеву, П.С. Попову. Из них мы узнаем и о самочувствии, о переживаниях писателя, о судьбе его литературных произведений, о творческих замыслах, о препонах, которые по-прежнему стояли на его пути. То разрешат к постановке «Бег», то снова запретят; поставят визу, позволяющую во всех городах Советского Союза постановку «Мольера», и снова откажут...

Особую ценность представляют письма М.А. Булгакова родным — матери, сестрам, братьям...

Из писем родным, прежде всего из Владикавказа, можно узнать о начале его творческого пути, о рукописях, которые остались в Киеве, о пьесах, с успехом шедших в местном театре. Но и не только об этом. М. Булгаков переживает в это время острые противоречия, разочарования и сомнения.

Гражданская война, утихающая как кровавое столкновение антагонистических классов, продолжалась в иных формах — в формах идеологических сражений против тех, кто так или иначе связывал свое настоящее с великим тысячелетним прошлым России. В «Записках на манжетах» Булгаков изобразит это столкновение как диспут о Пушкине, как дискуссию о культурном наследии вообще.

Булгаков не побежал вместе с белыми из Владикавказа, он остался в надежде, что его не тронут: его участие в белом движении в качестве военного врача было кратковременным и не принципиальным. Ему надоели тревоги, опасности, он хочет покоя, потому чистый лист бумаги его притягивал как мощный магнит: он хочет покоя, чтобы писать. М. Булгаков стал работать заведующим сначала литературной, а впоследствии театральной секцией подотдела искусств наробраза. Заведовал подотделом искусств писатель Юрий Слезкин.

Владикавказ — город с добрыми литературными и театральными традициями. И не все успели убежать, опасаясь красных. А некоторые просто ждали их прихода. Так что ожили два театра, опера, цирк, по-новому стали работать клубы, устраивая концерты, спектакли самодеятельных коллективов.

4 мая 1920 года местный «Коммунист» дал информацию о первомайском митинге-концерте: «Как всегда, Юрий Слезкин талантливо читал свои политические сказочки: как всегда, поэт Щуклин прочел свою „Революцию“. В общем все артисты, все зрители и все ораторы были вполне довольны друг другом, не исключая и писателя Булгакова, который тоже был доволен удачно сказанным вступительным словом, где ему удалось избежать щекотливых разговоров о „политике“. Подотдел искусств определенно начинает подтягиваться».

В эти первые дни Советской власти во Владикавказе Булгаков брался за любую работу, какую только предоставлял «господин случай». («В общем, чего только не приходилось делать, особенно в эпохи, которые называют историческими...» — вспоминал позднее И. Эренбург.) Делился всем, что умел и что знал, горячо, активно, со всем жаром своей души отдавался он новому для него делу. Ничуть не приспосабливаясь ко вкусам тех, кто только приступал к освоению великой культуры прошлого, он говорил всегда то, что думал, что накопилось за годы самостоятельного чтения, за годы увлечения литературой и искусством. И все бы хорошо, если бы эта новая аудитория спокойно внимала умным речам и мыслям. Но жаждущая культуры молодежь, подстрекаемая «вождями» местного футуризма и пролеткульта, воинствующе диктовала свои мнения и суждения. Конфликт между Булгаковым и его единомышленниками и новым читателем и зрителем назревал...

29 июня 1920 года в Доме артиста, или Летнем театре, в девять часов вечера состоялся диспут на тему: «Пушкин и его творчество с революционной точки зрения». Сейчас почти невозможно восстановить все нюансы диспута, по материалам тех лет можно лишь пунктирно обозначить тезисы противоборствующих сторон. Если Астахов, в то время редактировавший газету «Коммунист», говорил: «И мы со спокойным сердцем бросаем в революционный огонь его полное собрание сочинений, уповая на то, что если там есть крупинки золота, то они не сгорят в общем костре с хламом, а останутся» (Коммунист, 1920, 3 июля), то Булгаков, естественно, говорил о великом значении Пушкина для развития русского общества, о революционности его духа, о связях его с декабристами, о новаторстве его как стихотворца и как великого гуманиста... «В истории каждой нации есть эпохи, когда в глубине народных масс происходят духовные изменения, определяющие движение на целые столетия. И в этих сложных процессах качественного обновления нации немалая роль

принадлежит искусству и литературе. Они становятся духовным катализатором, они помогают вызреть новому сознанию миллионов люден и поднимают их на свершение великих подвигов. Так было в разные эпохи истории Италии, Англии, Франции, Германии. Мы помним, какую блистательную роль сыграло творчество великих художников слова — Данте, Шекспира, Мольера, Виктора Гюго, Байрона, Гете, Гейне... Мы помним, что с „Марсельезой“ Руже де Лиля народ Франции вершил свои революционные подвиги, а в дни Парижской коммуны Эжен Потье создал „Интернационал“... Великие поэты и писатели потому и становятся бессмертными, что в их произведениях заложен мир идей, обновляющих духовную жизнь народа. Таким революционером духа русского народа был Пушкин...» — так говорил Булгаков на диспуте о Пушкине.

Через несколько дней после диспута, 10 июля 1920 года, в «Коммунисте» была опубликована статья М. Скромного «Покушение с негодными средствами», в которой резко осуждалась позиция Булгакова и Беме, осмелившихся выступить в защиту Пушкина. «Русская буржуазия, не сумев убедить рабочих языком оружия, вынуждена попытаться завоевать их оружием слова, — писал М. Скромный. — Объективно такой попыткой использовать „легальные“ возможности являются выступления гг. Булгакова и Беме на диспуте о Пушкине. Казалось бы, что общего с революцией у покойного поэта и у этих господ. Однако именно они и именно Пушкина как революционера и взялись защищать. Эти выступления, не прибавляя ничего к лаврам поэта, открывают только классовую природу защитников его революционности... Они вскрывают контрреволюционность этих защитников „революционности“ Пушкина... А потому наш совет гг. оппонентам при следующих выступлениях, для своих прогулок, подальше — от революции — выбрать закоулок».

Так Михаил Афанасьевич Булгаков попал под обстрел «критиков».

Вскоре, правда, Астахов, по словам Д. Гиреева, исследователя этого периода жизни и творчества Булгакова, был освобожден от обязанностей редактора решением Владикавказского ревкома «за допущенные ошибки», но Булгакову от этого стало ничуть не легче: его начали травить как заведующего театральной секцией подотдела искусств, не справляющегося с работой. Недостатков в работе, конечно, было много, их невозможно было устранить за два-три месяца, нужны были долгие годы по созданию национального театра Осетии. А деятели, подобные Астахову, требовали пролетарского искусства уже сейчас, сию минуту. Подотдел был подвергнут критике, созданная комиссия по проверке деятельности подотдела предложила реорганизовать его работу, изгнать из числа его сотрудников Слезкина и Булгакова как не проявивших достаточной пролетарской твердости, как «бывших», как «буржуазный элемент».

Три недели после этого Булгаков болел. Помогли супруги Пейзулаевы — не дали пропасть. Исхлопотали ордер на квартиру. А вскоре из Киева приехала измученная жена Татьяна Николаевна. «Через день переехали на Слепцовскую улицу. Из двух старых козел и досок смастерили широкую лежанку, фанерный ящик из-под папирос превратился в письменный стол. Пейзулаевы дали табуретки, старое кресло, матрац, кастрюли и посуду... Можно справлять новоселье...» — так описывает переезд в новую квартиру Д. Гиреев в книге «Михаил Булгаков на берегах Терека» (Орджоникидзе, 1980. С. 108).

После болезни Булгаков снова начинает свою просветительскую деятельность, выступает с лекциями, участвует в диспутах на различные темы, например такие, как «Любовь и смерть», участвует в вечерах, посвященных Пушкину, Гоголю, Чехову... Но за ним внимательно следили, и каждое его выступление попадало под обстрел «дебошира в поэзии», который, послушав Булгакова, тут же «летел с записной книжкой в редакцию». На четвертой полосе газеты появлялась рецензия: «Опять Пушкин!» И вечера запретили. «Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что же мы будем есть? Что есть-то будем?» — писал Булгаков в «Записках на манжетах», вспоминая этот период своей жизни во Владикавказе.

Здесь М. Булгаков начал писать для местного театра — нужны были революционные

спектакли. Так появляются пьесы «Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи», «Парижские коммунары». В письмах родным М. Булгаков подробно описывает свою жизнь во Владикавказе, свои первые литературные и театральные успехи, излагает свою литературную программу. 26 апреля 1921 года в письме к сестре Вере Булгаков доверительно сообщает, «как иногда мучительно» ему «приходится» в творческой работе, что творчество его «разделяется резко на две части: подлинное и вымученное», вымученное идет порой с успехом, а подлинное застревает в комиссиях.

Жизнь во Владикавказе была голодной, неустроенной, приходилось бороться за каждый «кусок» хлеба. Илья Эренбург вспоминал Владикавказ осенью 1920 года, когда он проездом останавливался в местной гостинице: «...все было загажено, поломано; стекол в окнах не было и нас обдувал холодный ветер. Город напоминал фронт. Обыватели шли на службу озабоченные, настороженные; они не понимали, что гражданская война идет к концу, и по привычке гадали, кто завтра ворвется в город» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книги первая и вторая, М., 1961, С. 520). А в 1921 году здесь побывал Серафимович и нарисовал еще более безотрадную картину: «На станции под Владикавказом валяются по платформе, по путям сыпные вперемежку с умирающими от голода. У кассы — длинный хвост, и все, кто в череду, шагают через труп сыпного, который уже много часов лежит на грязном полу вокзала.

Положение безвыходное: денег совершенно нет, койки сокращены до минимума. Жалкие крохи, какие имеются, недостаточны даже, чтобы мертвецов вывозить.

Рабочие заволновались. Они отрывали крохи от своего жалкого заработка и несли в помощь голодным. На собраниях требовали экстренного обложения буржуазии. И добились этого обложения. Были собраны крупные суммы, и началась борьба с голодом и эпидемией. Стали подбирать голодных, сыпных, стали кормить, лечить, одевать».

Вот на этом фоне и развивалась творческая деятельность Михаила Булгакова. А тут еще М. Вокс не пропускал ни одного случая, чтоб не «уколоть», используя для этого даже успешные постановки пьес Булгакова в местном театре.

Наиболее шумный успех выпал на долю пьесы «Сыновья муллы», поставленной первым советским театром к майским дням 1921 года.

Наступили трудные дни, полные противоречивых размышлений. По всему чувствовалось, что Владикавказ исчерпал себя. Булгаков давно подумывал оставить его. Но куда ехать? В Киев? В Москву? Эти вопросы вставали перед ним, но он никак не мог решиться... Семья разбросана по разным городам страны, сестры уехали из Киева, живут в Москве, Петербурге, братья покинули Россию с деникинцами...

Булгаков давно мечтал о Москве, твердо уверенный в том, что в столице не должно быть такого бедственного положения для писателя.

Однако Москва встретила его холодно.

17 ноября 1921 года Михаил Булгаков сообщает матери о том, какую «каторжно-рабочую жизнь» он ведет в Москве, где идет «бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни». Но через несколько месяцев дела стали налаживаться. 26 марта 1922 года в Берлине вышел первый номер газеты «Накануне», а в Москве создана московская редакция, которая должна была поставлять материалы о столице, Киеве, Петрограде и других городах Союза.

Эм. Миндлин, бывший в то время секретарем редакции «Накануне» в Москве, в книге «Необыкновенные собеседники» вспоминал о вхождении Булгакова в литературу: «Алексей Толстой жаловался, что Булгакова я шлю ему мало и редко.

„Шлите побольше Булгакова!“

Но я и так отправлял ему материалы Булгакова не реже одного раза в неделю. А бывало, и дважды... С „Накануне“ и началась слава Михаила Булгакова...» (М 1968. С. 115—120).

Желание Алексея Толстого — «Шлите побольше Булгакова!» — совпадало с намерениями самого Михаила Афанасьевича. И он писал... Материальное положение

несколько улучшилось, меньше стало беготни в поисках хлеба насущного, больше оставалось времени для творческой работы. Конечно, бытовые неурядицы по-прежнему отнимали много времени; не раз он в фельетонах пожалуется на своих соседей по квартире, которые бранятся между собой, варят самогон, пьют, но все эти «мелочи» отходят на «десятый» план, как только он закрывается в своей комнате и склоняется над чистым листом бумаги. Пред ним оживали картины недавнего прошлого, перед глазами вставали его родные и близкие, сестры, братья, друзья, с которыми ему довелось пережить почти два года гражданской войны в Киеве. Булгаков начал работать над романом, который вскоре получил название «Белая гвардия». Он уже написал «Записки на манжетах», где попытался рассказать самое интересное, что происходило с ним во Владикавказе и Москве, передать внутренние переживания русского интеллигента, попавшего в непривычное для него положение, когда нужно доказывать, что Пушкин — солнце русской поэзии.

Однако и в Москве развернулись настоящие бои вокруг все той же проблемы. Но в Москве и Петрограде возникают десятки частных и кооперативных издательств, в Берлине печатают его рассказы и фельетоны, очерки о Москве и Киеве...

«Я живая свидетельница того, с каким жадным интересом воспринимались корреспонденции Михаила Булгакова в Берлине, где издавалась сменовеховская газета „Накануне“. Это были вести из России, живой голос очевидца», — вспоминала много лет спустя Любовь Евгеньевна Белозерская.

В начале 1923 года Михаил Булгаков — уже признанный в Москве и Берлине писатель и журналист. Его печатают не только в «Накануне» и литературном приложении газеты, но и в других московских газетах и журналах. В письме к Юрию Слезкину он рассказывает о своих творческих планах, о тех затруднениях, которые уже беспокоят его в связи с готовящимся в Берлине выходом «Записок на манжетах». Но настоящие конфликты еще впереди, а пока Булгаков с оптимизмом всматривается в будущее страны, которая только что получила новое название — Советский Союз.

Читаешь его «Золотистый город», опубликованный в четырех номерах «Накануне» за сентябрь-октябрь 1923 года, и словно видишь живые, прекрасные картины новой жизни, создаваемой умом, сердцем, руками людей, объединенных в единый и могучий Союз и показавших всему миру свои немалые достижения в сельском хозяйстве.

Михаила Булгакова радует сельскохозяйственная выставка, возникшая в неслыханно короткие сроки. И с каким презрением описывает он нэпмана и его Манечку, гремящую и сверкающую «кольцами, браслетами, цепями и камеями»; эта пара враждебна той «буйной толчее», которая спешит на выставку. Нэпман бормочет:

— Черт их знает, действительно! На этом болоте лет пять надо было строить, а они в пять месяцев построили!

Булгаков бывает в павильонах, на площадях, где возникают митинги, и повсюду видит картины новой жизни, бодрых, жизнестойких людей. В Доме крестьянина он увидел театрализованное представление, в котором «умные клинобородые мужики в картузах и сапогах» осуждают одного глупого, «мочального и курносого, в лаптях», за то, что он бездумно, без всякого понятия «свел целый участок леса». Павильон Табакотреста, павильон текстильный, павильон Центросоюза — точные детали, подробности, живые сценки, густые толпы посетителей. Вот три японца подходят к алюминиевой птице, гидроплану, двое благополучно влезли и нырнули в кабину, а третий сорвался и шлепнулся в воду. «В первый раз в жизни был свидетелем молчания московской толпы. Никто даже не хихикнул.

— Не везет японцам в последнее время».

Булгаков присутствует на диспуте на тему «Трактор и электрификация в сельском хозяйстве», слушает профессора-агронома, доказывавшего, что нищему крестьянскому хозяйству трактор не нужен, «он ляжет тяжелым бременем на крестьянина». Ему возражает «возбужденный оратор» в солдатской шинелишке и картузе:

— ...Профессор говорит, что нам, мол, трактор не нужен. Что это обозначает, товарищи? Это означает, товарищи, что профессор наш спит. Он нас на старое хочет

повернуть, а мы старого не хотим. Мы голые и босые победили наших врагов, а теперь, когда мы хотим строить, нам говорят ученые — не надо? Ковыряй, стало быть, землю лопатой? Не будет этого, товарищи («Браво! Правильно!»).

«И в заключительном слове председатель страстно говорит о фантазерах и утверждает, что народ, претворивший не одну уже фантазию в действительность в последние 5 изумительных лет, не остановится перед последней фантазией о машине. И добьется.

— А он не фантазер?

И рукой невольно указывает туда, где в сумеречном цветнике на щите стоит огромный Ленин».

Конечно, Булгаков видел не только эти радостные, оптимистические картины. Он видел не только творцов новой жизни, «клинобородых мужиков, армейцев в шлемах, пионеров в красных галстуках, с голыми коленями, женщин в платочках..., московских рабочих в картузах», но и тех, кто все еще исподтишка шипел при виде этого изобилия и буйных красок жизни.

«Даму отрезало рекой от театра. Она шепчет:

— Не выставка, а черт знает что! От пролетариата прохода нет. Видеть больше не могу!

Пиджак отзывается сиплым шепотом:

— Н-да, трудновато.

И их начинает вертеть в водовороте».

Нет сомнений в том, что сам Булгаков — с клинобородыми мужиками и московскими рабочими в картузах, с «возбужденным оратором» в солдатской шинелишке, с народом, который гулом одобрения встречает каждое упоминание об Ильиче, с теми, кто совершает «непрерывное паломничество» к знаменитому на всю Москву цветочному портрету Ленина: «Вертикально поставленный, чуть наклонный двускатный щит, обложенный землей, и на одном скате с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок из его речи».

А перед этим Булгаков описал свои впечатления от посещения павильона кустарных промыслов, где увидел «маленький бюст Троцкого» из мамонтовой кости. «И всюду Троцкий, Троцкий, Троцкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий».

Не это ли сопоставление громадного Ленина с маленьким Троцким вызвало гнев одного из популярных руководителей страны того времени?

Заканчиваются эти очерки о Золотистом городе описанием игры десяти клинобородых владимирских рожечников, исполнявших русские народные песни на самодельных деревянных дудках: «То стонут, то заливаются дудки, и невольно встают перед глазами туманные поля, избы с лучинами, тихие заводи, сосновые суровые леса. И на душе не то печаль от этих дудок, не то какая-то неясная надежда...»

Нет никакого сомнения в том, что Булгаков с теми, кто строит новую жизнь, с теми, кто мечтает о машинах на крестьянских полях, кто борется за сохранение лесов, за установление порядка и справедливости в стране.

В предисловии к «Золотым документам», опубликованным в «Накануне» 6 апреля 1924 года, Булгаков писал: «Когда описываешь советский быт, товарищи писатели земли русской, а в особенности заграничной, не нужно врать. Чтобы не врать, лучше всего пользоваться подлинными документами».

М. Булгаков и стремился в своих очерках, рассказах, зарисовках к правдивому изображению советского быта, радовался тому, как возникал новый порядок в различных сферах новой жизни, но и бичевал недостатки, беспорядок, бесхозяйственность, очковтирательство, бичевал тех, кто устраивал в квартире «самогонное озеро», кто пил «чашу жизни»...

Он мечтал увидеть свою родину такой, где человек человеку друг и брат, где никто никого не унижает, где царствует равенство, социальная справедливость и братство. Но Булгаков жил в стране, все еще охваченной пламенем революционной гражданской войны. Шла коллективизация, индустриализация, много возникало тяжелейших, трагических

конфликтов на этом пути. Гибли тысячи людей, ломались судьбы, шла борьба за выживание вообще. И в этот период нашей истории — столько исковерканных писательских судеб, столько запрещенных рукописей и спектаклей... Лишь немногим удалось победить в этой борьбе. Михаил Шолохов сумел отстоять свой «Тихий Дон» от попыток загубить его на «корню». Михаил Булгаков сражался за право быть таким, каким он был...

Быть может, самыми тяжелыми были для Михаила Афанасьевича последние годы жизни. Несколько лет готовился во МХАТе спектакль по пьесе «Кабала святош», и в течение этих нескольких лет автор по настоянию театра переделывал то одну, то другую сцены. За всем этим внимательно следили недруги талантливого драматурга. И как только «Мольер» вышел на публику, встретившую новую постановку радостно и бурно, сразу же появились в печати раздраженные рецензии, а «Правда» просто учинила разгром спектакля, опубликовав статью под названием «Внешний блеск и фальшивое содержание». 9 марта 1936 года, как только прочитали статью, — свидетельствует Елена Сергеевна Булгакова в своем «Дневнике», — Михаил Афанасьевич сказал: «„Мольеру“ и „Ивану Васильевичу“ конец». Днем пошли в театр. «„Мольера“ сняли», — записывает Е.С. Булгакова.

А между тем ничто не предвещало столь печальной участи спектакля, принятого самым широким зрителем. В «Дневнике» Е.С. Булгакова в радостных тонах описывает зрительский успех спектакля. Вот, в частности, запись от 9 февраля 1936 года: «Опять успех, и большой. Занавес давали раз двадцать. Американцам, которых Миша пригласил, страшно понравился спектакль. Они долго благодарили и восхищались.

Акулов (секретарь ЦК ВКП(б). — *В. П.*) говорил, что спектакль превосходен, но вот подходит ли... для советского зрителя? Советовал выбросить сцену о монашке». 24 февраля: «В Мхатовской газете „Горьковец“ скверные отзывы Афиногенова, Всеволода Иванова и Олеши. Грибков в отзыве пишет, что пьеса лишняя на советской сцене.

Участь Миши мне ясна, он будет одинок и затравлен до конца своих дней.

Спектакль имеет оглушительный успех. Сегодня бесчисленно давали занавес».

В дневниковых записях от 11 и 16 февраля Елена Сергеевна снова и снова радовалась успеху спектакля, показанному студенческой молодежи и «знатным людям», среди которых она называет Акулова, Боярского, Керженцева, Литвинова, Межлаука, Могильного, Рыкова, Гая, — «...вся публика была очень квалифицированная, масса профессоров, докторов, актеров, писателей. Успех громадный. Занавес давали опять не то 21, не то 23 раза. Очень вызывали автора». Но вместе с тем Елена Сергеевна обратила внимание на Афиногенова, смотревшего спектакль с «загадочным лицом», правда, он «много и долго аплодировал», но это не помешало ему дать в «Горьковец» «скверный отзыв» о пьесе. «Олеша сказал в антракте какую-то неприятную глупость про пьесу», — так непросто складывалось общественное мнение о «Мольере» М. Булгакова. «Ставлю большой черный крест»... — записала 9 марта 1936 года Елена Сергеевна, как только прочитали вместе с Михаилом Афанасьевичем статью в «Правде».

После снятия «Мольера» М.А. Булгаков решил порвать со МХАТом, и осенью 1936 года перешел в Большой театр в качестве консультанта-либреттиста. Так возникли либретто «Петр Великий», «Черное море», «Минин и Пожарский», «Рашель», переписка с Асафьевым, Дунаевским.

И жизнь продолжалась, «в труднейших и неприятнейших хлопотах». «Многие мне говорили, что 1936-й год потому, мол, плох для меня, что он високосный, — такая есть примета. Уверяю тебя, — писал Булгаков Попову, — что эта примета липовая. Теперь я вижу, что в отношении меня 37-й не уступает своему предшественнику...»

Записи в «Дневнике» Елены Сергеевны помогают понять, что это за труднейшие и неприятнейшие хлопоты: МХАТ потребовал выплаченные деньги за «Бег», а в доме — ни копейки. Почти одновременно с этим начались аресты, погромы в газетах неугодных лиц. Сложные и противоречивые чувства возникают у Булгаковых по этому поводу: «21 апреля 1937 года. Слух о том, что с Киршоном и Афиногеновым что-то неладное. Говорят, что

арестован Авербах. Неужели пришла Немезида и для Киршона?» 23 апреля. «Да, пришло возмездие. В газетах очень дурно о Киршоне и об Афиногенове, и „Большой день“ уже признается плохой пьесой». 25 апреля. «...Есть слух, что арестован Крючков, бывший секретарь Горького. Что натворил Крючков — не знаю, но сегодня он называется в „Вечерней“ „грязным дельцом“». 27 апреля. «Шли по Газетному, Олеша догоняет. Уговаривал Мишу идти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня и на котором будут расправляться с Киршоном. Уговаривал М.А. выступить и сказать, что Киршон был главным организатором травли М.А. Это, вообще, правда, но, конечно, М.А. и не думает выступать с этим заявлением. Киршон ухитрился вызвать всеобщую ненависть к себе и, главным образом, своей неслыханной наглостью.

Вечером на „Онегине“. Очень люблю Кругликову в Татьяне».

5 июня. Е.С. Булгакова с радостью узнала, что Литовский уволен с поста Председателя Главреперткома: «Литовский — один из самых гнусных гадин, каких я только знала по литературной Мишиной жизни». 11 июня — запись о предании суду Тухачевского, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны и Якира «по делу об измене Родине».

17 июня 1937 года М. Булгаков читал главы из романа «Консультант с копытом» (первоначальное название романа «Мастер и Маргарита») художнику Вильямсу и его жене. 22 июня вечером «зашел Федя М. 1 На днях уезжает в Париж. Поездку считает трудной, ответственной. Ну, конечно, разговор перебросился на Мишины дела. Все тот же лейтмотив — он должен писать, не унывать. Миша сказал, что он чувствует себя, как утонувший человек — лежит на берегу, волны перекатываются через него. Федя яростно протестовал». «...Некоторые знакомые передавали угрозы властей — снимут „Турбиных“, если М.А. не напишет агитационной пьесы. А М.А. на это сказал: „Ну, я люстру продам“»...

25 июня. «...М. А. возится с луной, смотрит на нее целыми вечерами в бинокль — для романа. Сейчас полнолуние».

2 июля Елена Сергеевна записала, что вновь приходил художник Дмитриев, который рассказывал, «что они очень много говорили с Асафьевым об М.А., о том, что М.А. необычайно высоко стоит в моральном отношении; как забавно говорит Дмитриев, другого такого порядочного человека они не знают».

«Дневник» пестрит записями о купаниях в Серебряном бору, о веселых ужинах и беседах, о поездках на дачу... И вновь в эти благополучные записи врывается тревога. 20 августа 1937 года: «...После звонка телефонного — Добраницкий 2. Оказывается, арестован Ангаров 3.

По Мишиному мнению, он сыграл тяжкую роль в деле „Ивана Васильевича“ и вообще в последних литературных делах Миши, в частности в „Минине“. Добраницкий упорно предсказывает, что дальше в литературной судьбе М.А. будут изменения к лучшему, и так же упорно М.А. этому не верит.

Добраницкий задал такой вопрос: „...а вы жалеете, что в Вашем разговоре 30-го года Вы не сказали, что хотите уехать?“

М.А. ответил: „...это я Вас хочу спросить, жалеть ли мне или нет. Если Вы говорите, что писатели немеют на чужбине, то мне не все ли равно, где быть немым — на родине или на чужбине“».

Из записей этого времени, как видит читатель, становится ясно, что тогда Михаил Афанасьевич упорно работал над своим фантастическим романом, который, как и прежде, Елена Сергеевна называет «Консультант с копытом». Читает готовые главы, целыми вечерами рассматривает в бинокль луну, стараясь разгадать тайны ее огромного притяжения...

...3 мая 1938 года Елена Сергеевна записала: «Ангарский 4 пришел вчера и с места заявил — „не согласитесь ли написать авантюрный советский роман? Массовый тираж, переведу на все языки, денег тьма, валюта, хотите, сейчас чек дам — аванс?“

Миша отказался, сказал — это не могу.

После уговоров Ангарский попросил М.А. читать его роман („Мастер и Маргарита“). М.А. прочитал 3 первых главы.

Ангарский сразу сказал — „а это напечатать нельзя.

— Почему?

— Нельзя...“»

Думается, с особым интересом читатели прочтут письма М.А. Булгакова Елене Сергеевне.

Случилось так, что Елена Сергеевна, измотанная московским бытом, житейскими неурядицами, а главное — литературными неудачами Михаила Афанасьевича (в пьесе Булгакова «Последние дни» Битков сокрушается о судьбе Пушкина: «...но не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо попал, не туда, не те, не такие...»), пришла к выводу, что ей необходим отдых, и 26 мая 1938 года на все лето уехала в Лебедянь.

В своих письмах Елене Сергеевне М.А. Булгаков чуть ли не ежедневно давал полный отчет о прожитом дне. Из них читатели узнают много подробностей о его тогдашней жизни, описание встреч, разговоров, размышлений о себе и о других, узнают, что он работает по многу часов подряд, что «остановка переписки — гроб», «роман нужно окончить!». И наконец, 15 июня Булгаков, утомленный изнурительной работой днем и ночью, сообщает Елене Сергеевне: «Передо мной 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится... „Что будет?“ — ты спрашиваешь. Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или шкаф... Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.

Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому не известно».

В это лето Булгаков закончил роман «Мастер и Маргарита» и взялся за инсценировку «Дон Кихота» Сервантеса. Но и с постановкой «Дон Кихота» возникли непредвиденные трудности и осложнения.

Вот запись в «Дневнике» Е. С. Булгаковой от 4 октября 1938 года:

«...Настроение у меня сегодня убийственное, и Миша проснулся — с таким же. Все это, конечно, естественно, нельзя жить не видя результатов своей работы. В тот же день зашли в дирекцию Большого театра. Яков Леонтьевич 5 „как всегда очаровательный“, неожиданно попросил Мишу помочь ему — написать адрес МХАТу от Большого театра. Миша сказал: „Яков Леонтьевич! Хотите, я Вам напишу адрес Вашему несгораемому шкафу?

Но МХАТу — зарежьте меня — не могу — не найду слов...“»

А 4 апреля 1939 года позвонил критик Долгополов, долго расспрашивал Михаила Афанасьевича о содержании либретто оперы «Рашель», по рассказу Мопассана «Мадемуазель Фифи», а потом сообщил о заседании Художественного совета при Всесоюзном Комитете по делам искусств, на котором выступил Немирович-Данченко. По словам Долгополова, Немирович-Данченко говорил о Булгакове как самом талантливом драматурге. И Елена Сергеевна записала: «...Сказал — вот почему Вы все про него забыли, почему не используете такого талантливого драматурга, какой у нас есть, — Булгакова? Голос из собравшихся (не знаю, кто, но постараюсь непременно узнать): „Он не наш“.

Немирович: „Откуда вы знаете? Что вы читали из его произведений, знаете ли вы „Мольера“? „Пушкина“? Он написал замечательные пьесы, а они не идут. Над „Мольером“ я работал, эта пьеса шла бы и сейчас. Если в ней что-нибудь надо было, по мнению критики, изменить — это одно. Но почему снять!“

В общем, он очень долго говорил и, как сказал Долгополов, все ему в рот смотрели и он боится, что стенографистка, тоже смотревшая в рот, пропустила что-нибудь из его речи.

Обещал достать стенограмму.

Вечером разговор с Мишей о Немировиче и об этом „он не наш“: я считаю полезной речь Немировича, а Миша говорит, что лучше бы он не произносил этой речи и что возглас этот дороже обойдется, чем сама речь, которую Немирович произнес через три года после

разгрома.»

«Да и кому он ее говорит и зачем. Если он считает хорошей пьесой „Пушкина“, то почему же он не репетирует ее, выхлопотав, конечно, для этого разрешения наверху».

Эти свидетельства Елены Сергеевны бесценны... Сколько ж нужно было мужества, гражданского бесстрашия и просто порядочности устоять и не написать «агитационной пьесы», чтобы вернуться в «писательское лоно». М. Булгаков написал «Батум» — пьесу о молодом Сталине. Пьеса понравилась мхатовцам, Хмелев мечтал сыграть роль Сталина, Немирович высказал свое мнение о пьесе как об «обаятельной, умной», говорил о «виртуозном знании сцены», о «потрясающем драматурге» — Булгакове. Но пьеса получила наверху резко отрицательный отзыв: «Нельзя такое лицо, как И. В. Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать». Кроме того, со слов режиссера Сахновского, позвонившего Булгаковым по телефону, «наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым, как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе». Чувствуется по всему, что эта догадка «верхов» особенно возмутила Булгаковых, и Елена Сергеевна записала: «Это такое же бездоказательное обвинение, как бездоказательно оправдание. Как можно доказать, что никакого моста М.А. не думал перебрасывать, а просто хотел, как драматург, написать пьесу, интересную для него по материалу, с героем, — и чтобы пьеса эта не лежала в письменном столе, а шла на сцене?!»

Без малого тридцать лет жизни Михаила Афанасьевича Булгакова пройдут перед глазами читателей «Писем». То в кратких, как телеграммы, то в пространных и неторопливых, как философская беседа, строчках зафиксированы факты его биографии, его настроение, чувства, его размышления о текущих событиях Времени. В редкие минуты радости, а чаще в минуты отчаяния и тревоги, Булгаков сообщает о своих переживаниях и надеждах.

Но есть еще один вопрос, который встает перед нами, читая эти письма, дневники, воспоминания близких, друзей, знакомых, вопрос, на который трудно ответить... Каждая человеческая жизнь таит в себе столько тайн, загадок... Под каждой могильной плитой, сказал один классик, похоронен целый мир, глубокий и таинственный. Что уж говорить о таких выдающихся личностях, как Булгаков...

По воспоминаниям, письмам, дневниковым записям можно догадаться, что Булгаков был неравнодушен к женщинам, — особенно красивым, добрым, обаятельным.. И действительно Булгаков много раз влюблялся, увлекался, трижды женился.

«Ты для меня все...» — эти слова Михаила Афанасьевича приводит Елена Сергеевна Булгакова в «Последних записях» недавно изданного ее «Дневника» (Книга, 1990). «Ты заменила весь земной шар...» — продолжил он свое признание.. И действительно о прекрасных отношениях Елены Сергеевны и Михаила Афанасьевича оставлено много свидетельств.

Но впервые эти слова: «Ты для меня все...» Михаил Булгаков произнес Татьяне Николаевне Лаппа, с которой познакомился в 1908 году, не мог без нее и дня, как говорится, прожить, а в апреле 1913 года, вопреки родительской воли, обвенчался... «В Киеве я поступила на Историко-филологические курсы на романо-германское отделение, но некогда было учиться — все гуляли... Ходили в театр, „Фауста“ слушали, наверно, раз десять... Его мать вызывала меня к себе — „Не женитесь, ему рано“... Но мы все же повенчались» — так рассказывает 90-летняя Т.Н. Кисельгоф о своих годах молодости с М.А. Булгаковым /См.: «Воспоминания о Михаиле Булгакове» Литературная запись М.О. Чудаковой, с. III/. Возможно, Тасе он говорил другие, слова, не такие выспренные, годы стерли детали и подробности первой любви, но ясно, что Михаил Булгаков был по-настоящему влюблен в нее, красивую, добрую, обаятельную...

Любовь Евгеньевна Булгакова-Белозерская тоже в преклонные годы написала свои

«Воспоминания» («Художественная литература», 1990), в которых рассказала о своих отношениях с Михаилом Афанасьевичем. А опубликованный «Дневник Елены Булгаковой» просто свидетельствуют о его отношении к своей третьей жене, ей он говорил: «Ты для меня все...»

И вот три прекрасные женщины, каждая по своему, рассказывают о совместной жизни с замечательным человеком — как писал, как работал, кто звонил и приходил, что говорил и что переживал, куда ходили и что смотрели, что запомнилось и что невозможно восстановить... И перед нами оживает Михаил Булгаков, со своими духовными взлетами, переживаниями, чувствами, страстями, слабостями и болями.

«Ты для меня все...» — эти слова сказаны за неделю до смерти. А, может, чуть раньше, но уже зная о своей неотвратимой участи, высказал пожелание, чтобы в его последние часы навестила его Татьяна Николаевна, его Тася, его первая любовь, навестила, чтобы попросить у нее прощения за то, что так жестоко и бездумно бросил ее шестнадцать лет тому назад, ее, с которой прожил он самые тяжкие годы — война, лазареты, село Никольское, такая глухомань, что волки выли под окнами, революция, мартовская и октябрьская, Владикавказ, когда страшно было выходить на улицу, Тифлис, Батум, где чуть ли не умирали с голоду, а чтобы не умереть, она продавала драгоценности, подаренные ей некогда отцом, наконец — Москва 1921 года, холодная, голодная, жуткое безденежье и бездомье...

И вот однажды весной 1924 года, когда его стали бурно печатать, появились фельетоны, рассказы, написана «Дьяволиада» и роман «Белая гвардия» почти закончен, когда он вошел в литературную московскую среду, он приходит к своей несравненной Тасе, безропотно, повторяю, принимавшей все лишения и отрубавшая по кусочку от золотой цепочки, чтобы продать, купить что-нибудь на базаре и не умереть с голода вместе со своим любимым, который в Батуми ничего не зарабатывал.

Приходит он не один, как говорится, а с бутылкой шампанского, и говорит: «Тася, я ухожу от тебя, давай выпьем по бокалу на прощание...» Так или не так, как рассказывают было расставание, но он действительно ушел к Любови Евгеньевне Белозерской, красивой, элегантной, образованной, знающей языки, закончившей в прошлом балетное училище, прошедшей в недалеком прошлом все круги эмигрантской жизни, а главное — свободной: она только что рассталась с Василевским /Не-Буквой/, превосходным фельетонистом, но очень ревнивым и на тринадцать лет ее старше.

Представьте себе чувства, мысли, переживания Таси, узнавшей от любимого эту новость. Невозможно измерить глубину ее несчастья... Воображение каждому, особенно читательнице, подскажет, какие чувства испытывала Татьяна Николаевна. Ведь чуть больше десяти лет тому назад Миша, ее любимый, говорил ей слова любви, говорил: «Ты все для меня». И она поверила ему, да и как не поверить, сама, безумно влюбленная в него, ждала этих слов, и он так был искренен, так пылок; так прекрасно провели они время до свадьбы, которой все взрослые противились, но они, юные влюбленные, победили, еще раз доказав — в какой уж раз на белом свете! — любовь непобедима.

В рассказах Татьяны Николаевной Кисельгоф /по мужу после М.А. Булгакова/, записанных М. Чудаковой, подробно говорится о «Днях молодости», когда молодой Булгаков совершенно потерял голову от Таси, а она действительно хороша, что это и не удивительно: широко известен ее портрет той поры — прекрасное юное лицо, пышные роскошные волосы, сочные губы, не тронутые помадой и чистые девичьей чистотой глаза.

И она рвалась из Саратова в Киев, а он, если она не приезжала — что-то придумывал, чтобы сбежать в Саратов. Помните: «В Киеве я поступила на Историко-филологические курсы, на романо-германское отделение, но некогда было учиться, все гуляли. Ходили в театр, „Фауста“ слушали, наверно, раз десять. Его мать вызывала меня к себе — „Не женитесь, ему рано“. Но мы все же повенчались — в апреле 1913-го.

Чем жили? Отец присылал мне деньги, а Михаил давал уроки. Мы все сразу тратили. Киев тогда был веселый город, кафе прямо на улицах, открытые, много людей. Мы ходили в кафе на углу Фундуклеевской, в ресторан „Ротце“. Вообще к деньгам он так относился: если

есть деньги — надо их сразу использовать. Если последний рубль и стоит тут лихач — сядем и поедем! Или один скажет: „Так хочется прокатиться на авто!“ — тут и другой говорит: „Так в чем дело — давай поедем!“ Мать ругала за легкомыслие. Придем к ней обедать, она видит — ни колец, ни цепи моей. „Ну, значит все в ломбарде!“ Зато мы никому не должны. Как-то пошли в ресторан вместе с одним врачом, — вышли — нищенка, Михаил протянул руку за портмоне, оно осталось в ресторане, вернулись, нам тут же отдали. Да, он всегда подавал нищим, вообще совсем не был скупым, деньги никогда не прятал, приносил, тут же все отдавал, правда, потом сам же забирал». (См. «Воспоминания о Михаиле Булгакове», М. СП. 1988).

Разве это не ценные свидетельства для понимания характера молодого Булгакова: это потом будет преследовать его всю жизнь: есть деньги — закатывает банкет на персон сорок; а если нет, то пишет очередную заявку на новую пьесу, авось получит аванс.

А сколько драгоценных свидетельств о жизни в селе Никольском, о первых шагах Булгакова как сельского врача. Вскоре после их приезда «привезли роженицу. Я пошла в больницу вместе с Михаилом. Роженица была в операционной, конечно, страшные боли; ребенок шел неправильно. И я искала в учебнике медицинском нужные места, а Михаил отходил от нее, смотрел, говорил мне, что искать. Потом, в следующие дни стали приезжать больные, сначала немного, потом до ста человек в день. Мне было там тяжело, одиноко, я часто плакала».

Читатели «Записок юного врача» вспомнят, что этот эпизод рассказан автором чуть-чуть по-другому: будто он сам бегал в другую комнату, искал страницы, а потом уж делал, как рекомендовали в учебнике. Так что Тася, Татьяна Николаевна, всегда была рядом с ним в самые тяжкие минуты его жизни.

С Татьяной Николаевной мне не довелось повидаться, а вот с Еленой Сергеевной Булгаковой и Любовью Евгеньевной Белозерской был знаком, бывал у них, и они мне многое открыли в судьбе полюбившегося писателя.

Прямо скажу, что вышедшая книга «Дневник Елены Булгаковой», вызвала у меня противоречивые чувства: с одной стороны, хорошо, что появилась еще одна работа, казалось бы, очень серьезная и глубокая информация, полученная нами из первых рук, записи о событиях в жизни Михаила Афанасьевича по «горячим следам», в тот же или на следующий день; а с другой — мы получаем «Дневник», отредактированный Еленой Сергеевной много лет спустя, а это, что значит свидетельство утрачивает свою «первозданность», непосредственность чувств, переживаний и пр. и пр.

И читая «Дневник», невольно сверяешь с подлинником, который, хранится в ОР РГБ, и удивляешься решению Виктора Лосева опубликовать именно эту редакцию «Дневников», есть же настоящие «Дневники», подлинные, а не отредактированные.

А эти «Дневники» меня привлекали очень давно, около двадцати пяти лет тому назад, когда я только-только приступил к изучение творчества и биографии Михаила Булгакова. Узнал от О.Н. Михайлова, у которого чудом сохранились первые публикации Михаила Афанасьевича, что Елена Сергеевна в добром здравии и принимает. Но я все оттягивал время, чтобы побольше накопить материала для вопросов, хотелось, конечно, произвести впечатление своими познаниями и т.д.

И пришел день, когда Олег Михайлов повел меня к Елене Сергеевне. Приняла она нас просто хорошо, посидели, поговорили о том—о сем, в первую очередь о Михаиле Афанасьевиче Булгакове. А потом...

Олег Николаевич Михайлов принес журнал «Сибирские огни», в котором была помещена его рецензия на «Избранную прозу» Михаила Булгакова, вышедшую в издательстве «Художественная литература» в 1966 году. Надо было видеть Елену Сергеевну в этот момент... Как она волновалась. Она готова была тут же раскрыть журнал и прочитать эту коротенькую рецензию, а что там сказано? Но, помню, сдержалась: знала — Олег Николаевич ничего дурного сказать о Булгакове не может. Долго мы просидели у Елены

Сергеевны, разговаривали.

В то время я уже работал над биографией М.А. Булгакова, работал в архивах, в частности в ЦГАЛИ, в архиве ИМЛИ... Стали появляться в нашей печати воспоминания о М.А. Булгакове. Не раз я в это время бывал у Е.С. Булгаковой.

Почти одновременно были напечатаны воспоминания С. Ермолинского и Эм. Миндлина о Булгакове, в которых много было любопытного, но много было и отсебятины.

Я сказал Елене Сергеевне о своем отношении к этим публикациям.

— Ермолинский приносил мне свои воспоминания в рукописи. Я прочитала. «Сережа, — говорю ему. — Ну как же ты мог написать такое? Ведь ты все это придумал. Разве ты можешь спустя двадцать семь лет вспомнить, какие слова говорил в то время Миша. Не мог он так сказать. Это ты мог так сказать, а не он. Может он так и думал, но такими словами он не мог говорить. Я в своем дневнике записывала все, что он говорил, в тот же день записывала. Я отвечаю за все, что там написано. Две, три фразы из всего, что он говорил, но это его слова...» После этого он многое вымарал, но многое осталось.

— А вы помните, Елена Сергеевна, выступление Михаила Афанасьевича в театре Мейерхольда,о котором Ермолинский и Миндлин столь противоречиво рассказывают?

— Нет, я не была тогда знакома с Мишей, но у Ермолинского Михаил Булгаков уж очень истеричный, размахивает руками, выкрикивает. Этого не могло быть. Миша был не такой. Он был очень сдержанным, корректным, не мог он так выступать. Миндлин более спокойно описывает это событие.

— А вы знаете, Елена Сергеевна, что они оба врут. Сохранилась стенограмма обсуждения и полная речь Михаила Афанасьевича...

— Да что вы говорите? Неужели?! Виктор Васильевич, дайте я вас поцелую. Вы принесли мне такую радость! Как они будут обескуражены...

Все это я записал по горячим следам событий, сразу же после того, как мы распрощались, на лесенке, за дверью ее квартиры.

В другой раз я записал рассказ Елены Сергеевны о том, как с выставки, организованной в ЦДЛ, украли «Дьяволиаду», подаренную ей Михаилом Афанасьевичем.

— В 1929 году, когда только что познакомилась с Михаилом Афанасьевичем, я уехала в Кисловодск. Туда он мне прислал письмо, в котором писал, что, когда я приеду, меня будет ждать подарок. И, когда мы встретились в Москве, действительно меня ждал подарок — вот эта книга и зеленая ученическая тетрадка, в которой было описано, как рождались его пьесы и романы, многое из этой тетради вошло в «Театральный роман». И вот эту книгу украли с выставки, которую организовали в ЦДЛ в марте 1965 года, в день 25-летия со дня смерти Михаила Афанасьевича. Надпись на этой книге: «Моему тайному другу, ставшему явным, моей жене Елене. М. Булгаков.»

Как мучалась, узнав о пропаже, всю ночь ходила по комнате, а утром, часов в 8, пришла в ЦДЛ, ждала Уманскую, хотя и понимала, что самое страшное, что могло случиться, случилось... Да, книгу украли...

И вот ровно через два года звонит один знакомый:

— Вы помните, у вас украли книгу с выставки?

Еще бы я не помнила!

— Так вот, человек, укравший книгу, стоит рядом со мной, он обещает привезти ее вам завтра.

— До завтра я не доживу, если он не привезет ее сейчас же. И слышу в трубку: «Она до завтра не доживет». И слышу другой голос: «Если вы требуете сегодня, то привезу сегодня».

— Я не требую, я прошу вас, умоляю, что хотите отдам вам, лишь привезите ...

И вот через час приходит мой знакомый с вином, фруктами, а позади него вижу небольшого человечка с книжкой в руках. Я сразу оттеснила моего знакомого и бросилась к тому, второму. Да, это моя книга, самое дорогое, что у меня осталось от Михаила Афанасьевича.

— Что вы хотите за эту книгу? — лихорадочно спросила я. — И вы понимаете, Виктор

Васильевич, у человека ни стыда ни совести не было. Спокоен, деловит: «Дайте мне сборник „Избранная проза“». Я тут же ему принесла, и он ушел. Я могла бы узнать, кто он, но было слишком гадливо, омерзительный тип... У меня в это время находился мой знакомый, высокий, сильный мужчина. Он все порывался побить его, но я его уговаривала: все-таки он возвратил мне мою радость...

Однажды я пришел к Елене Сергеевне после «Мольера», поставленного театром Ленинского комсомола. И, естественно, разговор зашел об этом спектакле. Много интересного рассказала Елена Сергеевна и в этот вечер. Но записать я смог только ее рассказ о Москвине:

— Мольера должен был играть Москвин. И начал уже репетировать, но однажды пришел к нам необычайно взволнованный, ушли в другую комнату и долго там говорили с Мишей. Потом уже Миша мне рассказывал, почему Москвин отказался от роли, у него был такой же разрыв с семьей, он расставался с Татьяной Михайловной, матерью его сыновей, и была любовь с Аллой Тарасовой. «Вообразите, я говорю на публике монолог Мольера, уговариваю Мадлену оставить надежду, объясняюсь в любви к Арманде, ведь это все и со мной случилось... И когда я все это начинаю излагать, я словно раздеваюсь на сцене. Не могу. Ведь все же об этом знают. И об Алле, и о моем уходе из семьи...» А Станицын не мог сыграть так, как было задумано. Уж не говорю о современных исполнителях роли Мольера

А самое грустное, что я увидел у Елены Сергеевны, — это 11-й и 1-й номера журнала «Москва» с «Мастером». Одна старая почитательница М. Булгакова проделала колоссальную работу — восстановила все места, которые были выброшены из опубликованного текста, аккуратно подклеив их туда, где они должны были быть. Страшная картина... Мы видели израненных людей, разрушенные дома, сожженные села, опоганенные храмы, но видеть столь израненную книгу, роман, приходилось впервые, хотя к тому времени я уже много лет проработал в издательстве «Советский писатель», и много книг, рукописей прошло через мои руки. Целые куски, и сочные куски, были изъяты из рукописи... И тут Елена Сергеевна рассказала о своей клятве, которую она дала умирающему Михаилу Афанасьевичу.

— За пять дней до смерти я заметила, что Михаил Афанасьевич очень забеспокоился. Я спрашиваю его: «Пить?». Нет, замотал головой, «Сережу?» Тоже нет. «Мастер?» И я поняла, что его беспокоит, И тогда я ему сказала; «Клянусь, буду жить до тех пор, пока роман не будет издан полностью...» И можете себе представить мое волнение, беспокойство, когда я передала К. Симонову рукопись. Он прочитал и с восторгом говорил о романе. У меня появилась надежда. Но как я ни боролась, пришлось пойти на уступки. Причем мне совершенно непонятны требования редакции, ее мотивы. Все равно же все осталось, замысел, идеи, только испортили стиль, изранили тело, но ведь дух-то остался. Сейчас ведем переговоры с Гослитом об издании полного «Мастера»

Елена Сергеевна не дожила до «полного» «Мастера и Маргариты» — в России роман вышел в 1973 году — но полного «Мастера» она мне показывала на французском, немецком, английском, чешском. Так что эта героическая женщина сдержала свою клятву.

Сколько раз я был у Елены Сергеевны? Не знаю... К сожалению, я не все записывал после наших встреч. Помню, конечно, как она внимательно следила за моей работой над статьей «М.А. Булгаков и „Дни Турбиных“». Она предоставила мне выписки из своего дневника, касающиеся пьесы «Батум». Да и вообще она очень ждала этой публикации — ведь был март 1969 года, отношение к Булгакову было противоречивым.

Помню, как я принес журнал «Огонек» с публикацией этой статьи. Елена Сергеевна порадовалась вместе со мной: она-то хорошо знала от меня, что статья несколько раз «слетала» со страниц «Огонька» и мне приходилось дважды бывать по этому поводу в ЦК КПСС, доказывать, убеждать, спорить... Как раз в тот момент, когда мы радовались публикации, раздался телефонный звонок. Елена Сергеевна подошла к аппарату. Звонил В. Каверин. Я стал невольным свидетелем разговора. Обычно стараешься не прислушиваться к телефонным разговорам, мало ли какие тайны можешь узнать... Но тут дверь открыта: чувствовалось, разговор шел о статье, к тому же В. Каверин упрекал Елену Сергеевну,

конечно, в ироническом тоне, в том, что у нее появился еще один защитник. В гордой самонадеянности я подумал, что защитник — это я, автор статьи. Но вскоре я понял, что защитник М.А. Булгакова — так прочитал мою статью в «Огоньке» В. Каверин — это Сталин... Вовсе так не думал, цитируя известные слова Сталина о «Днях Турбиных» и столь же известный разговор между Сталиным и Булгаковым по телефону. Но вот, оказывается, можно было прочитать статью и таким образом. Елена Сергеевна никак не прокомментировала телефонный разговор с В. Кавериным, но я понял, что радоваться нечему: М.А. Булгаков, его личность, его судьба, его творчество становилось ристалищем для литературных столкновений. Так оно и вышло...

И публикация «Дневников» — это то же самое ристалище, это битва за подлинного Булгакова, за восстановление сложной, драматической его судьбы. И кому, как не Елене Сергеевне, которая была рядом с ним в самые тяжелые, пожалуй, годы, когда все написанное не «шло» ни в театре, ни в издательствах, когда тяжелый меч репрессий вот-вот должен был опуститься и на голову художника, не радоваться первым положительным статьям о Булгакове. По записям Елены Сергеевны можно почувствовать его и ее настроение: в такой-то день арестован артист МХАТа, в такой-то день умер от разрыва сердца Орджоникидзе, арестована жена близкого друга-художника... Все это вселяет тревогу, все это добавляет горечи к тому, что они уже лично испытали.

Но есть и другое: Елена Сергеевна просто довольна, что «покачнулось» положение Киршона, Авербаха, Афиногенова — главных гонителей Булгакова, просто радуется, узнав, что «слетел» со своего высокого поста О. Литовский. В «Советском искусстве» сообщение, что Литовский уволен с поста председателя Главреперткома. Гнусная гадина. Сколько зла он натворил на этом месте /с. 152/

И какое горькое разочарование она испытала, когда через некоторое время записывала: «Пришли Марков и Виленкин. Старались доказать, что сейчас все по-иному. М.А. отвечал, что раз Литовский опять выплыл, опять получил место и чин — все будет по-старому. Литовский — это символ» — это произошло 28 сентября, почти через четыре месяца после первой записи.

А читаешь «Дневники», прослеживаешь творческую историю пьесы «Батум», не перестаешь удивляться человеческой низости, а порой и подлости людей, которые только что превозносили пьесу, называли ее гениальной; со всех концов страны театры обращались с предложением поставить ее к 60-летию Сталина, а потом, когда «наверху» пьеса не понравилась /руководителям третьего ранга сообщили, почему пьеса не понравилась/, телефон вдруг замолчал, наступила в доме мертвая тишина. И лишь самые близкие, родные и друзья, выражали сочувствие и говорили слова поддержки. Кто не испытывал это на себе... И Елена Сергеевна лаконично констатировала эти факты, но за этой лаконичностью раскрывается глубочайшая трагедия творческой личности и той, которая как личное воспринимала все, что с Булгаковым происходило.

Горько, больно читать эти страницы «Дневника». Многие его страницы использованы здесь в качестве комментариев.

О последних днях Михаила Афанасьевича говорится здесь, по понятным причинам, очень коротко. В «Письмах» об этом полно и подробно, столько подробностей мы узнаем из этих писем.

Приведу лишь из последних записей Елены Сергеевны слова Михаила Афанасьевича, сказанные ей накануне смерти, за два дня в минуты просветления, на которые я уже не раз ссылался: «Ты для меня все, ты заменила весь земной шар. Видел во сне, что мы с тобой были на земном шаре».

Совсем по-иному воспринимаешь «О, мед воспоминаний» Любови Евгеньевны Белозерской — это действительно воспоминания, написанные почти полвека после того, как события произошли. Да, конечно, остались какие-то письма, записки, многое удерживала прекрасная память, и все это зафиксировало талантливое перо превосходной рассказчицы и

превосходно образованного человека.

Самые добрые воспоминания остались у меня и о встречах с Любовью Евгеньевной.

В марте 1969 года в журнале «Огонек», повторяю, была опубликована моя статья «М.А. Булгаков и „Дни Турбиных“». Вскоре после этого в редакцию журнала «Молодая гвардия», где я работал, позвонила Любовь Евгеньевна Белозерская и пригласила приехать на Большую Пироговскую: ведь именно здесь она прожила вместе с Михаилом Афанасьевичем несколько лет конца 20-х и начала 30-годов. Пожалуй, это были самые счастливые и плодотворные годы. Естественно, через какое-то время я уже звонил Белозерской. Дверь открыла пожилая женщина, которая с первых же слов вызывала какую-то необъяснимую симпатию. Следы былой красоты и женского обаяния, как сказали бы романисты, все еще были заметны в облике Любови Евгеньевны Белозерской.

Долго просидел я у нее. Любовь Евгеньевна о многом вспоминала, но меня очень интересовал тогда вопрос, как они познакомились где-то в начале 20-х годов, как молодой Булгаков выглядел, как одевался, что запомнилось ей о литературном быте и нравах того времени...

— Впервые я увидела Булгакова на вечере, который устроила группа писателей «сменовеховцев», недавно вернувшихся из Берлина. В пышном особняке в Денежном переулке выступали Юрий Слезкин, Дмитрий Стонов, мой муж Василевский /Не-Буква/... Среди выступавших был и Михаил Булгаков, который очень много и плодотворно сотрудничал с газетой «Накануне», выходившей, как вы, конечно, знаете, в Берлине, но широко распространенной в России. Слушая выступление Слезкина, я не переставала удивляться: неужели это тот самый, Петербургско-петроградский любимец, об успехах которого у женщин ходили легенды? Ладный, темноволосый, с живыми черными глазами, с родинкой на щеке на погибель дамским сердцам... Вот только рот неприятный, жестокий, чуть лягушачий, что ли. Вы, может, читали его нашумевший роман «Ольга Орг»?

— Да, читал, но, увы, совсем недавно, после того, как прочитал статью Булгакова о творчестве Юрия Слезкина, там очень хорошо говорится об этом романе.

— А интересно, что же там говорится? Я совершенно не помню содержания этой статьи, хотя и знаю, конечно, что они были очень дружны.

— Приблизительно я могу передать содержание этой статьи, к сожалению, мало известной даже специалистам. Статья называется: «Юрий Слезкин /Силуэт/». И начинается она очень по-булгаковски, точно и резко определяет он свою тему и свое отношение к предмету статьи. Какое место отвести Слезкину на литературном Олимпе наших дней? На какую полку поставить разнокалиберные тома и томики? «Помещика Галдина», «Ольгу Орг», «Господина в цилиндре», «Ветер»? — спрашивает он. Казнь египетская всех русских писателей — бесчисленные критики и рецензенты — глянули на Ю. Слезкина, почти без исключений, светло и благосклонно. Он сразу заинтересовал, многим сразу понравился. Булгаков дает яркую и точную творческую характеристику своему собрату по перу, своему старшему товарищу...

— А как же он все-таки относится к «Ольге Орг»? Ведь этот роман много раз переиздавался, начиная с 15-го года, и если память мне не изменяет, по этому произведению был поставлен фильм «Опаленные крылья». Балерина Коралли играла главную роль. Все рыдали, — вспоминала Любовь Евгеньевна,

— Как раз к фильму-то у Булгакова отношение несколько ироничное. Да, говорил он, Юрий Слезкин — словесный киномастер, стремительный и скупой. У него, как и в кино, быстро летят картины, словно вспыхивают и тот час же гаснут, уступая свое место другим. Как в кино ценен каждый метр ленты, его не истратят даром, так и он не истратит даром ни одной страницы. Жестоко ошибается тот, кто подумает, что это плохо. Быть может, ни у одного из русских беллетристов нашего времени нет такой выраженной способности обращаться со словом бережно. Юрий Слезкин неизменно скуп и сжат. На его страницах можно найти все, кроме воды. И это очень нравится Булгакову, нравится то, что Слезкин скупо роняет описания, не размазывает нудных страниц. В этом он видит выигрыш

художника. Там, где другой не развернул бы и половины своей панорамы, Слезкин открывает ее всю целиком. Вот почему у него обильные происшествия не лезут друг на друга, увязая в болотной тине словоизвержения, а стройной чередой бегут, меняясь и искрясь. Как в ленте кино, складной ленте. Не даром по выходе «Ольги Орг», вспоминает Михаил Афанасьевич, как раз этот роман пронырливые киношники выпотрошили для экрана. Так и написал, это я запомнил... Лучше было бы, если бы Слезкин сам написал сценарий. И вы знаете, Любовь Евгеньевна, все, что Булгаков говорил в этой статье о Слезкине, можно отнести и к самому Булгакову.

— Да, вы правы. Видимо общность каких-то задач, целей чисто художественных и сблизила их в свое время. И Булгаков, как и Юрий Слезкин, был таким же выдумщиком и фантазером. Он всегда любил повторять, что жизнь куда хитрее на выдумки самого хитрого выдумщика. Вся задача лишь в том, чтобы ее оправдать. Исполнил это — хороший фабулист, нет — неудачный выдумщик. Так вот, я и увидела их рядом на том памятном вечере. Я читала Михаила Булгакова в «Накануне», там ведь мой муж работал, читала его «Записки на манжетах» и фельетоны. Нельзя было не обратить внимания на необыкновенно свежий язык его, мастерство диалога и на такой его неназойливый юмор. Мне нравилось все, что принадлежало его перу. Вы не помните, в каком фельетоне он мирно беседует со своей женой и речь заходит о голубях? «Голуби тоже сволочь порядочная», — говорит он.

Нет, я не помнил.

— Прямо эпически-гоголевская фраза, — продолжала Любовь Евгеньевна, — сразу чувствуется, что в жизни что-то не заладилось. После вечера нас познакомили. Передо мной стоял человек лет 30-32, волосы светлые, гладко причесанные на косой пробор. Глаза голубые, черты лица неправильные, ноздри глубоко вырезаны, когда говорит, морщит лоб. Но лицо, в общем привлекательное, лицо больших возможностей. Я долго мучилась прежде чем сообразила, на кого же он походил. И вдруг осенило меня — на Шаляпина! А вот одет он был далеко не по-шаляпински. Какая-то глухая черная толстовка без пояса, этакой «распашонкой» была на нем. Я не привыкла к такому мужскому силуэту. Он показался мне комичным слегка, так же, как и лакированные ботинки с ярко-желтым верхом, которые я сразу же окрестила «цыплячьими». Только потом, когда мы познакомились поближе, он сказал мне не без горечи: «Если бы нарядная и надушенная дама знала, с каким трудом мне достались эти ботинки, она бы не смеялась...» Тогда я и поняла, что он обидчив и легко раним. На этом же вечере он подсел к роялю и стал напевать какой-то итальянский романс и наигрывать вальс из «Фауста». Было это где-то в начале января. Москва только что отпраздновала встречу нового года, 1924... Второй раз я встретилась с ним случайно, на улице, уже слегка пригревало солнце, но все еще морозило. Он шел и чему-то улыбался. Заметив меня, остановился. Разговорились. Он попросил мой новый адрес и стал часто заходить к моим родственникам Тарновским, где я временно остановилась на житье /как раз в это время я расходилась с моим первым мужем/. Глава этой замечательной семьи Евгений Никитич Тарновский, по-домашнему — Дей, был кладезем знаний. Он мог процитировать Вольтера в подлиннике, мог сказать хокку, стихотворение в три строки на японском языке. Но он никогда не поучал и ничего не навязывал. Он просто по-настоящему много знал, и этого было достаточно для его непререкаемого авторитета... Стоило Булгакову и Тарновскому один раз поговорить, и завязалась крепкая дружба. Дей, как и все мы, полностью подпал под обаяние Булгакова.

А вскоре и началась наша совместная жизнь с Михаилом Афанасьевичем. На первых порах приютила нас сестра его, Надежда Афанасьевна Земская, она была директором школы и жила на антресолях здания бывшей гимназии. Получился «терем-теремок». А в теремке жили: она сама, муж ее, Андрей Михайлович Земской, их маленькая дочь Оля, его сестра Катя и сестра Надежды Афанасьевны Вера. Ждали приезда из Киева младшей сестры Елены Булгаковой. А тут еще появились мы... И знаете, как-то все хорошо устраивалось. Было трудно, но и весело... Потом мы переехали в покосившийся флигилек во дворе дома №9 по Чистому переулку, раньше он назывался Обухов. Дом свой мы прозвали «голубятней», но

этой голубятне повезло: здесь написана пьеса «Дни Турбиных», повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» /кстати, посвященное мне/. Но все это будет несколько позже, а пока Михаил Афанасьевич работает фельетонистом в газете «Гудок». Он берет мой маленький чемодан по прозванью «Щенок» / мы любим прозвища/ и уходит в редакцию. Домой в «щенке» приносит письма частных лиц и рабкоров. Часто вечером мы их читаем вслух и отбираем наиболее интересные для фельетона .

Любовь Евгеньевна показывает книги М.А.Булгакова, подаренные ей с нежными надписями. Показывала «книги» в единственном экземпляре, в которых много было забавного и шутливого: рисунки, эпиграммы, дружеские шаржи.

По-новому раскрылись мне после этой встречи некоторые стороны творческой личности Михаила Булгакова. Вот почему об этой встрече и об этом нашем разговоре и захотелось здесь рассказать.

Это был счастливый период его жизни. Еще ничто не омрачало ее. Булгаков не умел и не желал лукавить, приспосабливаться ни в жизни, ни в литературе. Он был на редкость цельным человеком, что, естественно, проявлялось и в его творчестве.

Любовь Евгеньевна напомнила мне о том, что как раз в это время в «Гудке» работали Валентин Катаев, Юрий Олеша, Евгений Петров и многие другие, ставшие впоследствии известными писателями. Фельетоны Михаил Афанасьевич писал быстро, «залпом», и Любовь Евгеньевна спросила меня, помню ли я то место из автобиографии Булгакова, где он рассказывает о том, как писались эти фельетоны: «...Сочинение фельетона строк в семьдесят пять — сто отнимало у меня, включая сюда и курение и посвистывание, от восемнадцати до двадцати минут. Переписка на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой, — восемь минут. Словом, в полчаса все заканчивалось».

Да, это место из автобиографии М.Булгакова я помнил .

Еще не раз мне приходилось бывать у Любови Евгеньевны Белозерской... Однажды она показала свои воспоминания о совместной жизни с М.А. Булгаковым. Можно себе представить, с каким интересом я вчитывался в эти страницы (Л.Е. разрешила мне предложить рукопись воспоминаний в «Огонек», другие издательства, но из этого ничего не получилось), а потом снова и снова задавал вопросы. Не всегда я получал прямые ответы, может что-то и «коробило» ее в моих прямых вопросах. Трудно сказать. Много лет ушло на то, чтобы опубликовать эти воспоминания в России, но «Воспоминания» впервые вышли в Америке: Л.Е. Белозерская-Булгакова. «О, мед воспоминаний», Ардис, Мичиган, 1979 г.

Сколько здесь содержится незабываемых и драгоценных свидетельств о времени, о быте, о творчестве, о театре, о знакомых.

Любовь Евгеньевна рассказывает в своих воспоминаниях о том, как однажды Михаил Афанасьевич пожаловался своему другу Николаю Леонидовичу Глодыревскому на боли в правом боку, тот показал Булгакова своему учителю профессору Мартынову, а вскоре профессор сделал Булгакову операцию, вырезал аппендицит. «Все это было решено как-то очень быстро. Мне разрешили пройти к М.А. сразу же после операции. Он был такой жалкий, такой взмокший цыпленок... Потом я носила ему еду, но он был все время раздражителен, потому что голоден: в смысле пищи его ограничивали. Это не то, что теперь, — котлету дают чуть ли не на второй день после операции».

Такие детали и подробности быта можно узнать только из воспоминаний действительно близкого человека, каким и была эти годы Любовь Евгеньевна Белозерская-Булгакова.

«Ты для меня все...» — не раз, по всей видимости, слышала эти слова Любовь Евгеньевна в эти годы близости ...

Любовь Евгеньевна не раз вспомнит о том, что именно здесь па «голубятне», Михаил Булгаков написал пьесу «Дни Турбиных», повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце». С повестью «Роковые яйца» все обошлось благополучно, а вот «Собачьему сердцу» не повезло: Клестов-Ангарский на рукописи начертал: «Нельзя печатать» /ОР ГБЛ, ф.9, к 3., ед. хр. 214/.

«Время шло, и над повестью „Собачье сердце“ сгущались тучи, о которых мы и не

подозревали, — вспоминает Л.Е. Белозерская. — ...в один прекрасный вечер на голубятню постучали /звонка у нас не было/, и на мой вопрос „кто там?“ бодрый голос арендатора ответил: „Это я, гостей к вам привел!“

На пороге стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек — следователь Славкин и его помощник с обыском. Арендатор пришел в качестве понятого, Булгакова не было дома, и я забеспокоилась: как-то примет он приход „гостей“, и попросила не приступать к обыску без хозяина, который вот-вот должен прийти.

Все прошли в комнату и сели. Арендатор, развалясь в кресле в центре — и вдруг знакомый стук.

Я бросилась открывать и сказала шепотом М.А.

— Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск.

Но он держался молодцом (дергаться он начал гораздо позже).

Славкин занялся книжными полками. „Пенсне“ стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей.

И тут случилось неожиданное, М.А. сказал:

— Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю / Кресла были куплены мной на складе бесхозной мебели по 3 р. 50 коп. за штуку./

И на нас обоих напал смех, может быть, нервный.

Под утро зевающий арендатор спросил:

— А почему бы вам, товарищи, не перенести ваши операции на дневной час?

Ему никто не ответил. Найдя на полке „Собачье сердце“ и дневниковые записи, „гости“ тотчас же уехали.

По настоянию Горького приблизительно через два года года „Собачье сердце“ было возвращено автору».

Обо всем об этом читатели тома узнают в свое время.

«Арест» «Собачьего сердца» и дневниковых записей внешне мало повлиял на жизнь Булгаковых, но внутри надолго поселился страх... По-прежнему собирались на «чтениях» у Николая Николаевича Лямина и его жены художницы Наталии Абрамовны Ушаковой. Здесь Михаил Афанасьевич читал главы романа «Белая гвардия», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Зойкину квартиру», «Багровый остров», «Мольера», «Консультанта с копытом», первую редакцию романа «Мастер и Маргарита».

«Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину. Михаил Булгаков, 1925 г. 18 июля, Москва» — с такой надписью Михаил Афанасьевич подарил Н.Н. Лямину «Дьяволиаду».

Среди присутствовавших постоянно на этих «чтениях» бывали писатель С.С. Заяицкий, шекспировед М.М. Морозов, филолог-античник Ф.А. Петровский, поэт и переводчик С.В. Шервинский, бывали искусствоведы, философы, режиссеры, актеры И.М. Москвин, В.Я. Станицын, М.М. Яншин, Д.Н. Мансурова, Е.Д. Понсова. «Вспоминается мне и некрасивое, чисто русское, даже простоватое, но бесконечно милое лицо Анны Ильиничны Толстой. Один из писателей в своих „Литературных воспоминаниях“ (и видел-то он ее всего один раз!) отдал дань шаблону: раз внучка Льва Толстого, значит ВЫСОКИЙ лоб; раз графиня, значит маленькие аристократические руки. Как раз все наоборот: руки большие, мужские, но красивой формы. М.А. говорил о ее внешности — „вылитый дедушка, не хватает только бороды“, — писала Любовь Евгеньевна. — Иногда Анна Ильинична приезжала с гитарой. Много я слышала разных исполнительниц романсов и старинных песен, но так, как пела наша Ануша, — никто не пел! Я теперь всегда выключаю радио, когда звучит, например, „Калитка“ в современном исполнении. Мне делается неловко. А.И. пела очень просто, но как будто голосом ласкала слова. Получалось как-то особенно задушевно. Да это и немудрено: в Толстовском доме любили песню. До 16 лет Анна Ильинична жила в Ясной. Любил ее пение и Лев Николаевич. Особенно полюбилась ему песня „Весна идет, манит, зовет“, — так мне рассказывала Анна Ильинична, с которой я очень дружила. Рядом с ней ее муж: логик, философ, литературовед Павел Сергеевич Попов, впоследствии подружившийся с М.А.. Так

же просто пел Иван Михайлович Москвин, но все равно, у А.И. получалось лучше... Вспоминается жадно и много курящая Наталия Алексеевна Венкстерн... Слушали внимательно, юмор схватывали на лету. Читал М.А. блестяще, заразительно, но без актерской аффектации, к смешным местам подводил слушателей без нажима, почти серьезно — только глаза смеялись».

Как видим, Михаил Афанасьевич и Любовь Евгеньевна Булгаковы стали бывать в кругу людей, близких им по творческим интересам.

И вот изучая биографию Михаила Булгакова, все время думаю: как же можно было так легко бросить Татьяну Николаевну, принести бутылку шампанского и сказать ... Ах, не буду, не буду высказывать то, что я думаю... Пусть каждый подумает над этим фактом биографии выдающегося человека и даст ему свою оценку.

Конечно, Любовь Белозерская была эффектной, умной, повидавшей там, за рубежом, такое, что Михаилу Афанасьевичу было интересно с ней, но как он мог забыть горькие страдания, перенесенные с Тасей. Нет, нет, нет у меня ни сил, ни права вмешиваться в чужую жизнь. Если б не война, если б не революция, если б не распростершая свои черные крылья так называемая свободная любовь, которую проповедывали и показывали «пример» женщины-большевички... Скорее всего — вот эта жизнь, легкая, беззаботная, «нэповская» — хоть день да наш — разрушала традиционные супружеские связи. И неповторимые слова — ТЫ ДЛЯ МЕНЯ ВСЁ — упали с душевных небес и рассыпались, как хрустальная ваза, в которой хранилась их первая любовь. И тот факт, что, предчувствуя близкую кончину, Булгаков звал Татьяну Николаевну, чтобы попросить у нее прощения, говорит о многом: душа его всегда таила в себе вину и мучалась, наверное, не только в последние дни своего существа на земле.

Этот факт о многом говорит в его земном существовании.

Но также уверен, что и Любовь Евгеньевна Белозерская слышала в первые годы их совместной жизни, наиболее счастливые и успешные все те же слова: «Ты для меня все» ...Иначе Михаил Афанасьевич Булгаков, человек искренний, правдивый, но вместе с тем увлекающийся и артистичный, не мог бы покинуть одну и уйти к другой. Только в одном случае он мог это сделать, почувствовать, что: «Ты для меня все» (См. «Мой дневник»).

Так что и первая, и вторая, и третья женщины в его жизни это волшебное чувство любви, когда Женщина, которую любишь, кажется олицетворением всего земного шара.

И женщины, пережившие его на много лет, отплатили ему тем же — ЛЮБОВЬЮ, ни одного упрека не услышим мы со страниц их воспоминаний, хотя знаем, что порой тяжко приходилось всем, особенно, конечно, Елене Сергеевне Булгаковой. И память о ней вечно сохранится на русской земле: на Новодевичьем кладбище стоит скромный памятник, на котором есть надпись:

Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков
1891 — 1940
Елена Сергеевна Булгакова
1893 — 1970

Итак, письма, дневники, автобиографии, заявления и другие, биографические материалы перед вами, дорогие читатели, прочтите их!

Вы услышите голос трезвого и честного человека, размышлявшего не только о своей судьбе, но и о судьбе России, о русской литературе и ее предназначении, голос человека, живущего полной и многогранной жизнью, которому действительно ничто человеческое не чуждо, — и об этом уже много говорилось на страницах этого издания.

Перед вами — ЖИЗНЕОПИСАНИЕ В ДОКУМЕНТАХ.

В основу этого тома положены «Письма» / изд-во «Современник», 1989/, которые мы вместе с В.И. Лосевым подготовили к изданию. Тот сборник — это, по существу, было первое знакомство читателей с письмами М.А. Булгакова и другими биографическими материалами в достаточно полном их объеме по тем временам. Часть их перепечатывалась из

периодических изданий, где они были опубликованы. Прежде всего это относится к комплексам переписки, которую вел М. Булгаков с В. Вересаевым в ходе совместной работы над пьесой «Александр Пушкин», с Б. Асафьевым в процессе творческого содружества, создавая оперу «Минин и Пожарский», и с О. Дунаевеким, когда они работали над либретто «Рашель». И здесь эта переписка дастся в комплексе, несколько нарушая принятый хронологический принцип, но выигрывая в ясности и доступности затрагиваемых в этих письмах проблем. В том сборнике были использованы и публикации писем Е.И. Замятину, опубликованные в «Памире» /Памир , 1987, № 8/, и публикации писем В. Вересаеву /Знамя, 1988, 1/, и другие публикации. Но наиболее существенная часть писем и других документов воспроизводится по автографам и различным копиям, хранящимся в Отделе Рукописей Российской Государственной Библиотеки в фонде 562, фонде М.А. Булгакова. Большинство из них полностью не публиковалось.

За эти десять лет, что прошли после публикации «Писем», сделано немало публикаторами, исследователями, биографами. Особенно в этом отношении достойны похвалы и всяческого одобрения работы питерских ученых-булгаковедов: вышли в свет три прекрасных сборника под общим названием — «Творчество Михаила Булгакова», кн. 1,2,3, 1991—1995, в которых опубликовано много новых материалов, «Пьесы 20-х», «Пьесы 30-х годов». Наконец, В.И. Лосев издал блистательный том «Дневники. Письма. 1914—1940», М. СП, 1997, вобравший все, что было накоплено и издано за последние годы.

Многое, естественно, предстоит сделать. Не все частные архивы еще доступны исследователям, многие письма-автографы еще не сданы на государственное хранение и находятся у родственников или знакомых семьи Булгаковых. К величайшему сожалению, до нас не дошли письма Булгакова к своей первой жене — Татьяне Николаевне Лаппа. Неизвестны и многие письма к Л.Е. Белозерской, сохранила ли их она после разрыва, или уничтожила в минуты ярости и раздражения — это тоже пока тайна. Есть еще просто не обследованные и государственные хранилища. Так что работа по поиску эпистолярного наследия М.А. Булгакова предстоит еще большая.

Но и в собранном здесь виде эти письма и другие материалы, вошедшие в этот том, а также комментарии к ним, построенные преимущественно на документах, помогут читателю представить жизненный и творческий путь Михаила Афанасьевича Булгакова полнее и глубже.

Это издание стало возможным благодаря СВЕТЛАНЕ ВИКТОРОВНЕ КУЗЬМИНОЙ и ВАДИМУ ПАВЛИНОВИЧУ НИЗОВУ, АКБ «ОБЩИЙ», благодаря директору ПКП «РЕГИТОН» ВЯЧЕСЛАВУ ЕВГРАФОВИЧУ ГРУЗИНОВУ, благодаря председателю Совета ПРОМСТРОЙБАНКА, президенту корпорации «РАДИОКОМПЛЕКС» ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ШИМКО и председателю Правления ПРОМСТРОЙБАНКА ЯКОВУ НИКОЛАЕВИЧУ ДУБЕНЕЦКОМУ, оказавшим материальную поддержку издательству «ГОЛОС», отважно взявшемуся за это уникальное издание.

Выражаю искреннюю благодарность генеральному директору фирмы «МЕТКАБ» ЛАРИСЕ ГРИГОРЬЕВНЕ БОРОНКО и АЛЕКСЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ БОРОНКО, МИХАИЛУ ВЛАДИМИРОВИЧУ БАРИНОВУ, генеральному директору ЛЕОНИДУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ИМЕНИНУ и главному бухгалтеру ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ МИТИНУ ВО СОЮЗ ЭКСПЕРТИЗА за то, что оказали единовременную материальную помощь издательству «Голос».

Некоторые из перечисленных здесь спонсоров по тем или иным причинам не смогли участвовать в издании последних томов полного собрания сочинений М.А. Булгакова, но навсегда остались в памяти читателей этого неповторимого издания чистыми и благородными радетелями русской культуры.

Особо хочется сказать о СВЕТЛАНЕ ВИКТОРОВНЕ КУЗЬМИНОЙ и ВАДИМЕ ПАВЛИНОВИЧЕ НИЗОВЕ, с благотворительного взноса которых от возглавляемого ими в то время БАНКА началось это издание. Они все это время, с 1994 года, внимательно

относились к моим просьбам о финансовой помощи, не всегда у них получалось, но даже после августовского кризиса 1998 года, когда все вроде бы рухнуло и рушилось, АКБ «Общий» оказал существенную помощь в издании. И только что, в 1999 году, БАНК перевел издательству существенный благотворительный взнос на издание последних томов сочинений М. Булгакова. Запомните, читатель, эти имена и воздайте им должное в вашей памяти и сердцах, независимо от того, как вы отнесетесь к самому изданию М.А. Булгакова в десяти томах. А за недостатки, ошибки, недосмотры ругайте меня, составителя, комментатора, автора вступительных статей. Пожалуй, впервые за свою долгую литературную жизнь мне была предоставлена возможность осуществить задуманное, никто не вмешивался, никто не подсказывал... Отсюда и возможные недосмотры и ошибки. Но так уж получилось... А посему все предложения я приму с пониманием и учту при дальнейшей работе ...

Признаюсь, я рад, что мне удалось осуществить задуманное. И только академическое издание может оказаться несколько полнее, а комментарии обстоятельнее.

И нет слов, чтобы выразить свои чувства Петру Федоровичу Алешкину и Игорю Романовичу Фомину за внимание и поддержку в осуществлении этого замысла.

И, наконец, благодарю Галину Ивановну и Ольгу Викторовну Петелиных за то, что помогали мне в этой работе.

Виктор Петелин,
доктор филологических наук,член Союза писателей СССР.

Письма

1914—1920

М.А. и Т. Н. Булгаковы — Н.А. Булгаковой [1]

3 апреля 1914 г. Киев

Дорогая Надя [1],

поздравляю тебя с праздником. Шлю тебе самые лучшие пожелания. Желаю весело провести пасху, очень жалею что не в Киеве.

Целую. Тася [2].

Милая Надя,

И я поздравляю. Я все время провожу за книжкой. Экзаменов уже часть сдал и к маю,

---

[1] Надя — Надежда Афанасьевна Булгакова-Земская (1893—1971) сестра Михаила Афанасьевича, третья в семье. С 1912 г. жила в Москве, училась на филологическом факультете Высших женских курсов. Домой, в Киев, обычно приезжала на рождественские каникулы и летом.

[2] Тася — первая жена Михаила Афанасьевича — Татьяна Николаевна Булгакова-Лаппа (1891—1982). Познакомился Булгаков с юной Татьяной Лаппа в 1910 г., когда она приехала из Саратова погостить к своей тетке в Киев. В апреле 1913 г. они повенчались. В последующие, очень трудные годы совместной жизни Татьяна Николаевна была верным и надежным другом и помощником Михаила Афанасьевича. Она стойко переносила все тяготы сложного времени, не раз выручала его из, казалось бы, безнадежных ситуаций.

вероятно, перейду на 4-й курс [1]. А куда придется «муикнуть» [2] летом, еще не знаем.

Целую крепко М.

1915
М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой [3]

20 марта 1915 [Киев]

Христос Воскресе!
Милая Надя,
поздравляем тебя с праздником и оба (и я и Тася) целуем крепко. Напиши, как живешь и когда думаешь в Киев.

Твой *Михаил* .

1917
М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [4]

Доктор М. А. Булгаков
3 октября 1917 г. Вязьма [5]

Дорогая Надя,
вчера только из письма дяди я узнал, что ты в Москве, где готовишься к экзаменам. Я был уверен, что ты в Царском Селе[6], и все хотел тебе писать, да не знал твоего адреса.

---

[1] М.А. Булгаков учился в то время на медицинском факультете Киевского университета.

[2] В архиве М.А. Булгакова сохранился комментарий Н.А. Булгаковой-Земской к этому забавному выражению. «Муикнуть», — пишет она, — это шуточный семейный глагол, происшедший от слова «Муик» — это было имя, созданное младшей сестрой Еленой (Лелей), так она звала тетку, жившую в семье Булгаковых (ласкательно). Глагол был создан Мих. Аф. однажды, когда тетка уехала на время к своим родным, и прижился среди старших детей, употреблявших его в значении «уехать».

[3] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к.19, ед. хр. 21, л. 2).*

[4] *Вопросы литературы. 1984, № 11. Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к.19, ед. хр. 21, л. 2).*

[5] По окончании университета в апреле 1916 г. М.А. Булгаков как и все его товарищи по выпуску, получил военное звание «ратник». Это звание новым врачам было дано с целью использовать их по мобилизации для работы в тылу. Весну и лето 1916 г. М.А. Булгаков добровольно проработал в прифронтовых госпиталях в Каменец-Подольске и Черновцах. Осенью 1916 г. М.А. Булгаков был мобилизован и послан на работу в тыловые земские больницы: сначала в больницу Никольскую Сычевского уезда Смоленской губернии, а затем (с осени 1917 г.) в г. Вязьму — в Вяземскую городскую земскую больницу.

[6] Надежда Афанасьевна Булгакова летом 1917 г. вышла замуж за Андрея Михайловича Земского — выпускника филологического факультета Московского университета, мобилизованного в Киевское артиллерийское училище, по окончании которого он был направлен в Тяжелый артиллерийский дивизион в Царское Село. Туда с ним поехала и Надежда Афанасьевна. Осенью 1917 г. она приехала в Москву, чтобы сдать государственные экзамены на филфаке МГУ. Сдав их, она вернулась к мужу в Царское Село, где они находились и в период Октябрьской революции.

Напиши, когда у тебя государственные?

Вообще обращаюсь к тебе с просьбой — пиши, если только у тебя есть время на это, почаще мне. Для меня письма близких в это время представляют большое утешение.

Пожалуйста, напиши мне также адрес Вари. Из последнего письма мамы я знаю только одно, что Варя в Петрограде [1]. Я уже давно собираюсь написать ей, узнать, как она живет. От мамы я с начала сентября уже тоже не имею известий, т(ак) ч(то) не знаю, чем кончилась Колина история с поступлением в военное училище [2]; вероятно, он уже зачислен.

Мне на этих днях до зарезу нужно было бы побывать в Москве по своим делам, но я не могу бросить ни на минуту работу и поэтому обращаюсь к тебе с просьбой сделать в Москве кое-что, если тебя не затруднит.

1) Купи, пожалуйста, книгу Клопштока и Коварского «Практическ. руководств. Клиническ. химии, микроскопии и бактериолог.» (Издан. «Сотрудник») и вышли ее мне.

Узнай, какие есть в Москве самые лучшие издания по кожным и венерическим на русск. или немецк. языках и сообщи мне, не покупай пока, цену и названия. (Нет ли Zessnera (Руководство по кожн. и венерич.) на немецк. языке?)

2) Напиши, если знаешь, почем мужские ботинки (хорошие) в Москве.

3) В Тверском отделен. Московск. городск. ломбарда заложена золотая цепь под № Д 111491 (ссуда 70 руб., срок, включая льготн. месяцы, был 6 сентября). Я послал своевременно переводом и в заказном проценты и билет в ломбард, прося билет вернуть по адресу дяди Коли [3], после того как ломбард погасит проценты и сделает отметку. Однако до сих пор билет еще не вернулся. Тася страшно беспокоится об участи дорогой для нее вещи. Мне совестно беспокоить тебя во время подготовки, но если найдешь время, наведи справку у заведующего тверским отделен. Московс. ломбарда. Если абсолютно не имеешь времени, то хоть попытайся по телефону узнать, получил ли ломбард проценты, где билет, и не продана ли цепь? Адрес тверского отделения узнать легко.

Я думаю, что покупка книги не затруднит тебя. Вероятно, будешь в книжном магазине?

Если удастся, я через месяц приблизительно постараюсь заехать на два дня в Москву, по более важным делам. Напиши мне адрес Лили [4] и в Москве ли она?

Передавай привет своему мужу, а прилагаемое письмо дяде Коле.

Тася и я целуем тебя крепко.

Михаил. Вязьма.
Городская земская больница.

В дальнейшем имя Андрея Михайловича Земского часто упоминается в письмах.

[1] Варя — Варвара Афанасьевна Булгакова (1895—1954), сестра Михаила Афанасьевича, весной 1917 г. вышла замуж за кадрового офицера капитана Л.С. Карума. С осени 1917 г. Варвара Афанасьевна в Петрограде, куда был командирован ее муж. Затем они переезжают в Москву, а оттуда, в мае 1918 г., — в Киев.

[2] О «Колиной истории» Н.А. Земская в своих комментариях к письмам М.А. Булгакова пишет так: «После отъезда из Киева Михаила, Надежды и Варвары, мать — Варвара Михайловна остается в Киеве с четырьмя детьми: Верой Афанасьевной, второй в семье, и тремя младшими: окончившим весной 1917 года гимназию Колей, гимназистом Ваней и гимназисткой Лелей (Еленой).

Коля поступает в Киевское военное инженерное училище; когда училище было расформировано, он поступает в Киевский университет на медицинский факультет».

[3] Дядя Коля — брат матери — Николай Михайлович Покровский, врач-гинеколог, у которого жили во время приезда в Москву киевские Булгаковы.

[4] Лиля — двоюродная сестра М.А. Булгакова — Илария Михайловна Булгакова. Училась в предреволюционные годы на филологическом факультете Киевских высших женских курсов, жила в эти годы у Булгаковых и была дружна с ними.

Т.Н. Булгакова — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

30 октября 1917 г. [Вязьма]

Милая Надюша,

напиши, пожалуйста, немедленно, что делается в Москве. Мы живем в полной неизвестности, вот уже четыре дня ниоткуда не получаем никаких известий.

Очень беспокоимся и состояние ужасное.

Как ты и дядя Коля себя чувствуете?

Жду от тебя известий. Привет дяде Коле.

Целуем тебя крепко. Твоя Тася [2].

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [3]

31 декабря 1917 (Вязьма)

Дорогая Надя,

поздравляю тебя с Новым Годом и желаю от души, чтобы этот новый год не был бы похож на старый. Тася просит передать тебе привет и поцелуй. Андрею Михайловичу наш привет.

Ты не пишешь мне, и адреса своего не дала, из чего я заключил, что ты переписываться со мной не хочешь. Адрес твой пытался узнать, будучи в Москве [4], у Лили. Лиля подняла глаза к небу и сказала: «Царское Село, квартира 13». На мой робкий вопрос об улице и доме Лиля гордо ответила, что она этого не помнит. Нормальный адрес я узнал у дяди Коли.

Я в отчаянии, что из Киева нет известий. А еще в большем отчаянии я оттого, что не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2000 р. ухнут в море русской революции. Ах, как пригодились бы мне эти две тысячи! Но не буду себя излишне расстраивать и вспоминать о них!..

В начале декабря я ездил в Москву по своим делам, и с чем приехал, с тем и уехал. И вновь тяну лямку в Вязьме... Я живу в полном одиночестве... Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам...

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по авторгафу (ОР РГБ, ф. 562, к.19, ед. хр. 21, л. 5)*

[2] Это письмо уже не застало Н.А. Булгакову-Земскую в Москве, она к тому времени вернулась к мужу в Царское Село. В Москву, на квартиру Н.М. Покровского, в это время уже приехала из Петрограда сестра Варвара Афанасьевна. Она и отправила письмо в Царское Село.

[3] *Вопросы литературы. 1984, №11. Письма. Публикуется и датируется по второму изданию.*

[4] По свидетельству Н.А. Земской, М.А. Булгаков ездил в начале декабря 1917 г. в Москву с целью получить освобождение от военной службы по болезни (истощение нервной системы). Однако в этот раз он не был демобилизован. Пришлось вернуться снова в Вязьму и оставаться «против воли там, в глуши, без связи с Киевом, без связи с семьей, по которой Михаил Афанасьевич всегда сильно тосковал, переживая мучительную тревогу за мать и младших братьев и сестер, не зная, что творится в Киеве».

В феврале 1918 г, он снова ездил в Москву на переосвидетельствование и был демобилизован по состоянию здоровья. Вернувшись в Вязьму, он немедленно оставил работу там и через Москву уехал вместе с женой в Киев к матери.

...Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву, или Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве! Через два часа придет новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино...

Недавно в поездке в Москву и Саратов [1] мне пришлось видеть воочию то, что больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как толпы бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Видел голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут в сущности об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке...

Идет новый год. Целую тебя крепко.

Твой брат *Михаил* .

P.S. Буду ждать письма.

1921—1930

М.А. Булгаков — К.П. Булгакову [2]

1 февраля 1921 (из Владикавказа в Москву)

Дорогой Костя [3],

вчера я был очень обрадован твоим письмом. Наконец- то я имею весть о своих. Твое письмо помечено: «18-го янв. 1920 г. (?)». Конечно, это ошибка. Не могу тебе выразить, насколько я был счастлив и удивлен, что наши все живы и здоровы и, по-видимому, все вместе.

(Проклятые чернила!) [4] Единственно, о чем я жалел, это что твое письмо слишком кратко. Несколько раз я его перечитывал... Ты спрашиваешь, как я поживаю. Хорошенькое слово. Именно я поживаю, а не живу...

Мы расстались с тобой приблизительно год назад. Весной я заболел возвратным тифом, и он приковал меня... Чуть не издох, потом летом опять хворал [5].

---

[1] По пути в Москву в декабре 1917 г. М.А. Булгаков проехал дальше на восток, в Саратов, родной город жены, чтобы повидаться с ее семьей и выполнить ее поручения к отцу и матери. Поездка была крайне трудной: транспорт был разрушен, с фронта хлынули толпы солдат, поезда осаждались массами солдат и пассажиров. Виденное им затем нашло отражение в романе «Белая гвардия» и в других произведениях.

[2] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35. 1976. № 5. Печатается по машинописной копии. Письма. (ОР РГБ, ф. 562, к.19., ед. хр. 10, л. 1-2)*

[3] Костя — двоюродный брат М.А. Булгакова.

[4] Н.А. Земская в своих примечаниях к письму отмечает: «Письмо... написано красными водянистыми чернилами».

[5] Об этом периоде жизни Булгакова мы читаем в дневнике советского писателя Ю.Л. Слезкина (1885—1947): «С Мишей Булгаковым я знаком с зимы 1920 г. Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете в качестве корреспондента. Когда я заболел сыпным тифом, его привели ко мне в качестве доктора. Он долго не мог определить моего заболевания, а когда узнал, что у меня тиф — испугался (...) и сказал, что не уверен в себе, (...) позвали другого.

Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах. Это лето я все время выступал с эстрад с рассказами и лекциями. Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как, 4-актная драма «Братья Турбины». Бог мой, чего я еще не делал: читал и читаю лекции по истории литературы (в Университ. народа и драмат. студии), читаю вступительные слова и проч., проч.

«Турбины» четыре раза за месяц шли с треском успеха. Это было причиной крупной глупости, которую я сделал: послал их в Москву... Как раз вчера получил о них известие. Конечно, «Турбиных» забракуют, а «Самооборону» даже кто-то признал совершенно излишней к постановке. Это мне крупный и вполне заслуженный урок: не посылай неотделанных вещей!

Жизнь моя — мое страдание. Ах, Костя, ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда «Турбины» шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать — писать.

В театре орали «Автора» и хлопали, хлопали... Когда меня вызвали после 2-го акта, я выходил со смутным чувством... Смутно глядел на загримированные лица актеров, на гремящий зал. И думал: «а ведь это моя мечта исполнилась... но как уродливо: вместо московской сцены сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь».

Судьба — насмешница.

Потом кроме рассказов, которые негде печатать, я написал комедию-буфф «Глиняные женихи». Ее, конечно, не взяли в репертуар, но предлагают мне ставить в один из свободных дней. И опять: дня этого нет, все занято. Наконец на днях снял с пишущей машины «Парижских коммунаров» в 3-х актах. Послезавтра читаю ее комиссии. Здесь она несомненно пойдет. Но дело в том, что я послал ее на всероссийский конкурс в Москву. Уверен, что она не попадет к сроку, уверен, что она провалится. И опять поделом. Я писал ее 10 дней. Рвань все: и «Турбины», и «Женихи», и эта пьеса. Все делаю наспех. Все. В душе моей печаль.

Но я стиснул зубы и работаю днями и ночами. Эх, если бы было где печатать!

Дорогой Костя, не откажи исполнить следующее. В средних числах февраля (15—20—25-го) зайди на Неглинную улицу, д. № 9 Тео. Репертуарная секция Бюро жюри конкурса пьес о Парижской коммуне. Справься, получена ли 3-актная пьеса «Парижские коммунары» под девизом «Свободному богу искусства» (пьесы идут на конкурс под девизом с фамилиями, запечатанными в конверт, т(ак) ч(то) фамилию называть не нужно). 25-го/II объявление результатов. Если она провалилась (в чем не сомневаюсь), постарайся получить ее обратно и сохрани. Если она не получена, узнай, не продлен ли срок присылки.

Проклятая «Самооборона» и «Турбины» лежат сейчас в том же «Тео», о них я прямо и справляться боюсь. Кто-то там с маху нашел, что «Самооборона» «вредная» [1]... Отзыв этот,

---

По выздоровлении я узнал, что Булгаков болен паратифом. Тотчас же, еще едва держась на ногах, пошел к нему с тем, чтобы ободрить его и что-нибудь придумать на будущее. Все это описано у Булгакова в его „Записках на манжетах“. Белые ушли — организовался ревком, мне поручили заведование подотделом искусств, Булгакова я пригласил в качестве зав. литературной секцией. Там же, во Владикавказе, он поставил при моем содействии свои пьесы „Самооборона“ — в одном акте, „Братья Турбины“ — бледный намек на теперешние „Дни Турбиных“. Действие происходит в революционные дни 1905 г. в семье Турбиных — один из братьев был эфироманом, другой революционером. Все это звучало весьма слабо. Я, помнится, говорил к этой пьесе вступительное слово.

По приезде в Москву мы опять встретились с Булгаковым, как старые приятели, хотя последнее время во Владикавказе между нами пробежала черная кошка...»

[1] ...И что ее нужно снять с репертуара!.. (отзыв скверный, хотя исходит в единолично от какой-то второстепенной величины). (*Примеч. авт.*)

конечно, ерундовый, но неприятный, жаль, что я ее, «вредную» «Самооборону», туда послал.

Если бы ты о них навел справку и забрал бы и «Турбиных» и «Сам[оборону]»), обязал бы меня очень.

Справку о них нужно навести у Басалыги [1] (заведующ. Цут [2] Тео) или у Мейерхольда. Сделай умненько...

Эти пьесы («Сам [оборону]» и «Турб[иных]») привез в Москву Давид Аронович Черномордик, заведующий подотделом искусств здесь. Наведи справку и забери их.

И так я поживаю.

За письменным столом, заваленным рукописями... Ночью иногда перечитываю свои раньше напечатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы?

Я упорно работаю.

Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь. Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое.

Поживаю за кулисами, все актеры мне знакомые друзья и приятели, черт бы их всех взял!

Тася служит на сцене выходной актрисой. Сейчас их труппу расформировали, и она без дела.

Я живу в скверной комнате на Слепцовской улице д. №9, кв. 2. Жил в хорошей, имел письменный стол, теперь не имею и пишу при керосиновой лампе.

Как одет, что ем... не стоит писать...

Что дальше?

Уеду из Владикавказа весной или летом.

Куда?

Маловероятно, но возможно, что летом буду в Москве.

Стремлюсь далеко...

Жду твоего письма с нетерпением. Напиши подробно. Где и как живешь. Узнай у дяди Коли, целы ли мои вещи. Кстати напиши, жив ли Таськин браслет? Скажи дяде Коле, что и я и Тася часто вспоминаем его тепло, интересуемся, как он живет. Если он спросит [3] [...] его не могу.

На случай, если придется менять квартиру, посылаю такой адрес: Владикавказ Почта до востребования Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

По этому адресу, **без изменений в нем.**

Целую тебя *Михаил.*

Как образчик своей славной и замечательной деятельности прилагаю одну из бесчисленных моих афиш. На память, на случай, если не встретимся.

Жду письма. (Тео! Зайди!)

---

[1] Басалыга — Бассалыго Дмитрий Николаевич (1884—1969), деятель театра и кино, в то время — заместитель председателя художественного совета Мастерской коммунистической драматургии (Масткомдрам).

[2] Цут — Центральное управление театрами, создано 26 августа 1919 г.

[3] По свидетельству Н.А. Земской, в этом месте оригинала было кем то вырезано несколько строк.

М.А. Булгаков — К.П. Булгакову [1]

1921 года 16 февраля (Из Владикавказа в Москву)

Дорогой Костя,

я послал тебе недавно заказное письмо.

Будь добр, узнай на Неглинной № 9 в репертуарной секции Тео в бюро конкурсов пьес о Парижской коммуне, дошла ли туда пьеса в 3 актах «Парижские коммунары», посланная ценным пакетом, под девизом «Свободному богу искусства», и какая судьба ее постигла. Я тщетно пишу в Киев и никакого ответа не получаю. Прошу тебя (может, из Москвы лучше сообщение), напиши моей маме следующее (кстати, ее адреса нового я не знаю, пишу на Андреевский спуск [2]).

У меня в №13 [3] в письменном столе остались две важных для меня рукописи: «Наброски Земского врача» и «Недуг» (набросок) и целиком на машинке «Первый цвет». Все эти три вещи для меня очень важны. Попроси их, если только, конечно, цел мой письменный стол, их сохранить. Сейчас я пишу большой роман по канве «Недуга». Если пропали рукописи, то хоть, может быть, можно узнать, когда и кто их взял.

Еще прошу тебя, узнай, пожалуйста, срочно сообщи, есть ли в Москве частные издательства и их адреса.

Сообщи мне, целы ли мои вещи и Т(асин) браслет.

Во Влад(икавказе) я попал в положение «ни взад ни вперед». Мои скитания далеко не кончены. Весной я должен ехать или в Москву (м(ожет) б(ыть) очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь... Сообщи мне, есть ли у тебя возможность мне перебыть немного, если мне придется побывать в Москве.

Адрес: Владикавказ Почта до востребования М.А. Булгакову или Владикавказ Областной подотдел искусств Мих. Аф. Булгакову (без изменений и дополнений).

Твой Михаил.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [4]

(Из Владикавказа в Москву) [5]

На случай, если я уеду далеко и надолго, прошу тебя о следующем: в Киеве у меня остались кой-какие рукописи — «Первый цвет», «Зеленый змий», а в особенности важный для меня черновик «Недуг». Я просил маму в письме сохранить их. Я полагаю, что ты

---

[1] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35, 1976, № 5. Печатается по машинописной копии. Письма. (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 10, л. 3).*

[2] Мать Михаила Афанасьевича жила в то время со своим вторым мужем по адресу: Киев, Андреевский спуск, д. 38, кв. 1.

[3] Имеется в виду старый адрес Булгаковых: Киев, Андреевский спуск, д. 13, где М.А. Булгаков жил с перерывами с 1907 по 1921 г.

[4] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35, 1976, № 5. Письма. Печатается по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 21, л. 9-10).*

[5] Предполагаемая дата письма — апрель 1921 г. Первая страница письма не сохранилась. Письмо послано из Владикавказа в Москву, но Н.А. Земская находилась в это время в Киеве, куда поехала навестить мать. Переслано ей в Киев мужем в письме, датированном 17 апреля 1921 г.

осядешь в Москве прочно. Выпиши из Киева эти рукописи, сосредоточь их в своих руках и вместе с «Сам.» [1] и «Турб.» [2] в печку. Убедительно прошу об этом.

* * *

Колеблюсь, стоит ли соваться с программой «Турбиных» в Союз. С одной стороны, они шли с боем четыре раза, а с другой стороны — слабовато. Это не драма, а эпизод. Забери их из «Маски» и прочти. На твой вкус. А с «Парижск(ими)»[3] так: если отыщутся, дай на отзыв. Поставят — прекрасно. Нет? — в печку [4]. В случае каких-либо перемен, если будешь чувствовать, что они не ко времени (понимаешь?), забери их из «Маски» немедленно.

* * *

Тася со мной. Она служит на выходах в 1-м Советском Владикавк. театре, учится балету.

Ей писать так: Владикавказ П/отдел Искусств артистке Т.Н. Булгаковой-Михайловой.

Она просит тебя пересмотреть вещи в ящике, не поела ли их моль. О браслете знает Константин. Передай ему (не браслету, а Константину) мой привет. Проси писать. Мужу, дяде Коле, всем привет.

Напиши, где Лиля?

Целую тебя.
Любящий *Михаил.*

P.S. Вот досада с «Парижскими». Первый акт можно грандиозно поставить на большой сцене. Пойду завтра смотреть во 2-м акте моего мальчика Анатоля Шоннара. Изумительно его играет здесь молодая актриса Ларина.

Мой Анатоль — мой отдых в моих нерадостных днях.

Жалею, что не могу послать тебе некоторые из моих рассказов и фельетонов, которые печатались в газетах. Некоторые из них в одном экземпляре.

Посылаю кой-какие вырезки и программы. Может, пригодятся при заявлении [5]. (...) Если я уеду и не увидимся, — на память обо мне.

М.А. Булгаков — В.А. Булгаковой [6] 1

---

[1] Одноактная юмореска «Самооборона».

[2] Драма «Братья Турбины».

[3] Пьеса «Парижские коммунары».

[4] Все названные выше рукописи были разысканы Н.А. Земской и в дальнейшем переданы ею Булгакову, который все их уничтожил.

[5] Дальше пропуск текста.

[6] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35, 1976, № 5. Печатается по машинописной копии. Письма (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 3, л. 1-2).*

26 апреля 1921 (Из Владикавказа в Киев)

Дорогая Вера,

большое спасибо тебе за твое обстоятельное письмо. Рад, что узнал о некоторых знакомых. Если будешь иметь известие о Коле Сынг(аевском) [2], прошу тебя немедленно мне написать о нем.

Теперь уже, вероятно, ты имеешь известия от Нади. Она в Москве с мужем. Ребенок ее умер. Адрес ее — на дядю Колю.

* * *

Я очень тронут и твоим, и Вариным пожеланием мне в моей литературной работе. Не могу выразить, как иногда мучительно мне приходится. Думаю, что это Вы поймете сами...

Я жалею, что не могу послать Вам мои пьесы. Во-первых, громоздко, во-вторых, они не напечатаны, а идут в машинных рукописях, списках, а в-третьих — они чушь.

Дело в том, что творчество мое разделяется резко на две части: подлинное и вымученное. Лучшей моей пьесой подлинного жанра я считаю 3-актную комедию-буфф салонного типа «Вероломный папаша» («Глиняные женихи»).

И как раз она не идет, да и не пойдет, несмотря на то, что комиссия, слушавшая ее, хохотала в продолжении всех трех актов... Салонная! Салонная! Понимаешь. Эх, хотя бы увидеться нам когда-нибудь всем. Я прочел бы Вам что-нибудь смешное. Мечтаю повидать своих. Помните, как иногда мы хохотали в №13?

В этом письме посылаю тебе мой последний фельетон «Неделя просвещения», вещь совершенно ерундовую, да и притом узко местную (имена актеров). Хотелось бы послать что-нибудь иное, но не выходит никак... Кроме того, посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком «Дань восхищения». Хотя они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут небезынтересны вам... Не удивляйся скудной присылке! Просто на память несколько печатных строк и программа Турбиных.

А «Неделя»—образчик того, чем приходится мне пробавляться.

Целую.
Любящий *Михаил.*

Пиши: ВЛК [3] Почта. До востребования. Мне.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [4]

26 апреля 1921 (Владикавказ)

Дорогая Надя,

в Москву едет моя знакомая Ольга Аристарховна Мишон. Я дал ей письмо, в котором

---

[1] Булгакова Вера Афанасьевна (1892—1973) — сестра Михаила Афанасьевича.

[2] Н.Н. Сынгаевский — друг юности М.А. Булгакова.

[3] ВЛК— Владикавказ.

[4] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 22, л. 1)*

прошу тебя отобрать из моих вещей лучше и необходимое из белья: и белые брюки, и Тасины чулки, и белое платье и передать это Мишон, которая возвращается во ВЛК. Она должна указать свои адрес. Если она будет ехать удобно, дай побольше, а если нет, то хоть маленькую посылку с необходимым. Нуждаюсь в белье.

Последнее время пишу меньше — переутомлен. Ради Бога, в Тео (Неглинная, 9) узнай, где «Парижские». Не давай ее никуда, как я уже писал, пока не пришлю поправок. Неужели пьеса пропала? Для меня это прямо беда.

С Мишон никаких лекарских conversation'ов [1], которые я и сам не веду с тех пор, как окончил естественный и занимаюсь журналистикой. Внуши это Константину. Он удивительно тороват на всякие lapsusы.

Целую крепко.
Михаил,

Пиши до востребования.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [2] [3]

(Из Владикавказа в Москву)

Дорогая Надя,

сегодня я уезжаю в Тифлис — Батум. Тася пока остается во Владикавказе. Выезжаю спешно, пишу коротко.

Если «Парижских» примут *без переделок* , пусть ставят. Обрабатывать в «Маске» пьесу не разрешаю, поэтому возьми ее обратно, если не подойдет.

Редакционная поправка:

во II акте Анатоля Шоннара: «Да, я голодный как собака, с утра ничего не ел» заменяется фразой: «Да, ты не можешь представить, до чего я голоден. У меня живот совсем пустой...»

Имя Анатоль Шоннар *заменяется: Жак Шоннар.*

* * *

В первом акте в Марсельезе куплет от слов «Голодные, упорные...» и кончая «уберем с лица земли» — ВОН.

В III-м акте фраза Лекруа:

«Но как ловко я его срезал. Умер, не пикнув, и себе такой же смерти желаю» заменяется:

«А хорошо я командира взвода подстрелил... Как сноп упал.

Дай Бог каждому из нас так помереть...»

В случае отсутствия известий от меня больше полугода, начиная с момента получения

---

[1] Conversation — разговор (англ.). После петлюровщины, когда М. А. Булгакова пытались мобилизовать как врача, и службы военным врачом на Кавказе (был мобилизован в Киеве Добровольческой армией), он стал скрывать, что окончил медицинский факультет. Говорил и писал, что окончил естественный факультет.

[2] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35, 1976, № 5. Письма. Печатается по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 22, л. 13).*

[3] В комментариях Н.А. Земской отмечается, что письмо написано карандашом, без даты. Судя по дате следующего письма (2 июня 1921 г.), оно относится к концу мая 1921 г

тобой этого письма, брось рукописи в печку [1].

Все пьесы, «Зеленый змий», «Недуг» и т. д. Все это хлам. И конечно в первую голову аутодафе «Парижск(ие)» [2] если они не пойдут.

В случае появления в Москве Таси, не откажи в родственном приеме и совете на первое время по устройству ее дел.

Константину привет. Всем. Сколько времени проезжу, **не знаю** .

Целую тебя, дорогая Надя.
Михаил.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [3]

2-го июня 1921 года
Тифлис Дворцовая № 6 Номера «Пале-Рояль» (№ 15)

Дорогие Костя и Надя, вызываю к себе Тасю из Влад[икавказа] и с ней уезжаю в Батум [4], как только она приедет и как только будет возможность. Может быть, окажусь в Крыму...

* * *

«Турбиных» переделываю в большую драму. Поэтому их в печку. «Парижские» (с переименованием Анатоля в Жака), если взяли уже для постановки — прекрасно, пусть идет как торжественн(ый) спектакль к празднеству какому-нибудь. Как пьеса они никуда. Не взяли — еще лучше. В печку, конечно.

Они как можно скорей должны отслужить свой срок. Но на переделки не очень согласен. Впрочем, на небольшие разве. Это **на усмотрение Нади** . Черт с ним.

Целую всех. Не удивляйтесь моим скитаниям, ничего не сделаешь. Никак нельзя иначе.

---

[1] В тех же комментариях Н.А. Земская указывает: «После слов: „брось рукописи в печку“ — зачеркнуто несколько слов, но можно легко прочитать: за исключением, пожалуй, „Первый цвет“».

[2] Булгаков связывал с этой пьесой определенные надежды, тем более что 8 мая 1921 г. владикавказская газета «Коммунист» сообщила, что пьеса «Парижские коммунары» намечена к постановке в Москве. Однако Булгаков не согласился на переделку пьесы, и Н.А. Земская забрала ее из Масткомдрама.

[3] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35, 1976, № 5. Затем: Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 22, л. 2).*

[4] Выехав в Тифлис в конце мая 1921 г., Булгаков вызвал туда же жену, а через некоторое время, после неудачных попыток опубликовать свои работы или поставить их в театре, отбыл вместе с ней в Батум. Но и здесь Булгаков не смог найти работу, попытки же опубликовать что-либо в местных газетах не увенчались успехом. Свидетельств об этом коротком отрезке жизни Булгакова осталось немного, но они все же есть. Любопытная запись имеется в дневнике Е.С. Булгаковой от 13 апреля 1935 г. Она записала: «...Жена Мандельштама вспоминала, как видела Мишу в Батуме лет 14 тому назад, как он шел с мешком на плечах. Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре».

Наиболее достоверными, конечно, являются свидетельства самого Булгакова об этом времени. В «Записках на манжетах» он так отразит свои переживания в Батуме: «На обточенных соленой водой голышах лежу как мертвый. От голода ослабел совсем. С утра начинает до поздней ночи болеть голова... Запас сил имеет предел. Их больше нет. Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и боязлив. Но здесь я больше не останусь... Домой... Домой! В Москву!..»

Ну, и судьба! [1] Ну, и судьба!

Приписка жене: Перешли это письмо Наде заказным.

Целую всех.
Михаил.

Москва, Пречистенка, угол Обухова, № 24 Никол. Михаил.
Покровскому для Надежды.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [2] [3]

23-го октября 1921 г. Москва [4]

Милая Надя,

как живешь? Не писал тебе до сих пор, потому что очень уставал. Все откладывал корреспонденцию. Как твое здоровье? Как Андрей? Напомни ему, пожалуйста, чтобы он не забыл «нахлестать сапогами морду сапожнику» (собственное его выражение). Если нахлестал уже — хорошо сделал, потому что сапоги действительно дрянь.

Ну-с, это шуточки. Игривый тон моего письма объясняется желанием заглушить тот ужас, который я испытываю при мысли о наступающей зиме. Впрочем, Бог не выдаст. Может, помрем, а может, и нет. Работы у меня гибель. Толку, от нее пока немного. Но, может, дальше будет лучше. Напрягаю всю энергию, и, действительно, кой-какие результатишки получаются.

Подробней напишу в следующем письме. Уж очень устал. Бегаешь как собака, а

---

[1] В примечаниях Н.А. Земской записано: «Письмо переслано через Владикавказ, через жену Мих. Аф. — Татьяну Николаевну». Сохранилась и приписка-письмо Татьяны Николаевны следующего содержания:

«11 июня 1921 г. 3 ночи.

Милые Надя и Костя, пересылаю Вам Мишино письмо, через два часа уезжаю к Мише в Тифлис.

Целую Вас крепко и от души, желаю всего хорошего.

Ваша Тася».

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографам (ОР РГБ, ф. 562, к. 19. ед. хр. 22, л. 4-5).*

[3] Письмо направлено из Москвы в Киев, где в это время проживала Н.А. Земская с мужем.

[4] О передвижении Булгакова с Кавказа в Киев, а из Киева в Москву говорится в письмах Н.А. Земской своему мужу А.М. Земскому (из Киева в Москву). Вот некоторые выдержки из этих писем:

«Киев 18/IX-21.

[...]У Воскресенских 16 очень интересно жить: вчера приехал Миша. Едет в Москву. Скоро и ты его увидишь. Итак, Тася может быть спокойна. Передай ей, чтобы она не волновалась — Миша даже хотел дать ей отсюда телеграмму, но я думаю, что она (телеграмма) придет позже его. Он выедет около среды, 26/XI...

Киев, 23/IX-21

[...]Дорогой Андрик, теперь ты будешь иметь удовольствие видеть в Москве и Мишу. Таким образом, Тася, наконец, его дождалась и моральная забота о ней с тебя снимается. Где она живет? Она писала, что собирается переехать к тебе. Мише тоже, должно быть, придется остановиться у тебя...

[...] А новая комбинация с мукой такая: у Миши с Тасей ничего нет, и как они будут жить в Москве, пока Михаил устроится, я не представляю. Приходится поэтому отдать им половину того, что мы получили от мамы (ржаной муки). Мама тоже сторонница этой комбинации...

27/IX-21,

[...] Где остановился Миша? Если у тебя, то не трать своих сил на устройство их дел, а лечись, лечись, лечись. Пусть Миша впрыскивает тебе мышьяк. Может быть, ширму достанете как-нибудь при помощи дяди. Что это за вливание ты хотел делать? Не делай, ради бога, никаких вливаний, не посоветовавшись с дядьками и Мишей...» 17

питаешься только картошкой [1].

Пиши, пожалуйста, на адрес дяди Коли. Целую тебя и Андрея крепко.

Тася тоже.

Любящий *Михаил* .

P.S.

Стихи:

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом
Как какой-нибудь,
извините за выражение, атом.
Жаль, некоторых удобств нет
Например — испорчен в...р-кл...т.
С умывальником тоже беда —
Днем он сухой, а ночью из него на пол течет вода.
Питаемся понемножку:
Сахарин и картошка.
Свет электрический — странной марки —
То потухнет, а то опять ни с того ни с сего разгорится ярко.
Теперь, впрочем, уже несколько дней горит подряд.
И пролетариат очень рад.
За левой стеной женский голос выводит: «бедная чайка...»
А за правой играют на балалайке...

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [2]

9 ноября 1921, (Из Москвы в Киев)

Дорогая Надя,

пишу коротко, т. к. очень спешу. Ничто, решительно ничто не может сравниться с тем эффектом, который произвели твои письма от 3/XII [3]. Я немедленно передал Борису [1] твою

---

[1] Об этом периоде жизни М.А. Булгакова его сестра Н.А. Земская пишет: «Приехав в Москву в сентябре 1921 года, без денег, без вещей и без крова, Михаил Афанасьевич одно время жил в Тихомировском студенческом общежитии, куда его на время устроил студент-медик, друг семьи Булгаковых, Николай Леонидович Гладыревский. Но оставаться там долго было нельзя, и Михаил Афанасьевич переселился в комнату к А.М. Земскому, где Андрей Михайлович его прописал. Некоторое время они прожили вместе, затем Андрей Михайлович уехал к жене в Киев, оставив комнату за собой. Михаил Афанасьевич вынес много атак и неприятных разговоров с членами правления, пытавшимися выписать Андрея Михайловича и Михаила Афанасьевича. В конце концов „отцепились“. Земских выписали, а Михаил Афанасьевич остался на правах постоянного жильца. С ним жила и была прописана и его жена — Татьяна Николаевна. В своих письмах и рассказах Михаил Афанасьевич часто называет эту квартиру „проклятая квартира № 50...“.

Квартирные переживания поселили в душе Михаила Афанасьевича ненависть на всю жизнь к управдомам, которых он неоднократно описывает в ряде произведений, как некую особую человеческую разновидность...»

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к.19, ед. хр. 22, л. 6).*

[3] Н.А. Земская собиралась возвратиться с мужем в Москву и в связи с этим просила заготовить для них

просьбу относительно заготовки картошки. Андрея я не собирался выписывать; напротив — так и заявил, что проживает он и мы [2].

У меня еще остается маленькая тень надежды, что ты, прежде чем решиться на ужасы обратного переселения, прикинешь состояние здоровья Андрея.

Посмотри на него внимательно. Говорю тебе это как врач [3].

Всем привет. Тася и я целуем тебя и Андрея.

Михаил.

М.А. Булгаков — Н. А. Булгаковой-Земской [4]

9 ноября 1921 (Из Москвы в Киев)

Дорогая Надя,

вчера я получил твое письмо и передал Борису [5] пакет и твою просьбу относительно запаса картошки.

Андрея я не собирался выписывать; напротив — так и заявил, что проживают Земск(ие) и мы.

* * *

Эффект твоих писем от 3/XI, как я уже написал тебе, сегодня по почте, колоссален.

Позволь мне посоветовать тебе одно: прежде чем рискнуть на возвращение и питание картошкой, внимательно глянуть на Андрея. Я глубоко убежден, что если ты как следует осмотришь его и взвесишь состояние его здоровья, ты не тронешься с места.

Ехать ему нельзя. Нельзя.

Вот все, что я считаю врачебным долгом написать. А там уж поступи, как найдешь лучше.

* * *

Почему ты спрашиваешь, где я служу? Разве А(ндрей) не сказал?

— Секретарем Лит/о Г. П. П. [6]

Всем привет. Я и Тася тебя целуем крепко.

картошки.

[1] Борис — брат Андрея Михайловича Земского — Борис Михайлович.

[2] См. комментарий к письму Булгакова Н.А. Земской от 23 октября 1921 г. (сноска [52]).

[3] См. там же (сноска [53]).

[4] *Вопросы литературы. 1984, № 11. Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 22, л. 7).*

[5] См. комментарий к предыдущему письму [56].

[6] Г.П.П. — Главполитпросвет.

Любящий *Михаил.*

P.S. Сегодня цены: черный 4, белый 12, мука белая 500, черная 200.

М.А. Булгаков — В.М. Булгаковой-Воскресенской [1] [2]

17 ноября 1921 (Москва)

Дорогая мама,

как Вы поживаете, как Ваше здоровье? Пишите, пожалуйста, как только выберете свободную минуту. Всякая весть от своих приятна, в особенности во время такой каторжно-рабочей жизни, которую я веду.

Очень жалею, что в маленьком письме не могу Вам передать подробно, что из себя представляет сейчас Москва. Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни. Въехав 1 1/2 месяца тому назад в Москву, в чем был, я, как мне кажется, добился maximum'а того, что можно добиться за такой срок. Место я имею [3]. Правда, это далеко не самое главное. Нужно уметь получать и деньги. И второго я, представьте, добился. Правда, пока еще в ничтожном масштабе. Но все же в этом месяце мы с Таськой уже кой-как едим, запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т. д.

Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день. Идет полное сворачивание советских учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже попадает под него и, по-видимому, доживает последние дни. Так что я без места буду в скором времени. Но это пустяки. Мной уже предприняты меры, чтобы не опоздать и вовремя перейти на частную службу. Вам, вероятно, уже известно, что только на ней или при торговле и можно существовать в Москве. И мое, так сказать, казенное место [4] было хорошо лишь постольку, поскольку я мог получить на нем около 1-го милл. за прошлый месяц. На казенной службе платят туго и с опозданием, и поэтому дальше одним таким местом жить нельзя.

Я предпринимаю попытки к поступлению в льняной трест [5]. Кроме того, вчера я получил приглашение пока еще на невыясненных условиях в открывающуюся промышленную газету [6]. Дело настоящее коммерческое, и меня пробуют. Вчера и сегодня я, я, т[ак] ск[азать], держал экзамен. Завтра должны выдать 1/2 милл. аванса. Это будет

---

[1] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35. 1976. № 35. Письма. Печатается и датируется по ксерокопии, с автографа (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 2, л. 1-8).*

[2] Варвара Михайловна Булгакова, урожд. Покровская (1869—1922) мать Михаила Афанасьевича — вышла замуж второй раз за Ивана Павловича Воскресенского — друга семьи Булгаковых. Отношения между И.П. Воскресенским и детьми Варвары Михайловны были исключительно теплыми.

[3] По прибытии в Москву Михаил Афанасьевич почти сразу находит работу в литературном отделе Главполитпросвета (Лито), куда его зачислили секретарем. Там он проработал до конца ноября 1921 г., когда Лито закрыли.

[4] Имеется в виду Лито.

[5] Попытки Булгакова поступить на работу в Льнотрест не увенчались успехом.

[6] Имеется в виду частная газета «Торгово-промышленный вестник», просуществовавшая не более двух месяцев и выпустившая шесть номеров.

означать, что меня оценили и, возможно тогда, что я получу заведование хроникой. Итак, лен, промышленная газета и частная работа (случайная), вот что предстоит. Путь поисков труда и специальность, намеченные мной еще в Киеве, оказались совершенно правильными. В другой специальности работать нельзя. Это означало бы, в лучшем случае, голодовку.

Труден будет конец ноября и декабрь, как раз момент перехода на частные предприятия. Но я рассчитываю на огромное количество моих знакомств и теперь уже с полным правом на энергию, которую пришлось проявить volens-nolens [1]. Знакомств масса и журнальных, и театральных, и деловых просто. Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к новой, невиданной в ней давно уже жизни — яростной конкуренции, беготни, проявлению инициативы и т. д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю.

Таська ищет места продавщицы, что очень трудно, п(отому) ч(то) вся Москва еще голая, разутая и торгует эфемерно, большей частью своими силами и средствами, своими немногими людьми. Бедной Таське приходится изощряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба как рыбы об лед. Самое главное, лишь бы была крыша. Комната Андрея [2] мое спасение. С приездом Нади вопрос этот, конечно, грозно осложнится. Но я об этом пока не думаю, стараюсь не думать, п(отому) ч(то) и так мой день есть день тяжких забот.

* * *

В Москве считают только на сотни тысяч и миллионы. Черный хлеб 4600 р. фунт, белый 14 000. И цена растет и растет! Магазины полны товаров, но что ж купишь! Театры полны, но вчера, когда я проходил по делу мимо Большого (я теперь уже не мыслю, как можно идти не по делу!), барышники продавали билеты по 75, 100, 150 т. руб.! В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы — все! Открываются кафе, растут как грибы. И всюду сотни, сотни! Сотни!! Гудит спекулянтская волна.

Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем. Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам.

Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону). Мечтаю добыть Татьяне теплую обувь. У нее ни черта нет, кроме туфель.

Но авось! Лишь бы комната и здоровье!

* * *

Не знаю, интересно ли Вам столь подробное описание Москвы и достаточно ли оно понятно для Вас, киевлян.

Пишу это все еще с той целью, чтобы показать, в каких условиях мне приходится осуществлять свою idee-fixe.

А заключается она в том, чтоб в 3 года восстановить норму — квартиру, одежду, пищу и книги. Удастся ли — увидим.

---

[1] Volens-nolens — волей-неволей (лат.).

[2] Имеется в виду комната А.М. Земского, в которой жили Булгаковы во время пребывания Земских в Киеве.

Не буду писать, п(отому) ч(то) Вы не поверите, насколько мы с Таськой стали хозяйственны. Бережем каждое полено дров.

Такова школа жизни.

По ночам урывками пишу «Записки земск(ого) вр(ача)». Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг». Но времени, времени нет! *Вот что больно для меня!*

Наде

Просьба: передайте Наде (не в силах писать отдельно — сплю!), нужен весь материал для исторической драмы — все что касается Николая и Распутина в период 16- и 17-го годов (убийство и переворот). Газеты, описание дворца, мемуары, *а больше всего «Дневник» Пуришкевича* [1] *— до зарезу!* Описание костюмов, портреты, воспоминания и т. д. Она поймет!

Лелею мысль создать грандиозную драму в 5 актах к концу 22-го года [2]. Уже готовы некоторые наброски и планы. Мысль меня увлекает безумно. В Москве нет «Дневника». Просите Надю достать, во что бы то ни стало! Если это письмо застанет ее перед отъездом, прошу ее привезти материалы с собой. Если ж она остается в Киеве, подождать Рождества и приезда Коли Гладыревского [3] скопить материал и прислать с ним. А может, и раньше будет верная оказия.

* * *

Конечно, при той иссушающей работе, которую я веду, мне никогда не удастся написать ничего путного, но дорога хоть мечта и работа над ней. Если «Дневник» попадет в руки ей временно, прошу немедленно *теперь же* списать дословно из него все, что касается убийства с граммофоном, заговора Феликса и Пуришкевича, докладов Пур(ишкевича) Николаю, личности Николая Михайловича [4], и послать мне в письмах (я думаю, можно? Озаглавив «Материал драмы»?). Может, это и неловко просить ее обременять этим, но она поймет. В Румянцевском музее нет комплектов газет 17 г.!! Очень прошу.

Дядя Коля и дядя Миша [5] здоровы, живут хорошо. Лилю ни разу не видел, Земск[ие] [6] хорошо.

---

[1] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) — активный политический деятель начала XX века. Принимал непосредственное участие вместе с великим князем Дмитрием Павловичем и князем Феликсом Юсуповым в убийстве Григория Распутина. Заговор и убийство Распутина Пуришкевич подробно описал в своем «Дневнике».

[2] Драмы этой Булгаков не написал ни в 1922-м, ни в последующие годы. В архиве писателя сохранились материалы, собранные им для этой работы. И все же, спустя много лет, в 1939 году, Булгаков довольно подробно описал Николая II в пьесе «Батум».

[3] Гладыревский Николай Леонидович (1896—1973) — друг юности М.А. Булгакова, хирург.

[4] Очевидно, речь идет о великом князе Николае Михайловиче (1859—1919), историке, председателе Русского исторического общества.

[5] Николай Михайлович и Михаил Михайлович Покровские — дяди М.А. Булгакова, братья его матери, оба врачи, жили в Москве.

[6] Имеется в виду семья брата А.М. Земского — Бориса Михайловича Земского.

Целую Вас, дорогая мама, крепко.
Тася также. Всех целуем
Михаил.

P.S. Самым моим приятным воспоминанием за последнее время является — угадайте, что?

Как я спал у Вас на диване и пил чай с французскими булками [1]. Дорого бы дал, чтоб хоть на два дня опять так лечь, напившись чаю, и ни о чем не думать. Так сильно устал.

Ивана Павловича [2] целую крепко. Косте:
пора написать письмо!
Пишите по адресу: Садовая 10, кв. 50.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [3]

1 декабря 1921 (Из Москвы в Киев)

Милая Надя,

чего же ты не пишешь?! Одно время пережил натиск со стороны компании из конторы нашего милого дома. «Да А.М. [4] триста шестьдесят пять дней не бывает. Нужно его выписать. И вы тоже неизвестно откуда взялись»... и т. д. и т. д.

Не вступая ни в какую войну, дипломатически вынес в достаточной степени наглый и развязный тон, в особенности со стороны С. смотрителя. По-видимому, отцепились. А[ндрея] настоял не выписывать. Так что, пока что, все по-прежнему. С. довел меня до белого каления, но я сдерживаюсь, п[отому] ч[то] не чувствую, на твердой ли я почве. Одним словом, пока отцепились.

* * *

Я заведываю хроникой «Торг. Пром. Вестн.» [5], и если сойду с ума, то именно из-за него. Представляешь, что значит пустить частную газету?! Во 2 № должна пойти статья Бориса [6] об авиации в промышленности, о кубатуре, штабелях и т. под. и т. под. Я совершенно ошалел. А бумага!! А если мы не достанем объявлений? А хроника!! А ценз.!!! Целый день как в котле.

Написал фельетон «Евгений Онегин» в «Экран» (театр, журнал). Не приняли. Мотив — годится не для театр., а для литер. журнала. Написал посвященн. Некрасову художественный

---

[1] Михаил Афанасьевич вспоминает свое короткое время пребывания в Киеве у матери в сентябре 1921 г. после всех мытарств, испытанных им на Кавказе.

[2] Воскресенский Иван Павлович.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по ксерокопии автографа (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 220, л. 8-9).*

[4] А.М. — Андрей Михайлович Земский.

[5] «Торгово-промышленный вестник» — еженедельная газета (1921—1922, см. «Газеты СССР. 1917—1960. Библиографический справочник», т. 1. М 1970. С. 60.

[6] Борис Михайлович Земский.

фельетон «Муза мести». Приняли в Бюро худ. фельет. при Г. П. П. Заплатили 100. Сдали в «Вестник искусств» [1], который должен выйти при Тео Г. П. П. Заранее знаю, что или не выйдет журнал, или же «Музу» в последн. момент кто-нибудь найдет не в духе... и т. д. Хаос.

Не удивляйся дикой небрежности письма. Это не нарочно, а потому что буквально до смерти устаю. Махнул рукой на все. Ни о каком писании не думаю. Счастлив только тогда, когда Таська поит меня горячим чаем. Питаемся мы с ней неизмеримо лучше, чем вначале. Хотел написать тебе длинное письмо с описанием Москвы, но вот что вышло...

Целую. *Михаил.*
Андрея поцелуй.

Передай Косте прилагаемое письмо [2].

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [3]

15 декабря 1921 (Из Москвы в Киев)

Дорогая Надя,

гробовое молчание из Киева начинает меня смущать. Отчего ты не пишешь?

Я завален работой в «Вестнике». Мы с Таськой питаемся теперь вполне прилично. Если «Вестник» будет развиваться, надеюсь, дальше проживем. Получаю 3 миллиона в месяц. Скверно, что нет пайка.

Пишу коротко (сейчас 2 1/2 ночи). Прошу, корреспондируй мне: рыночные цены в Киеве (мука белая и ржаная в пудах, хлеб в фунтах, масло в ф[унтах], масло подсолнечное, мясо ф. (сорт?), свинина, молоко (кружка или иная мера), сахар-рафинад и песок в ф. и проч.) Источник проверь. Обозначь, на какое число цены. Так, например: рыночные цены в Киеве на так. число: мясо ф. и т.д.

Кроме того, корресп.: банковые операции, торговую и промышленную жизнь (тресты, новые предприятия, состояние торговли, подвоз и т. д.). Марки. почт[овые] посылаю, №№ 2 и 3 «Вестника» посылаю, *построчную плату переведу* .

Если хочешь, займись этим. Времени берет очень мало. Пиши немедленно. Посылай бандеролями газеты (преимуществ. экономическ. и те, что содержат интер[есующие] нас торг[овые] и пром[ышленные] сведения). Все это шли немедленно на мой адрес личный — Садовую или дядьке, т. к. «Вестник» с адреса, указанного) в №, переходит. Если ты не хочешь этим заняться, может Андрей? Жду. Ответь.

Почему не пишешь? Целую.

Михаил

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [4]

---

[1] «Вестник искусств» — журнал, издававшийся художественным отделением Главполитпросвета в Москве в 1921—1922 гг.

[2] Письмо, к сожалению, не сохранилось.

[3] *Вопросы литературы, 1984, № 11. Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 22, л. 10).*

[4] *Вопросы литературы, 1984. № 11. Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 22, л. 11).*

30 декабря 1921 (Из Москвы в Киев)

Дорогая Надя,

напиши, пожалуйста, что у Вас делается. От Вас ни слуху, ни духу [1]. Редакция «Вестника» послала тебе приглашение корреспондировать. Корреспондируй раза два в неделю: рыночные цены в Киеве (обозначь на какое число) и торгово-промышл. хронику (новые тресты, банки и их операции, жизнь артелей, кооперативов и т. д.). Шли бандеролями почаще киевск[ие] и харьковск[ие] газеты. Аванс переведем по получении перв[ой] корреспонденции. Газеты посылаю с Колей [2]. Может быть, найдешь представительство для продажи «Вестника» в Киеве? Тогда напиши.

Поздравляю всех с Новым годом.

Михаил.

Адрес: Москва Третьяковский проезд д. № 11 помещ. 9.
«Торг. Пром. Вестник». Заведов, хроникой.
На верхнем поле письма две приписки:
В 4-м № статья Бориса «Хоз. контроль».
Корресп. на одной стороне листа, о форме не заботься. Лишь бы достоверно. Подписывай фамилию.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [3]

10 января 1922 (Из Москвы в Киев)

Дорогая Надя,

сегодня получил твое письмо от 1/1 с припиской от 2/1. О стоимости газет и цене пересылки их нечего говорить! Шли немедленно. Само собой, что в ту же минуту, как придет первая партия их, мы покроем их авансовым переводом (и будем покрывать!). Я с нетерпением жду первой корреспонденции, потому что без этого редактор не пошлет денег в пространство. Во всяком случае завтра же буду просить, чтобы тебе двинули деньги.

Ты не пишешь, к сожалению, получила ли «Вестник» бандеролями. Немедленно ответь. Завтра шлю опять.

Шли газеты (киевск., одесск., харьковс.) заказными бандеролями, чтобы иметь квитанции. Материалы жду с нетерпением. Всплывают конкурирующие издания, работаем в муках.

Пиши: какие тресты образовались, кто во главе, что делает биржа (что предлагают, что спрашивают, с маклерами или без них), какие артели образовались, союзы их, как развиваются магазины, банк (курс), состояние рынка, подвоз, спрос, цены и т. д. и т. д.

Что рыночные цены упали на рынке — великолепно. Значит, они соответствуют

---

[1] Молчание из Киева объяснялось трудными бытовыми условиями, в которых жили тогда Земские, крайней их занятостью. А кроме того, очень неожиданным было для Надежды Афанасьевны предложение стать корреспондентом в столь чуждой для нее области — экономико-статистической, да еще сугубо информационно-справочного характера.

[2] Коля — Н.Л. Гладыревский, который на зимние студенческие каникулы поехал в Киев.

[3] *Вопросы литературы, 1984, №11. Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 23, л. 1).*

действительности. Такие цены, как цены Комитета цен, биржевого ком(итета) и т. д., тоже нужны, но они несколько отстают и носят официальный характер. Но они тоже нужны. Наприм.: цены, утвержденные Бирж. Ком. (к примеру) такие-то, такие-то и такие-то.

А рыночные само собой. Итак, жду корреспонденции и газет.

Расход для «Вестника» на газеты настолько грошовый, что о нем и говорить не приходится. Я понимаю, что тебе нужны деньги, но ничего не мог поделать в смысле высылки их, не имея от тебя ответа!! Теперь нажму.

Спешу. Целую тебя и Андрея.

Твой *Михаил.*

Корреспонденции адресуй:
Москва Угол Маросейки и Лубянского проезда. Номера Еремеева,
комн. №8. Редакция «Вестника» М.А. Булл (Б-у-л-л).

P.S. Не откажи немедленно сообщить, какие газеты в Киеве выходят (нет ли частных). Следующим письмом высылаю тебе мой фельетон «Москва торгует». Может быть, пристроишь его куда-нибудь? Для Киева при нов. экон. политике он может быть интересен.

Переписку деловую поддерживай со мной, **не прерывая** . Очень прошу об этом. Я же со своей стороны постараюсь тебе доставить заработок. Если «Вестник» пойдет, будешь подрабатывать.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

13 января 1922 (Из Москвы в Киев)

Дорогая Надя,

сегодня «Вестник» получил твою корреспонденцию о рыночных ценах на 31 декабря, и тотчас же я настоял, чтобы редактор перевел тебе 50 тыс(яч). Это сделано. И одновременно с корреспонденцией меня постиг удар, значение которого ты оценишь сразу и о котором я тебе пишу конфиденциально. Редактор сообщил мне, что под тяжестью внешний условий «Вестн[ик]» горит. Ред(актор) говорит, что шансы еще есть, но я твердо знаю, что он не переживет 7-го №. Finita! Вот этим объясняется малая величина посланной тебе суммы. Если б не это, я надеюсь, что сумел бы ее увеличить.

Итак: до получения от меня следующего письма, в котором я сообщу окончательное положение дел, ты еще прокорреспондируй (на мой *личный адрес*), но не трать много денег на бандероли [2]. Сведи расход до minimuma'а. Через два дня дело будет ясно.

В этом письме посылаю тебе корреспонденцию «Торговый ренессанс». Я надеюсь, что ты не откажешь (взамен и я постараюсь быть полезным тебе в Москве) отправиться в любую из киевских газет по твоему вкусу (предпочтительно большую ежедневную) и предложить ее срочно.

Результаты могут быть следующими:

1) ее не примут, 2) ее примут, 3) примут и заинтересуются. О первом случае говорить нечего. Если второе, получи по ставкам редакции гонорар и переведи его мне, удержав в свое пользование из него сумму, по твоему расчету необходимую тебе на почтовые и всякие иные расходы при корреспонденциях и делах со мной (полное твое усмотрение).

Если же 3, предложи меня в качестве столичного корреспондента по каким угодно им

---

[1] *Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т.35, 1976, № 5 . Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 23, л. 2).*

[2] простые, а не заказные, как я писал! (Примечание М. Булгакова).

вопросам, или же для подвального [1] художественного фельетона о Москве. Пусть вышлют приглашение и аванс. Скажи им, что я завед. хроникой в «Вестнике», профессиональный журналист. Если напечатают «Ренессанс», пришли заказной бандеролью два №. Я надеюсь, что ты извинишь меня за беспокойство. Хотел бы тебе написать еще многое помимо этих скучных дел, которыми я вдобавок тебя и беспокою (единственно, что меня утешает, это мысль, что я так или иначе сумею тебе возместить хлопоты в скором времени), ты поймешь, что я должен испытывать сегодня, вылетая вместе с «Вестн[иком]» в трубу.

Одним словом, раздавлен.

А то бы я описал тебе, как у меня в комнате в течение ночи под сочельник и в сочельник шел с потолка дождь.

Целую всех, *Михаил* .

Сведения для киевской газеты:

Зав. хроникой «Вестника», журналист, б. секретарь Лито Главполитпросвета, подписываю посевдонимом Булл. Если же они завяжут со мной сношения, сообщи им адрес, имя, отчество и фамилию для денежных переводов и корреспонденции. Словом, как полагается.

Извини за неряшливое письмо.

Писал ночью, так же как и «Ренессанс» [2]. Накорябал на скорую руку черт знает что.

---

[1] «подвал» — низ газеты, в котором ставятся фельетоны. Впрочем, вероятно, ты знаешь. (Примеч. М.А. Булгакова.)

[2] Фельетон «Торговый ренессанс (Москва в начале 1922-го года)» подписан псевдонимом «М. Булл». В фельетоне ярко и точно описаны первые месяцы жизни Москвы в условиях новой экономической политики. «...Началось это постепенно... понемногу... То тут, то там стали отваливаться деревянные щиты, и из-под них глянули на свет, после долгого перерыва запыленные и тусклые магазинные витрины. В глубине запущенных помещений загорелись лампочки, и при свете их зашевелилась жизнь: стали приколачивать, прибивать, чинить, распаковывать ящики и коробки с товарами. Вымытые витрины засияли. Вспыхнули сильные круглые лампы над выставками. (...)

Трудно понять, из каких таинственных недр обнищавшая Москва ухитрилась извлечь товар, но она достала его и щедрой рукой вытряхнула за зеркальные витрины и разложила на полках. (...) Окна бесчисленных кафе освещены, и из них глухо слышится взвизгивание скрипок.

До поздней ночи шевелится, покупает и продает, ест и пьет за столиками народ, живущий в невиданном еще никогда торгово-красном Китай-Городе».

Но для Булгаковых наступающие дни будут тяжелейшими...

Обратимся к записям Надежды Афанасьевны Булгаковой-Земской, которые она делала как комментарии к письмам Булгакова:

(Следующее письмо) «написано было М(ихаилом) А(фанасьевичем) сестре Надежде из М(осквы) в Киев в феврале 1922 г. — после смерти матери Варвары Михайловны. Она умерла в ночь на 1-е февраля 1922 г. от тифа в Киеве в квартире своего второго мужа Ив(ана) Павл(овича) Воскресенского.

М.А. смертью матери был потрясен. Письмо это — вылитая в словах скорбь: обращаясь к матери на Ты (с большой буквы), он пишет ей о том, чем она была в жизни детей; пишет о необходимости сохранить дружбу всех детей во имя памяти матери... Мих(аил) Аф(анасьевич)... взял это письмо у сестры „посмотреть“ и не вернул...»

* * *

Незадолго до своей смерти, лежа в постели безнадежно больным, М.А. сказал сестре Надежде: «Я достаточно отдал долг уважения и любви к матери, ее памятник — строки в „Белой гвардии“».

Это было в ноябре 1939 г. (перед отъездом М. А. на лечение в санаторий «Барвиха». Разговор шел о биографии и биографах (о них М.А. отзывался нелестно). М.А. хотел сам писать биографию — воспоминания (м. б. биографический роман).

Сохранились небольшие кусочки из дневника М.А. Булгакова, который он вел в эти и последующие годы. К счастью, сохранились записи именно этого периода. 9 февраля он записывает: «Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядюшки немного муки, постного масла и картошки. У Бориса миллион. Обегал всю Москву — нет места. Валенки рассыпались».

Тем не менее он продолжает и в этих условиях заниматься литературой. 14 февраля он записывает: «...Вечером на Девичьем поле в б. Женских курсах (ныне 2-й университет) был назначен суд над „Записками

Противно читать.

Переутомлен я до того, что дальше некуда.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

24 марта 1922 г. Москва

Милая Надя,

получил от Коли Г[ладыревского] твое и Варино письма от 3/III. Не могу выразить, насколько меня обрадовало известие о здоровье Вани [2].

* * *

У Боба [3] гостила сестра Анна Михайловна с мужем и сестра Катя. Первые двое ездили к своим родным в провинцию, потом опять вернулись к Бобу, прожили еще некоторое время и неделю, приблизительно, назад уехали в Тифлис, а Катя осталась у Боба жить. Поездка совсем выбила их из денег, и Боб выложил им 10 миллионов на дорогу.

У Боба все благополучно и полная чаша. Недели две назад у него появилась жена его университетского товарища с тремя детьми и нянькой. Все пятеро оказались в Москве оборванными и совершенно голодными. Конечно, Боб устроил их у себя на кухне и, конечно, голодные ребята так подчистили запасы Бобовой муки, что у того потемнело в глазах. Он стал применять героические усилия, чтобы пристроить мужа дамы к месту. Первым результатом их явилось то, что к даме, трем ребятам и старушечьей физии в платке присоединился еще и муж. Положение их всех из рук вон: аховое.

Но Боб такой человек, что ясности духа не теряет и надеется их куда-то приладить. Живет он хорошо. Как у него уютно кажется, в особенности после кошмарной квартиры № 50! Топится печка, Вовка ходит на голове. Катя кипятит воду, а мы с ним сидим и разговариваем. Ом редкий товарищ и прелестный собеседник.

Вижусь я с ним кроме его квартиры еще на службе, т. к. состою в Н.Т.К. [4] завед. издат. частью.

врача“. В половине седьмого уже стояли черные толпы студентов у всех ходов и ломились в них. Пришло [нес]колько тысяч. [...]

Верес[аев] очень некрасив, похож на пожилого еврея (очень хорошо сохранился). У него очень узенькие глаза с набрякшими тяжелыми веками, лысина. Низкий голос. Мне он очень понравился. Совершенно другое впечатление, чем тогда на его лекции. [...] Говорит он мало. Но когда говорит, как-то умно и интеллигентно у него выходит. [...]»

На следующий день Булгаков записывает: «Погода испортилась. Сегодня морозец. Хожу на остатках подметок. Валенки пришли в негодность. Живем впроголодь. Кругом должны. „Должность“ моя в военно-редакционном совете сводится к (побегушкам), но и то спасибо...»

[1] *Вопросы литературы, 1984, № 1. Письма. Публикуется и датируется по ксерокопии с автографа (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 23, л. 3-8).*

[2] Булгаков Иван Афанасьевич (1900—1968) — брат Михаила Афанасьевича. После гражданской воины оказался за границей, в Париже.

[3] Борис Михайлович Земский. В письме брату — Андрею Михайловичу — он писал о себе: «...Я сейчас состою постоянным членом Научно-Технического Комитета и Управл[ения] его делами, кроме того продолжаю состоять сотрудником ЦАГИ 18 на должности зам. заведующего Летным отделом. С осени получил лекции в Институте инженеров воздушного флота по механике, как ассистент проф[ессора] Чаплыгина. За все это получаю массу благ, но и работаю исключительно много. Зато вполне обеспечиваю все потребности своей семьи».

[4] Н.Т.К. — Научно-технический комитет.

Оседлость Боба, его гомерические пайки и неистощимое уменье М.Д. [1] жить наладят их существование всегда. От души желаю ему этого.

* * *

Дядю Колю, несмотря на его охранные грамоты, уплотнили. Дядю Мишу выставили в гостиную, а в его комнате поселилась пара, которая ввинтила две лампы: одну в 100, другую в 50 свечей и не тушит их ни днем ни ночью. В смысле питания д[ядя] Коля живет хорошо.

* * *

Кроме Н.Т.К. я служу сотрудником новой большой газеты (офф) [2]. На двух службах получаю всего 197 руб. (по курсу Наркомфина за март около 40 миллионов) в месяц, т. е. 1/2 того, что мне требуется для жизни (если только жизнью можно назвать мое существование за последние два года) с Тасей. Она, конечно, нигде не служит и готовит на маленькой железной печке. (Кроме жалования у меня плебейский паек. Но боюсь, что в дальнейшем он все больше будет хромать.)

* * *

Жизнь московскую описывать не стану. Это нечто столь феерическое, что нужно страниц 8 специально посвященных ей. Иначе понять ее нельзя. Да и не знаю, интересна ли она тебе? На всякий случай упомяну две-три детали, дернув их наобум.

Самое характерное, что мне бросилось в глаза: 1) человек плохо одетый — пропал; 2) увеличивается количество трамваев и, по слухам, прогорают магазины, театры (кроме «гротесков») прогорают, частн[ые] худ[ожественные] издания лопаются. Цены сообщить невозможно, потому что процесс падения валюты принял головокружительный характер, и иногда создается разница при покупке днем и к вечеру. Например: утром постное масло — 600, вечер[ом] — 650 и т. д. Сегодня купил себе англ[ийские] ботинки желтые на рынке за 4 1/4 миллиона. Страшно спешил, п[отому] ч[то] через неделю они будут стоить 10.

Прочее, повторяю, неописуемо. Замечателен квартирный вопрос. По счастью для меня, тот кошмар в 5-м этаже, среди которого я 1/2 года бился за жизнь, стоит дешево (за март около 700 тыс.).

Кстати: дом уже «жил[ищного] раб[очего] кооператива» и во главе фирмы вся теплая компания, от 4—7 по-прежнему заседания в комнате налево от ворот.

Топить перестали неделю назад.

Работой я буквально задавлен. Не имею времени писать и заниматься, как следует, франц[узским] язык[ом]. Составляю себе библиотеку (у букинистов — наглой и невежеств[енной] сволочи — книги дороже, чем в магазинах).

* * *

Большая просьба: попроси всех, если кто-нибудь будет писать обо мне Саше

---

[1] М.Д. — Мария Даниловна, жена Б.М. Земского.

[2] Офф. — официальная. Речь идет о газете «Рабочий» — органе ЦК ВКП(б), которая стала выходить с 1 марта 1922 г.

Гд[ешинскому] [1], мой адрес дать на д[ядю] Колю и в точном начертании, как пишете Вы, чтобы не было путаницы и вздора. И немедленно напиши мне его адрес.

* * *

Сейчас 2 часа ночи. Настолько устал, что даже не отдаю себе отчета: что я, собственно, написал! Пустяки какие-то написал, а важное, кажется, забыл...

Пиши. Целую.
Михаил.

* Сейчас, собравшись запечатывать письмо, узнал: ботинки не английск[ие], а америк[анские] и на картонной подошве. Господи, Боже мой! До чего мне все это надоело! [2]

М.А. Булгаков — В.А. Булгаковой [3]

24-го марта 1922. Москва

Дорогая Вера,
много раз пытался присесть, написать тебе, но веришь ли, — я так устаю от своей каторжной работы, что вечером иногда не в силах выжать из себя ни одной строки. От тебя я получил одно письмо осенью пришлого года. И ответил на него тотчас же. Очевидно, оно до тебя не дошло. Молодой человек, что приезжал сюда (он видел только Тасю, меня не застал), говорил, что ты сердишься на меня за молчание. Теперь хочу взяться за переписку со своими и думаю, что ты будешь писать мне.

* * *

Во-первых: получила ли ты известие о смерти мамы: (Она скончалась от сыпного тифа.) Варя из Киева дала тебе телеграмму.

---

[1] Александр Петрович Гдешинский — друг детства Булгакова.

[2] Писатель Юрий Львович Слезкин описывает жизнь Булгакова в то время таким образом: «Жил тогда Миша бедно, в темноватой, сырой комнате большого дома на Садовой, со своей первой женой Татьяной Николаевной. По стенкам висели старые афиши, вырезки из газет, чудаческие надписи. Был Булгаков стеснен в средствах, сутулился, поднимал глаза к небу, воздевал руки, говорил: „когда же это кончится?..“ припрятывал „золотые“, рекомендовал делать то же. Работал в „Гудке“ и проклинал редактора. Читал свой роман о каком-то наркомане и повесть о докторе — что-то очень скучное и растянутое. Ходил ко мне и к Стонову 19 чуть не каждый день. Любили мы его слушать — рассказывал он мастерски, зло, остроумно. Тогда же написал и свои „Записки на манжетах“ — это было лучше. Вспоминал Кавказ со скрежетом зубовным... Его манера говорить схвачена у меня довольно верно в образе писателя в „Столовой горе“. Когда я писал эту „Столовую гору“ — она не была такая куцая, какой вышла из-под руки цензуры. Булгаков хвалил роман и, очевидно, вполне искренне относился с симпатией ко мне как писателю и человеку. Написал даже большую статью для берлинского журнала „Сполохи“, где и была она помещена...» 20

[3] *Вопросы литературы, 1984. № 11. Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 3, л. 3)*

* * *

Я очень много работаю; служу в большой газете «Рабочий» и зав. издат. в Научн. Техн. Комит. у Бориса Михайловича З[емского]. Устроился только недавно. Самый ужасный вопрос в Москве — квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем З[емским]. Комната скверная, соседство тоже. Больш. Садовая 10, кв. 50. Оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот. О ценах московских и писать не буду, они невероятны. Я получаю жалованье около 45 миллионов в месяц (по мартовскому курсу). Этого мало. Нужно напрягаться, чтобы заработать еще. Знакомых у меня в Москве очень много (журнальный и артист, мир), но редко кого вижу, потому что горю в работе и мечусь по Москве исключительно по газетным делам.

* * *

Дядю Колю «уплотнили», но живет он сравнительно с другими хорошо.

* * *

Меня очень беспокоит, как ты поживаешь. Не голодно ли?

* * *

У Ивана Павловича скопилась вся компания (Леля, Костя, Варя, Лена), а Андрей с Надей у Василия [Павлов]ича.

Скучаю по своим.

Ваня и Коля [1] здоровы, о них мне писали.

---

[1] Булгаков Николай Афанасьевич (1898—1966) — брат писателя, вел обширную переписку с родственниками. Сохранилось письмо Николая Афанасьевича к матери (от 16 января 1922 г.) из Загреба, которое она получила незадолго до смерти. На наш взгляд, это письмо представляет большой интерес. Приводим письмо с некоторыми сокращениями:

«Милая моя, дорогая мамочка, и все близкие моему сердцу братья и сестры!

Вчера я пережил незабываемые драгоценные минуты: нежданно-негаданно пришло твое письмо, когда я только что вернулся из университета. Слезы клубком подошли к горлу и руки тряслись, когда я вскрывал это драгоценное письмо. Я рыдал, в полном смысле этого слова, до того я истосковался и наволновался: столько времени ни о ком ни полслова!

Боже милосердный, неужели это правда! [...]

Сколько бодрости и радости принесло мне известие, что вы все живы и здоровы. Теперь расскажу кое-что о себе: я, слава Богу, здоров и, вероятно, страшно переменился за эти годы: ведь мне уже 24-ый год. Посылаю вам одну из последних карточек.

После довольно бедственного года, проведенного мною в борьбе за существование, я окончательно поправил свои легкие и решил снова начать учебную жизнь. Но не так легко это было сделать: понадобился целый год службы в одном из госпиталей, чтобы окончательно стать на ноги... Это была очень тяжелая и упорная работа: так, например, я просидел взаперти 22 суток один-одинешенек с оспенными больными крестьянами, доставленными из пораженного эпидемией уезда. Работал в тифозном отделении с 50 больными, и Бог вынес меня целым и невредимым. Все это смягчалось сознанием, что близка намеченная цель...

Теперь я освобожден от платы за право учения, получаю от университета 21 стипендию, равную 20—25 рублям мирного времени. Половину этого отнимает квартира, отопление и освещение, а остальное на прочие потребности жизни: еду и остальное! Жить приходится более чем скромно, но меня спасает то, что за время службы в госпитале я купил себе теплое пальто, 2 пары ботинок, кой-какой костюмчик [...] Есть даже какая-то посуда. Живу я на окраине города, в комнате с самой необходимой студенту обстановкой... Воду дают хозяева, которые очень хорошо ко мне относятся; ведь я не пью, не курю, не скандалю — тихий квартирант и платит аккуратно! Готовлю обычно сам, но иногда обедаю в столовках, что подешевле [...] Конечно не приходится думать о покупке нужных и дорогих пособий [...] А больше всего работаю в университетской библиотеке, в

Я жду от тебя письма с описанием твоей жизни и планов.

Целую. Твой *Михаил.*

Пиши на адрес дяди Коли.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

18 апреля 1922 Москва

Дорогая Надя,

извини, что не успел поздравить со Светлым праздником. Я веду такой каторжный образ жизни, что не имею буквально минуты. Только два дня вздохнул на праздники. А теперь опять начинается мой кошмар.

Отвечаю на запросы в твоем письме, переданном Вас. Павл.

Комната:

Бориса, конечно, выписали. Вас тоже. Думаю, что обратно не впишут. Дом «жил. раб. товарищ.» Плата прогрессирует. Апрель 1 1/2 милл. Топить перестали в марте. Все переплеты покрылись плесенью. Вероятно (а может быть и нет), на днях сделают попытку выселить меня, но встретят с моей стороны сопротивление на законн. основании (должность: у Боба старшим инженером служу с марта).

Прилагаю старания найти комнату. Но это безнадежно. За указание комнаты берут бешеные деньги.

* * *

Служба.

Всюду огромное сокращение штатов. Пайки гражданск. отменены. Народное образов[ание] оплачивается хуже всего и неаккуратно.

* * *

Цены. Нет смысла сообщать: меняются каждый день на сотни тысяч. Перед праздником: белая мука пуд — 18 милл. Хлеб белый 375 т[ысяч] фунт, масло слив. 1 милл.

которой очень много хороших книг на немецком языке, который я изучил еще до поступления в университет, живя в госпитале [...]

Теперь буду писать очень часто и побольше, а вы все с своей стороны обязаны писать мне (можно коллективные письма, а то это удовольствие не по карманам) [...] Может быть, прислать бумаги и конвертов: у меня есть. Может быть, Михаилу это понадобится. Если будешь писать ему, напиши обо мне, пожелай от меня здоровья и благополучия, передай поцелуй ему с Тасей и обязательно сообщи его адрес [...]

Ну пора кончать (только что кончил варить обед на завтра и послезавтра; пока писал — он кипел, а теперь готов).

Целую всех крепко, крепко. Боже благослови вас — милых.

Да скажи О[тцу] Николаю, что я его помню и очень люблю, пусть помолится за меня.

Пишите, если будет возможно, почаще. Даст Бог увидимся.

Коля.

Не забывайте, что я совершенно один и не могу переносить одиночества, а бывать не у кого; кругом все чужие».

[1] *Вопросы литературы, 1984, № 11. Письма. Публикуется и датируется (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 23, л. 9-10).*

200 т. фунт.

* * *

Боб: о Вашем приезде знает. Живет очень хорошо. Много зарабатывает. Гостит отец Марии Д. [1]

* * *

Д[адя] **Коля** живет прекрасно. Уплотнен.

* * *

Я: 1) служу сотрудником больш. офф. газеты, 2) у Боба [2] 3) временно конферансье в маленьком театре. Зарабатываю (за 1/2 апреля):

паек + 40 милл. (у Боба) + 30 милл. газ(ета) + конферанс. (еще не считал). В общем за апрель должен получить всего 130—140 милл. Впрочем, сказать трудно точно. Кавардак. Меняются ставки.

Целую.
Михаил.

P.S. Посылку получил. Варе пишу.

М.А. Булгаков — В.А. Булгаковой [3]

Москва 23-го января 1923 г.

Дорогая Вера,

спасибо Вам всем за телеграфный привет. Я очень обрадовался, узнав, что ты в Киеве. К сожалению, из телеграммы не видно — совсем ли ты вернулась или временно? Моя мечта, чтобы наши все осели бы, наконец, на прочных гнездах в Москве и в Киеве.

Я думаю, что ты и Леля, вместе и дружно, могли бы наладить жизнь в том углу, где мама налаживала ее. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что лучше было бы и Ивану Павловичу, возле которого остался бы кто-нибудь из семьи, тесно с ним связанной и многим ему обязанной. С печалью я каждый раз думаю о Коле и Ване, о том, что сейчас мы

---

[1] Мария Даниловна — жена Бориса Михайловича Земского.

[2] Боб — Борис Михайлович Земский писал в письме от 9 апреля 1922 г. в Киев брату и Надежде Афанасьевне: «Булгаковых мы очень полюбили и видимся почти каждый день. Миша меня поражает своей энергией, работоспособностью, предприимчивостью и бодростью духа. Мы с ним большие друзья и неразлучные собеседники. Он служит в газете и у меня в Научно-Технич. Комитете. Можно с уверенностью сказать, что он поймает свою судьбу, — она от него не уйдет... Мы долго грустили и печалились с Булгаковыми по Варваре Михайл. и радовались, что Коля и Ваня живы и здоровы...

Вовочка 22 значительно вырос... Они большие приятели с „дядей Мишей“ — играют в свои игры — „бой подушками“, „гуляние по потолку“ и т. д.».

[3] *Вопросы литературы, 1984, № 11. Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 3, л. 4).*

никто не можем ничем облегчить им жизнь. С большой печалью я думаю о смерти матери и о том, что, значит, в Киеве возле Ивана Павловича никого нет. Мое единственное желание, чтобы твой приезд был не к разладу между нашими, а наоборот, связал бы киевлян. Вот почему я так обрадовался, прочитав слова «дружной семьей». Это всем нам — самое главное. Право, миг доброй воли, и вы зажили бы прекрасно. Я сужу по себе: после этих лет тяжелых испытаний я больше всего ценю покой! Мне так хотелось бы быть среди своих. Ничего не поделаешь. Здесь в Москве, в условиях неизмеримо более трудных, чем у вас, я все же думаю пустить жизнь — в нормальное русло.

В Киеве, стало быть, надежда на тебя, Варю и Лелю. С Лелей я много говорил по этому поводу. На ней, так же как и на всех, отразилось пережитое, и так же как и я, она хочет в Киеве мира и лада.

Моя большая просьба к тебе: живите дружно в память маме.

Я очень много работаю и смертельно устаю. Может быть, весной мне удастся на ненадолго съездить в Киев, я надеюсь, что застану тебя, повидаю Ивана Павловича. Если ты обживешься в Киеве, посоветуйся с Иваном Павловичем и Варварой, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы сохранить мамин участок в Буче. Смертельно мне будет жаль, что если пропадет он.

Ивану Павловичу передай мой и Тасин горячий привет.

Твой брат *Михаил.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

[Весна 1923 года. Москва]

Дорогая Надя,

крепко целую тебя, Андрея и дитё. Спасибо за пирог. Очень жалею, что Вы не пришли. Я бы Вас угостил ромовой бабкой. Живу я как сволочь — больной и всеми брошенный. Я к Вам не показываюсь потому, что срочно дописываю 1-ую часть романа; называется она «Желтый прапор» [2]. И скоро приду.

У меня рука болит. Цел ли мой диплом?

Хотя я напрасно пишу эту записку:

Катюша [3] сказала:

— Я все равно ее потеряю.

Когда я сказал:

— Ну, так передайте на словах.

Она ответила:

— Вы лучше напишите, а то я забуду.

Целую всех.

Татьяна целует. Коля Гладыревский шлет привет.

Твой Михаил.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по ксерокопии с автографа (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 3, л. 4)*

[2] Прапор — знамя (укр).

[3] Катюша — сестра А.М. Земского.

Андрей, не сердись, что я к тебе не пришел.

М.А. Булгаков — П.А. Садыкеру [1] [2]

20 апреля 1923 г.

Уважаемый Павел Абрамович!

На безоговорочное сокращение согласиться не могу [3]. Этот § 10 [4] необходимо исключить или переработать совместно. Во всем остальном договор вполне приемлем мною.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [5]

Москва. (1923?) [6]

Дорогая Надя,

я продал в «Недра» рассказ «Дьяволиада», и доктора нашли, что у меня поражены оба коленные сустава; кроме того, я купил гарнитур мебели шелковый, вполне приличный. Она уже стоит у меня в комнате [7].

Что будет дальше, я не знаю — моя болезнь (ревматизм) очень угнетает меня. Но если я не издохну как собака — мне очень не хотелось бы помереть теперь — я куплю еще ковер. Кстати о ковре: портрет, на котором ты поставила крест, был не мой, а твой [8].

---

[1] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. Москва, СП, 1997. Составление и комментарии В.И. Лосева. Печатается и датируется по черновому автографу (ОР РГБ, ф. 416, к. 6, ед. хр. 31).*

[2] Садыкер Павел Абрамович — издатель, в 1923 году — директор Акционерного общества «Накануне» в Берлине, имевшего свою контору и в Москве.

[3] П.А. Садыкер внимательно следивший за публикациями в газете «Накануне», предложил М.А. Булгакову издать «быстро и красиво» «Записки на манжетах». Булгаков согласился с этим предложением.

[4] Получив 19 апреля 1933 года проект договора, Булгаков обратил внимание на пункт 10, в котором говорилось, что издательство оставляет за собой право сокращать текст книги по требованию цензуры.

[5] *Вопросы литературы, 1984, № 11. Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19. ед. хр. 24, л. 1-2).*

[6] Судя по последней фразе, — «Целую Чижку», — письмо, написано летом 1923 г., так как «Чижка» (дочь Н.А. Земской) родилась в марте.

[7] В «Записках писателя» Ю. Слезкина есть такая фраза: «Булгаков... купил будуарную мебель, заказал брюки почему-то на шелковой подкладке. Об этом он рассказывал всем не без гордости». А до этого Ю. Слезкин написал: «Вскоре появилась в Москве сменовеховская газета „Накануне“ и открылось ее отделение в Гнездниковском переулке. Мы с Булгаковым начали сотрудничать там, приглашенные туда Дроздовым. Здесь Булгаков развернулся, как фельетонист. На него обратили внимание, изд. „Накануне“ купило его „Записки на манжетах“, да так и не выпустило. Булгаков стал попивать красное винцо...»

[8] Н.А. Булгакова-Земская так объясняет эту шутку: «„Портрет“ — это смешная физиономия на книжках издательства „Смехач“ и „ЗиФ“. В этом издательстве были изданы рассказы Михаила Афан[асьевича], и я сказала, что книжка с портретом автора».

Целую Чижку.
Твой покойный брат *Михаил.*

М.А. Булгаков — Ю.Л. Слезкину [1]

31 августа 1923, Москва

Дорогой Юрий, спешу тебе ответить, чтобы письмо застало тебя в Кролевце [2]. Завидую тебе. Я в Москве совершенно измотался.

В «Накануне» [3] масса новых берлинских лиц, хоть часть из них и временно: Не-Буква,

---

[1] *Москва. 1976. № 7. Письма. Печатается и датируется по автографу (РГАЛИ, ф. 1384, ед. хр. 93).*

[2] Кролевец — городок под Черниговом, где летом 1923 г. отдыхал Ю.Л. Слезкин. 27 августа он написал Булгакову письмо, в котором, в частности, говорилось: «[...] Пишу тебе из благословенного захудалого городка, Кролевца, куда переехал из Чернигова доживать лето. Здесь подлинная деревня с бесчисленным количеством садов, огородов, яров, пыльным боярышником и очаровательными домишками... Что делается у нас в „Накануне“? [...] Что слышно с нашими берлинскими книгами? Когда они, наконец, выйдут? Что вообще нового в литературе?

В Чернигове и Кролевце читал лекции о Москве, где упоминал о тебе и Катаеве, как о самых талантливых из молодежи, работающих в „Накануне“.

Что твой роман? Я на него очень надеюсь. Кончил ли „Дьяволиаду“? С радостью, приехав, послушаю [...]

Имеются ли новые перспективы в смыслах издательских?

Пиши, голуба, не забывай [...]»

[3] 26 марта 1922 г. в Берлине вышел первый номер газеты «Накануне» под редакцией Ю.В. Ключникова и Г.Л. Кирдецова при ближайшем участии С.С. Лукьянова, Б.В. Дюшен и Ю.Н. Потехина, кроме того, в газете сотрудничали и И. Василевский (Не-Буква) — первый муж Л.Е. Белозерской, А.Н. Толстой («трудовой граф» редактировал литературное приложение), А. Бобрищев-Пушкин. 1 августа 1923 г. А.Н. Толстой, Ю.В. Ключников, А. Бобрищев-Пушкин, И. Василевский (Не-Буква) вернулись в Россию, а Ю.Н. Потехин еще оставался в Берлине, пытаясь продвинуть в печать книжку М.А. Булгакова «Записки на манжетах». Но из этого ничего не получилось. А между тем М.А. Булгакова активно печатали в «Накануне» и ее литературном приложении.

Газета выходила в Берлине, но в Москве, в доме Нирензее, была создана московская редакция для привлечения к сотрудничеству советских писателей. Газета продавалась во всех крупных городах Советского Союза. Московская редакция должна была поставлять материалы о Москве, Петрограде, Киеве, вообще о новой жизни, о переменах и событиях, которые происходили в Советской России... Новая экономическая политика давала обширный и разнообразный материал для остро мыслящего и зорко видящего репортера, журналиста, писателя. И Булгаков не замедлил воспользоваться этой возможностью публиковать свои произведения.

Эм. Миндлин, бывший в то время секретарем московской редакции «Накануне» и ее корреспондентом, вспоминал о вхождении Михаила Булгакова в литературу:

«Вот уж не помню, когда именно и как он впервые появился у нас в респектабельной московской редакции. Но помню, что еще прежде чем из Берлина пришла газета с его первым напечатанным в „Накануне“ фельетоном, Булгаков очаровал всю редакцию светской изысканностью манер... В Булгакове все — даже недоступные нам гипсово-твердый ослепительно свежий воротничок и тщательно повязанный галстук, не модный, но отлично сшитый костюм, выутюженные в складочку брюки, особенная форма обращения к собеседникам с подчеркиванием отмершего после революции окончания „с“, вроде „извольте-с“ или „как вам угодно-с“, целованье ручек у дам и почти паркетная церемония поклона, — решительно все выделяло его из нашей среды. И уж конечно, конечно его длиннополая меховая шуба, в которой он, полный достоинства, поднимался в редакцию, неизменно держа руки рукав в рукав!»

С июня 1922 г. М. Булгаков опубликовал в «Накануне» «Записки на манжетах», «Москва краснокаменная», «Красная корона», «В ночь на 3-е число», «Столица в блокноте», «Чаша жизни», «Сорок сороков», «Под стеклянным небом», «Московские сцены», «Бенефис лорда Керзона», «Путевые заметки», «Комаровское дело», «Киев-город», «Самоцветный быт», «Самогонное озеро», «День нашей жизни», «Псалом», «Золотистый город»...

Эм. Миндлин рассказывает: о первой Всероссийской выставке писали многие московские журналисты, но

Бобрищев-Пушкин, Ключников и Толстой. Эти четверо прочитали здесь у Зимина лекцию. Лекция эта была замечательна во всех отношениях (но об этом после).

Трудовой граф чувствует себя хорошо, толсто и денежно. Зимой он будет жить в Петербурге, где ему уже отделывают квартиру, а пока что живет под Москвой на даче. Печатание наших книг вызывает во мне раздражение, до сих пор их нет. Наконец, Потехин сообщил, что на днях их ждет. По слухам, они уже готовы. (Первыми выйдут твоя и моя.) Интересно, выпустят ли их. За свою я весьма и весьма беспокоюсь. Корректуры они мне, конечно, и не подумали прислать.

«Дьяволиаду» я кончил [1], но вряд ли она где-нибудь пройдет. Лежнев отказался ее взять.

Роман я кончил [2], но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправлю. Лежнев начинает толстый ежемесячник «Россия» при участии наших и заграничных. Сейчас он в Берлине, вербует. По-видимому, Лежневу предстоит громадная издательско-редакторская будущность. Печататься «Россия» будет в Берлине. При «Накануне» намечается иллюстрированный журнал. Приложения уже нет, а есть пока лит. страничка.

Думаю, что наши книги я не успею прислать тебе в Кролевец. Вероятно, к тому времени, как они попадут ко мне в руки, ты уже будешь в Москве.

Трудно в коротком спешном письме сообщить много нового. Во всяком случае, дело явно идет на оживление, а не на понижение в литературно-издательском мире.

Приезжай! О многом интересном поговорим.

Таня тебе и Лине шлет привет. И я Лине отдельный, спецпривет.

В Москве пьют невероятное количество пива.

Целую тебя.
Твой *М. Булгаков.*

Булгаков по заказу «Накануне» написал блестящий очерк — «это был мастерски сделанный, искрящийся остроумием, с превосходной писательской наблюдательностью написанный очерк сельскохозяйственной выставки». Целую неделю Булгаков изучал выставку, побывал в узбекском и грузинском павильонах, описал национальные блюда и напитки, описал свое посещение чайханы, шашлычной, винного погребка... В кустарном отделе заметил: «...изделия из мамонтовой кости. Маленький бюст Троцкого, резные фигурные шахматы, сотни вещиц и безделушек [...] Бледный кисейный вечерний свет в окне и спальня красного дерева. Столовая. И всюду Троцкий, Троцкий, Троцкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий... К центру цветника непрерывное паломничество отдельных фигур. Там знаменитый на всю Москву цветочный портрет Ленина. Вертикально поставленный, чуть наклонный двускатный щит, обложенный землей, и на одном скате с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок его речи...» *(Накануне, 30 сент. 1923).*

Очерк тут же был отправлен в Берлин, а через три дня опубликован. И все были довольны в надежде, что теперь-то уж на Западе не будут печатать свои измышления о голоде в республиках Средней Азии и Кавказа.

В день выплаты гонорара, — вспоминает Эм. Миндлин, — Булгаков представил счет на производственные расходы. «Но что это был за счет! Расходы по ознакомлению с национальными блюдами и напитками различных республик!.. Всего ошеломительнее было то, что весь этот гомерический счет на шашлыки, шурпу, люля-кебаб, на фрукты и вина был на двоих». «Почему же счет на двоих?» — спросил пораженный заведующий финансами редакции. Булгаков невозмутимо ответил:

— ...Во-первых, без дамы я в ресторан не хожу. Во-вторых, у меня в фельетоне отмечено, какие блюда даме пришлись по вкусу. Как вам угодно-с, а произведенные мною производственные расходы покорнейше прошу возместить. (Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники, М., 1968, с. 115—120).

[1] «Дьяволиаду» М. А. Булгаков закончил в 1923 г., а напечатал в четвертой книжке альманаха «Недра», вышедшей не позднее марта 1924 г.

[2] В письме упоминается роман «Белая гвардия», завершив который, М.А. Булгаков передал его в журнал «Россия», выходивший под редакцией И.Г. Лежнева.

М.А. Булгаков — П.Н. Зайцеву [1] [2]

25 мая 1924

Дорогой Петр Никанорович,

оставляю Вам «Записки на манжетах» [3] и убедительно прошу поскорее выяснить их судьбу.

В III части есть отрывок, уже печатавшийся [4]. Надеюсь, что это не смутит Николая Семеновича [5]. При чтении III-ей части придется переходить от напечатанных отрывков к писанным на машинке, следя за нумерацией глав.

Я был бы очень рад, если бы «Манжеты» подошли. Мне они лично нравятся.

Было бы очень хорошо, если бы Ник. Сем. срочно устроил у себя чтение «Манжет». Я сам бы прочитал их, и судьба их моментально бы выяснилась.

Себе я ничего не желаю, кроме смерти. Так хороши мои дела!

Ваш *М. Булгаков.*

P.S. Буду Вам звонить и сам зайду сегодня и завтра.

М.А. Булгаков — П.Н. Зайцеву [6]

Дорогой Петр Никанорович,

все, как полагается, приходит сразу: лежу с припадком аппендицита. У Бахметьева [7] не был и быть уж, конечно, не придется. Места брать не буду [8], при первых деньгах уеду на юг. юг.

Сообщите, что с «Записками»? [9]

---

[1] *Памир, 1987, № 8. Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Зайцев Петр Никанорович (1889—1971) — литератор, издательский работник.

[3] Рукописный текст «Записок на манжетах» не сохранился.

[4] «Записки на манжетах» печатались трижды: в «Накануне» (1922, № 8, 18 июня) — первая часть, тринадцать глав; в альманахе «Возрождение», т. 2 (М., 1923), где первая часть напечатана в гораздо более полном виде, но с сокращениями нескольких кусков, имеющихся в «Накануне»; в журнале «Россия» (1923, №5) — вторая часть.

[5] Клестов-Ангарский Николай Семенович (1873—1941) — профессиональный революционер, член РСДРП(б) с 1902 г., активный участник трех революций, незаурядный литературный критик, редактор, издатель. В то время возглавлял издательство «Недра».

[6] *Памир, 1987, № 8. Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[7] Очевидно, речь идет о Владимире Матвеевиче Бахметьеве (1885—1963), писателе.

[8] П.Н. Зайцев пытался найти для Булгакова место в редакционно-издательских отделах.

[9] «Записки на манжетах» так и не были опубликованы в «Недрах». К сожалению, не сохранилась и эта,

Ваш *М. Булгаков.*

31.V.1924.
P.S. Выйду, вероятно, 2-го июня.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

20 августа 1924

Дорогая Надя,

все в полном порядке — Галя приехала [2]. Вот — она. Несколько ночей она провела у знакомых (устроила Татьяна), а что дальше — мне неизвестно.

Поговори с ней по душам. Можешь ли ты ее пристроить временно в школе?

Девчонку милые киевляне прислали даже без документа. Питание происходит у меня, но, ведь, положить-то спать у себя ее я не могу?! По одной уже той причине, что не на чем.

Одним словом, целую тебя, девочку, Андрея, Кубарку, Любовь Николаевну, твоего родственника Леню и всех вообще.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — П.Н. Зайцеву [3]

(Конец августа — начало сентября 1924 г.)
Телефон Вересаева? 2-60-28. Но телефон мне не поможет... Туман... Туман...
Существует ли загробный мир?
Завтра, может быть, дадут денег... [4]

наиболее полная рукопись.

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 24, л. 7).*

[2] В записях Н. А. Булгаковой-Земской имеются сведения о том, что в гости из Киева приехала Галя Сынгаевская (дочь их приятеля) и жила некоторое время у Надежды Афанасьевны.

[3] *Памир. 1987. № 8. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[4] Собственно говоря, эта записка не была адресована П.Н. Зайцеву. Просто писал ее Булгаков, находясь у Зайцева в издательстве «Недра». В этот момент Булгаков, скорее всего, мучительно размышлял о ближайших днях своего существования, поскольку, получив в «Недрах» отказ в публикации «Белой гвардии», он попадал в тяжелейшее материальное положение. К тому же семейные дела его крайне осложнились, в это время он уже решил жениться на Л.Е Белозерской. Раздумывая о своем житье-бытье, Булгаков машинально набрасывал на листке отдельные фразы. Этот листок П.Н. Зайцев сохранил и на обороте написал: «М.А. Булгаков, дожидаясь меня и гонорара 23 в ред. „Недра“ в 1924 г., изливал свою горечь в рисунках и афоризмах».

Все эти события происходили на глазах у Ю.Л. Слезкина, который достаточно подробно описал их в своих «Записках писателя». Приводим некоторые выдержки из них: «Тогда у нас собирался литературный кружок „Зеленая лампа“ — организаторами его были я и Ауслендер, вернувшийся из Сибири. Ввел туда я и Булгакова. Он читал там свои рассказы „Роковые яйца“ и „Собачье сердце“. Последний так и не увидел свет — был запрещен. А рассказ хорош, но с большой примесью яда. Булгаков точно вырос в один-два месяца. Точно другой человек писал роман о наркомане. Появился свой язык, своя манера, свой стиль. Портрет Булгакова тех дней очень верно написан Валентином Катаевым в его рассказе „Зимой“. Катаев был влюблен в сестру Булгакова 24, хотел на ней жениться — Миша возмущался. „Нужно иметь средства, чтобы жениться,“ — говорил он.

Булгаков Михаил Афанасьевич.
Автобиография [1]

Родился в г. Киеве в 1891 году. Учился в Киеве и в 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием.

Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось.

В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишенные отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни.

В берлинской газете «Накануне» в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны.

Не при свете свечки, а при тусклой электрической лампе сочинил книгу «Записки на манжетах». Эту книгу у меня купило берлинское издательство «Накануне», обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе. Вначале меня это очень волновало, а потом я стал равнодушен.

Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде.

Год писал роман «Белая гвардия». Роман этот я люблю больше всех других моих вещей.

Москва, октябрь 1924 г.

М.А. Булгаков — И.Л. Кремлеву [2] [1]

Вскоре он прочел нам первые главы своего романа „Белая гвардия“. Я его от души поздравил и поцеловал — меня увлекла эта вещь, и я радовался за ее автора».

Судя по всему, Ю.Л. Слезкин неодобрительно относился к изменениям в семейной жизни Булгакова, которые описывает так: «Тут у Булгакова пошли „дела семейные“ — появились новые интересы, ему стало не до меня. Ударил в нос успех! К тому времени вернулся из Берлина Василевский (Не-Буква) с женой своей (которой по счету?) Любовью Евгеньевной, не глупая, практическая женщина, многое испытавшая на своем веку, оставившая в Германии свою „любовь“, — Василевская приглядывалась ко всем мужчинам, которые могли бы помочь строить ее будущее. С мужем она была не в ладах. Наклевывался роман у нее с Потехиным Юрием Михайловичем (ранее вернувшимся из эмиграции) — не вышло, было и со мною сказано несколько теплых слов [...] Булгаков подвернулся кстати. Через месяц-два все узнали, что Миша бросил Татьяну Николаевну и сошелся с Любовью Евгеньевной. С той поры — наша дружба пошла врозь. Нужно было и Мише и Л. Е. начинать „новую жизнь“, а следовательно, понадобились новые друзья — не знавшие их прошлого. Встречи наши стали все реже, а вскоре почти совсем прекратились, хотя мы остались по-прежнему на ты.

Талант Булгакова неоспорим, как неоспоримо его несколько наигранное фрондерство и поза ущемленного в своих воззрениях человека...»

Эти записи о Булгакове, как и ранее цитировавшиеся, сделаны Ю. Слезкиным в феврале 1932 г., то есть по прошествии достаточно большого времени, и, естественно, оценки событиям 1924—1925 гг. даются уже с учетом последующих событий. Несомненно, высказывания Ю. Слезкина о «наигранном фрондерстве и позе ущемленного в своих воззрениях человека» выражают отношение Слезкина к ситуации, сложившейся вокруг Булгакова в 1927—1930 гг. Тут явно проскальзывают нотки зависти к творческим успехам бывшего друга.

[1] *Сб. «Писатели» под редакцией В. Лидина, М., 1926.*

[2] *Петелин В. Россия— любовь моя. Московский рабочий, 1986. Затем: Письма. Печатается и датируется*

(Не ранее ноября 1924 г.) [2]

Милый Илья Львович!

Я получил предложение, касающееся моей книги фельетонов. Поэтому очень прошу Вас вернуть мне рукопись, независимо от результатов редакторской оценки. Пришлите мне рукопись в Москву как можно скорее (у меня нет 2-го экземпляра). Москва, Обухов (Чистый) пер. дом 9, кв. 4.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Ваши книги у меня в целости. Я их Вам верну на днях.

М.А. Булгаков — М.А. Волошину [3] [4]

10 мая 1925 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Н.С. Ангарский передал мне Ваше приглашение в Коктебель [5]. Крайне признателен

по автографу (РГАЛИ, ф. 1250, оп.1 ед. хр. 8)

[1] Кремлев-Свен Илья Львович (1897—1971) начал печататься с 1916 г., известен как автор трилогии «Большевики». В 1923 г. у него вышла книга «Брюки и другие рассказы», сборник сатирических и юмористических рассказов. Это, скорее всего, и сблизило М. Булгакова и И. Кремлева-Свена.

[2] М.А. Булгаков арендовал комнату в доме №9 по Обухову (Чистому) переулку, очевидно, в декабре 1924 г., поселившись там с Любовью Евгеньевной Белозерской (1898—1987).

[3] *М.А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М. 1988; с. 413. Затем: Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП., 1997. Печатается и датируется по автографу (ОР ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 284). Комментарии В.И. Лосева.*

[4] Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — известный поэт, критик, художник. Очевидец крымских событий в период гражданской войны.

[5] В августе 1924 г. П.Н. Зайцев приехал в Коктебель к Ангарскому, чтобы уговорить того дать согласие на печатание романа «Белая гвардия» в «Недрах». Очевидно, в это время Волошин познакомился с рукописью романа и принял участие в «уговаривании» Ангарского к его публикации. Через некоторое время Волошин прочитал опубликованную в журнале «Россия» первую часть романа и повесть «Роковые яйца», которую ему прислал Ангарский. 25 марта 1925 года Волошин написал Ангарскому письмо, в котором, в частности, говорилось: «Спасибо за VI книгу „Недр“ и за Ваши издания (и особенно за Уэллса). Я их получил уже больше месяца назад, но как раз в тот момент выезжал в Харьков... „Недра“ прочел еще в вагоне. Рассказ М. Булгакова очень талантлив и запоминается во всех деталях сразу. Но я очень пожалел, что Вы все-таки не решились напечатать „Белую гвардию“, особенно после того, как прочел отрывок из нее в „России“. В печати видишь вещи яснее, чем в рукописи... Но во вторичном чтении эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого. И по литературному значению удельный вес, разумеется, превосходит „Роковые яйца“.

Очень досадно, что она не пойдет в „Недрах“ целиком, тем более что Лежнев ограничится, кажется, лишь фрагментом...

Мне бы очень хотелось познакомиться лично с М. Булгаковым, так как Вы его наверно знаете, — то передайте ему мой глубокий восторг перед его талантом и попросите его от моего имени приехать ко мне на лето в Коктебель».

Ангарский показал письмо Булгакову, и тот переписал почти весь текст себе в альбом. Конечно, отзыв маститого поэта и писателя очень обрадовал Булгакова, и он воспользовался приглашением приехать в Коктебель. Ангарский тут же сообщил Волошину: «Булгаков к Вам с радостью приедет».

28 мая Волошин ответил Булгакову приветливым письмом: «Дорогой Михаил Афанасьевич, буду очень рад

Вам. Не откажите черкнуть мне, могу ли я с женой у Вас на даче получить отдельную комнату в июле — августе? Очень приятно было бы навестить Вас. Примите привет.

М. Булгаков.

Обухов переулок, 9, квартира 4.

М.А. Булгаков — М.А. И М.С. Волошиным [1]

10 июля 1925 г.

Дорогие Марья Степановна [2] и Максимилиан Александрович, шлем Вам самый сердечный привет. Мы сделали великолепную прогулку без особых приключений [3]. Качало несильно. В Ялте прожили сутки и ходили в дом Чехова. До Севастополя ехали автомобилем. Леоновы напугались моря в последнюю минуту. Мне очень не хочется принимать городской вид. С большим теплом вспоминаю Коктебель.

Всем поклон и Дыму [4]. Л. Булгакова.

Приписка М. Булгакова:

На станциях паршиво. Всем мой привет.

М.А. Булгаков — В.В. Лужскому [5]

15 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич [6],

Вас видеть в Коктебеле... Комната отдельная будет. Очень прошу Вас привезти с собою все вами написанное (напечатанное и ненапечатанное)...»

Последняя фраза не случайна, ибо Волошину уже успели рассказать о горькой писательской судьбе Булгакова Ангарский, Зайцев и другие. Характерным в этом смысле является и письмо В.В. Вересаева Волошину от 8 апреля 1925 г., в котором он писал: «Очень мне приятно было прочесть Ваш отзыв о М. Булгакове. „Белая гвардия“, по-моему, вещь довольно рядовая, но юмористические его вещи — перлы, обещающие из него художника первого ранга. Но цензура режет его беспощадно. Недавно зарезала чудесную вещь „Собачье сердце“, и он совсем падает духом. Да и живет почти нищенски... Ангарский мне передал, что Ваше к нему письмо Булгаков взял к себе и списал его».

12 июня Булгаков с женой приехал в Коктебель, где находился почти месяц. В числе волошинских гостей был и Леонид Леонов, с которым у Булгакова сложились дружеские отношения. Как отмечала в воспоминаниях Л.Е. Белозерская, «...Чета Волошиных держалась с большим тактом: со всеми ровно и дружелюбно».

Булгаковы прекрасно отдохнули в Коктебеле, как и ожидалось, Волошин и Булгаков подружились, стали единомышленниками.

[1] *Впервые — сб.: М.А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М., 1988. с. 421. Затем: Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940, М., СП, 1997. Печатается по автографу (ОР ИРЛИ. ф. 369. ед. хр. 284). Комментарии В.И. Лосева.*

[2] Волошина Марья Степановна (1887—1976) — жена поэта.

[3] Выехали Булгаковы из Коктебеля 7 июля, отправившись в поездку по Крыму, которая была запечатлена в очерке «Путешествие по Крыму».

[4] Дым — полуторагодовалый сын пианистки М.А. Пазухиной (отдыхавшей также у Волошиных), к которому Булгаковы крепко привязались.

[5] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию (автограф в музее МХАТа).*

[6] Лужский Василий Васильевич (1869—1931) — артист и один из руководителей МХАТа, принимал активное участие в решении вопросов, связанных с постановкой пьесы М. Булгакова «Белая гвардия» («Дни

Вчерашнее совещание, на котором я имел честь быть, показало мне, что дело с моей пьесой обстоит сложно. Возник вопрос о постановке на Малой сцене, о будущем сезоне и, наконец, о коренной ломке пьесы, граничащей, в сущности, с созданием новой пьесы [1].

Охотно соглашаясь на некоторые исправления в процессе работы над пьесой совместно с режиссурой, я в то же время не чувствую себя в силах писать пьесу наново.

Глубокая и резкая критика пьесы на вчерашнем совещании заставила меня значительно разочароваться в моей пьесе (я приветствую критику), но не убедила меня в том, что пьеса должна идти на Малой сцене.

И, наконец, вопрос о сезоне может иметь для меня только одно решение: сезон этот, а не будущий.

Поэтому я прошу Вас, глубокоуважаемый Василий Васильевич, в срочном порядке поставить на обсуждение в дирекции и дать мне категорический ответ на вопрос:

Согласен ли 1-ый Художественный Театр в договор по поводу пьесы включить следующие безоговорочные пункты:

1. Постановка только на Большой сцене.
2. В этом сезоне (март 1926).
3. Изменения, но не коренная ломка стержня пьесы. В случае, если эти условия неприемлемы для Театра, я позволю себе попросить разрешения считать отрицательный ответ за знак, что пьеса «Белая гвардия» — свободна.

Уважающий Вас *М. Булгаков* .

Чистый пер. (на Пречистенке), д. 9, кв. 4.

М.А. Булгаков — Всероссийскому Союзу Писателей [2]

Во Всероссийский союз писателей [1]

Турбиных»).

[1] В апреле 1925 г. Московский Художественный театр предложил Булгакову инсценировать роман «Белая гвардия». Последовало немедленное согласие автора романа, имевшего уже к тому времени черновой набросок пьесы. 15 августа того же года пьеса была представлена театру, а в сентябре состоялась первая читка. Однако уже в октябре ситуация с пьесой осложнилась в связи с отрицательным отзывом, поступившим от А.В. Луначарского. В письме к В.В. Лужскому от 12 октября он замечает: «Я внимательно перечитал пьесу „Белая гвардия“. Не нахожу в ней ничего недопустимого с точки зрения политической, но не могу не высказать Вам моего личного мнения. Я считаю Булгакова очень талантливым человеком, но эта его пьеса исключительно бездарна, за исключением более или менее живой сцены увоза гетмана. Все остальное либо военная суета, либо необыкновенно заурядные, туповатые, тусклые картины никому не нужной обывательщины. В конце концов, нет ни одного типа, ни одного занятного положения, а конец прямо возмущает не только своей неопределенностью, но и полной неэффективностью. Если некоторые театры говорят, что не могут ставить тех или иных революционных пьес по их драматургическому несовершенству, то я с уверенностью говорю, что ни один средний театр не принял бы этой пьесы именно ввиду ее тусклости, происходящей, вероятно, от полной драматической немощи или крайней неопытности автора».

Естественно, после такого «отзыва» наркома было проведено экстренное совещание (14 октября) репертуарно-художественной коллегии МХАТа, принявшей следующее постановление: «Признать, что для постановки на Большой сцене пьеса должна быть коренным образом переделана. На Малой сцене пьеса может идти после сравнительно небольших переделок. Установить, что в случае постановки пьесы на Малой сцене она должна идти обязательно в текущем сезоне; постановка же на Большой сцене может быть отложена и до будущего сезона. Переговорить об изложенных постановлениях с Булгаковым».

Казалось, что ультимативный ответ Булгакова на постановление коллегиального органа театра (а фактически на письмо А.В. Луначарского) приведет к немедленной развязке. Однако этого не случилось, пьеса чрезвычайно понравилась прежде всего артистам, и они настояли на дальнейшей работе с ней.

[2] *Памир, 1987, № 8. Затем: Письма. Печатается и датируется по автографу (ИМЛИ, ф. 157, оп. 1, № 469).*

Уважаемые товарищи,

в ответ на приглашение Ваше на литературную выставку посылаю «Дьяволиаду».

Что касается портрета моего:

— Ничем особенным не прославившись как в области русской литературы, так равно и в других каких-либо областях, нахожу, что выставлять мой портрет для публичного обозрения — преждевременно.

Кроме того, у меня его нет.

Уважающий Вас *М. Булгаков.*

1925 г., 18 октября

М.А. Булгаков — в Конфликтную комиссию Всероссийского Союза [2]

Заявление

Редактор журнала «Россия» Исай Григорьевич Лежнев [3], после того, как издательство

---

[1] Всероссийский союз писателей направил членам Союза письмо в канун открытия Дома Герцена (1 ноября 1925 г.), в котором предлагал представить в Выставочный комитет портрет, автограф и произведения, вышедшие в 1917—1925 гг. Предполагалось организовать выставку, отражающую писательскую работу московских членов Союза за годы революции.

[2] *Петелин В. Россия — любовь моя: Московский рабочий, 1986. Письма. Печатается и датируется по автографу (РГАЛИ, ф. 341, оп.1, ед. хр. 257).*

[3] Лежнев Исай Григорьевич (Альтшулер; 1891—1955) — публицист, литературовед, в 1906—1909 гг. примыкал к большевикам, но потом отошел от политической деятельности; окончил философский факультет Цюрихского университета в 1914 г.; в годы гражданской войны сотрудничал в красноармейской печати, потом в газетах «Известия» и «Правда». Автор книг «Записки современника», «Михаил Шолохов», «Путь Шолохова» и др.

Как известно, в 1921 г. с разрешения Советского правительства стал возникать частные издательства. Историки литературы подсчитали, что за первые семь месяцев в Москве было зарегистрировано 220, в Петрограде — 99 издательств. В 1922 г. начал выходить журнал «Новая Россия». В редакционной статье первого номера журнала (март 1922 г.) говорилось: «После четырех лет гробового молчания ныне выходит в свет первый беспартийный публицистический орган. Каково же наше первое слово?.. Построение новой России должно совершиться на определенной основе и определенными силами. Основа эта не может быть иной, как революционная. Свершилась великая революция, выкорчевала старые гнилые балки и, полуразрушив ветхий фасад дома, подвела под него железобетонный фундамент. Дом выглядит сейчас неприглядно, но просмотреть новую могучую социально-государственную основу могут лишь слепцы. Строительство идет и пойдет на новых началах, но новых не абсолютно. В этой новизне — великая историческая преемственность. Здоровые корни нового сплетаются со здоровыми корнями прошлого... На синтезе революционной новизны с дореволюционной стариной строится и будет строиться новая пореволюционная Россия...»

В первых номерах «Новой России» опубликовали свои произведения М. Кузмин, В. Ходасевич, Вл. Лидин, М. Пришвин, Н. Никитин, М. Горький, Андрей Белый, А. Аверченко и др.

Естественно, что М.А. Булгаков с большим ожиданием отнесся к возникновению этого журнала под руководством И.Г. Лежнева. Но «Новая Россия» вышла лишь дважды. Вместо нее стал выходить журнал «Россия»; в первом номере (август 1922 г.) были опубликованы произведения Ольги Форш, М. Кузмина, Вл. Лидина, О. Мандельштама, Ник. Тихонова, Льва Лунца и др. В последующих номерах журнала печатались сочинения Е. Замятина, Б. Пильняка, Б.Пастернака, Ив. Шмелева, К. Федина и др.

Известно, что роман «Белая гвардия» был в основном завершен в августе 1923 г. (см.: Письмо Ю.Л. Слезкину от 31 августа 1923 г). Но лишь весной 1924 г. М.А. Булгаков закончил его доработку. Во всяком случае, 9 марта 1924 г. Юрий Слезкин известил читателей в «Накануне»: «Роман „Белая гвардия“ является первой частью трилогии и прочитан был автором в течение четырех вечеров в литературном кружке „Зеленая лампа“». 10 апреля 1924 г. М. Булгаков подписал договор с редактором журнала «Россия» на публикацию романа по 80 рублей за лист. И по тем временам это была мизерная оплата. Поэтому М. Булгаков готов был передать публикацию романа в «Недра», где уже вышла «Дьяволиада». Прочитавший рукопись В.В. Вересаев написал,

«Россия» закрылось, задержал у себя, не имея на то никаких прав, конец моего романа «Белая гвардия» и не возвращает мне его.

Прошу дело о печатании «Белой гвардии» у Лежнева в конфликтной комиссии разобрать и защитить мои интересы.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Москва. Чистый пер. 9 кв. 4.
26 октября 1925 г.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [1]

6 декабря 1925 г.

Дорогой Викентий Викентьевич,

я был у Вас, чтобы без всякой торжественности поздравить Вас [2]. Вчера, собираясь послать Вам парадное письмо, я стал перечитывать Вас, письма так и не написал, а ночью убедился, насколько значительно то, что Вы сочинили за свой большой путь.

Не раз за последние удивительные годы снимал я с полки Ваши книги и убеждался, что они живут. Сроков людских нам знать не дано, но я верю, и совершенно искренно, что я буду держать в руках Вашу новую книгу и она так же взволнует меня, как много лет назад меня на первом пороге трудной лестницы взволновали «Записки врача».

Это будет настоящей радостью — знаком, что жива наша Словесность Российская — а ей моя любовь.

Крепко целую Вас

Михаил Булгаков.

что автор романа честен и талантлив, но публиковать его рукопись невозможно. Так что журнал И.Г. Лежнева оставался единственной надеждой в эти дни для М.А. Булгакова. Но и с «Россией» начали происходить всяческие неприятности: несколько месяцев журнал не выходил, остановившись на девятом номере. С февраля 1924 г. он стал выходить ежемесячно. Летом 1924 г. М. Булгаков сдал рукопись романа в редакцию «России». В январе 1925 г. вышла четвертая книжка журнала, где началась публикация романа, в апреле — пятая, со вторым «куском» романа, шестой номер журнала, с третьей частью, так и не вышел вообще: журнал прекратил свое существование, то ли по экономическим, то ли по политическим причинам.

Прочитав тогда первую часть романа «Белая гвардия», М. Волошин писал Н. С. Ангарскому 25 марта 1925 г.: «Я очень пожалел, что Вы все-таки не решились напечатать „Белую гвардию“, особенно после того, как прочел отрывок из нее в „России“. В печати видишь вещи яснее, чем в рукописи... И во вторичном чтении эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого» (Русская литература, 1974, № 4, с.152).

Такова предыстория этого письма М.А. Булгакова в конфликтную комиссию Всероссийского союза писателей, который был бессилен чем-либо помочь.

Между тем бывший издатель журнала «Россия» некий З.Л. Каганский, применяя мошеннические приемы, стал публиковать произведения М.А. Булгакова за границей, манипулируя ранее заключенными между издательством и писателем соглашениями, утратившими юридическую силу. В частности, Каганский ссылался на издательский договор с Булгаковым от 25 января 1925 г., по которому издательство журнала «Россия» получало право «эксплуатации» романа «Белая гвардия» до третьего июля 1926 г. Как покажут дальнейшие события, «эксплуатация» произведений Булгакова З.Л. Каганским и другими мошенниками продолжалась до самой смерти писателя.

[1] *Знамя, 1988, № 1. Затем. Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] 5 декабря 1925 г. отмечалось 40-летие литературной деятельности В.В. Вересаева.

Отрывки из дневника за 1922 год [1]

Публикация В.И. Лосева

Говорят, что «Яр» открылся!

* * *

Сильный мороз. Отопление действует, но слабо. И ночью холодно.

25 января (Татьянин день)

Забросил я дневник. А жаль: за это время произошло много интересного.

Я до сих пор еще без места. Питаемся с женой плохо. От этого и писать не хочется. Черный хлеб стал 20 тысяч фунт, белый [] тысяч.

* * *

К дяде Колей силой, в его отсутствие Москвы, вопреки всяким декретам вселили

---

[1] *Впервые опубликован в журнале «Театр», 1990, № 2 — с машинописной копии, но с купюрами. Более полный текст напечатан в «Библиотечке „Огонька“» в 1990 году. С фотокопии текст печатался в «Независимой газете» (1993, 24 ноября; 8, 9, 15, 16, 22 декабря).*

Наиболее текстологически выверенный текст «Дневники». Опубликован В.И. Лосевым в сборнике: Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Комментарии В.И. Лосева.

Печатается по последнему изданию.

История дневника Михаила Булгакова туманна и печальна, как и многое другое в его жизни и творчестве. Известно, что дневник его (три тетради) и повесть «Собачье сердце» были изъяты сотрудниками ОГПУ при обыске квартиры писателя 7 мая 1926 года. Этот факт подтверждается заявлением писателя в Совнарком от 24 июня 1926 года и другими документами, а также свидетельствами Л.Е. Белозерской. Затем Булгаков в течение нескольких лет пытался вызволить из ОГПУ свои рукописи (об этом также свидетельствуют документы). И писатель добился своего! Фактическим доказательством тому служит рукопись «Собачьего сердца», побывавшая в ОГПУ и сохранившая пометы сотрудников этого органа (ныне находится в архиве Булгакова, ОР РГБ, ф. 562).

Но куда исчез дневник писателя? — ответа на этот вопрос пока нет. В его архиве сохранились, к счастью, небольшие кусочки текста (автограф!) из дневника за январь — февраль 1922 года. Видимо, Булгаков специально вырезал из тетради несколько кусочков, чтобы засвидетельствовать наличие дневника как такового. Но неясно: то ли эти кусочки вырезаны из тетради, побывавшей в ОГПУ, то ли из другой тетради, сохранившейся каким-то образом в неприкосновенности. Бытует устная легенда, что дневники были возвращены Булгакову с условием, что он их уничтожит. И писатель якобы сдержал слово. Но сам писатель об этом нигде не обмолвился. Елена Сергеевна, начиная в 1933 году свой знаменитый дневник, записала со слов Булгакова: «Миша настаивает, чтобы я вела этот дневник. Сам он, после того, как у него в 1926 году взяли при обыске его дневник, — дал себе слово никогда не вести дневник. Для него ужасна и непостижима мысль, что писательский дневник может быть отобран».

Между тем специалисты не оставляли надежды найти дневник писателя или хотя бы окончательно выяснить его судьбу. У меня, например, не было ни малейших сомнений, что дневник находится в КГБ. Вскоре эта версия подтвердилась — Комитет государственной безопасности передал в Центральный государственный архив литературы и искусства машинописную копию дневника писателя, а затем и его фотокопию. Конечно, это далеко не полный текст дневника, но и в таком виде он представляет исключительную ценность, ибо позволяет восстановить многие неизвестные страницы из жизни писателя.

Выявление копии дневника в органах безопасности и наличие в архиве писателя кусочков-подлинников из дневника (мудрая писательская предусмотрительность!) вроде бы подтверждает версию об уничтожении Булгаковым основного текста дневника. Но не будем делать преждевременных выводов. Поиск продолжается....

парочку. [1]

26 января 1922

Вошел в бродячий коллектив актеров; буду играть на окраинах. Плата 125 рублей за спектакль. Убийственно мало. Конечно, из-за этих спектаклей писать будет некогда, заколдованный круг.

* * *

Питаемся с женой впроголодь.

* * *

Не отметил, что смерть Короленко сопровождалось в газетах обилием заметок. Нежности. [2]

У Н.Г.

Пил сегодня водку. [3]

* * *

9 февраля 1922 г.

---

[1] *К дяде Коле силой... вселили парочку...* — Речь идет о Николае Михайловиче Покровском, брате матери писателя. В письме к сестре Надежде Афанасьевне Булгаков писал 24 марта 1922 года: «Дядю Колю, несмотря на его охранные грамоты, уплотнили. Дядю Мишу (второй дядя писателя. — *В.Л.*) выставили в гостиную, а в его комнате поселилась парочка...»

[2] *...смерть Короленко сопровождалась в газетах обилием заметок. Нежности.* — Действительно, в газетах появился ряд статей на смерть В.Г. Короленко, а затем множество сообщений о проводимых вечерах памяти писателя. В центре внимания была, разумеется, статья А.В. Луначарского в «Правде» 28 декабря. Называя писателя «крупнейшим мастером слова», «трибуном народных прав», истинным «гуманистом и демократом», Луначарский при этом постоянно подчеркивал, что «В.Г. Короленко весь в прошлом», что он «отошел от революции» и «чувствовал себя отброшенным жизнью». Прекрасно понимая, что в среде интеллигенции с особым интересом обсуждаются письма В.Г. Короленко правительству (адресованы они были наркому просвещения, но фактическим адресатом писатель определил В.И. Ленина и его ближайшее окружение), Луначарский не обошел вниманием и этот вопрос. «За год до своей смерти, — отметил нарком, — он предложил мне написать несколько писем о революции. Я сговорился, что я отвечу ему и что, может быть, мы решим оба издать эту переписку. Несколько писем от него мною были получены, но благодаря, вероятно, почтовым затруднениям, далеко не все, и мне не удалось восстановить всю их серию. В виде ответов я послал В. Г. книгу Троцкого „Терроризм и коммунизм“, которая содержала в себе, на мой взгляд, победоноснейшее опровержение всех его, увы, обывательских соображений, которыми он переполнил все письма». Таким образом, переписка «из двух углов» не состоялась, что очень огорчало В.Г. Короленко. Незадолго до смерти он сообщал Горькому, что не только не получил от Луначарского ответных писем, но вообще не пришло никаких известий из Москвы. Мы уже знаем, что реакция В.И. Ленина на письма Короленко была резко отрицательной, ибо содержание их било не в бровь, а в глаз. Очень уж неудобным и несговорчивым оказался писатель для большевистской верхушки, и смерть его была для нее очень кстати. Отсюда и посмертные лицемерные «нежности» с их стороны, которые, конечно, без труда уловил меткий взгляд начинающего писателя.

[3] *Пил сегодня у Н.Г. водку.* — Речь идет о Николае Леонидовиче Гладыревском (1896—1973), друге семьи Булгаковых. По приезде в Москву осенью 1921 года Булгаков несколько месяцев жил у Гладыревского в студенческом общежитии. И в последующие годы они поддерживали дружеские отношения. Л.Е. Белозерская вспоминала: «Бывал у нас нередко и киевский приятель М. А., друг булгаковской семьи, хирург Николай Леонидович Гладыревский. Он работал в клинике профессора Мартынова и, возвращаясь к себе, по пути заходил к нам. М. А. с удовольствием беседовал с ним».

Идет самый черный период моей жизни. [1] Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядьки немного муки, постного масла и картошки. У Бориса миллион. [2] Обегал всю Москву — нет места.

Валенки рассыпались.

[...]

Возможно, что особняк 3. заберут под детский голод[ный] дом. Ученый проф. Ч. широкой рукой выкидывает со списков, получающих академ[ический] паек, всех актеров, вундеркиндов (сын Мейерх[ольда] получал академ[ический] паек! [3]) и «ученых» типа Свердл[овского] унив[ерситета] преподавателей. На академическом [...]

---

[1] *Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем.* — Первые месяцы 1922 года были для Булгаковых тяжелейшими. Это время можно охарактеризовать всего двумя словами: голод и холод. Так запомнилось оно Татьяне Николаевне: «Бывало, по три дня ничего не ели, совсем ничего. Не было ни хлеба, ни картошки. И продавать мне уже было нечего. Я лежала и все. У меня было острое малокровие...»

Голод и холод поразили практически всю Россию. Даже «Правда» помещала на своих страницах такие жуткие сообщения и репортажи, что создавалось впечатление небывалого общероссийского бедствия. Так, в номере от 27 января 1922 года можно было прочесть следующее: «В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары и наблюдается небывалое явление повального людоедства... Тайком родители поедают собственных умерших детей...» Аналогичные сообщения поступали из многих губерний. В эмигрантских изданиях информация о положении в России печаталась под названием: «В царстве смерти». А в одном из номеров милюковских «Последних новостей» (1921, № 488) появилось и вовсе устрашающее сообщение: «Положение России безнадежно. Идет полное уничтожение русского народа. Число голодающих перевалило за 30 миллионов. Никто и ничто их спасти не может. Накормить такое количество голодных людей путем филантропии немыслимо». И тут же газета публикует высказывание В.И. Ленина о русском народе, которое он сделал якобы в конце 1921 года: «Если бы я знал, каков русский народ, я бы не сделал своего опыта, а работал бы сначала с интеллигенцией. Теперь уже поздно: интеллигенция почти вся перебита». Получается так, что это ленинское высказывание Булгаков как бы положил в основу своей будущей повести «Собачье сердце».

[2] *У Бориса миллион.* — Булгаков имеет в виду Бориса Михайловича Земского, брата мужа Надежды Афанасьевны Булгаковой. Земский работал тогда в ЦАГИ. В письме к сестре Надежде от 24 марта 1922 года Булгаков писал о Борисе Земском: «У Боба все благополучно и полная чаша... Как у него уютно кажется, в особенности после кошмарной квартиры № 50».

[3] *...сын Мейерхольда получал академический паек!..* — Не исключено, что и этот факт имел определенное значение в формировании у писателя стойкой неприязни к знаменитому режиссеру. К новаторским творческим идеям Мейерхольда он относился с крайним скептицизмом. Вот строки из булгаковского фельетона «Столица в блокноте»: «Пошел в театр Гитис на „Великодушного рогоносца“ в постановке Мейерхольда... Я не И. Эренбург и не театральный критик, но судите сами: в общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены — дыра... В глубине — голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами... Какие-то клетки, наклонные плоскости, палки, дверки и колеса...

— Это биомеханика, — пояснил мне приятель...

— Мейерхольд — гений!! — завывал футурист...

— Искусство будущего!! — налетели на меня с кулаками. А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам... Вообще к черту эту механику...»

Политические же пристрастия режиссера были вообще чужды Булгакову. Можно лишь представить себе, как реагировал писатель на газетные сообщения о «пролетарских юбилеях» Мейерхольда. Вот на такое, например: «В длинном перечне делегаций, приветствовавших Мейерхольда в течение двух часов, мелькают такие имена, как тов. Троцкий, приславший приветствие, такие организации, как Коминтерн, Профинтерн, СНК, РВСР, ЦК РКСМ... Все они чествовали Мейерхольда не за прошлое, а именно за то, что он смело, без оглядки порвал с этим прошлым и, откликнувшись на зов революции, примкнул к... пролетарской интеллигенции... Мейерхольд удостоился большой чести: высший правительственный орган рабоче-крестьянской республики преподнес ему звание народного артиста... Он удостоился еще большей чести — ...он получил звание почетного красноармейца московского гарнизона...» (Правда, 4 апреля 1923 года).

14.11.1922

Вечером на Девичьем поле в б[ывших] Женских курсах (ныне 2-й университет) был назначен суд над «Записками врача» [1]. В половине седьмого уже стояли черные толпы студентов у всех входов и ломились в них. Пришло несколько тысяч. В аудитории сло[...]

Вересаев] очень некрасив, похож на пожилого еврея (очень хорошо сохранился). У него очень узенькие глаза, с набрякшими тяжелыми веками, лысина. Низкий голос. Мне он очень понравился. Совершенно другое впечатление, чем тогда на его лекции. Б[ыть] м[ожет], по контрасту с профессорами. Те ставят нудные тяжелые вопросы, Вересаев же близок к студентам, которые хотят именно жгучих вопросов и правды в их разрешении. Говорит он мало. Но когда говорит, как-то умно и интеллигентно все у него выходит.

С ним были две дамы, по-видимому, жена и дочь. Очень мила жена. [2] [...]

15 февраля

Погода испортилась. Сегодня морозец. Хожу в остатках подметок. Валенки пришли в негодность. Живем впроголодь. Кругом должен.

«Должность» моя в военно-редакционном совете сведется к побе[...]

[...]жении республики в пожарном отношении в катастрофическом положении. Да в каком отношении оно не в катастрофическом? Если не будет в Генуе конференции, спрашивается, что мы будем делать [3].

16 февраля

Вот и не верь приметам! Встретил похороны и ... 1) есть каж[ется] в газете «Ра[бочий].»

Мой дневник

---

[1] *...был назначен суд над «Записками врача»* — Речь идет о книге В. В.Вересаева.

[2] *Очень мила жена* — Смидович Мария Гермогеновна (1875—1963). Л.Е. Белозерская вспоминала: «Мы бывали у Вересаевых не раз. Я прекрасно помню его жену Марию Гермогеновну, которая умела улыбаться как-то особенно светло... Мне нравился Вересаев. Было что-то добротное во всем его облике старого врача...»

[3] *Если не будет в Генуе конференции, спрашивается, что мы будем делать* — В условиях разрухи и массового голода в России многие связывали с Генуэзской конференцией надежды на налаживание экономических связей советской республики с европейскими странами. Но наряду с объективными трудностями в переговорах (например, вопрос о долгах царской России своим партнерам по военному союзу), возникали и другие сложности, связанные с позицией российской эмиграции по этому вопросу. Так, в «Правде» (29.01.22) была подвергнута жестокой критике позиция П.Н. Милюкова, который возможность переговоров с Москвой увязывал и обуславливал сменой общественно-политического строя в России. Более того, он рекомендовал западным странам воздержаться от помощи голодающим в России до тех пор, пока в стране не будут в корне изменены «хозяйственные условия», которые, по его мнению, и являются причиной голода (Последние новости, 17.01.22.).

Такие, по сути, кощунственные заявления некоторых эмигрантских кругов, а также пассивная позиция Лиги наций по вопросу о помощи голодающим в России, позволяли большевистскому руководству утверждать, что русская эмиграция и ее западные партнеры занимаются политическими спекуляциями, используя нарастающий голод в стране. «Над Волгой умирает 20 млн. человек, — отмечалось в одной из статей „Правды“, — они умирают медленной смертью. Они варят траву. Они едят глину, смешанную с растениями, дабы заполнить желудок, избавиться, хотя бы на момент, от чувства страшного голода. Они пухнут, они лежат бессильные, пока милосердная природа не отнимет у них сознания... Почему капиталистические державы не оказывают помощи голодающим массам в Поволжье? Они оттягивают эту помощь для того, чтобы [...] вырвать у советской России согласие на выплату старых долгов, вырвать у нее согласие на целый ряд экономических уступок, которые дадут миллиарды накоплений. Пусть умирают миллионы; за это время капиталисты сговорятся между собою, как совместно надавить на советскую республику».

Эти и подобные им материалы и привлекли внимание Булгакова, который, несмотря на голод, тщательно изучал прессу.

Публикация В.И. Лосева

1923 год Москва
24 (11-го) мая.

Давно не брался за дневник. 21 апреля я уехал из Москвы в Киев [1] и пробыл в нем до 10-го мая. В Киеве делал себе операцию (опухоль за левым ухом). На Кавказ, как собирался, не попал [2], 12-го мая вернулся в Москву. И вот тут начались большие события. Советского представителя Вацлава Вацловича Воровского убил Конради в Лозанне [3], 12-го в Москве была грандиозно инсценированная демонстрация [4]. Убийство Воровского совпало с ультиматумом Керзона России [5]: взять обратно дерзкие ноты Вайнштейна [6], отправленные через английского торгового представителя в Москве, заплатить за задержанные английские рыбачьи суда в Белом море, отказаться от пропаганды на Востоке и т.д. и т.д.

В воздухе запахло разрывом и даже войной. Общее мнение, правда, что ее не будет. Да оно и понятно, как нам с Англией воевать? Но вот блокада очень может быть. Скверно то,

---

[1] *Я уехал из Москвы в Киев...* — Поездка в Киев послужила писателю новым творческим стимулом для завершения работы над романом «Белая гвардия». Своими впечатлениями о поездке в родной город Булгаков поделился с читателями в очерке «Киев-город» (1923).

[2] *На Кавказ, как собирался, не попал...* — Видимо, писатель предполагал посетить памятные для него места, где совсем недавно ему пришлось и участвовать в боях, и начинать литературную деятельность, и пытаться эмигрировать... Места эти известны: Владикавказ, Тифлис, Батум. Стремление Булгакова побывать там, возможно, объяснялось и тем, что в то время он еще не расстался с идеей написать трилогию о гражданской войне.

[3] *...Вацлава Вацлавовича Воровского убил Конради в Лозанне...* — Воровский В. В. (1871—1923) был назначен полпредом в Италии с 1921 года.

[4] *...в Москве была грандиозно инсценированная демонстрация...* — Московский губернский совет профсоюзов призвал всех трудящихся выйти на улицу и протестовать против «попытки английской буржуазии навязать советскому правительству свою волю».

В фельетоне «Бенефис лорда Керзона» (Накануне, 1923,19 мая) Булгаков прекрасно показал способности большевиков к организации массовых шоу.

«Надо идти на улицу, смотреть, что будет. Тут не только Воровский. Керзон. Керзон. Керзон. Ультиматум. Канонерка. Тральщики. К протесту, товарищи!! Вот так события! [...] В два часа дня Тверскую уже нельзя было пересечь. Непрерывным потоком, сколько хватал глаз, катилась медленно людская лента, а над ней шел лес плакатов и знамен. Масса старых знакомых — октябрьских и майских, но среди них мельком новые, с изумительной быстротой изготовленные, с надписями весьма многозначительными. Проплыл черный траурный плакат „Убийство Воровского — смертный час европейской буржуазии“. Потом красный: „Не шутите с огнем, господин Керзон“ [...] В Охотном во всю ширину шли бесконечные ряды, и видно было, что Театральная площадь залита народом сплошь. У Иверской трепетно и тревожно колыхались огоньки на свечках и припадали к иконе с тяжкими вздохами четыре старушки, а мимо Иверской через оба пролета Вознесенских ворот бурно сыпали ряды. Медные трубы играли марши. Здесь Керзона несли на штыках, сзади бежал рабочий и бил его лопатой по голове [...] По Никольской удалось проскочить, но в Третьяковском опять хлынул навстречу поток. Туг Керзон мотался с веревкой на шесте. Его били головой о мостовую. По Театральному проезду в людских волнах катились виселицы с деревянными скелетами и надписями: „Вот плоды политики Керзона“ [...] Ничего подобного в Москве я не видал даже в октябрьские дни...»

[5] *Убийство Воровского совпало с ультиматумом Керзона России...* — Керзон Джордж Натаниел (1859—1925) — министр иностранных дел Великобритании в 1919-24 годах.

[6] *...взять обратно дерзкие ноты Вайнштейна...* — Вайнштейн Арон Исаакович (1877—1938) — бундовец, примкнул к большевикам. С 1923 года член коллегии Наркомфина СССР, начальник главного управления финансового госконтроля.

что зашевелились и Польша, и Румыния (Фош сделал в Польшу визит [1]). Вообще мы накануне событий. Сегодня в газетах слухи о посылке английских военных судов в Белое и Черное моря и сообщение, что Керзон и слышать не хочет ни о каких компромиссах и требует от Красина [2] (тот после ультиматума немедленно смотался в Лондон на аэроплане) точного исполнения по ультиматуму.

* * *

Москва живет шумной жизнью, в особенности по сравнению с Киевом. Преимущественный признак— море пива выпивают в Москве. И я его пью помногу. Да вообще последнее время размотался. Из Берлина приехал граф Алексей Толстой. Держит себя распущенно и нагловато. Много пьет.

Я выбился из колеи — ничего не писал 1 ½ месяца.

11-го июля (28-го июня). Среда.

Самый большой перерыв в моем дневнике. Между тем происшедшее за это время чрезвычайно важно.

Нашумевший конфликт с Англией кончился тихо, мирно и позорно [3]. Правительство пошло на самые унизительные уступки, вплоть до уплаты денежной компенсации за расстрел двух английских подданных, которых сов[етские] газеты упорно называют шпионами.

Недавно же произошло еще более замечательное событие: патриарх Тихон вдруг написал заявление [4], в котором отрекается от своего заблуждения по отношению к

---

[1] *...Фош сделал в Польшу визит...* — Фош Фердинанд (1851 1929) — маршал, видный французский военачальник. В первую мировую войну командовал армией, группой армий, возглавлял французский генштаб. С апреля 1918 года главнокомандующий союзными войсками Антанты, один из организаторов интервенции в советскую Россию.

По поводу поездки Фоша в Польшу «Правда» писала 8 мая 1923 года: «Поездка Фоша приобретает характер демонстрации против советской власти. Приезд Фоша в Варшаву всячески раздувается правительством и прессой, усиленно муссирующей укрепление союза с Францией. На банкете 3 мая Сикорский 25 подчеркнул общность интересов Франции с интересами сильной Польши, охарактеризовав союз как гарантию европейского равновесия. В ответном слове Фош призывал поляков к объединению и укреплению моральных устоев, отсутствие которых привело Россию к Бресту и делает ее государственный строй непрочным. Фош закончил свою речь заявлением: „Франция всегда будет с Польшей, как в мирных условиях, так и в деле защиты свободы“».

[2] *...требует от Красина...* — Красин Леонид Борисович — государственный и партийный деятель. С 1920 года нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Англии, с конца 1924 года — во Франции.

[3] *Нашумевший конфликт с Англией кончился тихо, мирно и позорно...* — Это было видно уже из текста разрекламированного «Нашего ответа». В нем, в частности, заявлялось, что российское правительство не видит никаких оснований для разрыва сношений, что большинство спорных вопросов можно легко решить на взаимоприемлемой основе в короткое время и что со стороны советского правительства имеется «искреннее желание к достижению соглашения...». В «Ответе» были такие фразы: «Российское правительство готово передать вопрос об ответственности за гибель тральщика... на разрешение третейского суда», «Советское правительство готово признать необычайный тон первой ноты г. Вайнштейна», и так далее.

[4] *...патриарх Тихон вдруг написал заявление...* — В результате инспирированного ГПУ церковного переворота, совершенного группой священников во главе с А.И. Введенским, патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Белавин, 1865—1925) 12 мая 1922 года был отстранен от управления церковью и заключен в Донской монастырь. Заговорщики, неканонически захватившие власть, внесли глубокий раскол в Русскую Православную церковь. Обновленческое движение («Живая церковь») признавало большевистскую власть, боролось с контрреволюционной «тихоновщиной», намеревалось провести церковные реформы (догматическую, каноническую, литургическую, этическую и приходскую), в результате которых фактически произошло бы уничтожение Православия. Сторонники Тихона изгонялись и преследовались, храмы

Сов[етской] власти, объявляет, что он больше не враг ей и т. д.

Его выпустили из заключения. В Москве бесчисленные толки, а в белых газетах за границей — буря [1]. Не верили... комментировали и т.д.

На заборах и стенах позавчера появилось воззвание патриарха, начинающееся словами: «Мы, Божьей милостью, патриарх московский и всея Руси...»

Смысл: советской власти он друг, белогвардейцев осуждает, но живую церковь также осуждает. Никаких реформ в церкви, за исключением новой орфографии и стиля.

Невероятная склока теперь в Церкви. Живая церковь беснуется. Они хотели п[атриарха] Тихона совершенно устранить, а теперь он выступает, служит etc.

Стоит отвратительное, холодное и дождливое лето [2].

* * *

Хлеб белый — 14 миллионов фунт. Червонцы (банкноты) ползут в гору и сегодня 832 миллиона.

25-го июля 1923 г.

Лето 1923 г. в Москве исключительное. Дня не проходит без того, чтобы не лил дождь и иногда по нескольку раз. В июне было два знаменитых ливня, когда на Неглинном провалилась мостовая и заливало мостовые. Сегодня было нечто подобное — ливень с крупным градом.

* * *

насильственно захватывались «живой церковью» при поддержке ГПУ.

В мае 1923 года патриарх Тихон был переведен из Донского монастыря во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Во имя спасения Церкви патриарх Тихон был вынужден пойти на уступки. «Пусть погибнет имя мою в истории, только бы Церкви была польза». 16 июня 1923 года он подписал заявление, в котором сознавался, что «действительно был настроен к советской власти враждебно», раскаивался в своих «проступках против государственного строя» и заявлял, что он «отныне советской власти не враг». В воззвании к верующим патриарх объявил, что Русская Православная церковь не желает быть ни «белой», ни «красной». После этого патриарх был освобожден из-под стражи и получил возможность сосредоточить все силы на обличении и разрушении лжецеркви.

«В прямом бою с Церковью живоцерковничество оказалось посрамлено, — писал Сергий Булгаков. — И победил его Святейший Патриарх, в узилище, в оковах, но сильный своей верой, своей непримиримостью и безграничным доверием и любовью народной».

[1] *...а в белых газетах за границей — буря...* — Следует заметить, что в белогвардейских кругах за границей быстро уловили истинный смысл «покаяния» патриарха Тихона перед большевиками. Так, белогвардейская газета «Новое время» (1924, 3 сентября) писала: «Население относится к Патриарху Тихону с большим уважением. В России его не осуждают за его нынешнюю политику по отношению к власти, не видят в ней преклонения перед этой властью и считают, что только забота о благе церковном и отрешение от политических страстей заставили Патриарха принять по отношению к советской власти в России новую позицию <...> Церковь в России — единственный оплот для русского национального чувства, и этим отчасти объясняется религиозный подъем. Возвращение Патриарха Тихона к церковному управлению вновь объединило Православную Церковь. Обновленческие толки исчезли <...> Встревоженные этим, большевики усилили гонения на Церковь и антирелигиозную агитацию, но она совершенно парализуется обаянием имени Патриарха Тихона».

[2] *Стоит отвратительное, холодное и дождливое лето...* — О московском лете 1923 года Булгаков так писал в очерке «Шансон д’этэ»:

«Лето 1923-е в Москве было очень дождливое. Слово „очень“ следует здесь расшифровать. Оно не значит, что дождь шел часто, скажем, через день или даже каждый день, нет, дождь шел три раза в день, а были дни, когда он не прекращался в течение всего дня <...> На Неглинном утонули две женщины, потому что Неглинка под землей прорвала трубу и взорвала мостовую» (Накануне, 16 августа).

Жизнь идет по-прежнему сумбурная, быстрая, кошмарная. К сожалению, я трачу много денег на выпивки. Сотрудники «Г[удка]» пьют много. Сегодня опять пиво. Играл на Неглинном на биллиарде. «Г[удок]» два дня [1] как перешел на Солянку во «Дворец труда», и теперь днем я расстоянием отрезан от «Нак[ануне]» [2].

Дела литературные вялы. Книжка в Берлине до сих пор не вышла, пробиваюсь фельетонами в «Нак[ануне]» [3]. Роман из-за «Г[удка]» отнимающего лучшую часть дня, почти не подвигается [4].

* * *

Москва оживлена чрезвычайно. Движения все больше.

Банкнот (червонец) сегодня стал 975 милл., а золот[ой] рубль — 100. Курс Госбанка. Здорово?

22-го августа.

Месяцами я теперь не берусь за дневник и пропускаю важные события.

27 августа. Понедельник. Ночь.

Только что вернулся с лекции сменовеховцев: проф. Ключникова, Ал. Толстого, Бобрищева-Пушкина и Василевского-Не-Буква [5].

В театре Зимина было полным-полно. На сцене масса народу, журналисты, знакомые и прочие. Сидел рядом с Катаевым. Толстой, говоря о литературе, упомянул в числе современных писателей меня и Катаева.

* * *

Книжки «Зап[иски] на манжет[ах]» до сих пор нет.

---

[1] *«Гудок» два дня...* — В «Гудке» Булгаков работал с 1923-го по 1926 год, опубликовав там десятки фельетонов.

[2] *...расстоянием отрезан от «Накануне»...* — Московское отделение «Накануне» помещалось в «доме Нирнзее» (Б. Гнездниковский пер., д. 10).

[3] *...пробиваюсь фельетонами в «Накануне»...* — В «Автобиографии» (1924) Булгаков писал: «В берлинской газете „Накануне“ в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны... Сочинил книгу „Записки на манжетах“. Эту книгу у меня купило берлинское издательство „Накануне“, обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе».

[4] *Роман... почти не подвигается...* — Речь идет о романе «Белая гвардия».

[5] *...вернулся с лекции сменовеховцев: проф. Ключникова, Ал. Толстого, Бобрищева-Пушкина и Василевского-Не-Буквы...* — Ключников Юрий Вениаминович (1886—1938) — юрист-международник, сотрудник газеты «Русское слово», министр иностранных дел в правительстве Колчака.

Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1882—193...) — писатель, публицист.

Василевский (Не-Буква) Илья Маркович (1882—1938) — писатель, публицист, издатель.

Информация о лекции была помещена в «Накануне» 29 августа. Обобщающее название лекции — «Европа сегодня». Были названы и доклады: Алексей Толстой — «Люди и нравы» (выступление); Ю.В. Ключников — «Война или мир»; И.М. Василевский — «Наши за границей».

О самой лекции Булгаков писал Ю.Л. Слезкину 31 августа: «В „Накануне“ масса новых берлинских лиц, хоть часть из них и временно: Не-Буква, Бобрищев-Пушкин, Ключников и Толстой. Эти четверо прочитали здесь у Зимина лекцию. Лекция эта была замечательна во всех отношениях... Трудовой граф чувствует себя хорошо, толсто и денежно».

* * *

«Гудок» изводит, не дает писать [1].

2-го сентября. Воскресенье.

Сегодня банкноты, с Божьей помощью, 2050 руб. (2 миллиарда 50 милл.), и я сижу в долгу, как в шелку. Денег мало, будущее темновато.

Вчера приехали к нам Софочка с матерью, мужем и ребенком [2]. Проездом в Саратов. Завтра должны уехать со скорым поездом туда, где когда-то жизнь семьи была прекрасна, теперь будет кочевье, скудость и тяжесть.

Сегодня я с Катаевым ездил на дачу к Алексею Толстому (Иваньково). Он сегодня был очень мил. Единственно, что плохо, это плохо исправимая манера его и жены [3] богемно обращаться с молодыми писателями.

Все, впрочем, искупает его действительно большой талант.

Когда мы с Катаевым уходили, он проводил нас до плотины. Половина луны была на небе, вечер звездный, тишина. Толстой говорил о том, что надо основать нео[реальную] школу. Он стал даже немного теплым:

— Поклянемся, глядя на луну...

Он смел, но он ищет поддержки и во мне и в Катаеве. Мысли его о литературе всегда правильны и метки, порой великолепны.

* * *

Среди моей хандры и тоски по прошлому, иногда, как сейчас, в этой нелепой обстановке временной тесноты, в гнусной комнате гнусного дома, у меня бывают взрывы уверенности и силы. И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю. Но в таких условиях, как сейчас, я, возможно, пропаду.

3-го сентября, понедельник.

После ужасного лета установилась чудная погода. Несколько дней уже яркое солнце, тепло.

Я каждый день ухожу на службу в этот свой «Гудок» и убиваю в нем совершенно безнадежно свой день.

Жизнь складывается так, что денег мало, живу я, как и всегда, выше моих скромных средств. Пьешь и ешь много и хорошо, но на покупки вещей не хватает.

Без проклятого пойла — пива не обходится ни один день. И сегодня я был в пивной на Страстной площади с А. Толстым, Калмен[сом] [4], и, конечно, хромым «Капитаном»,

---

[1] *«Гудок» изводит, не дает писать...* — Уже в цитированном письме Ю.Л. Слезкину Булгаков сообщал: «Роман я кончил, но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправлю». Вот эту завершающую работу над романом и мешала делать засасывающая рутина в «Гудке».

[2] *...приехали к нам Софочка с матерью, мужем и ребенком...* — Речь идет о родственниках первой жены Булгакова — Давидовичах, которые жили в Саратове.

[3] *...манера его и жены...* — Жена Алексея Толстого — Крандиевская Наталья Васильевна (1889—1963). Л.Е. Белозерская вспоминала о чете Толстых: «Они с Алексеем Николаевичем производили впечатление удивительно спаянной пары. Казалось, что у них одно общее кровообращение... Впечатление какой-то необыкновенной семейной слаженности и спаянности...» О Наталье Васильевне отзывалась как о женщине доброй и справедливой.

[4] *...я был в пивной... с... Калменсом...* — Калменс Семен Николаевич — финдиректор московского

который возле графа стал как тень.

* * *

Сегодня уехали родные в Саратов.

* * *

Сегодня днем получилась телеграмма Роста: в Японии страшное землетрясение. Разрушена Иокогама, горит Токио, море хлынуло на берег, сотни тысяч погибших, императорский дворец разрушен, и судьба императора неизвестна.

И сегодня же, точно еще не знаю, мельком видел какую-то телеграмму о том, что Италия напала на Грецию [1]. Что происходит в мире?

* * *

Толстой рассказывал, как он начинал писать. Сперва стихи. Потом подражал. Затем взял помещичий быт и исчерпал его до конца. Толчок его творчеству дала война.

9-го сентября. Воскресенье.

Сегодня опять я ездил к Толстому на дачу и читал у него свой рассказ «Дьяволиада». Он хвалил, берет этот рассказ в Петербург и хочет пристроить его в журнал «Звезда» со своим предисловием. Но меня-то самого рассказ не удовлетворяет.

* * *

Уже холодно. Осень. У меня как раз безденежный период. Вчера я, обозлившись на вечные прижимки Калменса [2], отказался взять у него предложенные мне 500 рублей и из-за этого сел в калошу. Пришлось занять миллиард у Толстого (предложила его жена).

18 сентября. Вторник.

В своем дневнике я, отрывочно записывая происходящее, ни разу не упомянул о том, что происходит в Германии.

А происходит там вот что: германская марка катастрофически падает. Сегодня, например, сообщение в советских газетах, что доллар стоит 125 миллионов марок! Во главе правительства стоит некий Штреземан [3], которого сов[етские] газеты называют германским

отделения газеты «Накануне».

[1] *...Италия напала на Грецию...* — Причиной конфликта стало убийство на греческой территории членов итальянской военной миссии. 31 августа итальянцы оккупировали греческий остров Корфу.

В советских газетах это сообщение появилось с опозданием.

[2] *...вечные прижимки Калменса...* — Писатель Эм. Миндлин в своих воспоминаниях рассказывает забавный случай, связанный с написанием Булгаковым блестящего очерка о сельскохозяйственной выставке, когда тот в день выплаты гонораров представил необычный счет: «Но что это был за счет! Расходы по ознакомлению с национальными блюдами и напитками различных республик!.. Всего ошеломительнее было то, что весь этот гомерический счет на шашлыки, шурпу, люля-кебаб, на фрукты и вина был на двоих. „Почему же счет на двоих?“ — спросил пораженный заведующий финансами. Булгаков невозмутимо ответил: „...Во-первых, без дамы я в ресторан не хожу. Во-вторых, у меня в фельетоне отмечено, какие блюда даме пришлись по вкусу. Как вам угодно-с, а произведенные мною производственные расходы покорнейше прошу возместить“» (Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1968, с. 115—120).

[3] *...что происходит в Германии... некий Штреземан...* — Оккупация в январе 1923 года французскими

Керенским. Компартия из кожи вон лезет, чтобы поднять в Германии революцию и вызвать кашу. Радек на больших партийных собраниях категорически заявляет, что революция в Германии уже началась [1].

Действительно, в Берлине уже нечего жрать, в различных городах происходят столкновения. Возможное: победа коммунистов и тогда наша война с Польшей и Францией, или победа фашистов — (император в Германии etc) и тогда ухудшение советской России. Во всяком случае, мы накануне больших событий.

* * *

Сегодня нездоров. Денег мало. Получил на днях известие о Коле (его письмо); он болен [2] (малокровие), удручен, тосклив. Написал в «Накануне» в Берлин, чтобы ему выслали 50 франков. Надеюсь, что эта сволочь исполнит.

* * *

Сегодня у меня был А. Эрл[их], читал мне свой рассказ. Ком[орский] и Дэви [3]. Пили

войсками Рурского угольного бассейна на правом берегу Рейна вызвала затяжной политический кризис в Германии. Советские газеты откликнулись на эти события огромными аншлагами. Так, номер «Известий», вышедший 18 сентября 1923 года, пестрел в разделе «Положение в Германии» следующими сообщениями: «Новые уступки французам. Германское правительство мирится с арестами немецких граждан в оккупированных областях. Ряд социал-демократических организаций требует выхода социал-демократов из правительства и немедленного созыва рейхстага. Гильфердинг 26 объявил о прекращении отпуска государственных средств для оккупированных областей, а также для строительной промышленности. Курс доллара котируется в 125 миллионов марок».

Штреземан Густав (1878 — 1929) — германский рейхсканцлер в августе — ноябре 1923 года, лидер немецкой народной партии.

[1] *Радек... заявляет, что революция в Германии уже началась...* — К. Радек выступил в «Известиях» и в других газетах с рядом статей провокационного характера. Так, в статье «Правительство Штреземана» он писал: «Социал-демократия уже доказала, что она не умеет... бороться. Г. Штреземан же никогда не был человеком решительного боя... Понятно, из Москвы нельзя оценивать размера и размах движения. Быть может, г. Штреземан все-таки означает этап, на котором революционная волна задержится на известное время. Это время германские коммунисты используют для того, чтобы лучше организоваться, чтобы охватить большинство рабочего класса...» (Известия 14 августа 1923 года). Но уже 13 сентября в статье «Мировая революция и г. Штреземан» К. Радек утверждал: «Господин Штреземан видит, что буря мировой революции надвигается. Рабочий класс радостно повернется к ней лицом и доверится ее волнам».

[2] *Получил на днях известие о Коле (его письмо)... он болен...* — Письмо, упоминаемое писателем, к сожалению, не сохранилось. Но из других (более поздних) писем Николая Афанасьевича видно, что старший брат оказывал ему и младшему брату Ивану материальную помощь. Вот письмо Николая из Загреба (декабрь 1927 года): «Славный и добрый Миша, мне хорошо известно, что ты принимаешь самое горячее участие в поддержке меня, так же, как ты всегда старался помогать в свое время Ване. Мне трудно в настоящий момент выразить тебе всю величину чувства к тебе, но верь, что оно велико...»

[3] *Сегодня у меня был А. Эрлих... Коморский и Дэви...* — Эрлих Арон Исаевич (1896—1963) — журналист, автор воспоминаний о Булгакове (в книге «Нас учила жизнь»). Вот что писала об этих воспоминаниях Л.Е. Белозерская: «Много лет спустя А. Эрлих выпустил книгу... где немало страниц посвящено М.А. Булгакову. Но лучше бы этих страниц не было! Автор все время отгораживается от памяти своего бывшего сослуживца и товарища и при этом волнуется: а вдруг кто-нибудь может подумать, что он, Эрлих, дружил с „плохим мальчиком“. Поэтому он спешит сказать что-нибудь нелестное в адрес М.А. Булгакова...» Возможно, Л.Е. Белозерская в чем-то и права, но в воспоминаниях А. Эрлиха есть много любопытных наблюдений, раскрывающих некоторые очень важные черты булгаковского мировоззрения (например, его взгляды на русскую историю и государственное устройство России).

Коморский Владимир Евгеньевич — адвокат, в начале двадцатых годов друживший с Булгаковым. На квартире Коморских часто собирались литераторы и поклонники литературы.

Кисельгоф Давид Александрович — юрист, часто встречался с Булгаковым в 1922-23 годах. Впоследствии

вино, болтали. Пока у меня нет квартиры — я не человек [1], а лишь полчеловека.

25-го сентября. Вторник. Утро.

Вчера узнал, что в Москве раскрыт заговор. Взяты: в числе прочих Богданов, пред[седатель] ВСНХ! и Краснощеков [2], пред[седатель] Промбанка! И коммунисты. Заговором руководил некий Мясников [3], исключенный из партии и сидящий в Гамбурге. В заговоре были некоторые фабзавкомы (металлистов). Чего хочет вся эта братия — неизвестно, но, как мне сообщила одна к[оммунистка], заговор «левый»(!) — против НЭПа!

В «Правде» и других органах начинается бряцание оружием по поводу Германии (хотя там и нет, по-видимому, надежды на революцию, т. к. штреземановское правительство сговаривается с французским). Кажется, в связи с такими статьями червонец на черной бирже пошел уже ниже курса Госбанка.

Qui vivra - verra! [4]

30-го (17-го стар[ого] ст[иля]) сентября 1923 г.

Вероятно, потому, что я консерватор до... «мозга костей» хотел написать, но это шаблонно, ну, словом, консерватор, всегда в старые праздники меня влечет к дневнику. Как

женился на Татьяне Николаевне Лаппа.

[1] *Пока у меня нет квартиры — я не человек...* — Пройдет много лет, и Елена Сергеевна запишет в дневнике 13 ноября 1938 года: «Дмитриев опять о МХАТе, о том, что им до зарезу нужно, чтобы М. А. написал пьесу, что они готовы на все!

— Что это такое — „на все“! Мне, например, квартира до зарезу нужна — как им пьеса! Не могу я здесь больше жить! Пусть дадут квартиру!

— Дадут. Они дадут».

Для М. А. есть одно магическое слово — квартира. «Ничему на свете не завидую — только хорошей квартире».

Через две недели еще одна запись на ту же квартирную тему: «Над нами — очередной бал, люстра качается, лампочки тухнут, работать невозможно. М. А. впадает в ярость...

— Я не то что МХАТу, я дьяволу готов продаться за квартиру!..»

Так что писателю постоянно сопутствовало отсутствие элементарных условий для творческой работы.

[2] *...в Москве раскрыт заговор. Взяты... Богданов и Краснощеков...* — В центральных газетах (в нескольких номерах) широко освещалась история проворовавшегося председателя Промбанка Красношекова А. М. и его брата. Булгаков откликнулся на это скандальное событие фельетоном «Белобрысова книжка».

[3] *Заговором руководил некий Мясников...* — Подробные сведения об этом легендарном человеке были опубликованы недавно в «Независимой газете» (29.04.94). Приведем некоторые из них. — Мясников Гавриил Ильич, 1889 г. р., уроженец города Чистополя бывш. Казанской губ., член РКП(б) с 1905 по 1922 год, исключен из партии как один из организаторов «рабочей оппозиции». В 1922 г. арестовывался органами ВЧК в Перми, затем в Москве в 1923 г., после чего был выслан в Германию. Через шесть месяцев вернулся в СССР. В последующие годы подвергался репрессиям, содержался в местах заключения в Москве, Томске и Вятке. Находясь в ссылке в Ереване, в ноябре 1927 г. вплавь через Аракс бежал в Иран, затем в Турцию, установил письменную связь с высланным из СССР Л.Д. Троцким. В апреле 1930 г. получил разрешение на въезд во Францию... В 1929-1936 годах неоднократно обращался в советское консульство и полпредство с просьбами о возвращении в СССР, обещал прекратить «политическую деятельность». В эмиграции написал ряд книг, направленных против диктатуры большевиков. В их числе: «Победы и поражения русского пролетариата, или Кто предал Октябрь», «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова», «Ликвидаторство и марксизм»... В январе 1945 года получил свидетельство на возвращение в СССР... По прибытии на родину арестован органами НКГБ СССР... Приговором военной коллегии Верховного суда СССР от 24 октября 1945 г. осужден к расстрелу. 16 ноября 1945 г. приговор приведен в исполнение.

Мы вернемся еще к этой примечательной личности в связи с некоторыми обстоятельствами, возникшими в ходе допросов Булгакова в ОГПУ в 1926 году.

[4] Поживем — увидим (*фр.*).

жаль, что я не помню, в какое именно число сентября я приехал два года тому назад в Москву. Два года! Многое ли изменилось за это время? Конечно, многое. Но все же вторая годовщина меня застает все в той же комнате и все таким же изнутри.

Болен я, кроме всего прочего...

* * *

Во-первых, о политике: все о той же гнусной и неестественной политике. В Германии идет все еще кутерьма [1]. Марка, однако, начала повышаться в связи с тем, что немцы прекратили пассивное сопротивление в Руре. Но зато в Болгарии идет междоусобица [2]. Идут бои с... коммунистами! Врангелевцы участвуют, защищая правительство.

Для меня нет никаких сомнений в том, что эти второстепенные славянские государства, столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма.

Наши газеты всячески раздувают события, хотя, кто знает, может быть, действительно мир раскалывается на две части — коммунизм и фашизм.

Что будет — никому не известно.

* * *

Москва по-прежнему чудная какая-то клоака. Бешеная дороговизна, и уже не на эти дензнаки, а на золото. Червонец сегодня — 4000 руб. ден[знаки] 1923 г. (4 миллиарда).

По-прежнему и даже еще больше, чем раньше, нет возможности ничего купить из одежды.

Если отбросить мои воображаемые и действительные страхи жизни, можно признаться, что в жизни моей теперь крупный дефект только один — отсутствие квартиры.

В литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал. Как будто пленка какая-то застилает мой мозг и сковывает руку в то время, когда мне нужно описывать то, во что я так глубоко и по-настоящему (это-то я твердо знаю) проникаю мыслью и чувством.

5 октября. Пятница.

Во-первых, политические события.

В Болгарии начисто разбили коммунистов. Повстанцы частью перебиты, частью бежали через границу в Югославию. В числе бежавших заправилы — Коларов и Димитров [3]. Болгарское правительство (Данков) требует выдачи их. По совершенно точным

---

[1] *В Германии идет все еще кутерьма...* — В ночь на 27 сентября во всей Германии было введено осадное положение. 29 сентября за подписью президента Ф. Эберта и членов кабинета был опубликован манифест о прекращении пассивного сопротивления в Руре. Правительство заявляло, что по экономическим причинам не в состоянии поддерживать сопротивление населения на оккупированной территории. Немцам предлагалось прекратить борьбу, правительство обещало приложить все усилия для разрешения кризиса дипломатическим путем. Население, по его мнению, должно было «мужественно перенести надвигающиеся тягчайшие события».

[2] *...в Болгарии идет междоусобица...* — В ночь с 8 на 9 июня 1923 года в Болгарии произошел государственный переворот, свергнувший находившуюся у власти крестьянскую партию — Болгарский народный земледельческий союз. Глава правительства А. Стамболийский был зверски убит. Установился диктаторский режим Александра Данкова (1879—1959). Первоначально его поддержали все буржуазные партии, болгарские коммунисты во время переворота оставались нейтральными. Но уже в сентябре того же года под их руководством вспыхнуло восстание. В союзе с коммунистами выступил и Земледельческий народный союз. Пик восстания пришелся на двадцатые числа сентября.

[3] *...в Болгарии начисто разбили коммунистов... В числе бежавших... Коларов и Димитров...* — Довольно полную информацию о подавлении восстания дала «Правда» в номере от 3 октября: «Болгарское восстание,

сообщениям, доконали большевиков (поскольку, конечно, верно, что повстанцы большевики) Врангель с его войсками [1].

В Германии, вместо ожидавшейся коммунистической революции, получился явный и широкий фашизм. Кабинет Штреземана подал в отставку [2], составляется деловой кабинет [3]. Центр фашизма в руках Кара, играющего роль диктатора, и Гитлера [4], составляющего какой-то «Союз». Все это в Баварии, из которой, по-видимому, может вылезти в один

несомненно, близится к концу... правительственные войска преследуют остатки повстанцев... Выясняется, что английское и итальянское правительства поддерживали правительство Данкова в его борьбе с коммунистами... Против объединенных отрядов рабочих и крестьян были двинуты правительственные войска, состоящие преимущественно из врангелевцев и македонских дружинников... Военное превосходство правительственных войск было очевидным. Белые заняли один за другим важнейшие центры сопротивления повстанцев... Коларову и Димитрову удалось перейти югославскую границу.... После подавления восстания в Болгарии начался самый безжалостный белый террор. По болгарским сообщениям, при подавлении восстания убито две тысячи повстанцев и взято в плен пять тысяч... Болгарские социал-демократы с самого начала приняли деятельное участие в подавлении восстания...»

[1] *...доконали большевиков... Врангель с его войсками...* — Об этом писали и советские газеты, но более обширную информацию давала русская эмигрантская пресса. Так, берлинские «Дни» в статье «Болгарская бойня» (6 октября) сообщали: «Неприятное впечатление произвело известие об участии русских в подавлении восстания. Имена генералов Туркула и Витковского мелькают по газетным столбцам... Могли или не могли русские не вмешаться — вопрос другой. Сами офицеры уверяют, что создалась такая обстановка, при которой они вынуждены были вмешаться: во-первых, этого требовало правительство, у которого не хватало вооруженных сил для сопротивления, во-вторых, до вмешательства уже были русские жертвы — в двух селах буквально растерзали офицеров, и не сопротивляться значило отдаваться живьем в руки коммунистов.

События последних трех дней иначе, как бойней, трудно назвать... Правительством Данкова было решено пленных не брать и раненых не оставлять... Несчастные русские офицеры!.. Они выступают против коммунистов, но в глазах населения и в глазах соседей сербов они являются усмирителями: людьми, вмешивающимися в чужие внутренние дела. Им придется жить бок о бок с родственниками убитых, и, конечно, против них будет вольное или невольное озлобление...»

И как бы в подтверждение этих слов руководитель восстания Георгий Димитров заявил, прибыв в Белград: «Было народное восстание... Против нас были македонцы и русские офицеры, которые спасли правительство Данкова. Русских было около десяти тысяч... Расправа в Болгарии еще продолжается. Македонствующие и русские производят дальнейшие аресты и расстрелы. Конечно, в свое время мы за это отомстим...» (Дни, 1923,10 октября).

[2] *Кабинет Штреземана подал в отставку...* — Поздно вечером 4 октября социал-демократическая фракция рейхстага отклонила проект предоставления правительству чрезвычайных полномочий в области социальной политики. Фракция отозвала трех министров социал-демократов из правительства, что означало крах «большой коалиции». Кабинет Штреземана ушел в отставку, сразу же президент Эберт предложил Штреземану сформировать новый кабинет. Штреземан принял это предложение.

Накануне падения кабинета Штреземана «Правда» писала (4 октября) злорадно: «Как и следовало ожидать, „большая коалиция“ (велика Федора, да дура) закачалась. Кабинет Штреземана — Гильфердинга, занимающий формально позицию „третьей силы“ на основе гнилого компромисса, совершенно неподходящий для теперешнего „железного времени“, обанкротился... Постоянный „кризис власти“ ставит вопрос в упор: речь идет о том, какая диктатура сменит жалкое правительство коалиции — диктатура Людендорфа или диктатура пролетариата».

[3] *...составляется деловой кабинет...* — Новый кабинет возглавил Штреземан, заняв пост канцлера и министра иностранных дел. Другие министерские должности были заняты социалистами, демократами и представителями «центра».

[4] *Центр фашизма в руках Кара... и Гитлера...* — 27 сентября постановлением баварского правительства бывший баварский премьер фон Кар был назначен генеральным государственным комиссаром фактически с диктаторскими полномочиями. Ранее он был активным участником монархического «капповского путча» (март 1920 года), принадлежал к партии наследного принца Рупрехта.

Берлинская газета «Дни» сообщала 3 октября, что в Баварии фон Кар с каждым днем занимает все более боевую позицию и что он решил довести до конца борьбу между правыми и левыми, отказавшись от каких-либо компромиссов с марксистами.

прекрасный день кайзер. Марка, однако, продолжает падать. Сегодня в «Известиях» официальный курс доллара 440 миллионов марок, а неофициальный — 500.

В «Изв[естиях]» же передовая Виленского-Сибирякова [1] о том, что всюду неспокойно и что белогвардейцы опять ухватились за мысль об интервенции. Письмо Троцкого к артиллерийским частям [2] Зап[адно]-Сибирск[ого] округа еще красочнее. Там он прямо говорит, что, в случает чего, «он рассчитывает на красноармейцев, командиров и политработников» ...

* * *

В Японии продолжаются толчки. На о[строве] Формозе было землетрясение.

Что только происходит в мире!

18(5-го) октября 1923 г. Четверг. Ночь.

Сегодня берусь за мой дневник с сознанием того, что он важен и нужен.

Теперь нет уже никаких сомнений в том, что мы стоим накануне грандиозных и, по всей вероятности, тяжких событий. В воздухе висит слово «война». Второй день, как по Москве расклеен приказ о призыве молодых годов (последний — 1898 г.). Речь вдет о так называемом «территориальном сборе». Дело временное, носит характер учебный, тем не менее вызывает вполне понятные слухи, опасения, тревогу...

Сегодня Константин приехал [3] из Петербурга. Никакой поездки в Японию, понятное дело, не состоится, и он возвращается в Киев. Конст[антин] рассказывал, что будто бы в Петербургском округе призван весь командный состав 1890 года! В Твери и Клину расклеены приказы о территориальном обучении. Сегодня мне передавал..., что есть еще более веские признаки войны. Будто бы журн[ал] «Крок[одил]» собирается на фронт.

События же вот в чем. Не только в Германии, но уже и в Польше происходят волнения. В Германии Бавария является центром фашизма, Саксония — коммунизма. О, конечно, не может быть и речи о том, чтобы это был коммунизм нашего типа, тем не менее в саксонском правительстве три министра коммуниста — Геккерт, Брандлер и Бетхер [4]. Заголовки в «Известиях» [5] — «Кровавые столкновения в Берлине», «Продовольственные волнения» и т.

---

[1] *В «Известиях» же передовая Виленского-Сибирякова...* — Речь идет о статье соредактора «Известий» В.Д. Виленского-Сибирякова (1888—1943) под названием «Не бывает дыма без огня» (5 октября), в которой, в частности, отмечалось: «Развивающиеся в Европе события вливают новую энергию в зарубежную белогвардейщину. Российская контрреволюция, еще вчера дышавшая на ладан, сегодня учитывает развивающиеся европейские события и начинает чистить бранные доспехи, собираясь в тысячный раз свергать советскую власть».

[2] *Письмо Троцкого к артиллерийским частям...* — В письме говорилось: «В Европе крайне неспокойно. Правящая буржуазия все больше обнаруживает свою неспособность обеспечить народам хоть какой-нибудь мир и порядок. Опасность новых ударов против Советского Союза чрезвычайно велика. В случае, если эта опасность обрушится на нас, буду твердо рассчитывать на красноармейцев, командиров и политработников артиллерийских частей Западносибирского военного округа» (Правда, 5 октября).

[3] *Сегодня Константин приехал...* — Речь идет о Булгакове Константине Петровиче, двоюродном брате писателя, вместе с которым он был на Северном Кавказе в конце 1919 — начале 1920 года.

[4] *...в саксонском правительстве три министра-коммуниста — Геккерт, Брандлер и Бетхер...* — В начале октября 1923 года был изменен состав саксонского правительства: в социал-демократический кабинет министров были введены три коммуниста — Фриц Геккерт (министр народного хозяйства), Генрих Брандлер (начальник госканцелярии) и Пауль Бетхер (министр финансов). 18 октября «Известия» поместили большие портреты этих министров и их краткие биографии.

[5] *Заголовки в «Известиях»...* — Известинский выпуск за 18 октября (раздел «Борьба в Германии») пестрел

д. Марка упала невероятно. Несколько дней назад доллар стоил уже несколько миллиардов марок! Сегодня нет телеграммы о марке — вероятно, она стоит несколько выше.

В Польше, по сообщению «Известий», забастовка горнорабочих [1], вспыхнувшая в Домбровском районе и распространившаяся на всю (?) страну. Террор против рабочих организаций и т. д.

Возможно, что мир, действительно, накануне генеральной схватки между коммунизмом и фашизмом.

Если развернутся события, первое, что произойдет, это война большевиков с Польшей.

Теперь я буду вести записи аккуратно.

* * *

В Москве несколько дней назад произошел взрыв пороха [2] в охотничьем магазине на Неглинном. Катастрофа грандиозна. С разрушением дома и обильными жертвами.

* * *

Сегодня был у доктора, посоветоваться насчет боли в ноге. Он меня очень опечалил, найдя меня в полном беспорядке. Придется серьезно лечиться. Чудовищнее всего то, что я боюсь слечь, потому что в милом органе, где я служу, под меня подкапываются и безжалостно могут меня выставить.

Вот, черт бы их взял.

* * *

Червонец, с Божьей помощью, сегодня 5500 рублей (5 ½ миллиардов). Французская булка стоит 17 миллионов, фунт белого хлеба — 65 миллионов. Яйца, десяток, вчера стоили 200 рублей. Москва шумна. Возобновил маршруты трамвай № 24 (Остоженка).

* * *

О «Записках на манжетах» ни слуху ни духу. По-видимому, кончено.

19-го октября. Пятница. Ночь.

На политическом горизонте то же — изменений резких нет.

Сегодня вышел гнусный день, род моей болезни таков, что, по-видимому, на будущей неделе мне придется слечь. Я озабочен вопросом, как устроить так, чтобы в «Г[удке]» меня

следующими заголовками: «В Берлине происходят продовольственные волнения. В результате столкновения с полицией несколько убитых и много раненых. В Гановере арестованы 102 коммуниста. Саксонский пролетариат решил не подчиняться приказу о роспуске пролетарских сотен».

[1] *В Польше... забастовка горнорабочих...* — 12 октября в Верхней Силезии началась забастовка железнодорожников, горняков, почтовиков и др. Правительство объявило Верхнюю Силезию на осадном положении. Когда 15 октября вспыхнула забастовка в Домбровском районе — акция горняков приняла всеобщий характер (в масштабах страны). «Известия» систематически освещали эти события.

[2] *В Москве... произошел взрыв пороха...* — Об этом писали «Известия» 13, 14 и 16 октября. Сообщения о взрыве появились и в зарубежных газетах. Так, газета «Дни» 19 февраля извещала своих читателей: «Взрыв был очень сильным, погибло восемь человек, ранено около девяноста человек и сгорел почти весь дом на углу Неглинного проезда и Трубной площади. Взрыв произвел настоящую панику в коммунистических рядах и вызвал массу толков у населения... Когда дым рассеялся, глазам представилась уникальная картина: на улицах в лужах крови лежали раненые, некоторые пострадавшие бежали по улице в обожженной одежде, залитые кровью».

не сдвинули за время болезни с места. Второй вопрос, как летнее пальто жены превратить в шубу.

День прошел сумбурно, в беготне. Часть этой беготни была затрачена (днем и вечером) на «Трудовую копейку» [1]. В ней потеряли два моих фельетона [2]. Возможно, что Кольцов (редактор «Копейки») их забраковал. Я не мог ни найти оригиналы, ни добиться ответа по поводу их. Махнул в конце концов рукой.

Завтра Гросс (редактор фин[ансового] отд[ела] «Копейки]») даст мне ответ по поводу фельетона о займе и, возможно, 3 червонца.

Вся надежда на них.

«Нак[ануне]» в этот последний период времени дает мне мало (там печатается мой фельетон в 4-х номерах о выставке [3]). Жду ответа из «Недр» насчет «Дьяволиады» [4].

В общем, хватает на еду и мелочи, а одеться не на что. Да, если бы не болезнь, я бы не страшился за будущее.

* * *

Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ.

* * *

Поздно вечером заходил к дядькам [5]. Они стали милее. Д[ядя] Миша читал на днях мой последний рассказ «Псалом» (я ему дал) и расспрашивал меня сегодня, что я хотел сказать и т. д. У них уже больше внимания и понимания того, что я занимаюсь литературой.

* * *

Начинается дождливое, слякотное время осени.

22-го октября. Понедельник. Ночь.

Сегодня в «Изв[естиях]» помещена речь Троцкого [6], которую он на днях произнес на

---

[1] *...на «Трудовую копейку»...* — Так называлась ежедневная вечерняя финансовая газета, выходившая с 21 августа по 5 декабря 1923 года.

[2] *В ней потеряны два моих фельетона...* — Некоторые исследователи полагают, что напечатанные в этой газете под разными псевдонимами три фельетона — «Сберегательная книжка», «Дураки», «Чай да сахар» (соответственно 3,31 октября и 2 ноября) могли принадлежать перу Булгакова.

[3] *...мой фельетон в 4-х номерах о выставке...* — Речь идет о фельетоне «Золотистый город» (Накануне, 1923, 30 сентября, 6, 12 и 14 октября).

[4] *Жду ответа из «Недр» насчет «Дьяволиады»...* — Впервые опубликована в альманахе «Недра» (1924, кн. 4).

[5] *Поздно вечером заходил к дядькам...* — Речь идет о Николае Михайловиче и Михаиле Михайловиче Покровских.

[6] *Сегодня в «Известиях» помещена речь Троцкого...* — 21 октября 1923 г. на первой странице «Известий» была напечатана речь Троцкого, озаглавленная «Тов. Троцкий о международном положении. (Доклад на губернском съезде металлистов)».

Выписки из речи Троцкого свидетельствуют об исключительном внимании писателя к политической ситуации в Германии. Между прочим, Троцкий многократно выступал на эту тему в прессе и 18 октября так писал в «Правде»: «Мы сейчас, несомненно, подходим вплотную к одному из тех исторических узлов, которые определяют дальнейшее развитие на ряд лет, а по всей вероятности, и десятилетий. Центром европейских и

губернском съезде металлистов.

Вот выдержки из нее:

«...Германская коммунистическая партия растет из месяца в месяц.

...В Германии наметились два плацдарма предстоящих боев: фашистская Бавария и пролетарские Саксония и Тюрингия...

...Вообще раскачка идет в Германии во все стороны со дня на день и с часа на час.

...Мы подошли к открытой борьбе...

...Уже теперь некоторые нетерпеливые товарищи говорят, что война с Польшей неизбежна. Я этого не думаю, наоборот, есть много данных за то, что войны с Польшей не будет...

...Мы войны не хотим...

...Война — это уравнение со многими неизвестными...

...Физической помощи германской революции не надо...»

В общем, как видно, будущее туманно.

Сегодня на службе в «Г[удке]» произошел замечательный корявый анекдот. «Инициативная группа беспартийных» предложила собрание по вопросу о помощи германскому пролетариату. Когда Н... открыл собрание, явился комм[унист] Р. и, волнуясь, угрожающе заявил, что это неслыханно, чтобы беспартийные собирали свои собрания! Что он требует закрыть заседание и собрать общее. Н..., побледнев, сослался на то, что это с разрешения ячейки.

Дальше пошло просто. Беспартийные, как один, голосовали, чтобы партийцы пригласили партийных и говорили льстивые слова. Партийные явились и за это вынесли постановление, что они дают вдвое больше беспартийных (беспартийные — однодневный, партийные — двухдневный заработок), наплевав, таким образом, беспартийным ослам в самую физиономию.

Когда голосовали, кого выбрать в редакционную комиссию, дружно предложили меня. И. Кочетков встал и сейчас же предложил другой состав. Чего он на меня взъедается — не знаю.

* * *

«Территориальные сборы», кажется, смахивают на обыкновеннейшую мобилизацию. По крайней мере, портниха Тоня, что принесла мне мерить блузу, сообщила, что 1903-й год пошел в казармы на 1,5 года.

Я ее спросил, с кем будем воевать. Она ответила:

— С... Германией. С немцами опять будем воевать (!!!!).

* * *

Червонец — 6200—6500!

* * *

Слякоть. Туманно слегка.

26-го октября. Пятница. Вечер.

Я нездоров, и нездоровье мое неприятное, потому что оно может вынудить меня лечь.

мировых проблем является Германия. Наша заинтересованность в судьбах Германии имеет в одно и то же время и самый глубокий и самый непосредственный характер. Если бы хищникам французского империализма, самым реакционным, жадным и подлым из всех, каких когда-либо знала история, удалось надолго сломить волю германского народа к жизни и независимости, Советский Союз стал бы неизмеримо слабее. Вопрос о судьбе Германии решается сейчас, в первую очередь, внутренней борьбой ее классов...»

А это в данный момент может повредить мне в «Г[удке]». Поэтому и расположение духа у меня довольно угнетенное.

Сегодня я пришел из «Г[удка]» рано. Днем лежал. По дороге из «Г[удка]» заходил в «Недра» к П. Н. Зайцеву. Повесть моя «Дьяволиада» принята [1], но не дают больше, чем 50 руб. за лист. И денег не будет раньше следующей надели. Повесть дурацкая, ни к черту не годная. Но Вересаеву (он один из редакторов «Недр») очень понравилась.

В минуты нездоровья и одиночества предаюсь печальным и завистливым мыслям. Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого.

Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей выливающимися в произведениях, трудно печататься и жить.

Нездоровье же мое при таких условиях тоже в высшей степени не вовремя.

Но не будем унывать. Сейчас я просмотрел «Последнего из могикан», которого недавно купил для своей библиотеки. Какое обаяние в этом старом сентиментальном Купере! Тип Давида, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге.

Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога [2].

* * *

Сегодня, придя домой, ждал возвращения Таси (у нее ключи) у соседа пекаря. Он заговаривал на политические темы. Поступки власти считает жульническими (облигации etc.). Рассказал, что двух евреев комиссаров в Краснопресненском совете избили явившиеся на мобилизацию за наглость и угрозы наганом. Не знаю, правда ли. По словам пекаря, настроение мобилизованных весьма неприятное. Он же, пекарь, жаловался, что в деревнях развивается хулиганство среди молодежи. В голове у малого то же, что и у всех — себе на уме, прекрасно понимает, что б[ольшевики] жулики, на войну идти не хотят, о международном положении никакого понятия.

Дикий мы, темный, несчастный народ.

Червонец — 6500 руб. Утешаться можем маркой: один доллар — 69 миллиардов марок. В Гамбурге произошли столкновения [3] между рабочими и полицией. Побили рабочих. Ничего подобного нашему в Германии никогда не будет [4]. Это общее мнение. Л[идин],

---

[1] *...заходил в «Недра» к П.Н. Зайцеву. Повесть моя «Дьяволиада» принята...* — Зайцев Петр Никанорович (1889—1970) — секретарь редакции издательства и альманаха «Недра».

[2] *...вот почему я надеюсь на Бога...* — Любовь Евгеньевна Белозерская рассказывала своим знакомым, что во второй половине двадцатых годов Михаил Афанасьевич вместе с близкими друзьями всегда ходил в Зачатьевский монастырь на Остоженке на Рождественскую и Пасхальную службы. А затем все садились за праздничный стол, как было заведено с детства. Знакомые недоумевали — годы-то какие, а Михаил Афанасьевич, разводя гостеприимно руками, шутил: «Мы же русские люди!» (Голос Родины, 1991, № 21).

[3] *В Гамбурге произошли столкновения...* — 23 октября в Гамбурге всеобщая забастовка, начавшаяся со стачки докеров, переросла в восстание. Оно было подавлено 25 октября. Берлинская газета «Дни» в статье «Коммунистическое восстание» писала 26 октября: «В подавлении восстания помимо полиции принимали также участие высаженные на берег моряки... Коммунисты дрались с большим ожесточением. В некоторых местах ими были даже пущены в ход пулеметы... Число жертв со стороны полиции достигло 11 убитых и 34 раненых... При обысках и арестах обнаружен обширный материал, говорящий о весьма значительных военных приготовлениях... Все коммунистические главари восстания убежали.

Гамбургские события перекинулись в Киль, Франкфурт-на-Майне, Кельн, Рурскую область. Верхнюю Силезию и др.».

[4] *Ничего подобного нашему в Германии никогда не будет...* — Эту мысль Булгаков подчеркивал

приехавший из Берлина, по словам Сок[олова]-М[икитова], которого я видел сегодня в «Накануне», утверждает, что в «Известиях» и «Правде» брехня насчет Германии [1].

Это несомненно так.

* * *

Интересно: Сок[олов]-М[икитов] подтвердил мое предположение о том, что Ал. Др[оздов] — мерзавец [2]. Однажды он в шутку позвонил Др[оздову] по телефону, сказал, что

неоднократно. И в основе ее лежало не только желание писателя видеть ход развития событий в Германии в ином направлении, чем предрекали большевистские лидеры в России, но и способность его трезво оценивать сложившуюся обстановку.

Накануне решающих событий в Германии газета «Дни» поместила любопытную передовую статью, в которой о революционном движении в странах Европы говорилось так: «Большевизм, можно сказать, работает без сбоя. Знаменитая избирательная кампания французских социалистов в 1919 году, проведенная под лозунгом „да здравствует Ленин“, привела к власти „национальный блок“. Советская республика в Мюнхене установила там диктатуру монархистов. Белла Кун открыл дорогу адмиралу Хорти. Серрати 27 короновал в цезари Муссолини. Ныне пришел черед не только Берлину, но и всей Германии опасаться, по словам Гильфердинга, „фашистского переворота“... Вот уже пять лет, вопреки всем обещаниям, уверениям и утверждениям пророков, последовательно и неуклонно происходит не „коммунизация“, а самая обычная „реакционизация“ Европы... Московские агенты были и остались повсюду настоящими предтечами движения вспять... Не было еще на Западе ни одного Хорти, который бы не ссылался в оправдание себя на большевистский пример...» (Дни, 10 октября 1923).

Булгакова, разумеется, горячо волновал ход развития событий в Европе, ибо более всего он опасался расширения географии социальных революций и закрепления на многие годы в России нового революционного порядка.

[1] *...Лидин... по словам Соколова-Микитова, утверждает, что в «Известиях» и «Правде» брехня насчет Германии...* — Лидин Владимир Германович (1894—1979) и Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892—1975) — писатели.

Что касается «брехни насчет Германии», то Булгаков, видимо, имел в виду пространные опусы Г. Зиновьева («Проблемы германской революции»), К. Радека и других большевиков, тесно связанных с III Интернационалом. Так, Г. Зиновьев в дни 25 и 26 октября, когда полицаи в Гамбурге добивали восставших рабочих, писал в «Правде»: «Сейчас историческая задача в том, чтобы победить в решающем месте, сконцентрировать все силы, дабы нанести германской буржуазии удар в сердце, от которого она уже не оправится никогда...»; «Победоносная германская революция...»; «И германская пролетарская революция, несмотря ни на что, все же победит...»

Кстати, И.В. Сталин по-иному понимал сложившуюся в Германии ситуацию. Это видно из его переписки с Г.Е. Зиновьевым в июле — августе 1923 года. Предвкушая скорую революцию в Германии, Зиновьев ориентировал Сталина на решительное изменение всей внутренней и внешней политики СССР именно с учетом этого важнейшего события. Он писал 31 июля 1923 г. генсеку: «Кризис в Германии назревает очень быстро. Начинается новая глава германской революции. Перед нами это скоро поставит грандиозные задачи. НЭП выйдет в новую перспективу. Пока же минимум, что надо, — это поставить вопрос: 1) о снабжении немецких коммунистов оружием в большом числе; 2) о постепенной мобилизации человек 50 наших лучших боевиков для постепенной отправки их в Германию. Близко время громадных событий в Германии. Близко время, когда нам придется принимать решения всемирно-исторической важности». Осторожный Сталин, пытаясь «вразумить» воспаленные головы идеологов «мировой революции», отвечал Зиновьеву (7 августа того же года) спокойно и взвешенно: «Что касается Германии... Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с.- д., созрели ли они уже для этого, — в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству советскую страну, чего у нас не было, но что можем дать им в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это „в лучшем“ случае. А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад». Так что в кардинальнейших вопросах развития революции вожди большевиков не имели единой концепции. Будущее показало, что Сталин был прав.

[2] *...что Ал. Дроздов — мерзавец...* — Дроздов Александр Михайлович (1895—1963) — писатель, сотрудничал в белогвардейских газетах, в 1923 году вернулся в СССР.

Любопытная заметка появилась о А. Дроздове в «Новом времени» 18 февраля 1923 года (автор — Б. Юрьевский): «В моем политическом архиве имеется несколько номеров газеты „Призыв“. Газета эта издавалась

он Марков 2-й [1], что у него есть средства на газету, и просил принять участие. Дроздов радостно рассыпался в полной готовности. Это было перед самым вступлением Др[оздова] в «Накануне».

Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг «Накануне» [2]. Могу себя

при первом агитационном поезде „Освага“ в героическую эпоху борьбы Добровольческой армии Деникина с большевиками. Читаю следующие строки: „Крестьян на Руси сто восемьдесят миллионов, из них у власти стоит один Калинин. Эта горстка людей, разбавленная проходимцами, кистеневыми рыцарями с больших дорог, уголовными преступниками, мерзавцами и взяточниками, правит всей многомиллионной Россией и называет себя народной властью. Какой народ выбирал их? Какому народу нужны они, захлебнувшиеся в крови и водке, приведшие Россию к бездне?“

Эти прекрасные строки... принадлежат господину Александру Дроздову. Тому самому Дроздову, который ныне подвизается в сменовеховской газете „Накануне“ и пишет дифирамбы советской власти».

[1] *...что он Марков 2-й...* — Имеется в виду Марков Николай Евгеньевич (1866—19...) — один из лидеров «Союза русского народа». В эмиграции был одним из руководителей Высшего монархического совета. Высказывал любопытные идеи о «воссоединении» русского народа, искусственно расколотого на части. Был последовательным и отчаянным патриотом. Сильное впечатление произвело его выступление на Российском зарубежном съезде в апреле 1926 года. Приведем фрагмент из этого выступления: «Сейчас весна. Я деревенский человек, я люблю, когда зацветают березы, когда вся Русь цветет. Все мы любим Россию, все мы тянемся к ней. Но сейчас над Россией трупный запах. Он отшибает нас. Мы не можем вдохнуть старого русского воздуха. И мы говорим: „устраним палача“! Перед этим должно все смолкнуть. Борьба должна быть до конца, без конца — до победы!.. Борьба была. Не правы те, кто не ценит ее. Имя ей — „белое движение“... Сейчас разорван русский флаг. Остались лохмотья. Белый здесь, красный — там... Надо связать белый с красным... Соединить белых с красными, но не с палачами, а с теми, кто под этими красными палачами — вот задача нашего съезда! Не завоевать, не победить, не покорить Россию должны мы, а слиться с нею, видя там братьев, с которыми дружно мы должны творить Россию... Ура великому князю Николаю Николаевичу!»

[2] *Компания исключительной сволочи группируется вокруг «Накануне»...* — К сменовеховцам негативно относилось почти все русское зарубежье, полагая, что их деятельность финансируется Москвой. Между тем сами сменовеховцы объясняли свое «преображение» исключительно благородными целями: стремлением объединить лучшие силы России на построение нового общества. Первый номер газеты «Накануне» открылся передовой, в которой говорилось: «Мы назвали нашу газету — „Накануне“. И думаем, что это название верно отражает как наше основное политическое настроение, так и наши ближайшие политические цели... Русские в России и за границей переживают период большого духовного кризиса. Чем дальше, тем им все яснее становится историческое и этическое значение Октябрьской революции. Советская Россия постепенно становится для них просто Россией. Ее интернациональные задачи сливаются с русскими национальными задачами... Представители различных политических взглядов впервые нашли почву для взаимного примирения и совместной работы на благо России. И почвой этой оказалось приятие Великой Русской Революции».

Один из лидеров сменовеховцев Н. Устрялов так конкретизировал позицию нового политического течения: «Мы уже вплотную подошли к той фазе революции, когда свирепая и прямолинейная диктатура недавнего прошлого теряет основу своего господства... Для преодоления материальной разрухи потребовалась трансформация идейного лика революции. Здесь в первую очередь ставится вопрос об отношении советского правительства к небольшевистским элементам русского общества. Необходимо, чтобы с каждым месяцем все более и более широкие круги русской интеллигенции втягивались нс за страх, а за совесть в работу по воссозданию страны...» Но это не означает, подчеркивал Н. Устрялов, что произойдет «большевизация» русской интеллигенции. Можно лишь говорить о деловом сотрудничестве с правительством, об отказе «от всяких попыток его свержения».

Но вот прошел год, и все чаще сменовеховцев стали называть «безвеховцами». Произошел раскол в руководстве политическим течением, и если Н. Устрялов занимал прежнюю, довольно строгую позицию, то берлинская группа, как писали газеты, «пала до служебных ролей». Именно «служебная роль» газеты «Накануне» более всего тяготила Булгакова. Тем более что он прекрасно знал, как относятся в московских кругах к этой газете. Любопытна в этом смысле заметка очевидца, появившаяся в газете «Дни» 28 февраля 1923 года: «Я... интересовался идеологией профессоров Устрялова и Ключникова, но из разговоров с москвичами я вынес, что они относятся к сменовеховцам крайне отрицательно... В правительственных и коммунистических кругах их считают временно необходимыми для обработки и сближения европейского мнения с советской властью; сами большевики... с сменовеховцами совершенно не считаются и смотрят на них, как на своих агентов, состоящих на определенном содержании и исполняющих специальные директивы. Будущего у сменовеховцев нет, и за отсутствием последователей идеологии Устрялова и Ключникова это течение уже скончалось, не успев даже кое-как оформиться».

поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собою. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь «Накануне», никогда бы не увидали света ни «Записки на манжетах», ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово. Нужно было быть исключительным героем, чтобы молчать в течение четырех лет, молчать без надежды, что удастся открыть рот в будущем. Я, к сожалению, не герой.

* * *

Но мужества во мне теперь больше, о, гораздо больше, чем в 21-м году. И если б не нездоровье, я бы тверже смотрел в свое туманное черное будущее.

* * *

От Коли нет письма. С Киевом запустил переписку безнадежно.

27-го октября. Суббота. Вечер.

Вечером разлилось зарево. Я был в это время в Староконюшенном переулке. Народ выскакивал, смотрел. Оказалось — горит выставка.

После Староконюшенного, от доктора, забежал на Пречистенку. Разговоры обычные, но уже с большим оттенком ярости и надежды.

В душе — сумбур. Был неприятно взволнован тем, что, как мне показалось, доктор принял меня сухо. Взволнован и тем, что доктор нашел у меня улучшение процесса. Помоги мне, Господи.

* * *

Сейчас смотрел у Семы гарнитур мебели, будуарный, за очень низкую плату — 6 червонцев. Решили с Тасей купить, если согласятся отсрочить платеж до следующей недели. Завтра это выяснится. Иду на риск — на следующей неделе в «Недрах» должны уплатить за «Дьяволиаду».

29-го октября. Понедельник. Ночь.

Сегодня впервые затопили. Я весь вечер потратил на замазывание окон. Первая топка

Кстати, именно сотрудничество Булгакова со сменовеховцами повлекло за собой интерес «тайного ведомства» к его личности. Поводом послужило следующее объявление, помещенное писателем в журнале «Новая русская книга» (1922, № 11-12):

«М.А. Булгаков работает над составлением полного библиографического словаря современных русских писателей с их литературными силуэтами. Полнота словаря зависит в значительной мере от того, насколько отзовутся сами писатели на эту работу и дадут о себе живые и ценные сведения. Автор просит всех русских писателей во всех городах России и за границей присылать автобиографический материал по адресу: Москва, Б. Садовая, 10, кв. 50. Михаилу Аф. Булгакову.

Нужны важнейшие хронологические даты, первое появление в печати, влияние крупных старых мастеров и литературных школ и т. д. Желателен материал с живыми штрихами.

Особенная просьба к начинающим, о которых почти или совсем нет критического или биографического материала.

Лица, имеющие о себе критические отзывы, благоволят указать, кем они написаны и где напечатаны.

Просьба ко всем журналам и газетам перепечатать это сообщение. Москва, 6 октября 1922».

Можно предположить, что информация, которая была необходима Булгакову для составления библиографического словаря писателей, заинтересовала и известное ведомство, для которого подробные сведения о творческих людях никогда не бывают лишними (Независимая газета, 1993, 23 ноября). О работе Булгакова в этом направлении и о материалах, собранных им, мало что известно.

ознаменовалась тем, что знаменитая Аннушка [1] оставила на ночь окно в кухне настежь открытым. Я положительно не знаю, что делать со сволочью, что населяет эту квартиру.

У меня в связи с болезнью тяжелое нервное расстройство [2], и такие вещи меня выводят из себя.

Новая мебель со вчерашнего дня у меня в кабинете [3]. Чтобы в срок уплатить, взял взаймы у М... [4] 5 червонцев.

Сегодня вечером были М[итя] Ст[онов] и Гайд[овский] [5], приглашали сотрудничать в журнале «Город и деревня» [6]. Потом Андрей [7]. Он читал мою «Дьяволиаду». Говорил, что у меня новый жанр и редкая стремительная фабула.

* * *

На выставке горел только павильон Моссельпрома и быстро был потушен. Полагаю, что это несомненный поджог.

6 ноября (24-го октября). Вторник. Вечер.

Недавно ушел от меня Коля Г[ладыревский], он лечит меня. После его ухода я прочел плохо написанную, бездарную книгу Мих. Чехова [8] о его великом брате. И читаю мастерскую книгу Горького «Мои университеты».

Теперь я полон размышления и ясно как-то стал понимать — нужно мне бросить смеяться. Кроме того — в литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь. Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие страшные и важные вещи говорит он о писателе.

Сегодня, часов около пяти, я был у Лежнева [9], и он сообщил мне две важные вещи:

---

[1] *...знаменитая Аннушка...* — Соседка Булгаковых по «проклятой квартире № 50», ставшая прообразом многих персонажей в булгаковских сочинениях.

[2] *У меня в связи с болезнью тяжелое нервное расстройство...* — В эти дни Булгаков писал сестре Надежде: «...доктора нашли, что у меня поражены оба коленных сустава... моя болезнь (ревматизм) очень угнетает меня...»

[3] *Новая мебель у меня в кабинете...* — В той же записке к сестре Булгаков сообщал: «...я купил гарнитур мебели шелковый, вполне приличный. Она уже стоит у меня в комнате... если я не издохну как собака — ...куплю еще ковер».

[4] *...взял взаймы у М[озалевского]...* — Мозалевский Виктор Иванович (1889—1970) — писатель.

[5] *...были... Стонов и Гайдовский...* — Стонов Дмитрий Миронович (1892—1963) и Гайдовский Георгий Николаевич (1902—1962) — писатели.

[6] *...приглашали сотрудничать в журнале «Город и деревня»...* — Кооперативный, общественно-экономический, литературный журнал. В нескольких номерах журнала Булгаков упомянут в качестве его сотрудника.

[7] *...потом Андрей...* — Земский Андрей Михайлович (1892—1946) — муж Надежды Афанасьевны Булгаковой, филолог.

[8] *...прочел... бездарную книгу Мих. Чехова...* — Видимо, речь идет о книге М.П. Чехова «Антон Чехов и его сюжеты». М., 1923.

[9] *...я был у Лежнева...* — См. 153, письмо «М.А. Булгаков — в Конфликтную комиссию Всероссийского Союза».

во-первых, о том, что мой рассказ «Псалом» (в «Накануне») великолепен, «как миниатюра» («я бы его напечатал»), и 2-е, что «Нак[ануне]» всеми презираемо и ненавидимо. Это меня не страшит. Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы, болезни и слабость. У меня за ухом дурацкая опухоль [.....] уже два раза оперированная. Из Киева писали начать рентгенотерапию. Теперь я боюсь злокачественного развития.

Боюсь, что шалая, обидная, слепая болезнь прервет мою работу. Если не прервет, я сделаю лучше, чем «Псалом».

* * *

Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним — писателем.

Посмотрим же и будем учиться, будем молчать.

1924 год

8-го января.

Сегодня в газетах: бюллетень о состоянии здоровья Л.Д. Троцкого [1].

Начинается словами: «Л.Д. Троцкий 5-го ноября прошлого года болел инфлуэнцией...», кончается: «отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее 2-х месяцев». Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни.

Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией [2], знает один Бог.

---

[1] *...бюллетень о состоянии здоровья Л.Д. Троцкого...* — Бюллетень датирован 31 декабря 1923 года (новогодний «подарок» Троцкому) и опубликован в «Известиях» 8 января 1924 года. Подписан бюллетень комиссией докторов в составе: М. Кончаловский, Форстер, Певзнер, В. Александров, Ф. Готье и Н. Семашко.

Решение о высылке Троцкого (Булгаков прекрасно уловил смысл и назначение «бюллетеня») было принято, конечно, не врачами.

[2] *...Троцкого выставили. Что будет с Россией...* — Разумеется, Булгаков с большим удовлетворением воспринял весть об удалении одной из самых зловещих фигур в большевистском руководстве. Возможно, Троцкий был для Булгакова олицетворением самого чудовищного врага России. Во всяком случае, таким предстает Троцкий в произведениях писателя. Эго восприятие могло сложиться еще со дней приезда Троцкого в Киев в июле 1919 года, когда был устроен большой митинг в честь его приезда. Сохранились свидетельства этого действа. В газете «Киевлянин» (13 сентября 1919 года) в очерке «Так было» мы читаем: «Грозно заворчал подъехавший автомобиль и через минуту, в сопровождении свиты, быстро поднялся по ступенькам сутулившийся еврей с густой, черной бородой. Тип портного из маленького провинциального городка черты оседлости. Невольно рисовался аршин под мышкой и кусок засаленного сантиметра, свисавшего из кармана. Да неужели это он толкнул братьев на кровавый бой с братьями, от лица России заключил позорный Брестский мир, и перед ним склоняются — пусть „красные“, но все же русские знамена?

Громко и отчетливо заговорил он о вреде партизанщины, о необходимости создать регулярную армию, о Деникине — прискучившие фразы, примелькавшиеся уже на столбцах красных газет. Неинтересно, скучно. Я уже собиралась уйти, как неожиданно новые интонации металлически зазвучали в его голосе и остановили меня. Троцкий заговорил о тыле, о необходимости борьбы с теми, кто „против нас“. С каждой фразой крепчал голос и дошел до крика, временами хрипло гортанного. Бешено зажестикулировали угрожающие руки и как чудовищные птицы заметались по залу призывы ненависти и бились в закрытые окна, за которыми в розовых лучах умирал день. Неузнаваемо изменилось лицо: хищно выдвинулась нижняя челюсть, горевшие глаза как-то вышли из орбит, точно повисли в воздухе. Не портной из маленького города черты оседлости, — перед толпой стоял фанатик-изувер, носитель веками накопившейся мести и ненависти, призванный осуществить двухтысячелетнюю мечту.

„Чиновники, лакеи старого режима, судейские, издевавшиеся в судах, педагоги, развращавшие в своих школах, помещики и их сынки-студенты, офицеры, крестьяне-кулаки и сочувствующие рабочие, — все должны быть зажаты в кровавую рукавицу, все пригнуты к земле. Кого можно — уничтожить, а остальных прижать так, чтобы они мечтали о смерти, чтобы жизнь была хуже смерти...“ Не речь, — это были дикие конвульсии ненависти, и если бы он упал сейчас мертвым, я бы не удивилась...

Так было. В огромном русском городе — матери русских городов, перед многосотенной толпой шла жгучая проповедь „русского погрома“ — потому что к перечисленным категориям принадлежали только русские, и запуганные пулеметами люди — молчали. Я взглянула на стоявшего рядом рабочего. Понимают ли они, что происходит?

Пусть он ей поможет!

Сегодня вечер у Бориса. Мы только что вернулись с женой. Было очень весело. Я пил вино, и сердце мое не болит.

Червонец — 3,6 миллиардов...

22-го января 1924 года. 9-го января 1924 г. по стар[ому] стилю.

Сейчас только что (пять с половиною часов вечера) Семка сообщил, что Ленин скончался [1]. Об этом, по его словам, есть официальное сообщение.

25-го февраля 1924 г. Понедельник.

Сегодня вечером получил от Петра Никаноровича свежий номер «Недра». В нем моя повесть «Дьяволиада». Это было во время чтения моего — я читал куски из «Белой гвардии» у Веры Оскаровны 3.

По-видимому, и в этом кружке производило впечатление. В[ера] О[скаровна] просила продолжать у нее же.

* * *

Итак, впервые я напечатан не на газетных листах и не в тонких журналах, а в книге-альманахе. Да-с. Скольких мучений стоит! Скольких?

«Записки на манжетах» похоронены.

15 апреля. Вторник.

Злобой дня до сих пор является присланная неделю назад телеграмма Пуанкаре, присланная советскому правительству. В этой телеграмме Пуанкаре позволил себе вмешаться в судебное разбирательство по делу Киевского областного «центра действия» [2] (контрреволюционная организация) и серьезно просит не выносить смертных приговоров.

Сурово смотрело пожилое лицо, низко хмурились нависшие брови.

— Царь иудейский, — коротко и резко бросил он мне, отвечая на безмолвный вопрос, и вышел из зала.

Конец июля и август были самыми кровавыми для нас. Троцкий сделал свое дело».

Автором этого очерка, подписанного псевдонимом, была Т. Глуховцова, активно сотрудничавшая в газете «Киевлянин». И если сам Булгаков, находившийся в те страшные дни в Киеве, и не присутствовал на этой «встрече», то уж с результатами пребывания Троцкого в городе ему пришлось познакомиться сполна. Работая над серией статей под названием «Советская инквизиция», писатель обошел все захоронения жертв киевской чрезвычайки и воочию убедился в неслыханных зверствах подручных Троцкого.

И все же в дневниковой записи о Троцком чувствуется какая-то настороженность, недосказанность. То, что Россия вступает в какую-то новую полосу своего бытия, — Булгаков осознавал совершенно ясно. Но что ждет ее на этом пути — представить было трудно, ибо выключение из игры одного из идолов победителей не означало еще приближение заката новоявленной правящей касты.

[1] *Ленин скончался...* — Любопытно, что нет каких-либо материалов, содержащих отрицательные высказывания Булгакова по отношению к Ленину. Но личность вождя интересовала писателя, в его архиве сохранились газетные вырезки и другие материалы о Ленине. Репортаж о похоронах Ленина под названием «Часы жизни и смерти» Булгаков опубликовал в «Гудке» 27 января.

[2] *...телеграмма Пуанкаре... по делу киевского областного «центра действия»...* — В «Центр действия» входили видные ученые и общественные деятели, в частности Николай и Константин Василенко. О цели деятельности этой организации можно судить в какой-то степени по показанию Николая Прокофьевича Василенко (профессора, попечителя Киевского учебного округа при Временном правительстве, при гетмане — министре народного просвещения): «Самые слова: „Центр действия“ — глупое недоразумение. Они совершенно не соответствуют ни взглядам, ни работе нашей киевской группы. Наша задача состояла в том, чтобы за невозможностью поставить в России орган печати, дающий правдивые сведения о подлинной русской жизни, мы решили создать такой орган за границей... Журнал „Новь“, когда мы его получили, произвел на нас такое жалкое впечатление, что вопрос о финансовом источнике для такого издания не мог стать особенно интересным».

В газетах приводятся ответы и отклики па эту телеграмму киевских и иных профессоров. Тон их холуйский. Происхождение их понятно.

В газетах травля проф. Головина (офтальмолога) — он в обществе офтальмологов ухитрился произнести черносотенную речь.

Сегодня в «Г[удке]» кино снимало сотрудников. Я ушел, потому что мне не хочется сниматься.

В Москве многочисленные аресты лиц с «хорошими» фамилиями. Вновь высылки. Был сегодня Д. К[исельгоф]. Тот, по обыкновению, полон фантастическими слухами. Говорит, что будто по Москве ходит манифест Николая Николаевича [1]. Черт бы взял всех

Премьер-министр Франции Раймонд Пуанкаре направил министру иностранных дел Г.В. Чичерину телеграмму следующего содержания: «Общественное мнение Франции, разделяя чувства университетских и научных кругов, с беспокойством следит за ходом киевского процесса и выражает опасение, что смертный приговор может быть вынесен профессорам, потеря которых болезненно ощущалась бы как сокращение мирового интеллектуального достояния. Во имя науки, во имя прав человека, профессора французских университетов просят, чтобы их русские коллеги не были преданы каре, которой они не заслужили. Во имя цивилизации и гуманности французское правительство присоединяет свои пожелания к пожеланиям ученых всего мира» (Известия, 9 апреля).

Советская пресса тут же взорвалась протестующими материалами. Редакция «Известий» поместила итоговую заметку, в которой подчеркивалось: «Если такова новая декларация прав человека и гражданина... мы с презрением отбрасываем ее пинком ноги». Г.В. Чичерин направил Пуанкаре грозный ответ, в котором были и такие строки: «Советское правительство, стоящее на страже безопасности рабоче-крестьянской республики, отклоняет попытку французского правительства вмешаться в деятельность суда республики...»

И все же приговор оказался милостивым к некоторым видным ученым, в частности, к братьям Василенко. Но значительная часть «заговорщиков» была приговорена к смертной казни. Главным обвинением было — связь с парижским «Центром действия» и военный шпионаж. Газета «Новое время» 17 мая 1924 года по этому поводу писала: «Москва утвердила приговор киевского советского суда по делу интеллигенции. Таким образом, будут расстреляны... еще несколько человек. Эта кровь, которая ежедневно льется в советской России, никого в Европе не трогает... По поводу этого последнего процесса раздался из Европы только один протестующий голос, голос Пуанкаре. Все остальные державы нашли это новое убийство в порядке вещей, как находят в порядке вещей все то, что происходит в России...»

[1] *...по Москве ходит манифест Николая Николаевича...* — Великий князь Николай Николаевич (1856—1929) — внук Николая I, двоюродный дядя Николая II, прозванный «Грозным дядей», генерал от кавалерии. После гибели императора — один из главных претендентов на престол. Пользовался большим уважением в монархических кругах. После многих мытарств гражданской войны великий князь поселился в Италии, а затем во Франции. С его именем связывали надежды на будущий освободительный поход в Россию. Настроения эти особенно усилились в конце 1923 — начале 1924 годов. Генерал Краснов обратился к казакам с посланием, в котором, в частности, были такие слова: «Медленно идет дело. Казаки должны еще потерпеть и уже очень немного». Показательна статья в «Новом времени», опубликованная 14 января: «1924-й год... должен быть и будет годом организации национальной России <...> В своей среде мы имеем вождя... Великий Князь Николай Николаевич, как священное знамя России, — исторической, национальной, — собирает по ту и эту сторону роковой черты одну — ибо нет двух Россий — Россию!»

В том же номере газеты было опубликовано новогоднее послание генерала Врангеля к офицерам и солдатам Добровольческой армии. В нем были такие слова: «Придет день, падут оковы, и оценит подвиг Ваш воскресшая Русь. Господи! В Новом году пошли день сей!»

Активно и умно помогал великому князю митрополит Антоний (Храповицкий). Например, в воспоминаниях митрополита «Великий князь Николай Николаевич на Валааме» проникновенно говорилось о церкви, которую по обету на собственные деньги построил великий князь, как умиленно молился он, посетив Валаам перед отправлением в армию... Такие публикации и выступления возвышали образ великого князя и объединяли вокруг него русских, оказавшихся за рубежом. Началась активная подготовка армейских частей к выступлению, усилились связи с единомышленниками в России. В «Новом времени» 11 января 1924 гада появилась такая заметка: «Московское ГПУ произвело в типографиях Москвы целый ряд новых обысков, вызванных желанием открыть источник изготовления и распространения нелегальной антисоветской литературы. Прямым поводом... послужил факт усиленного распространения в Москве двух воззваний, подписанных — „Монархическое объединение центра России“... Обыски не дали никакого результата». Рижская газета «Народная мысль» сообщала: «В последнее время в Москве и Петербурге стали распространяться в тысячах экземпляров воззвания Кирилла Владимировича и манифест Николая Николаевича, выступающего под именем „Николая III“. Советское правительство в связи с этим стало арестовывать уцелевших представителей аристократии. Главными виновниками и вождями... ГПУ считает князя Львова и графа Шереметева, которые... арестованы.

Романовых! Их не хватало [1].

* * *

Идет кампания перевыборов правлений жилищных товариществ (буржуев выкинуть, заменить рабочими). Единственный дом, где этого нельзя сделать — наш. В правлении ни одного буржуя. Заменять некого.

* * *

Весна трудная, холодная. До сих пор мало солнца.

16 апреля. Среда. Ночь.

Только что вернулся из Благородного Собрания (ныне дом Союзов), где было открытие съезда железнодорожников. Вся редакция «Гудка», за очень немногими исключениями, там. Я в числе прочих назначен править стенограмму.

В круглом зале, отделенном портьерой от Колонного зала, бил треск машинок, свет люстр, где в белых матовых шарах горят электрические лампы. Калинин, картавящий и сутуловатый, в синей блузе, выходил, что-то говорил. При свете ослепительных киноламп вели киносъемку во всех направлениях.

После первого заседания был концерт. Танцевал Мордкин и балерина Кригер [2].

Жены и семьи прежних титулованных особ арестовываются, как заложники. В связи с этим в Москве необычайна паника в кругах бывшей аристократии».

[1] *Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало...* — В этой короткой булгаковской фразе выражено очень многое. Это и не исчезнувшая с годами досада по поводу самоотречения Николая II, и реальные опасения оказаться на Лубянке в связи с появившимися в Москве воззваниями, и, самое главное, — неудовлетворенность действиями зарубежной оппозиции.

Казалось бы, благие намерения сторонников национальной России имели неплохие шансы на успех, особенно после смерти Ленина. Но далеко не всех на Западе такой поворот событий устраивал, и уже вовсе против «возрождения самодержавия» были «отечественные» либерал-демократы, прочно осевшие в западных столицах. Да и в самой царской фамилии (точнее — в ее остатках) ладу не было. Вскоре великий князь Кирилл Владимирович, близко стоявший к масонским организациям, заявил свои права на престол, открыв мощную пальбу по сторонникам возрождения единой и неделимой России. Разгорелся горячий спор за мнимый престол, а конкретные вопросы освобождения России отошли на второй план. Николай Николаевич в этой ситуации собрал пресс-конференцию и заявил: «Я не ищу ничего для самого себя и, как полагается старому солдату, я готов дать все свои силы и даже жизнь, чтобы послужить моей родине в тот день, когда она меня призовет. Но я считаю возможным выйти из моего уединения лишь в тот момент, когда у меня будут вполне очевидные доказательства, что момент для принятия решения наступил и что голос русского народа меня призывает и просит меня выступить для избавления его от ига, которое он выносит» (Новое время, 9 мая).

Но вместо голоса русского народа великий князь услышал визгливые и глумливые либерально-демократические голоса тех, кто находился неподалеку от его резиденции. И эту разноголосицу политических течений русского зарубежья чутко улавливали в России.

Тем не менее напрасно либерал-демократы полагали, что шумная работа монархистов по выявлению и возвышению Вождя-спасителя России прошла бесследно. Идея эта пришлась по душе некоему «имеретинцу» (так называли Сталина в белогвардейской прессе). Исподволь, не спеша, продуманно стал создавать он причудливое и могучее государство, и не сразу заметили, как государство это стало олицетворяться в Вожде-имеретинце. И по каким-то неизвестным законам сошлись пути-дороги всесильного вождя и писателя-вольнодумца...

[2] *Танцевали Мордкин и балерина Кригер...* — Мордкин Михаил Михайлович (1881—1944) — артист балета Большого театра, балетмейстер. Булгаков наверняка запомнил его по гастролям в Киеве — до и после освобождения города от большевиков. Все киевские газеты пестрели обобщениями о гастролях Михаила Мордкина и Маргариты Фроман.

Кригер Викторина Владимировна (1896—1978) — артистка балета Большого театра с 1910 года.

Мордкин красив, кокетлив. Пели артисты Большого театра. Пел в числе других Викторов [1] — еврей — драматический тенор с отвратительным, пронзительным, но громадным голосом. И пел некий Головин [2], баритон из Большого театра. Оказывается, он бывший дьякон из Ставрополя. Явился в Ставропольскую оперу и через три месяца пел Демона, а через год-полтора оказался в Большом. Голос его бесподобен.

17 апреля. Четверг.

В 7 ½ часов вечера на съезде появился Зиновьев. Он быстро прошел круглый зал, с наигранной скромностью справляясь, где раздеться, прошел в комнату президиума, там разделся и поднялся на трибуну. Его встретили аплодисментами, прервавшими предыдущего оратора, который что-то мямлил. Опять засветили юпитера и его снимали. Возможно, что в фокус попал и я.

Он говорил долго, часть его речи я слышал. Говорил он о международном положении, причем ругал Макдональда [3], а английских банкиров называл торгашами. Речь его интересна. Говорит он с шуточками, рассчитанными на вкус этой аудитории.

Одет в пиджачок, похож на скрипача из оркестра. Голос тонкий, шепелявит, мало заметен акцент.

* * *

Из его речи можно понять одно: по-видимому, теперешняя конференция в Лондоне сорвется [4]. Англичане требуют реституции собственности, отнятой у иностранцев,

---

[1] *Пел... Викторов...* — Викторов В. Я. — артист Большого театра.

[2] *...пел некий Головин...* — Головин Дмитрий Данилович (1894—1966) — артист Большого театра с 1924 года.

[3] *...Зиновьев... ругал Макдональда...* — Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937) — возглавлял лейбористское правительство в Великобритании в 1924 и 1929-1931 годах. Правительство Макдональда установило в феврале 1924 года дипломатические отношения с СССР, вызвав взрыв негодования в русских зарубежных политических кругах. Ожесточенная дискуссия разгорелась и в английском парламенте: лейбористы подвергались резкой критике со стороны консерваторов. Лорд Керзон, например, заявил: «Признание Англией большевиков было ничем иным, как глупым прыжком в неизвестность... В Москве этот шаг был оценен как доказательство слабости. Акт британского кабинета увеличил престиж самого жестокого и варварского правительства, когда-либо существовавшего в мире 28 ... Большевики... мало интересуются торговлей с нами. Их цель — разрушение нашей социальной системы и подготовка мировой революции». Весьма любопытным был ответ лорда-канцлера на заявление Керзона. «Весь смысл признания советского правительства, — парировал лорд-канцлер, — состоит в том, чтобы заставить русский народ осознать, что ответственность за события лежит на нем одном... Россия вольна иметь то правительство, которое хочет. Пусть сам народ устраивает свои дела, как ему нравится». На это сногсшибательное заявление лорд Керзон саркастически заметил, что расчет лейбористов на то, что русский народ, осознав себя в одиночестве, тут же сбросит большевиков — наивен или уж это «слишком хитрое соображение» (Последние новости, 1924, 1 апреля).

[4] *...по-видимому, теперешняя конференция в Лондоне сорвется...* — Англо-советская конференция начала работу 14 апреля 1924 года. 17 апреля в центре внимания оказался меморандум английских банкиров, в котором были выставлены следующие требования: признание советским правительством государственных и частных долгов; восстановление в правах собственности бывших владельцев (реституция); введение в России нового гражданского кодекса; создание независимого суда и восстановление незыблемости частных договоров; предоставление советским правительством гарантий того, что в будущем частная собственность ни при каких обстоятельствах не будет подвергаться конфискации; предоставление банковским, промышленным деятелям свободы в сношениях с частными русскими фирмами без вмешательства власти и так далее. То есть выдвигались требования, абсолютно неприемлемые для советской стороны. Отсюда возникло и недовольство Зиновьева и других позицией Макдональда, хотя премьер-министр и не имел возможности существенно влиять на банкиров. Советская сторона выдвинула встречные требования (возвращение золота, захваченного Колчаком

независимых судов, отказа от пропаганды.

21-го [июля]. Понедельник.

Появились медные пятаки. Появились полтинники. Тщетно пытался их «копить». Расходятся, и ничего с ними не сделаешь! Вообще прилив серебра, в особенности это заметно в магазинах Моссельпрома — там дают в сдачу много серебра.

Вечером, по обыкновению, был у Любови Евгеньевны и «Деиньки» [1]. Сегодня говорили по-русски — и о всякой чепухе. Ушел я под дождем грустный и как бы бездомный.

* * *

Приехали из Самары И[льф] и Ю[рий] О[леша]. В Самаре два трамвая. На одном надпись «Площадь Революции — тюрьма», на другом — «Площадь Советская — тюрьма». Что-то в этом роде. Словом, все дороги ведут в Рим!

В Одессе барышню спросили:

— Подвергались ли вы вычистке?

Она ответила:

— Я девица.

С Ол[ешей] все-таки интересно болтать. Он едок, остроумен.

25 июля. Пятница.

Ну и выдался денек! Утро провел дома, писал фельетон для «Красного перца». А затем началось то, что приходится проделывать изо дня в день, не видя впереди никакого просвета — бегать по редакциям в поисках денег. Был у наглейшего Фурмана, представителя газеты «Заря Востока» [2]. Оттуда мне вернули два фельетона.

Больших трудов стоило у Фурмана забрать назад рукопись — не хотел отдавать, т.к. за мною 20 рублей. Пришлось написать ему расписку, что верну эти деньги не позже 30-го числа. Дальше: один из этих фельетонов и тот, что утром написал, сдал в «Красный перец». Уверен, что забракуют. Дальше: вечером Свэн забраковал фельетон в «Занозе». Был я у него на квартире и кой-как удалось у него получить записку на 20 рублей, на завтра. Кошмарное существование.

В довершение всего днем позвонил Лежневу по телефону, узнал, что с Каганским пока можно и не вести переговоров относительно выпуска «Белой гвардии» отдельной книгой, т. к. у того денег пока нет. Это новый сюрприз. Вот тогда не взял 30 червонцев, теперь могу каяться. Уверен, что «Гвардия» останется у меня на руках.

Словом — черт знает, что такое.

и другими генералами Белой армии из госказначейства; возмещение убытков за уничтожение имущества во время гражданской войны и расстройство транспорта; возмещение ущерба, нанесенного русской торговле за время блокады и так далее), согласие с которыми потребовало бы от противной стороны уплаты долга в сумме, вдвое превышающей сумму английских требований к России. После выяснения взаимных претензий стало ясно, что советско-английская конференция не имеет реальных перспектив. Речь могла идти лишь о частных вопросах, например, о незначительных кредитах советской стороне.

[1] *...был у Любови Евгеньевны и «Деиньки»...* — Любовь Евгеньевна Белозерская вспоминала: «В моей личной жизни наступило смутное время: я расходилась с первым мужем и временно переехала к родственникам моим Тарновским. Тарновские — это отец, Евгений Никитич, по-домашнему Дей, впоследствии профессор Персиков в „Роковых яйцах“. ...Это был кладезь знаний... Вот в этот дом и припожаловал М. А. Пришел и стал бывать почти каждый день... Подружился М. А. и с самим Тарновским. В скором времени они оба оживленно беседовали на самые различные темы, и Дей полностью подпал под обаяние Булгакова».

[2] *...газеты «Заря Востока»...* — Ежедневная республиканская газета на русском языке, выходившая в Тбилиси. Основана в 1922 году. Булгаков опубликовал в ней несколько своих фельетонов.

Поздно, около 12, был у Л[юбови] Е[вгеньевны].

2 августа. Суббота.

Вчера получилось известие, что в экипаж Калинина (он был в провинции где-то) ударила молния. Кучер убит, Калинин совершенно невредим [1].

Сегодня состоялась демонстрация по случаю десятилетия «империалистической» войны. Я не был. Возвращаясь из «Гудка», видел, как к Страстной площади шли служащие милиции в форме и штатские. Впереди оркестр. Распоряжались порядком верховые в кепках, с красными нарукавниками — повязками. Двух видел — у обоих из-под задравшихся брюк торчат завязки подштанников.

* * *

Лавочник Ярославцев выпустил, наконец, свой альманах «Возрождение». В нем 1 часть «Записок на манжетах», сильно искаженная цензурой.

* * *

С. рассказывал, что полк ГПУ ушел на демонстрацию с оркестром, который играл «Эти девушки все обожают».

4-го августа. Понедельник.

Знаменитый сатирический журнал «Красный перец» отличился несколько раз. В частности, в предпоследнем своем номере, где он выпустил рисунок под надписью «Итоги XIII-го съезда» [2] (толстую нэпманшу шнурует горничная, и нэпманша говорит приблизительно так: «Что ты душишь меня, ведь и XIII-й съезд нас только ограничил». Что-то в этом роде). В московском комитете партии подняли гвалт. Кончилось все это тем, что прихлопнули и «Красный перец», и сестру его «Занозу». Вместо них выйдет один тощий журнал. Поручено выпустить некоему Верхотурскому [3] (кажется, редактор «Рабочей Москвы»). Сегодня был на заседании, обсуждавшем первые темы и название нового журнала. Крутой поворот влево; журнал должен быть рабочим и с классово-производственным заглавием. Тщетно Св[эн] отстаивал [4] кем-то предложенное название «Петрушка». Назовут «Тиски» или «Коловорот», или как-нибудь в этом роде. Когда

---

[1] *Кучер убит, Калинин совершенно невредим...* — Калинин любил разъезжать в конных экипажах. Газета «Новое время» (1923, 25 января) поместила даже злую заметку на эту тему. «В „придворной“ конюшне всероссийского старосты Калинина перед праздниками пропала сбруя, только что доставленная из бывшей императорской конюшни. Подозреваемые в хищении коронационной упряжи... расстреляны... „Староста“... большой любитель прокатиться на тройке, и часто его „караковая“ часами стоит перед ярко освещенными окнами „Яра“.

Умеют „жить“ и грабить награбленное...»

[2] ...журнал «Красный перец»... выпустил рисунок под надписью «Итоги XIII-го съезда»... — В журнале «Красный перец» (1924, № 13) была помещена карикатура под названием «Итоги XIII съезда» с подписью: «Новая буржуазия: „Даша, да не душите же меня так. Ведь даже большевики постановили, чтобы нас не душить, а только ограничить“».

[3] *...некоему Верхотурскому...* — Речь идет о Верхотурском Адольфе Григорьевиче (1870—1933) — издательском работнике. Между прочим, он принял в последующие годы участие в травле Булгакова, выступая против постановки в МХАТе пьесы «Бег».

[4] *...Свен отстаивал...* — Свен (Кремлев) Илья Львович (1897—1971) — писатель. Сохранилось письмо Булгакова к Свену (осень 1924 г.).

обсуждали первую тему, предложенную Кот. для рисунка «Европейское равновесие» (конечно, жонглер и т. д.), Верхотурский говорил:

— Да. А вот хорошо бы, чтобы при этом на заднем плане были видны рабочие, которые войдут и весь этот буржуазный цирк разрушат.

* * *

Мельком сегодня в «Гудке» видел Еремеева [1], бывшего редактора «Рабочей газеты». Он преобразился в моряка. На темной куртке масса красных нашивок. Он будет редактировать «Смехач», а Св[эн] будет его помощником.

6-го августа. Среда.

Сегодня в газетах сообщение о том, что англо-советская конференция лопнула [2]. Сообщение написано в сухих официальных словах; «...разрыв произошел на вопросе об удовлетворении претензий бывших частных собственников»... «так как выяснилось, что по вопросу о бывших крупных собственниках соглашение достигнуть невозможно, конференция была объявлена закрытой».

Finita, как говорится, la comedia. Интересно было бы знать, сколько времени «Союз соц[иалистических] республик» просуществует в таком положении.

9-го августа. Суббота.

По Москве пошли автобусы. Маршрут: Тверская — Центр — Каланчевская. Пока их только несколько штук.

Очень хороши. Массивны и в то же время изящны. Окраска коричневая, а рамы (они застеклены) желтые. Одноэтажные, но огромные.

Сегодня... [Текст (часть листа) оборван].

Кажется (я не читал газеты), подписано англо-советское соглашение.

* * *

Новый анекдот: будто по-китайски «еврей»— «там». Там-там-там-там (на мотив «Интернационала») означает «много евреев».

16 августа. Суббота. Ночь.

Оказывается, в эти дни Раковский... [обрыв текста] ...но последние сообщения показывают, что в Англии началась сильная кампания против такого договора и, возможно, что его не ратифицирует парламент.

Сообщение о договоре явилось неожиданным — телеграфировали о разрыве, а потом — сообщение о подписании.

В Англии пишут то, что должно бы выходить по здравому английскому смыслу — нельзя же дать большевикам деньги, когда эти большевики только и мечтают что о разрушении Англии! Резон.

Доиграются англичане!

Подписали договор Понсонби и Макдональд.

---

[1] *...видел Еремеева...* — Еремеев Константин Степанович (1874—1931) — партийный и государственный деятель, из рабочих. Один из руководителей штурма Зимнего дворца. Редактор «Рабочей газеты» и ее приложения — журнала «Крокодил».

[2] *Сегодня в газетах сообщение о том, что англо-советская конференция лопнула...* — 6 августа 1924 г. в газете «Известия» было помещено сообщение о том, что 5 августа подписание генерального договора не состоялось. Далее Булгаков цитирует заметку «Известий» «Прекращение англосоветской конференции».

[...] каламбур — понсонбие (пособие). Каламбур неизвестно чей.

Понсоби — пособи [1].

Вчера неясное сообщение о восстании в Афганистане [2], поддержанном «английскими агентами».

Сегодня приехала Галя С[ынгаевская]. Деваться ей некуда. Татьяна пока пристроила ее ночевать у Зины Ком[орской]. Кормить буду я. У девчонки, говорят, исключительные способности танцовщицы.

Понес в «Современник» [3] отрывок из «Бел[ой] гвард[ии]». Вероятно, не возьмут.

Сегодня в изд[ательстве] Фр[енкеля] [4], где пишет Любовь Евгеньевна на машинке, даже некий еврей служащий говорил, что брошюрки, затеянные И. М. Васил[евским] («Люди революции») [5], работа не того...

Писать «Дзержинского» будет Блюмкин. Тот самый изумительный убийца (якобы) посла Мирбаха [6].

Наглец.

23-го августа. Суббота.

Консервативная английская печать ведет энергичную кампанию против англо-советского договора, и есть основание полагать, что парламент... [Обрыв текста]

Хотя я вовсе и не претендую на роль ментора, но нужно бы прекратить разговоры в коридоре... рабкоры приезжают... они смотрят на газету, как на святое святых...

Я настолько привык, что такие выходки не производят на меня впечатления.

---

[1] *Понсонби — пособи...* — Понсонби Артур — секретарь британского министерства иностранных дел. Обыгрывается просьба советского правительства о займе (пособии).

[2] *...сообщение о восстании в Афганистане...* — 15 августа в «Известиях» была напечатана заметка «Английские агенты спровоцировали восстание в Афганистане». Восстание вспыхнуло против политики реформ Аманулы-хана, ущемляющей феодальную аристократию и духовенство. Повстанцы были разбиты. В качестве претендента на престол выступал английский ставленник Абдул Керим.

[3] *Понес в «Современник»...* — Журнал Московского института журналистики.

[4] *...в издательстве Френкеля...* — Френкель Лев Давидович — издатель. Его рекламные объявления можно было прочитать во многих газетах. Например, в «Накануне»: «Издательство Л. Д. Френкель. Москва, Камергерский пер., д. 5. „Универсальный книжный магазин“. Периодические издания „Новая Россия“, „Россия“. Малая литературная энциклопедия...»

[5] *...брошюрки, затеянные И. М. Василевским («Люди революции»)...* — Точное название серии «Вожди и деятели революции».

[6] *Писать «Дзержинского» будет Блюмкин... убийца Мирбаха...* — Блюмкин Яков Григорьевич (1898—1929) — левый эсер, сотрудник ВЧК. В марте 1921 года Я. Блюмкин сделал следующее сообщение на заседании исторической секции Дома печати (запись секретаря секции): «4 июля 1918 года Блюмкина вызвали на заседание ЦК партии левых с.-р. и потребовали от него сведений о германском посольстве. Из вопросов выяснилось, что ЦК намерен организовать покушение на Мирбаха... Блюмкин предложил в качестве исполнителей акта себя и Н. Андреева... ЦК согласилось с предложением Блюмкина... Утром, в день покушения, Блюмкин посвятил в план покушения Александровича 29, потребовав от него, чтобы тот поставил печать ВЧК на подложном удостоверении Блюмкина, дал автомобиль для поездки в Германское посольство и дежурил у телефона для того, чтобы подтвердить полномочия Блюмкина и Андреева на тот случай, если из германского посольства пожелают проверить мандат Блюмкина. Александрович, противник покушения, из соображений партийной дисциплины подчинился. Разговор проходил в кабинете председателя ВЧК. По окончании его Александрович и Блюмкин заметили, что за ширмами спит Дзержинский. Они испугались, что он слышал разговор; однако выяснилось, что он крепко спал и ничего не слышал» (ОР РГБ, ф. 520, карт. 36, ед. хр. 12).

Ол[еша] показал мне рецензии в «Звезде» [1]. Сказано: «написано с большим юмором» (это по поводу [«Дьяволиады»]). [Обрыв текста]...

В Кисловском переулке начали достраивать тот самый грандиозный дом, который я зимой осматривал для «Гудка». Видно, не рухнет!

На улицах торгуют на всех углах книгой Лемке «250 дней в ставке», кричат:

— «Тайны дома Романовых».

26 авг[уста]. Вторник.

Сегодня день пропал на Кубув [2]. Был на приеме у проф. Мартынова [3] по поводу моей гнусной опухоли за ухом. Он говорит, что в злокачественность ее не верит, и назначил рентген. Вечером мельком видел N, а затем попал к С[...]у и вечер просидел у него.

28-го августа. Четверг.

Сейчас (около 12 ч. ночи) заходила Л[юбовь] Евгеньевна], говорила, что в пределах России арестован Борис Савинков. Приехал будто бы для террористического акта.

29 августа. Пятн[ица].

Ничего нельзя понять в истории с Савинковым. Правительственное сообщение сегодня изумительно [4]. Оказывается, его уже судили (в Москве) и приговорили к смерти, но ввиду

---

[1] *Олеша показал мне рецензии в «Звезде»...* — Имеется в виду рецензия на булгаковскую «Дьяволиаду», помещенная в журнале «Звезда» (1924, № 3, с. 111). «И совсем устарелой по теме (сатира на советскую канцелярию) является „Дьяволиада“ М. Булгакова, повесть- гротеск, правда, написанная живо и с большим юмором», — отмечалось в рецензии.

[2] КУБУВ — Комиссия по улучшению быта учёных врачей, источник: http://dic.academic.ru/ (примечание сканировщика).

[3] *Был на приеме у проф. Мартынова...* — Мартынов Алексей Васильевич (1868—1934) — крупный русский хирург, создатель собственной научной школы. В дневнике Е.С. Булгаковой 5 февраля 1934 года имеется такая запись: «Умер профессор-хирург Мартынов Алексей Васильевич. Всесторонне образованный человек, очень любил и понимал музыку. М. А. относился к нему с чувством большого уважения .//Девять лет назад Мартынов оперировал М. А. (аппендицит)».

[4] *Ничего нельзя понять в истории с Савинковым. Правительственное сообщение сегодня изумительно...* — 29 августа «Известия» сообщали, что «в 20-х числах августа сего года на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России». Ниже следовала заметка «Суд над Б.В. Савинковым», в которой говорилось, что он решительно отрекся от своей борьбы с советской властью, разоблачил деятельность иностранных интервенционистов и признал, что во всех тех пунктах, которые заставили его поднять борьбу против советской власти, Октябрьская революция оказалась целиком и безоговорочно права. Суд приговорил Б. Савинкова к высшей мере наказания. Однако, «принимая во внимание указанные выше заявления Б. Савинкова, суд постановил ходатайствовать, перед ЦИК СССР о смягчении меры наказания». 29 августа ЦИК заменил высшую меру наказания лишением свободы на десять лет.

Следует отметить, что крайне необычная история с Б. Савинковым совершенно потрясла русские эмигрантские круги. Появились тысячи статей, в которых высказывались самые фантастические предположения. Недавний идол был повержен его же вчерашними единомышленниками. Правда, раздавались трезвые голоса, призывавшие не торопиться с выводами. Но они тонули в море гневного обличения. Между тем в «Новом времени» (6 сентября 1924 года) появилось сообщение о том, что Б. Савинков был с марта 1924 года завербован советской разведкой и работал на нее. В результате были провалены наиболее ценные агенты в России. Переход Б. Савинкова в СССР был осуществлен по приказу новых хозяев. В это время разведка белых уже знала о провокационной роли Савинкова, сопровождала его до границы, намереваясь там его и расстрелять, но Савинкову удалось перебежать в Россию. И еще одно любопытное сообщение было помещено в этой газете: Троцкий посетил Савинкова в тюрьме и вел там в течение часа беседу с глазу на глаз (21 сентября).

Официальное сообщение о гибели Б. Савинкова (якобы он написал 7 мая 1925 года письмо Дзержинскому и потребовал немедленного освобождения; после отказа — выбросился из окна тюрьмы) было также встречено разноречивыми откликами. Так, газета российских рабочих США и Канады «Рассвет» поместила заметку под

того, что он раскаялся и признал советскую власть, суд просил ЦИК о смягчении участи.

Написано, что поймали Савинкова с Чепедалевой.

3 сентября. Среда.

В Китае происходит какой-то кавардак. Против главы южного (левого) правительства Сун Ят-Сена восстали контрреволюционные силы [1], поддерживаемые англичанами.

* * *

Был у писателя Лидина. У него взяли комнату на учет. Он агентам [Муни] сказал:

— Где же я буду писать?

Ответили:

— Здесь пишите.

И Лидин рассказал, что один гражданин обвенчался с барышней, с которой встретился случайно на улице, чтобы только она въехала в его комнату. Второго такого я знаю сам — еврей Раввинов просил сегодня (в магазине «Радуга»), чтобы ему рекомендовали какую угодно женщину. Немедленно венчается с ней в Загсе и даже ужином будет кормить, лишь бы въехала (комната более 16 аршин).

12 сентября. Пятница.

Яркий солнечный день.

* * *

Новость: на днях в Москве появились совершенно голые люди [2] (мужчины и женщины) с повязками через плечо «Долой стыд». Влезали в трамвай. Трамвай останавливали, публика возмущалась.

В Китае гремит гражданская война [3]. Не слежу за газетами в этой области, знаю лишь, что «империалистические хищники» замешаны в этом деле, и поэтому в Одессе (!) образовалось общество «Руки прочь от Китая».

26-го сентября. Пятница.

Только что вернулся из Большого театра с «Аиды», где был с Л[юбовью] Е[вгеньевной]. Тенор Викторов невероятно кричит. Весь день в поисках денег для комнаты с

названием «Иуда повесился», в которой сообщалось: «Окончились земные странствия известного авантюриста революции Бориса Савинкова... Очень возможно, что большевики устроили свою обыкновенную расправу с этим человеком. Но очень возможно также, что в этом Иуде, если только он был таковым, проснулся голос совести и он решил искупить своей смертью то нравственное преступление, которое он совершил...» (1925,14 мая).

[1] *Против... Сунь-Ят-Сена восстали контрреволюционные силы...* — В то время в южной провинции Гуандун (главный город Гуанчжоу, иначе Кантон) у власти находилась партия гоминьдан (национальная партия), возглавляемая Сунь Ят-сеном (1866—1925). Против революционного правительства неоднократно поднимались мятежи. Восстание Чан-Лин-Пака, о котором пишет Булгаков, вскоре было подавлено.

[2] *...в Москве появились совершенно голые люди...* — Н.А. Семашко по этому поводу заявил в «Известиях» (12 сентября): «...я считаю абсолютно необходимым немедленно прекратить это безобразие, если нужно, то репрессивными мерами».

[3] *В Китае гремит гражданская война...* — Речь идет о военных действиях между губернаторами провинций, фактически неподконтрольных центральному (пекинскому) правительству. Советские газеты сообщали, что это дело рук империалистических держав, готовящихся к вторжению в Китай.

Л[юбовью] Е[вгеньевной). Заняли под расписку у Е[вгения] Н[икитича].

В Москве несколько дней солнце, тепло. Из Петербурга до сих пор подробности наводнения, которое поразило великий и злосчастный город несколько дней назад. Оно почти равно наводнению 1824 года.

12 октября. Воскресенье.

Сейчас хоронят В.Я. Брюсова. У Лит[ературно]-худ[ожественного] института его имени на Поварской стоит толпа в колоннах. Ждут лошади с красными султанами. В колоннах интеллигенция и полуинтеллигенция. Много молодежи — комм[унистически] рабфаковского мейерхольдовского типа.

18-го [октября]. Суббота.

Я по-прежнему мучаюсь в «Гудке». Сегодня день потратил на то, чтобы получить 100 рублей в «Недрах». Большие затруднения с моей повестью-гротеском «Роковые яйца». Ангарский подчеркнул мест 20, которые надо по цензурным соображениям изменить. Пройдет ли цензуру. В повести испорчен конец [1], п[отому] ч[то] писал я ее наспех.

Вечером был в опере Зимина (ныне Экспериментальный театр) и видел «Севильского цирульника» в новой постановке [2]. Великолепно. Стены ходят, бегает мебель.

В ночь с 20 на 21 декабря.

Опять я забросил дневник. И это, к большому сожалению, потому, что за последние два месяца произошло много важнейших событий. Самое главное из них, конечно — раскол в партии, вызванный книгой Троцкого «Уроки Октября» [3], дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым [4], ссылка Троцкого под предлогом болезни на юг и после этого — затишье. Надежды белой эмиграции и внутренних контрреволюционеров на

---

[1] *В повести испорчен конец...* — «Роковые яйца» были напечатаны в альманахе «Недра» (1925, VI книга). М. Горький, прочитав «Роковые яйца», писал М.Л. Слонимскому 8 мая 1925 года: «Булгаков очень понравился мне, очень, но он сделал конец рассказа плохо. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а подумайте, какая это чудовищно интересная картина!»

[2] *...видел «Севильского цирульника» в новой постановке...* — Спектакль, поставленный в стиле «Динамического конструктивизма», вызвал большой интерес у публики и отклики в прессе. Постановщик спектакля И.М. Лапицкий, художник М.Ф. Домрачев.

[3] *...раскол в партии, вызванный книгой «Уроки Октября»...* — Раскол в партии произошел значительно раньше, но с выходом книги Л.Д. Троцкого «Уроки Октября» он приобрел открытый характер.

[4] *...дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым...* — В центральной прессе появилось множество материалов, занимавших зачастую одну-две газетные полосы, с критикой Троцкого и троцкизма. Назовем для примера некоторые статьи, помещенные в «Известиях»: В.М. Молотов. Об уроках троцкизма (9 декабря); Л.Б. Каменев. Был ли Ленин действительно вождем пролетариата и революции? (10 декабря); Н.И. Бухарин. Новое откровение о советской экономике, или Как можно погубить рабоче-крестьянский блок (12 декабря); И.В. Сталин. Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого (20 декабря); Н.И. Бухарин. Теория перманентной революции (28 декабря), и др.

Как всегда, более осведомленные зарубежные газеты сообщали подробности высылки Троцкого из столицы. Так, рижская газета «Сегодня вечером» 11 декабря в статье «Как был устранен Троцкий» писала, что «грузин Сталин» предлагал действовать совершенно открыто и официально снять Троцкого со всех постов, прежде всего отстранить; от управления военными делами. Затем в январе собрать съезд партии для одобрения принятых решений. Однако более внушительная группа партийцев во главе с Л.Б. Каменевым предложила действовать по-иному. Учитывая большое влияние Троцкого в народных массах и в армии, а также почтительное отношение к нему как к военному организатору на Западе (а там затевался новый поход против советской России), не следует его отстранять от командных постов, не порывать с ним формально и дать ему возможность по истечении определенного времени исправить свои грехи и снова оказать услуги партии. Эта точка зрения одержала верх, и решено было объявить Троцкого больным...

то, что история с троцкизмом и ленинизмом приведет к кровавым столкновениям или перевороту внутри партии, конечно, как я и предполагал, не оправдались. Троцкого съели, и больше ничего.

Анекдот:

— Лев Давыдыч, как ваше здоровье?

— Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет.

(Намек на бюллетень о его здоровье [1], составленный в совершенно смехотворных тонах.)

Из Англии нас поперли с треском. Договор разорван [2], и консервативная партия вновь ведет непримиримую экономическую и политическую войну с СССР.

Чемберлен — министр иностранных дел.

Знаменитое письмо Зиновьева [3], содержащее в себе недвусмысленные призывы к

---

[1] *...Намек на бюллетень о его здоровье...* — В газете «Известия» 10 декабря было помещено следующее сообщение врачей о здоровье Троцкого: «24 ноября 1924 г. мы, нижеподписавшиеся, осматривали Льва Давыдовича Троцкого, причем оказалось, что он страдает лихорадочным заболеванием, продолжающимся уже 10 дней и обусловленным гриппозной инфекцией... Рассматривая настоящее заболевание, как совершенно аналогичное заболеванию, имевшему место в прошлом году... мы считаем необходимым скорейший перевод Льва Давыдовича в один из курортов с теплым мягким климатом.//Д-р Ф.А. Готье, Д-р В.А. Александров, Д-р М.И. Певзнер, Наркомздрав Н.А. Семашко».

Через день Н.А. Семашко вновь выступил в «Известиях» с любопытнейшим сообщением: «Болезнь Троцкого... обусловлена резкой переменой климата... Кроме того, Лев Давыдович допустил одну неосторожность: он выступал в Серпухове на трех собраниях, потный до нитки, в холодном помещении. Как раз после этого у него повысилась температура... Для врачей стало ясно, что здесь... точное повторение прошлогоднего заболёвания. Ясно стало также и лечение: перемена климата... Лев Давыдович согласился с этим мнением и на днях переезжает в теплый климат...»

[2] *Из Англии нас поперли с треском. Договор разорвали...* — В ноябре 1924 года лейбористское правительство Макдональда сменил консервативный кабинет Стэнли Болдуина (1867—1947). Произошло это путем новых выборов в парламент, на которых консерваторы одержали победу. Взяв власть в свои руки, консервативное правительство тут же поставило в известность советское руководство о своем решении разорвать англо-советский договор, ранее подписанный Макдональдом. Более того, Уинстон Черчилль внес на рассмотрение нового правительства предложение о немедленном разрыве дипломатических отношений с советским правительством и выдворении из Англии советского посла. Но это предложение не нашло поддержки у министра иностранных дел Великобритании Чемберлена.

[3] *Знаменитое письмо Зиновьева...* — Г. Зиновьев, выступая с речью на губернской конференции военных комиссаров 25 ноября 1924 года, так рассказал об этом письме (передаем его речь тезисно):

Консерваторы пришли к власти путем явного подлога. Во время хода избирательной кампании значительную роль сыграло так называемое «Письмо Зиновьева», отличающееся от всех других моих писем тем, что оно не было никогда мною написано.

Ровно за пять дней до подачи голосов внезапно появляется во всех газетах Англии копия письма, приписываемая мне. В нем подробно рассказывается о том, какими способами английским коммунистам захватить власть.

Меньшевик Макдональд запутался в этом деле и проиграл выборы.

Так называемое «письмо Зиновьева» дало консерваторам по крайней мере один миллион голосов... Оно решило судьбу выборов. Английские консерваторы пришли к власти при помощи фальшивого паспорта и откровенного подлога. Газеты решили исход выборов. Особенно старались воздействовать на женщин, а у старух консерваторы имели особенно большой успех. Их запугивали восстаниями.

Из Москвы немедленно были посланы две телеграммы по двум линиям: одна — ответ наркоминдела, где предлагался третейский суд, чтобы установить подлинность или подложность этого письма; другая исходила от нас, от Коминтерна, к английским профсоюзам. Мы готовы отдать на суд английских профсоюзов вопрос о подлинности этого письма (Известия, 1924, 2 дек.).

Английский парламент рассмотрел этот вопрос на своем заседании. Выступавший в палате общин министр внутренних дел заявил, что «правительство не предполагает представлять доказательства, на которых основывается его убеждение в подлинности „письма Зиновьева“... Если советское правительство желает жить в дружбе с Англией, то пусть оно начнет с прекращения пропаганды по всему миру. Если оно желает нового договора..., то пусть оно перестанет вмешиваться в дела Британской империи в Индии, Египте и всех стран, над которыми мы имеем контроль и которыми управляем» (Известия, 12 декабря).

возмущению рабочих и войск в Англии, — не только министерством иностранных дел, но и всей Англией, по-видимому, безоговорочно признано подлинным. С Англией покончено.

Тупые и медленные бритты хоть и с опозданием, но все же начинают соображать о том, что в мосье Раковском и курьерах, приезжающих с запечатанными пакетами, таится некая весьма грозная опасность разложения Британии. Теперь очередь французов. Мосье Красин с шиком поднял на Rue de Crenelle красный флаг на посольстве [1]. Вопрос ставится остро и ясно: или Красин со своим полпредством разведет бешеную пропаганду во Франции и одновременно с этим постарается занять у французов денег, или французы раскусят, что сулит флаг с серпом и молотом в тихом квартале Парижа... Вернее второе. В прессе уже началась бешеная кампания не только против большевиков московских и парижских, но и против французского премьера Эррио, который этих большевиков допустил в Париж. У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Л[юба] мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эррио. Тогда все понятно [2].

---

[1] *Мосье Красин с шиком поднял красный флаг на посольстве...* — «Известия» по этому поводу писали: «Флаг был медленно поднят под звуки „Интернационала“. Присутствующие восторженно приветствовали флаг и эмблемы СССР...» И приведены были слова Красина: «Признание со стороны Франции является большой победой советской власти» (16 декабря).

[2] *...французского премьера Эррио... Тогда все понятно...* — Эррио Эдуард (1872—1957) — видный политический и государственный деятель Франции, лидер партии радикалов, премьер-министр в 1924—1926, 1932 годах, многие десятилетия — мэр Лиона. Политическая фигура, значительный период времени определявшая характер франко-советских государственных отношений.

В октябре 1922 года Эррио, при содействии газеты «Накануне», посетил Россию. Возвратившись во Францию, он поделился своими впечатлениями о поездке. Эррио, в частности, поведал корреспондентам, что увидел Россию в «новом аспекте», что пришел «конец легенде об агонизирующем колоссе», что большевистская Россия «протягивает Франции руки с тою же искренностью, как и в те времена, когда были заложены первые камни союза...». Эррио сожалел, что Россия «потеряла Ревель и Ригу», что «Петроград остается единственным окном в Балтийское море», и в результате происшедших событий Россия «не имеет выхода в Средиземное море». Отмечая миролюбивость Совдепии, он сослался на отказ большевистского правительства «от гегемонии над Константинополем — этой заветной мечты царей». И Эррио выразил убеждение, что если бы французское правительство сделало малейший жест в содействии решения вопроса о черноморских проливах, то «чувство благодарности охватило бы всю Россию» (Накануне, 1922, 22 окт.). В газетах сообщалось также, что во время своего пребывания в Москве Эррио вел теплые беседы с Л.Д. Троцким, Г.В. Чичериным и другими видными большевиками. Итогом поездки стала его книга «Новая Россия», о которой самый спокойный и корректный сотрудник «Нового времени» П. Боткин писал так: «Г. Эррио тяготеет к советской России и преклоняется перед воротилами большевизма. Для него „старая Россия“ умерла навсегда...»

Эррио и ранее был известной личностью, но после визита в Россию популярность его резко возросла. Приход же его к власти в мае 1924 года буквально привел в восторг европейскую «демократию». Ее пресса помещала систематически обширные материалы о нем. Даже такая периферийная газета, как рижская «Русская жизнь», восторженно писала: «Эррио, Эррио, Эррио... это слово теперь ежедневно произносится сотни раз. На него устремлены взоры всей Европы. От него ждут чудес... Он буквально кажется центром, осью, вокруг которого вертится вся жизнь. Он всем нужен, все его ищут, все делается его именем» (1924,15 июня).

Не скрывала своей радости по поводу победы во Франции левого блока и «русская демократия», центром которой стал Париж. Марк Алданов так писал по этому поводу в милюковских «Последних новостях» 13 июня: «Если верить газете „Котидиен“, с приходом к власти Эррио начинается чуть ли не новая эра в политической истории мира. До сих пор политика была безнравственна, теперь она станет символом нравственности... Эррио спасет Францию!.. Как европейцы, мы можем только порадоваться приходу к власти левого блока... Мы не имеем решительно никаких оснований сожалеть о поражении Национального блока... Но приветствия русской демократии в почтовом ящике Эррио встретились бы с телеграммой Г. Чичерина...» Забегая вперед, заметим, что после признания правительством Эррио Советской России, в почтовом ящике французского премьера действительно оказалась телеграмма Г. Чичерина, начинавшаяся словами: «Я счастлив, что наша старая персональная дружба много способствовала столь желанным результатам...»

Но не оказалось в почтовом ящике Эррио поздравлений от русского национального блока. Приход к власти во Франции левых партий был воспринят русскими монархистами-патриотами мрачно. 18 мая «Новое время» поместило по этому поводу следующие строки: «Мы потеряли Родину. О чем мы можем еще жалеть, какие еще потери могут нас трогать? И все же уход Пуанкаре нас глубоко трогает... Уход Пуанкаре — это уход одного из

Приезд monssieur Красина ознаменовался глупейшей в «style russe» историей: полоумная баба, не то журналистка, не то эротоманка, с револьвером приходила к посольству Красина — стрелять [1]. Полицейский инспектор ее немедленно забрал. Ни в кого она не стреляла, и вообще это мелкая, сволочная история. Эту Диксон я имел удовольствие встречать не то в 22-ом, не то в 23-ем году в милой редакции «Накануне» в Москве, в Гнездниковском переулке.

Толстая, совершенно помешанная баба. Выпустил ее за границу Анат. Луначарский [2],

---

последних могикан от погружения в социалистическую тьму Европы...» Но подлинный взрыв негодования произошел в эмигрантских правых кругах после официального признания французским правительством большевистской России. В передовой статье «Нового времени» (1 ноября) говорилось: «Октябрь продолжает благоволить большевикам... 29 октября Франция, в лице г. Эррио, признала советскую власть над русским народом, который, если верить г. Эррио, признает авторитет се „как наследника бывших русских правительств“. Если же верить русскому народу, то, как известно всем, а в том числе и г. Эррио, что со дни воцарения этой власти в России и до настоящего дня признания ее Францией не прекращалась, не прекращается и, конечно, не прекратится борьба не только русского, но и всех народов, населяющих русское государство, кроме одного-единственного — еврейского, с этой подлою властью завоевателей. Ведь только что в потоках крови потонул восставший грузинский народ. Только что в таких же потоках крови захлебнулось восставшее крестьянство Харьковской губернии, доведенное до отчаяния этой властью... Зачем же надо было лгать на русский народ?.. Ведь этот плевок в лицо русского народа... останется запечатленным навеки».

Затем в газете «Новое время» стали появляться материалы, вскрывающие подоплеку происходивших событий. Уже 2 ноября в статье «За кулисами франко-советских переговоров» сообщалось, что главными действующими лицами в этой драме были сенатор Де Монзи (известнейший масон) и «его приятель, известный аферист и бывший австрийский шпион Дмитрий Рубинштейн». Это при их содействии группа французских биржевиков скупила у большевиков крупные партии российских ценных бумаг. Эти бумаги, после надлежащего оформления, получили доступ на французскую биржу. Но резкий подъем российских ценных бумаг на французской бирже возможен был лишь после официального признания Советов и заключения соответствующего торгового договора. Поэтому Де Монзи и Митька Рубинштейн активно способствовали заключению франко-советского соглашения. 16 ноября в статье «Как Франция идет к своей гибели» раскрывалась враждебная по отношению к французскому и русскому национальным блокам деятельность масонских лож — «Великого Востока» и прочих. Убедительно доказывалось, что решение о признании СССР было принято в ложах, и Эррио пошел туда, куда влекла его «неведомая сила масонов». Впрочем, вся деятельность левого правительства Эррио вытекала, по мнению газеты, «из его обязательств масонству», а последнее вырабатывало единый путь и для III Интернационала, и для еврейского большевизма. В статье отмечалось также, что «среди французских масонов есть и русские люди, так называемые „демократы“, которые остались, как и были с 1908 года... масонами; не довольствуясь тем, что они разрушили Россию, они обещают не щадить своих благородных усилий, чтобы посодействовать гибели Франции. А эта гибель ей... предуготовлена по тому же рецепту, как и гибель России. Из одной... сатанинской кухни выходят те и другие яды». В таком же духе были выдержаны и многие другие статьи.

Как мы видим, взгляды русских монархистов во многом перекликались с мыслями Булгакова, и их опасения, как показали последующие исторические события, оказались не напрасными.

По иронии судьбы именно Эррио, находясь в 1933 году в СССР и посетив Художественный театр, выразил Булгакову свое восхищение после просмотра «Дней Турбиных» и любезно пригласил драматурга посетить Францию.

[1] *...полоумная баба... приходила к посольству Красина стрелять...* — Это удивительная история, которая несколько месяцев была в центре внимания европейской прессы. 14 декабря «Известия» сообщили, что на Красина была предпринята попытка покушения. Инспектор полиции задержал подозрительную женщину, прогуливавшуюся возле советского посольства. У нее был изъят револьвер. При допросе она назвалась «вдовой Диксон, урожденной Егорьевой», а также заявила: «Оскорбительно видеть Красина в Париже. Я приехала, чтобы его убить, так как он совершит революцию во Франции так же, как совершил ее в России».

[2] *Выпустил ее за границу... Луначарский...* — В том же номере «Известий» А.В. Луначарский выступил с объяснениями. Вкратце они сводились к следующему: Луначарский знал мадам Диксон с 1919 года как писательницу. Она часто приставала к нему с навязчивыми идеями и удивительными историями. Так, она рассказала, что П.Н. Милюков заманил ее сына на пароход и совершил убийство на сексуальной почве, причем выцедил из него всю кровь, и вообще проделал как раз то преступление, в котором так облыжно обвиняли Бейлиса.

Пересказав еще несколько подобных историй, Луначарский заметил: «Для меня стало ясно, что я имею перед собой рехнувшегося человека...»

которому она осточертела своими приставаниями.

В Москве событие — выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала «рыковкой» [1]. Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. Бутылка ее стоит 1 р. 75 коп. Кроме того, появился в продаже «Коньяк Армении», на котором написано ЗГ. (Конечно, Шустовской фабрики.) Хуже прежнего, слабей, бутылка его стоит 3 р. 50 к[оп].

Москва после нескольких дней мороза тонет в оттепельной грязи. Мальчишки на улицах торгуют книгой Троцкого «Уроки Октября», которая шла очень широко. Блистательный трюк: в то время как в газетах печатаются резолюции с преданием Троцкого анафеме, Госиздат великолепно продал весь тираж. О, бессмертные еврейские головы. Положим, ходили, правда, слухи, что Шмидта выгнали из Госиздата [2] именно за напечатание этой книги, и только потом сообразили, что конфисковать ее нельзя, еще вреднее, тем более что публика, конечно, ни уха ни рыла не понимает в этой книге и ей глубоко все равно — Зиновьев ли, Троцкий ли, Иванов ли, Рабинович. Это «спор славян между собой» [3].

Москва в грязи, все больше в огнях — и в ней странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена. В центре Москвы, начиная с Лубянки, Водоканал сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена. Разрабатывают план

Однако 19 декабря «Известия» перепечатали следующее сообщение «Последних новостей» о Диксон: «Диксон была хорошо известна в литературном мире Москвы как автор театральных пьес, журналистка и переводчица. Она явилась в Париж из Крыма, через Италию, и так как очень нуждалась, то пользовалась поддержкой русско-парижской колонии и Союза русских писателей в Париже. Однако ее сторонились ввиду несомненной душевной болезни. Еще в Москве Диксон страдала манией преследования, которая развилась у нее после смерти се сына. Диксон говорила, что сын ее убит Азефом, от которого она у всех просила защиты».

На следующий день «Известия» дополнили информацию о Диксон таким сногсшибательным ее заявлением: «Я знаю, что так называемый германский профессор Эйнштейн — не кто иной, как русский полицейский сыщик Азеф, которого я собираюсь разоблачить». А 28 декабря те же «Известия» поместили сообщение о приговоре по делу Диксон. В нем отмечалось, что Мария Диксон-Евгеньева (псевдонимы), урожденная Горячковская, приговорена к трехнедельному тюремному заключению и высылке из Франции.

И наконец, 6 января 1925 года «Известия» попытались дать оценку, в том числе политическую, всему делу Евгеньевой-Диксон. «Действительно, ее фамилию установить трудно, но имеются данные, указывающие, что Евгеньева была женой Азефа, что имела от него ребенка, которого убила. Еще в начале прошлого года она была в России, состояла будто бы членом Союза писателей и даже одно время — судебным следователем. Уехала она легально, имея советский заграничный паспорт... Врачи признали ее нормальной. Действительно ли она здорова, сказать трудно. Во всяком случае, она притворяется сумасшедшей, уверяя на суде, что известный германский ученый Эйнштейн — не кто иной, как Азеф и т. п. Вероятнее всего, болезнью Евгеньевой воспользовались белогвардейцы и уговорили ее совершить покушение.

Суд и прокурор затушевали дело преднамеренно».

Заметим попутно, что в настоящее время выявлены интересные документы, связанные с личностью Диксон, которые требуют дополнительного изучения.

[1] ...выпустили 30º водку, которую публика назвала «рыковкой»... — Газета «Рассвет» по этому поводу писала: «Из всех деяний большевиков — „рыковка“ самое замечательное, но и наиболее соответствующее самой натуре большевиков... И если все хозяйственные мероприятия большевиков непременно кончаются „ножницами“..., то в деле с „рыковкой“ неизменно наблюдается „смычка“... Доход от питейного дела составил: в 1922—23 году — 15,6 млн. руб... в 1924—25 году — 130,0 млн. руб. Что касается 1925—26 года, то совет комиссаров приказал Сокольникову собрать от питей не менее 280 млн. руб.» (8 октября 1925 года).

[2] *...Шмидта выгнали из Госиздата...* — Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) — с 1921 по 1924 год возглавлял Госиздат.

[3] Это «спор славян» между собой... — «Новое время» поместило на эту тему ряд статей, в том числе и под таким заглавием: «Спор бронштейнов с розенфельдами» (1925,30 января).

уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно — 8 автобусов на всю Москву. Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза — все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть. Каждый шаг, каждое движение советского гражданина — это пытка, отнимающая часы, дни, а иногда месяцы. Магазины открыты. Это жизнь, но они прогорают, и это гангрена. Во всем так. Литература ужасна.

* * *

Около двух месяцев я уже живу в Обуховом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности: и 16-ый год и начало 17-го. Живу я в какой-то совершенно неестественной хибарке [1], но, как это ни странно, сейчас я чувствую себя несколько более «определенно». Объясняется это... [Обрыв текста]

23 декабря. Вторник. Ночь на 24-е.

Сегодня по новому стилю 23, значит, завтра сочельник. У Храма Христа продаются зеленые елки. Сегодня я вышел из дома очень поздно, около двух часов дня, во- первых, мы с женой спали, как обычно, очень долго. Разбудил нас в половине первого В[асилевский], который приехал из Петербурга. Пришлось опять отпустить их вдвоем по делам. Ушел я, впрочем, равномерно, потому что мой путь теперь совершенно прямая. Последнюю запись в дневнике я диктовал моей жене и окончил запись шуточно. Так вот, еще в предыдущей записи я хотел сказать об этой прямой. Утешил меня очень разговор в парикмахерской. Брила меня девочка-мастерица. Я ошибся в ней, ей всего 17 лет и она дочь парикмахера. Она сама заговорила со мной, и почему-то в пречистенских тихих зеркалах при этом разговоре был большой покой.

Для меня всегда наслаждение видеть Кремль. Утешил меня Кремль. Он мутноват. Сейчас зимний день. Он всегда мне мил.

На службе меня очень беспокоили, и часа три я провел безнадежно (у меня сняли фельетон). Все накопление сил. Я должен был еще заехать в некоторые места, но не заехал, потому что остался почти до пяти часов в «Гудке», причем Р.ОЛ., при Ароне, при П[отоцком] и еще ком-то был — держал речь обычную и заданную мне, — о том, каким должен быть «Гудок». Я до сих пор не могу совладать с собой. Когда мне нужно говорить, и сдержать болезненные арлекинские жесты. Во время речи хотел взмахивать обеими руками, но взмахивал одной правой, и вспомнил вагон в январе 20-го года и фляжку с водкой на сером ремне, и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь. Я смотрел на лицо Р.О. и видел двойное видение. Ему говорил, а сам вспоминал... Нет, не двойное, а тройное. Значит, видел Р.О., одновременно — вагон, в котором я поехал не туда, куда нужно, и одновременно же — картину моей контузии под дубом и полковника, раненного в живот.

Бессмертье— тихий светлый брег...
Наш путь— к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег,
Вы, странники терпенья...

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-Аул, и последнюю фразу сказал мне так:

---

[1] *...я уже живу в Обуховском переулке... в какой-то... хибарке...* — Л.Е. Белозерская вспоминает «Мы живем в покосившемся флигельке во дворе дома № 9 по Обухову, ныне Чистому переулку... Дом свой мы зовем голубятней. Это наш первый совместный очаг. Голубятне повезло: здесь написана пьеса „Дни Турбиных“, фантастические повести „Роковые яйца“ и „Собачье сердце“»...

— Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.

Меня уже контузили через полчаса после него. Так вот, я видел тройную картину. Сперва — этот ночной ноябрьский бой, сквозь него — вагон, когда уже об этом бое рассказывал, и этот бессмертно-проклятый зал в «Гудке». «Блажен, кого постигнул бой». Меня он постигнул мало, и я должен получить свою порцию.

Когда мы расходились из «Гудка», в зимнем тумане, — в вестибюле этого проклятого здания, По[тоцкий] сказал мне: «Молодец вы, Михаил Афанасьевич». Это мне было приятно, хотя я, конечно, ни в какой мере не молодец, пока что.

* * *

Позволительно маленькое самомнение. Относительно Франции — совершеннейший пророк [1]. Под Парижем полиция произвела налет на комшколу, которая, как корреспондирует из Парижа Раппопорт, «мирно занималась изучением Энгельса и Маркса». Кроме того, где-то уже стачка рыбаков и cammeluts de roi шли мимо красинского убежища с криками.

Кажется, в Амьене, если не ошибаюсь, уже началось какое-то смятение [2]. Первую ставку Красин выиграл у французов. Начался бардак.

* * *

Денег сегодня нигде не достал, поэтому приехал кислый и хмурый домой, с большим раздражением думал о их совместном путешествии, и единственным успокоением является моя прямая. Она всегда — кратчайшее расстояние между двумя точками, и стоит мне вспомнить ее, как я совершенно успокаиваюсь. Дома впал в страшную ярость, т. к. уже две недели я тренирую себя, то сейчас же разъяснил ее, как пес сову [3], и запер на ключ. Не нужно говорить о политике ни в коем случае.

---

[1] *Относительно Франции — совершеннейший пророк...* — Булгаков черпал информацию о событиях по Франции в основном из газет, и часто из газеты «Известия». А там в эти дни печатались такие сообщения:

«На состоявшемся 4 декабря в Париже заседании совета министров обсуждался вопрос о коммунистической агитации. Министр внутренних дел заявил, что французские большевики при помощи многочисленных прибывших во Францию иностранцев вновь перешли в наступление. Полиция произвела обыск в помещении коммунистической школы им. Ленина в предместьях Парижа — Бобиньи, после чего сделала налет на находящийся близ этой школы поселок, где проживают многочисленные иностранцы... Захваченные документы переданы трибуналу... В Дуарнене жандармы стреляли в бастующих рыбаков...» И так далее.

Но более всего Булгакова могло заинтересовать сообщение «Известий» от 19 декабря, в котором говорилось: «Мильеран на открытии национальной республиканской лиги произнес речь, в которой призвал всех республиканцев к борьбе против Эррио.//Энергично наступая на коммунизм, Мильеран заявил, что большевизм — это гражданская война... Франция не получит никакой выгоды от признания СССР. Свою речь Мильеран закончил следующими словами: „Под влиянием какого-то преступного ослепления правительство водворило в самом центре Парижа под красным флагом, украшенным серпом и молотом, главный штаб революции“».

[2] *...в Амьене... уже началось какое-то смятение...* — Газета «Новое время» тесно увязала эти события с «работой масонов». В передовой статье от 2 января 1925 года она писала: «Французскими масонами являются президент республики г. Думерг, министры Шотамп, Пейтраль, Рену... Пенлеве. В сердце самого парламента гнездится масонская ложа... Вот те сведения, которые удалось получить... в Амьене... В одну ночь предполагалось захватить казармы, почту и вокзалы, а наутро возвестить обрадованному населению, что в Амьене введена советская республика. Этот великолепный план должны были осуществить комсомольцы, комячейки в казарме... В окрестностях Амьена расположены аэродромы. Местные комячейки должны были захватить их... К счастью, этот план был вовремя раскрыт...» Далее сообщалось, что все нити планировавшегося восстания тянутся к масонским ложам.

[3] *...разъяснил ее, как пес сову...* — Фраза знакома читателям по повести «Собачье сердце». Повесть датирована «январь — март 1925 года». Но, видимо, Булгаков уже в это время работал над ней.

* * *

В[асилевский] страшно ослабел. Человек, который имел чутье, начал его терять в СССР. Это, конечно, будет гибелью. Голова полна проектами, один из которых совершенно блистателен. У них у всех нет американского подхода: достаточно сказать один раз, и я уже понял. Понял. Мысленно его гипнотизировал, чтобы он делал, но так как я в этом деле дилетант, то за успех не поручусь.

* * *

Он привез и показывал две из тех книжек, которые выпускало его издательство. В серии «Вожди и деятели революции» одна из них написана Митей С[тоновым] («Калинин») [1]. Другая — Бобрищев-Пушкин («Володарский»). Трудно не сойти с ума. Бобрищев пишет о Володарском [2]. Впрочем, у старой лисы большее чутье, чем у Василевского. Это объясняется разностью крови. Он ухитрился спрятать свою фамилию не за одним псевдонимом, а сразу за двумя. Старая проститутка ходит по Тверской все время в предчувствии облавы. Этот ходит плохо.

В[асилевский] говорит, что квартиру его описали. Вообще он въехал неудачно. Но все[-таки] поймите. Старый, убежденный погромщик, антисемит pursang пишет хвалебную книжку о Володарском, называя его «защитником свободы печати». Немеет человеческий ум. В[асилевский] говорит обо всем этом с каким-то особенным подпрыгивающим, рамо[лен]тным весельем. Был один момент, когда он мне жутко напомнил старика Арсеньева [3]. Все они настолько считают, что партия безнадежно сыграна, что бросаются в воду в одежде. В[асилевский] одну из книжек выпустил под псевдонимом. Насчет первой партии совершенно верно. Единственная ошибка всех Павлов Николаевичей и Пасмаников [4], сидящих в Париже, что они все еще доигрывают первую, в то время как логическое

---

[1] *...написана Митей Стоновым («Калинин»)...* — Речь идет о книге Дм. Стонова «М.И. Калинин», вышедшей в серии «Вожди и деятели революции» в 1925 году.

[2] *Бобрищев пишет о Володарском...* — Книга «М. М. Володарский» вышла в 1925 году под двумя авторскими фамилиями (псевдонимами): П. Арский и Ал. Дмитриев. Своего политического цинизма Бобрищев-Пушкин и не скрывал. Еще в 1922 году, отвечая упрекавшим его в предательстве, Бобрищев писал: «Об интервенции не помышляют больше ни Ллойд Джордж, ни Милюков... Нет надежды и на внутренний взрыв... Отдайте себе отчет, господа: вы — побежденные. Другой класс пришел нам на смену, сильнее нас. Его право на революцию и на власть доказывалось неоднократно... Вы, проиграв войну, продолжаете ее вести» (Накануне, 1922,3 июня).

[3] *...напомнил старика Арсеньева...* — Некоторые исследователи (К.Н. Кириленко, Г.С. Файман) полагают, что имеется в виду Арсеньев Константин Константинович (1937—1919) — главный редактор «Энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона».

[4] *...ошибка всех Павлов Николаевичей и Пасмаников...* — Булгаков имеет в виду Милюкова П.Н. и Пасманика Д.С. как наиболее ярких представителей либерал-демократии, выступавших против силовых методов в решении «русского вопроса», а по сути боявшихся возвращения к власти русских монархистов. Булгаковская мысль о том, что «за первой партией идет... вторая», основывалась не только на страстном желании иметь в России русское национальное правительство, но и на кое-каких объективных обстоятельствах, как внутренних (экономическая разруха и возрастающее недовольство населения), так и на внешних — московские газеты постоянно публиковали сообщения о приготовлениях в стане эмиграции к новому походу. В связи с последним представляет интерес мнение такой осведомленной газеты, как еврейская «Народная мысль». 16 января 1925 года она поместила статью под названием «Европа и Москва», в которой сообщалось: «С момента появления у власти консервативного кабинета политика Англии в отношении СССР резко изменилась. В этом отношении немалую роль сыграл ревельский путч 30, который в Лондоне называют величайшей глупостью Москвы. Чемберлен сумел как нельзя лучше ее использовать. Ему удалось убедить Эррио в

следствие: за первой партией вдет совершенно другая, вторая. Какие бы ни сложились в ней комбинации — Бобрищев погибнет [1].

Забыл. Пьеса ли это, или это роман «Странник играет под сурдинку» [2].

В[асилевский] же мне рассказал, что Алексей Толстой говорил:

— Я теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов.

Грязный, бесчестный шут.

В[асилевский] же рассказал, что Демьян Бедный, выступая перед собранием красноармейцев, сказал:

— Моя мать была блядь...

В состоянии безнадежной ярости обедал у Валентины. Vis-a-Vis помещался этот тюремный человек с Поварской. Громадная разница между ним и клопом, и напрасно еврейские девушки приравнивают. Это слишком примитивная солдатчина. Есть огромная разница: клопа давить неприятно. Примитивы этого не поймут. Никто, как свой. И свои могут напортить хуже, чем чужие, черт бы их взял!

* * *

несостоятельности его дружелюбной политики к СССР 31. Врангелевский флот, благодаря его воздействию 32, не был передан красному адмиралу Беренсу 33, в займе тоже было отказано.

В Англии и во Франции снова серьезно помышляют о том, что наступило время для военной интервенции в Россию под руководством великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля, так как тяжелый внутренний кризис в стране должен быть использован для ликвидации большевизма.

Немалую роль в этом плане играет сербский король Александр... Центр этих сил — Белград...»

Но затем газета перешла к обсуждению сложностей, которые могут помешать осуществлению этого предприятия. «Не говоря уже о финансировании этого проекта, — подчеркивалось в статье, — которое может исходить только из Америки, центр тяжести лежит в украинском вопросе. Пока не получит разрешения вопрос о создании независимой Украины и о полных гарантиях того, что судьба России будет разрешена Учредительным собранием... — успех интервенции сомнителен...» Вот так-то. Оказывается, решение «русского вопроса» на основах «демократии» давно предусматривало расчленение России. Но это еще не все «сложности», ибо: «Согласится ли на это Польша? Захочет ли Румыния пересмотреть бессарабский вопрос? Действительно ли популярно имя Николая Николаевича в России?..» В заключение газета сообщила еще об одной «сложности» в осуществлении проекта: предполагаемое вовлечение в этот план Германии нереально, поскольку балтийские государства — область ее национальных интересов и она не допустит лишения их суверенитета. Таким образом, при удачном разрешении всех сложностей и успехе интервенции Россия оказалась бы в усеченных границах, фактически разделенной на несколько государств. Могли ли с этим согласиться патриотические круги России?

Что же касается «русской демократии», то она ограничивалась разработкой всевозможных проектов переустройства России. Так, тот же Д.С. Пасманик в газете «Последние новости» от 19 сентября 1924 года рассматривал принципы, на основе которых могла бы быть восстановлена демократическая Россия. Небезызвестная Е. Кускова, тщательно скрывавшая свои высокие масонские степени, многочисленные выступления сводила к следующему: «Там (в России) решается роковой спор, а мы — только помощники, мы только маленькие частицы огромного целого, которое там, в России...» (Дни, 19 сентября 1924 г.). И все эти рассуждения подкреплялись шумливым патетическим лицемерием недавних разрушителей России.

По-иному представляли свою роль нововременцы: «Русский народ — нищий, неорганизованный, безоружный и одинокий 34... Интернационал богат, организован, вооружен до зубов, сыт. С ним почти вся „демократическая“ Европа...

Время красивых слов, призывов, убеждений — прошло. Нужно действие... Все надежды России устремлены сюда: она ждет героя, который... наперекор занесенному мечу сатаны ринется в бой...»

Но тут же раздавался вздох сомнения: «Все наши идеалы... надежды... все это без денег ничто — мертвая буква».

[1] *...Бобрищев погибнет...* — Булгаков постоянно подчеркивал, что сменовеховцы, скатившиеся до унизительного услужения новым властям, плохо кончат. И оказался провидцем: большинство из них было репрессировано в тридцатые годы.

[2] *...«Странник играет под сурдинку»...* — Имеется в виду роман К. Гамсуна «Странник играет под сурдинку».

Записи под диктовку есть не самый высший, но все же акт доверия [1].

* * *

Сегодня сообщение о том, что убили еще одного селькора в провинции — Сигаева. Или у меня нет чутья, и тогда я кончусь на своем покатом полу, или это интродукция к совершенно невероятной опере [2].

* * *

Запас впечатлений так огромен за день, что свести их можно только отрывками, с мыслью впоследствии систематизировать их. День, как во время севастопольской обороны, за день, — месяц за год. Но где же мои матросы?

Самым чудовищным из всех рассказов В[асилевского] был рассказ о том, как Френкель, ныне московский издатель, в прошлом раввин (вероятно, и сейчас, только тайный), ехал в спальном международном вагоне из С.-Петербурга в Москву. Это один из крупных узлов, который кормит сейчас в Москве десятки евреев, работающих по книжному делу. У него плохонькое, но машинно налаженное дело в самом центре Москвы, и оно вечно гудит, как улей. Во двор Кузнецкого переулка вбегают, из него убегают, собираются. Это рак в груди [3]. Неизвестно, где кончаются деньги одного и где начинаются деньги другого. Он очень часто ездит в Петербург, и характерно, что его провожают почтительной толпой, очевидно, он служит и до сих пор дает советы о козе. Он мудр.

---

[1] *Записи под диктовку есть... акт доверия...* — Булгаков очень часто диктовал тексты своих сочинений близким ему людям. Чаще всего это были жены — Любовь Евгеньевна и Елена Сергеевна. Сохранились многие рукописи писателя («Мастер и Маргарита», «Жизнь господина де Мольера», «Адам и Ева» и другие), в которых значительная часть текста написана под диктовку Л.Е. Белозерской и Е.С. Булгаковой.

[2] *...убили еще одного селькора... Сигаева... это интродукция к совершенно невероятной опере...* — В центральных газетах в то время появилось несколько сообщений об убийствах местными жителями селькоров. 23 декабря в «Известиях» была напечатана заметка о зверском убийстве в Армавирском округе недавнего красноармейца, селькора Николая Сигаева — кулаки «раскроили ему топором голову». Булгаков усмотрел в этих сообщениях подтверждение нарастающего недовольства советской властью — «интродукцию» к освободительному движению. Но «опера» получилась совершенно иная, под названием «Коллективизация». Режиссерами и постановщиками этой «невероятной оперы» оказались не те силы, на которые уповал Булгаков, а большевики.

[3] *...Френкель... Это рак в груди...* — Любопытнейший комментарий к этому отрывку дневника писателя дал современный литературовед Михаил Золотоносов. Приведем его с некоторыми сокращениями: «Дневник Булгакова 1923—1925 годов показал: к „еврейской теме“ писатель не был равнодушен. Нетрудно, например, из одной записи об издательстве Льва Давидовича Френкеля, размещавшемся в центре Москвы, вывести элементарный антисемитизм [...] Впрочем, говоря об отношении Булгакова к Френкелю, надо учесть два обстоятельства. Первое состоит в том, что ненависть к налаженному френкелевскому делу — это ненависть не просто к еврейскому делу, а к еврейскому буржуазному предприятию. Два чувства складываются, питая и усиливая друг друга. Отсюда и отношение „пролетария“ Булгакова к „машинно налаженному делу“ Френкеля, приносящему доход и сытую, обеспеченную жизнь, которой лишен писатель (можно даже предположить, что отношение Булгакова и к лозунгу „Все поделить!“ не было столь уж простым и однозначным).

Второе обстоятельство объясняет индивидуальное отношение Булгакова как разновидность достаточно распространенной в 1920-е годы в русской культурной среде оценки всплеска еврейской политической, предпринимательской активности в Москве. При всей своей писательской самостоятельности и невключенности в какие-либо литературные объединения, Булгаков не мог быть вовсе изолирован от антисемитских влияний среды» (Литературное обозрение, 1991, № 5, с. 101). К этому довольно внимательному наблюдению хотелось бы заметить, что булгаковский реализм не имеет ни малейшего отношения к антисемитизму.

* * *

Сегодня еще в ярости, чтобы успокоить ее, я перечитываю фельетон петербургского фельетониста 70-ых годов. Он изображает музыку в Павловске, и еврея изображает в презрительной шутке, с акцентом.

* * *

Богу сил!

* * *

Сейчас я работаю совершенно здоровым, и это чудесное состояние, которое для других нормально, — увы — для меня сделалось роскошью, это потому, что я развинтился несколько. Но, в основном, главном, я выздоравливаю, и силы, хотя и медленно, возвращаются ко мне. С нового года займусь гимнастикой, как в 16-ом и 17-ом году, массажем и к марту буду в форме.

* * *

Есть неуместная раздражительность. Все из-за проклятого живота и нервов. Записи о своем здоровье веду с единственной целью: впоследствии перечитать и выяснить, выполнил ли задуманное.

* * *

Порхают легкие слушки, и два конца из них я уже поймал. Вот сволочь!

26 декабря. (В ночь на 27-ое)

Только что вернулся с вечера у Ангарского — редактора «Недр». Было одно, что теперь всюду: разговоры о цензуре, нападки на нее, «разговоры о писательской правде» и «лжи». Был Вересаев, Козырев, Никандров, Кириллов, Зайцев (П.Д.), Ляшко и Львов-Рогачевский [1]. Я не удержался, чтобы несколько раз не встрять с речью о том, что в нынешнее время работать трудно, с нападками на цензуру и прочим, чего вообще говорить не следует.

Ляшко (пролетарский писатель), чувствующий ко мне непреодолимую антипатию (инстинкт), возражал мне с худо скрытым раздражением:

— Я не понимаю, о какой «правде* говорит т. Булгаков? Почему [всю кривизну] нужно изображать? Нужно давать „чересполосицу“ и т.д.

Когда же я говорил о том, что нынешняя эпоха, это эпоха сведения счетов, он сказал с ненавистью:

— Чепуху вы говорите...

Не успел ничего ответить на эту семейную фразу, потому что вставали в этот момент из-за стола. От хамов нет спасения.

* * *

---

[1] *Были: ...Никандров, Кириллов..., Ляшко и Львов-Рогачевский...* — Никандров (Шевцов) Николай Никандрович (1878—1964) — писатель; Кириллов Владимир Тимофеевич (1889—1943) — поэт, Ляшко (Лященко) Николай Николаевич (1884—1953) — писатель; Львов-Рогачевский Василий Львович (1873—1930) — критик.

Лютый мороз. Сегодня утром водопроводчик отогрел замерзшую воду. Зато ночью, лишь только я вернулся, всюду потухло электричество.

* * *

Ангарский (он только на днях вернулся из-за границы) в Берлине, а кажется, и в Париже всем, кому мог, показал гранки моей повести „Роковые яйца“. Говорит, что страшно понравилось и кто-то в Берлине (в каком-то издательстве) ее будут переводить.

* * *

Больше всех этих Ляшко меня волнует вопрос — беллетрист ли я?

* * *

Отзвук в разговоре у Анг[арского] имел и прогремевший памфлет — письмо Бернарда Шоу, напечатанный во вчерашнем номере „Известий“. Радек пытается ответить на него фельетоном „Мистер Пиквик о коммунизме“ [1], но это слабо. В памфлете есть место: „бросьте и толковать о международной революции — это кинематограф“.

(В ночь на 28 декабря)

В ночь я пишу потому, что почти каждую ночь мы с женой не спим до трех, четырех часов утра. Такой уж дурацкий обиход сложился. Встаем очень поздно, в 12, иногда в 1 час., а иногда и в два дня. И сегодня встали поздно и вместо того, чтобы ехать в проклятый „Гудок“, изменил маршрут и, побрившись в парикмахерской на моей любимой Пречистенке, я поехал к моей постоянной зубной врачихе, Зинушке. Лечит она два моих зуба, которые, по

---

[1] ...письмо Бернарда Шоу... Раде к пытается ответить... — В газете «Известия» (25 декабря) было напечатано письмо Б. Шоу, адресованное в редакцию. Передаем этот текст в сокращении.

«Дорогой сэр!

Боюсь, что для „Известий“ невозможно опубликовать мое мнение о положении, создавшемся после отказа от англо-русских договоров. Я могу лишь сказать, что в конце концов экономика должна взять перевес над политикой [...] Советское правительство хорошо сделало бы, если бы как можно скорее отмежевалось от III Интернационала и ясно сказало бы м-ру Зиновьеву, что он должен окончательно сделать выбор между серьезной государственной деятельностью и детскими бессмыслицами для кино 35, раз советское правительство должно отвечать перед Европой за его поступки; эти последние в противном случае сделают положение м-ра Раковского здесь почти невозможным. Я имею в виду не подложное письмо, а нечто гораздо более важное. Устав III Интернационала был в переводе опубликован в лондонской газете „Таймс“, и сквозящие в нем на каждой строке мещанский идеализм и детское познание людей и вещей нанесли серьезный удар английским друзьям советов. С точки зрения английских социалистов, члены III Интернационала не знают даже элементарных основ своей работы, как социалистов [...] Пока Москва не научится смеяться над III Интернационалом и не станет на ту точку зрения, что везде, где социализм является живой силой, а не мертвой теорией, он оставил Карла Маркса так же далеко позади, как современная наука оставила Моисея, до тех пор не будет ничего, кроме недоразумений; дюжина самых ничтожных чудаков в России будет вести торжественную переписку с дюжиной самых ничтожных чудаков Англии, и те и другие убеждены в том, что они — пролетариат, революция, будущее, Интернационал и бог весть что еще [...]

Я бью тревогу, потому что советское правительство должно считаться с реальными фактами Запада...

Преданный вам Д. Бернард Шоу».

Карл Радек в этом же номере газеты поместил фельетон под названием «Мистер Пиквик о коммунизме. Великолепная сатира Бернарда Шоу на английский „социализм“». В нем есть и такие строки: «Шоу... говорит по адресу Советского Союза и Коминтерна: „Господа русские коммунисты, бросьте вы Коминтерн, ведь это вздор из кинематографа. Какая вообще возможна мировая революция?“

Вы сделали революцию в громаднейшей, стране, но этот факт весит меньше того неудовольствия, которое ваша революция возбуждает в английских лордах! Как же вы хотите жить, если наши лорды не соблаговолят на это согласиться. В интервенции сплоховали, не задушили вас, но не убили пулей — так убьем фунтом. Бросьте рыпаться, смиритесь, подчинитесь...»

моим расчетам, станут вечными. Лечит не спеша, хожу я к ней аккуратно, она вкладывает ватку то с йодом, то с гвоздичным маслом, и я очень доволен, что нет ни боли, ни залезания иглой в каналы.

Пока к ней дополз, был четвертый час дня. Москва потемнела, загорелись огни. Из окон у нее виден Страстной монастырь и огненные часы.

Великий город — Москва! Моей нежной и единственной любви, Кремля, я сегодня не видал.

После зубной врачихи был в „Недрах“, где странный Ангарский производит какой-то разгром служащих. Получил, благодаря ему, 10 рублей.

И вот, по Кузнецкому мосту шел, как десятки раз за последние зимние дни, заходя в разные магазины. Нужно купить то да се. Купил, конечно, неизбежную бутылку белого вина и полбутылки русской горькой, но с особенной нежностью почему-то покупал чай. У газетчика случайно на Кузнецком увидал 4-й номер „России“. Там первая часть моей „Белой гвардии“, т. е. не первая часть, а первая треть. Не удержался, и у второго газетчика, на углу Петровки и Кузнецкого, купил номер. Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение [1]. Так свершилось. Вот моя жена.

Вечером у Никитиной [2] читал свою повесть „Роковые яйца“. Когда шел туда, ребяческое желание отличиться и блеснуть, а оттуда — сложное чувство. Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? Тогда не выпеченное. Во всяком случае, там сидело человек 30, и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература.

Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги „в места не столь отдаленные“. Очень помогает мне от этих мыслей моя жена. Я обратил внимание, когда она ходит, она покачивается. Это ужасно глупо при моих замыслах, но, кажется, я в нее влюблен. Одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы так же уютно, или это избирательно для меня?

* * *

Политических новостей сегодня нет для меня. Эти „Никитинские субботники“— затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев [3].

---

[1] *Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение...* — Об этом посвящении см. комментарий в кн.: Булгаков Михаил. Из лучших произведений. М., 1993, с. 610—611.

[2] *Вечером у Никитиной...* — Никитина Евдоксия Федоровна (1893—1973) — историк литературы, организатор издательства «Никитинские субботники» и одноименных чтений, на которых выступали многие литераторы; собирательница автобиографий и биографий писателей. Ее богатейший архив содержит интереснейшие сведения о русской литературе двадцатых-тридцатых годов. Имеются в нем упоминания и о Булгакове.

[3] *Эти «Никитинские субботники» — затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев...* — С полным основанием Булгаков мог бы прибавить к этому сообществу и друзей самого известного и могущественного ведомства, расположенного на Лубянке, которые, аккуратно посещая различные «субботники», и проявляя чудеса внимания к докладчикам, незамедлительно составляли подробные отчеты о виденном и слышанном и отсылали их «куда следует». Мы не знаем, присутствовали ли эти «друзья» на чтении «Роковых яиц», поэтому процитируем (в отрывках, конечно) любопытнейший документ, который появился на свет через два с небольшим месяца после прочтения Булгаковым «Собачьего сердца».

«Был 7.III.25 г. на очередном литературном „субботнике“ у Е.Ф. Никитиной. Читал Булгаков свою новую повесть. Сюжет: профессор вынимает мозги и семенные железы у только что умершего и вкладывает их в собаку, в результате чего получается „очеловечение“ последней.

При этом вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к совстрою тонах... Все это слушается под сопровождение злорадного смеха никитинской аудитории 36.

Примеров можно было бы привести еще великое множество, примеров тому, что Булгаков определенно

Не для дневника и не для опубликования: подавляет меня чувственно моя жена. Это и хорошо, и отчаянно, и сладко, и в то же время безнадежно сложно: я как раз сейчас хворый, а она для меня...

Сегодня видел, как она переодевалась перед нашим уходом к Никитиной, жадно смотрел...

* * *

Политических новостей нет, нет. Взамен них политические мысли.

Как заноза сидит все это сменовеховство (я причем?), и то, что чертова баба зав[я]з[и]ла [меня], как пушку в болоте, важный вопрос. Но один, без нее, уже не мыслюсь. Видно, привык.

29 декабря. Понедельник.

Водку называют „Рыковка“ и „Полурыковка“. „Полурыковка“ потому, что она в 30º, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60º.

Был в этом проклятом „Г[удке]“, вечером был у Лидии Вас[ильевны] [1]. Условились насчет встречи Нового года.

Лежнев ведет переговоры с моей женой, чтобы роман „Белая гвардия“ взять у Сабашникова и передать ему. Люба отказала, баба бойкая и расторопная, и я свалил с своих плеч обузу на ее плечи. Не хочется мне связываться с Лежневым, да и с Сабашниковым

ненавидит и презирает весь совстрой, отрицает все его достижения.

Кроме того, книга пестрит порнографией, облеченной в деловой, якобы научный вид.

Таким образом, эта книжка угодит и злорадному обывателю, и легкомысленной дамочке, и сладко пощекочет нервы просто развратному старичку.

Есть верный, строгий и зоркий страж у Соввласти, это — Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит. Но разрешите отметить то обстоятельство, что эта книга (первая ее часть) уже прочитана аудитории в 48 человек 37, из которых 90 процентов — писатели сами. Поэтому ее роль, ее главное дело уже сделано, даже в том случае, если она и не будет пропущена Главлитом: она уже зарядила писательские умы слушателей и обострит их перья. А то, что она не будет напечатана (если „не будет“), это-то и будет роскошным, им, этим писателям, уроком на будущее время, уроком, как не нужно писать для того, чтобы пропустила цензура, то есть как опубликовать свои убеждения и пропаганду, но так, чтобы это увидело свет. (21.III.25 г. Булгаков будет читать вторую часть своей повести)».

24 марта пунктуальный наблюдатель 38 продолжил свой отчет.

«Вторая и последняя часть повести Булгакова „Собачье сердце“... дочитанная им 21/III—25 г. на „Никитинском субботнике“, вызвала сильное негодование двух бывших там писателей-коммунистов и всеобщий восторг всех остальных. Содержание этой финальной части сводится приблизительно к следующему: очеловеченная собака стала наглеть с каждым днем, все более и более. Стала развратной, делала гнусные предложения горничной профессора. Но центр авторского глумления и обвинения зиждется на другом: на ношении собакой кожаной куртки, на требовании жилой площади, на проявлении коммунистического образа мышления. Все это вывело профессора из себя, и он разом покончил с созданным им несчастием, а именно: превратил очеловеченную собаку в прежнего, обыкновенного пса.

Если и подобные грубо замаскированные (ибо все это „очеловечение“ — только подчеркнуто-заметный, небрежный грим) выпады появляются на книжном рынке СССР, то белогвардейской загранице, изнемогающей не меньше нас от бумажного голода, а еще больше от бесплодных поисков оригинального, хлесткого сюжета, остается только завидовать исключительнейшим условиям для контрреволюционных авторов у нас» (НГ, 1994, 28 сентября).

Нет никакого сомнения в том, что после таких обстоятельных и проникающих в суть писательского замысла доносов внимание карательных органов к личности Михаила Булгакова предельно обострялось. А вскоре подключилась и печать. Печально известный Леопольд Авербах так отозвался о Булгакове: «...Появляется писатель, не рядящийся даже в попутнические цвета. Не только наша критика и библиография, но наши издательства должны быть настороже, а Главлит — тем паче!» (1925, 20 сентября). И это было сказано за год до премьеры «Дней Турбиных»!

[1] *...был у Лидии Васильевны...* — Кирьякова Лидия Васильевна — журналистка, основавшая в 1922 году литературный кружок «Зеленая лампа», в который входил и Булгаков.

расторгать договор неудобно и неприятно. В долгу сидим как в шелку.

1925 год

2 января, в ночь на 3-тье.

«Если бы к „Рыковке“ добавить „Семашковки“, то получилась бы хорошая „Совнаркомовка“».

«Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а во-вторых, от радости».

«Троцкий теперь пишется „Троий“ — ЦК выпало».

Все эти анекдоты мне рассказала эта хитрая веснушчатая лиса Л[ежнев] вечером, когда я с женой сидел, вырабатывая текст договора на продолжение «Белой гвардии» в «России». Жена сидела, читая роман Эренбурга, а Лежнев обхаживал меня. Денег у нас с ней не было ни копейки. Завтра неизвестный мне еще еврей Каганский должен будет уплатить мне 300 рублей и векселя. Векселями этими можно п[одтеретьс]я. Впрочем, черт его знает! Интересно, привезут ли завтра деньги. Не отдам рукопись...

Сегодня газет нет, значит, нового ничего нет.

* * *

Забавный случай: у меня не было денег на трамвай, а поэтому я решил из «Гудка» пойти пешком. Пошел по набережной Москвы-реки. Полулуние в тумане. Почему-то середина Москвы-реки не замерзла, а на прибрежном снеге и льду сидят вороны. В Замоскворечье огни. Проходя мимо Кремля, поравнявшись с угловой башней, я глянул вверх, приостановился, стал смотреть на Кремль и только что подумал «доколе, Господи!» — как серая фигура с портфелем вынырнула сзади меня и оглядела. Потом прицепилась. Пропустил ее вперед, и около четверти часа мы шли, сцепившись. Он плевал с парапета, и я. Удалось уйти у постамента Александру.

3 января.

Сегодня у Л[ежнева] получил 300 рублей в счет романа «Б[елая] г[вардия]», который пойдет в «России». Обещали на остальную сумму векселя.

Были сегодня вечером с женой в «Зеленой лампе». Я говорю больше, чем следует, но не говорить не могу. Один вид Ю. Потехина [1], приехавшего по способу чеховской записной книжки и нагло уверяющего, что...

— Мы все люди без идеологии, — действует на меня, как звук кавалерийской трубы.

— Не бреши!

Литература, на худой конец, может быть даже коммунистической, но она не будет садыкерско-сменовеховской [2]. Веселые берлинские бляди! Тем не менее, однако, боюсь, как бы «Б[елая] г[вардия]» не потерпела фиаско. Уже сегодня вечером, на «Зел[еной] лампе» Ауслендер сказал [3], что «в чтении...», и поморщился. А мне нравится, черт его знает почему.

* * *

Ужасное состояние: все больше влюбляюсь в свою жену. Так обидно — 10 лет

---

[1] *Один вид Ю. Потехина...* — Потехин Юрий Николаевич — писатель, один из видных сменовеховцев.

[2] *...садыкерско-сменовеховской...* — Имеется в виду Садыкер Павел Абрамович — директор-распорядитель акционерного общества «Накануне».

[3] *...Ауслендер сказал...* — Ауслендер Сергей Абрамович (1886—1943) — писатель.

открещивался от своего... Бабы как бабы. А теперь унижаюсь даже до легкой ревности. Чем-то мила и сладка. И толстая.

Газет не читал сегодня.

4 января 1925 г.

Петербургу — быть пусту.

Вчера наводнение в Петербурге: были затоплены Василеостровский, Петербургский, Московско-Нарвск[ий] и Центральный районы. Поздним вечером вода пошла на убыль.

* * *

Из Англии пришла нота [1], подписанная Чемберленом, из которой явствует, что английское правительство не желает говорить более ни одного слова по поводу письма Зиновьева. Отношения с Англией нестерпимо поганые.

Есть сообщение из Киева, что вся работа союза швейников, ввиду того, что в нем 80% евреев, переводится постепенно на еврейский язык.

Даже весело.

* * *

Сегодня вышла «Богема» в «Кр[асной] ниве» № 1. Это мой первый выход в специфически-советской тонко-журнальной клоаке. Эту вещь я сегодня перечитал, и она мне очень нравится, но поразило страшно одно обстоятельство, в котором я целиком виноват. Какой-то беззастенчивой бедностью веет от этих строк. Уж очень мы тогда привыкли к голоду и его не стыдились, а сейчас как будто бы стыдно. Подхалимством веет от этого отрывка. Кажется, впервые со знаменитой осени 1921-го года позволю себе маленькое самомнение и только в дневнике, — написан отрывок совершенно на «ять», за исключением одной, двух фраз. («Было обидно» и др.).

* * *

Все идет верхним концом и мордой в грязь. Вся Москва растеклась в оттепельной грязи, а я целый день потратил на разъезды, приглашая гостей. Хотим у Нади потанцевать.

Видел милых Л[яминых] [2] и отдал им номер «России» с «Б[елой] гв[ардией]».

---

[1] *Из Англии пришла нота...* — 4 января 1925 года «Известия» напечатали ноту Чемберлена полпреду Раковскому следующего содержания: «Я получил вашу ноту от 22 декабря, в которой вы возвращаетесь к письму, адресованному г. Зиновьевым коммунистической партии в Англии 15 сентября этого года.// Правительство ее величества ничего не имеет прибавить к ноте, адресованной вам 21 ноября, в которой вопрос этот всесторонне рассмотрен.// Примите и пр. Чемберлен».

Зарубежная пресса широко комментировала ноту английского правительства и ситуацию с Зиновьевым. Например, рижская газета «Сегодня вечером» сообщала: «Совнарком осудил Зиновьева за то, что он ведет распутный образ жизни и деморализует других коммунистов. Даже ближайшие друзья Зиновьева — Бухарин и Сталин осуждают его частную жизнь, являющуюся „позором для русской коммунистической партии“. Кроме того, Раковский жаловался Совнаркому, что глупым речам Гришки компартия обязана провалом займа в Англии. Однако Каменев и другие лидеры партии выступили в защиту Зиновьева, заявив, что надо подождать, пока забудется скандал с Троцким» (17 января).

На следующий день эта же газета напечатала такую заметку: «Из Петрограда сообщают, что среди рабочих Путиловского завода распространяется листовка с призывом „низложить ленинградского коммунистического губернатора, спекулянта на пролетарской крови — Гришку Зиновьева“».

Кстати, подобные же листовки, предрекавшие «Гришке, красному императору, растлителю и вору», такой же конец, который постиг Отрепьева и Распутина, — распространялись в Москве и в других городах.

[2] *Видел милых Ляминых...* — Лямин Николай Николаевич (1892—1941) — филолог, специалист по романским литературам, сотрудник ГАНХ, близкий друг Булгакова; его жена — Ушакова Наталья Абрамовна

В антракте между фокстротными разъездами был взят за горло милыми евреичками по поводу бабьих писем. Сжали, и кругом правы. Я жму в свою очередь, но ни черта, конечно, не сделаю. Ни в коем случае не пришлет. Как кол в горле. А сам я, действительно, кобра. До того сжали, что я в один день похудел и вся морда обвисла на сторону. Три дня и три ночи буду думать, а выдумаю. Все равно я буду водить, а не кто-нибудь другой.

5 января.

Какая-то совершенно невероятная погода в Москве — оттепель, все распустилось, и такое же точно, как погода, настроение у москвичей. Погода напоминает февраль, и в душах Февраль.

— Чем все это кончится? — спросил меня сегодня один приятель.

Вопросы эти задаются машинально и тупо, и безнадежно, и безразлично, и как угодно. В его квартире, как раз в этот момент, в комнате через коридор, пьянствуют коммунисты. В коридоре пахнет какой-то острой гадостью, а один из партийцев, по сообщению моего приятеля, спит пьяный, как свинья. Его пригласили, и он не мог отказаться. С вежливой и заискивающей улыбкой ходит к ним в комнату. Они его постоянно вызывают. Он от них ходит ко мне и шепотом их ругает. Да, чем-нибудь все это да кончится. Верую!

Сегодня специально ходил в редакцию «Безбожника». Она помещается в Столешн[иковом] переулке, вернее, в Козмодемьяновском, недалеко от Моссовета. Был с М. С., и он очаровал меня с первых же шагов.

— Что, вам стекла не бьют? — спросил он у первой же барышни, сидящей за столом.

— То есть, как это? (растерянно). — Нет, не бьют (зловеще).

— Жаль.

Хотел поцеловать его в его еврейский нос. Оказывается, комплекта за 1923 год нету. С гордостью говорят — разошлось. Удалось достать 11 номеров за 1924 год. 12-ый еще не вышел. Барышня, если можно так назвать существо, дававшее мне его, неохотно дала мне его, узнав, что я частное лицо.

— Лучше я бы его в библиотеку отдала.

Тираж, оказывается, 70 000 и весь расходится. В редакции сидит неимоверная сволочь, выходит, приходит; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации... На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно, Библия, над ней склонились какие-то две головы.

— Как в синагоге, — сказал М., выходя со мной.

Меня очень заинтересовало, на сколько процентов все это было сказано для меня специально. Не следует, конечно, это преувеличивать, но у меня такое впечатление, что несколько лиц, читавших «Бел[ую] гв[ардию]» в «России», разговаривают со мной иначе, как бы с некоторым боязливым, косоватым почтением.

М[...]н отзыв об отрывке «Б[елой] г[вардии]» меня поразил, его можно назвать восторженным, но еще до его отзыва окрепло у меня что-то в душе. Это состояние уже дня три. Ужасно будет жаль, если я заблуждаюсь и «Б[елая] г[вардия]» не сильная вещь.

Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера «Безбожника», был потрясен [1].

(1899—1993), художница. Л.Е. Белозерская вспоминала: «К 1925 году относится знакомство М. А., а затем и длительная дружба с Николаем Николаевичем Ляминым... Познакомились они у писателя Сергея Сергеевича Заяицкого, где Булгаков читал отрывки из „Белой гвардии“ 39. В дальнейшем все или почти все, что было им написано, он читал у Ляминых... „Белую гвардию“ (в отрывках), „Роковые яйца“, „Собачье сердце“, „Зойкину квартиру“, „Багровый остров“, „Мольера“, „Консультанта с копытом“, легшего в основу романа „Мастер и Маргарита“».

[1] *...проглядел... номера «Безбожника», был потрясен...* — «Безбожник» — ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1923 по 1941 год. Напечатал множество откровенно глумливых статей, очерков, заметок, фельетонов и карикатур антихристианского содержания. Первый номер «Безбожника» (ответственный редактор М. Костеловская), на обложке которого было начертано: «С земными царями раз делались, принимаемся за небесных», — открывался статьей Н.И. Бухарина «На борьбу с международными богами».

Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены.

* * *

Вечером была Л. Л. и говорила, что есть на свете троцкисты. Анекдот: когда Троцкий уезжал, ему сказали: «Дальше едешь, тише будешь».

* * *

Сегодня в «Гудке» в первый раз с ужасом почувствовал, что я писать фельетонов больше не могу. Физически не могу. «Это надругательство надо мной и над физиологией».

* * *

Большинство заметок в «Безбожнике» подписаны псевдонимами.

«А сову эту я разъясню».

26-го января 1925 г. Пятница.

Позавчера был у П. Н. З[айце]ва на чтении А. Белого. В комнату З[айцева] набилась тьма народу. Негде было сесть. Была С.З. Федорченко [1] и сразу как-то обмякла и сомлела.

Белый в черной курточке. По-моему, нестерпимо ломается и паясничает.

Говорил воспоминания о Валерии Брюсове. На меня все это произвело нестерпимое впечатление. Какой-то вздор... символисты [2]... «Брюсов дом в 7 этажей».

Шли раз по Арбату... И он вдруг спрашивает (Белый подражал, рассказывая это в интонации Брюсова): «Скажите, Борис Николаевич, как по-Вашему — Христос пришел

Цинизм, пошлость и наглость пронизывают статью от первого и до последнего слова. Вот некоторые фрагменты из этой «передовицы»:

«Русский пролетариат сшиб, как известно, корону царя. И не только корону, но и голову. Немецкий — свалил корону с Вильгельма, но голова, к сожалению, осталась. Австрийский рабочий добрался до короны, не добрался до головы, но король сам испугался и от испуга умер. Недавно греки сшибли еще одну корону. Словом, на земле на этот счет не приходится сомневаться: рискованное дело носить это украшение.

Не совсем так обстоит дело на небе... Международные боги... еще очень сильны... Так дальше жить нельзя! Пора добраться и до небесных корон, взять на учет кое-что на небе.

Для этого нужно прежде всего начать с выпуска противобожественных прокламаций, с этого начинается великая революция. Правда, у богов есть своя армия и даже, говорят, полиция: архистратиги разные, Георгии Победоносцы и прочие георгиевские кавалеры. В аду у них настоящий военно-полевой суд, охранка и застенок. Но чего же нам-то бояться? Не видали мы, что ли, этаких зверей и у нас на земле?

Так вот, товарищи, мы предъявляем наши требования: отмена самодержавия на небесах; ...выселение богов из храмов и перевод в подвалы (злостных — в концентрационные лагеря); передача главных богов, как виновников всех несчастий, суду пролетарского ревтрибунала...

Пока что мы начинаем поход против богов в печати... В бой против богов! Единым пролетарским фронтом против этих шкурников!»

[1] *Была С.З. Федорченко...* — Федорченко Софья Захаровна (1888—1959) — писательница, упоминается в воспоминаниях Л.Е. Белозерской.

[2] *...был... на чтении А. Белого... Какой-то вздор... символисты...* — Отрицательное отношение к Андрею Белому оказалось у Булгакова довольно стойким. В дневнике Е.С. Булгаковой от 14 января 1934 года имеется запись слов Булгакова, сказанных им после смерти Андрея Белого: «Всю жизнь, прости Господа, писал дикую ломаную чепуху... В последнее время решил повернуться лицом к коммунизму, но повернулся крайне неудачно... Говорят, благословили его чрезвычайно печальным некрологом».

Суждения писателя о писателях часто бывают суровыми и не всегда справедливыми.

только для одной планеты или для многих?» Во-первых, что я за такая Валаамова ослица — вещать, а во-вторых, в этом почувствовал подковырку...

В общем, пересыпая анекдотиками, порой занятными, долго нестерпимо говорил... о каком-то папоротнике... о том, что Брюсов был «Лик» символистов, но в то же время любил гадости делать...

Я ушел, не дождавшись конца. После «Брюсова» должен был быть еще отрывок из нового романа Белого.

Mersi.

25-го февраля. Среда. Ночь.

Предо мною неразрешимый вопрос. Вот и все.

13 декабря 1925 г.

Я около месяца не слежу за газетами. Мельком слышал, что умерла жена Буд[ённого]. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным.

По рассказу — она угрожала ему, что выступит с разоблачениями его жестокости с солдатами в царское время, когда он был вахмистром.

М.А. Булгаков — М.А. и М.С. Волошиным [1]

3 мая 1926 г.

Дорогие Марья Степановна и Максимилиан Александрович.

Люба и я поздравляем Вас с праздником. Целуем. Открытку М.А. я получил [2], акварель также [3]. Спасибо за то, что не забыли нас. Мечтаем о юге, но удастся ли этим летом побывать — не знаю. Ищем две комнаты, вероятно, все лето придется просидеть в Москве [4].

Ваш М. Булгаков

---

[1] *М.А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 423. Печатается и датируется по первой публикации.*

[2] 4 апреля 1926 года М. Волошин писал Булгакову: «Дорогой Михаил Александрович, не забудьте, что Коктебель и волошинский дом существуют и Вас ждут летом. Впрочем. Вы этого не забыли, т.к. участвовали в Коктебельском вечере, за что шлем Вам глубокую благодарность. О литературной жизни Москвы до нас доходят вести отдаленные, но они так и не соблазнили меня на посещение севера. Заранее прошу: привезите с собою конец „Белой гвардии“, которой знаю только 1 и 2 части, и продолжение „Роковых яиц“. Надо ли говорить, что очень ждем Вас и Любовь Евгеньевну, и очень любим...»

[3] На акварели надпись датирована 15 февраля 1926 года:

«Дорогому Михаилу Афанасьевичу, спасибо за то, что не забыли о Коктебеле. Ждем Вас с Любовью Евгеньевной летом. Максимилиан Волошин».

1 марта 1926 года в Москве состоялся вечер с благотворительной целью оказания помощи «Волошинской даче» (некоторые Волошинцы называли ее «волошинской республикой»), на котором выступал и Булгаков (читал «Похождения Чичикова»). В знак благодарности Волошин послал всем участникам свои акварели.

[4] Булгакову не удалось побывать в Коктебеле на этот раз.

М.А. Булгаков — в ОГПУ [1]

В ОГПУ
литератора
Михаила Афанасьевича Булгакова,
проживающего в г. Москве,
в Чистом (б. Обуховском)
пер. в д. № 9, кв. 4

Заявление

При обыске, произведенном у меня представителями ОГПУ 7-го мая 1926 г. [2] (ордер

---

[1] *Впервые — Независимая газета, 17 ноября 1993. Печатается и датируется по первому изданию. Комментарии В.И. Лосева.*

[2] Рядовое вроде бы событие того времени (обыски и аресты «подозрительных» лиц производились в Москве каждый день, и они уже никого не удивляли) — на самом деле было результатом многих составляющих, среди которых господствовали, конечно, политические.

Мы уже отмечали ранее, что после появления в печати «Белой гвардии», «Дьяволиады», «Роковых яиц» и других сочинений писателя, после участия его в творческих публичных дискуссиях (например, в диспуте о современной литературе, который состоялся 12 февраля 1926 г. в Колонном зале Дома союзов) и на «сходках» в различных литературных кружках к нему с большим вниманием стали присматриваться не только «литературные критики», но и органы «безопасности». Особенно обострилось это внимание после нескольких чтений в тех же литературных кружках новой повести «Собачье сердце». Когда же «Собачье сердце» и «Белая гвардия» были приняты МХАТом для постановки на своей сцене (договор с МХАТом об инсценировке «Собачьего сердца» Булгаков подписал 2 марта 1926 г.), внимание к Булгакову приобрело «общественный» характер (сообщения о готовящейся постановке «Белой гвардии» появились как в отечественной, так и в зарубежной прессе). Булгаков, с его откровенно русскими взглядами на происходящие в России антирусские события, становился опаснейшим противником для власти, особенно для той ее части, которая проводила ярко выраженную русофобскую политику.

Следует подчеркнуть, что Сталин в своих действиях внутри страны всегда учитывал ситуацию в русском зарубежье. В апреле 1926 года внимание всех политических кругов, как в советской России, так и в ряде стран Европы, привлек Российский Зарубежный съезд (РЗС), призванный объединить основные политические, военные и другие течения русского зарубежья. Предполагалось, что возглавит новое политико-военное образование великий князь Николай Николаевич. В случае успеха — новое мощное давление на советскую Россию (вплоть до интервенции) становилось неизбежным. Но, как и предсказывали скептики, ничего путного из этой затеи не вышло — съезд не смог объединить вокруг себя сколько-нибудь сильные группировки. Радость врагов возрождения Российской империи была безмерной, причем провалу русского объединения больше радовались милюковцы, керенцы и прочие демократы, нежели большевики. Ибо Сталин понимал, что для его власти большую опасность представляют не монархисты, а именно «демократы» всех мастей, которые поддерживались «демократическими» правительствами западных стран и многими функционерами-коммунистами в России, которым не по душе были некоторые меры Сталина по укреплению государственности в самой советской России. Сменовеховцы в этом политическом раскладе занимали особое положение, и ярлыки к ним приклеивались самые разнообразные. В Политбюро к этому явлению также относились по-разному, несмотря на то, что оно было его детищем. Сталин, например, терпеливо выжидал, а вот Бухарин буквально бесновался, настаивая на немедленном уничтожении сменовеховства. Так, в ноябре 1925 года он выступил с большой публикацией в газете «Правда» (№ 259, 260, 261) под названием «Цесаризм под маской революции», в которой камня на камне не оставил от рецензируемой им книги И. Устрялова «Под знаком революции». Примечательна заключительная часть этой статьи: «Г-н Устрялов совсем не понял мировой войны и „исторического зла“ самодержавия. (Г-н Устрялов совсем не понял смысла гражданской войны и только post factum он начал соображать, что дело белых — гиблое дело.) Г-н Устрялов не понимает теперь хозяйственной „войны“, которую мы ведем, и здесь открыто стоит в стане наших врагов. А по существу дела, он защищает, как это ни странно, **реформированное самодержавие** , самодержавие нового образца. Фашистский цесаризм это и есть не что иное, как форма самодержавия».

Казалось бы, после таких выступлений одного из руководителей партии и государства (были, кстати, и другие выступления) должны последовать оргвыводы с соответствующими мерами. Но Сталин и в этой

№ 2287, дело 45) [1], у меня были взяты с соответствующим занесением в протокол — повесть

ситуации не спешил, считая свои варианты развития событий. Видимо, окончательное решение он принял в апреле — в момент высокого политического напряжения, связанного с РЗС (кстати, ненавидимый Булгаковым Михаил Кольцов поместил в «Правде» несколько глумливых статей по поводу провала съезда, одна из которых заканчивалась так: «И зарубежные белогвардейцы после новой, сотой попытки соорганизоваться, — опять у разбитого корыта, без царя на троне, без царя в голове»). 16 апреля в «Правде» появляется погромная статья против И.Г. Лежнева (рассматривалась его статья о нэ-пе, которую он поместил во втором номере своего журнала «Новая Россия») с рязвязной концовкой:

«Г-н Лежнев, вы плохой политик!

Злой рок заставляет всех оборачиваться к вам не тем, чем надо...»

В начале мая на заседании Политбюро было принято решение о закрытии журнала «Новая Россия» и высылке И.Г. Лежнева за границу. Тем же решением Политбюро было поручено ОГПУ в трехдневный срок представить предложения в развитие принятого решения (заметим, что и само решение Политбюро было принято на основании докладной записки ОГПУ).

И тут-то для Булгакова наступила тяжелая пора: составляя перечень мер, вытекающих из постановления Политбюро, ОГПУ «подверстало» сюда и ненавистного ему Булгакова. Вот полный текст документа, подготовленного в ОГПУ.

7 мая 1926 г.

Строго секретно

В ЦК ВКП/Б/ ТОВ. МОЛОТОВУ

В развитие нашей докладной записки от 5 сего мая за № 3446 и во исполнение постановления Политбюро от 5 мая, считаем необходимым произвести следующие мероприятия:

1. Экономический зажим Сменовеховского объединения путем закрытия издательства «Новая Россия» и конфискации его имущества как главной экономической базы и самого удобного пути для выработки и распространения новых идеологий.

2. Предложение Главлиту не допускать впредь публичных лекций, рефератов, выступлений сменовеховцев, подобных рефератам Ключникова, как приобретающих неизменное значение политических демонстраций и являющихся ничем не прикрытой формой пропаганды чуждой нам идеологии.

3. Для успешности означенных мероприятий и завершения разгрома Устряловско-Лежневской группы сменовеховцев произвести обыски без арестов у нижепоименованных 8-ми лиц, и по результатам обыска, о которых будет Вам доложено особо, возбудить следствие, в зависимости от результатов коего выслать, если понадобится, кроме ЛЕЖНЕВА, и еще ряд лиц по следующему списку.

1. КЛЮЧНИКОВ Юрий Вениаминович, проф. 1 МГУ, научный сотрудник Коммунистической Академии.
2. ПОТЕХИН Юрий Николаевич, литератор, юрист-консульт акционерного Об-ва «Тепло и Сила».
3. ТАН-БОГОРАЗ Владимир Германович — научный работник Академии Наук.
4. АДРИАНОВ — проф. Ленинградского университета.
5. РЕДКО А. М. — проф. Ленинградского университета.
6. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН Александр Владимирович, литератор.
7. БУЛГАКОВ Михаил Александрович 40 — литератор.
8. УСТРЯЛОВ Михаил Васильевич — литератор (брат Н. В. Устрялова).

ЗАМПРЕД ОГПУ: (Ягода)

P.S. Нам чрезвычайно важно произвести обыски одновременно с закрытием «Новой России», ввиду этого прошу те мероприятия, если будут одобрены Вами — провести голосование опросом.

Г. Ягода (НГ, 28.12.94).

Парадоксальность ситуации для Булгакова заключалась в том, что он не только не был сменовеховцем, но и считал это движение ничтожным и вредным для русского национального возрождения. Он печатал свои сочинения в сменовеховских изданиях только потому, что другой возможности печататься просто не было. И как он отмечал позже в своей повести «Тайному другу», «[...] из-за того, что я в пыльный день сам залез зачем-то в контору к Рвацкому, я:

1) принимал у себя на квартире три раза черт знает кого...»

Добавим от себя, что не только принимал «черт знает кого», но и посещал заведение, наполненное этими самыми существами. Заведение это, не получив санкции на арест писателя от верховной власти, постоянно насыщало его «дело» все новыми и новыми бумагами, коих скопилось так много, что сейчас булгаковеды, допущенные в это заведение, в поте лица трудятся над их освоением, и конца этой работе пока не видно.

[1] Сохранился протокол обыска квартиры Булгакова, который мы печатаем с сокращениями.

моя «Собачье сердце» в 2-х экземплярах на пишущей машинке и 3 тетради писанных мною от руки черновых мемуаров моих под заглавием «Мой дневник».

Ввиду того, что «Сердце» и «Дневник» необходимы мне в срочном порядке для дальнейших моих литературных работ, а «Дневник», кроме того, является для меня очень ценным интимным материалом, прошу о возвращении мне их [1].

Михаил Булгаков,

18-го мая 1926 г.
г. Москва

«На основании ордера Объединенного Государственного политического управления за № 2287 от 7 мая мес. 1926 г. произведен обыск у **гр. Булгакова** в д. № 9, кв. № 4 по ул. Кропоткина, пер. Чистый, сотр. **Врачевым** .

При обыске присутствовали: **обыскиваемый Булгаков М. А. и арендатор дома Градов В. В.**

Согласно данным указаниям задержаны:

гражд.....

Взято для доставления в Объединенное Госполитуправление следующие (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого).....

1) **Два экземпляра перепечатанных на машинке „Собачье сердце“.**

2) **Три дневника: за 1921-23 и 25 годы.**

3) **Один экзем. отпечат. на пишущ. маш. „чтение мыслей“.**

4) **„Послание Евангелисту Демьяну Бедному“.**

5) **стихотворение В. Инбер (пародия Есенина).**

Обыск производил: **Уполн. 5-го отд. СООГПУ Врачев.**

.....указанное в протоколе и прочтение его вместе с примечаниями лицами,

у которых обыск производился, удостоверяем:

Аренд, дома В. Градов

Кроме того подписали: **М. Булгаков**

„7“ мая 1926 г. Проводивший обыск Уполн. СООГПУ Врачев».

Протокол этот требует хотя бы минимальных комментариев. Л.Е. Белозерская свидетельствует:

«В один прекрасный вечер [...] на голубятню постучали (звонка у нас не было) и на мой вопрос „кто там?“ бодрый голос арендатора ответил: „Это я, гостей к вам привел!“

На пороге стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек — следователи Славкин и его помощник с обыском. Арендатор пришел в качестве понятого. Булгакова не было дома, и я забеспокоилась: как-то примет он приход „гостей“, и попросила не приступать к обыску без хозяина, который вот-вот должен прийти. Все прошли в комнату и сели [...] и вдруг знакомый стук. Я бросилась открывать и сказала шепотом М. А.:

— Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск.

Но он держался молодцом (дергаться он начал значительно позже). Славкин занялся книжными полками, „Пенсне“ стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей [...] Под утро зевающий арендатор спросил:

— А почему бы вам, товарищи, не перенести ваши операции на дневные часы?

Ему никто не ответил. Найдя на полке „Собачье сердце“ и дневниковые записи, „гости“ тотчас же уехали.

По настоянию Горького, приблизительно через два года „Собачье сердце“ было возвращено автору...» (О мед воспоминаний, с. 27-29).

К сожалению, Л.Е. Белозерская не конкретизирует — что же было изъято у Булгакова из рукописей (да и путает фамилии следователей). А это очень важно. Если исходить из протокольных записей, то изъято было три дневника за 1921-23 и 25 годы (что касается «Собачьего сердца», то запись абсолютно точная — в архиве писателя хранятся два экз. машинописи с текстом повести и пометами на одном из них, которые сделаны в ОГПУ), что не соответствует действительности хотя бы уже потому, что обнаруженная ныне в архиве ОГПУ фотокопия дневника писателя фиксирует иные даты — 1923-1925. Но сохранившиеся в архиве писателя кусочки подлинного дневника датируются 1922 годом. Из текста этих кусочков также видно, что Булгаков вел дневник и в 1921 году! Так что не будет большой сенсацией, если в архиве ОГПУ найдутся фотокопии дневника писателя за 1921-1922 годы.

Сохранилась расписка «дежурного стола приема почты Админоргупр» ОГПУ от 18 мая 1926 года о приеме от Булгакова «одного заявления в ОГПУ».

[1] Ответа на заявление не было. Но как выяснилось позже, некоторые члены Политбюро, включая Сталина и Молотова, с интересом читали дневники писателя.

М.А. Булгаков — совету и дирекции МХАТ [1]

Сим имею честь известить о том, что я не согласен на удаление Петлюровской сцены из пьесы моей «Белая гвардия».

Мотивировка: Петлюровская сцена органически связана с пьесой.

Также не согласен я на то, чтобы при перемене заглавия пьеса была названа «Перед концом».

Также не согласен я на превращение 4-х актной пьесы в 3-х актную.

Согласен совместно с Советом Театра обсудить иное заглавие для пьесы «Белая гвардия».

В случае, если Театр с изложенным в этом письме не согласится, прошу пьесу «Белая гвардия» снять в срочном порядке [2].

Михаил Булгаков.

4 июня 1926 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров [3]

литератора
Михаила Афанасьевича
Булгакова

Заявление

7-го мая с. г. представителями ОГПУ у меня был произведен обыск (ордер № 2287, дело 45), во время которого у меня были отобраны с соответствующим занесением в протокол следующие мои имеющие для меня громадную интимную ценность, рукописи:

Повесть «Собачье сердце» в 2-х экземплярах и «Мой дневник» (3 тетради).

Убедительно прошу о возвращении мне их [4].

Михаил Булгаков.

Адрес: Москва, Малый Левшинский 4, кв. 1
24 июня 1926 года

М.А. Булгаков — А. Д. Попову [1] [2]

---

[1] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию (Автограф в музее МХАТ инв. №17893).*

[2] К ультиматуму Булгакова во МХАТе отнеслись с пониманием. В архиве сохранился ответ В.В. Лужского (члена Высшего совета МХАТа, в который также входили Станиславский, Леонидов, Качалов, Москвин), разряжавший сложную ситуацию:

«Что Вы, милый наш мхатый, Михаил Афанасьевич? Кто Вас так взвинтил?»

Постепенно конфликт стал разрешаться. А в августе того же года было принято окончательное решение: назвали «Дни Турбиных» («Белая гвардия»).

[3] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма 1914—1940. М., 1997. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 27, ед. хр. 10).*

[4] И на это заявление ответа не было.

Здравствуйте, дорогой режиссер!

[...] Письмо Ваше от 16 июня я получил вчера в Крюковке, под Москвой. По-видимому, происходит недоразумение; я полагал, что я передал студии *пьесу* [3], а студия полагает, что я продал ей *канву* , каковую она (студия) может поворачивать, как ей заблагорассудится.

Ответьте мне, пожалуйста, Вы — режиссер, как можно 4-х актную пьесу превратить в 3-х актную?!

1 акт. Приезд Аметистова.

2 акт. Кончается демонстрацией *(по плану Вашего Совета)* .

Из задачника Евтушевского: спрашивается, что должно происходить в 3-м (последнем?!) акте?! Куда я, автор, дену китайцев, муровцев, тоску и т. д.? Куда? Убрать китайскую любовь? Зачем тогда прачешная в 1 акте? Кому нужна Манюшка?

Коротко: «Зойкина» — 4-х актная пьеса. Невоз-мож-но ее превратить в 3-х актную. Новую трехактную пьесу я писать не буду. Я болен (во-1-х), переутомлен (во-2-х), в-3-х же, публика, видевшая репетиции, совершенно справедливо говорит мне: «Не слушайте их (Совет, извините!), они сами во всем виноваты».

В-4-х: я полагал, что будет так: я пьесы пишу, студия их ставит. Но она не ставит! О,

---

[1] *Петелин В. Россия — любовь моя. Подлинник хранится в РГАЛИ. Затем. Письма. Печатается и датируется по автографу (РГАЛИ).*

[2] Попов Алексей Дмитриевич (1892—1961) — русский советский режиссер, народный артист СССР, доктор искусствоведения, профессор ГИТИСа. Сценическую деятельность начал с 1912 г. под руководством К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, прошел курс обучения в Первой студии для экспериментальных занятий по системе Станиславского.

«Как и всякий экспериментатор, Константин Сергеевич нуждался в собственной лаборатории для постоянной проверки тех или иных положений научной мысли, — много лет спустя вспоминал этот период известный актер и режиссер Алексей Дикий. — Именно так он относился к Студии, весьма ясно представляя себе ее цели и задачи. Студия была его детищем, она отвечала самым горячим его увлечениям, самым в ту пору сокровенным мечтам.

Легко представить себе, какой восторг вызвало предложение Станиславского в нашей среде. У нас будет Студия, своя Студия, свой собственный дом... М.А. Чехов назвал в тот знаменательный день нашу группу „собранием верующих в религию Станиславского“. Еще накануне эта фраза не отвечала бы истине. Уже к концу нашей первой встречи с Константином Сергеевичем она выражала подлинные чувства новоявленных студийцев... Надо сказать, что Константин Сергеевич на том этапе жизни Студии поощрял любое проявление инициативы и самостоятельности со стороны молодежи... Не случайно Первая студия дала советскому театру таких „хороших и разных“ режиссеров, как Вахтангов, Алексей Попов, Сушкевич, Бирман, Гиацинтова, Волков, Смышляев...» (Дикий Алексей. Избранное. М., 1976. С. 110-116).

[3] К этому времени М.А. Булгаков закончил работу над пьесой по роману «Белая гвардия», полным ходом шли репетиции, по Москве поползли слухи о ее талантливости и контрреволюционности. Естественно, об этом узнала и театральная Москва. И вот однажды, по словам Л.Е. Белозерской, к ним на квартиру пришли двое — «оба высоких, оба очень разных»: помоложе — это актер В.В. Куза, а постарше — режиссер А.Д. Попов, оба из Вахтанговского театра, и «предложили М. А. написать комедию для театра». А.Д. Попов, вспоминает Л.Е. Белозерская, «был одет в мундир тогдашних лет — в толстовку — и походил на умного инженера».

Сюжетов, конечно, возникало много, подсказывали и письма читателей «Гудка», где М.А. Булгаков работал, и ежедневные сообщения газет, которые были просто переполнены нелепыми историями, происходившими в современной жизни... Вот, например, недавно милиция раскрыла карточный притон, — днем это была обыкновенная пошивочная мастерская во главе с обаятельной Зоей Буяльской... А как раскрыли? А что там могло произойти? Что обратило внимание милиции?

И воображение художника «заработало», возникал сюжет увлекательной и злободневной пьесы, наполненной стремительным действием, резко индивидуальными характерами, сталкивающимися между собой в драматическом единоборстве... Для иных людей ничего не изменилось в этом мире. Они сменили только внешнюю форму, приспособились к новым условиям и стали извлекать выгоду из новой действительности. Годы нэпа предоставили им благоприятную почву для махинаций и нечестной жизни. Вот и Зойка с графом Абольяниновым задумали сбежать из Советского Союза, сбежать не просто так, а с деньгами...

нет! Ей не до постановок! У нее есть масса других дел: она сочиняет проекты переделок. Ставить же, очевидно, буду я! Но у меня нет театра! (К сожалению!)

Итак: я согласился на переделки. Но вовсе не затем, чтобы устроить три акта. Я сейчас испытываю головные боли, очень больной, задерганный и затравленный сижу над переделкой. Зачем? Затем, чтобы убрать сцену в Муре. Затем, чтобы довести «Зойкину» до блеска. Затем, чтобы переносить кутеж в 4-й акт. Я не нанимался решать головоломки для студии. Я писал пьесу!

Одна возня с кутежом может довести до белого каления (изволь писать новый текст для 4-го акта и для 3-его!!). В одном мы сходимся: сцену «фабрики» и «Аллы — Зои» можно вести как 1 картину. Это я устрою. Вам будет удобно.

О «вялости» этих сцен мне говорить неудобно. Не смею спорить, ведь я — автор. Но, увы, публика спорит за меня...

Зрители.

— Вы будете переделывать?! Бросьте! Зачем Вы их слушаете? Сцена Аллы — Зои очень хороша, но они совершенно никак ее не сыграли! Они *кругом виноваты* !Они не переварили нисколько Вашего текста!

Вот что говорят дерзкие зрители! Этого мало. Я еще молчу о том, что у меня безжалостно вышибали (и без всякой цензуры!) лучшие фразы из текста: где «Зойка — вы черт?», где «ландышами пахнет», и т. д. и т. д. Где?.. Где?

Понижение к концу пьесы? А публика (квалифицированная, отборная, лучшая — театральная!) говорит, что я даром себя мучаю, 3-й и 4-й акты просто *не сыграны* . Стало быть, незачем и переделывать.

Но ладно. Я переделываю, потому что, к сожалению, я «Зойкину» очень люблю и хочу, чтоб она шла хорошо.

И готовлю ряд сюрпризов. Не 3 акта будет, а, как было, 4-е. Но Газолин будет увеличен, кутеж будет в 4-м акте, Мура (сцены с аппаратами не будет). В голове теперь форменная чертовщина! Что мне делать с Алилуйей? Где будет награждение червонцами? И т. д.?! Я болен. Но переделаю.

%% не играют никакой роли! Просто я написал 4-х актную, а не 3-х актную. Я бы рад и 2 акта сделать, но не делается.

Сообщите мне наконец: будут вахтанговцы ставить «Зойкину» или нет? Или мы будем ее переделывать до 1928 года? Но сколько бы мы ни переделывали, я не могу заставить актрис и актеров играть ту Аллу, которую я написал. Ту Зойку, которую я придумал. Того Алилуйю, которого я сочинил. Это Вы, Алексей Дмитриевич, должны сделать.

Я надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии за некоторую растрепанность этого письма. Я очень спешу (оказия в Москву), я переутомлен.

На днях я студийной машинистке начну сдавать для переписки новую «Зойкину», если не сдохну. Если она выйдет хуже 1-й, да ляжет ответственность на нас всех! *(Совет в первую голову!)*

Пишу Вам без всякого стискивания зубов. Вы положили труд. Я тоже.

Привет! Ваш *М. Булгаков.* Адрес: Москва, Мал. Левшинский пер. 4, кв. 1. В Москве я часто бываю. Приезжаю с дачи [1].

---

[1] Весной 1926 г. Михаил Афанасьевич и Любовь Евгеньевна решили, не выдержав московской сутолоки, поехать на юг, в Мисхор, но и здесь, прожив лишь месяц, разочарованные, вернулись в Москву. А лето было в самом разгаре, и столько планов остались неисполненными. И прежде всего — «Зойкина квартира».

Встретились с Николаем Николаевичем Ляминым, одним из ближайших друзей Булгаковых, и он рассказал им, что живет с женой на даче Понсовых, в Крюкове. Булгаковы поехали посмотреть дачу и остались довольны. Вскоре они уже жили на даче Понсовых, у которых было пятеро детей, теннисная площадка, а кругом — лес с грибами. Так что можно было отдыхать, а главное — работать Михаилу Афанасьевичу. «Нам отдали комнату — пристройку с отдельным входом. Это имело свою прелесть, например, на случай неурочного застолья. Так оно и было: у нас не раз засиживались до самого позднего часа, — вспоминала Белозерская. — Добрые и хлебосольные Понсовы часто принимали гостей. Бывали соседи, бывали артисты Всеволод Вербицкий, Рубен

26 июля 1926 года.

М.А. Булгаков — А.Д. Попову [1]

1926, Москва 11-го августа

Уважаемый Алексей Дмитриевич!

Переутомление, действительно, есть. В мае всякие сюрпризы, не связанные с театром, в мае же гонка «Гвардии» в МХАТе 1-м (просмотр властями!). В июне мелкая беспрерывная работишка, потому что ни одна из пьес еще дохода не дает, в июле правка «Зойкиной». В августе же все сразу. Но «недоверия» нет. К чему оно? Силы Студии свежи, вы — режиссер и остры и напористы (совершенно искренне это говорю). Есть только одно: вы на моих персонажей смотрите иными глазами, нежели я, да и завязать их хотите в узел *немного* не так, как я их завязал. Но, ведь, немного! И столковаться очень можно.

Что касается Совета, то он, по-видимому, непогрешим.

Я же, грешный человек, могу ошибаться, поэтому с величайшим вниманием отношусь ко всему, что исходит от Вас. Надеюсь, что ни дискуссии, ни войны, ни мешанина нам не грозят. Я не менее Студии желаю хорошего результата, а не гроба!

И вот доказательство — сводка того, над чем сейчас я сижу:

«Увеличение Газолина» преступно. Побойтесь Бога! Да разве я не соображаю, что когда нужно сжимать и оттачивать пьесу, речи быть не может о раздувании 2-го персонажа? Я просто думал, что Вы поймете меня с полуслова.

Дело вот в чем: ведь, Мура (учреждения) не будет, и Газолин наведет из мести к Херувиму Мур на квартиру Зойки.

Не бойтесь: никакого количественного увеличения, а эффекту много. На вас же работаю, на Совет! На *поднятие* финального акта.

Согласны?

Но лучше по порядку.

1-й акт: как был, но с чисткой. Уходов Херувима не два, а один, («До чего ты оригинальный!») и концовка так:

Херувим возвращается, мальчишки во дворе поют «Многие лета! Многие лета!»

Аметистов . Манюшка! Что стоишь как китайская стена? Кричи ура!

Тут и «ах, мерзавец!» и «Многие лета», и музыкальный шум. Мне кажется, так веселей.

Кроме того в 1-м *акте* несколько сокращений незначительных.

2-й. Фабрика на ходу как была (ответственной далее — Агнесса Ферапонтовна), появляется Зойка, у швеи слова «Зад как рояль, только клавиши приделать и в концертах

Симонов, А. Орочко...» «Центр развлечения, встреч, бесед — теннисная площадка и возле нее, под березами, скамейки. Партии бывали серьезные: Женя, Всеволод Вербицкий, Рубен Симонов, в ту пору тонкий и очень подвижный. Отбивая мяч, он высоко по-козлиному поднимал ногу и рассыпчато смеялся. Состав партий менялся. Михаил Афанасьевич как-то похвалился, что при желании может обыграть всех, но его быстро „разоблачили“. Лида попрекала его, что он держит ракетку „пыром“, т. е. она стоит перпендикулярно к кисти, вместо того, чтобы служить как бы продолжением руки. Часто слышался голос Лидуна: „Мака, опять ракетка „пыром““! Но как-то он показал класс: падая, все же отбил трудный мяч... Мы все, кто еще жив, помним крюковское житье. Секрет долгой жизни этих воспоминаний заключается в необыкновенно доброжелательной атмосфере тех дней. Существовала как бы порука взаимной симпатии и взаимного доверия... Как хорошо, когда каждый каждому желает только добра!..» 41.

И как хорошо работалось Михаилу Афанасьевичу в этой доброжелательной обстановке: все понимающая и любимая жена; грибы, теннис, вечерние розыгрыши, смех молодежи, песни под гитару, а иной раз и забавные спиритические сеансы, до которых Михаил Афанасьевич был большой охотник.

Булгаков работал быстро, вскоре первый вариант «Зойкиной квартиры» был закончен и передан в театр. И вот тут-то и начались мучения, которые так емко и точно переданы в этих письмах.

[1] *Петелин В. Россия — любовь моя. Затем: Письма. Печатается и датируется по автографу (РГАЛИ).*

можно играть» затем, чтобы Аметистов мог поговорить с ними (со швеей и закройщицей) и их убрать. Тогда Алла входит *без* всяких *перемен* .

Что мною и сделано.

Демонстрация: отчищена до блеска.

Карта эта, по-видимому, битая.

Конец 2-го акта:

Гусь-Ремонтный (фамилия). А — телье.

Аметист . Ан — тракт!

Занавес.

3-й акт.

Тоска, уход Аметистова и Обольянинова и Зойки. Китайцы. Мур. Предательство Газолина.

В работе!!

4-й акт

Начинается громом кутежа. Фокстрот на сцене и т. д.

Но вот в чем дело:

Скандал Аллы с Гусем *на публике* (как этого хочет Совет) провести крайне трудно. Я уже примерял, комбинировал, писал, зачеркивал (продуктивная работа, Алексей Дмитриевич). Гостей нужно удалить (Роббер, Мертвое тело) после награждения червонцами, и тогда уже тоскующему неудовлетворенному Гусю Аметистов подает Аллу как сюрприз. На закуску, так сказать. Их скандал, тоска Гуся, убийство, побег Херувима, Манюшки, Аметистова и появление Газолина с Пеструхиным, Ванечкой и Толстяком. Газолин бушует «как вы пустили (упустили) бандита Херувима». Мифическую личность из пьесы вон! Берут Алилуйю, всех уводят, квартира угасает.

Конец.

Так: 3-й и 4-й акты одновременно в работе. Завтра машинистка уже начнет переписывать 1 и 2 акты.

При всем моем *добром желании* впихнуть события в 3 акта, не понимаю, как это сделать.

Формула пьесы, поймите, четырехчленна!

Во всяком случае поднятия последних актов мы добьемся. А уж это много значит. С Вами во многом столкуемся. У актера и режиссера голова пухнуть не будет (у меня она уже лопнула). Рад, если пьеса пойдет «срочно»...

...Спешу: «Зойкина» задавила... [1]

---

[1] 28 октября 1926 г. пьеса была поставлена А.Д. Поповым в театре Вахтангова. Л.Е. Белозерская свидетельствует, что спектакль пользовался большим успехом два с лишним года, «играть отрицательных было очень увлекательно»: «Отрицательными здесь были все: Зойка, деловая, разбитная хозяйка квартиры, под маркой швейной мастерской открывшая дом свиданий (Ц.Л. Мансурова), кузен ее, Аметистов, обаятельный авантюрист и веселый человек, случайно прибившийся к легкому Зойкиному хлебу (Рубен Симонов). Он будто с трамплина взлетал и верхом садился на пианино, выдумывал целый каскад трюков, смешивших публику; дворянин Абольянинов, Зойкин возлюбленный, белая ворона среди нэпманской накипи, но безнадежно увязший в этой порочной среде (А. Козловский), председатель домкома Алилуйя, „око недреманное“, пьяница и взяточник (Б. Захава)...»

Л.Е. Белозерская сообщает печальную весть: «Впоследствии А.Д. Попов от своей постановки „Зойкиной квартиры“ отрекся. „„Отречение“ режиссера — дань времени“,— говорит М. Кнебель (См. ее книгу „Вся жизнь“, М., 1967, с. 426.) Она не договаривает: дань времени — это остракизм, пока еще не полный, которому подвергнется творчество Михаила Афанасьевича Булгакова».

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [1]

1926 г., 19 августа Москва

Дорогой Викентий Викентьевич!

Ежедневное созерцание моего управдома, рассуждающего о том, что такое излишек площади (я лично считаю излишним лишь все сверх 200 десятин), толкнуло меня на подачу анкеты в Кубу [2].

Если Вы хоть немного отдохнули и меня не проклинаете, не черкнете ли квалификационной даме, сидящей под плакатом у Незлобинского театра, или мне (не упоминая об отрицательных сторонах моего характера) Ваше заключение обо мне.

Как скорее протолкнуть анкету и добиться зачисления?

Советом крайне обяжете!

Когда собираетесь вернуться? Как Ваше здоровье? Работаете ли над Пушкиным? [3] Как море? Если ответите на все эти вопросы — обрадуете. О Вас всегда вспоминаю с теплом.

Мотаясь между Москвой и подмосковной дачей (теннис в те редкие промежутки, когда нет дождя), добился стойкого и заметного ухудшения здоровья. Радуют многочисленные знакомые: при встречах говорят о том, как я плохо выгляжу, ласково и сочувственно осведомляются, почему я в Москве, или утверждают, что... с осени я буду богат!! (намек на Театр).

Последнюю мысль мне они внушили настолько, что я выкормил в душе одно — с осени платить долги!!!

В редкие минуты просветления, впрочем, сознаю, что мысль о богатстве — глупая мысль.

Итак, желаю Вам отдохнуть.

Преданный Вам

М. Булгаков.

Мал. Левшинский пер. 4, кв. 1.

Под давлением обстоятельств М.А. Булгаков в 1935 г. вновь возвращается к доработке пьесы в надежде «спасти» ее, возобновить в театре. И многие сцены пьесы сокращает, упрощая ее сценическое действие.

Работая над пьесой, он словно слышал упреки десятилетней давности, в чем-то, пусть в самом малом, уступая диктаторскому тону режиссера, членов художественного совета. Председателя домкома назвал Портупеей (а было Алилуйя), граф Обольянинов стал Абольяниновым, ушли в небытие такие персонажи, как Поэт, Курильщик, Фокстротчик, Толстяк, Ванечка, товарищ Пеструхин... Убрал сцены ночных оргий в Зойкиной квартире...

«Зойкина квартира» впервые была опубликована во втором номере альманаха «Современная драматургия» (1981). К сожалению, пьеса опубликована по редакции 1935 г.

[1] *Знамя, 1988, № 1. Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Точнее Цекубу — Центральная комиссия по улучшению быта ученых, созданная в 1919 г. при Совете Народных Комиссаров. М.А. Булгаков, очевидно, рассчитывал улучшить свои жилищные условия с помощью этой организации.

[3] М.А. Булгаков знал, что В.В. Вересаев трудится над книгой о Пушкине. И действительно, в 1927 г. Вересаев завершил и опубликовал большую работу — «Пушкин в жизни», в которой были собраны письма, дневниковые записи и мемуары современников поэта.

Протокол допроса в ОГПУ [1]

22 сентября 1926 года

О.Г.П.У.

Отдел... Секретный к делу

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1926 г. **сентября** мес. 22 дня [2], **Я Уполн. 5 отд. секр.** Отдела ОГПУ *Гендин* [3] допрашивал в качестве обвиняемого (свидетеля) гражданина **Булгакова М. А.** и на первоначально предложенные вопросы он показал:

1. Фамилия **Булгаков** .

2. Имя, отчество **Михаил Афанасьевич** .

3. Возраст (год рождения) 1891 (35).

4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность гражданство или подданство) **Сын статского советника — профессора Булгакова** .

5. Местожительство (постоянное и последнее) М. Левшинский пер. д. 4 кв. 1.

6. Род занятий (последнее место службы и должность) **Писатель-беллетрист и драматург** .

7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время). **Женат вторым браком. Фамилия жены — Белозерская Любовь Евгеньевна — дом. хоз** .

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников) **нет** .

9. Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, высшая, специальн., где, когда и т. д.) **Киевская гимназия в 1909 г. Университет, медфак в 1916** .

10. Партийность и политические убеждения. Беспартийный. **Связавшись слишком крепкими корнями со строящейся Советской Россией, не представляю себе, как бы я мог существовать в качестве писателя вне ее. Советский строй считаю исключительно прочным. Вижу много недостатков в современном быту и благодаря складу моего ума отношусь к ним сатирически и так и изображаю их в своих произведениях** .

11. Где жил, служил и чем занимался:

а) до войны 1914 г.

б) с 1914 г. до Февральской революции 17 года. **Киев, студент медфака до. 16 г., с 16 г. — врач** .

в) где был, что делал в Февральскую революцию 17 г., принимал ли активное участие и

---

[1] *Независимая газета, 1993,17 ноября. Печатается и датируется по первому изданию. Комментарии В.И. Лосева.*

[2] Разумеется, день допроса — 22 сентября — выбран не случайно, так как на 23 сентября была назначена генеральная репетиция пьесы «Дни Турбиных» во МХАТе. Враги Булгакова предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать спектакль. Но писатель был начеку.

На следующий день генеральная репетиция «Дней Турбиных» прошла успешно, но автору пришлось все-таки расстаться с частью «петлюровской» сцены — избиение и гибель еврея. Несмотря на яростные протесты Булгакова, сцену это изъяли.

[3] Гендин К. Г. (1899—1942) — следователь ОГПУ. В 1938 году, был осужден за фальсификацию следственного дела на пять лет. В 1942 году, после выхода из лагеря, пропал без вести на фронте.

в чем оно выразилось. **Село Никольское Смоленской губернии и гор. Вязьма той же губ[ернии].**

г) с Февральской революции 17 г. до Октябрьской революции 17 г. **Вязьма, врачом в больнице** .

д) где был, что делал в Октябрьскую революцию 17 года. **Также участия не принимал** .

с) с Октябрьской революции 17 г. по настоящий день. **Киев — до конца августа 19 г., с авг[уста] 19 — до 1920 во Владикавказе, с мая 20 по авг. в Батуме в Росте, из Батума в Москву, где и проживаю по сие время** .

12. Сведения о прежней судимости (до Октябр. революции и после нее). **В начале мая с/г производился обыск** .

13. Отношения допрашиваемого свидетеля к обвиняемому. [ ]

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого).

Михаил Булгаков.

(см. лист 2-й)

Показания по существу дела [1].

Литературным трудом начал заниматься с осени 1919 г. в гор[оде] Владикавказе, при белых. Писал мелкие рассказы и фельетоны в белой прессе. **В своих произведениях я проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской России.** С Освагом связан не был, предложений о работе в Осваге не получал. На территории белых я находился с августа 1919 г. по февраль 1920 г. **Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением.** В момент прихода Красной Армии я находился во Владикавказе, будучи болен возвратным тифом. По выздоровлении стал работать с Соввластью, заведуя ЛИТО Наробраза. Ни одной крупной вещи до приезда в Москву нигде не печатал. По приезде в Москву поступил в ЛИТО Главполитпросвета в кач[естве] секретаря. Одновременно с этим начинал репортаж в московской прессе, в частности в «Правде» [2]. Первое крупное произведение было напечатано в альманахе «Недра» под заглавием «Дьяволиада», печатал постоянно и регулярно фельетоны в газете «Гудок», печатал мелкие рассказы в разных журналах. Затем написал роман «Белая Гвардия», затем «Роковые яйца», напеч[атанные] в «Недрах» и в сборнике рассказов. В 1925 г. написал повесть «Собачье сердце», нигде не печатавшуюся. Ранее этого периода написал повесть «Записки на манжетах».

---

[1] В ОГПУ к допросу Булгакова тщательно готовились, за ним была установлена слежка. Один из осведомителей сообщал в июле 1926 г.: «По поводу готовящейся к постановке пьесы „Белая гвардия“ Булгакова, репетиции которой уже идут в Художественном театре, в литературных кругах высказывается большое удивление, что пьеса эта пропущена реперткомом, так как она имеет определенный и недвусмысленный белогвардейский дух.

По отзывам людей, слышавших эту пьесу, можно считать, что пьеса, как художественное произведение, довольно сильна и своими сильными и выпукло сделанными сценами имеет определенную цель вызвать сочувствие по адресу боровшихся за свое дело белых.

Все признают, что пьеса эта имеет определенную окраску. Литераторы, стоящие на советской платформе, высказываются о пьесе с возмущением, особенно возмущаясь тем обстоятельством, что пьеса будет вызывать, известное сочувствие к белым.

Что же касается антисоветских группировок, то там большое торжество по поводу того, что пьесу удалось протащить через ряд „рогаток“. Об этом говорится открыто».

На документе резолюция: «т. Гендин. К делу Булгакова. Славянский».

Булгаков выбрал наиболее верную линию поведения на допросе — быть предельно искренним в ответах. Тем более что его ответы легко могли быть проверены в ОГПУ. Так, в отобранном дневнике содержались сведения об участии Булгакова в белогвардейском движении.

[2] В газете «Правда» Булгаков служил несколько месяцев (конец 1921 — начало 1922 года), подготовив несколько репортажей и заметок на рабочую тему (например, в № 27 от 4 февраля 1922 г. был помещен его репортаж «Эмигрантская портняжная фабрика» за подписью «М. Булл.»).

Записано с моих слов верно.

М. Булгаков.

(обрез верха листа) были напечатаны «Дьяволиада» и «Роковые яйца». «Белая гвардия» была напечатана только двумя третями и недопечатана вследствие закрытая, т. е. прекращения толстого журнала «Россия».

«Повесть о собачьем сердце» не напечатана по цензурным соображениям. Считаю, что произведение «Повесть о собачьем сердце» вышло гораздо более злостным, чем я предполагал, создавая его, и причины запрещения печатания мне понятны. Очеловеченная собака Шарик — получилась, с точки зрения профессора Преображенского, отрицательным типом, т. к. подпала под влияние фракции. Это произведение я читал на Никитинских субботниках редактору «Недр» — т. Ангарскому и в кружке поэтов у Зайцева Петра Никаноровича и в «Зеленой Лампе». В Никитинских субботниках было человек 40, в «Зеленой Лампе» человек 15, и в кружке поэтов человек 20. Должен отметить, что неоднократно получал приглашения читать это произведение в разных местах и от них отказывался, т. к. понимал, что в своей сатире пересолил в смысле злостности и повесть возбуждает слишком пристальное внимание [1].

Вопр[ос]: Укажите фамилии лиц, бывающих в кружке «Зеленая Лампа»?

Отв[ет]: Отказываюсь по соображениям этического порядка.

Вопр[ос]: Считаете ли вы, что в «Собачьем сердце» есть политическая подкладка?

Отв[ет]: Да, политические моменты есть, оппозиционные к существующему строю.

М. Булгаков.

На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать.

Из рабочего быта мне писать трудно, я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо. Да и интересуюсь я им мало и вот по какой причине: я занят. Я остро интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги.

Значит, я могу писать только из жизни интеллигенции в Советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою, по-видимому, остро задевают общественно-коммунистические круги.

Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу! Отрицательные явления жизни в Советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я — сатирик).

22 сентября 1926 г.

Михаил Булгаков.

М.А. Булгаков — А. В Луначарскому [2]

Народному Комиссару Просвещения Михаила Афанасьевича Булгакова (Москва 34, Мал. Левшинский пер., 4, кв. 1)

---

[1] Писатель был уверен, что одной из причин обыска и последующих допросов был донос в ОГПУ по поводу «Собачьего сердца».

[2] *Независимая газета, 1993, 23 ноября. Печатается и датируется по первой публикации.*

Письмо Луначарский отослал Ягоде, Ягода — Рутковскому, Рутковский — Гендину, следователю — в 1938 году расстрелян.

Заявление

7-го мая 1926 года при обыске, произведенном у меня в квартире представителями ОГПУ, у меня отобрана в числе других рукопись (3 тетради) под названием «Мой дневник».

Прошу вашего ходатайства о возвращении мне «Дневника», не предполагающегося для печати, содержащего многочисленные лично мне интересные и необходимые заметки.

Задержка «Дневника» приостановила работу мою над романом, не имеющим никакого отношения к политике, разрушила вконец весь мой литературный план года на 2 вперед.

Еще раз прошу о возвращении «Дневника»

Михаил Булгаков.

30 октября 1926 года.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [1]

1926, 18.XI

Дорогой Викентий Викентьевич!

При сем посылаю Вам два билета (для Вас и супруги Вашей) на «Дни Турбиных» [2]. Кроме того, посылаю первые 50 рублей в уплату моего долга Вам. Только вчера начал небольшими порциями получать гонорар. Громадные суммы забрали крупные мои кредиторы и в 1-ю очередь Театр. Только этим объясняется моя задержка в уплате Вам.

Посылаю Вам великую благодарность, а сам направляюсь в ГПУ (опять вызвали) [3].

Искренно преданный Вам

М. Булгаков.

---

[1] *Знамя, 1988, № 1. Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Премьера «Дней Турбиных» состоялась 5 октября 1926 г. В октябре «Дни Турбиных» прошли 13 раз, в ноябре — 14. Успех был огромный. Подробнее об этом см. «Воспоминания о Михаиле Булгакове», М., 1988.

[3] Вызов в ГПУ, вероятно был связан с закрытием журнала «Россия» и высылкой за границу его редактора Лежнева. Но главным образом — с обыском и письмами М. Булгакова в руководящие органы страны. 18 ноября 1926 года Булгакова вызвали в ОГПУ к начальнику 5-го отделения Секретного отдела Рутковскому (1894—1943). За Булгаковым была установлена слежка. 13 января 1927 года наблюдатель сообщал: «По полученным сведениям, драматург Булгаков, автор идущих сейчас в Москве с большим успехом пьес „Дни Турбиных“ и „Зойкина квартира“, на днях рассказывал известному писателю Смидовичу-Вересаеву (об этом говорят в московских литературных кругах), что его вызывали в ОГПУ на Лубянку и расспросив его о социальном происхождении, спросили, почему он не пишет о рабочих. Булгаков ответил, что он интеллигент и не знает их жизни. Затем его спросили подобным образом о крестьянах. Он ответил то же самое. Во все время разговора ему казалось, что сзади его спины кто-то вертится, и у него было такое чувство, что его хотят застрелить. В заключение ему было заявлено, что если он не перестанет писать в подобном роде, он будет выслан из Москвы... „Когда я вышел из ГПУ, то видел, что за мной идут“».

Передавая этот разговор, писатель Смидович заявил: «Меня часто спрашивают, что я пишу. Я отвечаю: Ничего, так как сейчас вообще писать ничего нельзя, иначе придется продляться за темой на Лубянку». Таково настроение литературных кругов. Сведения точные. Получены от осведома. (см. Независимая газета, 1994, 28 сентября).

Вызовы в ГПУ надолго остались в памяти М. Булгакова.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

Милая Надя,
Буду крестить. В пятницу (26-го) в 12 ч. дня жду Лелю.
Целую всех
Михаил.
24 ноября 1926 г.

Выступление М.А. Булгакова в театре Вс. Мейерхольда 7 февраля 1927 года [2] [3]

---

[1] *Письма. Печатается и датируется по ксерокопии с автографа (ОР РГБ).*

[2] *Огонек, 1969, № 11. Публикация В.В.Петелина. (РГАЛИ) Письма. Печатается и датируется по первой публикации.*

[3] 7 февраля 1927 г. в театре Вс. Мейерхольда состоялся диспут по поводу постановок пьес «Дни Турбиных» М. Булгакова и «Любовь Яровая» К. Тренева. Многие критиковали театр за отход от «последовательно-исторического реализма», обвиняли автора «Турбиных» в сознательном и грубо тенденциозном извращении обстановки гражданской воины на Украине, в политическом оправдании борьбы белой гвардии против восставшего народа: «Дни Турбиных» — это «призыв к советскому зрителю примириться с белой гвардией, ныне белой эмиграцией и объявить борьбу классов тяжелым и удручающим недоразумением» (Новый зритель, 1926 № 43).

На диспуте выступили А. Луначарский, А. Орлинский, П. Юдин, П. Марков.

А. Орлинский заявил, что он не может считаться с субъективными желаниями театра и автора, его интересует лишь «объективное действие» спектакля: «В изображении событий в пьесе белый цвет выступает настолько, что отдельные пятнышки редисочного цвета его не затушевывают», — говорил он, заверяя своих слушателей, что «Турбины» «панически переименованы автором», что Булгаков якобы проявил «паническую боязнь массы», не показав ее в пьесе. Орлинский обвинил Булгакова в «идеализации» своих персонажей: будто бы «героическим ореолом веет от этих героев». (См. также об этом статью А. Орлинского «Об одном открытии сезона», где автор называет пьесу Булгакова «правооппортунистической и шовинистической» — На литературном посту, 1927, с. 15—16.)

В стенограмме есть и выступление П. Маркова, бывшего в то время завлитом МХАТа. П. Марков, извинившись за то, что будет «говорить не полемически, как это бывает обыкновенно на диспутах, и, следовательно, скучно», рассказал «о той внутренней линии, которая более всего интересна в этой пьесе и которую занимал театр, когда он над этой пьесой работал...» «Тут многие сомневаются, почему пьеса названа не „Белая гвардия“, а „Дни Турбиных“. Да просто потому, что этот спектакль вовсе не имел задания нарисовать в целом белую гвардию. Мы посмотрели на этот спектакль не как на изображение белой гвардии в целом, а только как на гибель семьи Турбиных». Перед театром стояла сложная проблема: показать силу, которая приходит на смену Турбиным. «На сцену нельзя привести весь полк солдат, — говорил П, Марков, — а нужно было показать на сцене грандиозные шаги тех, кто входит в город, грандиозные шаги тех, кто пришел, чтобы смести этих разодранных мрачным ощущением жизни белогвардейских людей». «Возможно ли было вот в этой истории о семействе Турбиных возводить спектакль в тот плакат, о котором мечтает Орлинский? Невозможно, потому что пьеса написана иначе, потому что в ней нет никаких оснований для того, чтобы из этих образов, которые показаны на сцене, сценически представить грандиозный плакат. Тут этого нет. Всегда нужно подходить к искусству с точки зрения замысла художника, а не с той точки зрения, которую желает видеть критика. Первое, в чем можно обвинить т. Орлинского, это в том, что он продемонстрировал сегодня свою полную изоляцию от искусства, эту полную изоляцию от искусства я и констатирую».

Этот эпизод в жизни М.А. Булгакова привлек внимание мемуаристов. Но, вспоминая об этом интересном эпизоде, и С. Ермолинский, и Э. Миндлин, как это часто бывает, допустили много неточностей. С. Ермолинский утверждает, что он слышал М. Булгакова на этом диспуте в 1926 г., диспут же состоялся, повторяем, 7 февраля 1927 г. «Возбужденный и нервный», М. Булгаков, «простирая руку в сторону критика, выкрикивал: „Я рад, что наконец вас увидел! Увидел наконец! Почему я должен слушать про себя небылицы? И это говорится тысячам людей, а я должен молчать и не могу защищаться! Это же не суд даже! Мне не дают слова! Какой же это суд? У меня есть зрители — вот мои судьи, а не вы! Но вы судите! И пишете на всю страну, а спектакль смотрят в одной Москве, в одном театре! И обо мне думают те, кто не видел моей пьесы, так, как вы о ней пишете! А вы о ней пишете неправду! Вы искажаете мои мысли! Вы искажаете смысл того, о чем я написал!.. И вот я увидел наконец, хоть раз увидел, как вы выглядите! Хоть за это спасибо! Низко кланяюсь! Благодарю!..“

Взмахнув рукой, все такой же встревоженный, такой же нервный, с порозовевшим лицом, он исчез. В зале

царило молчание. Ни одного хлопка. Ни единого возгласа. Какая-то странная тишина, которую сразу нарушить было почему-то неловко...

Он показался мне высоким, длиннорукимъ, длинноногим, по-юношески горбившимся.

Познакомился я с ним спустя несколько дней после этого диспута». (Театр, 1966, №9, с. 81-82).

Несколько месяцев спустя (Наш современник, 1967, № 2) Э. Миндлин опубликовал свои воспоминания «Молодой Михаил Булгаков». Здесь много любопытного. Но вот как ему запомнилось все то же выступление М.А. Булгакова все в том же театре:

«Он медленно, преисполненный собственного достоинства, проследовал через весь зал и с высоко поднятой головой взошел по мосткам на сцену. За столом президиума уже сидели готовые к атаке ораторы, и среди них — на председательском месте „сам“ Орлинский. Михаил Афанасьевич приблизился к столу президиума, на мгновение застыл, с видимым интересом вглядываясь в физиономию Орлинского, очень деловито, дотошно ее рассмотрел и при неслыханной тишине в зале сказал:

— Покорнейше благодарю за доставленное удовольствие. Я пришел сюда только затем, чтобы посмотреть, что это за товарищ Орлинский, который с таким прилежанием занимается моей скромной особой и с такой злобой травит меня на протяжении многих месяцев. Наконец-то я увидел живого Орлинского, получил представление. Я удовлетворен. Благодарю вас. Честь имею.

И с гордо поднятой головой, не торопясь спустился со сцены в зал и с видом человека, достигшего своей цели, направился к выходу при оглушительном молчании публики. Шум поднялся, когда Булгакова уже не было в зале».

Пришлось бы поверить мемуаристам, как очевидцам этого события, если б не сохранившаяся стенограмма этого диспута, которая, конечно, пресекает все эти «выдумки». Сейчас, пожалуй, невозможно установить, медленно проследовал М. Булгаков через весь зал или, напротив, возбужденно взлетел на сцену. Да это и не важно. Важно другое: сохранилось живое слово драматурга (пусть и неправленое!), запечатленное в стенограмме, сохранились выступления А. Луначарского, А. Орлинского, П. Юдина, а главное, что среди выступавших был и Павел Александрович Марков, защищавший в то время спектакль, что равносильно подвигу, и пронесший через всю жизнь верность М.А. Булгакову.

В архиве М.А. Булгакова хранятся три списка критиков и писателей, причастных в той или иной мере к травле Булгакова. Списки составлены самим Булгаковым с участием Елены Сергеевны. Приводим их полностью, без какой-либо корректировки.

Первый из них — «Список врагов М. Булгакова по „Турбиным“ — включает следующих лиц: Авербах, Киршон, Пикель, Раскольников Ф. Ф., Кольцов М., Фурер, Сутырин, Пельше, Блюм В. И., Лиров, Горбачев, Орлинский А., Придорогин А., Ян Стэн, Нусинов, Якубовский, Загорский М., Каплун В., Рокотов Т., Маллори Д., Влад. Зархин, Кут Я., Алперс Б., Вакс Б., Масленников Н., Попов-Дубовской, Гроссман-Рощин, Литовский О., Безыменский, Бачелис».

Второй список не имеет заголовка, и в нем отражены: А. Орлинский + , Н. Минский, М. Загорский +, Момус, Г. Горбачев, Влад. Зархин, И. Кор, Бор. Вакс, С. К-ов, Н. Масленников, Сутырин В., Н. Крэн, Попов-Дубовской, Р. И. Рубинштейн, Л. Л. Оболенский +, Р. Пельше +, Амаглобели +, А. Селивановский, Я. Кут, Б. Розенцвейг, И. Гроссман-Рощин, Зельцер, Ник. Никитин, Горев, Р. Пикель +, Арго, Абцев, Г. Лелевич, М. Лиров, Л. Авербах, В. Шкловский, В. Блюм, А. Ценовский, Литовский, Грандов, Киршон +, Билль-Белоцерковский, Ян Стэн, Н. Волков, С. Якубовский, И. Бачелис +, Ермилов, А. Фадеев +, М. Подгаецкий.

На страничке с третьим списком сбоку приписано рукой Е. С. Булгаковой: «Авторы ругательных статей о Мише (см. толстую книгу вырезок, составленную Мишей)». В список включены: В. Гейм (Закгейм?), М. Кубатый?, М. Загорский, Луначарский, Ашмарин, В. Блюм, А. Орлинский, М. Левандов (Левит), А. Ценовский, К. Кр-в, Театрал, М. Бройде, Незнакомец (Борис Дан. Флит), Уриэл (Литовский), А. Безыменский, Ст. Асилов, В. Шершеневич, П. Горский, Момус (Лазарев), О. Литовский, Е. Мустангова, Спутник (Рабинович), А. Флит, П. Краснов, Д. Маллори (Флит), Пингвин (Шершеневич), Г. Рыклин, Горбачев, Садко (Блюм), Юр. Спасский, П. Адуев, Бастос Смелый, Савелий Октябрь (Борис Григ. Самсонов), Рабинович, Гольденберг, Арго, Никита Крышкин, Р. Пикель, Кузьма Пруткин, В. Павлов, Ст. Ас. (Илов?), А. Жаров, П. К-цев, И. Кор, В. Орлов, И. Бачелис, Вс. Вишневский, В. Кирпотин, С. Дрейден, Коллин, Д’Актиль (Френкель), А. Братский (Арк. Бухов), Георг, Намлегин, Бис, Я. С-ой, Машбиц-Веров.

В той же папке, где хранятся все три списка авторов ругательных статей, Е.С. Булгакова оставила копию статьи В. Блюма «Куда не заглядывает критика» (Жизнь искусства, 1925, № 23). Это статья о радиовещании. Вот лишь некоторые выдержки из нее: «[...] Вопроса, нужно ли эту стотысячную аудиторию так глушить чайковщиной, для беззаботной трубки, видимо, и не существует. „Музыкальные пояснения“ ведутся в тоне самого беспардонного, почти психопатического панегирика, — благоговейно приемлется всё!

[...] Традиционное беспробудное народничество совершенно безнаказанно тут „правит бал“... Высшая похвала композитору — провозглашение „национальности“, „самобытности“ его музыки. Даргомыжский оказывается (я записал дословно), „был один из первых, положивших начало русскому направлению в национальной русской музыке“... Ведь это же устарелый, вопиющий вздор, который извинительно было нести в стасовские времена, а не сейчас...»

Кроме того, интересные подробности этого диспута недавно опубликованы с точки зрения агентов ОГПУ, давших в агентурной сводке свои толкования выступлений Луначарского, Орлинского, Маркова, Булгакова и

Я прошу извинения за то, что я просил для себя слова, но, собственно, предыдущий оратор явился причиной того, что я пришел сюда, на эстраду.

Предыдущий оратор сказал, что нэпманы ходят на «Дни Турбиных», чтобы поплакать, а на «Зойкину квартиру», чтобы посмеяться. Я не хочу дискутировать и ненадолго задержу ваше внимание, чтобы в чем-то убедить тов. Орлинского, но этот человек, эта личность побуждает во мне вот уже несколько месяцев, — именно с 5 окт. 26 г., день очень хорошо для меня памятный, потому что это день премьеры «Дней Турбиных», — возбуждает во мне желание сказать два слова. Честное слово, я никогда не видел и не читал его рецензии, в частности о моих пьесах, но у меня наконец, явилось желание встретиться и сказать одну важную и простую вещь, именно, — когда критикуешь, когда разбираешь какую-нибудь вещь, можно говорить и писать все, что угодно, кроме заведомо неправильных вещей или вещей, которые пишущему совершенно неизвестны. Вот об этом просто я и хочу сказать, чтобы избавить т. Орлинского, наконец, от привлекательного желания в выступлениях сообщать неизвестные ему вещи и не вводить публику, которая его слушает, в заблуждение.

Дело заключается в следующем: каждый раз, как только он выступает устно или письменно, по поводу моей пьесы, он сообщает что-нибудь, чего нет. Например, он здесь оговорился фразой «автор и театр панически изменили заглавие своей пьесы». Так вот относительно автора это неправда. О театре, конечно, полностью говорить не берусь, был ли он в состоянии паники, не знаю, но твердо и совершенно уверенно могу сказать, что никакого состояния паники автор «Турбиных» не испытывал и не испытывает, и меньше всего от появления на эстраде товарища Орлинского. Я панически заглавия не менял. Мне автор «Турбиных» хорошо известен. Твердо знаю, что автор настаивал на том, чтобы было сохранено первое и основное заглавие пьесы «Белая гвардия». Изменено оно было, как известно это автору «Турбиных», — а он имеет более или менее точные сведения, — изменено оно было по консультации с тем же автором и по соображениям чисто художественного порядка, причем автор не был согласен с этими соображениями и возражал, но театр оказался сильнее его, представивши ему доводы чисто театральные, именно, что название «Белая гвардия» пьесе не соответствует, ибо нет тех элементов, которые подразумевались в романе под этими словами. И автор в конце концов отступился и сказал: называйте, как хотите, только играйте. Это — первое. Есть одна очень важная деталь, и почему-то критик Орлинский приводит ее с уверенностью, совершенно изумительной. Эта деталь чрезвычайно характерна, как чрезвычайно характерно все, что пишет и говорит Орлинский. Эта маленькая деталь касается денщиков в пьесе, рабочих и крестьян. Скажу обо всех трех. О денщиках. Я, автор этой пьесы «Дни Турбиных», бывший в Киеве во время гетманщины и петлюровщины, видевший белогвардейцев в Киеве изнутри за кремовыми занавесками, утверждаю, что денщиков в Киеве в то время, то есть когда происходили события в моей пьесе, нельзя было достать на вес золота (смех, аплодисменты). Значит, при всем моем желании вывести этих денщиков — я вывести их не мог, хотя бы даже я и хотел их вывести. Но я скажу больше: даже если бы я вывел этого денщика, то я уверяю вас, и знаю это совершенно твердо, что я критика Орлинского не удовлетворил бы (смех, аплодисменты).

Я выступил здесь (и, конечно, не буду больше выступать) не для того, чтобы разжигать страсти, а чтобы извлечь наконец эту истину, которая мучает меня несколько месяцев. (Вернее, мучит критика Орлинского.) Я представлю очень кратко две сцены с денщиком: одну, написанную мною, другую — Орлинским. У меня она была бы такой: «Василий, поставь самовар», — это говорит Алексей Турбин. Денщик отвечает: «Слушаю», — и денщик пропал на протяжении всей пьесы. Орлинскому нужен был другой денщик. Так вот я определяю: хороший человек Алексей Турбин отнюдь не стал бы лупить денщика или гнать его в шею — то, что было бы интересно Орлинскому. Спрашивается, зачем нужен в пьесе

др. (см. «Независимая газета», 1994, 28 декабря).

этот совершенно лишний, как говорил Чехов, щенок? Его нужно было утопить. И денщика я утопил. И за это я имел неприятность. Дальше Орлинский говорит о прислуге и рабочих. О прислуге. Меня довели до белого каления к октябрю месяцу — времени постановки «Дней Турбиных», — и не без участия критика Орлинского. А режиссер мне говорит: «Даешь прислугу». Я говорю: помилуйте, куда я ее дену? Ведь из пьесы при моем собственном участии выламывали громадные куски, потому что пьеса не укладывалась в размеры сцены и потому что последние трамваи идут в 12 часов. Наконец я, доведенный до белого каления, написал фразу: «А где Анюта?» — «Анюта уехала в деревню». Так вот, я хочу сказать, что это не анекдот. У меня есть экземпляр пьесы, и в нем эта фраза относительно прислуги есть. Я лично считаю ее исторической.

Последнее. О рабочих и крестьянах. Я лично видел и знаю иной фон, иные вкусы. Я видел в этот страшный 19-й год в Киеве, совершенно особенный, совершенно непередаваемый и, я думаю, мало известный москвичам, особенный фон, который критику Орлинскому совершенно неизвестен. Он, очевидно, именно не уловил вкуса этой эпохи, а вкус заключается в следующем. Если бы сидеть в окружении этой власти Скоропадского, офицеров, бежавшей интеллигенции, то был бы ясен тот большевистский фон, та страшная сила, которая с севера надвигалась на Киев и вышибла оттуда скоропадщину.

Вот в том-то и суть, что в романе легче все изобразить, там несчетное количество страниц, а в пьесе это невозможно. Автор «Дней Турбиных» лишен панического настроения, я этого автора знаю очень хорошо, автор изменил фон просто потому, что не ощущал его вкуса, тут нужно было дать только две силы — петлюровцев и силу белогвардейцев, которые рассчитывали на Скоропадского, больше ничего, поэтому когда стали писать критики, я собрал массу рецензий, некоторые видят под маской петлюровцев большевиков, я с совершенной откровенностью могу по совести заявить, что я мог бы великолепнейшим образом написать и большевиков и их столкновение и все-таки пьесы бы не получилось, а просто повторяю, что в намеченную автором «Турбиных» задачу входило показать только одно столкновение белогвардейцев с петлюровцами и больше ничего.

Теперь я бы сказал еще последнее, самое важное. Сейчас критик Орлинский проделал вещь совершенно недопустимую: он взял мой роман и стал цитировать, я знаю, чтобы доказать вам, что пьеса плоха с политической точки зрения. Это совершенно очевидно и понятно, но почему он, например, заявил вам здесь, с эстрады, что, мол, Алексей Турбин, который в романе врач, в пьесе представлен в виде полковника. Действительно, в романе Алексей врач, больше того, там он более прозаичен, там он больше приближается к нэпманам, которые ко всем событиям относятся так, чтобы не уступить своих позиций, но все-таки ошибаются те, кто сознательно сообщает неправду, потому что тот, кто изображен в моей пьесе под именем полковника А. Турбина, есть не кто иной, как изображенный в романе полковник Най-Турс, ничего общего с врачом в романе не имеющий. Значит, или т. Орлинский не читал романа, а если читал, тогда он заведомо всю аудиторию вводит в заблуждение.

Я даже, не имея перед собою текста романа, могу доказать, что это одно и то же лицо: фраза, с которой А. Турбин умирает, — это есть фраза полковника Най-Турса в романе. Это произошло опять-таки по чисто театральным и глубоко драматическим 6 соображениям, два или три лица, в том числе и полковник, были соединены в одно, потому, что пьеса может идти только 3 часа, до трамвая, там нельзя все дать полностью.

Так вот я и выступаю не для дискуссии, а чтобы сказать, что очень часто сообщают сведения неверные. Я ничего не имею против того, чтобы пьесу ругали как угодно, я к этому привык, но я хотел бы, чтобы сообщали точные сведения. Я утверждаю, что критик Орлинский эпохи 1918 года, которая описана в моей пьесе и в романе, абсолютно не знает.

Дальше опять-таки т. Орлинский неверно цитирует мой роман и предъявляет совершенно неприемлемые требования в отношении к пьесе в виде денщиков и прислуги и т, д. Вот приблизительно все, что я хотел сказать, больше ничего (аплодисменты).

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

24 февраля 1927 г. Москва

Дорогая Надя,

Два билета тебе, а один (амф. 2 ряда) Марусе [2]. Все на завтра.

М.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [3]

5/IX. 27

Дорогая Надя,

все эти дни собираюсь к тебе и не могу собраться из-за хлопот с новой квартирой [4]. Дорогая Надя, пожалуйста, не сердись на нас за переход Маруси: ни я, ни Люба ничего не сделали для того, чтобы «сманить» ее. Наоборот, я все время говорил о том, что она не может оставить Надежду Афанасьевну на произвол судьбы (между нами!). Ответ неизменный:

— Я все равно собралась уходить.

Кстати: выпиши ее, она прописалась к нам.

Целую (я и Люба) тебя, Андрея и семейство.

Твой *Мих(аил).*

Приезжай к нам скорее, (трамв. 17) Больш. Пироговская 35-а, кв. 6. тел. 2-03-27. (авт. № 5).

Приписка Л.Е. Булгаковой-Белозерской:

Целую вас всех и прошу не считать меня за «интриганку», совесть моя чиста. Ей-богу!

Приезжай! Л юба.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [5]

19 октября 1927 года

Дорогая Надя,

на завтра «Турб.» могу дать два билета, тебе и Вере (ты говорила, что Леля занята). Обязательно завтра пусть кто- нибудь из Вас зайдет ко мне в 12 час. дня, точно [6].

---

[1] *Письма. Печатается и датируется по диазокопии с автографа (ОР РГБ).*

[2] Домработница у Земских.

[3] *Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ)*

[4] 1 августа 1927 года М. Булгаков подписал договор на аренду трехкомнатной квартиры на Пироговской. Радостные хлопоты полностью захватили его в эти дни.

[5] *Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ)*

[6] В сентябре 1927 г. пришло известие о снятии «Дней Турбиных» из репертуара МХАТ. Об этом же сообщала и «Вечерняя Москва» 17 сентября. Однако активные действия руководства МХАТ и особенно К.С. Станиславского позволили отстоять пьесу на некоторый срок. Большую положительную роль при этом сыграл К.Е. Ворошилов. В архиве сохранилось благодарственное письмо К.С. Станиславского К.Е. Ворошилову.

Ваш М.

P.S. Трояновские приезжают в пятницу. Звонила ли ты?

Приписка на полях:

Ваши готовы. Только 3. Остальные позже. Ответьте с Марусей, кто пойдет завтра.

Во Всесоюзное Общество Культурной Связи с заграницей (ВОКС) [1]

28 ноября 1927 г.

Прилагаемое при сем письмо в редакцию прошу перевести на соответствующие нижеследующим городам иностранные языки и напечатать в заграничных газетах в Риге, Ревеле, Берлине, Париже и Вене.

Прошу не отказать в любезности прислать мне копии переводов.

М. Булгаков.

Всесоюзному Обществу Культурной Связи с заграницей (ВОКС) Письмо в редакцию [2]

28 ноября 1927 г.

Гражданин редактор, не откажите напечатать следующее! Мною получены срочные сведения, что за границей появился гр. Каганский и другие лица, фамилии коих мне еще не известны, которые, ссылаясь на якобы имеющуюся у них мою доверенность, приступили к эксплуатации моего романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных».

Настоящим извещаю, что никакой от меня доверенности у гр. Каганского и у других лиц, оперирующих сомнительными устными ссылками, нет и быть не может.

Сообщаю, что ни Каганскому, ни другим лицам, утверждающим это устно, я экземпляров моих пьес «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» не передавал. Если у них такие экземпляры имеются, то это списанные или приобретенные без ведома автора и без ведома же автора отправленные за границу экземпляры. Возможна наличность черновиков или гранок незаконченного в СССР печатанием романа «Белая гвардия», присвоенного незаконным путем.

Настоящим прошу с Каганским или другими лицами, действующими при помощи сомнительных заявлений, ни в какие сделки по поводу постановки «Дней Турбиных» или инсценировок моего романа для кино или драмтеатра, или переводов на иностранные языки, или печатания на русском языке не вступать.

Всех, кому известно местопребывание Каганского или вышеописанных лиц, прошу мне об этом местопребывании сообщить.

Сообщаю, что по вопросу о постановке моих пьес в Европе я вступил в переговоры за

---

20 октября 1927 г. «Дни Турбиных» впервые в новом сезоне были поставлены на сцене МХАТ. Именно на этот спектакль Михаил Афанасьевич и оставил два билета сестрам Надежде и Вере, хотя по приписке видно, что он достал уже три билета. Вообще, Булгаков очень внимательно относился к родственникам и по мере возможности отзывался на их просьбы. Но судьба спектакля продолжала вызывать у него беспокойство. Так в одном из своих альбомов он записал: «1927 год. Ноябрь. Продолжение травли».

[1] *Книжное обозрение, 1988, 26 августа. Печатается и датируется по первому изданию.*

[2] *Булгаков Михаил. Дневник.Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Составитель В.И. Лосев. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 37).*

границей пока лишь с переводчиком Арнольдом Вассербауэром в Вене (на Австрию и Германию), переводчиком Владимиром Львовичем Бинштоком в Париже (через Московское общество драматических писателей), оказывающим мне любезное содействие для моего вступления во французское общество драматических писателей и композиторов, и театром «Compagnie Pitoeff» в Париже, приславшим мне предложение с одновременным извещением об этом Народного комиссара просвещения о постановке «Дней Турбиных» на французском языке.

Прошу тех, кто может это сделать в Берлине, написать мне фамилию лица или название издательства, выпустившего в свет перевод «Дней Турбиных» без моего разрешения.

Мой адрес: Москва, Большая Пироговская, 35 б, кв. 6, тел. 2-03-27.

Заграничные газеты прошу это письмо перепечатать.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

28 ноября 1927 г.

1928

Письмо в редакцию [1]

9 января 1928 года

Господин редактор, будьте так добры, поместите в вашей газете следующие строки:

Я получил известие из-за границы, что некий Каганский и еще некоторые личности, имена которых мне неизвестны, уверяют, что у них есть мое разрешение на эксплуатацию моего романа «Белая гвардия» и пьесы моей «Дни Турбиных».

Настоящим я заявляю, что никакого разрешения ни Каганскому, ни другим лицам — я не давал.

Добавлю к этому, что ни Каганский, ни другие лица, несмотря на их заверения, не получали от меня экземпляров моих пьес «Дни Турбиных» и «Зойкиной квартиры». Если таковые экземпляры находятся у них в руках, то это могут быть лишь списанные копии или экземпляры, полученные ими без разрешения и без ведома автора и таким же способом пересланные за границу. Весьма вероятно, что это черновики или наброски романа «Белая гвардия», которые не появлялись в СССР, то есть материалы, полученные нелегальным путем.

Настоящим я настаиваю, чтобы ни с Каганским, ни с другими лицами не были бы ведены переговоры (в результате их сомнительных заявлений), — будь то о постановке на сцене «Дней Турбиных», будь то об инсценировке романа для театра или для кино и, наконец, будь то речь о переводе на иностранные языки или о публикации на русском языке.

Всех, кто знает адреса Каганского или других вышеупомянутых личностей, я настоятельно прошу сообщить мне эти адреса.

По поводу представлений моих пьес в Европе я начал переговоры исключительно — с переводчиком Арнольдом Вассербауэром в Вене (для Австрии и Германии) и с переводчиком Владимиром Бинштоком в Париже (при посредстве Общества драматургов в Москве) — последний предлагает мне свое любезное содействие для вхождения моего в Общество французских драматургов и композиторов. Наконец, — с театром Питоевых в Париже, который мне предложил поставить пьесу «Дни Турбиных» на французском языке, послав предварительно это предложение Народному комиссару просвещения.

Я прошу любого человека, проживающего в Берлине, располагающего какими-либо сведениями по данному делу, сообщить мне имена людей или названия издательств,

---

[1] *Вопросы литературы, 1966, № 9. Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19,ед. хр. 37).*

выпустивших перевод «Дней Турбиных» без моего разрешения.

Мой адрес: Москва, Большая Пироговская 35-б, кв. 6, т. 2-03-27.

Просьба перепечатать в иностранных газетах.

Михаил Булгаков.

Москва, 9/1 — 1928 г.

Арнольду Вассербауэру [1]

Прошу извинения, что задержал ответ на Ваше письмо [2]. Причина — моя болезнь.

По вопросу о переводе «Зойкиной квартиры» и «Дней Турбиных» сообщу в следующем письме подробно. Я согласен представить Вам перевод этих двух пьес, но на условиях, которые придется несколько изменить. Поэтому присланный Вами мне перевод с исправлениями я верну Вам в следующем письме. Сейчас принимаю меры к получению разрешения на посылку Вам манускриптов.

Вы мне окажете громаднейшую любезность, если прилагаемое при сем **письмо в редакцию** Вы напечатаете широко в венских и берлинских газетах.

Мой адрес: Москва, Большая Пироговская, д. 35 б, кв.6.

Тел. 2-03-27.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

30/I — 1928 года. Москва.

М.А. Булгаков — административному отделу Моссовета
В дополнение к заявлению в АОМС — М.А. Булгакова [3]

Цель поездки за границу [4]

---

[1] *Булгаков Михаил. Дневник. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 37). Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Составитель В.И. Лосев.*

[2] Арнольд Вассербауэр писал Булгакову:

«Многоуважаемый Михаил Афанасьевич, оба Ваших письма и манускрипт я уже получил и уже успел приняться за работу. Надеюсь, что дело пойдет быстро и Вы в скором времени будете знать результат. Контракты, составленные согласно Вашему желанию, вышлю не позже, чем через два дня. Если у Вас есть какие-нибудь дополнительные замечания относительно Ваших пьес, прошу сообщить мне возможно скорее. Что касается заметок в газеты по поводу г. Каганского, то я предпринял что мог: копию Вашего заявления я отправил в редакцию газеты „Дни“, кроме того, отправил заявления в немецкие газеты. Относительно последнего — не знаю, какие будут результаты...

Свою работу я постараюсь исполнить возможно лучше и приложу все усилия, чтобы оправдать Ваше доверие».

Но из этого сотрудничества ничего не вышло из-за профессиональной непригодности переводчика.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 27, ед. хр. 11).*

[4] Примерно в середине февраля М.А. Булгаков подает заявление о двухмесячной поездке за границу. 21 февраля он пишет дополнение к заявлению, которое озаглавливает так: «Цель поездки за границу». Заявлению предшествовали события, о которых следует упомянуть. В Риге в 1927 г. было выпущено отдельное издание «Белой гвардии» без ведома и разрешения автора. При этом третья часть романа вообще была придумана, а первые части существенно искажены. В архиве писателя сохранились «заметки и комментарии» Н.А. Земской к этому изданию («О так называемой „III-ей части“ романа „Белая гвардия“»), в которых, в частности, отмечается: «В рижском издании романа „Белая гвардия“ без всякого основания и права дан подзаголовок „Дни

Еду, чтобы привлечь к ответственности Захара Леонтьевича Каганского, объявившего за границей, что он, якобы, приобрел у меня права на «Дни Турбиных», и на этом основании выпустившего пьесу на немецком языке, закрепившего за собой «права» на Америку и т.д.

Каганский (и другие лица) полным темпом приступили к спекуляции моим литературным именем и поставили меня в тягостнейшее положение. В этом смысле мне необходимо быть в Берлине.

В Париж еду, чтобы вести переговоры с Театром Mathurins (постановка «Дней Трубиных»), вести переговоры с Société des auteurs dramatiques [1], в которое я вступил.

Прошу отпустить со мной жену, которая будет при мне переводчиком. Без нее мне будет крайне трудно выполнить все мои дела (не говорю по-немецки).

В Париже намерен изучать город, обдумать план постановки пьесы «Бег», принятой ныне в Московский Художественный Театр (действие V «Бега» в Париже происходит)

Поездка не должна занять ни в коем случае более 2-х месяцев, после которых мне необходимо быть в Москве (постановка «Бега»).

Надеюсь, что мне не будет отказано в разрешении съездить по этим важным и добросовестно изложенным здесь делам.

М. Булгаков

21/II 1928 г.
Москва Больш. Пироговская 35/а кв. 6.
Телеф.— 2-03-27

Турбиных“. В романе, написанном М.А. Булгаковым, такого подзаголовка не было, да и не могло быть: заглавие „Дни Турбиных“ дано автором Мих. Булгаковым пьесе, созданной позднее романа и значительно творчески переработанной. Это — два разных произведения, и их не следует ни смешивать, ни считать одним произведением.

М.А. Булгаковым были написаны три части романа „Белая гвардия“. Части первая и вторая были напечатаны в 1925 году в журнале „Россия“ №№ 4 и 5 [...]

Часть третья напечатана не была, т. к. журнал „Россия“ прекратил свое существование.

Издатели рижского издания 1927 года использовали, по-видимому, печатный текст первой и второй части; но рукописи третьей части они не имели. Это не остановило их, и ими был состряпан текст, который они беззастенчиво выдали за третью часть романа Мих. Булгакова. Эта „III-я часть“ составлена отчасти по тексту пьесы „Дни Турбиных“, отчасти по фантазии составителей. Мих. Афан. Булгаков никогда ничего подобного не писал, и эта грубая, бездарная и тенденциозная стряпня не имеет ничего общего с подлинной третьей частью романа (...)

Тенденциозные искажения сделаны в рижском издании 1927 года и в первой и второй частях романа». А дальше Н.А. Земская детально разбирает допущенные «неувязки и несуразности».

Примерно в это же время стало известно, что бывший издатель «России» З.Л. Каганский развернул активную деятельность по подготовке к изданию «Белой гвардии» и в других странах. Возмущенный таким поворотом событий, Булгаков пишет в декабре 1927 г. советскому представителю Управления охраны авторских прав в Париже: «Я получил известие из-за границы, что некий Каганский и еще некоторые личности, имена которых мне неизвестны, уверяют, что у них есть мое разрешение на эксплуатацию моего романа „Белая гвардия“ и пьесы моей „Дни Турбиных“.

Настоящим я заверяю, что никакого разрешения ни Каганскому, ни другим лицам не давал». Вместе с тем он опасался, что бывшие издатели-мошенники могли использовать черновые материалы, которые получили нелегальным путем. В связи с этим он просил опубликовать его письмо в иностранных газетах.

Вторым обстоятельством, побудившим его написать заявление о поездке за границу, стало общение Булгакова с театрами Парижа, которые намеревались поставить «Дни Турбиных». В связи с этим Булгаков вступил в парижское «Общество авторов-драматургов» и предполагал наладить с ними творческие контакты. Поездку в Париж он намеревался использовать также для обдумывания плана постановки пьесы «Бег».

Административный отдел Моссовета посчитал цель поездки недостаточно обоснованной и не выдал разрешения на выезд за границу. Это решение было принято 8 марта 1928 г.

[1] Общество авторов-драматургов в Париже.

P.S. Отказ в разрешении на поездку поставит меня в тяжелейшие условия для дальнейшей драматургической работы.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

3/III. 28

Обещаю читать «Бег» (скоро) [2].

М.Б.

«Письмо М.А. Булгакова» [3]

16 марта 1928 г.

Я, Михаил Афанасьевич Булгаков — автор пьесы «Дни Турбиных», прошу огласить следующее:

В газете «Дни», в конце февраля 1928 года, под заголовком «Дело М.Булгакова» появилось письмо в редакцию Захара Леонтьевича Каганского [4].

З.Л. Каганский сообщает, что он пьесу «Дни Турбиных» получил от М. Булгакова через его уполномоченного.

Я — М. Булгаков — извещаю всех, что, во-первых, у меня нет и не было никакого уполномоченного. Во-вторых, ни через какого уполномоченного ни одной из моих пьес я г. З. Каганскому не передавал, и, даже будь у меня уполномоченный, ни в коем случае именно

---

[1] *Вопросы литературы, 1984, № 11. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Пьеса «Бег» была задумана Булгаковым в 1926 г. Первые сообщения о работе над пьесой, «рисующей эпизоды борьбы за Перекоп», появились в прессе в марте — апреле 1927 г. В апреле этого же года драматург заключает договор с МХАТом на эту пьесу, которая называлась «Рыцарь Серафимы» («Изгои»). К осени 1927 г. пьеса была закончена и получила новое название — «Бег». В январе 1928 г. состоялась читка пьесы во МХАТе. Известно, что при этом присутствовал К.С. Станиславский. 1 марта 1928 г. был подписан уже новый договор с театром, теперь на пьесу «Бег». Таким образом, Булгаков обещал прочитать пьесу родственникам сразу же после подписания этого договора.

[3] *Вопросы литературы, 1966, № 9. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 37). Комментарии В.И. Лосева.*

[4] В письме от 29 февраля 1928 года В.Л. Бинштоп сообщал: «Посылаю. Вам письмо Каганского, напечатанное три дня тому назад в газете „Дни“».

Печатаем это «письмо» З.Л. Каганского полностью:

«ДЕЛО М. БУЛГАКОВА

(Письмо в редакцию)

Многоуважаемый г. Редактор!

В номере „Дней“ от 23 с. м. напечатано письмо г. А. Вассербауэра и заявление г. М. Булгакова, настоящим, в целях восстановления истины, сообщаю:

1) Я, как владелец издательства „Россия“, приобрел от г. М. Булгакова не только право на напечатание „Белой гвардии“ в журнале „Россия“, но право издания и отдельной книгой. Договор не просрочен и не аннулирован, деньги г. М. Булгаков получил от меня полностью. То, что журнал „Россия“ был закрыт в 1926 году, не является основанием для нарушения договора г. М. Булгаковым.

2) Пьесу „Дни Турбиных“ я получил от г. М. Булгакова через его уполномоченного, которому выдал определенный аванс за пьесу, взяв на себя обязательство платить г. М. Булгакову через его уполномоченного.

3) Мой почтовый адрес: Берлин, Момзенстрассе, 49.

Я не отказываюсь от суда коронного или третейского, куда доставлю все документы по этому делу.

С совершенным почтением З.Л. Каванский.

Временно: Париж, Отель Бельфас 10, авеню Крио».

г. З. Каганскому не передал бы.

Г-н З. Каганский пишет, что он выдал определенный аванс уполномоченному М. Булгакова, а я — М. Булгаков — сообщаю, что никакого аванса г. З. Каганский ни мне, ни уполномоченному не выдавал.

Г-н З. Каганский пишет, что он взял на себя обязательство платить мне — М. Булгакову. Я — М. Булгаков — сообщаю, что никакого обязательства г. З. Каганский не брал на себя, а если и взял перед не существующим в природе уполномоченным, то блестяще его (обязательство) не выполнил — ни одной копейки за пьесу «Дни Турбиных» ко мне от г. З. Каганского не поступало и не поступает.

Кроме того, я сообщаю, что в заголовке письма г. З. Каганского есть неточность: это не «Дело М. Булгакова», а «Дело З. Каганского».

И дело это заключается в следующем:

Г-н З. Каганский ухитрился без моего ведома достать в России один из первых вариантов пьесы «Дни Турбиных» и выпустить его в переводе на немецкий язык в Берлине, снабдив издание ложной пометкой «Авторизованный перевод». Затем г. З. Каганский, не имея на то никаких прав, приступил к закреплению за собой «Дней Турбиных» не только в Европе, но и в Америке и к извлечению прибылей из героев пьесы М. Булгакова.

Когда я, М. Булгаков, которому г. З. Каганский своими действиями причинил ущерб и крупные неприятности, приступил к извлечению из рук г. З. Каганского моей собственной пьесы, г. З. Каганский, в расчете на то, что Булгакову трудно будет дотянуться до Каганского из Москвы, напечатал ложное сообщение о том, что он якобы приобрел «Дни Турбиных» вместе с романом «Белая гвардия» у М. Булгакова (газета «Дни», в январе 1928 г.).

После опровержения М. Булгакова 7 г.З. Каганский в газете «Дни» напечатал уже иное ложное сообщение, именно, что он якобы получил «Дни Турбиных» через уполномоченного М. Булгакова.

Мне неизвестно, что напечатает г. З. Каганский в третий раз, но мне хорошо известно, и об этом я считаю долгом предупредить всех, что прежде чем читать (или печатать) письма г. З. Каганского, к ним следует отнестись с сугубой осторожностью.

Итак, вторично сообщаю, что ни на роман «Белую гвардию», ни на пьесу «Дни Турбиных» З. Л. Каганский прав не имеет.

Г-на З. Каганского я привлекаю к ответственности [1].

---

[1] Вскоре Булгаков понял, что одержать верх над профессиональными дельцами в газетной дуэли он не сможет. Тем более что и сообщения из ВОКСа, Драмсоюза, юридических консультаций не были утешительными. Вот что писал Булгакову 3 марта 1928 года обслуживавший его опытный юрист И.Я. Рабинович: «Поскольку между Россией и европейскими странами нет конвенции, издание пьесы, равно как и исполнение ее на сцене, никем никому возбраняемо быть не может. Всякий конфликт, который возникает на этой почве, будет на руку лишь тому, кто пожелает воспользоваться отсутствием защиты у автора [...] В частности, с Каганским дело обстоит так. То, что он до сих пор сделал самовольно, и его ссылки на старый договор я считаю лишенными всякого правового основания. Но дело не в этом, а в том, что этот энергичный и чрезвычайно ловкий человек сумел перевести пьесу на немецкий язык, издать ее (им закреплено авторское право в Европе) и зарегистрировать пьесу в Америке, что, опять-таки, создает для нее правовую охрану. Думаю, что и в смысле постановок Каганский, с которым я, как постоянный юрисконсульт Толстого, Щеголева, Замятина, Федина и Лавренева, заключил ряд договоров, многого добьется и лучше кого бы то ни было устроит пьесу в Европе и Америке. Всякий конфликт лишь разрушит все сделанное [...] Поэтому мой совет сводится к тому, чтобы, не порывая с Каганским [...] поставить его под серьезный и основательный контроль [...] В смысле контроля я связался с очень крепкой и солидной театрально-издательской фирмой Берлина...»

Примерно то же самое сообщили Булгакову и юристы из ВОКСа (письмо от 6 марта подписали И. Коринец и И. Рейзин). Ссылаясь на мнения зарубежных издательств, они отмечали, что «при существующих неясностях правовых взаимоотношений» между СССР и Германией в вопросах защиты авторских прав — интересы авторов можно осуществить «только путем индивидуального соглашения какого-нибудь писателя с соответствующими издательствами об авторизации произведений в чужой стране. Такая „авторизация“, с одной стороны, может заполнить пробелы, вызванные отсутствием конвенции, с другой стороны, дает писателю гарантию, что его сочинения будут опубликованы в действительно хороших переводах и форме, обеспечивающей авторитет советской литературы перед немецким читателем».

По сути, круг замкнулся. Оказалось, что З.Л. Каганский, овладев незаконно рукописями Булгакова и издав их

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Москва, Б. Пироговская 35-6, кв, 6.
16-го марта 1928 г.

Собственноручную подпись члена Драмсоюза, драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова Драмсоюз удостоверяет

Уполномоченный Общества И. Стрельников.

М.А. Булгаков — Е.И. Замятину [1]

Москва, 12 апреля 1928 г.

Дорогие Людмила Николаевна[2] и Евгении Иванович! Москва встретила меня кисло [3], и прежде всего я захворал. Тем не менее Канторовича [4] я постараюсь найти. В тоске покидая

за рубежом, «защитил» тем самым права автора. А единственной возможностью хоть как-то воздействовать на процесс «использования» рукописей за границей могла быть договоренность с одним или несколькими зарубежными издательствами о защите его авторских прав на невыгодных для автора условиях.

И предложения автору тут же поступили. Солидное берлинское издательство Фишер-Ферлаг (основано в 1886 г.) направило Булгакову письмо (от 28 марта 1928 г.) с предложением о сотрудничестве (видимо, по рекомендации И.Я. Рабиновича). Чтобы как-то смягчить настрой Булгакова в отношении Каганского, немецкое издательство изложило в своем письме содержание «покаянного» заявления самого Каганского:

«Относительно Вашего письма Каганский высказался следующим образом: он никогда не имел намерений нарушить интересы автора и продавать произведение, не уплачивая гонорара. Ваше произведение он получил от одного господина, который выдавал себя за Вашего уполномоченного, и, как видно из письма-векселя между Каганским и этим господином, он произвел платеж в двести долларов, которые, очевидно, этот господин Вам не прислал. Равным образом, он обязался выпустить это произведение за границей и Вам, как автору, уплачивать часть поступающих денег. К сожалению, кажется, судя по Вашему письму, этот уполномоченный не присылал Вам ни платежей, ни сообщения о своем соглашении с г. Каганским. Г-н Каганский действовал в уверенности, что он, на основании этой уплаты и этого соглашения, распоряжается правами перевода и может поэтому перевести это произведение на свой счет, дать его печатать и передать нам права для сцены. Он действовал, как нам кажется, всецело в Ваших интересах, но если Вы держитесь того мнения, что в будущем Вам лучше иметь дело с нами, а не с г. Каганским, то мы делаем Вам следующее предложение:

Вы передаете непосредственно нам право представления Вашей пьесы за границей с тем, что мы Вам будем уплачивать 50% со всех получении за представления, в то время как мы берем на себя полностью все расходы. Думаем, что при такой оплате, и при том, что от первоначальных шагов г. Каганского Вам не только нет никакого убытка, но, напротив, даже польза, в смысле охраны Ваших авторских прав, — такой выход покажется Вам приемлемым».

В сложившейся ситуации Булгакову ничего не оставалось, как принять предложение берлинского издательства. Договор был заключен 13 апреля 1928 года, в котором были определены следующие права сторон:

«1. Господин Булгаков передает издательству С. Фишер полное и исключительное право постановки своего произведения „Дни семьи Турбиных“ — „Белая гвардия“ во всех странах, кроме России, и одновременно дает ему полномочия принимать меры против противозаконных постановок, заключать последующие договоры со ставящими театрами, согласовывать долю прибыли, получение денег, и на судебное и внесудебное взыскание денег. Издательство же С. Фишер полностью принимает на себя обязательства предлагать это произведение в этих странах к постановке и охранять интересы этого произведения всеми способами.

2. Господин Булгаков получает от поступлений долю прибыли в 50% (пятьдесят процентов) в ежемесячном отчислении, в то время как издательство С. Фишер принимает на себя все расходы, проистекающие из этой деятельности, особенно что касается переводов и продаж...» (см.: Творчество Михаила Булгакова, кн. 2, с. 358).

[1] *Памир, 1987, № 8. Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Людмила Николаевна (1887—1965) — жена Евгения Ивановича Замятина.

[3] М. А. Булгаков был несколько дней в начале апреля в Ленинграде.

[4] Очевидно, речь идет о писателе и журналисте Владимире Яковлевиче Канторовиче (1901—1977), который

Ваш очаровательный город, не то у Вас, не то у Николая Эрнестовича [1] на вешалке забыл свой шарф (двухцветный — лиловый с черным). Пришлите мне его! Передайте всем привет от меня! Желаю Вам весело провести праздники [2].

Ваш *М. Булгаков.*

Москва, Б. Пироговская 35-а, кв. 6, телеф. 2-03-27.
P.S. Москва — противная.

М.А. Булгаков — Е.И. Замятину [3]

Гудермес (на Кавказе) [4]*22 апреля 1928 г.*
Дорогой Евгений Иванович!
Поручение Ваше выполнил, — говорил с Канторовичем. Он еще не получил роман Эренбурга, обещал Вам его послать по получении.
Совершенно больной еду в Тифлис. Привет Людмиле Николаевне.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — Ягоде Г. Г. [5]

Заместителю Председателя Коллегии ОГПУ Т. Ягоде

литератора
Михаила Афанасьевича
Булгакова

Заявление
Так как мне по ходу моих литературных работ необходимо перечитать мои дневники, взятые у меня при обыске в мае 1926 года, я обратился к Алексею Максимовичу Горькому с просьбой ходатайствовать перед ОГПУ о возвращении мне моих рукописей, содержащих крайне ценное лично для меня отражение моего настроения в прошедшие годы (1921—1925) [6].

весной 1928 г. вернулся из Парижа, где встречался с И.Г. Эренбургом. В ОР РГБ сохранилось письмо Е.И. Замятина к Канторовичу.

[1] Речь идет о художнике Николае Эрнестовиче Радлове (1889—1942).

[2] Пасха в 1928 г. приходилась на 16 апреля.

[3] *Памир, 1987. № 8. Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[4] М.А. Булгаков вместе с женой — Л.Е. Булгаковой-Белозерской посетили в апреле 1928 г. те места (Тифлис—Батум), которые надолго врезались в память писателя. Об этой поездке достаточно подробно написано в воспоминаниях Л.Е. Белозерской.

[5] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Печатается по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 27, ед. хр. 9). Комментариии В.И. Лосева.*

[6] Вновь обращаем внимание на указанные Булгаковым годы дневника — 1921—1925. Это означает, что не исключены новые находки булгаковских рукописей (возможно, в виде фото и других копий).

Алексей Максимович дал мне знать, что ходатайство его успехом увенчалось, и рукописи я получу [1].

Но вопрос о возвращении почему-то затянулся.

Я прошу ОГПУ дать ход этому моему заявлению и дневники мои мне возвратить.

М. Булгаков.

[Лето 1928 г.]

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [2]

(Из Москвы, в Каширу)

Дорогая Надя!

Маруся просила сообщить Насте [1], что в союзе ее не отмечают, нужно быть лично!

---

[1] М. Горький возвратился в Россию 28 мая 1928 года. Булгаков обратился к нему с просьбой, видимо, чуть позже. Во всяком случае, в архиве писателя сохранились два документа, представляющих исключительный интерес. Первый из них — доверенность писателя на получение его дневника в ОГПУ, выданная Е.П. Пешковой.

Доверенность

Рукописи мои — три тетради под заглавием «Мой дневник», писанные от руки, и экземпляр моей повести «Собачье сердце», писанный на машинке, — которые находятся в ОГПУ и которые, по сообщению от А.М. Горького, мне обещали вернуть, доверяю получить Екатерине Павловне Пешковой.

Михаил Булгаков.

Москва, Б. Пироговская 35-б, кв. 6
телеф. 2-03-27
Подпись члена Драмсоюза М.А. Булгакова удостоверяю
Член Правления Драмсоюза: (подпись)
6/VII—28.
Второй документ — записка Е.П. Пешковой Булгакову.
14/VIII—28
Михаил Афанасьевич!
Совсем не «совестно» беспокоить меня. О рукописях Ваших я не забыла и 2 раза в неделю беспокою запросами о них кого следует.
Но лица, давшего распоряжение нет в Москве. Видимо потому вопрос там затянулся. Как только получу их, извещу Вас.

Жму руку. Ев. Пешкова.

И на этот раз Булгаков не смог выручить свои рукописи из ОГПУ. Его письма к М. Горькому и Е. Пешковой, которые могли бы внести какую-то ясность в этот вопрос, пока не обнаружены. По неподтвержденным сведениям, Булгакову возвратили его рукописи из ОГПУ в промежутке между декабрем 1929 и мартом 1930 гг. после обращения писателя с письмом к А.И. Рыкову.

Любопытно свидетельство о Е.П. Пешковой Ромена Роллана, хотя оно и относится к 1935 году. Пребывая в СССР, на одном из ужинов, где присутствовала такие личности, как Ягода, Радек и прочие «звезды» режима, разговаривал и с Пешковой. «Во время ужина и после него, — записал он в своем дневнике, — я разговаривал со своей соседкой госпожой Екатериной П. Пешковой. Она находится (но скрывает это) в оппозиции, ко всему этому окружению. В Красном кресте, которым руководит, она не может, по ее словам, больше ничего делать. Она отчаялась. Она очень враждебно относится к Ягоде и сурово осуждает его». (Вопросы литературы, 1989, № 4, с.247).

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

Пусть Настя сама приедет на отметку!

Твой *Михаил.*

Привет!
26/VI—1928 г.

М.А. Булгаков — Л.Е. Булгаковой-Белозерской [2]

18 августа. Конотоп

Дорогой Топсон 8. Еду благоплучно, и доволен, что вижу Украину. Только голодно в этом поезде зверски. Питаюсь чаем и видами. В купе я один и очень доволен, что можно писать. Привет домашним, в том числе и котам. Надеюсь, что к моему приезду второго уже не будет (продай его в рабство). Тиш, тиш, тиш. Твой М.

18 августа 28 г. под Киевом.

Дорогой Топсон, я начинаю верить в свою звезду: погода испортилась!

Твой *М.*

Тиш, тиш, тиш!
Как тянет земля, на которой человек родился.

---

[1] Очевидно, домработница Земских, находившаяся вместе с ними на отдыхе под Каширой. Речь идет о профсоюзе домработниц, защищавших их права.

[2] *Письма.*

Эти письма, извлеченные из рукописных воспоминании Л.Е. Белозерской (ОР РГБ), были прокомментированы ею самой: «У меня сохранилось много разных записок, открыток, посланных М. А. из различных мест. Вот 1928 год. Он едет на юг». Топсон — «это одно из моих многочисленных прозвищ». «Поясню, что такое „тиш, тиш, тиш“. Это когда кто-нибудь из нас бушевал, другой так его успокаивал».

И еще приведем здесь одно важное свидетельство Л.Е. Белозерской: «Есть и рисунки. Существовал у нас семейный домовой Рогаш. Он появлялся всегда неожиданно и показывал свои рожки: зря нападал, ворчал, сердился по пустому поводу.

Иногда Рогаш раскаивался и спешил загладить свою вину. На рисунке М. А. он несет мне, Любанге, или сокращенно Банге, кольцо с брильянтом в 5 каратов. Кольцо это, конечно, чисто символическое... Из дорогих вещей М. А. подарил мне хорошие жемчужные серьги, которые в минуту жизни трудную я продала. А вот имя Банга перешло в роман „Мастер и Маргарита“. Так зовут любимую собаку Пилата!..»

В это время М.А. Булгаков скорее всего дорабатывал пьесу «Бег», законченную весной 1928 г. и обсужденную в театре. Пьеса была снята с репертуара, но у Булгакова были еще надежды на осень, когда предстояло ее широкое обсуждение с приглашением А.М. Горького. И действительно, обсуждение состоялось. Алексей Максимович Горький говорил 9 октября 1928 г., что он не видит «никакого раскрашивания белых генералов». «Это — превосходнейшая комедия, я ее читал три раза и читал и другим товарищам. Это — пьеса с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием. Хотелось бы, чтобы такая вещь была поставлена на сцене Художественного театра... „Бег“ — великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех, уверяю вас». В том же духе выступил и Вл. И. Немирович-Данченко: «Главрепертком ошибся в своей оценке пьесы, по всей вероятности, потому, что в пьесе очень много комедийного, которое пропадает, когда пьеса читается не на публике»...

11 октября 1928 г. «Правда» сообщила о разрешении постановки «Бега» только в Художественном театре, как и «Дней Турбиных». Но это М.А. Булгаков посчитал победой. Отсюда и такой «бравурный» тон письма от 13 октября 1928 г., написанного «за Харьковом».

Л.Е. Белозерская оборвала цитирование этого письма от 13 октября, дав его завершение в пересказе: «Далее М. А. пишет о декларации, которую надо подавать в фининспекцию. (И приписка: „Не хочу, чтобы выкинули вагон!“) Это выражение имеет свою историю. Мой племянник, когда был маленький, необыкновенно капризничал, особенно за едой. „Не хочу“, только и было слышно. Тогда ему сказали: „Ну что ты капризничаешь? Ты уже все съел!“ — Тогда он заорал: „Не хочу, чтобы съел!“»

19 авг. Я в Одессе, гостиница «Империаль».

М.

13 октября 28 г. За Харьковом.

Дорогой Любан, я проснулся от предчувствия под Белгородом. И точно: в Белгороде мой международный вагон выкинули к черту, т. к. треснул в нем болт. И я еду в другом не международном вагоне. Всю ночь испортили...

М.А. Булгаков — Марилу [1] [2]

[19 сентября 1928 года]

Глубокоуважаемый господин директор!

Так как мое последнее драматическое произведение «Бег» (Der Lauf) еще не разрешен к постановке в России, я не могу до получения разрешения иностранного отдела Главлита это произведение послать за границу.

Между тем я узнал, что мое произведение. «Бег» без моего ведома кем-то через границу переправлено и что некто за границей пытается продать это произведение.

В связи с этим я прошу Вашу фирму, если это только возможно, взять на себя охрану моих прав.

В случае, если я получу разрешение на постановку в России моей новой пьесы «Бег», я Вам тотчас перешлю.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — Е. И. Замятину [3]

Москва, 27 сентября 1928 г.

Дорогой Евгений Иванович!

На этот раз я задержал ответ на Ваше письмо именно потому, что хотел как можно скорее на него ответить.

К тем семи страницам «Премьеры» [4], что лежали без движения в первом ящике, я за две недели приписал еще 13. И все 20 убористых страниц, выправив предварительно на них ошибки, вчера спалил в той печке, возле которой вы не раз сидели у меня.

И хорошо, что вовремя опомнился.

При живых людях, окружающих меня, о направлении в печать этого опуса речи быть не может.

Хорошо, что не послал. Вы меня извините за то, что я не выполнил обещания, я в этом

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн.3, С.-Пт, 1995, с.264. Печатается и датируется по указанному изданию.*

[2] К. Марил — доктор Конрад Марил, директор издательства С.Фишер.

[3] *Памир, 1987, № 8. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[4] В письме к М.А. Булгакову от 15 сентября 1928 г. Е.И. Замятин напоминал Михаилу Афанасьевичу об обещании дать для альманаха Драмсоюза статью под названием «Премьера». Следует отметить, что эта статья была заказана Булгакову в начале года, а ее сдача предусматривалась в апреле месяце.

уверен, если я скажу, что все равно не напечатали бы ни в коем случае.

Не будет «Премьеры»!

Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились.

Плохо не это, однако, а то, что я деловую переписку запустил.

Человек разрушен.

К той любви, которую я испытываю к Вам, после Вашего поздравления присоединилось чувство ужаса (благоговейного) .

Вы поздравили меня за две недели до разрешения «Багрового острова» [1].

Значит, Вы пророк.

Что касается этого разрешения, то не знаю, что сказать. Написал «Бег». Представлен [2].

А разрешен «Б[агровый] остров».

Мистика.

Кто? Что? Почему? Зачем?

Густейший туман окутывает мозги.

Я надеюсь, что Вы не лишите меня Ваших молитв!

А равно также привет Людмиле Николаевне!

Старичок гостил у нас [3].

Вспоминали поездку на взморье. Ах, Ленинград, восхитительный город!

Ваш *М. Булгаков.*

Вы не думайте, Евгений Иванович!

Б. Пироговская 35-а, кв. 6.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [4]

8/X. 1928 г.

Дорогая Надя!

Насчет билетов. Я устрою и дам тебе знать через Любашу. Я не забыл!

Равно также и насчет денег для Коли [5].

Твой *Михаил.*

---

[1] Разрешение на постановку пьесы «Багровый остров» в Камерном театре в конце сентября 1928 г. было несколько неожиданным для Булгакова, поскольку в Репертком эта пьеса была сдана на рассмотрение в марте 1927 г.

[2] М.А. Булгаков полагал, что пьеса «Бег», над которой он работал несколько лет, имеет больше шансов на разрешение к постановке, нежели памфлет «Багровый остров».

[3] Речь идет о Марике Чимишкян — тифлисской знакомой Булгаковых. Однажды она стала участницей очередного розыгрыша Михаила Афанасьевича. Приехав из Тифлиса к Булгаковым, она пошла принимать ванну. В это время к Булгакову зашел П.А. Марков, заведующий литературной частью МХАТа. Михаил Афанасьевич предупредил его, что к ним приехал интересный старичок, который хорошо рассказывает анекдоты. Павел Александрович стал с нетерпением ожидать появления старичка из ванной, но каково же было его удивление, когда он увидел редкой красоты молодую девушку!

Эта забавная история стала известна многим знакомым Булгакова, в том числе и Е.И. Замятину.

[4] *Письма, Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[5] Булгаков и его сестры помогали материально братьям — Николаю и Ивану, оказавшимся в трудном положении на чужбине.

М.А. Булгаков — Издательству Ладыжникова [1]

(Из Москвы в Берлин)

В Издательство Ладыжникова
в Берлине 8-го октября 1928 г.

Настоящим письмом разрешаю Издательству Ladyschnikowa перевод на немецкий язык моей пьесы «Зойкина квартира», включение этой пьесы в число пьес этого издательства и охрану моих авторских интересов на условиях, указанных в письме Издательства Ladyschnikowa от 3-го октября 1928 года.

Сообщаю, что ни г. Лившицу, ни г. Каганскому никаких прав на эту пьесу я не предоставлял. Пьеса в печати в России не появлялась.

Согласен на то, чтобы Издательство Ладыжникова возбудило судебное преследование против лиц, незаконно пользующихся моим произведением «Зойкина квартира», на условиях, что Издательство Ладыжникова, как оно сообщало в письме от 3-го октября 1928 года, примет судебные издержки на себя.

Нотариальную доверенность вышлю Вам, как только она будет готова [2].

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (ОР РГБ).*

М. Булгаков настойчиво продолжал борьбу за свои авторские права. И здесь уже говорилось об этом.

[2] Необходимо, на наш взгляд, более подробно рассмотреть ситуацию, сложившуюся к тому времени с публикацией и инсценировкой произведений Булгакова за границей.

Получив сведения о том, что его роман «Белая гвардия», пьесы «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» стали предметом купли-продажи в руках мошенников, Булгаков решил предпринять активные и, как ему казалось, эффективные действия в защиту своих авторских прав. С помощью ВОКСа и некоторых издателей ему удалось опубликовать в ряде зарубежных газет свои письма-обращения, в которых, разоблачая Каганского и других дельцов, он просил не вступать с ними ни в какие сделки, касающиеся его произведений. Заявления Булгакова были написаны в очень резкой форме и привлекли внимание общественности. Однако Каганский, прибегнув к клевете, не только легко парировал обвинения Булгакова, но и позволил себе еще и поглумиться над ним, озаглавив ответную публикацию «Делом Булгакова».

Поняв, что в газетной дуэли одержать верх над профессиональными дельцами невозможно, Булгаков решил использовать официальные каналы и всю мощь юриспруденции. Он обратился с письмом в Драмсоюз, заключил договор с опытным юристом, прибег к помощи посредников — уполномоченных по ведению его издательских дел (один из них, например, активно действовал в Париже). Однако вскоре выяснилось, что шансов на положительный результат нет. Создалась парадоксальная и безысходная ситуация: защитить его авторские права было некому, любая новая рукопись могла вскоре оказаться в руках мошенников-шантажистов. Здесь уже цитировалось письмо И.Я. Рабиновича, в котором опытный юрист писал о невозможности победить в этом конфликте из-за того, что между Россией и европейскими странами нет конвенции.

Не желая иметь дело с Каганским, Булгаков, используя рекомендации И.Я. Рабиновича, был вынужден обратиться в берлинское издательство «Фишер Ферлаг», которое тут же предложило ему свои услуги. «Вы передаете непосредственно нам, — указывалось в письме издательства, — право представления Вашей пьесы за границей 42 с тем, что мы Вам будем уплачивать 50% со всех получений за представления...» Вскоре соглашение состоялось, и в течение ряда лет Булгаков поддерживал с этим издательством договорные связи.

Между тем поступали другие тревожные сообщения. Уполномоченный Булгакова в Париже В.Л. Биншток в письме от 17 августа 1928 г. уведомлял: «[...] Вчера поехал [...] в эту самую „Конкордию“, которая издала 1-ый том Ваших „Дней Турбиных“, и там я узнал, что [...] это фирма немецкая, и владельцем ее является... наш знакомый... Каганский».

Без разрешения Булгакова ставились его пьесы в Праге, в Риге, в других городах. Стремились урвать свой кусок и издательства. Неоднократно с посредническими предложениями обращалось к Булгакову берлинское издательство Ладыжникова. Уже в декабре 1926 г. оно изъявило желание ознакомиться с текстом пьесы «Дни Турбиных» для «выяснения возможности ее постановки в театрах Германии». Не получив удовлетворительного ответа от автора, издательство продолжало настойчиво искать пути к заключению договора, не без помощи, как впоследствии выяснилось, того же Каганского. При этом был разыгран спектакль, в основу которого была

С искренним уважением

Михаил Булгаков.

Москва, Большая Пироговская 35-а, кв. 6.
Михаил Афанасьевич Булгаков.

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП (б) «О ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА „БЕГ“» [1]

От 30 января 1929 г. № П 62/опр. 8-е

Строго секретно

Опросом членов Политбюро от 30.1.1929 г.
О пьесе Булгакова «Бег».

Принять предложение комиссии Политбюро о нецелесообразности постановки пьесы в театре [2].

положена праведная ненависть писателя к Каганскому. 3 октября 1928 г. издательство направило Булгакову очередное письмо, в котором, в частности, говорилось: «В воскресном номере местной газеты „Vossische Zeilung“ была напечатана одна сцена из „Зойкиной квартиры“, о чем мы считаем, нужным довести до Вашего сведения. Перевод был сделан неким г. Лившицем, который, по имеющимся у нас сведениям, работает для г. Каганского, почему мы и пришли к убеждению, что перевод этот сделан без Вашего согласия и таким образом повторяется та же история, которая произошла с „Днями Турбиных“[...]. Мы охотно готовы взять на себя представительство Ваших интересов, тем более, что произведение это до сих пор в печати ни в России, ни в других странах не появлялось, и, таким образом, напечатав эту пьесу в Берлине, приобретаются права литературной Бернской конвенции [...] Мы готовы возбудить уголовное преследование против упомянутого переводчика и того лица, которое [...] передало г-ну Лившицу Вашу пьесу для перевода. Мы думаем, что это лицо, вероятно, г. Каганский [...] Мы позволяем себе обратить Ваше внимание на то, что нас интересует не только „Зойкина квартира“, но и другие Ваши пьесы [...]».

Получив известие о том, что Каганский располагает текстом пьесы «Зойкина квартира» и публикует его в переводе на немецкий язык, и получив одновременно «любезное» приглашение издательства организовать уголовное преследование нарушителя, Булгаков тотчас же принял все условия издательства, закрепив свое согласие письмом, которое он отправил, не мешкая, 8 октября. Импульсивное решение Булгакова, стремившегося пресечь пиратские действия Каганского, дорого ему стоило. Вскоре выяснилось, что выступавший от имени издательства Ладыжникова некий Б. Рубинштейн действовал в тесном единении с Каганским. В результате они заполучили столь желанное письменное согласие Булгакова на «защиту» его авторских прав. Более того, И.Я. Рабинович в эти же дни оповестил Булгакова о том, что издательство «Фишер Ферлаг» вступило в соглашение с Каганским. Но на этом глумливое издевательство не закончилось, финал получился ошеломляющим: Захарий Каганский, буквально через несколько дней после получения письменного согласия Булгакова на возбуждение уголовного дела против... Каганского, обратился к Булгакову с мольбой — защитить его в схватке с некоей мадам Тубенталь, которая, по его словам, попирая его «законные» права на творческое наследие Булгакова, решила самочинно поставить пьесу «Дни Турбиных». Все предпринятые против мадам Тубенталь «законные» меры со стороны Каганского и Фишерферлага оказались малоэффективными, и спасти их мог только Булгаков. Для этого ему необходимо было срочно «получить справку из Главлита или другого учреждения, ведающего регистрацией пьес и книг, что пьеса „Дни Турбиных“ и *роман того же названия* 43 в печати не появились». Затем эту справку Булгакову необходимо было засвидетельствовать в немецком посольстве (!) и немедленно отправить «воздушной почтой» Фишерферлагу.

Известно, что мадам Тубенталь поставила спектакль в Берлине 27 октября 1928 года, публика «горячо» приветствовала артистов и постановщиков.

[1] *Литературная газета, 28.07.92. Затем — Источник, 1996, № 5, с. 115. Печатается по тексту журнала «Источник». Комментарии В.И. Лосева.*

[2] В конце 1929 года яростная борьба вокруг пьесы «Бег» перешла в плоскость сугубо политическую. Да и борьбой все происходившее назвать было нельзя — пьесе и ее автору учинили погром. Такого погрома, возможно, не знает история литературно-политической критики.

Одним из первых выстрелил И. Бачелис огромной статьей в «Комсомольской правде» (23 октября 1928 г.). Назвав авторские идеи «философией разочарованного таракана», И. Бачелис так закончил свою «философскую» статью: «Булгаков назвал „Бег“ пьесой „в восьми снах“. Он хочет, чтобы мы восприняли ее, как сон; он хочет убедить нас в том, что следы истории уже заметены снегом; он хочет примирить нас с белогвардейщиной. // И усыпляя этими снами, он потихоньку протаскивает идею чистоты белогвардейского знамени, он пытается заставить нас признать благородство белой идеи и поклониться в ноги этим милым, хорошим, честным, доблестным и измученным людям в генеральских погонах. //И хуже всего то, что нашлись такие советские люди, которые поклонились в ножки тараканьим „янычарам“. Они пытались и пытаются протащить булгаковскую апологию белогвардейщины в советский театр, на советскую сцену, показать эту, написанную **посредственным богомазом икону белогвардейских великомучеников** советскому зрителю. // Этим попыткам должен быть дан самый категорический отпор».

Весьма примечательно, что И. Бачелис, как и многие другие «критики», заметил и более всего ополчился против тонко замаскированной национальной идеи в пьесе. «Очень характерно, — отмечал он, — что в пьесе Булгакова озлобленному растоптанию и ядовитым издевательствам подвергаются буржуа и капиталист Корзухин. Белое движение оказывается в пьесе не связанным с классом Корзухиных, классовая сущность белогвардейщины выхолащивается и искажается 44; и тогда белая идея становится знаменем не буржуазии как класса, а знаменем горстки рыцарей... честных и чистых...» Видимо, Булгаков не стал бы спорить с критиком по поводу его любопытных наблюдений, тем более что в данном случае они были верны. Но за такие идеи приходилось платить по большому счету.

В прессе поднялся гвалт. Причем гвалт многожанровый — статьи, стихи, поэмы, доносы. Объединял их глумливо-издевательский тон, переходивший в брань. Мы не приводим здесь выдержки из сочинений таких известных деятелей, как Л. Авербах, В. Киршон, О. Литовский, Ф. Раскольников и многих других — они писали примерно то же самое, что и о «Днях Турбиных», но отметим лишь «кусателей» второго эшелона, стремившихся не отстать от асов по угроблению писательских талантов. Некий Г. Рыклин из «Известий» не преминул включить в свой фельетон такую «шутку:

— Шлыхали, Икш арештован...

— Шлыхали, Эншке вошштание...

— А Шытина пытают...

— А Булгакова раштреляли на Багровом оштрове...» (Известия, 23.12.28.)

Еще один «шутник», некий Первомай Пленумов, поздравляя МХАТ с тридцатилетним юбилеем, преподнес такой «букет из колючек»:

Ваш юбилей прошел так хорошо,
Есть много замыслов и новых планов!..
Позвольте ж вам поднесть далматский порошок,
Для истребления бегущих тараканов!

(Вечерняя Москва, 23.11.28).

Но преобладали все-таки материалы погромного характера, помещаемые под такими характерными заголовками, как «Ударим по булгаковшине!», «„На посту“ против булгаковщины», «„Бег“ назад должен быть приостановлен» и т. п. Не полагаясь только на прессу, некоторые писатели и драматурги направляли письма-доносы на Булгакова в ОГПУ, лично Сталину. Серьезнейший донос на Булгакова вождю написал драматург В.Н. Билль-Белоцерковский.

Не дремали и осведомители «органов опасности». Так, в сводке от 31 октября 1928 г. сообщалось, что «замечается брожение в литературных кругах по поводу „травли“ пьесы Булгакова „Бег“, иронизируют, что пьесу „топят“ драматурги-конкуренты, а дают о ней отзывы рабочие, которые ничего в театре не понимают и судить о художественных достоинствах пьесы не могут». Весьма неприятная для писателя информация содержалась в агентурно-осведомительной сводке 5-го Отделения СООГПУ от 10 ноября того же года. В ней доносилось:

«М.А. Булгаков упоминал, что в связи с постановкой „Бега“ и кампанией „Комсомольской правды“ возможна отставка (начальника) Главискусства Свидерского, который настолько активно поддерживал „Бег“, что зарвался. Бранил Судакова, режиссера МХАТ, за его предложение „победить Булгакова“. Булгаков получает письма и телеграммы от друзей и поклонников, сочувствующих ему в его неприятностях. К нему приходил переводчик, предлагавший что-то перевести для венских театров.

О „Никитинских субботниках“ Булгаков высказал уверенность, что они — агентура ГПУ.

Об Агранове Булгаков говорил, что он друг Пильняка, что он держит, в руках „судьбы русских литераторов“, что писатели, близкие к Пильняку и верхушкам Федерации, всецело в поле зрения Агранова, причем ему даже не надо видеть писателя, чтобы знать его мысли» («Я не шепотом в углу выражал эти мысли»).

По содержанию доноса видно, что осведомитель был либо близок к Булгакову, либо общался с узким кругом друзей писателя. Сам Булгаков прекрасно знал, что доносят на него близкие ему люди. Видимо, образ Иуды-предателя в романе о дьяволе («Мастер и Маргарита») сформировался в процессе общения писателя с Лубянкой. Об этом свидетельствуют некоторые тексты из черновых редакций романа о дьяволе (самых первых)

и сохранившиеся записи Булгакова в подготовительных материалах к роману и другим сочинениям. Так, в обрывках текста главы второй («Евангелие от дьявола») романа о дьяволе (первая редакция) прочитывается:

«История у Каиафы в ночь с 25 на 26... 1) Разбудили Каиафу... Утро...» И над всем этим текстом сохранилась запись Булгакова очень крупными буквами: «Delatores* — „доносчики“. Во второй редакции этой же главы уже четко прослеживается судьба Иуды. На заседании синедриона Иуда совершает предательство. Каиафа благодарит Иуду за „предупреждение“ и предостерегает его — „бойся Толмая“. Пилат, в свою очередь, после казни Иешуа приказывает Толмаю „уберечь“ Иуду от расправы. Но Толмай не смог предотвратить „несчастье“ — „не уберег“ Иуду. Таким образом, писатель с самого начала работы над романом придавал образу Иуды первостепенное значение, характер этого образа не изменился и в последующих редакциях. Предательство и трусость, трусость и предательство — суть главные пороки человека, о которых Булгаков писал не только в своем главном сочинении, но и в других произведениях. Но кто тогда мог предположить, что именно по доносам осведомителей-предателей, сохранившимся в недрах органа, впитывавшего, как губка, зафиксированные документально худшие качества человеческих существ, спустя многие десятилетия исследователи творчества Булгакова смогут восстановить важнейшие события и факты из творческой и личной жизни писателя?! Между тем именно так и происходит в настоящие дни. Приведем лишь один пример. В опубликованной недавно агентурной сводке ОГПУ от 28 февраля 1929 года говорится: „...Булгаков написал роман, который читал в некотором обществе, там ему говорили, что в таком виде не пропустят, так как он крайне резок с выпадами, тогда он его переделал и думает опубликовать, а в первоначальной редакции пустить в качестве рукописи в общество и это одновременно вместе с опубликованием в урезанном цензурой виде...“ Заметим, что лучшего подтверждения имеющейся версии о том, что Булгаков закончил первую редакцию романа о дьяволе в конце 1928 — начале 1929 года, придумать трудно. Это важно еще и потому, что в эту версию мало кто верил...

В это же время небезызвестный Ричард Пикель подготовил комплексную аналитическую справку под названием „Пьеса „Бег“ Булгакова“ (видимо, по заданию П.М. Керженцева, заместителя заведующего агитпропа ЦК). Справка была подписана П.М. Керженцевым и представлена в Политбюро ЦК ВКП(б) в первых числах января 1929 года. Мы приведем лишь один фрагмент из этой объемной справки, где рассматривается „политическое значение пьесы“:

„1. Булгаков, описывая центральный этап белогвардейского движения, искажает классовую сущность белогвардейщины и весь смысл гражданской войны. Борьба добровольческой армии с большевизмом изображается как рыцарский подвиг доблестных генералов и офицеров, причем совсем обходит социальные корни белогвардейщины и ее классовые лозунги.

2. Пьеса ставит своей задачей реабилитировать и возвеличить художественными приемами и методами театра вождей и участников белого движения и вызвать к ним симпатии и сострадание зрителей. Булгаков не дает материала для понимания наших классовых врагов, а, напротив, затушевывал их классовую сущность, стремился вызвать искренние симпатии к героям пьесы.

3. В связи с этой задачей автор изображает красных дикими зверями и не жалеет самых ярких красок для восхваления Врангеля и др. генералов. Все вожди белого движения даны как большие герои, талантливые стратеги, благородные, смелые люди, способные к самопожертвованию, подвигу и пр.

4. Постановка „Бега“ в театре, где уже идут „Дни Турбиных“ (и одновременно с однотипным „Багровым островом“), означает укрепление в Худож. театре той группы, которая борется против революционного репертуара, и сдачу позиций, завоеванных театром постановкой „Бронепоезда“ (и, вероятно, „Блокадой“). Для всей театральной политики это было бы шагом назад и поводом к отрыву одного из сильных наших театров от рабочего зрителя... Художественный совет Главреперткома (в составе нескольких десятков человек) единодушно высказался против этой пьесы.

Необходимо воспретить пьесу „Бег“ к постановке и предложить театру прекратить всякую предварительную работу над ней (беседы, читка, изучение ролей и пр.)“.

Судя по всему, Сталин колебался и не был готов к принятию решения о запрещении пьесы „Бег“ к постановке. Но тут произошло еще одно событие, которое подтолкнуло руководство страны к рассмотрению этого вопроса на Политбюро. 11 января был убит бывший генерал добровольческой армии Я.А. Слащов, послуживший прототипом главного героя пьесы „Бег“ генерала Хлудова (убил генерала некий Коленберг). Едва ли это убийство было продиктовано местью за преступления, совершенные генералом в гражданскую войну (убийца объяснял свой акт именно этим). Скорее всего это убийство было „приурочено“ к травле Булгакова (на писателя это преступление не могло не произвести самого тягостного впечатления) и рассмотрению вопроса о „Беге“ в верхах. Заметим попутно, что генерал Слащов был в тесном контакте с рядом военных руководителей страны, в том числе с Тухачевским. Словом, слишком громкое звучание приобрел скандал вокруг пьесы „Бег“, чтобы Сталин мог остаться в тени и не сказать своего веского слова. К тому же и общеполитическая ситуация в стране (разгоревшаяся борьба с „правым уклоном“) требовала принятия решительных мер в схватке с „правой опасностью в искусстве“, ярчайшим представителем которого считался Булгаков.

И все же Сталин не спешил... На состоявшемся 14 января 1929 г. заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о создании комиссии в составе К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича и А.П. Смирнова, которая и должна была решить судьбу пьесы. 29 января К.Е. Ворошилов в секретном письме к Сталину докладывал:

„По вопросу о пьесе Булгакова „Бег“ сообщаю, что члены комиссии ознакомились с ее содержанием и признали политически нецелесообразным постановку этой пьесы в театре“. Заметим, что мнение комиссии хотя и было отрицательным, но выражено в значительно более мягкой форме, чем это предлагалось недругами писателя. Решение Политбюро, которое состоялось на следующий день (опросом), было еще более мягким, поскольку из постановляющей части было изъято слово „политически“ (нецелесообразным). Нет никаких сомнений, что это было сделано по указанию Сталина, тем более что он и сам вскоре не преминул об этом намекнуть руководству МХАТа,

Итак, Политбюро признало нецелесообразным постановку пьесы в данный момент, но не запретило ее. Это решение не могло в полной мере удовлетворить „Кабалу святош“, как образно называл писатель своих гонителей, и она еще более активизировала атаку на Булгакова, требуя снятия всех его пьес. В этой ситуации Сталин решил объясниться с влиятельной Кабалой, подготовив ответ на письмо-донос В.Н. Билль-Белоцерковского.

Следует отметить, что ответ Сталина цитировался исследователями многократно, в том числе и нами. Очень уж подходящим он был для доказательства, казалось бы, простой истины: Сталин запретил пьесу „Бег“, а его камарилья взяла под козырек и довершила погром, запретив и все другие пьесы Булгакова. Но постепенное выявление новых архивных документов поставило под сомнение эту удобную версию. Ответ Сталина на донос известного в ту пору драматурга стал прочитываться по-иному.

Прежде всего обращает на себя внимание первая фраза Сталина: „Пишу с большим опозданием. Но лучше поздно, чем никогда“. Она означает, что Сталин не спешил с ответом, прощупывая обстановку и выбирая наиболее удобный момент для ответа. После решения Политбюро он попытался несколько умерить аппетиты Кабалы и фактически взял под свою защиту писателя. Правда, сделал он это осторожно и с оговорками. Впрочем, лучше всего об этом говорит сам текст ответа.

„Я считаю неправильной самую постановку вопроса о „правых“ и „левых“ в художественной литературе (а значит, и в театре). Понятие „правое“ или „левое“ в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно — внутрипартийное. „Правые“ или „левые“ — это люди, отклоняющиеся в ту или иную сторону от чисто партийной линии. Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, Театр и пр. [...] Вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка или даже понятиями „советское“, „антисоветское“, „революционное“, „антиреволюционное“... „Бег“ Булгакова, который тоже нельзя считать проявлением ни „левой“, ни „правой“ опасности. „Бег“ есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. „Бег“, в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление.

Впрочем, я бы не имел ничего против постановки „Бега“, если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти по-своему „честные“ Серафимы и всякие приват-доценты оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою „честность“), что большевики, изгоняя вон этих „честных“ сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно.

...Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает [...] Конечно, очень легко „критиковать“ и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования... А соревнование — дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы.

Что касается собственно пьесы „Дни Турбиных“, то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, оставшееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: „Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, с большевиками, ничего не поделаешь“. „Дни Турбиных“ есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в какой мере „не повинен“ в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?“ (И.В. Сталин. Соч., т. 11, с. 328-329).

Но буквально через несколько дней Сталину пришлось выдержать яростный напор аудитории, требовавшей немедленно запретить „Дни Турбиных“. Правда, мотивы такого требования были несколько иные, нежели мотивы московской Кабалы.

В начале февраля в Москву прибыла делегация украинских писателей. 12 февраля делегацию принял Сталин, состоялась продолжительная беседа о литературе. Генсек спокойно рассуждал об особенностях национальной культуры и новой пролетарской литературы, а затем приступил к разбору конкретных произведений. Начал с „Дней Турбиных“, очевидно, предупрежденный об особом интересе присутствующих к этой пьесе. Более подробно и более доходчивым языком Сталин повторил все то, что он написал в письме к Билль-Белоцерковскому. Несколько раз его прерывали недовольные голоса. Затем гостям предложили выступить. Каждый из выступавших непременно высказывал резко отрицательное отношение к „Дням

Турбиных“. По их мнению, пьеса искажала исторический ход событий на Украине, революционное восстание масс против гетмана показано в „ужасных тонах“ и под руководством Петлюры, в то время как на самом деле восстанием руководили большевики, в пьесе унижается украинский народ (как заметил один из выступавших: „...стало почти традицией в русском театре выводить украинцев какими-то дураками или бандитами“) и т. д. Но истинное мнение делегации выразил писатель А. Десняк, который без всяких уверток заявил: „Когда я смотрел „Дни Турбиных“, мне прежде всего бросилось то, что большевизм побеждает этих людей не потому, что он есть большевизм, а потому, что делает единую великую неделимую Россию. Эта концепция, которая бросается всем в глаза, и такой победы большевизма лучше не надо“.

Видимо, подобного рода признания очень не нравились Сталину, уже определившему свой политический курс на „единую и неделимую“, но в виде СССР. Именно эту булгаковскую „концепцию“ он и одобрял в пьесе „Дни Турбиных“ и, кстати сказать, в „Беге“. Именно поэтому он и защищал, в меру своих возможностей, пьесы Булгакова, да и самого писателя. Наглая же демонстрация украинскими писателями местного национализма и их неприятие „Дней Турбиных“ все-таки вывели из равновесия Сталина, хотя он еще дважды пытался их переубедить (**Сталин:** Насчет „Дней Турбиных“ — я ведь сказал, что это антисоветская штука, и Булгаков не наш... Но что же, несмотря на то что это штука антисоветская, из этой штуки можно вывести? То, чего автор сам не хотел сказать. И основное впечатление, которой остается у зрителя, — это всесокрушающая сила коммунизма. Там изображены русские люди — Турбины и остатки из их группы, все они присоединяются к Красной Армии как к русской армии. Это тоже верно. (Голос с места: С надеждой на перерождение.) Может быть, но вы должны признать, что и Турбин сам, и остатки его группы говорят: „Народ против нас, руководители наши продались. Ничего не остается, как покориться“. Нет другой силы. Это тоже нужно признать... Я против того, чтобы огульно отрицать все в „Днях Турбиных“, чтобы говорить об этой пьесе, как о пьесе, дающей только отрицательные результаты. Я считаю, что она в основном все же плюсов дает больше, чем минусов). Не встретив понимания аудитории, Сталин раздраженно спросил:

— Вы чего хотите, собственно?

И в ответ начальник Главискусства Украины А. Петренко-Левченко, ничуть не испугавшись генсека, заявил:

— Мы хотим, чтобы наше проникновение в Москву имело бы своим результатом снятие этой пьесы.

Голос с места. Это единодушное мнение.

Голос с места. А вместо этой пьесы пустить пьесу Киршона о бакинских комиссарах.

Однако Сталин не уступал и продолжал настаивать на своем:

— Если вы будете писать только о коммунистах, это не выйдет. У нас стосорокамиллионное население, а коммунистов только полтора миллиона. Не для одних же коммунистов эти пьесы ставятся. Такие требования предъявлять при недостатке хороших пьес — с нашей стороны, со стороны марксистов, — значит отвлекаться от действительности... Легко снять и другое, и третье. Вы поймите, что есть публика, она хочет смотреть. Конечно, если белогвардеец посмотрит „Дни Турбиных“, едва ли он будет доволен. Если рабочие посетят пьесу, общее впечатление такое — вот сила большевизма, с ней ничего не поделаешь. Люди более тонкие заметят, что тут очень много сменовеховства... Вы хотите, чтобы он 45 настоящего большевика нарисовал? Такого требования нельзя предъявлять. Вы требуете от Булгакова, чтобы он был коммунистом, — этого нельзя требовать... Там 46 есть и минусы, и плюсы. Я считаю, что в основном плюсов больше».

Присутствовавший здесь же Каганович, видя, что дискуссия затягивается при отсутствии какого-либо взаимопонимания, предложил:

— Товарищи, все-таки, я думаю, давайте с «Днями Турбиных» кончим. (См.: Искусство кино, 1991, № 5, с. 132—140).

Процитированная стенограмма имеет немаловажное значение для понимания сложившейся ситуации вокруг пьес Булгакова. К их запрещению призывала не только правящая московская Кабала, но и украинские коммунисты-националисты (кстати, Сталин надолго запомнил эту встречу с украинскими писателями, дорого она им стоила!). Сталин с трудом сдерживал их натиск. «Бег» уже пришлось уступить... Отметим при этом, что Сталин счел необходимым довести до сведения мхатовцев, что сделал он это под натиском сверхактивных ультракоммунистов и комсомольцев. Эта реплика вождя, разумеется, стала известна и Булгакову, как и то, что генсек многократно выступал в его защиту. И весьма прозрачным поэтому кажется один из эпизодов романа о дьяволе, в котором Понтий Пилат с гневом и горечью говорит великому Правдолюбцу:

«— Слушай, Иешуа Га-Ноцри, ты, кажется, себя убил сегодня... Слушай, можно вылечить от мигрени, я понимаю: в Египте учат и не таким вещам. Но сделай сейчас другую вещь, покажи, как ты выберешься из петли, потому что, сколько бы я ни тянул тебя за ноги из нее — такого идиота, — я не сумею этого сделать, потому что объем моей власти ограничен. Ограничен, как все на свете... Ограничен!!»

Еще более прозрачен этот эпизод в несколько иной авторской редакции:

«— Слушай, можно вылечить от мигрени, я понимаю: в Египте учат и не таким вещам. Но ты сделай сейчас другое — помути разум Каиафы сейчас. Но только не будет, не будет этого. Раскусил он, что такое теория о симпатичных людях, не разожмет когтей. Ты страшен всем! Всем! И один у тебя враг — во рту он у тебя — твой язык! Благодари его! А объем моей власти ограничен, ограничен, ограничен, как все на свете! Ограничен!»

Писатель прекрасно понимал, что тяжкое время для него только начинается...

Секретарь ЦК.

М.А. Булгаков — Н. А. Булгакову [1]

1929 г. 25-го апреля Москва

Дорогой Коля!

Сегодня узнал, что твой переезд в Париж уже решен. Я очень рад этому и искренно желаю, чтобы твоя судьба была там счастлива. Прошу тебя, как только ты двинешься, меня об этом известить, а по приезде в Париж тотчас же сообщить твой адрес. Возможно, что мне удастся помочь тебе материально.

Я уж просил тебя не негодовать на меня за крайне редкие мои письма. Наша страшная и долгая разлука ничего не изменила: не забываю и не забуду тебя и Ваню.

В Париж буду писать тебе.

Было бы очень хорошо, если б ты на это письмо ответил телеграммой с датой твоего выезда.

Сделай так.

Телеграфируй и пиши мне: Москва, Б. Пироговская 35-а, кв. 6.

Прилагаемое письмо с фотографией — прочти и отошли Ване. Вторая фотография — тебе.

Не забывай меня.

Твой брат *Михаил.*

P.S. Уведоми меня о получении этого письма.

М.

Приписка на полях:

Ты, наверное, знаешь, что скудные суммы мы посылали тебе потому, что больше не разрешалось [2].

М.А. Булгаков — Е.И. Замятину [3]

19 июля 1929 г.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 11)*

[2] В письме к М.А. Булгакову в декабре 1927 г. Николай Афанасьевич писал из Загреба: «Славный и добрый Миша, мне хорошо известно, что ты принимаешь самое горячее участие в поддержке меня, так же, как ты всегда старался помогать в свое время Ване. Мне трудно в настоящий момент выразить тебе всю величину чувства к тебе, но верь, что оно велико [...]

Местные театральные, литературные и вообще интеллигентские круги неоднократно расспрашивали о тебе, твоей работе...»

О своем трудном материальном положении Николай Афанасьевич писал и в мае 1929 г.: «В каком положении я иногда находился, сейчас нет возможности описать...» Н.А. Булгаков был приглашен в Париж известным французским ученым-бактериологом Д. Эреллем.

[3] *Памир 1987. № 8. Письма. Затем: Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940, М., СП, 1997. Публикуется и датируется по этому исправленному (вместо: Мушке — Марике и др.) изданию.*

Дорогой Евгений Иванович! Насчет лазанья под биллиард: существует знаменитая формула: «Сегодня я, а завтра, наоборот, Ваша компания!»

П.А. Маркова в Москве нет. Где он и когда вернется, сразу узнать не удалось. Таиров (Александр Яковлевич) за границей и будет там до половины августа. По телефону узнал, что в 2-м МХАТе обязанности директора сейчас исполняет Резголь Антон Александрович. Вахтанговцы сейчас все в Москве и до 28-го июля будут играть в Парке культуры, а что дальше с ними будет — неизвестно. Желаю успеха, рад служить. И Любови Евгениевне, и Марике привет Ваш передал. Что касается старости, то если мы будем вести себя так, как ведем, то наша старость не будет блистательна. Передайте мой лучший привет Людмиле Николаевне, а также миллионщикам.

Ваш до гроба (который не за горами). *М. Булгаков.*

P.S. Как изволите видеть, письмо касается лишь Вашего уважаемого поручения. Относительно же Вашей пьесы [1] я Вам, как обещал, напишу. Ждите. Говорил я кое с кем, и во мраке маленький луч. Но если этот луч врет?! O Tempora, o, Mores!

В Москве краткие грозы, прохладно, пасмурно, скучно. На душе и зуйно, и фонно.

М.Б.

М.А. Булгаков — Н. А. Булгакову [2]

23 июля 1929 г. Москва

Дорогой Коля,

поздравляю тебя с окончанием университета.

Желаю тебе, чтобы ты остался душевно таким же, как я помню тебя много лет назад.

Впрочем, дорогой доктор, ты сам лучше других знаешь, чего себе желать. Я верю, что твоя жизнь после всех испытаний будет светла.

Я прошу тебя при отъезде в Париж немедленно известить меня телеграммой, а из Парижа телеграфировать твой адрес, тогда я приму все меры, чтобы помочь Ване материально, хотя бы и в скудных размерах — как я могу.

Телеграфировать или писать (желательно спешной почтой) прошу в мой адрес:

Москва, Б. Пироговская 35-а, кв. 6.

Целую тебя и Ивана крепко.

Твой *М. Булгаков.*

P.S. О получении этого письма меня, пожалуйста, извести! Если твой отъезд задержится — извести!

М.

Приписка жены М. Булгакова — Л.Е. Булгаковой-Белозерской.

Милый Коля, я Вас очень сердечно поздравляю и верю в Ваше светлое будущее, потому что — по рассказам ваших родных — Вы — орел...

Люба.

---

[1] Очевидно, речь идет о попытках Булгакова оказать помощь Замятину в его хлопотах о постановке в Москве пьесы «Аттила». Е.И. Замятин спрашивал Булгакова в письме «Кто из театральных людей сейчас в Москве».

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 11).*

М.А. Булгаков - И.В. Сталину [1]

Генеральному секретарю партии И.В. Сталину
Председателю Ц. И. Комитета М.И. Калинину
Начальнику Главискусства А.И. Свидерскому
Алексею Максимовичу Горькому

литератора
Михаила Афанасьевича БУЛГАКОВА
(Москва, Б. Пироговская 35/а, кв. 6. Т. 2-03-27)

Заявление

В этом году исполняется десять лет с тех пор, как я начал заниматься литературной работой в СССР. Из этих десяти лет последние четыре года я посвятил драматургии, причем мною были написаны 4 пьесы. Из них три («Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров») были поставлены на сценах государственных театров в Москве, а четвертая — «Бег», была принята МХАТом к постановке и в процессе работы Театра над нею к представлению запрещена.

В настоящее время я узнал о запрещении к представлению «Дней Турбиных» и «Багрового острова». «Зойкина квартира» была снята после 200-го представления в прошлом сезоне по распоряжению властей. Таким образом, к настоящему театральному сезону все мои пьесы оказываются запрещенными, в том числе и выдержавшие около 300 представлений «Дни Турбиных» [2]. В 1926-м году в день генеральной репетиции «Дней

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к.27, ед. хр. 11, л. 1-3).*

[2] Труден был творческий путь М.А. Булгакова. Его блистательные дарования сочетались с высокой принципиальностью и честностью. Стихия приспособленчества была чужда ему. Отстаивая свои творческие позиции, Булгаков опирался на традиции великой русской литературы и высокие нравственные образцы корифеев русской словесности.

Были такие периоды в его жизни, когда занятия литературой казались совершенно невозможными. И тогда он обращался в высшие партийные и государственные инстанции. Письма Булгакова Правительству, отдельным руководящим деятелям имеют первостепенное значение не только для изучения творчества писателя, его литературных и политических взглядов, но и для характеристики отдельных периодов в развитии советской культуры.

В публикациях советских исследователей достаточно подробно освещена ситуация, сложившаяся вокруг Булгакова в конце 1920-х начале 30-х гг. Положение его было тяжелейшим во всех отношениях: произведения его не печатали, пьесы не ставили, любимой работы во МХАТе он был лишен. Травля осуществлялась методично, жестоко и вульгарно. По подсчету самого писателя, из 301 отзыва на его работы 298 были «враждебно-ругательскими».

В архивном фонде М.А. Булгакова Государственной библиотеки им. В.И. Ленина хранится альбом вырезок газетных и журнальных отзывов о творчестве писателя, собранных им самим. Отзывы эти, как правило, отрицательные. С некоторыми из них целесообразно познакомить читателя, чтобы он мог представить в самых общих чертах ту обстановку, которая сложилась вокруг Булгакова в конце 1920-х гг. Выборка цитат из отзывов осуществлена в хронологическом порядке.

«Рассказы М. Булгакова цельны, выдержанны, единое в них настроение и единая тема. Тема эта — удручающая бессмыслица, путаность и ничтожность советского быта, хаос, рождающийся из коммунистических попыток строить новое общество [...] Появляется писатель, не рядящийся даже в попутнические цвета. Не только наша критика и библиография, но наши издательства должны быть настороже, а Главлит — тем паче» (Леопольд Авербах, 20.09.25).

«Можно назвать несколько литературных вылазок, выражающих настроение новой буржуазии. Повести Булгакова (появившиеся, конечно же, в советских журналах и альманахах) являются наиболее характерными примерами этого новобуржуазного литературного выступления» (Г. Лелевич, 24.09.25).

«Автор великодержавно-шовинистической „Белой гвардии“ Булгаков и автор контрреволюционных сказок Замятин... открыто издеваются над коммунизмом» (Г. Горбачев, октябрь 1926).

Турбиных» я был в сопровождении агента ОГПУ отправлен в ОГПУ, где подвергся допросу.

Несколькими месяцами раньше представителями ОГПУ у меня был произведен обыск, причем отобраны были у меня «Мой дневник» в 3-х тетрадях и единственный экземпляр сатирической повести моей «Собачье сердце».

Ранее этого подверглись запрещению: повесть моя «Записки на манжетах». Запрещен к переизданию сборник сатирических рассказов «Дьяволиада», запрещен к изданию сборник фельетонов, запрещены в публичном выступлении «Похождения Чичикова». Роман «Белая гвардия» был прерван печатанием в журнале «Россия», т. к. запрещен был самый журнал.

По мере того, как я выпускал в свет свои произведения, критика в СССР обращала на меня все большее внимание, причем ни одно из моих произведений, будь то беллетристическое произведение или пьеса, не только никогда и нигде не получило ни одного одобрительного отзыва, но, напротив чем большую известность приобретало мое имя в СССР и за границей, тем яростнее становились отзывы прессы, принявшие наконец характер неистовой брани.

Все мои произведения получили чудовищные, неблагоприятные отзывы, мое имя было ошельмовано не только в периодической прессе, но в таких изданиях, как Б. Сов. Энциклопедия и Лит. Энциклопедия.

Бессильный защищаться, я подавал прошения о разрешении, хотя бы на короткий срок, отправиться за границу. Я получил отказ...

Мои произведения «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» были украдены и увезены за границу. В г. Риге одно из издательств дописало мой роман «Белая гвардия», выпустив в свет под моей фамилией книгу с безграмотным концом. Гонорар мой за границей стали расхищать.

Тогда жена моя Любовь Евгениевна Булгакова вторично подала прошение о

«Теперь же пьеса 47 будет созвучной только самым реакционным слоям „культурного мещанства“, а также элементам „новой буржуазии“» (А. Орлинский, 08.10.26).

«Теперь молодой МХАТ в отношении к тем же героям солидаризируется с влюбленным в них автором 48, явно одержимым собачьей старостью» (В. Блюм, конец 1926 г.).

«Булгаковщина всех видов или полнокровная советская тематика? — так станет вопрос перед МХТ сегодня, в день его тридцатилетней годовщины!» (О. Литовский, 27.10.26).

«Уборщик Зойкиной квартиры» (С. Якубовский, 29.10.26).

«Бег назад должен быть приостановлен... Постановка пьесы „Бег“ — это попытка протащить белогвардейскую апологию в советский театр, на советскую сцену, показать [...] написанную посредственным богомазом икону белогвардейских великомучеников советскому зрителю» (И. Бачелис, 23.10.28).

«Ударим по булгаковщине!» (И. Кор, 15.11.28).

«В этом году мы имели одну постановку, представляющую собою злостный пасквиль на Октябрьскую революцию, целиком сыгравшую на руку враждебным нам силам: речь идет о „Багровом острове“» (О. Литовский, 20.06.29).

«В этом сезоне зритель не увидит булгаковских пьес. Закрылась „Зойкина квартира“, кончились „Дни Турбиных“, исчез „Багровый остров“. Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов. Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества.

Речь идет только о его прошлых драматургических произведениях. Такой Булгаков не нужен советскому театру» (Р. Пикель. 15.09.29).

Об этом периоде Булгаков через несколько лет так напишет в романе «Мастер и Маргарита»: «Статьи не прекращались. Над первыми из них я смеялся. Но чем больше их появлялось, тем более менялось мое отношение к ним. Второй стадией была стадия удивления.

Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на грозный и уверенный тон. Мне все казалось, — и я не мог от этого отделаться, что авторы этих статей говорят не то, что хотели сказать, и что их ярость вызывается именно этим» (гл. 13).

Третьей стадией стала тяжелая душевная депрессия писателя, сопровождавшаяся и резким ухудшением физического состояния.

В попытках найти выход из критического положения, Булгаков и обращается с письмом к И.В. Сталину, М.И. Калинину, А.И. Свидерскому (начальнику Главискусства). А.М. Горькому, в котором содержится просьба о выезде из СССР. Однако по содержанию письма видно, что не столько заграничная поездка его интересовала, сколько нуждался он в защите от совершенно распоясавшихся «литературных налетчиков». Это был крик души затравленной и надломленной. Но гордость не позволяла ему прямо просить о помощи.

разрешении ей отправиться за границу одной для устройства моих дел, при чем я предлагал остаться в качестве заложника.

Мы получили отказ.

Я подавал много раз прошения о возвращении мне рукописей из ГПУ и получал отказы или не получал ответа на заявления.

Я просил разрешения отправить за границу пьесу «Бег», чтобы ее охранить от кражи за пределами СССР.

Я получил отказ.

К концу десятого года силы мои надломились, не будучи в силах более существовать, затравленный, зная, что ни печататься, [н]и ставиться более в пределах СССР мне нельзя, доведенный до нервного расстройства, я обращаюсь к Вам и прошу Вашего ходатайства перед Правительством СССР ОБ ИЗГНАНИИ МЕНЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ СССР ВМЕСТЕ С ЖЕНОЮ МОЕЙ Л.Е. БУЛГАКОВОЙ, которая к прошению этому присоединяется.

М. Булгаков

Москва
[...] июля 1929 г. [1]

А.И. Свидерскому [2]

Начальнику Главискусства А.И. Свидерскому

Литератора
Михаила Афанасьевича
Булгакова
(Москва,
Б. Пироговская 35а, кв. 6,
т. 2-03-27)

Заявление

В этом году исполняется десять лет с тех пор, как я начал заниматься литературой в СССР. За этот срок я, ни разу не выезжая за пределы СССР (в Большой Советской Энциклопедии помещено в статье обо мне неверное сведение о том, что я якобы одно время был в Берлине), написал рад сатирических повестей, а затем четыре пьесы, из которых три шли при неоднократных цензурных исправлениях, запрещениях их и возобновлениях на сценах государственных театров в Москве, а четвертая, «Бег», была запрещена в процессе работы над нею в Московском Художественном театре и света не увидела вовсе.

Теперь мне стало известно, что и остальные три к представлению запрещаются.

Таким образом, в наступающем сезоне ни одна из них, в том числе и любимая моя работа «Дни Турбиных» — больше существовать не будет.

Я должен сказать, что в то время, как мои произведения стали поступать в печать, а впоследствии на сцену, все они до одного подвергались в тех или иных комбинациях или сочетаниях запрещению, а сатирическая повесть «Собачье сердце», кроме того, изъята у меня при обыске в 1926 году представителями Государственного Политического Управления.

---

[1] В тексте отсутствует указание на день отправки письма.

[2] *Источник, 1996, № 5. Затем: Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940, М., СПб, 1997. Печатается и датируется по второму изданию. Комментарии В.И. Лосева.*

По мере того, как я писал, критика стала обращать на меня внимание и я столкнулся со страшным и знаменательным явлением:

Нигде и никогда в прессе в СССР я не получил **ни одного** одобрительного отзыва о моих работах, за исключением одного быстро и бесследно исчезнувшего отзыва в начале моей деятельности, да еще Вашего и А.М. Горького отзыва о пьесе «Бег».

Ни одного. Напротив: по мере того, как имя мое становилось известным в СССР, пресса по отношению ко мне становилась все хуже и страшнее [1].

Обо мне писали как о проводнике вредных и ложных идей, как о представителе мещанства, произведения мои получали убийственные и оскорбительные характеристики, слышались непрерывные в течение всех лет моей работы призывы к снятию и запрещению моих вещей, звучала открытая даже брань.

Вся пресса направлена была к тому, чтобы прекратить мою писательскую работу, и

---

[1] На следующий день после отправки рассматриваемого письма, 1 августа в «Правде» был напечатан отрывок из нового сочинения поэта А. Безыменского «Выстрел», который, конечно, тут же был прочитан Булгаковым и подклеен в знаменитый альбом.

ДЕМИДОВ:

И еще я помню брата.
Черноусый офицер
Горло драл ему, ребята,
И его глаза запрятал
В длинноствольный револьвер.
Братья! Будьте с ним знакомы.
Истязал он денщиков,
Бил рабочих в спину ломом
И устраивал погромы,
Воплощая мир врагов.
Забывать его не смейте!
В поле,
В доме
Иль в бою,
Если встретите — убейте!
И по полю прах развейте!
Правду вырвавши свою...

СОРОКИН:

Руками задушу своими!
Скажи:
Кто был тот сукин сын?

ВСЕ:
Скажи нам имя!
Имя!
И-м-я!
ДЕМИДОВ:

Полковник...
Алексей...
Турбин.

После снятия с репетиций «Бега» пресса и вовсе обезумела. В различных газетах и журналах появились десятки ругательных статей, приводить которые, очевидно, нет необходимости (Сталин, видимо, уже не мог остановить вакханалию, творимую его «правоверными» соратниками).

Но знакомясь с содержанием этого мутного безудержного потока пасквилей и ругани, невозможно отделаться от навязчивой мысли, что явление это абсолютно не русское. В России происходящее, но не русское. И если такие мысли приходят спустя многие и многие годы, то можно себе представить строй мыслей Булгакова, ставшего главным объектом шумливейшей травли со стороны, как он называл, Кабалы. В какой-то миг его вдруг осенило, что находится он не в Москве, а в... Ершалаиме! А дальше творила уже фантазия писателя... и замысел романа о дьяволе получил вполне определенные очертания.

усилия ее увенчались к концу десятилетия полным успехом: с удушающей документальной ясностью я могу сказать, что я не в силах больше существовать как писатель в СССР.

После постановки «Дней Турбиных» я просил разрешения вместе с моей женой на короткий срок уехать за границу — и получил отказ.

Когда мои произведения какие-то лица стали неизвестными мне путями увозить за границу и там расхищать, я просил о разрешении моей жене одной отправиться за границу — получил отказ.

Я просил о возвращении взятых у меня при обыске моих дневников — получил отказ.

Теперь мое положение стало ясным: ни одна строка моих произведений не пройдет в печать, ни одна пьеса не будет играться, работать в атмосфере полной безнадежности я не могу, за моим писательским уничтожением идет материальное разорение, полное и несомненное.

И вот я со всею убедительностью прошу Вас направить Правительству СССР мое заявление:

Я прошу Правительство СССР обратить внимание на мое невыносимое положение и разрешить мне выехать вместе с моей женой Любовью Евгеньевной Булгаковой за границу на тот срок, который будет найден нужным [1].

Михаил Афанасьевич Булгаков

Москва, 30 июля 1929 г.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

10 августа 1929
Москва Б. Пироговская 35а, кв. 6

---

[1] Ознакомившись с письмом. А.И. Свидерский, который, кстати, подвергся в прессе также жесточайшей критике, написал 30 июля записку секретарю ЦК ВКП(б) А.П. Смирнову следующего содержания:

«Я имел продолжительную беседу с Булгаковым. Он производит впечатление человека затравленного и обреченного. Я даже не уверен, что он нервно здоров. Положение его действительно **безысходное** . Он, судя по общему впечатлению, хочет работать с нами, но ему не дают и не помогают в этом. При таких условиях удовлетворение его просьбы является справедливым».

В свою очередь, А.П. Смирнов, вполне лояльно относившийся к творчеству Булгакова, направил 3 августа письмо писателя и записку А.И. Свидерского в Политбюро на имя В.М. Молотова, изложив в сопроводительной записке свою точку зрения:

«Посылаю Вам копии заявления литератора Булгакова и письма Свидерского — прошу разослать их всем членам и кандидатам Политбюро.

Со своей стороны, считаю, что в отношении Булгакова наша пресса заняла неправильную позицию. Вместо линии на привлечение его и исправление — практиковалась только травля, а перетянуть его на нашу сторону, судя по письму т. Свидерского, можно.

Что же касается просьбы Булгакова о разрешении ему выезда за границу, то я думаю, что ее надо отклонить. Выпускать его за границу с такими настроениями — значит увеличить число врагов. Лучше будет оставить его здесь, дав АППО ЦК 49 указания о необходимости поработать над привлечением его на нашу сторону, а литератор он талантливый и стоит того, чтобы с ним повозиться.

Нельзя пройти мимо неправильных действий ОГПУ по части отобрания у Булгакова его дневников. Надо предложить ОГПУ дневники вернуть».

Как видно из опубликованного журналом «Источник» материала, предложение А.П. Смирнова было одобрено и вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро 5 сентября 1929 года. В протоколе Политбюро помечено: «п. 26. Слушали. О Булгакове. Постановили: снять».

Почему же Политбюро отказалось рассматривать вопрос «О Булгакове»? Каких-либо сведений на этот счет нет, но вопрос совершенно ясен: Сталин в это время был в отпуске и без него Политбюро не решилось определять судьбу писателя. Сталин вернулся в Москву только в середине октября.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 11).*

Дорогой Коля,

я надеюсь, что ты не откажешь мне в любезности зайти к моему корреспонденту Владимиру Львовичу Бинштоком (W. Bienstock 236, Boulevard Raspail Paris XIV) с письмом, которое при этом, и получить у него причитающиеся мне в счет гонорара по роману «Белая гвардия» одну тысячу сто франков.

Из них 400 франков я прошу тебя послать Ване, а остальные сохранить у себя впредь до моего письма по поводу их.

Очень прошу тебя немедленно подтвердить мне получение этого моего письма.

Я очень жалел, что ты известил меня о переезде в Париж не телеграммой, а письмом. Это было нужно мне, оттого я и просил.

Бинштоком мой доверенный по печатанию «Белой гвардии» в Париже.

Желаю тебе счастливо устроиться в Париже и жду твоих писем [1].

Письмо Бинштоку на следующей странице.

Твой Михаил.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

24 августа 1929 г.
Москва

Дорогой Коля!

Спасибо тебе большое за посещение Влад[имира] Львов[ича]. Прошу хранить в Париже полученный гонорар впредь до моего письма, в котором я, если будет нужно, напишу, как им распорядиться.

Крайне также признателен тебе за готовность мне помочь в литературных делах моих. Иного я и не ждал.

Насчет того, что я не щедр на письма: что поделаешь!

Теперь сообщаю тебе, мой брат: положение мое неблагополучно.

Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР, и беллетристической ни одной строки моей не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой моей выпустить за границу на любой срок.

В сердце у меня нет надежды. Был один зловещий признак — Любовь Евгеньевну не выпустили одну, несмотря на то, что я оставался (это было несколько месяцев тому назад).

Вокруг меня уже ползет змейкой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах.

В случае, если мое заявление будет отклонено, игру можно считать оконченной, колоду складывать, свечи тушить.

---

[1] В ответном письме от 17.08.29. Николай Афанасьевич извещал брата: «[...] письмо твое, посланное 10.VIII.1929 „нарочным“ 50, я получил и немедленно же исполнил твою просьбу. Владимир Львович принял меня весьма любезно [...] Пиши же чаще и больше; на письма ты не очень щедр.

Это письмо отправляю самым быстрым способом».

В это время в Париже был опубликован второй том романа «Дни Турбиных» («Белая гвардия»). Известный писатель-эмигрант в газете «Последние новости» (25 апреля 1929 г.) высоко отозвался о художественном качестве романа, о его месте в исторической отечественной литературе: «Сейчас, в момент исключительный и в условиях необычных он кажется выше своего подлинного значения и представляется почти подвигом художника».

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 11)*

Мне придется сидеть в Москве и не писать, потому что не только писаний моих, но даже фамилии моей равнодушно видеть не могут.

Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос моей гибели это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдет чуда. Но чудеса случаются редко.

Очень прошу написать мне, понятно ли тебе это письмо, но ни в коем случае не писать мне *никаких слов утешения и сочувствия* , чтобы не волновать мою жену.

Вот тебе более щедрое письмо.

Нехорошо то, что этой весной я почувствовал усталость, разлилось равнодушие. Ведь бывает же предел.

Я рад, что ты устроился, и верю, что ты сделаешь ученую карьеру. Напиши Ивану, что я его помню. Пусть напишет мне хоть несколько строк. Большим утешением для меня являются твои письма [1] и, я полагаю, ты, прочтя это письмо, будешь писать мне часто. Опиши мне Париж (само собой разумеется, только внешнюю его жизнь).

Итак, я воспользуюсь твоим любезным предложением и в следующем письме попрошу исполнить еще некоторые мои поручения. Обременять не буду.

Ну-с, целую тебя, Никол, твой *М. Булгаков.*

P.S. Ответ на это письмо прошу *самый срочный* .

Б. Пироговская 35а кв. 6.

Влад[имир] Львов[ич] написал мне, что ты «ужасно милый», и это мне приятно. Неужели он не дал тебе экземпляр моего романа? Я забыл его об этом попросить.

М.А. Булгаков — А.С. Енукидзе Секретарю ЦИК Союза ССР Аабелю Софроновичу Енукидзе [2]

Ввиду того, что абсолютная неприемлемость моих произведений для советской общественности очевидна,

ввиду того, что совершившееся полное запрещение моих произведений в СССР обрекает меня на гибель,

ввиду того, что уничтожение меня как писателя уже повлекло за собой материальную катастрофу (отсутствие у меня сбережений, невозможность платить налог и невозможность жить, начиная со следующего месяца, могут быть документально доказаны).

При безмерном утомлении бесплодности всяких попыток

обращаюсь в верховный орган Союза — Центра[льный] Исполнительный Комитет СССР и прошу

разрешить мне вместе с женою моей Любовию Евгениевной Булгаковой выехать за границу на тот срок, который Правительство Союза найдет нужным назначить мне.

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ

(автор пьес «Дни Турбиных», «Бег» и других)
3.IX, 1929 г. Москва, Б. Пироговская 35/а, кв. 6.

---

[1] В ответных письмах Николаи Афанасьевич извещал брата о том, что все написанное Михаилом Афанасьевичем понял и приложит все усилия для выполнения его поручении. А затем в деталях описал «внешнюю жизнь Парижа».

[2] *Октябрь, 1987, № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20).*

М.А. Булгаков — А.М. Горькому [1]

3/IX.1929 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Я подал Правительству СССР прошение о том, чтобы мне с женой разрешили покинуть пределы СССР на тот срок, какой мне будет назначен.

Прошу Вас, Алексей Максимович, поддержать мое ходатайство. Я хотел в подробном письме изложить Вам все, что происходит со мной, но мое утомление, безнадежность безмерны. Не могу ничего писать.

Все запрещено, я разорен, затравлен, в полном одиночестве.

Зачем держать писателя в стране, где его произведения не могут существовать? Прошу о гуманной резолюции — отпустить меня.

Уважающий Вас
М. Булгаков

P.S. Убедительно прошу уведомить меня о получении этого письма.
Москва, Б. Пироговская 35/а, кв. 6, Михаил Афанасьевич Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

6.IX.1929
Б.Пироговская 35/а, кв. 6. Москва

Милый Коля,

от тебя нет ответа на то письмо мое, в котором я сообщал тебе о моем положении. Начинаю думать, что ты его не получил. После него мною тебе отправлено письмо, где я просил проверить слух о том, что на французском языке появилась, якобы, моя запрещенная повесть «Собачье сердце» [3]. Жду известий от тебя.

Твой *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — А.М. Горькому [4]

Михаил Афанасьевич Булгаков
Москва, Б. Пироговская 35/а, кв. 6.
28.IX.1929 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

---

[1] *Октябрь, 1987, № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 11).*

[3] Слухи о выходе в свет повести «Собачье сердце» на французском языке не подтвердились.

[4] *Октябрь, 1987, № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20).*

Евгений Иванович Замятин сообщил мне, что Вы мое письмо получили, но что Вам желательно иметь копию его.

Копии у меня нет, письмо же мое было приблизительно такого содержания:

«Я подал через А.И. Свидерского Правительству СССР заявление, в котором прошу обратить внимание на мое невыносимое положение и разрешить мне вместе с женою моей Любовию Евгениевной Булгаковой выехать в отпуск за границу на тот срок, который Правительству будет угодно мне назначить.

Я хотел написать Вам подробно о том, что со мною происходит, но безмерная моя усталость уже не дает мне работать.

Одно могу сказать: зачем задерживают в СССР писателя, произведения которого существовать в СССР не могут? Чтобы обречь его на гибель?

Прошу о гуманной резолюции — отпустить меня. Вас убедительно прошу ходатайствовать за меня.

Прошу не отказать в любезности сообщить, получено ли Вами это письмо.»

К этому письму теперь мне хотелось бы добавить следующее:

Все мои пьесы запрещены, нигде ни одной строки моей не напечатают, никакой готовой работы у меня нет, ни копейки авторского гонорара ниоткуда не поступает,

ни одно учреждение, ни одно лицо на мои заявления не отвечает,

словом — все, что написано мной за 10 лет работы в СССР, уничтожено. Остается уничтожить последнее, что осталось — меня самого. Прошу вынести гуманное решение — отпустить меня!

Уважающий Вас *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — А.М. Земскому [1]

6.XII.1929

Дорогой Андрей!

Как ты себя чувствуешь? Сообщи через Марусю, что тебе требуется? [2]

Люба тебя целует. Когда к тебе можно прийти?

Михаил.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [3]

28.XII.1929
Москва. Больш[ая] Пироговская, 35а, кв.6

Дорогой Коля,

от тебя нет никаких сведении и это наводит меня на мысль, что с тобой что-нибудь случилось.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 26).*

[2] А.М. Земский очень часто болел, и Михаил Афанасьевич, интересуясь его здоровьем, готов был помочь лекарствами или другими средствами.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 11).*

Очень прошу тебя ответить на это письмо телеграммой — здоров ли ты, адрес и срочно (если возможно по телеграфу) перевести мне мой гонорар, что ты получил у Бинштока.

Твой *Михаил.*

P.S. Положение мое тягостно [1].

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

Москва
Б. Пироговская 35а, кв. 6
6.I.1930

Дорогой Коля,

твое письмо от 6.1. получил своевременно. Осеннее письмо с отрывком моей повести «La mort des poules» [3] также получено. Извини, что благодарю с опозданием. Убедительно прошу не сердиться за перерывы в переписке. Пожалуйста, пиши чаще. Пожалуйста, не замолкай. Мое последнее молчание вызвано ухудшением моего положения и связанной с этим невозможностью сообщить, что и как писать.

Сообщаю о себе:

все мои литературные произведения погибли, а также и замыслы. Я обречен на молчание и, очень возможно, на полную голодовку. В неимоверно трудных условиях во второй половине 1929 г. я написал пьесу о Мольере. Лучшими специалистами в Москве она была признана самой сильной из моих пяти пьес. Но все данные за то, что ее не пустят на сцену. Мучения с нею продолжаются уже полтора месяца, несмотря на то, что это — Мольер, 17-й век... несмотря на то, что современность в ней я никак не затронул.

Если погибнет эта пьеса, средства спасения у меня нет — я сейчас уже *терплю бедствие* . Защиты и помощи у меня нет. Совершенно трезво сообщаю: корабль мой тонет, вода идет ко мне на мостик. Нужно мужественно тонуть. Прошу отнестись к моему сообщению внимательно.

Если есть какая-нибудь возможность прислать мой гонорар (банк? чек? Я не знаю как) прошу прислать: *у меня нет ни одной копейки.* Я надеюсь, конечно, что присылка будет официальной, чтобы не вызвать каких-нибудь неприятностей для нас.

Прошу: побывать у Владимира Львовича Бинштока (Boulevard Raspail, 236) и осведомиться — поступает ли гонорар для меня за «Дни Турбиных» (роман) [4]. Прошу взять у Бинштока и выслать мне прямо в мой адрес два экземпляра окончания моего романа. *Срочно!*

Прошу — выслать еще отрывки «La mort des poules» желательно с начала.

---

[1] С тягостным настроением встречал М.А. Булгаков 1930 г. В декабре уходящего года он получил официальное уведомление для предоставления фининспекции о том, что все его пьесы «запрещены к публичному исполнению». Предугадывая такой поворот событий, Булгаков как бы принимает вызов и приступает к написанию новой пьесы — совершенно неожиданной для окружающих, поскольку главным ее героем был Мольер. Шестого декабря была закончена первая рукописная редакция пьесы, Булгаков собирался продолжить работу над ней и в следующем году.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 12)*

[3] «Роковые яйца».

[4] В ответ Николай Афанасьевич писал: «Выслать просимое телеграфом я не могу, т. к. это, к сожалению, невозможно: не принимают никаких переводов на СССР почтой. Ищу возможностей других...»

Жду с нетерпением вестей.
Желаю тебе жить счастливо!

Твой *Михаил.*

Да: если бы Биншток предложил послать мне гонорар таким образом, как он хотел однажды, — т. е. чтобы я после беготни здесь получил у кого-то взамен причитающихся мне 1000 франков — 80 целковых по его записке — то скажи, что от этого я *категорически отказываюсь.* Пусть записок не посылает (он прислал мне однажды записку в МОДпис (Моск[овское] Общ[ество] Драм. писателей). Я ее вернул ему).

Если гонорар поступил (а он должен быть), получи его у Бинштока ты.

И уж, пожалуйста, *подумай о том, как помочь мне.*

Если есть гонорар, и Биншток попросит письмо о том, чтобы деньги получил ты, немедленно пришлю.

Впрочем я сегодня ему пишу. *Стилю моих писем, небрежности их прошу не удивляться* — замучился, неработоспособен. Очень трудно.

Жена моя шлет тебе привет!

Это письмо отправлено 18.1.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва. Б. Пироговская 35/а, кв. 6
4.II.1930

Дорогой Коля!

Твое письмо от 27/1 получил два дня тому назад. Очень тронут. Книги еще не пришли.

Ты пишешь, что подтверждение получении писем — лучший способ избежать пауз. О, с этим я совершенно согласен! Тем не менее моя переписка запущена. Что поделаешь! Одна из причин пауз та, что я стесняюсь крайне беспокоить тебя!

Мне совершенно необходимы:

1) Еще 2 экземпляра II-ой части романа «Дни Турбиных».

2) 2 экз. 1-й, выпущенной раньше.

3) 1—2 экз. рижского издания (адрес этого издательства!).

Если мои деньги у тебя еще на руках, возьми из них, сколько нужно, на покупку книг, пересылку и переписку со мной.

4) Подпишись в Бюро вырезок (всё, что попадется обо мне), шли мне.

Не сердись за беспокойство. Положение мое трудно и страшно.

Спешу отправить письмо. Ване привет! Жена моя целует тебя. Я видел недавно Николая Леонидовича Гладыревского. Он просил меня написать тебе, что у него нет сведений о его матери [2]. Если что знаешь о ней, не забудь, сообщи мне!

Жду, целую тебя Михаил.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 12).*

[2] В ответном письме Николай Афанасьевич сообщал: «Николаю Леонидовичу передай, что мама его жива и здорова; она находится уже здесь и ведет хозяйство собравшейся вместе всей семьи. Она просит обязательно писать ей...»

М.А. Булгаков — Н.А.Булгакову [1]

6.II.1930 Москва

Дорогой Коля!

Вчера получил два экземпляра 2-й части «Дни Турбиных». Очень благодарен тебе. Подробное письмо от меня придет вслед за этим.

Твой *М.*

М.А. Булгаков — Н.А.Булгакову [2]

19.II.1930 Москва

Дорогой Коля!

Уведомление из Банка для внешней торговли в Москве о том, что на мое имя пришел перевод на 40 долл., я получил 17.II., а вчера (18.II.) получил и самые деньги.

Само собой разумеется, что от получения долларов на руки я немедленно отказался и взял по курсу Госбанка (1 р. 94 коп.) 77 р. 66 коп.

Я признателен тебе за хлопоты и тронут, поблагодари д-ра Сертич (на переводе было написано Сертлич). Теперь так: *следующей суммы не высылай до получения моего следующего письма, которое будет отправлено незамедлительно.* Мне нужно написать тебе подробно, а сейчас я спешу. Сегодня вечером сяду за письмо, а завтра отправлю.

Целую тебя и благодарю.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [3]

Москва. Б. Пироговская 35/а кв. 6
21.II. 1930 г.

Дорогой Коля,

ты спрашиваешь, интересует ли меня твоя работа? Чрезвычайно интересует! Я получил конспект «Bacterium prodigiosum» [4]. Я рад и горжусь тем, что в самых трудных условиях жизни ты выбился на дорогу. Я помню тебя юношей, всегда любил, а теперь твердо убежден, что ты станешь ученым [5].

Меня интересует не только эта работа, но и то, что ты будешь делать в дальнейшем, и

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 12).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 12).*

[3] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к, 19, ед. хр. 12)*

[4] Bacterium prodigiosum — бактерии чудотворные (*лат.*)

[5] Конспект первой научной работы Н.А. Булгакова сохранился в архиве М.А. Булгакова. Предсказания Михаила Афанасьевича: сбылись Н.А. Булгаков стал впоследствии крупным ученым-бактериологом.

очень ты обрадуешь меня, если будешь присылать все, что выйдет у тебя. Поверь, что никто из твоих знакомых или родных не отнесется более внимательно, чем я, к каждой строчке, сочиненной тобой.

Многие из моих знакомых расспрашивали меня о нашей семье, и меня всегда утешало то, что я мог говорить о твоих больших способностях.

Одна мысль тяготит меня, что, по-видимому, нам никогда не придется в жизни увидеться. Судьба моя была запутанна и страшна. Теперь она приводит меня к молчанию, а для писателя это равносильно смерти.

У меня есть встречный вопрос к тебе: интересует ли тебя моя литературная работа? Это напиши. Если хоть немного интересует, выслушай следующее и, если можно, со вниманием (хотя мой навык и чутье, кажется, подсказывают мне после внимательнейшего чтения твоих писем, что и интерес и внимание есть):

Я свою писательскую задачу в условиях неимоверной трудности старался выполнить, как должно. Ныне моя работа остановлена. Я представляю собой сложную (я так полагаю) машину, продукция которой в СССР не нужна. Мне это слишком ясно доказывали и доказывают еще и сейчас по поводу моей пьесы о Мольере.

По ночам я мучительно напрягаю голову, выдумывая средство к спасению. Но ничего не видно. Кому бы, думаю, еще написать заявление?..

Теперь о ближайшем:

Будь добр, еще некоторое время потерпи беспокойство (долго, я полагаю, затруднять тебя не буду!). В счет того, что выдал тебе из моего гонорара Владимир Львович, вышли мне опять через банк сколько-нибудь. Суммы, хотя бы и ничтожные, мне нужны. Я не знаю, сколько он тебе выдал? Но полностью не высылай, а сделай так: мне очень нужны чай, кофе, носки и чулки жене. Если не затруднительно, пришли посылку — чай, кофе, 2 пары носков и две пары чулок дамских (№ 9) (ни в коем случае ничего шелкового). Я не знаю, сколько это будет стоить. Желательно так: посылку в первую голову, если останется еще — долларов десять через банк, а остальные оставь у себя на какие-нибудь мои расходы. Если же я ошибаюсь в расчете — только посылку.

В случае, *если Ваня бедствует,* мне посылку, а ему некоторую сумму из моих:

Сам рассчитай, прошу тебя!

15-го марта наступит первый платеж фининспекции (подоходный налог за прошлый год). Полагаю, что, если какого-нибудь чуда не случится, в квартирке моей маленькой и сырой вдребезги (кстати: я несколько лет болею ревматизмом) не останется ни одного предмета. Барахло меня трогает мало. Ну, стулья, чашки, черт с ними. Боюсь за книги! Библиотека у меня плохая, но все же без книг мне гроб! Когда я работаю, я работаю очень серьезно — надо много читать.

Все, что начинается от слов «15 марта», не имеет делового характера — это не значит, что я жалуюсь или взываю о помощи в этом вопросе, сообщаю так, для собственного развлечения.

———

Помирись с мыслью, что мои письма к тебе станут частыми (повторяю, вероятно, ненадолго). Я, правда, не мастер писать письма: бьешься, бьешься, слова не лезут с пера, мысли своей как следует выразить не могу...

Очень жду известий. Будь бодр, смел, не забывай своего брата Михаила. Если найдется время, подумай о Михаиле Булгакове.

Целую *Михаил.*

P.S. Прошу доктору Владимиру Сертич передать мою благодарность и извинение за беспокойство.

М.

Приписка на полях:

Книгу «Русская свадьба» буду искать [1].

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

25 марта 1930

Дорогой Коля,

от тебя нет известий, что очень печально. Я писал тебе письмо, в котором просил выслать мне посылку (носки и кофе).

Не посылай. Пошлину, говорят, очень увеличили. Вместо этого убедительно прошу немедленно (человек тяжко болен) купить и выслать по адресу:

Ленинград, ул. К. Либкнехта д. 98, кв. 34.

Надежде Евгениевне Тарновской

медицинские препараты, перечисленные в прилагаемом списке.

Очень обяжешь
Твой *Михаил*

Б. Пироговская д. 35а, кв. 6.

Приписка рукою Л.Е. Булгаковой-Белозерской

Дорогой Коля, я со своей стороны очень прошу помочь и прислать упомянутые лекарства, или хотя бы часть из них, в крайнем случае. Буду Вам очень признательна: случай экстренный и, видимо, тяжкий.

Кланяйтесь Парижу, моему красавцу! Вам шлю сердечный привет.

Люба.

Правительству СССР [3] [4]

---

[1] В письме от 10 февраля 1930 г. Николай Афанасьевич писал брату: «Прошу тебя, если это возможно, отыскать и выслать старую русскую пьесу. Название ее „Русская свадьба“, XVII-го века; автор что-то вроде Алеева... Если найдешь, сообщи».

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 12).*

[3] *Октябрь, 1987, № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 30).*

[4] Письмо это, очевидно, еще многие годы будет в центре внимания как исследователей-булгаковедов, так и различного рода «советологов», поскольку оно отражает прежде всего политические взгляды писателя того времени.

При изучении содержания письма необходимо, на наш взгляд, учитывать следующее предупреждение самого автора: «Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за пределами его не искать ничего. Он исполнен совершенно добросовестно».

Указывая на свои «великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми», Булгаков не скрывает, что в пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия» присутствует «упорное изображение русской интеллигенции, как лучшего слоя в нашей стране». При этом он полагает, что такое изображение вполне

естественно для писателя, «кровно связанного с интеллигенцией».

Булгаков предстает перед нами писателем, бесстрастно стоящим над классами, не одобряющим революционные потрясения, уповающим на постепенный, «естественный» путь развития страны, где интеллигенция должна играть первостепенную роль во всех областях жизни, в том числе и в перевоспитании народа.

Вместе с тем он с негодованием отвергает все клеветнические выпады, в которых содержались попытки представить писателя противником социалистического строя. В частности, это относилось к пьесе «Багровый остров», в которой писатель высмеял Главрепертком.

Письмо Булгакова было с пониманием воспринято Советским правительством. Вскоре состоялся разговор по телефону между Сталиным и Булгаковым.

Учитывая принципиальное значение этого разговора, мы считаем целесообразным привести ниже соответствующие отрывки из воспоминании Л.Е. Белозерской и Е.С. Булгаковой.

Вот как описывает это событие Л.Е. Белозерская: «Сначала о разговоре по телефону со Сталиным. На звонок подошла я. Из Центрального Комитета партии звонил секретарь Сталина Товстуха. Я позвала М[ихаила] А[фанасьевича], а сама занялась домашними делами. М[ихаил] А[фанасьевич] взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул: „Любаша!“, что я опрометью бросилась к телефону (у нас были отводные от телефона наушники). Я пока одна-единственная, кто слушал эту беседу. На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явно грузинским акцентом и называл себя во втором лице. Он предложил Булгакову — может быть, Вы хотите уехать за границу?»

Более подробно изложен этот разговор в воспоминаниях Е.С. Булгаковой: «Когда я с ними 51 познакомилась... у них было трудное материальное положение. Не говорю уже об ужасном душевном состоянии М[ихаила] А[фанасьевича] [...] Тогда он написал письмо правительству [...]3 апреля, когда я как раз была у М. А. на Пироговской, туда пришли Ф. Кнорре и П. Соколов (первый, кажется, завлит ТРАМа 52, а второй — директор) с уговорами, чтобы М. А. поступил режиссером в ТРАМ... А 18 апреля часов в 6—7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шилевским) на Бол. Ржевском и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный зверок и Люба 53 его подозвала, сказав, что из ЦК спрашивают.

М. А. не поверил, решил, что это розыгрыш (тогда это проделывалось), и взъерошенный, раздраженный взялся за трубку и услышал:

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, да.

— Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.

— Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом:

— Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или — Михаил Афанасьевич — не помню точно).

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — Вы проситесь за границу? Что мы Вам очень надоели?

(М. А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса — да он и звонка вообще не ожидал — что растерялся и не сразу ответил):

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном Театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами.

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с Вами поговорить.

— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего».

Разговор по телефону со Сталиным безусловно сыграл положительную роль в дальнейшей жизни писателя.

Е.С. Булгакова в связи с этим вспоминает: «На следующий день после разговора М. А. пошел в МХАТ и там встретили с распростертыми объятиями. Он что-то пробормотал, что подает заявление

— Да боже ты мой!.. Да вот хоть на этом (и тут же схватили какой-то лоскуток бумаги, на котором М. А. написал заявление и его зачислили ассисентом-режиссером в МХАТ)».

Я обращаюсь к Правительству СССР со следующим письмом:

1.

После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен, как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет:

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

2.

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных — было 3, враждебно-ругательных — 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы «Дни Турбиных» Алексея Турбина печатно в стихах называли «СУКИНЫМ СЫНОМ», а автора пьесы рекомендовали, как «одержимого СОБАЧЬЕЙ СТАРОСТЬЮ». Обо мне писали, как о «литературном УБОРЩИКЕ», подбирающем объедки после того, как «НАБЛЕВАЛА дюжина гостей».

Писали так:

«...МИШКА Булгаков, кум мой, ТОЖЕ, ИЗВИНИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ, ПИСАТЕЛЬ, В ЗАЛЕЖАЛОМ МУСОРЕ шарит... Что это, спрашиваю, братишечка, МУРЛО у тебя... Я человек деликатный, возьми да и ХРЯСНИ ЕГО ТАЗОМ ПО ЗАТЫЛКУ... Обывателю мы без Турбиных вроде как БЮСТГАЛЬТЕР СОБАКЕ без нужды... Нашелся, СУКИН СЫН. НАШЕЛСЯ ТУРБИН, ЧТОБ ЕМУ НИ СБОРОВ, НИ УСПЕХА...» («Жизнь ИСКУССТВА», № 44—1927 г.).

Писали «О Булгакове, который чем был, тем и останется, НОВОБУРЖУАЗНЫМ ОТРОДЬЕМ, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы» («Комс. правда», 14/X. 1926 г.).

Сообщали, что мне нравится «АТМОСФЕРА СОБАЧЬЕЙ СВАДЬБЫ вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля» (А. Луначарский, «Известия», 8/X—1926 г.), и что от моей пьесы «Дни Турбиных» идет «ВОНЬ» (Стенограмма совещания при Агитпропе в мае 1927 г.), и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я отнюдь не с тем, чтобы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель — гораздо серьезнее.

Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и С НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР СОВЕРШЕННО ПРАВА.

3.

Отправной точкой этого письма для меня послужит мой памфлет «Багровый остров».

Вся критика СССР, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она «бездарна, беззуба, убога», и что она представляет «пасквиль на революцию».

Единодушие было полное, но нарушено оно было внезапно и совершенно удивительно.

В № 12 «Реперт. Бюлл.» (1928 г.) появилась рецензия П. Новицкого, в которой было сообщено, что «Багровый остров» — «интересная и остроумная пародия», в которой «встает зловещая тень Великого Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего РАБСКИЕ ПОДХАЛИМСКИ-НЕЛЕПЫЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ШТАМПЫ, стирающего личность актера и писателя», что в «Багровом острове» идет речь о «зловещей мрачной силе, воспитывающей ИЛОТОВ, ПОДХАЛИМОВ И ПАНЕГИРИСТОВ...».

Сказано было, что «если такая мрачная сила существует, НЕГОДОВАНИЕ И ЗЛОЕ ОСТРОУМИЕ ПРОСЛАВЛЕННОГО БУРЖУАЗИЕЙ ДРАМАТУРГА ОПРАВДАНО».

Позволительно спросить — где истина?

Что же такое, в конце концов, — «Багровый остров»? — «Убогая, бездарная пьеса» или это «остроумный памфлет»?

Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» — пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция.

Но когда германская печать пишет, что «Багровый остров» это «первый в СССР призыв к свободе печати» («Молодая гвардия» № 1—1929 г.), — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

4.

Вот одна из черт моего творчества, и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это, занятая малоубедительными сообщениями о том, что в сатире М. Булгакова — «КЛЕВЕТА».

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы

высокомерного удивления:

«М. Булгаков ХОЧЕТ стать сатириком нашей эпохи» («Книгоноша», № 6—1925 г.).

Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М. Булгаков СТАЛ САТИРИКОМ, и как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершеннейшей ясностью в статье В. Блюма (№ 6 «Лит. Газ.») и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу:

ВСЯКИЙ САТИРИК В СССР ПОСЯГАЕТ НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ.

Мыслим ли я в СССР?

5.

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции, как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ — аттестат белогвардейца-врага, а, получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР.

6.

Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за пределами его не искать ничего. Он исполнен совершенно добросовестно.

7.

Ныне я уничтожен.

Уничтожение это было встречено советской общественностью с полною радостью и названо «ДОСТИЖЕНИЕМ».

Р. Пикель, отмечая мое уничтожение («Изв.», 15/IX—1929 г.), высказал либеральную мысль:

«Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов».

И обнадежил зарезанного писателя словами, что «речь идет о его прошлых драматургических произведениях».

Однако жизнь, в лице Главреперткома, доказала, что либерализм Р. Пикеля ни на чем не основан.

18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, лаконически сообщающую, что не прошлая, а новая моя пьеса «Кабала святош» («Мольер») К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ НЕ РАЗРЕШЕНА.

Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены — работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы — блестящая пьеса.

Р. Пикель заблуждается. Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Все мои вещи безнадежны.

8.

Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене.

Я прошу обратить внимание на следующие два отзыва обо мне в советской прессе.

Оба они исходят от непримиримых врагов моих произведений и поэтому они очень ценны.

В 1925 году было написано:

«Появляется писатель, НЕ РЯДЯЩИЙСЯ ДАЖЕ В ПОПУТНИЧЕСКИЕ ЦВЕТА» (Л. Авербах, «Изв.», 20/IX—1925 г.).

А в 1929 году:

«Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества» (Р. Пикель, «Изв.», 15/IX—1929 г.).

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо.

9.

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ.

10.

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

11.

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу О КАТЕГОРИЧЕСКОМ ПРИКАЗЕ, О КОМАНДИРОВАНИИ, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР, как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили ИСПУГ, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и актера, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до пьес сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр — в лучшую школу, возглавляемую мастерами К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, В ДАННЫЙ МОМЕНТ, — нищета, улица и гибель.

Москва, 28 марта 1930 года.

М. Булгаков

В ОГПУ [1]

2 апреля 1930 г.

В Коллегию Объединенного Государственного Политического Управления

Прошу не отказать направить на рассмотрение Правительства СССР мое письмо от 28.III.1930 г., прилагаемое при этом [2].

---

[1] *Огонек, 1991, № 20. Затем: Булгаков Михаил. Дневники. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Печатается и датируется по второму изданию. Комментарии В.И. Лосева.*

[2] Булгаков выбрал рискованнейший вариант для своего спасения. Но он был уверен, что в ОГПУ не отнесутся к его письму с равнодушием. И не ошибся. Генрих Ягода читал и перечитывал письмо Булгакова, адресованное Правительству СССР, с таким вниманием, что испещрил его жирным карандашом, подчеркивая наиболее важные, с его точки зрения, места. Можно представить себе, с каким наслаждением потирал он свои ручки, предвкушая встречу с писателем-арестантом. И ошибся. Через несколько дней, 12 апреля, ему пришлось написать на письме следующую резолюцию: «Надо дать возможность работать, где он хочет. Г. Я. 12 апреля».

Совершенно очевидно, что резолюция эта была продиктована Генриху Ягоде Сталиным.

Самое примечательное в резолюции — это ее дата: «12 апреля»! А сие означает, что Сталин принял это принципиальное решение до убийства Маяковского (если, конечно, Сталин не знал, что Маяковский будет убит). Смерть Маяковского подтолкнула Сталина к другому невероятному шагу — он сам позвонил Булгакову и побеседовал с ним. Но это было уже деталью, правда, важной, но не более того. Решение о сохранении жизни Булгакову он принял раньше! Решение это, надо сказать, оказалось гениальным во всех отношениях. Неожиданное, яркое и подтвержденное телефонным разговором!

Потрясенный писатель возликовал. Кабала, оглушенная неожиданным ударом, сникла (на время, конечно). Публика пустилась в сочинительство: в столице появилось множество легенд, мифов, небылиц... А в ОГПУ стали поступать такие свидетельства, что их не грех было бы переправить на самый верх. Вот одно из таких свидетельств:

Сов.секретно

НАЧСООГПУ тов. АГРАНОВУ

Агентурно-осведомительная сводка 5-го Отд. СООГПУ

от 24 мая 1930 года № 61

Письмо М.А. Булгакова.

В литературных и интеллигентских кругах очень много разговоров по поводу письма Булгакова.

Как говорят, дело обстояло следующим образом:

Когда положение БУЛГАКОВА стало нестерпимым (почему стало нестерпимым, об этом будет сказано ниже), БУЛГАКОВ в порыве отчаяния написал три письма одинакового содержания, адресованные на имя И.В. СТАЛИНА, Ф. КОНА (Главискусство) и в ОГПУ.

В этих письмах со свойственной ему едкостью и ядовитостью БУЛГАКОВ писал, что он уже работает в сов. прессе ряд лет, что он имеет несколько пьес и около 400 газетных рецензий, из которых 398 ругательных, граничащих с травлей и с призывом чуть ли не физического его уничтожения. Эта травля сделала из него какого-то зачумленного, от которого стали бегать не только театры, но и редакторы и даже представители тех учреждений, где он хотел устроиться на службу. Создалось совершенно нетерпимое положение не только в моральном, но часто и в материальном отношении, граничащем с нищетой. БУЛГАКОВ просил или отпустить его с семьей за границу, или дать ему возможность работать.

Феликс КОН, получив это письмо, написал резолюцию: «Ввиду недопустимого тона оставить письмо без рассмотрения».

Проходит несколько дней, в квартире БУЛГАКОВА раздается телефонный звонок.

— Вы тов. Булгаков?

— Да.

— С вами будет разговаривать тов. СТАЛИН (!).

БУЛГАКОВ был в полной уверенности, что это мистификация, но стал ждать.

Через 2—3 минуты он услышал в телефоне голос:

— Я извиняюсь, тов. БУЛГАКОВ, что не мог быстро ответить на ваше письмо, но я очень занят. Ваше письмо меня очень заинтересовало. Мне хотелось бы с вами переговорить лично. Я не знаю, когда можно сделать, т. к., повторяю, я крайне загружен, но я вас извещу, когда смогу вас принять. Но во всяком случае мы постараемся для вас что-нибудь сделать.

БУЛГАКОВ по окончании разговора сейчас же позвонил в Кремль, сказав, что ему сейчас только что звонил кто-то из Кремля, который назвал себя СТАЛИНЫМ.

БУЛГАКОВУ сказали, что это был действительно СТАЛИН. БУЛГАКОВ был страшно потрясен. Через некоторое время, чуть ли не в этот же день БУЛГАКОВ получил приглашение от т. КОНА пожаловать в Главискусство. Ф. КОН встретил БУЛГАКОВА с чрезвычайной предусмотрительностью, предложив стул и т. п.

— Что такое? Что вы задумали, М. А., как же все это так может быть, что вы хотите?

— Я бы хотел, чтобы вы меня отпустили за границу.

— Что вы, что вы, М. А., об этом и речи быть не может, мы вас ценим и т. п.

— Ну, тогда дайте мне хоть возможность работать, служить, вообще что-нибудь делать.

— Ну, а что вы хотите, что вы можете делать?

— Да все что угодно. Могу быть конторщиком, писцом, могу быть режиссером, могу...

— А в каком театре вы хотели быть режиссером?

— По правде говоря, лучшим и близким мне театром я считаю Художественный. Вот там я бы с удовольствием.

— Хорошо, мы об этом подумаем.

На этом разговор с Ф. КОНОМ был закончен.

Вскоре БУЛГАКОВ получил приглашение явиться в МХАТ 1-й, где уже был напечатан договор с ним как с режиссером.

Вот и вся история, как все говорят, похожая на красивую легенду, сказку, которая многим кажется просто невероятной.

Необходимо отметить те разговоры, которые идут про СТАЛИНА сейчас в литерат. интеллигентских кругах.

Такое впечатление, словно прорвалась плотина и все вдруг увидали подлинное лицо тов. СТАЛИНА.

Ведь не было, кажется, имени, вокруг которого не сплелось больше всего злобы, ненависти, мнений как об озверелом тупом фанатике, который ведет к гибели страну, которого считают виновником всех наших несчастий, недостатков, разрухи и т. п., как о каком-то кровожадном существе, сидящем за стенами Кремля.

Сейчас разговор:

— А ведь СТАЛИН действительно крупный человек. Простой, доступный.

Один из артистов театра Вахтангова, О. ЛЕОНИДОВ, говорил:

— Сталин раза два был на «Зойкиной квартире». Говорил с акцентом: хорошая пьеса. Не понимаю, совсем не понимаю, за что ее то разрешают, то запрещают. Хорошая пьеса, ничего дурного не вижу.

Рассказывают про встречи с ним, когда он был не то Наркомнац, не то Нарком РКИ: совершенно был простой человек, без всякого чванства, говорил со всеми, как с равными. Никогда не было никакой кичливости.

А главное, говорят о том, что СТАЛИН совсем ни при чем в разрухе. Он ведет правильную линию, но кругом него сволочь. Эта сволочь и затравила БУЛГАКОВА, одного из самых талантливых советских писателей. На травле БУЛГАКОВА делали карьеру разные литературные негодяи, и теперь СТАЛИН дал им щелчок по носу.

Нужно сказать, что популярность СТАЛИНА приняла просто необычайную форму. О нем говорят тепло и любовно, пересказывая на разные лады легендарную историю с письмом БУЛГАКОВА.

Уже пошли анекдоты.

Вчера, 24/V, на премьере «Три толстяка» в 1-м МХАТе опять было много разговоров по поводу письма БУЛГАКОВА. Между прочим, рассказывали еще об одном инциденте со СТАЛИНЫМ, очень похожим на анекдот.

Передавал это кто-то из артистов Художественного театра О. ЛЕОНИДОВУ.

Тов. СТАЛИН был второй раз на «Отелло», сидел будто бы в ложе один. К нему подсел актер ПОДГОРНЫЙ и начал говорить, что он очень болен, что за границей хорошо лечат, там хорошие доктора, хорошо бы проехать за границу, но как это сделать?

Тов. СТАЛИН хранил молчание. ПОДГОРНЫЙ почувствовал себя в неловком положении, думая, что СТАЛИН обиделся. Тогда он стал говорить, что, в сущности, конечно, и в СССР есть хорошие доктора, лечебницы, что можно, конечно, полечиться и в СССР.

Тов. СТАЛИН хранил молчание и не отвечал.

Тогда уже в отчаянии, дрожащим голосом ПОДГОРНЫЙ опять переменил разговор:

— Вот Вы, тов. Сталин, кавказец, Вы там долго жили на юге, не можете ли Вы мне посоветовать, на какой курорт мне поехать?

СТАЛИН внимательно посмотрел на Подгорного и, помолчав, вдруг отрывисто сказал:

— В Туруханский край!

ПОДГОРНЫЙ как ошарашенный выскочил из ложи.

Все это очень похоже на анекдот. Но надо заметить, что говорят об этом, подчеркивая не грубость СТАЛИНА, а бестактное поведение ПОДГОРНОГО.

Вообще чувствуется удивительное изменение т. н. «общественного мнения» к тов. СТАЛИНУ.

P.S. Никого из вождей вчера на премьере не было. Все думали, что будут ЛИТВИНОВ и СТАЛИН. («Я не шепотом в углу выражал эти мысли»).

По поводу этой сводки можно сказать только одно: среди осведомителей ОГПУ были виртуозы своего дела.

М. Булгаков.

Москва, Б. Пироговская, 35-а, кв.
телеф. 2-03-27
Михаил Афанасьевич Булгаков.

М. Булгаков — И.В. Сталину Генеральному Секретарю ЦК ВКП(Б) [1]

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Я не позволил бы себе беспокоить Вас письмом, если бы меня не заставляла сделать это бедность.

Я прошу Вас, если это возможно, принять меня в первой половине мая.

Средств к спасению у меня не имеется [2].

5 мая 1930 г.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [3]

[июня 1930 года [4]]

Дорогой Викентий Викентьевич, у меня сняли телефон и отрезали таким образом от мира.

Зайду к Вам завтра (2-го) в 5 час. вечера. Удобно ли это Вам?

Любовь Евгеньевна и я Марии Гермогеновне [5] шлем привет!

Ваш *М. Булгаков*

(бывший драматург, а ныне режиссер МХТ).

М.А. Булгаков — Л.Е. Булгаковой-Белозерской [6]

15 июля 1930 г. Утро. Под Курском.

Ну, Любаня, можешь радоваться. Я уехал! Ты скучаешь без меня, конечно? Кстати: из Ленинграда должна быть телеграмма из театра. Телеграфируй мне коротко, что предлагает

---

[1] *Источник, 1996, № 5. Печатается и датируется по первому изданию.*

[2] Письмо через знакомых было вручено секретарю Сталина с сопроводительной запиской: «Многоуважаемый т. Товстуха! Убедительно прошу Вас прилагаемое при этом письмо передать Иосифу Виссарионовичу Сталину. С уважением Михаил Булгаков. P.S. Не откажите уведомить меня о получении Вами этого письма. М. Б. 5 мая 1930».

10 мая Булгаков был зачислен в штат МХАТа.

[3] *Знамя. 1988. № 1. 3 Затем: Письма. Публикуется и датируется по второму изданию.*

[4] Есть все основания присоединиться к мнению авторов публикации писем М.А. Булгакова к В.В. Вересаеву в журнале «Знамя» о дате написания письма, поскольку Булгаков был зачислен режиссером в МХАТ в мае 1930 г.

[5] Смидович Мария Гермогеновна (1875—1963) — жена В.В. Вересаева.

[6] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию.*

мне театр. Адрес свой я буду знать, по-видимому, в Севастополе. Душка, зайди к портному. Вскрывай всю корреспонденцию. Твой. Бурная энергия трамовцев гоняла их по поезду, и они принесли известие, что в мягком вагоне есть место. В Серпухове я доплатил и перешел. В Серпухове в буфете не было ни одной капли никакой жидкости. Представляете себе трамовцев с гитарой, без подушек, без чайников, без воды, на деревянных лавках? К утру трупики, надо полагать. Я устроил свое хозяйство на верхней полке. С отвращением любуюсь пейзажами. Солнце. Гуси.

16 июля 1930 г. Под Симферополем. Утро.

Дорогая Любаня! Здесь яркое солнце. Крым такой же противненький, как и был. Трамовцы бодры как огурчики. На станциях в буфетах кой-что попадается, но большею частью пустовато. Бабы к поездам на юге выносят огурцы, вишни, яйца, булки, лук, молоко. Поезд опаздывает. В Харькове видел Оленьку (очень мила, принесла мне папирос), Федю, Комиссарова и Лесли. Вышли к поезду. Целую! Как Бутон?

Пожалуйста, ангел, сходи к Бычкову-портному, чтобы поберег костюм мой. Буду мерить по приезде. Если будет телеграмма из театра в Ленинграде — телеграфируй. *М.*

17 июля 1930 г. Крым. Мисхор. Пансионат «Магнолия».

Дорогая Любинька, устроился хорошо. Погода неописуемо хороша. Я очень жалею, что нет никого из приятелей, все чужие личики*. Питание: частным образом, по-видимому, ни черта нет. По путевкам в пансионате — сносно вполне. Жаль, что не было возможности мне взять тебя (совесть грызет, что я один под солнцем). Сейчас я еду в Ялту на катере, хочу посмотреть, что там. Привет всем. Целую. Мак [1].

* Но Трамовцы — симпатичны.

М.А. Булгаков — Л.Е. Булгаковой-Белозерской [2]

Телеграмма

---

[1] Эти письма — из рукописных воспоминании Л.Е. Белозерской. Она сама и комментирует их; «Делаю пояснения к письму от 16 июля. Оленька — Ольга Сергеевна Бокшанская, секретарь В.И. Немировича-Данченко, Федя — Федор Николаевич Михальский, администратор Художественного театра, Комиссаров и Лесли — актеры этого же театра. В скором времени после приезда из Крыма М. А. получил вызов в ЦК партии, но бумага показалась Булгакову подозрительной. Это оказалось „милой шуткой“ Юрия Олеши. Вообще Москва широко комментировала звонок Сталина. Каждый вносил свою лепту выдумки, что продолжается и по сей день.

Роман с Театром Рабочей Молодежи так и не состоялся: М. А. направили на работу в Художественный театр, чего он в то время пламенно добивался».

И еще процитируем: «Прямым результатом беседы со Сталиным было назначение М.А. Булгакова на работу в Театр Рабочей Молодежи, сокращенно ТРАМ. Вскоре после этого у нас на Пироговской появились двое молодых людей: один высокомерный — Федор Кнорре, другой держался лучше — Николай Крючков. ТРАМ не Художественный театр, куда жаждал попасть М. А., но капризничать не приходилось. Трамовцы уезжали в Крым и пригласили Булгакова с собой. Он поехал, — вспоминала Л.Е.Белозерская. — ...В это кризисное время я постаралась устроиться на работу. Еще на шоферских курсах инженер Борис Эдуардович Шпринк, читавший у нас моторостроение и работавший заместителем главного редактора технической энциклопедии, предложил мне поступить к ним в редакцию. Я поступила. Мне понравилось. Все были очень культурны, и там легко дышалось.

— Эх, Любашка, ничего из этого не выйдет, — сказал Михаил Афанасьевич. У него видно было обостренное ощущение существовавшей недоброжелательности по отношению к себе, писателю Булгакову, а рикошетом и ко мне, его жене.

Он как в воду смотрел...»

[2] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию.*

28 июля 1930 г. Мисхор.

Почему Люсетты [1] нет писем. Наверно больна

М.А. Булгаков — Е.С. Шиловской [2] [3]

Телеграмма

Июль 1930 г. Мисхор.

1

Убежден ваше ведомство может срочно приобрести Москве курбюро путевку южный берег Крыма Распределитель Севастополь при веском документе.

2

Ведомство полагаю найдет место одном из пансионатов протяжении Мисхор — Ялта.

Как здоровье? Привет вашему семейству. Телеграфируйте Крым Мисхор Пансионат Магнолия [4].

Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.А. Венкстерн [5]

22 июля 1930 года (Мисхор)

---

[1] Люсетта — Елена Сергеевна Шиловская.

[2] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию.*

[3] С Еленой Сергеевной Шиловской, урожд. Нюренберг (1893—1970), Булгаков познакомился в феврале 1929 г. Об этом, к счастью, сохранились воспоминания самой Елены Сергеевны. В феврале 1961 г. она писала брату: «[...] На днях будет еще один 32-летний юбилей-день моего знакомства с Мишей. Это было на масленой, у одних общих знакомых [...] Сидели мы рядом, [...] у меня развязались какие-то завязочки на рукаве, [...] я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь [...] Тут же мы условились идти на следующий день на лыжах. И пошло. После лыж — генеральная „Блокады“, после этого — актерский клуб, где он играл с Маяковским на биллиарде... Словом, мы встречались каждый день и, наконец, я взмолилась и сказала, что никуда не пойду, хочу выспаться, и чтобы Миша не звонил мне сегодня. И легла рано, чуть ли не в 9 часов. Ночью (было около трех, как оказалось потом) Оленька 54, которая всего этого не одобряла, конечно, разбудила меня: иди, тебя твой Булгаков зовет к телефону [...] Я подошла. „Оденьтесь и выйдите на крыльцо“, — загадочно сказал Миша и, не объясняя ничего, только повторял эти слова. Жил он в это время на Бол. Пироговской, а мы на Бол. Садовой, угол Мал. Бронной, в особнячке, видевшем Наполеона, с каминами, с кухней внизу, с круглыми окнами, затянутыми сиянием, словом, дело не в сиянии, а в том, что далеко друг от друга. А он повторяет — выходите на крыльцо. Под Оленькино ворчание я оделась [...] и вышла на крылечко. Луна светит страшно ярко, Миша белый в ее свете стоит у крыльца. Взял под руку и на все мои вопросы и смех — прикладывает палец ко рту и молчит... Ведет через улицу, приводит на Патриаршие пруды, доводит до одного дерева и говорит, показывая на скамейку: здесь они увидели его в первый раз. И опять — палец у рта, опять молчание...

Потом пришла весна, за ней лето, я поехала в Ессентуки на месяц. Получала письма от Миши, в одном была засохшая роза и вместо фотографии — только глаза его, вырезанные из карточки... С осени 29 г., когда я вернулась, мы стали ходить с ним в Ленинскую библиотеку, он в это время писал книгу [...]».

[4] В ответ Е.С. Шиловская телеграфировала: «Здравствуйте, друг мой, Мишенька. Очень вас вспоминаю и очень вы милы моему сердцу. Поправляйтесь, отдыхайте. Хочется вас увидеть веселым, бодрым, жутким симпатягой. Ваша Мадлена Трусикова-Ненадежная».

[5] *Печатается и датируется по первому изданию.*

Милая Наталья Алексеевна! [1]В Крыму — зной. Море, — как и было... Скука даже не зеленая, что-то чудовищное, что можно видеть лишь во сне. В первых числах августа собираюсь обратно.

27 июля 1930 года.

3-го августа еду в Москву.

М.А. Булгаков — К.С. Станиславскому [2]

6 августа 1930 г. Москва
Москва.
Большая Пироговская 35-а
квар. 6.
Михаил Афанасьевич
Булгаков.

Многоуважаемый Константин Сергеевич.

Вернувшись из Крыма, где я лечил мои больные нервы после очень трудных для меня последних двух лет, пишу Вам простые неофициальные строки:

Запрещение всех моих пьес заставило меня обратиться к Правительству СССР с письмом, в котором я просил или отпустить меня за границу, если мне уже невозможно работать в качестве драматурга, или же предоставить мне возможность стать режиссером в театре СССР.

Есть единственный и лучший театр. Вам он хорошо известен.

И в письме моем к Правительству написано было так: «я прошусь в лучшую школу, возглавляемую мастерами К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко». Мое письмо было принято во внимание и мне была дана возможность подать заявление в Художественный Театр и быть зачисленным в него.

После тяжелой грусти о погибших моих пьесах, мне стало легче, когда я — после долгой паузы — и уже в новом качестве переступил порог театра, созданного Вами для славы страны.

Примите, Константин Сергеевич, с ясной душой нового режиссера. Поверьте, он любит

---

[1] Венкстерн Наталья Алексеевна (1891—1957) — драматург. Ее пьеса «В 1825 году» и инсценировка «Пиквикского клуба», поставленные. МХАТом, пользовались успехом.

Из протокола заседания режиссерского совещания 7 мая 1932 г. во МХАТе можно узнать, что инсценировка Н.А. Венкстерн «Пиквикского клуба» понравилась И.М. Кудрявцеву, актеру театра, режиссеру В.Г. Сахновскому, завлиту П.А. Маркову. М.А. Булгаков на обсуждении сказал: «Считаю, что в данном случае мы имеем блестящее перенесение на сцену сатирического романа „Диккенса“» (См.: Марков П. А. В художественном театре. Книга завлита. М., 1976, С. 583).

Ставил «Пиквикский клуб» актер и режиссер МХАТа В.Я. Станицын, режиссером-ассистентом был М.А. Булгаков. Премьера — 1 декабря 1934 г.

«По вечерам нередко к нам приезжала писательница Наталья Алексеевна Венкстерн, — вспоминает Л.Е. Белозерская. — Она уже написала пьесу „В 1825 году“, шедшую с большим успехом во МХАТе 2-м. В ней особенно хороши были Гиацинтова и Берсенев. Московский Художественный театр заказал писательнице инсценировку „Пиквикского клуба“ Диккенса. По Москве тогда пошли слухи, что пьесу написал Булгаков. Это неправда: Москва любит посплетничать. Наташа приносила готовые куски, в которых она добросовестно старалась сохранить длинные диккенсовские периоды, а М. А. молниеносно переделывал их в короткие сценические диалоги. Было очень интересно наблюдать за этим колдовским превращением. Но Наталья Венкстерн была женщина умная и способная: она очень скоро уловила, чего добивался Булгаков.

„Пиквикский клуб“ был поставлен в МХАТе в 1934 году В. Станицыным. Декорации в стиле старинной английской раскрашенной гравюры написал П. Вильямс, музыку — Н. Сизов. Некоторые песенки до сих пор еще звучат в моей памяти: „Здравствуй, дом, прощай, дорога“, — много раз напевали москвичи...»

[2] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию.*

Ваш Художественный Театр.

Возвращайтесь в Москву и вновь пройдите по сукну, окаймляющему зал [1].

Уважающий Вас
Михаил Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

7 августа 1930 г.

Дорогой Никол!

вчера получил твое письмо из Zagreba от 31.VII.30, начинающееся словами «пишу это письмо, лежа в клинике...».

До этого ни одного из твоих писем я не получил. Последнее мое письмо к тебе содержало просьбу о лекарствах. На него (и на предыдущие) ответа от тебя уже не было.

Вчерашняя весть от тебя меня несколько оживила. Прошу срочно ответить на это письмо.

1) МХТ: сообщение о назначении верно [3]. Назначен режиссером в МХТ. Комментарии к этому, появившиеся в прессе за пределами СССР, мне неизвестны. В них, вероятно, — много путаного, вымышленного. Но основа верна.

Далее:

2) Деньги нужны остро. И вот почему: в МХТ жалованья назначено 150 руб. в месяц, но и их я не получаю, т. к. они мною отданы на погашение последней ¼ подоходного налога за истекший год. Остается несколько рублей в месяц. Помимо них, 300 рублей в месяц я получаю в театре, носящем название ТРАМ [4] (театр рабочей молодежи). В него я поступил тогда же приблизительно, когда и в МХТ.

Но денежные раны, нанесенные мне за прошлый год, так тяжки, так непоправимы, что и 300 трамовских рублей как в пасть валятся на затыкание долгов (паутина).

Пишу это я не с тем, чтобы наскучить тебе или жаловаться. Даже в Москве какие-то сукины сыны распространили слух, что будто бы я получаю по 500 рублей в месяц в каждом театре. Вот уж несколько лет как в Москве и за границей вокруг моей фамилии сплетают вымыслы. Большей частью злостные.

Но ты, конечно, сам понимаешь, что черпать сведения обо мне можно только из моих писем — скудных хотя бы.

Итак: если у тебя имеются мои деньги и если хоть какая-нибудь возможность перевести в СССР есть, *ни минуты не медля* , переведи.

---

[1] 4 сентября 1930 г. К.С. Станиславский писал Булгакову: «Вы не представляете себе, до какой степени я рад Вашему вступлению в наш театр!

Мне пришлось поработать с Вами лишь на нескольких репетициях „Турбиных“, и я тогда почувствовал в Вас — режиссера (а может быть, и актера?!). Мольер и многие другие совмещали эти профессии с литературой!»

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 12).*

[3] М.А. Булгаков отвечает на следующую реплику брата от «Твое молчание, конечно, глубоко удручает меня, тем более, что несколько подряд моих писем осталось без всякого ответа. Стороной имею о тебе сведения — например, назначение в МХАТ — но при отсутствии твоих писем не могу ничему придавать большого значения».

[4] После разговора со Сталиным М.А. Булгаков был принят режиссером в МХАТ, а вечером работал в ТРАМе.

3) Английский перевод моей книжки (какой — ты не пишешь) *устраивай* . Если поступят по этому деньги, сообщи срочно.

4) Лекарства, уж конечно, не нужны.

Теперь позволю себе повторить, что мне нужно:

1) экземпляры моего романа «Дни Турбиных» (Paris).

2) Экземпляр его же (Рига).

3) Начало «La mort des poules» из журнала «Vie» [1]

4) Вырезки из газет обо мне. Я понимаю, что я тебя затрудняю, но ... нужно!

На этом пока заканчиваю письмо.

Поправляйся. Надеюсь на вполне благоприятный исход твоей операции [2]. Счастлив, что ты погружен в науку. Будь блестящ в своих исследованиях, смел, бодр, и всегда надейся. Люба тебе шлет привет.

Твой *Михаил.*

P.S. Следующее письмо пошлю немедленно. В нем подробнее напишу о себе.

Б. Пироговская 35/а, кв. 6.

1931—1940

М.А. Булгаков — Е.С. Шиловской [448]

3 янв. 1931 г.

Мой друг! Извини, что я так часто приезжал. Но сегодня я [...] [3]

М.А. Булгаков — И.В. Сталину [4]

О, муза! Наша песня спета...
И музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, сбирая колос
С своей несжатой полосы.
Некрасов

Генеральному Секретарю ВКП(б) И.В. Сталину

Вступление

---

[1] «Vie» — «Жизнь» (*франц.*).

[2] У Н.А. Булгакова была операция по поводу болезни горла.

[3] На этом письмо обрывается. Очевидно, написано Елене Сергеевне в те дни, когда она отдыхала в подмосковном доме отдыха и куда Булгаков приезжал несколько раз.

[4] *Октябрь. 1987, № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562,к. 19, ед. хр. 33, л. 7).*

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Около полутора лет прошло с тех пор, как я замолк.

Теперь, когда я чувствую себя очень тяжело больным, мне хочется просить Вас стать моим первым читателем... [1]. *(начало 1931 г.)*

М.А. Булгаков — К.С. Станиславскому [2]

18 марта 1931 г.

Дорогой

и многоуважаемый Константин Сергеевич!

Я ушел из Трама, так как никак не могу справиться с трамовской работой.

Я обращаюсь к Вам с просьбой включить меня помимо режиссерства также и в актеры Художественного Театра.

О моем разговоре по этому поводу с М.С. Гейтц [3] подробно пишет Вам Рипсимэ Карповна [4].

Преданный
М. Булгаков.

На этой записке М.А. Булгакова К.С. Станиславский написал:

Одобряю, согласен. Говорил по этому поводу с Андр[еем] Серг[еевичем] Бубновым [5].

---

[1] Казалось бы, ситуация для Булгакова складывалась благоприятно: он работал в любимом театре, участвовал в репетициях, получил заказ на инсценировку «Мертвых душ», рецензировал сценарии в ТРАМе, но ни одна из его пьес не была возобновлена в театре, ни одна строка не появилась в печати. Улучшились только материальные условия, душевное же состояние его было подавленным. Сказывались и нездоровье, и крайнее переутомление, неопределенность положения как писателя. Но после разговора с И.В. Сталиным Булгаков стал надеяться на встречу с ним. По свидетельству Е.С. Булгаковой, беседы с Михаилом Афанасьевичем о И.В. Сталине носили постоянный характер. Очевидно, размышления о предстоящей встрече с Генеральным секретарем побудили его написать сугубо личное письмо И.В. Сталину, хотя оно так и не было завершено: автограф неоконченного письма Сталину хранится в архиве писателя.

Булгаков, очевидно, не был уверен в том, что его правильно поймут, и поэтому письмо обрывается на полуслове. В то время положение многих русских писателей было неопределенным. Напомним здесь только об одном факте: как раз тогда издательства отказались печатать третью книгу «Тихого Дона» М. Шолохова, который 6 июня 1931 г. обратился с тревожным письмом к А.М. Горькому. В июне же 1931 г. состоялась встреча Сталина и Шолохова на даче Горького, где и решилась судьба публикации третьей книги великого русского романа. А в октябре 1933 г. Алексей Толстой сообщал Горькому, что «ленинградская цензура зарезала книгу Зощенко» (прошедшую в «Звезде»), что «впечатление здесь от этого очень тяжелое...». Мы уже не вспоминаем здесь о том, что происходило с Н. Клюевым, С. Клычковым, Е. Замятиным, Б. Пильняком...

М.А. Булгаков не мог не знать об обстановке, сложившейся в литературе и искусстве, которыми управляли люди, далекие от творчества.

[2] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию.*

[3] Гейтц М. С. — один из руководителей МХАТа в 1930-е гг., в 1931 г. был директором театра. В дневнике Е.С. Булгаковой сохранилась следующая запись (25 мая 1937 г.) о нем: «Сегодня в „Веч. Москве“ в сообщении об активе МХАТ есть следующие строки: „При помощи Гейтца, бывшего одно время директором Театра, авербаховцы пытались сделать Художественный Театр „Театральным органом“ Раппа“.

Вот фигура, между прочим, была этот Гейтц! Производил впечатление уголовного типа».

[4] Таманцева Рипсимэ Карповна — секретарь К.С. Станиславского, была весьма колоритной и влиятельной личностью в театре. Чаще всего в документах архива она значится как «Рипси», часто упоминается в дневниках Е.С. Булгаковой.

[5] Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1940) — советский государственный и партийный деятель. С 1929 г. возглавлял Наркомпрос РСФСР.

Он ничего не имеет против.

К. Станиславский.

1931—19—IV

М.А. Булгаков — И.В. Сталину [1]

Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Виссарионовичу Сталину [2]

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для проведения большого и

---

[1] *Октябрь, 1987, № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 33, л. 1-6).*

[2] В мае 1931 г. Булгаков обращается с письмом лично к Сталину, в котором просит направить его вместе с женой в заграничный отпуск сроком на три месяца. Письмо замечательно во многих отношениях, но наиболее ярко в нем проявляется гражданская позиция писателя.

Булгаков развивает свою мысль, высказанную в телефонном разговоре со Сталиным, о том, что русский писатель не может жить вне Родины. Булгаков находит у Гоголя — любимого своего писателя — прекрасные строки о готовности принести себя в жертву во имя Отчизны, о необходимости познать «цену России только вне России» и «добыть любовь к ней вдали от нее». Свои новые творческие замыслы, которые появились у него с «неудержимой силой», писатель связывает с желанием воспеть свою социалистическую Родину — СССР. Это тем более важное признание, что Булгаков к тому времени прошел страшную полосу гонений и травли со стороны ревнителей «пролетарской культуры», для которых на самом деле и великая русская литература, и зарождающаяся советская литература были глубоко чуждыми. Не ждал Булгаков и скорых перемен в этой сфере деятельности. И тем не менее он с еще большей силой заявил, что не мыслит себя вне родной земли, не мыслит себя вне советского театра, который он беззаветно любил и который нужен был ему как воздух.

Как можно заметить, в «политическом автопортрете» Булгакова появились новые светлые тона, которых с течением времени становилось больше.

Очевидно, были у Булгакова какие-то сокровенные мысли, которые он хотел высказать Сталину в личной беседе. К сожалению, встреча их не состоялась ни в 1931 г., ни в последующие годы.

Ответ Сталина на письмо писателя был своеобразным. Разрешение на выезд Булгаков не получил, но зато были разрешены к постановке пьесы «Мертвые души» и «Мольер», и, к огромной радости писателя, было принято решение о возобновлении «Дней Турбиных». Вот как отмечено это событие в воспоминаниях писателя В.С. Ардова, хорошо знавшего Булгакова: «Роман („Белая гвардия“) был встречен несправедливой бранью со стороны известной группы рапповцев. Особенно усердствовал в обсуждении „Дней Турбиных“ театральный критик В.И. Блюм. Он занимал должность начальника отдела драматических театров Реперткома. По его протесту и обрушились на спектакль критики и начальники разных рангов. Театр апеллировал в ЦК партии.

Помню, я был в зале МХАТ на том закрытом спектакле, когда специальная комиссия, выделенная ЦК, смотрела „Дни Турбиных“. Помню, как в антракте Карл Радек — член этой комиссии — говорил кому-то из своих друзей, делая неправильные ударения почти во всяком слове — так говорят по-русски уроженцы Галиции:

— Я счúтаю, что цéнзура прáва!

Комиссия стала на сторону Реперткома. Но тут произошло неожиданное: по распоряжению самого Сталина разрешили играть „Дни Турбиных“. Чем же руководствовался Сталин в таком решении? Он заявил, что эта пьеса полезна, ибо показывает неизбежность победы Революции... Характерно также, что Сталин дал указание возобновить старый спектакль МХАТа — „Вишневый сад“...

Итак, „Дни Турбиных“ прочно и на многие годы вошли в репертуар самого популярного в стране Театра».

стройного труда.

Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; *перо писателя нечувствительно переходит в сатиру.*

...мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование, и что именно *для службы моей отчизне я* должен буду воспитаться где-то вдали от нее.

...я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее».

Н. Гоголь.

Я горячо прошу Вас ходатайствовать за меня перед Правительством СССР о направлении меня в заграничный отпуск на время с 1 июля по 1 октября 1931 года.

Сообщаю, что после полутора лет моего молчания с неудержимой силой во мне загорелись новые творческие замыслы, что замыслы эти широки и сильны, и я прошу Правительство дать мне возможность их выполнить.

С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейростении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен.

Во мне есть замыслы, но физических сил нет, условий, нужных для выполнения работы, нет никаких.

Причина болезни моей мне отчетливо известна.

На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженый ли волк, он все равно не похож на пуделя.

Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе.

Злобы я не имею, но я очень устал и в конце 1929 года свалился. Ведь и зверь может устать.

Зверь заявил, что он более не волк, не литератор. Отказывается от своей профессии. Умолкает. Это, скажем прямо, малодушие.

Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит был не настоящий.

А если настоящий замолчал — погибнет.

Причина моей болезни — многолетняя затравленность, а затем молчание.

* * *

За последний год я сделал следующее:

несмотря на очень большие трудности, превратил поэму Н. Гоголя «Мертвые души» в пьесу,

работал в качестве режиссера МХТ на репетициях этой пьесы,

работал в качестве актера, играя за заболевших актеров в этих же репетициях,

был назначен в МХТ режиссером во все кампании и революционные празднества этого года,

служил в ТРАМе — Московском, переключаясь с дневной работы МХТовской на вечернюю ТРАМовскую,

ушел из ТРАМа 15.III.31 года, когда почувствовал, что мозг отказывается служить, и что пользы ТРАМу не приношу,

взялся за постановку в театре Санпросвета (и закончу ее к июлю).

А по ночам стал писать.

Но надорвался.

* * *

[...] Я переутомлен.

* * *

Сейчас все впечатления мои однообразны, замыслы повиты черным, я отравлен тоской и привычной иронией.

В годы моей писательской работы все граждане беспартийные и партийные внушали и внушили мне, что с того самого момента, как я написал и выпустил первую строчку и до конца моей жизни я никогда не увижу других стран.

Если это так — мне закрыт горизонт, у меня отнята высшая писательская школа, я лишен возможности решить для себя громадные вопросы. Привита психология заключенного.

Как воспою мою страну — СССР?

* * *

Перед тем, как писать Вам, я взвесил все. Мне нужно видеть свет и, увидев его, вернуться. Ключ в этом.

Сообщаю Вам, Иосиф Виссарионович, что я очень серьезно предупрежден большими деятелями искусства, ездившими за границу, о том, что там мне оставаться невозможно.

Меня предупредили о том, что в случае, если Правительство откроет мне дверь, я должен быть сугубо осторожен, чтобы как-нибудь нечаянно не захлопнуть за собой эту дверь и не отрезать путь назад, не получить бы беды похуже запрещения моих пьес.

По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле кроме своей — СССР, потому что 11 лет черпал из нее.

К таким предупреждениям я чуток, а самое веское из них было от моей побывавшей за границей жены, заявившей мне, когда я просился в изгнание, что она за рубежом не желает оставаться и что я погибну там от тоски менее чем в год.

(Сам я никогда в жизни не был за границей. Сведение о том, что я был за границей, помещенное в Большой Советской Энциклопедии, — неверно.)

* * *

«Такой Булгаков не нужен советскому театру», — написал нравоучительно один из критиков, когда меня запретили.

Не знаю, нужен ли я советскому театру, но мне советский театр нужен как воздух.

* * *

Прошу Правительство СССР отпустить меня до осени и разрешить моей жене Любови Евгениевне Булгаковой сопровождать меня. О последнем прошу потому, что серьезно болен. Меня нужно сопровождать близкому человеку. Я страдаю припадками страха в одиночестве.

Если нужны какие-нибудь дополнительные объяснения к этому письму, я их дам тому лицу, к которому меня вызовут.

Но, заканчивая письмо, хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам.

Поверьте, не потому только, что вижу в этом самую выгодную возможность, а потому, что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти.

Вы сказали: «Может быть, вам, действительно, нужно ехать за границу...»

Я не избалован разговорами. Тронутый этой фразой, я год работал не за страх режиссером в театрах СССР.

(М. Булгаков)

30. V. 1931 Москва
Бол. Пироговская, 35-а, кв. 6. Тел. 2-03-27.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [1]

29.VI.31 г.

Дорогой Викентий Викентьевич!

К хорошим людям уж и звонить боюсь, и писать, и ходить: неприлично я исчез с горизонта, сам понимаю.

Но, надеюсь, поверите, если скажу, что театр меня съел начисто. Меня нет. Преимущественно «Мертвые души» [2]. Помимо инсценирования и поправок, которых царствию, по-видимому, не будет конца, режиссура, а кроме того, и актерство (с осени вхожу в актерский цех — кстати, как Вам это нравится?).

МХТ уехал в Ленинград, а я здесь вожусь с работой на стороне (маленькая постановка в маленьком театре) [3].

Кончилось все это серьезно: болен я стал, Викентий Викентьевич. Симптомов перечислять не стану, скажу лишь, что на письма деловые перестал отвечать. И бывает часто ядовитая мысль — уж не свершил ли я в самом деле свой круг? По-ученому это называется нейростения, если не ошибаюсь.

А тут чудо из Ленинграда — один театр мне пьесу заказал [4].

Делаю последние усилия встать на ноги и показать, что фантазия не иссякла. А может, иссякла. Но какая тема дана, Викентий Викентьевич! Хочется безумно Вам рассказать! Когда можно к Вам прийти?

Видел позавчера сон: я сижу у Вас в кабинете, а Вы меня ругаете (холодный пот выступил).

Да не будет так наяву!

Марии Гермогеновне передайте и жены моей и мой привет! И не говорите, что я плохой. Я — умученный. Желаю Вам самого всего хорошего.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — Н.А. Венкстерн [1]

---

[1] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Очевидно, речь вдет о работе над инсценировкой «Мертвых душ», которая была начата в мае 1930 г., вскоре после зачисления Булгакова в штат МХАТа, и продолжалась длительное время, до ноября 1932 г.

[3] В апреле 1931 г. М.А. Булгаков заключает договор с Передвижным театром Института санитарной культуры на постановку пьесы Н. А. Венкстерн «Одиночка».

[4] Речь идет о пьесе «Адам и Ева». 5 июля 1931 г. Ленинградский Красный театр заключил с Булгаковым договор «на пьесу о будущей войне». 8 июля аналогичный договор был заключен с Вахтанговским театром. Булгаков с интересом работал над пьесой и уже к концу августа закончил рукописный вариант. Кстати, любопытную оценку этой пьесе дала Е.С. Булгакова в 1955 г. в письме к С. Я. Маршаку. «Разве не удивительно, — писала она, — что в 31 году, когда и слова об атомной войне не было, — у Булгакова появилось видение перед глазами — будущей войны, и он написал „Адама и Еву“...»

1 июля 1931 года

Дорогая Наталия Алексеевна Большое Вам спасибо за теплое отношение Ваше и дружеское приглашение. Все зависит от моих дел [2]. Если все будет удачно, постараюсь в июле (может быть, в 10-х числах) выбраться в Зубцов... С Еленой Петровной я поговорил и понял так, что флигель они, если я не приеду, не сдают никому. Следовательно, он свободен для меня?

План мой: сидеть во флигеле одному и писать, наслаждаясь высокой литературной беседой с Вами. Вне писания буду вести голый образ жизни: халат, туфли, спать, есть...

Поездка моя с Колей явно не выйдет.

———

С удовольствием поеду в Зубцов на несколько дней, если дела не подведут. Ну и Ваши сандрузья! расскажу по приезде много смешного и специально для вас предназначенного. Вы пишите, что я гость отменный? Вы принимали меня отменно, будем **увеселять** друг друга **веселыми** рассказами (Стиль!)

Они хотят 20 рублей в месяц за флигель? Пишите мне часто — хотя бы открытки. Если соберусь, дам Вам телеграмму, и встретьте меня, пожалуйста. Пусть Любаня со своей армией отдыхает.

Чем освещается флигель? Буду сидеть, как Диоген в бочке.

Ваш М. Булгаков.

P.S. Жду писем!

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [3]

22 июля 1931 г.

Дорогой Викентий Викентьевич!

Сегодня, вернувшись из г. Зубцова, где я 12 дней купался и писал, получил Ваше

---

[1] *Письма. Затем: Булгаков Михаил. Собр.соч. в пяти томах, М., 1990, т. 5, с. 458—459. Печатается и датируется по автографу, РГАЛИ, ф. 2050, оп. 1, ед. хр. 197).*

[2] «1931 год ознаменован главным образом работой над „Мертвыми душами“, инсценировкой М. А. для Художественного театра, — свидетельствует Л.Е. Белозерская, — Конечно, будь воля писателя, он подошел бы к произведению своего обожаемого писателя не так академично, а допустил бы какой-нибудь фантастический завиток, но М. А. следовал установке театра. Он не только инсценировал произведение Гоголя, но и принимал участие в выпуске спектакля в качестве режиссера-ассистента...

В 1932 году „Мертвые души“ увидели свет рампы...»

Добавим от себя, что М.А Булгаков в это время занимался не только инсценировкой «Мертвых душ», но и заканчивал пьесу «Адам и Ева». Приступил к инсценировке «Войны и мира». «Вообще дел сверх головы, а ничего не успеваешь, и по пустякам разбиваешься, и переписка запущена позорно. Переутомление, проклятые житейские заботы!» — писал М.А. Булгаков 26 октября 1931 г. П.С. Попову.

В середине июня Н.А. Венкстерн пригласила Булгаковых на летний отдых в Зубцов на Волге. Любовь Евгеньевна написала ответное письмо, к которому Булгаков сделал следующую приписку: «Телеграмму получил, спасибо Вам за дружеское внимание! Непременно постараюсь Вас навестить, но не знаю, когда и как удастся (все — постановка в Сантеатре). Если соберусь — телеграфирую. Привет! Привет! Ваш дружески — *М. Булгаков* ».

Через некоторое время Булгаков вновь получает приглашение от Венкстерн. Ответом на это приглашение и явилось публикуемое письмецо.

В телеграмме Булгаков просит Наталию Алексеевну подобрать ему «изолированное помещение» и 12 июля выехал в Зубцов.

[3] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

письмо от 17.VII и очень ему обрадовался.

Вы не могли дозвониться, потому что ни Любови Евгеньевны, ни меня не было, а домашняя работница, очевидно, отлучалась. Телефон мой прежний — 2-03-27 (Б. Пироговская, 35а).

В самом деле: почему мы так редко видимся? В тот темный год [1], когда я был раздавлен и мне по картам выходило одно — поставить точку, выстрелив в себя, Вы пришли и подняли мой дух. Умнейшая писательская нежность! [2]

Но не только это. Наши встречи, беседы, Вы, Викентий Викентьевич, так дороги и интересны!

За то, что бремя стеснения с меня снимаете — спасибо Вам.

Причина — в моей жизни. Занятость бывает разная. Так вот моя занятость неестественная. Она складывается из темнейшего беспокойства, размена на пустяки, которыми я вовсе не должен был бы заниматься, полной безнадежности, нейростенических страхов, бессильных попыток. У меня перебито крыло.

Я запустил встречи с людьми и переписку. Вот, например, последнее обстоятельство. Ведь это же поистине чудовищно! Приходят деловые письма, ведь нужно же отвечать! А я не отвечаю подолгу, а иногда и вовсе не отвечал.

Вы думаете, что я не пытался Вам писать, когда, чтобы навестить Вас, не выкраивалось время из-за театра? Могу уверить, что начинал несколько раз. Но я пяти строчек не могу сочинить письма. Я боюсь писать! Я жгу начало писем в печке.

25.VII. Вот образец: начал письмо 22-го и на второй странице завяз. Но теперь в июле — августе и далее я буду с этим бороться. Я восстановлю переписку.

26.VII. Викентий Викентьевич! Прочтите внимательно дальнейшее. Дайте совет.

Есть у меня мучительное несчастье. Это то, что не состоялся мой разговор с генсеком [3]. Это ужас и черный гроб. Я исступленно хочу видеть хоть на краткий срок иные страны. Я встаю с этой мыслью и с нею засыпаю.

Год я ломал голову, стараясь сообразить, что случилось? Ведь не галлюцинировал же я, когда слышал его слова? Ведь он же произнес фразу: «Быть может, Вам действительно нужно уехать за границу?..»

Он произнес ее! Что произошло? Ведь он же хотел принять меня?..

27.VII. Продолжаю: один человек с очень известной литературной фамилией и большими связями, говоря со мной по поводу другого моего литературного дела, сказал мне тоном полууверенности:

— У вас есть враг.

---

[1] Скорее всего это 1928 год начала травли, или 1929, когда из правления Драмсоюза он получил справку, что все его пьесы «запрещены к публичному исполнению».

[2] В.В. Вересаев на протяжении почти двадцати лет внимательно наблюдал за творческим развитием Булгакова, за его жизненными коллизиями, коих было немало, и в критические моменты всегда приходил на помощь талантливому писателю и драматургу. Причем помощь эта носила не только моральный характер, Вересаев прекрасно понимал и чувствовал, что стеснительному в таких вопросах Булгакову иногда материальная помощь может быть просто спасительной. Приведем лишь один пример. В 1929 г., когда, по словам Булгакова, ему «по картам выходило одно — поставить точку», в квартире его появляется Вересаев.

— Я знаю, Михаил Афанасьевич, что вам сейчас трудно, — сказал Вересаев своим глухим голосом, вынимая из портфеля завернутый в газету сверток. — Вот, возьмите. Здесь пять тысяч... Отдадите, когда разбогатеете.

И ушел, даже не выслушав слов благодарности.

[3] В разговоре с Булгаковым И.В. Сталин выразил желание встретиться лично.

Тогда еще фраза эта заставила меня насторожиться. Серьезный враг? Это нехорошо. Мне и так трудно, а тогда уж и вовсе не справиться с жизнью. Я не мальчик и понимаю слово — «враг». В моем положении это — lasciate ogni sperantza [1]. Лучше самому запастись KCNом [2]! Я стал напрягать память. Есть десятки людей — в Москве, которые со скрежетом зубовным произносят мою фамилию. Но все это в мирке литературном или околотеатральном, все это слабое, все это дышит на ладан.

Где-нибудь в источнике подлинной силы как и чем я мог нажить врага?

И вдруг меня осенило! Я вспомнил фамилии! Это — А. Турбин, Кальсонер, Рокк и Хлудов (из «Бега»). Вот они мои враги! Недаром во время бессонниц приходят они ко мне и говорят со мной:

«Ты нас породил, а мы тебе все пути преградим. Лежи, фантаст, с загражденными устами».

Тогда выходит, что мой главный враг — я сам.

Имеются в Москве две теории. По первой (у нее многочисленные сторонники), я нахожусь под непрерывным и внимательнейшим наблюдением, при коем учитывается всякая моя строчка, мысль, фраза, шаг. Теория лестная, но, увы, имеющая крупнейший недостаток. Так на мой вопрос: «А зачем же, ежели все это так важно и интересно, мне писать не дают?» — от обывателей московских вышла такая резолюция: «Вот тут-то самое и есть. Пишете Вы Бог знает что и поэтому должны перегореть в горниле лишений и неприятностей, а когда окончательно перегорите, тут-то и выйдет из-под Вашего пера хвала».

Но это совершенно переворачивает формулу «бытие определяет сознание», ибо никак даже физически нельзя себе представить, чтобы человек, бытие которого составлялось из лишений и неприятностей, вдруг грянул хвалу. Поэтому я против этой теории.

Есть другая. У нее сторонников почти нет, но зато в числе их я.

По этой теории — ничего нет! Ни врагов, ни горнила, ни наблюдения, ни желания хвалы, ни призрака Кальсонера, ни Турбина, словом — ничего. Никому ничего это не интересно, не нужно, и об чем разговор? У гражданина шли пьесы, ну, сняли их, и в чем дело? Почему этот гражданин, Сидор, Петр или Иван, будет писать и во ВЦИК, и в Наркомпрос и всюду всякие заявления, прошения, да еще об загранице?! А что ему за это будет? Ничего не будет, Ни плохого, ни хорошего. Ответа просто не будет. И правильно, и резонно! Ибо если начать отвечать всем Сидорам, то получится форменное вавилонское столпотворение.

Вот теория, Викентий Викентьевич! Но только и она никуда не годится. Потому что в самое время отчаяния, нарушив ее, по-счастию мне позвонил генеральный секретарь год с лишним назад. Поверьте моему вкусу: он вел разговор сильно, ясно, государственно и элегантно. В сердце писателя зажглась надежда: оставался только один шаг — увидеть его и узнать судьбу.

28.VII. Но упала глухая пелена. Прошел год с лишним. Писать вновь письмо, уж конечно, было нельзя.

И тем не менее этой весной я написал и отправил [3]. Составлять его было мучительно трудно. В отношении к генсекретарю возможно только одно — правда, и серьезная. Но попробуйте все изложить в письме. Сорок страниц надо писать. Правда эта лучше всего могла бы быть выражена телеграфно:

«Погибаю в нервном переутомлении. **Смените мои впечатления** на три месяца.

---

[1] «Оставьте всякую надежду» (*итал.*) — слова из «Божественной комедии» Данте Алигьери, начертанные над вратами ада.

[2] Цианистый калий.

[3] См. Письмо М.А. Булгакова к И.В. Сталину от 30 мая 1931 г.

Вернусь!»

И все. Ответ мог быть телеграфный же: «Отправить завтра».

При мысли о таком ответе изношенное сердце забилось, в глазах показался свет. Я представил себе потоки солнца над Парижем! Я написал письмо. Я цитировал Гоголя, я старался все передать, чем пронизан.

* * *

Но поток потух. Ответа не было. Сейчас чувство мрачное. Один человек утешал: «Не дошло». Не может быть. Другой, ум практический, без потоков и фантазий, подверг письмо экспертизе. И совершенно остался недоволен.

«Кто поверит, что ты настолько болен, что тебя должна сопровождать жена? Кто поверит, что ты вернешься? Кто поверит?»

И так далее.

Я с детства ненавижу эти слова «кто поверит?». Там, где это «кто поверит?» — я не живу, меня нет. Я и сам мог бы задать десяток таких вопросов: «А кто поверит, что мой учитель Гоголь? А кто поверит, что у меня есть большие замыслы? А кто поверит, что я — писатель?» И прочее и так далее.

* * *

Ныне хорошего ничего не жду. Но одна мысль терзает меня. Мне пришло время, значит, думать о более важном. Но, перед тем как решать важное и страшное, я хочу получить уж не отпуск, а справку. Справку-то я могу получить?

Кончаю письмо, а то я никогда его Вам не отошлю. Если вскоре не увидимся, напишу еще одно Вам о моей пьесе.

* * *

Викентий Викентьевич, я стал беспокоен, пуглив, жду все время каких-то бед, стал суеверен.

Желаю, чтобы Вы были здоровы, отдохнули. Марии Гермогеновне привет. Жду Вашего приезда, звонка. Любовь Евгеньевна в Зубцове.

Ваш *М. Булгаков.*

P.S. Перечитал и вижу, что черт знает как написано письмо! Извините!

М.А. Булгаков — К.С. Станиславскому [1]

30 августа 1931 г.

Дорогой Константин Сергеевич!

Весною я получил предложение от одного из Ленинградских Театров (Красный Театр Госнардома) написать для него пьесу на тему о будущей войне. Театр дал мне возможность разработать эту тему по моему желанию, не стесняя меня никакими рамками.

Я написал 4-х актную пьесу «Адам и Ева».

Совершенно железная необходимость заставила меня предоставить эту пьесу театру имени Вахтангова в Москве, который срочно заключил со мною договор, не меняя ни одной

---

[1] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Печатается и датируется по указанному изданию (музей МХАТа, КС, № 7415).*

буквы из пьесы.

Я очень жалел, что пьеса не пошла в Художественном театре. Этому был ряд причин, и притом неодолимых: нет никаких сомнений в том, что МХТ не заключил бы со мной договора вслепую, не зная пьесы, пришлось бы вести переговоры осенью, а я **физической** возможности не имел ждать до осени. Но кроме этого — в договорах МХАТ существует твердо принятый вообще тяжелый, а для меня ужасный пункт о том, что в случае запрещения пьесы автор обязан вернуть аванс (я так уже возвращаю тысячу рублей за «Бег»).

Я вечно под угрозой запрещения. Немыслимый пункт! Кроме того МХТ дает только аванс в счет будущих авторских, а не деньги за право постановки, а мне, обремененному за время моего запрещения авансами, уж и немыслимо их брать.

Вот почему пьеса срочно ушла в Театр Вахтангова.

Недавно, во время моих переговоров с Большим Драматическим Театром в Ленинграде, я, связанный с ним давними отношениями, согласился, опять-таки срочно, написать для них пьесу по роману Л. Толстого «Война и мир» [1].

Сообщаю Вам об этом, Константин Сергеевич. Если только у Вас есть желание включить «Войну и мир» в план работ Художественною театра, я был бы бесконечно рад предоставить ее Вам.

Было бы желательно, если бы Вы **в срочном порядке поставили бы вопрос о заключении договора на «Войну н мир»** .

Повторяю: железная необходимость теперь руководит моими договорами. Считаю долгом сообщить, что пришлось при заключении договора с Ленинградом дать Большому Драматическому Театру право премьеры. Ничего не мог поделать!

Но я лично полагаю, что беды от этого никакой нет.

Любящий и уважающий
Вас *М. Булгаков.*

P.S. Извините за спешное и с помарками письмо — Евгений Васильевич уезжает к Вам.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — А.М. Горькому [2]

Москва, 30 сентября 1931 года

Многоуважаемый Алексей Максимович!

При этом письме посылаю Вам экземпляр моей пьесы «Мольер» с теми поправками, которые мною сделаны по предложению Главного Репертуарного Комитета.

В частности, предложено заменить название «Кабала святош» другим [3].

Уважающий Вас (М. Булгаков)

М.А. Булгаков — Е.И. Замятину [1]

---

[1] В начале сентября договор был заключен и с МХАТом, 24 сентября стал работать над пьесой.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ)*

[3] М. Горький сыграл определенную положительную роль в судьбе пьесы, он ее прочитал, предложил П. Маркову пьесу ставить «несмотря на некоторые ее автобиографические черты»; очевидно, высказал свое мнение в «верхах». 3 октября 1931 г. Булгаков получил разрешение Главреперкома на постановку пьесы.

Москва 26.X.31 г.

Дорогой Евгений Иванович!

Это что же за мода — не писать добрым знакомым? Когда едете за границу? [2] Мне сказали, что Вы в конце октября или начале ноября приедете в Москву. Черкните в ответ — когда? Мои театральные дела зовут меня в Ленинград [3], и совсем уже было собрался, но кроме ленинградских дел существуют, как известно, и московские, так что я свою поездку откладываю на ноябрь.

Итак, напишите спешно, когда навестите Москву и где остановитесь. «Мольер» мой разрешен. Сперва Москва и Ленинград только, затем и повсеместно (литера «Б»). Приятная новость. Знатной путешественнице Людмиле Николаевне привет.

Жду Вашего ответа.

Ваш *М.Булгаков.*

P.S. Сейчас иду жаловаться, телефон испорчен и не чинят. Пишу это на тот предмет, что если приедете, а он еще работать не будет, то дайте знать о своем появлении иным каким-нибудь почтово-телеграфным образом. Приятно мне — провинциалу полюбоваться трубкой и чемоданом туриста.

М.Б

М.А.Булгаков — П.С. Попову [4] [5]

26.X.31 г. Москва

Дорогой Павел Сергеевич, только что получил Ваше письмо от 24.X. Очень

---

[1] *Памир, 1987, № 8. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Осенью 1931 г. Е.И. Замятин при содействии А.М. Горького получает разрешение на временный выезд из СССР с сохранением советского гражданства.

[3] В конце августа 1931 г. Булгаков заключает с Ленинградским драматическим театром (ГБДТ) договор на инсценировку романа «Война и мир», а 12 октября подписывает с ГБДТ новый договор, на этот раз на постановку только что разрешенного «Мольера».

[4] *Театр. 1981, № 5. Затем: Письма, Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к.1269, ед. хр. 4).*

[5] Попов Павел Сергеевич (1892—1956), первый биограф М.А. Булгакова. Был дружен с Михаилом Афанасьевичем до последних дней жизни писателя. По свидетельству Е.С. Булгаковой, которая очень хорошо помнила и часто фиксировала рассказы Михаила Афанасьевича о тех или иных событиях, знакомство их состоялось в 1926 г. при необычных обстоятельствах. П.С. Попов, будучи уже в то время действительным членом Государственной академии художественных наук (с 1923 г.), при первой же встрече с Булгаковым предложил себя в качестве его биографа. Булгаков принял предложение, и с этого момента их отношения с каждым годом становились все более тесными и доверительными. Переписка их носила откровенный характер и даже в весьма сложные тридцатые годы. Сохраненная П.С. Поповым большая часть писем Булгакова по сути представляет собой существенную страницу автобиографии писателя. После смерти Булгакова П.С. Попов был включен в состав комиссии по литературному наследию писателя, которую возглавил А.А. Фадеев. По поручению комиссии П.С. Попов подготовил первый «очерк биографии» Булгакова, который, на наш взгляд, не утратил научной ценности и поэтому впервые публикуется в данной работе.

обрадовался.

Во-первых, все-таки, в «десятках экземпляров», а не «экземпляр...ах» [1]. Ах, будьте упрямы и пишите, как писали до сих пор!

Но «ов» ли, «ах» ли, нет десятков! Мало отпечатал. Несмотря на это, приложу все старания к тому, чтобы Вас ознакомить с этим безмерно утомившим меня произведением искусства.

Второе: убили Вы меня бумагой, на которой пишете! Ай, хороша бумага! И, вот, изволите ли видеть, на какой Вам приходится отвечать! Да еще карандашом. Чернила у меня совершенно несносные. И я бы на месте Михаила Васильевича в том же письме к генералу-поручику И.И. Шувалову воспел вместе со стеклом за компанию и письменные принадлежности.

«Не меньше пользы в них, не меньше в них красы»! [2]

А мне, ох, как нужны они. На днях вплотную придется приниматься за гениального деда Анны Ильиничны [3]. Вообще дела сверх головы и ничего не успеваешь и по пустякам разбиваешься, и переписка запущена позорно. Переутомление, проклятые житейские заботы!

Собирался вчера уехать в Ленинград, пользуясь паузой в МХТ, но получил открытку, в коей мне предлагается явиться завтра в Военный Комиссариат. Полагаю, что это переосвидетельствование. Надо полагать, что придется сидеть, как я уже сидел весною, в одном белье и отвечать комиссии на вопросы, не имеющие никакого отношения ни к Мольеру, ни к парикам, ни к шпагам, испытывать чувства тяжкой тоски. О, Праведный Боже, до чего же я не нужен ни в каких комиссариатах. Надеюсь, впрочем, что станет ясно, что я мыслим только на сцене и дадут мне чистую и отпустят вместе с моим больным телом и душу на покаяние!

Думаю перенести поездку в Ленинград на ноябрь.

В Вашем письме нет адреса. Позвонил Тате [4], и та сказала что-то, что не внушает доверия:

Тярлево? Есть такое место? Ну, что ж поделаешь, пишу в Тярлево.

Если у Вас худо с финансами, я прошу Вас телеграфировать мне.

---

[1] В письме Булгакову от 24 октября 1931 г. П.С. Попов писан:

«Меня не удовлетворила прилагаемая краткая информация о московском чтении, а только „раззадорила“. Как бы прочитать эту инсценировку? Ведь она вероятно отремингтонирована в десятках экземпляров? А[нна] И[льинична], подсматривающая через плечо, заявила, что она в последней фразе написала бы экземплярах. Ох, трудно сговориться с писателями и их родственниками и родственницами. В начале ноября А[нна] И[льинична] будет в Москве, м[ожет] б[ыть] ей удастся получить у Вас экземплярчик на благое просвещение? Вы знаете — я Вас каждый вечер вспоминаю при обстоятельствах, которые отнюдь на это всецело не уполномачивают: занимаюсь я в некоем институте, помещающемся в обширном дворце б. Шувалова, там и концертный зал, и фойе, и всякая штука. И выхожу я покурить в обширные коридоры, где играют в шахматы и в биллиард. И начинает хотеться подвигать самому шарами, и почему-то думаю — вот бы с Вами поиграть! Вы бы с аппетитом играли. А когда вхожу в обширный вестибюль, то декламирую про себя: „Неправо о вещах те думают, Шувалов, которые стекло чтут ниже минералов“. Таких реминисценций в Москве нет».

[2] Стихотворение М. В. Ломоносова «Письмо о пользе Стекла...» начинается следующими строками:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучом блистающих в глаза:
Не меньше пользы в нем, не меньше в нем краса.

[3] Анна Ильинична Толстая — внучка Л. Толстого, жена П.С. Попова. В это время Булгаков начал работать над инсценировкой «Войны и мира».

[4] Тата — Наталья Абрамовна Ушакова, жена Н.Н. Лямина.

Коля [1] живет пристойно, но простудился на днях.
«Мольер» мой получил литеру Б (разрешение на повсеместное исполнение).
Привет Анне Ильиничне! От Любови Евгениевны привет!
Жду Вашего ответа, адреса, жму руку

Ваш *М. Булгаков.*

Б. Пироговская 35а кв. 6 (как совершенно справедливо Вы и пишете).

М.А. Булгаков — Е.И. Замятину [2]

31.X.31 г. Москва

Дорогой Агасфер! [3]

Когда приедете в Москву, дайте мне знать о своем появлении и местопребывании, каким Вам понравится способом — хотя бы, скажем, запиской в МХТ, ибо телефон мой — сволочь — не подает никаких признаков жизни.

Из трех эм'ов в Москве остались, увы, только два — Михаил и Мольер [4].

Что касается Людмилы Николаевны, то я поздравляю ее с интересной партией. Она может петь куплет:

Вот удачная афера,
Вышла я за Агасфера —

Итак, семейству Агасферовых привет!

Ваш *М. Булгаков*

М.А. Булгаков — К.С. Станиславскому [5]

31.XII—1931

---

[1] Коля — Николай Николаевич Лямин (1892—1941?) — друг М. Булгакова, специалист по романским литературам, познакомились в 1924 году. Недавно опубликованы письма Н.Н. Лямина к М. Булгакову (см.Творчество М.А. Булгакова, т.3, СП, 1994).

[2] *Памир, 1987, № 8. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[3] Агасфер — герой средневековых сказаний, осужденный богом на вечную жизнь в скитании за то, что не дал Христу отдохнуть у порога своего дома по пути на Голгофу.

В письме к Булгакову от 28 октября 1931 г. Е.И. Замятин грустно острил: «[...] Стало быть, Вы поступаете в драматурги, а я в Агасферы». Это было, по сути, прощание товарищей по перу и по несчастью, поскольку Замятину суждено было через две недели покинуть Россию и, как они понимали, навсегда (умер Замятин на чужбине в 1937 г.).

[4] Это ответная реплика Булгакова на поздравления Замятина («Итак, — восклицал он в том же письме, — ура трем Эм — Михаилу, Максиму и Мольеру!»). Булгаков сожалел, что Максим Горький, активно помогавший и ему, и Замятину в решении жизненных проблем, уже находился к тому времени в Сорренто.

[5] *Письма. Печатается и датируется по автографу (музей МХАТа, КС, № 7416).*

Дорогой Константин Сергеевич!

Я на другой же день после репетиции вечеринки в «Мертвых душах» [1] хотел написать это письмо, но, во-первых, стеснялся, а во-вторых, не был связан с Театром (простужен).

Цель этого неделового письма выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трех часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство!

Во мне оно возбуждает лучшие надежды и поднимает меня, когда падает мой дух. Я затрудняюсь сказать, что более всего восхитило меня. Не знаю по чистой совести. Пожалуй, Ваша фраза по образу Манилова: «Ему ничего нельзя сказать, ни о чем нельзя спросить — сейчас же прилипнет» — есть высшая точка. Потрясающее именно в театральном смысле определение, а показ — как это сделать — глубочайшее мастерство!

Я не беспокоюсь относительно Гоголя, когда Вы на репетиции. Он придет через Вас. Он придет в первых картинах представления в смехе, а в последней уйдет, подернувшись пеплом больших раздумий. Он придет.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [2]

Б. Пироговская 35а, кв. 6.

Письмо 1-ое

25 января 1932 г.

Дорогой Павел Сергеевич! Вот, наконец-то, пишется ответ на Ваше последнее письмо. Бессонница, ныне верная подруга моя, приходит на помощь и водит пером. Подруги, как известно, изменяют. О, как желал бы я, чтоб эта изменила мне!

Итак, дорогой друг, чем закусывать, спрашиваете Вы? [3] Ветчиной. Но этого мало. Закусывать надо в сумерки на старом потертом диване среди старых и верных вещей. Собака должна сидеть на полу у стула, а трамваи слышаться не должны. Сейчас шестой час утра, и вот, они уже воют, из парка расходятся. Содрогается мое проклятое жилье. Впрочем, не буду гневить судьбу, а то летом, чего доброго, и его лишишься — кончается контракт.

Впервые ко мне один человек пришел, осмотрелся и сказал, что у меня в квартире живет хороший домовой. Надо полагать, что ему понравились книжки, кошка, горячая картошка. Он ненаблюдателен. В моей яме живет скверная компания: бронхит, рейматизм и черненькая дамочка — Нейростения. Их выселить нельзя. Дудки! От них нужно уехать самому.

Куда?

Куда, Павел Сергеевич?

---

[1] Инсценировку «Мертвых душ» М. Булгаков закончил в конце ноября 1930 года, в декабре приступили к репетициям. По воспоминаниям Л.Е. Белозерской, Булгаков «принимал участие в выпуске спектакля в качестве режиссера-ассистента».

[2] *Театр, 1981, № 5. Затем: Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[3] В письме П.С. Попова к Булгакову от 28 декабря 1931 г. говорилось: «Извините, но Вы делаете явную ошибку: Вы не подумали о том, чем закусывать. Лучше крепкого соленого душистого огурца ничего быть не может. Вы скажете — гриб лучше. Ошибаетесь. Огурцы были привезены из Москвы. Но уже в них появляется дряблость. Вы, я надеюсь, понимаете, что с дряблостью далеко не уедешь [...] Вы скажете — ветчина. Да — ветчина. Это верно — окорок скоро будет коптиться...»

Впрочем, полагаю, что такое письмо Вам радости не доставит, и перехожу к другим сообщениям.

Вы уже знаете? Дошло к Вам в Ленинград и Тярлево? Нет? Извольте: 15-го января днем мне позвонили из Театра и сообщили, что «Дни Турбиных» срочно возобновляются [1]. Мне неприятно признаться: сообщение меня раздавило. Мне стало физически нехорошо. Хлынула радость, но сейчас же и моя тоска. Сердце, сердце!

Предшествовал телефону в то утро воистину колдовской знак. У нас новая домработница, девица лет 20-ти, похожая на глобус. С первых же дней обнаружилось, что она прочно по-крестьянски скупа и расчетлива, обладает дефектом речи и богатыми способностями по счетной части, считает излишним существование на свете домашних животных — собак и котов («кормить их еще, чертей») и страдает при мысли, что она может опоздать с выходом замуж. Но кроме всего этого в девице заключается какой-то секрет и секрет мучительный. Наконец он открылся: сперва жена моя, а затем я с опозданием догадались — девица оказалась трагически глупа. Глупость выяснилась не простая, а, так сказать, экспортная, приводящая веселых знакомых в восторг. И при этом в венце такого упрямства, какого я еще не видал. Краткие лекции по разным вопросам, чтение которых принял на себя я, дали блестящие результаты — в головах и у девицы и у меня сделалось окончательное месиво. Курс драматургии я исключил, сочтя по наивности девицу стоящей вне театра. Но я упустил из виду, что кроме моего университета существуют шесть кухонь в нашем доме с Марусями и Грушами и Нюшами.

28.1. Продолжаю: Девица, если не полностью курс драматургии, то во всяком случае историю драматургии Михаила Булгакова в кухне прослушала. И это ей понравилось, ибо драматургия, как известно, родная сестра бухгалтерии.

И в то время как в салоне арендаторши решаются сложнейшие задачи — как и какую финансовую операцию учинить над М.А. Булгаковым ближайшим летом, в кухне бьются над именованными числами попроще: сколько метров ситца можно было бы закупить и включить в состав девицыного приданого, в случае ежели бы пьесы щедрого драматурга пошли на сцене.

29.1. Боюсь, что письмо длинно. Но в полном моем одиночестве давно уже ржавеет мое перо, ведь я не совсем еще умер, я хочу говорить настоящими моими словами!

Итак: 15-го около полудня девица вошла в мою комнату и, без какой бы то ни было связи с предыдущим или последующим, изрекла твердо и пророчески:

— Трубная пьеса ваша пойдеть. Заработаете тыщу.

И скрылась из дому.

А через несколько минут — телефон.

С уверенностью можно сказать, что из Театра не звонили девице, да и телефонов в кухнях нет. Что же этакое? Полагаю — волшебное происшествие.

Далее — Театр. Павел Сергеевич, мою пьесу встретили хорошо, во всех цехах, и смягчилась моя душа!

А далее плеснуло в город. Мать честная, что же это было!

30.1. Было три несчастья. Первое вылилось в формулу:

«Поздравляю. Теперь Вы разбогатеете!» Раз — ничего.

Два — ничего. Но на сотом человеке стало тяжко. А все-таки, некультурны мы! Что за способ такой поздравлять! Тем более, что по отношению ко мне на долгий еще срок такого

---

[1] В дневнике Ю.Л. Слезкина, бывшего в курсе литературных и театральных дел, это событие документировано следующим образом: «21-го февраля (1932 г.). От нападок критики театры страхуют себя, ставя „Страх“ 55. МХТ 1 тоже „застраховал“ себя... На просмотре „Страха“ присутствовал хозяин 56. „Страх“ ему будто бы не понравился, и в разговоре с представителями театра он заметил: „Вот у вас хорошая пьеса „Дни Турбиных“ — почему она не идет?“ Ему смущенно ответили, что она запрещена. „Вздор, — возразил он, — хорошая пьеса, ее нужно ставить, ставьте“. И в десятидневный срок было дано распоряжение восстановить постановку...»

сорта поздравление звучит глупейшим издевательством. Я с ужасом думаю о будущем лете и о квартирном вопросе.

Номер второй: «Я смертельно обижусь, если не получу билета на премьеру». Это казнь египетская.

Третье хуже всего: московскому обывателю оказалось до зарезу нужно было узнать: «Что это значит?!» И этим вопросом они стали истязать меня. Нашли источник! Затем жители города решили сами объяснить, что это значит, видя, что ни автор пьесы, ни кто-либо другой не желает или не может этого объяснить. И они наобъясняли, Павел Сергеевич, такого, что свет померк в глазах. Кончилось тем, что ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом, с большими сумасшедшими глазами. Воскликнул: «Что это значит?!»

— А это значит, — ответил я, — что горожане и преимущественно литераторы играют IX-ую главу твоего романа, которую я в твою честь о, великий учитель, инсценировал. Ты же сам сказал: «в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях... вызначилась природа маловерная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной боязни». Укрой меня своей чугунною шинелью!

И он укрыл меня, и слышал я уже глуше, как шел театральный дождь — и бухала моя фамилия и турбинская фамилия, и «Шаляпин приезжает и Качалову ногу отрезали»!! (Качалов точно болен, но нельзя же все-таки народным артистам ноги отхватывать! А Шаляпин, кажется, не приезжает и только зря в Большом телефон оборвали. Языки бы им оборвать!)

Ну, а все-таки, Павел Сергеевич, что же это значит? Я-то знаю?

Я знаю:

В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны, и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение пьесу «Дни Турбиных» возобновить.

Для автора этой пьесы это значит, что ему — автору возвращена часть его жизни. Вот и все.

24.II.1932. Сегодня получил Вашу открытку от 20.11.1932 г [1]. Нежно благодарю Вас за поздравление!

Это письмо, как бы оно ни устарело, посылаю Вам, а вслед за ним посылаю дальнейшие. Вот, Вы видите, как я работаю в эпистолярном роде.. Мучительно, как будто воз везу! Итак, это письмо посылаю как «письмо 1-ое». Очень прошу мне писать *заказными* (рядом дом № 35 и неграмотные почтальонши носят туда мои письма). Обязательно напишите, получили ли Вы это. Анне Ильинишне спасибо за поздравление!

Михаил.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

1 марта 1932 г.

Дорогой Никол!

---

[1] В открытке П.С. Попова, в частности, говорилось: «До дыр смотрел вчера на московскую газету, где только значилось: „Дни Турбиных“ (Все билеты проданы), — но и последние три слова мне мало что сказали, так я часто видел эту комбинацию несколько лет тому назад; помимо этого все хотел вычитать еще что-нибудь, ибо тут необходима, как выражаются редакторы, „аннотация“. Здесь разные фантастические слухи [...] А „Мертвые души“ что, уже умерли, как стали оживать Турбины?»

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 13).*

Пишу спешно и кратко:

Посылка в полной сохранности получена. Целую тебя! В Берлин в издательство S. Fischer [S. Fischer — verlag Berlin № 57 Bülowstrasse 90] мною написано, чтобы тебе перевели 500 франков. Напиши немедленно, исполнили ли они это.

В МХТ возобновлены «Дни Турбиных». Я спешу, жена моя припишет дальше. Ваню целую.

Твой М.

Приписка рукою Л.Е. Булгаковой-Белозерской:

Дорогой Коля,

я сердечно благодарю Вас и Ваню за кофточку, чулки и гребешок. Все очень мило. Кофточку я ношу изо всех сил. Все остальное произвело большое и приятное впечатление. Мне очень грустно, что мне технически невозможно (да и нечего) выслать Вам с Ваней от меня. Внимательно просматривала Вашу французскую статью, удивляясь Вашей премудрости. Должна признаться, что «бактериофаг» звучит для меня как «саркофаг» — египетская гробница.

Привет прекраснейшему городу от скромной его поклонницы.

Сейчас у вас сезон мимоз и начинают носить соломенные шляпы. У нас снег, снег и снег. Мы еще добрых полтора месяца будем ходить на лыжах и носить шубы.

Шлю самый сердечный привет и еще раз благодарю Вас и Ваню. Если не будет нескромно с моей стороны, то я хотела бы спросить (а также Мака и сестры) — Вы собираетесь жениться на русской или на француженке?

Люба.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

11 марта 1932 г.

Москва

Дорогой Никол!

сейчас пришло твое письмо от 3.III — Par Avion [2] —. Берусь за перо.

Ты не получил моего и жены моей письма, в котором мы извещали тебя, что посылка твоя получена в полной сохранности. Так как я лично этим пером его писал, а жена его отправила заказным, остается предположить, что или оно до 3.III. к тебе не пришло, или пропало.

13.III. (Продолжение письма)

Конечно, все очень понравилось. Крепко тебя целую! «Учение о бактериофагах» на русском языке я также получил и прочитал. Рад всякому твоему успеху, желаю тебе сил! Напиши мне, сколько стоит большой Мольер, я тебе тогда сообщу, как поступить (сколько он обойдется с пересылкой).

Большое письмо сочиняется, но медленно, медленно. Но сочиняется.

Семье Ивана передай привет. Я свалил с плеч инсценировку «Войны и мира» Л. Толстого [3], есть надежда, что за письма я теперь сяду. За большие.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 13)*

[2] Авиапочтой (*франц.*).

[3] В конце февраля 1932 года М. Булгаков закончил инсценировку «Войны и мира».

Пиши, пиши, не забывай.

Михаил

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [1]

15.III.32.
Мой телефон теперь Г-3-58-03

Дорогой Викентий Викентьевич!

Все порываюсь зайти к Вам в сумерки, поговорить о литературе, да вот все репетиции.

У Станиславского репетируем — поздно кончаем [2].

А между тем иногда является мучительное желание поделиться.

Вчера получил известие о том, что «Мольер» мой в Ленинграде в гробу. Большой Драматический Театр прислал мне письмо, в котором сообщает, что худполитсовет отклонил постановку и что Театр освобождает меня от обязательств по договору [3].

Мои ощущения?

Первым желанием было ухватить кого-то за горло, вступить в какой-то бой. Потом наступило просветление. Понял, что хватать некого и неизвестно за что и почему. Бои с ветряными мельницами происходили в Испании, как Вам известно, задолго до нашего времени.

Это нелепое занятие.

Я — стар.

И мысль, что кто-нибудь со стороны посмотрит холодными и сильными глазами, засмеется и скажет: «Ну-ну, побарахтайся, побарахтайся»... Нет, нет, немыслимо!

Сознание своего полного, ослепительного бессилия нужно хранить про себя.

Живу после извещения в некоем щедринском тумане.

На столе лежит пьеса, на пьесе литера «Б» Главреперткома [4]. Но если вглядеться, то оказывается, что ни пьесы, ни литеры нет! Чудеса.

На репетицию надо идти!

Целую Вас, а Марии Гермогеновне прошу передать привет.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [5]

19.III.1932 г. Москва

---

[1] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[2] Речь идет о работе над инсценировкой «Мертвых душ».

[3] Более подробно об этом см. последующие письма М.А. Булгакова П.С. Попову и комментарии к ним.

[4] Гриф, допускающий постановку пьесы повсеместно, т. е. во всех театрах страны.

[5] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОРРГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

Письмо II-е

Дорогой Павел Сергеевич!

Разбиваю письмо на главы. Иначе запутаюсь.

Гл[ава] **I. Удар финским ножом.**

Большой Драматический Театр в Ленинграде прислал мне сообщение о том, что Худполитсовет отклонил мою пьесу «Мольер» [1]. Театр освободил меня от обязательств по договору.

А) На пьесе литера «Б» Главреперткома, разрешающая постановку безусловно.

Б) За право постановки Театр автору заплатил деньги.

В) Пьеса уже шла в работу.

Что же это такое?

Прежде всего это такой удар для меня, что описывать его не буду. Тяжело и долго.

На апрельскую (примерно) премьеру на Фонтанке я поставил все. Карту убили. Дымом улетело лето... ну, словом, что тут говорить!

О том, что это настоящий удар, сообщаю Вам одному. Не говорите никому, чтобы на этом не сыграли и не причинили бы мне дальнейший вред.

Далее это обозначает, что, к ужасу моему, виза Главреперткома действительна на всех пьесах, кроме моих.

Приятным долгом считаю заявить, что на сей раз никаких претензий к государственным органам иметь не могу. Виза — вот она. Государство в лице своих контрольных органов не снимало пьесы. И оно не отвечает за то, что театр снимает пьесу.

Кто же снял? Театр? Помилуйте! За что же он 1200 рублей заплатил и гонял члена дирекции в Москву писать со мной договор?

Наконец, грянула информация из Ленинграда. Оказалось, что пьесу снял не государственный орган. Уничтожил Мольера совершенно неожиданный персонаж! Убило Мольера частное, не ответственное, не политическое, кустарное и скромное лицо и по соображениям совершенно не политическим. Лицо это по профессии драматург [2]. Оно явилось в Театр и так напугало его, что он выронил пьесу.

Первоначально, когда мне сообщили о появлении драматурга, я засмеялся. Но очень быстро смеяться я перестал. Сомнений, увы, нет. Сообщают, разные лица.

Что же это такое?!

Это вот что: на Фонтанке, среди бела дня, меня ударили сзади финским ножом при молчаливо стоящей публике. Театр, впрочем, божится, что он кричал «караул», но никто не прибежал на помощь.

Не смею сомневаться, что он кричал, но он тихо кричал. Ему бы крикнуть по телеграфу в Москву, хотя бы в Народный Комиссариат Просвещения.

Сейчас ко мне наклонилось два-три сочувствующих лица. Видят, плывет гражданин в своей крови. Говорят: «Кричи!!» Кричать, лежа, считаю неудобным. Это не драматургическое дело!

Просьба, Павел Сергеевич: может быть. Вы видели в ленинградских газетах след этого дела [3]. Примета: какая-то карикатура, возможно, заметки. Сообщите!

Зачем? Не знаю сам. Вероятно, просто горькое удовольствие еще раз взглянуть в глаза подколовшему.

---

[1] Авторское название пьесы — «Кабала святош», позднее замененное режиссурой МХАТа на «Мольер».

[2] Речь идет о Всеволоде Витальевиче Вишневском (1900—1951).

[3] Речь идет о заметке Вс. Вишневского «Кто же вы?» («Красная газета» от 11 ноября 1931 г., вечерний выпуск).

Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили [1], на теле его нашли тяжелую пистолетную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине.

Меняется оружие!

Продолжение последует, если не возражаете. Пасмурно у меня на душе.

Ваш *М. Булгаков.*

М. А. Булгаков — П.С. Попову [2]

27.III.1932. Москва

Письмо III

Дорогой Павел Сергеевич!

Гл[ава] **II. Vous vous trompez!** [3]

Нет, нет, дорогой друг, дело не в капитальном строительстве [4]. Пьеса находится не в Александрийском (Ак-Драма), а в Большом Драматическом Театре (БДТ) на Фонтанке в № 65.

То есть, вернее, находилась, потому что сейчас она находится в земле.

Похоронил же ее, как я Вам точно сообщаю, некий драматург, о коем мною уже получены многочисленные аттестации. И аттестации эти одна траурнее другой.

Внешне: открытое лицо, работа «под братишку», в настоящее время крейсирует в Москве.

Меня уверяют, что есть надежда, что его догонит в один прекрасный момент государственный корвет, идущий под военным флагом, и тогда флибустьер пойдет ко дну в два счета.

Но у меня этой надежды нисколько нет (источник не солидный уверяет).

Да черт с ним, с флибустьером! Сам он меня не интересует. Для меня есть более важный вопрос: что же это, в конце концов, будет с «Мольером» вне Москвы. Ведь такие плавают в каждом городе.

Да, да, Павел Сергеевич, комплект очень бы хорошо посмотреть. Помню — январь—февраль 1932 г. Наверное, «Вечерняя Красная». Там, возможно, найдется кровавый след убийства.

Вот новая напасть. В последние дни, как возьмусь за перо, начинает болеть голова. Устал. Вынужден оставить письмо. Ждите продолжения. Анне Ильинишне мой привет!

---

[1] Булгаков имеет в виду убийство Пушкина.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[3] Вы ошибаетесь (*франц.*).

[4] П.С. Попов в письме от 20 марта 1932 г. выражал сомнения относительно участия Вс. Вишневского в срыве пьесы «Мольер» в Ленинградском драматическом театре: В частности, он сообщал: «М. б. я сейчас скажу глупость, не пеняйте, обдумаю — поправлюсь [...] Дело в том, что в Александринке все внезапно, срочно закрывается, сезон кончается 31 марта, т[ак] ч[то] я вчера впопыхах взял на „Страх“ 30-го. Затем неопределенно продолжительное время будет полная перестройка всего здания [...] Поэтому все и вся растекается и ликвидируется. Но это срочный и не научный ответ. Подход же к делу должен быть научным. Словом, в курсе дел я стану с 1 апреля, когда ежедневно буду получать на дом „Красную газету“...»

Ваш *Михаил.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

14.IV.32. Москва
I-ое

Пять часов утра. Не спится. Лежал, беседовал сам с собой, а теперь, дорогой Павел Сергеевич, позвольте побеседовать с Вами.

Я очень благодарен Вам за выписку. Вот, если бы Вы были так добры и извлекли для меня заметку из «Красной газеты» (ноябрь 1931 г.) под заглавием «Кто же вы?». Очень был бы признателен Вам — нужно мне полюбоваться на одного человека.

Старых друзей нельзя забывать — Вы правы. Совсем недавно один близкий мне человек утешил меня предсказанием, что, когда я вскоре буду умирать и позову, то никто не придет ко мне, кроме Черного Монаха. Представьте, какое совпадение. Еще до этого предсказания засел у меня в голове этот рассказ. И страшновато как-то все-таки, если уж никто не придет. Но, что же поделаешь, сложилась жизнь моя так.

Теперь уже всякую ночь я смотрю не вперед, а назад, потому что в будущем для себя я ничего не вижу. В прошлом же я совершил пять роковых ошибок [2]. Не будь их, не было бы разговора о Монахе, и самое солнце светило бы мне по-иному, и сочинял бы я, не шевеля беззвучно губами на рассвете в постели, а как следует быть, за письменным столом.

Но теперь уже делать нечего, ничего не вернешь. Проклинаю я только те два припадка нежданной, налетевшей как обморок робости, из-за которой я совершил две ошибки из пяти. Оправдание у меня есть: эта робость была случайна — плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы. Оправдание есть, но утешения нет.

15.IV. Продолжаю.

Итак, усталый, чувствуя, что непременно надо и пора подводить итог, принять все окончательные решения, я все проверяю прошедшую жизнь и вспоминаю, кто же был моим другом. Их так мало. Я помню Вас, во всяком случае помню твердо, Павел Сергеевич.

20.IV. Что это за наказание! Шесть дней пишется письмо! Дьявол какой-то меня заколдовал.

Продолжаю: так вот в дружелюбные руки примите часть душевного бремени, которое мне уже трудно нести одному. Это, собственно, не письма, а заметки о днях... ну, словом, буду писать Вам о «Турбиных», о Мольере и о многом еще. Знаю, что это не светский прием, говорить только о себе, но писать ничего и ни о чем не могу, пока не развяжу свой душевный узел. Прежде всего о «Турбиных», потому что на этой пьесе, как на нити, подвешена теперь вся моя жизнь и еженощно я воссылаю моления Судьбе, чтобы никакой меч эту нить не перерезал.

Но прежде всего иду на репетицию, а затем буду спать, а уж выспавшись, письмо сочиню. Итак, до следующего письма. Привет Анне Ильиничне!

Ваш *М.*

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[2] О «пяти ошибках» Булгакова можно говорить лишь сугубо предположительно, поскольку ясно он на этот счет не выражался. Отметим лишь, что мысли эти бередили душу Булгакова в период глубокого душевного потрясения, вызванного разрывом (казавшимся писателю окончательным) отношении с Еленой Сергеевной Шкловской. Этим и объясняются его слова о том, что он ничего не может делать (прежде всего, конечно, писать), пока не развяжет «душевный узел». Перед этим он дал обещание мужу Елены Сергеевны Е.А. Шкловскому прекратить окончательно все отношения с Еленой Сергеевной.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

24.IV.32. Москва
II-е

Дорогой Павел Сергеевич,

итак, мои заметки. Я полагаю, что лучше всего будет, сели, прочитав, Вы бросите их в огонь. Печка давно уже сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи! С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин — не стихи!) и, если сочинял, то исключительно сатирические, вызывая отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном, чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения. Мне неизвестно, знает ли покойная, что младший стал солистом-балалаечником во Франции, средний ученым-бактериологом, все в той же Франции, а старший никем стать не пожелал. Я полагаю, что она знает. И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее (а вижу я ее во сне в последние ночи вот уж третий раз. Зачем меня она тревожит?), мне хочется сказать — поедемте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предъявить. Мир, мама?

Пьеса эта была показана 18-го февраля. От Тверской до Театра стояли мужские фигуры и бормотали механически «Нет ли лишнего билетика?» То же было и со стороны Дмитровки.

В зале я не был. Я был за кулисами, и актеры волновались так, что заразили меня. Я стал перемещаться с места на место, опустели руки и ноги. Во всех концах звонки, то свет ударит в софитах, то вдруг как в шахте тьма и загораются фонарики помощников и кажется, что спектакль вдет с вертящей голову быстротой. Только что тоскливо пели петлюровцы, а потом взрыв света и в полутьме вижу, как выбежал Топорков и стоит на деревянной лестнице и дышит, дышит... Наберет воздуху в грудь и никак с ним не расстанется... Стоит тень 18-го года, вымотавшаяся в беготне по лестницам гимназии и ослабевшими руками расстегивает ворот шинели. Потом вдруг тень ожила, спрятала папаху, вынула револьвер и опять скрылась в гимназии. (Топорков играет Мышлаевского первоклассно.) Актеры волновались так, что бледнели под гримом, тело их покрывалось потом, а глаза были замученные, настороженные, выспрашивающие.

Когда возбужденные до предела петлюровцы погнали Николку, помощник выстрелил у моего уха из револьвера и этим мгновенно привел меня в себя.

На кругу стало просторно, появилось пианино и мальчик-баритон запел эпиталаму.

Тут появился гонец в виде прекрасной женщины. У меня в последнее время отточилась до последней степени способность, с которой очень тяжело жить. Способность заранее знать, что хочет от меня человек, подходящий ко мне. По-видимому, чехлы на нервах уже совершенно истрепались, а общение с моей собакой научило меня быть всегда настороже.

Словом, я знаю, что мне скажут, и плохо то, что я знаю, что мне ничего нового не скажут. Ничего неожиданного не будет, все — известно. Я только глянул на напряженно улыбающийся рот и уже знал — будет просить не выходить...

Гонец сказал, что Ка-Эс [2] звонил и спрашивает, где я и как я себя чувствую?..

Я просил благодарить — чувствую себя хорошо, а нахожусь я за кулисами и на вызовы не пойду.

О, как сиял гонец! И сказал, что Ка-Эс полагает, что это — мудрое решение.

---

[1] *Театр, 1981, № 5. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4, л. 14-15).*

[2] Ка-Эс — К.С. Станиславский.

Особенной мудрости в этом решении нет. Это очень простое решение. Мне не хочется ни поклонов, ни вызовов, мне вообще ничего не хочется, кроме того, чтобы меня Христа ради оставили в покое, чтобы я мог брать горячие ванны и не думать каждый день о том, что мне делать с моей собакой, когда в июне кончится квартирный контракт.

Вообще мне ничего решительно не хочется.

Занавес давали 20 раз [1]. Потом актеры и знакомые истязали меня вопросами — зачем не вышел? Что за демонстрация? Выходит так: выйдешь — демонстрация, не выйдешь — тоже демонстрация. Не знаю, не знаю, как быть.

До следующего письма.

Анне Ильиничне привет.

Ваш *М.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [2]

Москва, 30.IV. 19 32 г.
III-е

Дорогой Павел Сергеевич!

Ваше милое письмо от 26-го я получил. Очень, очень признателен за выписку [3]. После получения ее у меня на столе полный паспорт гражданина Вишневского со всеми особыми приметами. Этот Вс. Вишневский и есть то лицо, которое сняло «Мольера» в Ленинграде, лишив меня, по-видимому, возможности купить этим летом квартиру. Оно же произвело и ряд других подвигов уже в отношении других драматургов и театров. Как в Ленинграде, так

---

[1] В дневнике Ю. Слезкина 27 февраля 1932 г. появилась выразительная запись (это уже дневниковая, а не «воспоминательная» запись): «Присутствовавшие на первом после возобновления спектакле „Дни Турбиных“ рассказывают, что после окончания спектакля занавес поднимали пятнадцать раз, так несмолкаемы были аплодисменты и вызовы автора. Булгаков благоразумно не выходил. Такой триумф не упомнят в Художественном театре со времен Чехова».

[2] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 2189, к. 1269, ед. хр. 4, л. 15).*

[3] П.С. Попов прислал Булгакову почти полный текст заметки Вс. Вишневского под названием «Кто же вы?» из «Красной газеты» от 11 ноября 1931 г. В заметке, в частности, говорилось: «Государственный большой драматический театр выпустил ко дню новой премьеры („Дело чести“) специальную газету. В ней декларируются — правда, осторожно — симпатии ГБДТ к театру Мейерхольда [...] Каковы генеральные пути ГБДТ? В брошюре [...] подчеркивается, что театр стремится к закреплению ведущей роли пролетдраматургии и к борьбе за высокое качество спектаклей.

Тем с большей силой, удивлением и недоумением хочется спросить ГБДТ сегодня, узнав о некоторых новых фактах: кто же вы идейно-творчески? Куда же вы, в концов концов, идете?..

Театр, многажды заверявший общественность о своем желании выдвигать пролетдраматургов, принял к постановке пьесы „Мольер“ Булгакова и „Завтра“ Равича. Идейно-творческая позиция Булгакова известна по „Дням Турбиных“, „Дьяволиаде“. Может быть, в „Мольере“ Булгаков сделал шаг в сторону перестройки? Нет, это пьеса о трагической судьбе французского придворного драматурга (1622—1673 гг.). Актуально для 1932! Можно понять и одобрить замысел постановщиков „Тартюфа“: показом классиков. Но зачем тратить силы, время на драму о Мольере, когда к вашим услугам подлинный Мольер.

Или Булгаков перерос Мольера и дал новые качества. По-марксистски вскрыл „сплетения давних времен“.

Ответьте, товарищи из ГБДТ!

Скажите в дружеской дискуссии, как принципиально совместить мейерхольдовскую выставку, мхатовский натурализм (в спектакле „Дело чести“) и пьесы Булгакова и Равича?».

и в Москве [1].

Подвиги эти такого свойства, что разговаривать о Вс. Вишневском мне просто нежелательно. Но несколько слов все же придется сказать о «Днях Турбиных». Вс. Вишневский был единственным, кто отметил в печати возобновление. Причем то, что он написал, пересказу не поддается. Нужно приводить целиком. Привожу кусочек: «...все смотрят пьесу, покачивая головами, и вспоминают рамзинское дело...» [2] Казалось бы, что только в тифозном бреду можно соединить персонажи «Турбиных» с персонажами рамзинского дела [3].

Но я не считаю себя плохим экспертом. (Пусть это самомнение!) Это не бред, это ясная речь. Душевный комплекс индивида в полном порядке. Индивид делает первые робкие шаги к снятию декораций моих со сцены. Возможно, что шаги эти глупы. Ах, впрочем, дело не в этом!

Мне хочется сказать только одно, что в последний год на поле отечественной драматургии вырос в виде Вишневского такой цветок, которого даже такой ботаник, как я, еще не видел. Его многие уже заметили и некоторые клянутся, что еще немного времени и его вырвут с корнем.

А, да мне все равно, впрочем. Довольно о нем. В Лету! К чертовой матери!

Опять, опять к моим воспоминаниям. Сердце стучит тревожно, спешу записать их. Ждите их в IV-м письме.

Ваш *М.Б* .

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [4]

Адрес Société [5]
(12 Rue Henner)

---

[1] Вс. Вишневский многократно и последовательно выступал против постановки на сцене советских театров пьес Булгакова, считая их явлением чисто буржуазным. В своих высказываниях он был прямолинейным, бескомпромиссным и резким, но, безусловно, искренним. В связи с этим приведем очень любопытную запись из дневника Ю. Слезкина от 26 сентября 1932 г.: «Вишневский как всегда загнул 57. Все-таки Вишневский хоть и нарочно подчеркнутый, но *настоящий парень* среди всех этих маленьких, гнусненьких, подленьких людишек, из которых замешано всероскомдрамовское варево...»

[2] Вс. Вишневский в статье «Театр и война» (с подзаголовком «В порядке постановки вопроса») писал: «Ну вот, посмотрели „Дни Турбиных“... И казалось, будто на сцене, глядя на Турбиных, собрались, став в стороне со скрещенными руками, большевики — герои пролетарских пьес... И сквозь весомый и победительный пласт пролетарской драматургии начали пробиваться какие-то голоса из прошлого. Махонькие, из офицерских собраний, с запахом „выпивона и закусона“ страстишки, людишки, делишки. Мелодраматические узоры, немножко российских чувств, немножко музычки. Я слышу: „Какого черта! Ну, был Турбин, немножко строговатый, посамобичевался и получил осколок в череп. Ну и что?“... Чего достиг? Того, что все смотрят пьесу, покачивая головами и вспоминают рамзинское дело... Знаем, мол, этих милых людей...» («Советское искусство» от 21 февраля 1932 г.).

[3] Рамзин Леонид Константинович (1887—1948) — советский теплотехник. В 1921 г. член Госплана. Участник разработки плана ГОЭЛРО. Один из организаторов и первый директор Всесоюзного теплотехнического института (1921—1930). В 1930 г. осужден по известному делу пром-партии. Создал конструкцию промышленного прямоточного котла (котел Рамзина). Лауреат Государственной премии СССР 1943 г.

[4] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 13, л. 4).*

[5] Общество (*франц.*).

6. V. 1932 г.
Москва

Дорогой Коля,

прошу тебя помочь мне вот в каком деле. Издательство S. Fischer — Verlag Berlin № 57 Bülowstr. 90, с которым я связан договором по охране за границей моей пьесы «Дни Турбиных», прислало мне письмо, в котором сообщает, что некий г. Greanin, предъявив в Société des auteurs et compositeurs dramatiques [1] полномочие (?!!) со стороны автора, *получил 3000 франков за меня!*

1) Никакого г. Greanin (15 Rue Louis Philippe a [2] Nenilly-Sur-Seine) я не знаю. (Во-первых, он Грёнин, Греанин или Грэнэн?)

2) Никакого полномочия я ему не давал.

Убедительно прошу узнать в Société, что означает все это. Сообщить Société, что г. Greanin ничего получать за меня не может, так как никакой доверенности у него от меня нет.

Я завтра отправлю в Société письмо об этом. Копию тебе. Побывай у Бинштока (236, Boulevard Raspail) [3], быть может, он поможет выяснить это дело.

Что со мною вообще делают за границей?! Помнишь, ты мне писал, что какие-то лица не понравились тебе вокруг моей пьесы. Кто? Что? Пиши точно, укажи фамилии. Пожалуйста. Помоги мне прекратить эти атаки на мой гонорар и в первую очередь срочно разъяснить этого господина Greanin.

Прости за беспокойство. Целую тебя и Ивана.

Твой *Михаил.*

Б. Пироговская 35а, кв. 6.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [4]

7. V. [19] 32. Москва

Эх, рановато было еще о «Мертвых душах», дорогой Павел Сергеевич! [5] Вы ломаете мой план. Но раз Вам угодно — извольте. Но потом, все-таки, я вернусь к «Дням Турбиных».

Итак, мертвые души... Через девять дней мне исполнится 41 год. Это — чудовищно! Но тем не менее это так.

И, вот, к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки.

---

[1] Общество драматургов и театральных композиторов.

[2] Ул. Луи Филиппа, а далее название местечка.

[3] Бульвар Распай.

[4] *Новый мир, 1987, № 2, Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4, л. 17-19).*

[5] П.С. Попов в письме к Булгакову от 2 апреля 1932 г. поставил множество вопросов по поводу постановки «Мертвых душ» на сцене, Булгаков считал их преждевременными, но все же стал отвечать. Работа над инсценировкой «Мертвых душ» была начата 17 мая 1930 г. В двадцатых числах ноября текст был окончен. 2 декабря прошла первая репетиция во МХАТе.

Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза — Ефрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно предвидя то, что случится со мною в 1929—1931 гг. Словом...

1) «Мертвые души» инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существуют 160 инсценировок. Быть может, это и неточно, но во всяком случае играть «Мертвые души» нельзя.

2) А как же я-то взялся за это?

Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в «М. Д.» (старший режиссер Сахновский [1], Телешова [2] и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду — назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, неизвестно: для того, чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне.

Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из «прекрасного далека» — и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил exposer [3]. И Рима моего мне безумно жаль!

3) Без Рима, так без Рима [4].

Именно, Павел Сергеевич, резать! И только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в клочья. Картина I (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь Опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить (загляните в т. I гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листках «Камеральной», происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает. «Покатим, Павел Иванович!»

Вот-с, какие дела.

Что было с Немировичем [5], когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка инсценировка и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижуева, который ходит за ним как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее.)

Влад[имир] Иван[ович] был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа продолжается около 2-х лет!

---

[1] Сахновский Василий Григорьевич (1886—1946) — режиссер МХАТ, педагог, автор ряда книг по театральному искусству.

[2] Телешева Елизавета Сергеевна (1892—1943) — актриса, режиссер педагог.

[3] Общий замысел (*франц.*).

[4] В следующем письме к Булгакову П.С. Попов очень сожалел, что вариант с Римом не прошел, ибо, по его мнению, это наиболее удачный замысел «в духе Гоголя».

[5] Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943).

4) Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему, Станиславский всю зиму прохворал, в Театре работать не мог (Немирович же за границей).

На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс поднимется в мае, глянет на сцену.

Когда выйдут «Мертвые души». По-моему — никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой Сцене [1].

В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантасмагории ставить, нужно режиссерские таланты в Театре иметь.

Вот-с как, Павел Сергеевич!

А впрочем, все равно. Все равно. И все равно!

До следующего письма.

Ваш *М.Б.*

P.S. Если еще интересуетесь чем-нибудь в «Мертвых», пишите. Я на вопросы Вам отвечу точно. А то, сами понимаете, в одно письмо не вложишь историю двух лет. Да еще и богатую притом историю!

М.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

13.V.32 г.

Дорогой Коля!

---

[1] Премьера «Мертвых душ» прошла 28 ноября 1932 г. Сохранилась запись обсуждения спектакля, сделанная Вс. Вишневским. Вот как передано выступление Булгакова: «Каторжная работа режиссуры. Брался я с ужасом и болью. 160 инсценировок М. Д. уже есть. 8—9 я и сам видел. Что поставить М. Д. нельзя — я был убежден. Надо эпическое течение громадной реки. А конец роли? Куда? Я думал об этом. А сцена требует „конца“. Я убедился, что роман также сзади наперед... герой сперва едет, потом объясняет, зачем.

Я — наоборот — идея, затем осуществление. Брал косвенную речь Гоголя... Попытка — обрамить Римом. Я сделал пять вариантов... Рима не вышло. Гоголь писал в Риме — я хотел дать эту точку зрения».

Сохранилась запись обсуждения постановки «Мертвых душ» в МХАТе на заседании во Всероскомдраме 15 января 1933 г. Сделал ее в своем дневнике Ю. Слезкин, присутствовавший на заседании. Вот выдержки из этой записи: «Вечером доклад Андрея Белого о „Мертвых душах“ Гоголя и постановке их в МХАТе. Битком набито. Мейерхольд, Эйзенштейн, Попова (от Корша), Топорков (играющий Чичикова в МХАТе) [...]

Маленький, худенький, с сияющими прозрачными глазами, в черной мурмолке и детскими локончиками из-под нее, с пышным бантом вместо галстука — по былой романтической моде — вот каким вновь после многих лет я увидел Белого. Впервые слушал я его в журнале „Аполлон“ в 1909 году [...] Остался тот же жест [...] то же экстатическое выражение святого [...]

И как радостно слышать настоящие, полноценные свои слова после тысячи казенных речей в литературе. Большая любовь, огромное трудолюбие, талант, эрудиция [...] И как ярко, оригинально раскрыт Гоголь — его палитра, его инструментовка, его композиция, его видение...

— Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка „Мертвых душ“ в МХАТе, — резюмировал Белый, — так не понять Гоголя! Так заковать его в золотые, академические ризы, так не суметь взглянуть на Россию *его* глазами! И это в столетний юбилей непревзойденного классика. Давать натуралистические усадьбы николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских просторов [...], гоголевской тройки, мчащей Чичикова-Наполеона к новым завоеваниям... Позор! [...]

Ушел я с печалью. Все меньше таких лиц, как у Белого, встречаешь на своем пути... Вокруг свиные рыла — хрюкающие, жующие, торжествующие...»

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 13, л.5).*

Прилагаю при этом копию письма моего в Société des auteurs dramatiques.

Помоги выяснить дело.

Целую тебя.

Твой *М. Булгаков*

Б. Пироговская 35а, кв. 6.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

8. VI. 1932 г. Москва

Дорогой Павел Сергеевич!

Сбился я в нумерации моих писем, поэтому нумеровать более не буду. Ваши я получаю и всегда они вызывают хорошее чувство. Приходят они среди, правда, редких, но все же тяжелых для меня деловых писем. Их легко разделить по следующему признаку:

а) письма отечественные;

б) письма заграничные.

Первые имеют лик мелко будничный. За телефон, например, за какой-то месяц какого-то года нужно доплатить 9 рублей. А кроме того, почему я не состою в Горкоме писателей? А если где-нибудь состою, то где, будьте любезны?

Я состою в РАБИСе [2] и очень рад, что состою. Но в глубине у меня мысль, что это не важно — где я состою. И эти вопросы и ответы на них только время у меня отнимают. Словом, похоже на комаров, которые мешают наслаждаться природой. Заграничные — дело другое. Как письмо оттуда — на стол, как кирпич. Содержание их мне известно до вскрытия конвертов: в одних запрашивают о том, что делать, и как быть, и как горю пособить с такой-то моей пьесой там-то, а в других время от времени сообщают, что там-то или где-то у меня украли гонорар.

Пять примерно лет я получаю эти письма и отвечаю на них. И вот теперь, в этом году, руки мои опустились. Ведь все на свете надоедает.

9/VI—10/VI. Ночь.

В самом деле: я пишу куда-то, в неизвестное пространство, людям, которых я не знаю, что-то, что, в сущности, не имеет никакой силы. Каким образом я, сидя на Пироговской, могу распорядиться тем, что делается на Бюловштрассе или рю Баллю?

12—13/VI. Ночь.

Ничего ночью не произошло, ибо я спать хотел. Попробуем 13/VI днем: рю Баллю, La Garde Blanche. Мы хотим ставить в Америке [...] [3]

М.А. Булгаков — П.С. Попову [4]

4 августа 1932. Москва

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 29, л. 1).*

[2] Всероссийский профессиональный союз работников искусств.

[3] Здесь текст обрывается.

[4] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4, л. 23).*

Дорогой друг Павел Сергеевич, как только Жан Батист Поклэн де Мольер [1] несколько отпустит душу и я получу возможность немного соображать, с жадностью Вам стану писать.

Биография — 10 листов — да еще в жару — да еще в Москве!

А Вам хочется писать о серьезном и важном, что немыслимо при наличности на столе Grimarest [2], Despois [3] и других интуристов.

Сейчас я посылаю Вам и Анне Ильиничне дружеский привет и отчаянное мое сожаление, что не могу повидать Вас 7-го.

Спасибо Вам за память. Непременно напишите, сколько времени еще будете жить в Тярлеве [4].

Ваш *М.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [5]

18.VIII.1932. Москва

Дорогой Павел Сергеевич, Коля передал мне Ваше письмо. Оно угодило в самую мертвую паузу, потому что все слопал Нащокинский переулок, в котором надстраивается дом [6]. Но:

я жду денег. Как только они будут получены (а если их не будет, то вообще ерунда выйдет), Ваш уважаемый заказ будет исполнен.

Вчера я уже ломал голову, но пока еще ничего не вышло. Итак, все меры принимаются! Обнимаю Вас.

Анне Ильиничне привет.

Ваш *М.*

М.А. Булгаков — Е.А. Шиловскому [7] [8]

---

[1] В июле 1932 г. Булгаков заключает договор на книгу «Жизнь господина де Мольера» для серии «Жизнь замечательных людей» с обязательством сдать ее до 1 февраля 1933 г.

[2] Гримаре, автор первой известной биографии Мольера. Grimarest. Vie de Moliere. P. 1705. (Гримаре. Жизнь Мольера).

[3] E. Despois. Le Theatre français sous Louis XIV. P. 1882. (Депуа. Французский театр при Людовике XIV).

[4] Деревня, в которой жили летом Поповы.

[5] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4, л. 24).*

[6] В Нащокинском переулке (ныне улица Фурманова) шло строительство писательского кооператива. Подробнее об этом см. в следующих письмах Булгакова.

[7] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 35, л.1).*

[8] Шиловский Евгений Александрович (1892—1952), муж Е.С. Шиловской (в первом замужестве — Неелова). Помощник начальника Академии Генерального штаба, начальник штаба Московского военного округа, доктор наук, профессор, преподавал стратегию в Академии Генерального штаба и в других высших

6.IX.1932 г. Москва

Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше [1]. И мы хотим по [2]
[...]

М.А. Булгаков — В.Г. Сахновскому [3]

[сентябрь 1932 г.]

Секретно. Срочно.

В 3 ¾ дня я венчаюсь в Заксе. Отпустите меня через 10 минут.

Пояснения к записке Е. С. Булгаковой:

«Эту записку передал на заседании в МХАТе В.Г. Сахновскому — Михаил Афанасьевич. Сахновский сохранил ее, а потом передал мне».

М.А. Булгаков — Е.И. Замятину [4]

Астория
Ленинград
25 октября 1932 г.

Дорогой странник! [5]

Что же, милый Евгений Иванович, Вы так скупы на слова? [6] Хотел ответить Вам тем

военных заведениях.

[1] В этом же году, наконец, счастливо разрешились семейные дела Булгакова, закончившиеся женитьбой на Елене Сергеевне Шиловской.

О многом в этом вопросе можно судить по письму Е.А. Шиловского родителям Елены Сергеевны от 3.09.32.: «Дорогие Александра Александровна и Сергей Маркович! Когда Вы получите это письмо, мы с Еленой Сергеевной уже не будем мужем и женой. Мне хочется, чтобы Вы правильно поняли то, что произошло. Я ни в чем не обвиняю Елену Сергеевну и считаю, что она поступила правильно и честно. Наш брак, столь счастливый в прошлом, пришел к своему естественному концу. Мы исчерпали друг друга, каждый давая другому то, на что он был способен, и в дальнейшем (даже если бы не разыгралась вся эта история) была бы монотонная совместная жизнь больше по привычке, чем по действительному взаимному влечению к ее продолжению. Раз у Люси родилось серьезное и глубокое чувство к другому человеку, — она поступила правильно, что не пожертвовала им.

Мы хорошо прожили целый ряд лет и были очень счастливы. Я бесконечно благодарен Люси за то огромное счастье и радость жизни, которые она мне дала в свое время. Я сохраняю самые лучшие и светлые чувства к ней и к нашему общему прошлому. Мы расстаемся друзьями.

Вам же я хочу сказать на прощанье, что я искренне и горячо любил Вас, как родителей Люси, которая перестала быть моей женой, но осталась близким и дорогим мне человеком.

Любящий Вас Женя Большой» 58.

[2] Текст обрывается. — Составитель.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 3, л. 1-2).*

[4] *Русская литература, 1989, № 4. Печатается и датируется по этому изданию.*

[5] 5 октября 1932 года Замятин написал Булгакову: «автору „Мольера“ и „Мертвых душ“ привет от странника».

[6] Но в том же номере «Русской литературы» опубликовано письмо Е. Замятина от 15 мая 1932 года, в

же — написать кратко

М.А. Булгакову — Е.И. Замятину [1]

28 октября 1932. Москва.

Зачем же, о Странник, такая скупость на слова?

Хотел отомстить Вам тем же, но желание говорить о драматургии берет верх.

Как я работаю? Прежде всего, как Вы работаете? Пишете ли? Что? Почему? Как? Скучаете ли? Слышал, что Вы вскоре возвращаетесь на родину. Когда?.. [2]

Финансовому Управлению Моабит-Вест [3]

Москва, 30 ноября 1932 г.
Финансовому Управлению Моабит-Вест,
Берлин НВ. 6, Луизенштр[ассе], 33/34,

Настоящим письмом имею честь сообщить, что Ваши письма от 15 октября и 23 ноября сего года мною получены [4]. Ввиду того, что мой авторский гонорар от моих художественных произведений в Германии получается через Издательство С. Фишер в Берлине, прошу Вас обратиться в S. Fischer Verlag Aktiengeselschaft, Theaterabteilung, Berlin W 57, Bülowstr. 90, Herrn K. Maril к господину К. Марил за точной справкой о доходах от моих художественных произведений в Германии и получения из моего авторского гонорара соответствующего германскому закону подоходного налога.

С совершенным почтением *М. Булгаков* (M. Bulgakow). Москва, Большая Пироговская, 35а, кв. 6.

Тел. Г-3-58-03.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Директору Издательства «С. Фишер-Ферлаг» [5]

котором подробно говорится о его первых впечатлениях от заграничной жизни. «Дорогой Мольер, мы сидим в кафе в Монако и вспоминаем Вас. Какие лица! Какой материал для Вашего пера» и т.д.

[1] *Русская литература, 1989, № 4. Печатается и датируется по указанному изданию.*

[2] Отрывок черновика, начатого 25 октября.

[3] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Публикуется и датируется по машинописной и рукописной копии с подписью автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 36). Комм. В.И. Лосева.*

[4] В письме руководителя финансового (налогового) управления от 15 октября 1932 года говорилось: «Как я узнал, Вы получаете от издательства Фишер в Берлине доходы от передачи авторских прав... Согласно государственным налоговым правилам Вы обязаны платить в Германии подоходный налог» (ОР РГБ, ф.562, к.19,ед. хр.38, л. 28—30).

[5] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М, СП, 1997. Публикуется и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19. ед. хр. 38, л. 37).*

Москва, 30 ноября 1932 г.

Многоуважаемый г. Марил!

Я получил два письма из Финансового управления Моабит, Берлин НВ 6, Луизеншграссе 33/34, в котором меня запрашивают о моих доходах от моих художественных произведений с 1927 года и по это время в Германии.

Прошу Вас, не откажите в любезности и дать Финансовому управлению Моабит-Вест точную справку о моих доходах и уплатить соответствующий германскому закону подоходный налог.

Будьте так добры, пришлите мне справку о моих доходах за это время в Германии и по другим странам (с 1927 по 1932 гг.).

При этом письме прилагаю Вам доверенность мою на уплату подоходного налога.

Примите мои лучшие приветы.

М. Булгаков (M. Bulgakow).

Москва, Большая Пироговская, 35а, кв. 6.
Тел. Г-3-58-03.
Михаил Афанасьевич Булгаков.
Адрес Финансового управления: Finanzamt, Moabit-West Berlin W 6, Luisenstr. 33/34.

М.А. Булгаков — Е.И. Замятину [1]

7 декабря 1932 г

Дорогой Евгений Иванович, дайте о себе знать — где Вы? [2]

Ваш *М. Булгаков.*

Б. Пироговская, 35а, кв.6.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [3]

Москва. 7.XII.32

Дорогой Коля,
Я жив. Напиши ты несколько строчек.
Михаил.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

---

[1] *Русская литература, 1989, № 4. Печатается и датируется по указанному изданию.*

[2] Уже 25 октября 1932 г., получив письмо, Е. Замятин писал: «Я по Вас и супруге Вашей, ей-богу, соскучился, но раньше весны едва ли увидимся... паспорта продлены пока еще на полгода. Видел на днях Вашего москвича — Бабеля. Н-да, жизнь у вас там — кипит... Вас — с Новым годом и с „Мертвыми душами“ — от души». Но Булгаков не ответил на это письмо.

12 февраля 1933 года Л.Н. Замятина напоминает о себе: «В конце декабря писала Вам. Ответа не получила. Огорчена [...] Е[вгений] И[ванович] шлет приветы. Очень занят. Делает с одним режиссером фильм из „Анны Карениной“...

Ну, а Вы не собираетесь на Запад? Когда? Весной? Летом?»

[3] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 13, л. 6).*

Москва, 14 января 1933 г.

Дорогой Коля!

Надеюсь, что ты жив и здоров. Ты уж привык, конечно, к тому, что от меня приходят редкие сведения. Я о тебе в последнее время тоже давно ничего не знаю. Верю, что жив и здоров и Иван с семьей.

Сейчас я заканчиваю большую работу — биографию Мольера.

Ты меня очень обязал бы, если бы выбрал свободную минуту для того, чтобы, хотя бы бегло — глянуть на памятник Мольеру (фонтан Мольера), улица Ришелье.

Мне нужно краткое, но точное описание этого памятника в настоящем его виде, по следующей, примерно, схеме:

Материал, цвет статуи Мольера.

Материал, цвет женщин у подножья.

Течет ли вода в этом фонтане (львиные головы внизу).

Название места (улиц, перекрестка в наше время, куда лицом обращен Мольер, на какое здание он смотрит) [2].

Если ты имеешь возможность, наведи мне справку, кто из больших французов-мольеристов находится в настоящее время в Париже. Желательно было бы знать одну или две фамилии таких подлинных, а не дилетантов, мольеристов и их адреса.

Если бы ты исполнил просьбу, ты облегчил бы мне тяжелую мою работу.

Сообщаю тебе, что в моей личной жизни произошла громадная и важная перемена. Я развелся с Любой и женился на Елене Сергеевне Шиловской. Ее сын, шестилетний Сергей, живет с нами.

Конечно, как всегда, обещаю написать о моей жизни подробно и думаю, что после 1 февраля это удастся мне, потому что на помощь мне пришло серьезное переутомление. Я должен сдать 1 февраля «Мольера», и, по-видимому, на очень большой срок отказаться от сочинительской работы.

Силы мои истощились. Оставлю только репетиции в театре. Тогда мой верный друг, Елена Сергеевна, поможет мне разобраться в моей переписке.

Елена Сергеевна носится с мыслью поправить меня в течение полугода. Я в это ни в какой мере не верю, но за компанию готов смотреть розово на будущее.

Письмо диктую жене, потому что мне так легче работать, чем писать рукой.

Итак, обнимаю тебя и Ивана. Желаю, чтобы Ваша судьба была хороша.

Да, забыл попросить. Я знаю, что о «Мертвых душах» (моей пьесе по Гоголю) были в Париже заметки. Я очень прошу тебя, если тебе попадутся какие-либо со[обще]ния в прессе

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 14, л. 1-2).*

[2] Н.А. Булгаков с присущей ему аккуратностью и тщательностью выполнил просьбу Михаила Афанасьевича. Он выслал фотографию памятника Мольеру, подробный план улиц и зданий вокруг памятника, скопировал надпись на памятнике. В словесном описании, в частности, отмечалось: «Памятник Мольеру [...] находится в квартале старых парижских театров... Он поставлен в треугольнике (разумею часть города треугольной формы, см. на план), в углах которого расположены большие театры [...] Памятник занимает угол двух улиц, сливающихся под острым углом: улицы Ришелье и улицы Мольера. К этому заостренному углу подходит со стороны еще третья маленькая улица... Раньше это был самостоятельный памятник-фонтан, но лет двадцать тому назад он переделан и соединен с лежащим позади его домом. С тех пор он перестал быть фонтаном, и вода из львиных голов не течет. Фигура сидящего Мольера вылита из бронзы, почерневшей от времени, как это бывает со всеми бронзовыми фигурами [...]. Пьедестал, фигуры женщин по бокам, львиные головы и чаша фонтана — все это выточено из светлосерого мрамора [...] Сидящий Мольер смотрит приблизительно вдоль улицы Ришелье в сторону больших бульваров несколько вниз. Более точно его взор направлен к подножию Национальной библиотеки, удаленной метров на 100—200 от памятника» (ОР РГБ, ф.562, к.20, ед. хр. 7, л. 1-4).

— французской, русской или какой-нибудь, — сделать вырезки и сохранить.

Мне хочется иметь твою фотографию, Ивана — также. Пришли.

Итак, еще раз целую. Прошу не забывать.

Живу я там же: Большая Пироговская 35а, кв. 6.

М.А. Булгаков — в издательство «С.Фишер-Ферлаг» [1]

4 февраля 1933 г.

Многоуважаемый г. К. Марил!

Не откажите в любезности взять с моего счета у Вас пятьдесят (50) марок и перевести, их до адресу:

Сергею Марковичу Нюренберг [2],Альбертовская улица, 2, кв.1.

Рига, Латвия.

А также не откажите сообщить, сколько на моем счету остается чистых денег после уплаты подоходного налога в Германии, которую я просил произвести через Ваше издательство. Примите мой привет..

М. Булгаков

М.А. Булгаков — Л.Е. Белозерской [3]

5 февраля 1933 г.

Любаня, я заходил к Марике [4] в обеденное время (5 ½), но, очевидно, у них что-то случилось — в окнах темно и только таксы лают. Целую тебя.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [5]

Москва, 8 марта 1933 г.

Милый мой Никол!

У меня в доме целый месяц был лазарет. Грипп залез в семейство. Отчего я и не известил тебя сразу по получении твоего очень нужного для меня письма с описанием Фонтана.

Ты меня бесконечно тронул тем, что так обстоятельно ответил на все мои вопросы. Очень ценна фотография. Благодарю тебя и целую!

---

[1] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914-1940. М., СП, 1997. Публикуется и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 41).*

[2] Нюренберг Сергей Маркович (1864—1933) — отец Е.С. Булгаковой, учитель, журналист, православный немецкого происхождения. В это время он уже тяжело болел, помощь ему была совершенно необходима. Похоронен на православном кладбище в Риге.

[3] *Белозерская Л. Е. Воспоминания. М., 1989, с. 157. Печатается и датируется по тексту воспоминаний.*

[4] Марика Чемишкян, жена С.А. Ермолинского.

[5] *Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 14, л. 3).*

Работу над Мольером я, к великому моему счастью, наконец закончил и пятого числа сдал рукопись. Изнурила она меня чрезвычайно и выпила из меня все соки. Уже не помню, который год я, считая с начала работы еще над пьесой, живу в призрачном и сказочном Париже XVII века. Теперь, по-видимому, навсегда я с ним расстаюсь.

Если судьба тебя занесет на угол улиц Ришелье и Мольера, вспомни меня! Жану-Батисту де Мольеру от меня привет!

Попроси Ивана не забывать меня, передай привет его семье. Напиши, как ты живешь. Мне дорог каждый успех твой в научной работе. Елена Сергеевна просит передать тебе поклон. Может быть, также со сбоями из-за усталости, но писать тебе я буду. Итак, не забывай.

М.А. Булгаков — в издательство «Фишер-Ферлаг» [1]

7 апреля 1933 г.

В Театральный отдел
издательства С. Фишер

Многоуважаемый г. Марил!

Сегодня Вам отправлены рукописи МОЛЬЕРА и МЕРТВЫХ ДУШ на русском языке. Я полагал, что у Вас в Издательстве имеются эти экземпляры на русском языке? Они необходимы. Ко мне поступают запросы на эти пьесы, и я направляю лиц с этими запросами по Вашему адресу.

Запрос о МОЛЬЕРЕ последовал от господина Доманского, польского переводчика из Варшавы, запрос о МЕРТВЫХ ДУШАХ — из Праги и из Риги.

Благоволите подтвердить получение моих рукописей. Также мне было бы очень интересно знать, верно ли известие в Пражской газете, что МОЛЬЕР идет в Цюрихе?

Я был бы очень признателен, если бы Вы меня чаще осведомляли о ходе моих дел.

Я получил Ваше извещение о том, что налог Вы уплатили. Согласно Вашему письму от 7.1.33. на моем счету числилась сумма в марок 871.16. Я хотел бы знать перечень моих расходов, так как, согласно Вашему письму от 28.2.33., на моем счету числится только марок 197.37.

Не откажите в любезности с моего счета взять 30 (тридцать) марок и перевести по адресу:

ЛАТВИЯ. РИГА. АЛЬБЕРТОВСКАЯ УЛИЦА 2, КВ. 1. АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ НЮРЕНБЕРГ [2].

Вы меня очень обязали бы, если бы сделали это срочно. Будьте добры сообщить мне, поступает ли аккуратно гонорар из Риги, где в театре Русской Драмы МОЛЬЕР идет под названием КОМЕДИАНТЫ ГОСПОДИНА.

Очень благодарен Вам за то, что Вы произвели уплату налога. Ожидаю Ваших известий.

Примите уверения в моем уважении.

---

[1] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М, СП., 1997. Публикуется и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 43).*

[2] Нюренберг (Горская) Александра Александровна (1864—1956) — мать Е.С. Булгаковой, православная, из семьи священников. Судя по письмам Ольги Бокшанской и Елены Сергеевны Булгаковой, пользовалась огромной любовью и уважением у детей, (см. ОР РГБ, ф. 562, к. 33, ед. хр. 22, л. 1).

М. Булгаков.

Москва, Бол. Пироговская, 35а. кв. 6.

М.А. Булгаков — Замятиным [1]

10 апреля 1933. Москва.

Дорогие Людмила Николаевна и Женя!

С октября месяца прошлого года сочиняю Вам это письмо. Начал его еще в Вашей благословенной ленинградской Астории. Нет, нет, милая Людмила Николаевна, я жутко изменился, но я ничуть не изменился в отношении Вас!

Итак, я развелся с Любовью Евгеньевной и женат на Елене Сергеевне Шиловской. Прошу ее любить и жаловать, как люблю и жалую я. На Пироговской живем втроем — она, я и ее шестилетний сын Сергей. Зиму провели у печки в интереснейших рассказах про Северный полюс и про охоты на слонов, стреляли из игрушечного пистолета и непрерывно болели гриппом. За это же время я написал биографию Вашего парижанина Жана-Батиста Мольера, для серии «Жизнь замечательных людей». Теперь этой биографией любуется Тихонов.

А Вы, стало быть, обвенчались с Анной Карениной? Бог мой! Слово — Толстой — приводит меня в ужас! Я написал инсценировку «Войны и мира». Без содрогания не могу проходить теперь мимо полки, где стоит Толстой. Будь прокляты инсценировки отныне и вовеки!

Вы спрашиваете, когда я собираюсь на Запад? Представьте, в последние три месяца этот вопрос мне задают многие...

М.А. Булгаков — А.Н. Тихонову [2] [3]

12 апреля 1933 г.

Уважаемый Александр Николаевич!

Н.А. Экке вручила мне Ваш разбор моей книги МОЛЬЕР. Я его и прочел и обдумал. Дело обстоит плохо. Суть не в деталях Вашей рецензии, которые поразили меня как по содержанию, так и по форме («Иловайский», «уголовные ссылки на заимствования», «намеки на советскую действительность», «информация из сомнительных источников», «развязный молодой человек», «рассказчик явно склонен к роялизму», «любовь к альковным историям» и др.), — дело в том, что вопрос идет о полном уничтожении той книги, которую я сочинил, и о написании взамен ее новой, в которой речь должна идти совершенно не о том, о чем я пишу в своей книге.

Для того, чтобы вместо «развязного молодого человека» поставить в качестве рассказчика «серьезного советского историка», как предлагаете Вы, мне самому надо было бы быть историком. Но ведь я не историк, а драматург, изучающий в данное время Мольера.

---

[1] *Русская литература, 1989, № 4. Печатается и датируется по указанному изданию.*

[2] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 2. С.-Пг., 1994, с. 172—173. Печатается и датируется по первой публикации.*

[3] Тихонов (Серебров) Александр Николаевич (1880—1950) — писатель, помощник А.М. Горького по издательским вопросам, в том числе и по серии ЖЗЛ.

Но уж, находясь в этой позиции, я утверждаю, что я отчетливо вижу своего Мольера. Мой Мольер и есть единственно верный (с моей точки зрения) Мольер, и форму донесения этого Мольера до зрителя я выбрал тоже не зря, а совершенно обдуманно.

Вы сами понимаете, что, написав свою книгу налицо, я уж никак не могу переписать ее наизнанку. Помилуйте!

Итак, я, к сожалению, не могу переделывать книгу и отказываюсь переделывать. Но что ж делать в таком случае?

По-моему, у нас, Александр Николаевич, есть прекрасный выход. Книга непригодна для серии. Стало быть, и не нужно ее печатать. Похороним ее и забудем!

Уважающий Вас *М. Булгаков.*

Москва, Большая Пироговская 35 а, кв. 6 тел. Г-3.58.03.
Михаил Афанасьевич Булгаков

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

13 апреля 1933 года

Дорогой Павел!

Я хотел зайти к тебе, но, во-первых, у тебя лазарет, кажется, а, во-вторых, я почему-то думаю, что тебя трудно застать дома. Кстати, не собираешься ли ты пристроить у себя телефон? Это — омерзительная вещь в квартире, но иногда — необходимая.

Ну-с, у меня начались мольеровские дни. Открылись они рецензией Т. [2] В ней, дорогой Патя, содержится множество приятных вещей. Рассказчик мой, который ведет биографию, назван развязным молодым человеком, который верит в колдовство и чертовщину, обладает оккультными способностями, любит альковные истории, пользуется сомнительными источниками и, что хуже всего, склонен к роялизму!

Но этого мало. В сочинении моем, по мнению Т., «довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность»!!

Е. С. [3] и К., ознакомившись с редакторским посланием, впали в ярость, и Е. С. даже

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к.1269, ед. хр. 4, л. 25-26).*

[2] «Жизнь господина де Мольера» М.А. Булгаков начал писать после того, как успешно завершилась борьба за постановку пьесы «Кабала святош», получившую название «Мольер». В письмах к П.С. Попову Булгаков подробно рассказывает о всех перипетиях с этой пьесой. Летом 1932 г. он работает над жизнеописанием знаменитого комедиографа для серии «Жизнь замечательных людей», факт за фактом воссоздавая обстоятельства жизни и творчества Мольера. Несколько лет тому назад, когда он сочинял пьесу о Мольере, Любовь Евгеньевна Белозерская перевела с французского биографию Мольера, в которой оказалось множество ярких бытовых деталей. Эта биография принадлежала истому французу, который, со свойственным его соотечественникам особым вниманием, дал описания туалетов, обычаев, нравов. И эти детали, бытовые подробности Булгаков черпает оттуда при описании туалетов Арманды и других действующих лиц.

В марте 1933 г. рукопись была сдана в издательство, а 7 апреля Булгаков получил отрицательный отзыв А.Н. Тихонова (Сереброва), о котором сообщает Булгаков. Л.Е. Белозерская вспоминает этот эпизод... «Рукопись прочитал А.М. Горький и сказал Тихонову (Сереброву):

„Что и говорить, конечно, талантливо. Но если мы будем печатать такие книги, нам, пожалуй, попадет...“ Я тогда как раз работала в „ЖЗЛ“, и А.Н. Тихонов, неизменно дружески относившийся ко мне, тут же, по горячим следам, передал мне отзыв Горького...»

М.А. Булгакову было предложено переработать книгу о Мольере, но он решительно отказался: «Вы сами понимаете, что, написав свою книгу налицо, я уж никак не могу переписать ее наизнанку. Помилуйте!»

«Жизнь господина де Мольера» увидела свет в серии ЖЗЛ в 1962 г.

[3] Е.С. — Елена Сергеевна Булгакова.

порывалась идти объясняться. Удержав ее за юбку, я еле отговорил ее от этих семейных действий. Затем сочинил редактору письмо. Очень обдумав дело, счел за благо боя не принимать. Оскалился только по поводу формы рецензии, но не кусал. А по существу сделал так: Т. пишет, что мне, вместо моего рассказчика, надлежало поставить «серьезного советского историка». Я сообщил, что я не историк, и книгу переделывать отказался.

Т. пишет в том же письме, что он послал рукопись в Сорренто.

Итак, желаю похоронить Жана-Батиста Мольера. Всем спокойнее, всем лучше. Я в полной мере равнодушен к тому, чтобы украсить своей обложкой витрину магазина. По сути дела, я — актер, а не писатель. Кроме того, люблю покой и тишину.

Вот тебе отчет о биографии, которой ты заинтересовался.

Позвони мне, пожалуйста, по телефону. Мы сговоримся о вечере, когда сойдемся и помянем в застольной беседе имена славных комедиантов сьёров Ла Гранжа, Брекура, Дю Круази и самого командора Жана Мольера.

Твой *М.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 19 апреля 1933 г.

Дорогой Никол!

Получил ли ты мое письмо, в котором я благодарил тебя за присылку мне материала о Фонтане? Если не получил, еще раз благодарю тебя и обнимаю.

Никол, напиши мне, пожалуйста, по получении этого письма, будешь ли ты этим летом в Париже или уедешь куда-нибудь? На какие месяцы и куда? Адрес?

Жив ли, здоров Иван? Что он делает? Передай привет его семье, а тебе также — привет от моей семьи. Целую тебя.

Адрес мой все еще прежний. Собираюсь перебраться на новую квартиру в надстраивающийся дом в Нащокинском переулке, но думаю, что это не осуществится ранее осени.

Бол. Пироговская 35а, кв. 6.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [2]

Москва. 19.V.33 г.

Дорогой Павел!

Распространился слух, что ты уезжаешь в отпуск. Кроме того, Коля говорил мне, что ты звонил ко мне, но не дозвонился. Надеюсь, что ты урвешь минуту и забежишь попрощаться. Захвати с собой злосчастного Мольера.

А я? Ветер шевелит зелень возле кожной клиники [3], сердце замирает при мысли о реках, мостах, морях. Цыганский стон в душе. Но это пройдет. Все лето, я уж догадываюсь,

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 14, л. 4).*

[2] *Новый мир, 1987. № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4, л. 27).*

[3] Недалеко от дома, где жили Булгаковы, находились клиники Медицинского института.

буду сидеть на Пироговской и писать комедию (для Ленинграда) [1]. Будет жара, стук, пыль, нарзан.

Итак, позвони (в 11 ч. утра или в 10 вечера) и забеги.

Привет Анне Ильиничне!

Твой *М.*

М.А. Булгаков — И.В. Сталину [2]

[23 мая 1933 г.]

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Позвольте побеспокоить Вас просьбой по важнейшему делу, касающемуся Художественного театра.

Дело это вот в чем: Владимир Иванович Немирович-Данченко застрял за границей в самом тяжелом положении — ему не на что выехать в СССР.

А между тем здесь он совершенно необходим. Ему нельзя задерживаться за рубежом, — ему нужно быть здесь, в Театре.

Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, предоставить ему возможность погасить его долговые обязательства, которые держат его, с тем чтобы он в срочном порядке мог вернуться в Союз.

Сумма, которая ему необходима, составляет 1500 долларов.

Искренне уважающий Вас...[3]

М.А. Булгаков — в издательство «С. Фишер-Ферлаг» [4]

Москва, 15 июня 1933 года

Многоуважаемый г. Марил!

Я получил последние письма из Вашего издательства. Благодарю Вас за присылку сведений о моем счете, а также за отправление в Ригу 30 марок.

Относительно пьесы БЕГ: я не могу пока послать ее за границу, так как пьеса еще не имеет разрешения — в настоящее время я работаю над поправками к ней [5].

---

[1] В мае 1933 г. Булгаков заключил договор с Ленинградским мюзик-холлом на «эксцентрическую трехактную пьесу», которая еще не имела названия. Впоследствии она получила название «Блаженство». Хотя первые записи для пьесы сделаны Булгаковым в мае 1933 г., задумана она была значительно раньше, очевидно не позднее 1929 г., поскольку в завершенной редакции работа над ней датирована 1929—1934 гг. Не исключено, что именно эта комедия упоминается писателем в письме Правительству 28 марта 1930 г. в числе уничтоженных рукописей («И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа „Театр“»).

[2] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 3. С.-Пг., 1995, с. 142. Печатается по указ изд.*

[3] Это один из вариантов письма, который составил Булгаков по просьбе К.С. Станиславского и от его имени. Но послано было совсем другое письмо.

[4] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Публикуется и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 46). Комментарии В.И. Лосева.*

[5] Несмотря на запрещение пьесы «Бег» Главреперткомом, Булгаков и руководство МХАТа неоднократно

Полученный сегодня мною бюллетень из французского Общества композиторов я подписываю и прилагаю Вам при этом письме.

Примите уверения в моем уважении.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — О.С. Бокшанской [1]

Москва, 21 июня 1933 года

Милая Оля! [2]

Большое тебе спасибо за обстоятельное письмо, которое пришло сегодня. Настоящее театральное письмо — все совершенно ясно. Если тебя не очень замотают, пиши, пожалуйста, еще.

Афишу... ах, забыл, что я уже просил об этом!

Програм...

Люсенька тебе завтра напишет все, что касается деловой стороны — это уж по ее части. Возможно, что она и сама приедет в Ленинград [3].

Очень рад, что ты удобно устроилась. Питайся и наслаждайся северной столицей.

пытались вернуться к постановке пьесы. В 1933 году начались репетиции пьесы. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы. Например, приоткрывает нам события того времени служебная записка И.Я. Судакова в дирекцию МХАТа (27 апреля 1933 г.): «Сообщаю, что имел несколько разговоров с Авелем Сафроновичем Енукидзе о пьесе „Бег“. В последний раз получил от него устное заявление (в разговоре по телефону), что можно приступить к репетициям „Бега“ и что он сказал об его согласии на работу пьесы В.Г. Сахновскому. Сообщаю, что имел разговор с О.С. Литовским о пьесе „Бег“ и получил от него заявление, что для разрешения пьесы необходимо в пьесе ясно провести мысль, что белое движение погибло не из-за людей хороших или плохих, а вследствие порочности самой белой идеи — это основное требование. На это я сделал предложение автору о пересмотре линии Хлудова, как носителя белой идеи, договорился с автором о конкретных изменениях пьесы и об этой своей договоренности с автором сообщил О.С. Литовскому, от которого получил устное заявление, что действительное выполнение предложенных мною изменений сделает возможным разрешение пьесы».

Вскоре устная договоренность между Булгаковым и театром была закреплена соглашением (29 апреля 1933 г.), по которому автор обязывался в месячный срок внести следующие изменения в текст пьесы:

«а) переработать последнюю картину по линии Хлудова, причем линия Хлудова должна привести его к самоубийству как человека, осознавшего беспочвенность своей идеи;

б) переработать последнюю картину по линии Голубкова и Серафимы так, чтобы оба эти персонажа остались за границей;

в) переработать в 4-й картине сцену между главнокомандующим и Хлудовым так, чтобы наилучше разъяснить болезнь Хлудова, связанную с осознанием порочности той идеи, которой он отдался, и проистекающую отсюда ненависть его к главнокомандующему, который своей идеей подменял хлудовскую идею».

Характерно, что концовку последнего пункта Булгаков уточнил, внеся следующую поправку: «Своей узкой идеей подменял широкую идею Хлудова» (ИРЛИ, ф. 369, № 130). Это разъяснение имело принципиальное значение, поскольку, по мысли Булгакова, безрассудное врангелевское стремление к русскому престолу погубило хлудовскую идею восстановления российской империи.

Весть о возобновлении работы над «Бегом» быстро распространилась, и запросы шли из многих городов. Но Булгаков, как всегда, был строг в выполнении принятых обязательств, о чем и свидетельствует письмо берлинскому издательству «Фишер-Ферлаг».

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 1, л. 1-2).*

[2] Бокшанская Ольга Сергеевна (1891—1946) — сестра Е.С. Булгаковой, секретарь В.И. Немировича-Данченко. В эти дни находилась в Ленинграде, где МХАТ гастролировал с пьесой «Дни Турбиных».

[3] Вскоре Булгаков вместе с женой уехал в Ленинград, где прожил десять дней.

Целую тебе ручку.

Люся и Сергей тебя обнимают. О подвигах Сергея в Серебряном бору, куда я ездил с ним купаться, тебе напишет Люся.

Твой М

Далее рукой Елены Сергеевны Булгаковой:

Оленька, душенька, спасибо тебе большое за твое письмо. Правду тебе скажу, я страшно ждала, что ты пришлешь сразу телеграмму.

Письмо ужасно меня обрадовало — в этот же день и от Ильи Яков[левича] [1] получили тоже очень хорошее письмо.

Наверно, скоро увидимся. Сегодня я была во Всероскомдраме. Танин [2] обещал дать аванс для поездки. Познакомились с директором Ленинградского отделения Всероскомдрама, который обещал все наладить в смысле денег. Так что сейчас вопрос о доверенности отпадает, тем более что Танин уверяет, что это только запутает дело [...]

Сережка ездил с Мишей и Ляминым в Серебр. Бор. Коля подарил ему лук со стрелой с острым концом. Первый раз он выстрелил (Сергей) и попал Тате [3] в руку. В кровь. Второй — в... не знаю, как назвать? Ну, в живот, что ли... Потом стал бросать песком в воздух и засыпал Тате глаза. Вот и все. А Тата была мрачная, как всегда.

От Берты знаю, что Женичка [4] счастлив беспредельно.

Да, еще о делах. Счет у Шихматова есть. Но, говорит директор, Шихматов тип и поэтому с ним вечные недоразумения, все время он задерживает платежи, и приходится арест налагать на счет. Так что его надо **хорошенько обработать, чтобы платил** . Пусенька!!! В долгу не останусь!!!!!!

Мы приедем, конечно, вдвоем с Мишей. Тогда заранее напишу и попрошу устроить номер.

Когда точно 400-е представление? [5] (Чтобы к нему... не приехать).

Целую тебя, моя родненькая, любимая крепко. Твоя Люся.

Пиши, умоляю, такие же подробные письма.

М.А. Булгаков — в издательство «С. Фишер-Ферлаг» [6]

Москва, 27 июня 1933 г.

Многоуважаемый г. Марил!

---

[1] 21 июня Булгаков получил письмо от Ильи Яковлевовича Судакова (режиссера МХАТ и постановщика «Дней Турбиных»), в котором тот сообщал, что театр намерен приступить к репетициям «Бега». Это сообщение чрезвычайно обрадовало Булгаковых.

[2] Танин Г. М. — советский драматург, один из руководителей Всероскомдрама в 1930—1933 гг.

[3] Н.А. Ушакова.

[4] Евгений Шиловский — старший сын Елены Сергеевны.

[5] Речь идет о юбилейном представлении «Дней Турбиных», совпавшем с гастролями в Ленинграде.

[6] *Булгаков Михаил, Дневник, Письма, 1914—1940. М., СП, 1997. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 47).*

Не откажите в любезности выслать срочно в Ригу (Латвия) по адресу: Альбертовская ул., д. 2, кв. 1, Александре Александровне Нюренберг — (Riga. Latvija, Albertaiela 2, dz. 1. A.A. Nuerenberg), тридцать (30) марок, списав с моего у Вас счета.

Примите уверение в совершенном уважении.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — И.Я. Судакову [1]

26.6.1933.

Уважаемый Илья Яковлевович!

При этом письме посылаю Вам окончательные исправления в пьесе «Бег».

Помимо этого вся пьеса будет мною проверена и в некоторых местах сокращена. Сокращения эти очень прошу принять во внимание — они необходимы. Будут еще кое-какие маленькие поправки, не меняющие стержня пьесы. Вам я вручу новый экземпляр пьесы, по которому и попрошу Вас репетировать.

Итак, пьеса — четырехактная:

1-ый — монастырь и ставка.

2-ый — контрразведка и дворец.

3-й — первый и второй Константинополи.

4-ый — Париж и финальный Константинополь.

Получили ли Вы мое предыдущее письмо? Вы — в «Астории»?

Дружески и искренне приветствую Вас в день четырехсотого представления пьесы, на которую Вы положили так много режиссерского труда!

Какая сложная судьба этой пьесы, Илья Яковлевович!

...Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень много, и я в том числе... и мой унылый корабль... Впрочем, я не то... Время повернулось, мы живы, и пьеса жива, и даже более того: вот уж и «Бег» Вы собираетесь репетировать!..

Ну, что ж, ну, что ж!

Пожалуйста, срочно подтвердите мне получение исправлений, а то я не уверен, в «Астории» ли Вы.

Всем, всем привет! — от Елены Сергеевны и от меня.

М. Булгаков

М.А. Булгаков — П.С. Попову [2]

22.VII.1933. Москва

Жив ли ты, здоров ли, дорогой Павел?

Я вернулся из Ленинграда, значительно отдохнув за 10 дней в Астории.

Коля пытался меня уверить в двух вещах: 1) ты поставил у себя телефон, 2) ты меня совершенно забыл.

---

[1] Проблемы театрального наследия М.А. Булгакова. Л. 1987. Печатается и датируется по первой публикации.

[2] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4, л. 28).*

Задыхаюсь на Пироговской. Может быть, ты умолишь мою судьбу, чтобы наконец закончили дом в Нащокинском? Когда же это наконец будет?! Когда?! [1]

Передай мой и Люси [2] привет Анне Ильиничне.

Твой *М.Б.*

М.А. Булгаков — М. Рейнгардт [3]

Москва, 31 июля 1933 г.

Уважаемая г-жа Рейнгардт!

Разрешите мне ответ на Ваше любезное письмо от 5 июля 1933 года [4] направить Вам дня через два. Мне нужно будет просмотреть по архиву, в каком положении вопрос о постановке «Зойкиной квартиры» за границей. Лишь только я сверюсь с моими бумагами, я сейчас же напишу Вам исчерпывающий ответ.

Примите мой привет и пожелание успехов в Вашей сценической деятельности.

М. Булгаков

Адрес для переписки со мной:
Москва, Большая Пироговская, 35-А, кв.6.
Непременно заказным.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [5]

Москва. 2. VIII. 1933

Дорогой Викентий Викентьевич!

Как чувствуете Вы себя в Звенигороде [6] и что делаете?

Прежде всего хочу рассказать Вам о своей поездке в Ленинград. Там МХТ в двух театрах играл «Дни Турбиных». Играл с большим успехом и при полных сборах, вследствие чего со всех сторон ко мне поступили сообщения о том, что я разбогател. И точно: гонорар должен быть оттуда порядочный.

Вот мы и поехали в Ленинград, зная, как трудно заполучить в руки эти богатства.

Тут уж не я, а Елена Сергеевна, вооруженная доверенностью, нагрянула во 2-й из театров — Нарвский дом культуры. Заведующий театром дважды клялся, что вдогонку нам

---

[1] Переезд на новую квартиру состоялся в феврале 1934 г.

[2] Домашнее имя Е.С. Булгаковой еще с 1920-х годов.

[3] *Современная драматургия, 1986, № 4. Печатается и датируется по первой публикации.*

[4] Рейнгардт М. — актриса, немка по происхождению, но со временем перешла на парижскую сцену, играла ведущие роли. Перевела пьесу Булгакова «Зойкина квартира» и предложила ее для постановки в один из ведущих театров — «Старая голубятня». С этого началась переписка.

[5] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[6] В.В. Вересаев жил на своей даче, находившейся под Звенигородом, на Николиной Горе.

он немедленно переведет из моего гонорара 5 тысяч. Как Вы догадываетесь, он не перевел по сию минуту даже 5-ти копеек.

И наступила знакомая мне жизнь в мертвом театральном сезоне. Елена Сергеевна через Всероскомдрам шлет телеграммы и выцыганивает малые авансы, а я мечтаю только об одном счастливом дне, когда она добьется своего и я, вернув Вам мой остающийся долг, еще раз Вам скажу, что Вы сделали для меня, дорогой Викентий Викентьевич.

Ох, буду я помнить года 1929—1931!

Я встал бы на ноги, впрочем, раньше, если бы не необходимость покинуть чертову яму на Пироговской! Ведь до сих пор не готова квартира в Нащокинском. На год опоздали. На год! И разодрали меня пополам.

Но больше уж и говорить об этом не буду!

Что Вы делаете после «Сестер» [1]? Елена Сергеевна чрезвычайно, чрезвычайно интересно отзывается об этой книге! Мы с ней долго толковали об этом романе.

Я же, кроме того, просидел две ночи над Вашим Гоголем [2]. Боже! Какая фигура! Какая личность!

В меня же вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман [3]. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это.

Передайте, пожалуйста, Елены Сергеевны и мой привет Марии Гермогеновне.

Желаю Вам отдохнуть, желаю Вам хорошего.

Ваш *М. Булгаков.*

Б. Пироговская, 35а, кв. 6.

М.А. Булгаков — в издательство «С. Фишер-Ферлаг» [4]

3 августа 1933 г.

Многоуважаемый г. Марил!

Я получил от Вашего издательства извещение о том, что сумму в 30 марок нельзя переслать в Ригу, а также в следующем письме запрашиваемый мною адрес г-жи Резневич-Синьорелли. Очень благодарен за извещение.

Я прошу Вас, в случае отмены запрещения высылки денег за границу, выслать 30 марок в тот адрес, который я указывал: Латвия, Рига, Альбертовская ул.. д.2 кв.1 — Александре Александровне Нюренберг.

Если будут какие-нибудь новости относительно моих пьес, прощу Вас, извещайте меня.

Примите уверения в моем уважении и привет.

М. Булгаков.

---

[1] В 1933 г. вышел в свет роман Вересаева «Сестры».

[2] Книга Вересаева «Гоголь в жизни» была издана в том же 1933 г.

[3] Речь идет о романе «Мастер и Маргарита».

[4] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1949. М., СП, 1997. Публикуется и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 35, л. 49).*

М.А. Булгаков — А.М. Горькому [1]

Москва. 5. VIII. 1933

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Как чувствуете Вы себя теперь после болезни? [2]Мне хотелось бы повидать Вас. Может быть, Вы были бы добры сообщить, когда это можно сделать?
Я звонил Вам на городскую квартиру, но все неудачно — никого нет.
Уважающий Вас

М. Булгаков

Михаил Афанасьевич Булгаков
Б. Пироговская 35/а, кв. 6 Тел. Г 3-58-03

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [3]

Москва, 13 августа 1933 г.

Дорогой Коля!

Пожалуйста, помоги мне в одном деле, взяв на себя в нем роль моего поверенного. Г-жа Мария Рейнгардт — актриса (M-me Marie Reinhardt, 7, rue du Square Carpeaux, Paris 18) перевела мою пьесу «Зойкина квартира» (L'appartement du Zoika) на французский язык и предлагает мне ставить ее на французском языке в драматических театрах на следующих условиях — она пишет: «je vous propose un pourcentage de 4 pour cent (4%) sur les recettes brutes de toutes les representations de votre piece», а для кино на французском языке — на следующих: «50 pour cent (50%) du prix de vente obtenu par moi.» [4]

Я выражаю согласие на это с тем, чтобы мой договор с ней был действителен для драм. театра — на 2 года, а для кино — на один год, считая с премьеры в драм. театре.

Само собой разумеется, что я, зная, насколько ты занят, прошу тебя смотреть на себя, как на моего поверенного в этом деле и отчислять для себя, в виде вознаграждения, 25% с тех сумм, которые будут поступать для меня.

Вот еще что: в 1928-м году я разрешил Издательству Ладыжникова в Берлине напечатать на немецком языке и тем самым закрепить за собой за границей право на постановки «Зойкиной квартиры» и охрану ее. (L. Ladyschnikoff Verlag. Berlin W 50.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20, л. 5).*

[2] А.М. Горький после приезда из Италии долго болел простудными заболеваниями. Очевидно, Булгаков предполагал доверительно переговорить с Горьким о своей писательской судьбе, памятуя о доброжелательных откликах Горького на его произведения, о возможностях постановки пьес «Мольер» и «Бег», и, по-видимому, о романе «Жизнь господина де Мольера».

Ответа на письмо Булгаков не получил. Трудно сказать, дошло ли оно до Горького. Точно известно, что оно дошло до секретаря Горького — П.П. Крючкова. Об этом есть запись в дневнике Е.С. Булгаковой (9 сентября). В разговоре с Булгаковым, состоявшемся в МХАТе, Крючков сообщил, что письмо получено, но Алексей Максимович очень занят.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 14, л. 5-7).*

[4] «Предлагаю вам вознаграждение в размере четырех процентов (4%) от общего сбора за каждое представление вашей пьесы»... «50 процентов (50%) от суммы мною полученной» (*франц.*).

Rankestrasse 33, «Zoikas Wohnung» c Copyright by L. Ladyschnikow Verlag C. m. b. H. Berlin W 50 Februar 1929.)

По моим сведениям, издательства этого уже не существует. Кроме того, в течение времени с декабря 1928 года и по сей день издательство ничего не давало мне знать по поводу «Зойкиной квартиры». Выясни, прошу, прав ли я, полагая, что никаких препятствий у меня для соглашения с Рейнгардт Марией нет. Чтобы не было потом никаких столкновений и недоразумений. Полагаю, что Сосьете дез отёр поможет в этом.

Прилагаю при этом тебе записку, доверяющую тебе вести переговоры с Рейнгардт и получать суммы, и прошу побывать у нее [1].

Полную копию французского письма Рейнгардт ко мне вышлю в следующем письме.

Ванино письмо с приложением стихов я получил [2]. И ему, и тебе еще напишу. Сейчас же тороплюсь только написать по этому вопросу о Рейнгардт.

Беспокою тебя потому, что больше обратиться не к кому. Целую, и прошу самым срочным образом ответить на это письмо.

Твой *М. Булгаков*
/M. Bulgakow/

Приписка Е.С.Булгаковой:
Я шлю самый сердечный привет всем!

Елена Булгакова

---

[1] Николай Афанасьевич, как всегда, точно выполнил все просьбы брата. В ответном письме (25 августа 1933 г.) он сообщал:

«С артисткой Марией Рейнгардт я виделся и с нею уже был в „Societe des auteurs“.

Вопрос обстоит так: ее перевод твоей пьесы на французский язык возбудил интерес в литературно-драматических кругах, и в настоящий момент у директора одного из хороших и серьезных парижских театров есть желание поставить ее в настоящем сезоне... Сделанный ею французский текст, конечно, потребует соответствующей обработки.

[...] Здесь встает вопрос об издательстве И. Ладыжникова в Берлине и его правах. Издательство это *существует* и даже в настоящий момент ведет одно дело в „Société des auteurs“.

[...] Агент „Société des auteurs“ просил меня *спешно* узнать у тебя в подробностях, *какого рода контракт* был сделан у тебя с издательством Ладыжникова. Если это подробный *постатейный* договор, то есть ли в нем *пункт, дающий право* именно на постановки [...] Если не было такого специального параграфа о правах Ладыжникова на постановку „Зойкиной квартиры“ за границей, то давал ли ты или нет издательству Ладыжникова эти права отдельным *специальным письмом-доверенностью* . В таком случае было бы необходимо иметь от тебя копию подобного письма или контракта.

Отсутствие или наличие твоего разрешения на право постановок совершенно меняет юридическую позицию в случаях оспаривания прав на постановку в другой стране и в новом переводе на другой язык [...]

Чтобы дать мне возможность получать могущие поступать суммы и представлять тебя в переговорах, необходим будет документ на русском языке, но с заверением твоей подписи, о том, что полностью переносишь авторские права на меня по данной пьесе вне СССР и что сам лично претензии заявлять не будешь на нее».

[2] Иван Афанасьевич Булгаков тяжело переносил условия чужбины. Сохранилось много писем подобного содержания, которые он посылал на родину. В упомянутом письме он сообщал: «[...] К сожалению, кусочек хлеба (да еще с маслом! для семьи) приходится сейчас вырывать зубами. И я, и Ната 59 сейчас работаем как волы... В Париже сейчас ад. Интересно, как ты его представляешь! Город для изучения богатый, но очень и очень злой для обиженных судьбою». В другом письме (от 4 мая 1934 г.) есть такие строки: «[...] Трудно нам приходится [...] Сейчас нахожусь в тоске, сдабриваемой порядочной порцией скуки. Прибавив к этому сознание бессилия, невозможности вырваться из тисков, в которые зажата наша монотонная жизнь, — ты поймешь мое горячее желание общения с новым человеком, с новой мыслью, желание встряхнуться [...] Но все же — живу, надеюсь, верю».

Стихи И.А. Булгакова, которые он часто присылал Михаилу Афанасьевичу, проникнуты тоской по родине, безнадежностью. Михаил Афанасьевич внимательнейшим образом прочитывал стихи младшего брата, многие строки подчеркивал. Вообще Булгаков остро переживал вынужденную разлуку с братьями, стремился повидаться с ними. Но в то же время предчувствовал, что этому не суждено сбыться.

Доверенность.

Настоящей полностью передаю свои авторские права на мою пьесу ЗОЙКИНА КВАРТИРА за пределами СССР брату моему Николаю Афанасьевичу Булгакову, проживающему в Париже, II.

Полностью передаю ему право заключения всевозможных договоров на эту пьесу за пределами СССР и получение по ней авторского гонорара. Сам никаких претензий по поводу этой пьесы брату Николаю Афанасьевичу Булгакову предъявлять не буду.

Настоящая доверенность на срок три (3) года, считая со дня ее подписания.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

М.А. Булгаков — М. Рейнградт [1]

Москва 15 августа 1933 года

Госпоже Марии Рейнгардт

Madame!

Настоящим письмом я выражаю свое согласие на предоставление Вам права перевода на французский язык и исполнения на французском языке моей пьесы «Зойкина квартира» (L'apparttment du Zoika) на условиях, предложенных Вами мне в Вашем любезном письме от 5 июля 1933 года есть четыре процента (4%) мне авторских с каждого представления в драматических театрах, а для кино на французском языке — пятьдесят процентов мне с тех сумм, которые будете получать Вы.

Срок действия нашего договора предлагаю считать в двухлетний (со времени этого письма) для драматических спектаклей, а для кино — один год, считая со времени премьеры в Париже в драматическом спектакле.

Считаю долгом известить Вас о том, что, согласно моему разрешению от 7 октября 1928 года, издательство И. Ладыжникова в Берлине (e. Ladyschnekoff Verbig, Berlin W 50, Rankestrasse 33) напечатало на немецком языке в Берлине «Зойкину квартиру» с пометкой о закреплении права переводов и постановки за собой, и тем самым получая право на постановку и охраны пьесы за пределами СССР.

Ввиду того, что с тех пор издательство Ладыжникова не давало мне ничего знать о пьесе, а по моим сведениям, кроме того, прекратило свое существование, я полагаю, что никаких препятствий для непосредственного заключения моего соглашения с Вами нет.

Но я прошу Вас принять меры к тому, чтобы выяснить этот вопрос для того, чтобы не было никаких недоразумений или юридических столкновений.

В случае если бы я ошибался и Ладыжникова издательство имеет право на «Зойкину», может быть, нам нужно заключать соглашение через него?

Одновременно с этим письмом я пишу моему брату, доктору Николаю Афанасьевичу Булгакову, проживающему в Париже (Docteur Nicolas Boulgakow, 11, rue Jobbe Duval, Paris 15), с просьбой побывать у Вас для детальных переговоров обо всем, в том числе и по вопросу о Ладыжникове. На Н.А. Булгакова прошу смотреть как на моего поверенного в этом деле, и те суммы, которые будут причитаться мне по моему соглашению с Вами, вручать ему.

---

[1] *Современная драматургия, 1986, № 4. Печатается и датируется по указанному изданию.*

Мне было бы очень приятно получить французский текст «Зойкиной квартиры», а от Вас получать известия о дальнейшей судьбе этой пьесы.

Прошу Вас принять выражения моего уважения к Вам.

Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.Н. Лямину [1]

Москва. 23 августа 1933 г.

Дорогой Коля!

Устав от Мольера и находясь в состоянии отдыха, диктую последнее летнее письмо тебе.

Вчера началась зима — в театре произошел съезд. Зима принесет свои заботы, планы и прочее, а сейчас Люся и я стараемся ликвидировать все летние заботы. Люся превратилась в великомученицу из-за ленинградских гастролей. Эти подлецы, эти ленинградские театральные сукины дети, конечно, денег авторских не заплатили до сих пор. Люсина жизнь превратилась в кутерьму. Она встает со словом «Ленинград» и с этим словом же ложится, вроде как бы с молитвой. Какие-то письма, кого-то в Ленинград посылали, какие-то телеграммы приходили, — словом — это наглые арапы! Бедная доверенная Люся!

Впрочем, это все не интересно для тебя. Обидно то, что сорвали всякую работу, в особенности в последние две недели. Дальше получается чепуха: поставили в глупейшее положение, а тут еще Любашин ремонт [2]. Сволочи проклятые!

Буду уговаривать Люсю, чтобы она ни за что не делала драматурга из Сережки. Но, кроме шуток, я серьезно начинаю задумываться...

В самом деле, в оркестр саживали зрителей, вызывали усиленные наряды милиции, накормил я всех этими Турбиными! И вот — спасибо! Ну, черт с ними!

Сережа поправляется. По-видимому хромать не будет. Сегодня узнаем точнее у врача.

Живем по-прежнему, за исключением этого ленинградского безобразия, в тишине, согласии и в мечтах.

Как поживает миловидная болгарка?

Ну-с, итак, семейство наше Тату и тебя целуем.

Твой *М.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [3]

Москва, 30 августа 1933 года

Дорогой Коля!

Твое письмо от 25 августа 33 г. получил сегодня утром. Прежде всего, сердечно

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн.3. С-Пг. 1995, с. 212-213. Печатается и датируется по первой публикации.*

[2] После развода с Л.Е. Белозерской (3 октября 1932 г.) Булгаков сохранял с ней хорошие отношения и помогал материально.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 14, л. 8-11).*

благодарю тебя за то, что ты так быстро и обстоятельно ответил. Далее по пунктам:

1. Положение вещей изложено тобой в совершенно понятной для меня форме.

2. К этому письму прилагаю копию моего письма от 8 октября 1928 года в Издательство Ладыжникова. Как видишь, это не постатейный договор, а письмо, а также, как видишь, в письме не указан пропущенный мной, очевидно, в спешке срок действия этого письма.

Примечание: Захар Леонтьевич Каганский — тот самый, который проделал ряд махинаций с романом БЕЛАЯ ГВАРДИЯ и пьесой ДНИ ТУРБИНЫХ за границей, что-то начал проделывать и с переводом и выпуском ЗОЙКИНОЙ КВАРТИРЫ, о чем меня предупредило Издательство Ладыжникова, вследствие этого фамилия Каганского и попала в письмо.

Попутно предупреждаю тебя, что Каганский — квалифицированный мошенник, причем в сферу его деятельности входит не только Берлин, но, сколько мне известно, и Париж, и возможно, и другие города.

3. Что делать с Ладыжниковым — решайте в Париже сами. Я же завтра попытаюсь посоветоваться с юристом, может быть, что-нибудь узнаю здесь.

4. Охотно предоставляю тебе все права на ЗОЙКИНУ за границей, и завтра же попрошу засвидетельствовать мою подпись на доверенности. Лишь только она будет засвидетельствована — доверенность вышлю тебе.

5. Возможно ли получить от меня текст ЗОЙКИНОЙ КВАРТИРЫ? Нет, полагаю, что это невозможно.

6. Ясно, что ЗОЙКИНА ходит за границей в одном из тех экземпляров, которые неизвестным для меня способом какие-то лица, возможно, что через Ригу или Берлин, пустили в обращение.

Я не знаю, в каком виде этот текст, и, конечно, возможно, что он в неряшливом виде.

7. Совершенно необходимо сделать наоборот; чтобы Рейнгардт выслала бы мне срочнейше копию своего французского перевода — (заказным, натурально) — или копию того русского текста, с которого она переводила. Я жду этого.

8. Если бы эта высылка была невозможна (хотя я не знаю, почему) или бы задержалась, — мне совершенно необходимо, чтобы ты мне в письме выслал бы опознавательные какие-либо признаки рейнгардтовского экземпляра (перечень действующих лиц, указание количества картин и актов, начало и концовки картин), — я хотя какое-нибудь представление составлю о том, что она перевела. Жду этого срочно.

Примечание: под началами и концовками я понимаю выписку нескольких реплик, ну, вот, например, берлинский экземпляр (ладыжниковский немецкий) кончается репликой Зои:

«Будьте мужчиной, Павлуша. Я не оставлю Вас в тюрьме. Прощай, прощай, моя милая квартира!»

Свeривши реплики, я прикину и определю, какой это, примерно, вариант пьесы?

9. Очень рекомендую выписать из Берлина, если это возможно, экземпляр ладыжниковский «ЗОЙКАС ВОНУНГ». Может быть, сравните.

10. Относительно эскизов костюмов и декораций — это, по-моему, нельзя, потому что нельзя фотографировать постановку Вахтанговского театра в Москве, нельзя же ее копировать. Нужно другое: авторские точные указания относительно костюмов и декораций, и эти указания, если нужно, я Вам дам.

Вот пока все. Как видишь, я тебе отвечаю в тот же день, как получил письмо. Жди теперь моих следующих писем. Завтра же будем просить о заверении моей подписи.

Устал — у меня грипп. На этом кончаю письмо. Обнимаю тебя, а Елена шлет тебе привет. Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — А.И. Гришину [1]

---

[1] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М, СП, 1997. Печатается по машинописной копии (ОР*

Москва, 13.9.1933 г.

В театр Русской Драмы в Риге
А.И. Гришину

Многоуважаемый Александр Ильич!

Настоящим прошу поступить во всем, как написано в письме доверенной моей, жены моей Елены Сергеевны Булгаковой от 13.9.1933 г., то есть перевести А.А. Нюренберг 26 лат 63 сан., а остальной мой гонорар по «Зойкиной квартире» положить в Банк в Риге, открыв счет на мое имя.

Примите мой привет.

Уважающий Вас

М. Булгаков.

М.А. Булгакову — Н.А. Булгакову [1]

Москва 14.IX.1933

Дорогой Коля!

Вчера получил твое письмо от 8 sept. 1933. Спасибо тебе за хлопоты! Надеюсь, что ты поможешь мне по «Зойкиной квартире». Я буду извещать тебя обо всем, что будет у меня известно по поводу этой пьесы. Жду копию экземпляра Мари Рейнгардт, а тебе вышлю копию ее французского письма ко мне, как только Елена Сергеевна его перепишет.

Ты, надеюсь, понимаешь, что от дел с моими пьесами у меня голова идет кругом. Никоим образом, стоя у окошечка на Пироговской, нельзя управиться с заграничными вопросами. И происходит чертова, по временам, кутерьма. Тут всё: и путаница в сношениях с издательствами, и появление разнобойных текстов одних и тех же вещей, по временам фортеля, которые выкидывают некоторые субъекты типа знаменитого Каганского, словом, все прелести. Впрочем, я не только надеюсь, но и убежден, что ты понимаешь все трудности моего положения, почему и не буду распространяться на эту тему.

Я счастлив тем, что Елена взяла на себя всю деловую сторону по поводу моих пьес и этим разгрузила меня. Я выдал ей нотариальную доверенность на ведение дел по поводу моих произведений. В случае, если бы она написала тебе вместо меня, прошу ее сообщения договорные или гонорарные принимать как мои.

Да, еще по поводу «Зойкиной»: вскоре после предложения Рейнгардт, издательство С. Фишер радостно известило меня, что оно насчет «Зойкиной» заключило договор в Чехии. Все это очень мило, но я им написал, что Ладыжников уже выпустил пьесу, так что при чем здесь Фишер? Словом: надо играть в Париже, надо, чтобы ты, сколько можешь, привел вопрос о «Зойкиной» за пределами СССР в порядок [2].

РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 65).

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к, 19, ед. хр. 14, л. 12-13).*

[2] В письме от 27 сентября 1933 г. Николай Афанасьевич сообщал о том, что присланные документы он «перевел и легализовал по закону», а 26 сентября 1933 г. подписал соглашение с Марией Рейнгардт. К письму Н.А. Булгаков приложил французскую копию и перевод этого соглашения.

Сообщения газет о том, что в МХТ пойдут «Мольер» и «Бег», приблизительно верны. Но вопрос о «Мольере» так затягивается (по причинам чисто внутренне театральным), что на постановку его я начинаю смотреть безнадежно, а «Бег», если будет судьбе угодно, может быть, пойдет к весне 1934 года. В других театрах Союза обе пьесы, по-видимому, безнадежны. Есть тому зловещие знаки. В «Беге» мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал.

Сейчас мне срочно нужно быть в МХТ, поэтому это письмо отправляю, а продолжение напишу немедленно (завтра отправлю).

Целую тебя

Михаил.

Вот подпись Елены Сергеевны, чтобы ты ее знал:

Милый Никол,

можно Вас так называть? По рассказам Миши, чувствую к Вам большую симпатию. Было бы очень радостно, если бы Вы прислали нам свою последнюю карточку. Со своей стороны, обещаю, что все наше святое семейство скоро снимется и тоже вышлет Вам свои фотографии. Мое письмо похоже на письмо из «Брачной газеты». Но это уж не моя вина. Шлю сердечный привет.

Елена Булгакова.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгаковой-Земской [1]

1.X. 33. Москва

Дорогая Надя!

Извини, что я не поздравил тебя вчера. Это не потому, что я забыл тебя. Я все время нездоров и собираюсь выходить только с завтрашнего дня. Передай, пожалуйста, твоим ребятенкам 100 рублей по случаю вчерашних именин твоих. И поцелуй.

Я и Люся сейчас с головой влезли в квартирный вопрос, черт его возьми. Наша еще не готова и раздирает меня во всех смыслах, а Любе я уже отстроил помещение в этом же доме, где и я живу сейчас. Итак, не сердись на меня за то, что редко даю знать о себе. Люся просит поздравить тебя!

Пишу сейчас мало, потому что весь расклеен еще [2].

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Н. А. Булгакову [3]

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 25, л. 5).*

[2] Отовсюду до Булгаковых доходили слухи об арестах, среди арестованных были и близкие знакомые. А в это время Булгаков писал новую редакцию романа о дьяволе. Так что портил настроения не только квартирный вопрос.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 14, л. 14-16).*

Москва, 4 октября 1933 г.

Милый Никол!

Вчера утром пришло твое письмо от 27.IX—33 г. В конверте — шесть листов и приложение: Статю де ля Сосьете.

Отвечаю тебе по пунктам твоего обстоятельного, понятного и милого письма.

1. Благодарю за переписку текста.

2. Жду текста адаптасьон франсэз. Твой экземпляр — скорректированный экземпляр, содержащий некоторые искажения и многочисленные опечатки. Конечно, если бы была какая-либо возможность, хорошо было бы мне до адаптасьон получить копию и русского текста, но если это невозможно, ничего не поделаешь. Я немедленно вооружаюсь одним из своих экземпляров ЗОЙКИНОЙ, полагая, что он точно такой, как твой, и вышлю тебе поправки, стараясь исправить неряшливости, чтобы не искажать смысл. Прежде всего, я прошу фамилию Обольянинов заменить фамилией — Абольянинов, а китаец называется — Ган-Дза-Лин, (Манюшка называет его Газолин). Дальнейшие поправки в следующем письме.

3. Спасибо за копию соглашения и русский его перевод. В дальнейшем, если не будет времени переводить, посылай без перевода, — переведу.

4. Рад твоему вступлению в Сосьете.

5. С юристом я говорил. Он того мнения, что я с Ладыжниковым могу считать себя уже не связанным. Нотариальная доверенность мною Ладыжникову НЕ БЫЛА ДАНА.

С юристом я говорил больше для очистки совести. Отсюда он мне ничем помочь не может, а самому мне юридическое положение ясно не меньше, чем ему. Тебе — также. Это видно по прекрасному разбору дела, данному в твоем письме.

Да, мне придется написать Ладыжникову о том, что я дал тебе доверенность, и прошу расторгнуть со мною соглашение. Напишу.

6. О Фишере: оказывается, что он имеет отношение к «Зойкиной квартире», как он утверждает. В письме от 19.IX.33., в ответ на мое предупреждение о том, что Зойкина у Ладыжникова, Фишер пишет: «Мы 10 декабря 32 года заключили с издательством Ладыжникова соглашение о том, что распространение этого произведения за границей мы берем на себя», и прибавляет, что дело, таким образом,— «ин орднунг», то есть в порядке.

Нет, тут нет особенного порядка. Ладыжников ни звуком меня не известил о том, что он передал Фишеру распространение Зойкиной, как вообще ни о чем не извещал. Прими все это к сведению. Фишеру же, конечно, я немедленно напишу о том, что доверенность у тебя, попрошу его урегулировать с тобою вопрос о Чехии, и всех корреспондентов по Зойкиной квартире буду направлять к тебе.

Я понимаю, как важно внести порядок в это дело, я отлично понимаю все юридические тонкости и сложности. Я полагаю, что я совершенно верно устанавливаю и тип моих корреспондентов и характер их действий, но до соглашения с тобой я был лишен физической возможности установить какой-нибудь порядок. А ты можешь его установить, в чем я всячески тебе помогу.

7. Рад переговорам с театром.

8. Список действующих лиц, характеристика, одежда, бытовые условия идут немедленно в следующем письме.

9. Прошу тебя, милый Никол, немедленно по получении этого письма передать профессору д'Эрель, что я чрезвычайно рад буду видеть его у себя, что я с удовольствием сделаю все, чтобы ознакомить его с нашими театрами, и вообще буду очень доволен, если чем-нибудь буду еще полезен ему в Москве. Мне будет приятно повидать твоего шефа, с которым ты связан научной работой, услышать что-нибудь о тебе. Я думаю, что он, даже если его время и будет занято официальной частью приезда, какими-нибудь визитами или научными сообщениями, — вполне найдет возможность увидеться со мной. Мой телефон: Арбат 3-58-03. И я, и жена говорим по-французски.

У меня вообще сейчас французская полоса. Сижу над Мольером (я продолжаю его

изучать), а недавно беседовал с Эррио [1], который приехал в МХТи смотрел «Дни Турбиных».

Спешу отправить это письмо, поэтому ничего больше не сообщаю. Жди немедленно следующего. Ответ на это прошу срочный.

Целую тебя и Ивана. Скажи ему, пожалуйста, что я несколько раз уже брался за перо, чтобы написать ему по поводу его стихов, но до сих пор не мог выкроить времени. Я напишу ему тотчас же, как сплавлю деловую переписку, которая задержалась из-за болезни Люси. Она шлет тебе самый горячий привет.

М.А. Булгаков — в редакцию «Жизнь Замечательных Людей» [2]

Ввиду того, что ко мне поступило предложение дать для напечатания отрывки из сочиненной мною для «Жизни замечательных людей» БИОГРАФИИ МОЛЬЕРА, я прошу Редакцию в срочном порядке дать мне письменное согласие на напечатание таких отрывков.

А также прошу Редакцию известить меня относительно того, будет ли Редакция

---

[1] Видный государственный и политический деятель Франции Эдуард Эррио (1872—1957) находился в это время с визитом в СССР. В дневнике Е.С. Булгаковой имеются записи о посещении Эррио МХАТа и о состоявшейся его беседе с Булгаковым. Приводим эти записи:

«*5 сентября* (1933 г.) [...] Вечером у нас Яков Л(еонтьевич) Леонтьев, Оля с Калужским. Уговаривали М. А. прийти завтра на „Турбиных“ — будет Эррио, кот[орый] просил поставить завтра эту вещь. Миша отказывался.

6 сентября. М. А. получил из Театра официальный вызов на спектакль. Ушел. Я — дома. Звонок телефонный Оли:

— Ну, Люся, ты должна все простить Владимиру Ивановичу (у меня к нему счеты за М. А.). Знаешь, что он сделал?!... Спектакль сегодня идет изумительно, по-моему, никогда так не играли. Может быть, оттого, что смотрит В. И. Ну, и Эррио, конечно... Уже после первого акта Эррио стал спрашивать про автора, просил познакомить, но Мака куда-то исчез. После „гимназии“ Вл. Ив. увидел Маку в ложе, стал выманивать. Мака с Судаковым подошли. Эррио, Литвинов, [...] мхатовцы — в первом ряду. После знакомства, видя внимание публики ко всему этому, Вл. Ив. сделал жест, знаешь такой округлый, как он всегда делает, и сказал интимно, но так, что вся публика услышала: „А вот и автор спектакля“, — и тут все зааплодировали в театре, была настоящая овация. Мака очень хорошо кланялся. — Эррио в восторге от спектакля, Влад. Ив. тоже: „это настоящий художественный спектакль: замечательная пьеса и замечательная игра актеров“. На принос Николки Влад. Ив. не пошел: „Если пойду, заплачу непременно“. Вообще подъем необыкновенный в Театре.

Тут подошел домой Миша, рассказал мне: моментально вынырнул переводчик. М. А. отказался. Эррио — „Mes compliments...“ 60 Спросил, писал ли М. А. по документам?

— На основании виденного.

— Talberg est un traitre? 61

— Конечно.

— Кто такие петлюровцы?

(Со стороны вопрос: сколько вам лет?)

— Скрываю...

Вопрос Литвинова: какие пьесы вы еще написали?

— „Зойкину квартиру“, „Мольера“...

Эррио:

— Были ли когда-нибудь за границей?

Jamais 62.

Крайнее удивление.

— Mais pourquoi?! 63

— Нужно приглашение, а также разрешение Советского правительства.

— Так я вас приглашаю!

Звонки.

— Au revoiri 64.

В следующем антракте Немирович задумчиво:

— Может быть, я сделал политическую ошибку, что вас представил публике?

— Нет».

[2] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 2, С.-Пг., 1994, с. 177. Печатается по указанному изданию.*

печатать биографию Мольера или же отказывается от этого [1].

М. Булгаков.

Москва, 14 октября 1933 г.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [2]

1933.17.X.

Дорогой Викентий Викентьевич,

помнится, один раз я Вас уже угостил письмом, которое привело Вас в полнейшее недоумением.

Но так всегда бывает: когда мой литературный груз начинает давить слишком, часть сдаю Елене Сергеевне. Но женские плечи можно обременять лишь до известного предела. Тогда — к Вам.

Давно уже я не был так тревожен, как теперь. Бессонница. На рассвете начинаю глядеть в потолок и таращу глаза до тех пор, пока за окном не установится жизнь — кепка, платок, платок, кепка. Фу, какая скука!

Так в чем же дело? Квартира. С этого начинается. Итак, на склоне лет я оказался на чужой площади. Эта сдана, а та не готова. Кислая физиономия лезет время от времени в квартиру и говорит: «Квартира моя». Советует ехать в гостиницу и прочие пошлости. Надоел нестерпимо. Дальше чепуха примет грандиозные размеры, и о работе помышлять не придется.

Нарисовав себе картину выселении, судов, переселений и тому подобных прелестей... [3]

В издательство «С. Фишер-Ферлаг» [4]

30 ноября 1933 г.

Многоуважаемый г. К. Марил!

Ваши любезные письма от 20 и 23 октября с. г. и извещение о зачислении на мой счет 45 марок от 14 ноября с. г. мною получены.

---

[1] 17.11.1933 года А.Н. Тихонов извещал, что «со стороны редакции нет возражений против того, чтобы Ваша книга „Биография Мольера“, написанная для серии биографий, была издана в каком-либо другом издании, так как в нашей серии она, к сожалению, выйти не может».

Впервые художественная биография булгаковского Мольера была издана в 1962 году в серии «Жизнь замечательных людей». Затем несколько раз переиздавалась. Но, к сожалению, это был далеко не полный текст, отредактированный «по абзацам, фразам и словам». Полный авторской текст биографии Мольера был издан в книге «Кабала святош» в 1991 году в издательстве «Современник». Составители В.И. Лосев и В.В. Петелин.

[2] *М.А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М., 1988. Печатается и датируется по указанному изданию.*

[3] Обрыв текста. Письмо не было отправлено.

[4] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 19997. Публикуется и датируется по машинописно-рукописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, 77).*

Прошу Вас не отказать в любезности взять с моего счета 40 марок (сорок марок) и перевести их Emmy Lieven [1]; Berlin, Fürtherstrasse, 10/III.

Заранее благодарю Вас, прошу принять уверение в моем полном уважении.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — Л.Н. Замятиной [2]

31 декабря 1933. Москва.

Милая Людмила Николаевна!

Еще несколько часов, и пробьет «12». Говорят, что все это условности. Возможно. Но все-таки, всякий раз, как ждешь боя часов, внушаешь себе, что вот явится Фортуна, обольстительно улыбнется. Она, конечно, не явится, все это чепуха, но ждать никому не запрещается.

Итак, поздравляю Вас с Новым годом. Так как мне точно известно, что нужно для счастья человека, то этого и желаю Вам: 1) здоровья, 2) собственная вилла, 3) автомобиль, 4) деньги.

Все прочее приложится.

Себе желаю только одного: как можно скорее переехать в Нащокинский переулок. Больше мне ничего не нужно.

Есть затрепанная, тусклая, заношенная надежда, что это случится в январе. Но если не случится, то гражданин, которому наша Пироговская квартира уже сдана, отравит мне окончательно жизнь.

Но недаром я жду полночи — улыбнется богиня — авось переедем.

Ваше письмо от 3.XI.33 получено...

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [3]

Москва,29 января 1934 года
Николаю Афанасьевичу Булгакову
II, rue Jobbe Duval
Paris XV
(место службы: 75,
Olivier-de-Serres
Téléphone: Vaugirard 55-82)

Дорогой Коля!

Г-н Юджин Лайонс (Eugene Lyons), корреспондент американской прессы, проживавший в Москве, а теперь направляющийся в Америку, выразил интерес к моей пьесе

---

[1] В этот же день Е.С. Булгакова известила Э. Ливен о переводе на ее адрес 40 марок. В надежде, что деньги будут переданы ее матери.

[2] *Русская литература, 1989, № 4. Печатается и датируется по первому изданию.*

[3] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 15, л. 1).*

«Зойкина квартира» [1]. Ввиду того, что доверенность на эту пьесу у тебя, я направлю г. Лайонса к тебе.

Может быть, ты найдешь возможным вступить с ним в переговоры и договорные отношения относительно «Зойкиной квартиры» для Америки. Я с ним (ввиду того, что мой договор с Фишером на Дни Турбиных кончился) заключил договор на Дни Турбиных для всей заграницы сроком до конца 1934 года (на английском языке для театров и на всяком языке для кино). В начале февраля я меняю свой адрес в Москве, но точно его еще не знаю. Поэтому впредь до сообщения его тебе, прошу писать мне заказным по следующему адресу:

Москва, Проезд Художественного Театра. Московский Художественный Театр. Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [2]

6.III.34 г.

Дорогой Викентий Викентьевич!

Адрес-то я Вам не совсем точный дал. Надо так: Москва 19, Нащокинский пер., д. 3, кв. 44. До 10-го я позвоню Вам, и мы условимся, как быть с билетами. Я искренно опечален тем, что Вы сообщили о Вашем доме. Подтверждается ли это? Я от души желаю Вам, чтобы Ваше новое пристанище в случае, если придется уезжать, было бы хорошо.

А об этом кабинете сохраню самые лучшие воспоминания [3]. Я становился спокойнее в нем, наши беседы облегчали меня.

Свое жилище я надеюсь Вам вскоре показать, лишь только устроюсь поуютнее.

Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку.

Молю Бога о том, чтобы дом стоял нерушимо. Я счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. А какое блаженство не ездить в трамвае! Викентий Викентьевич!

Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака и, наверное, будут еще какие-нибудь неполадки, но все же я счастлив. Лишь бы только стоял дом.

Господи! Хоть бы скорее весна. О, какая длинная, утомительная была эта зима. Мечтаю о том, как открою балконную дверь.

Устал, устал я.

---

[1] Е.С. Булгакова зафиксировала в своем дневнике и это событие: «3 января (1934 г.) Вечером американский журналист Лайонс со своим [...] спутником Жуховицким. Им очень хочется, чтобы М. А. порвал свои деловые отношения с издательством Фишера (кот[орый], действительно, маринует пьесы М. А.), и передал права на „Турбиных“ Лайонсу. М. А. не любит таких разговоров, нервничал.

Жуховицкий за ужином:

— Не то вы делаете, Михаил Афанасьевич, не то! Вам бы надо с бригадой на какой-нибудь завод или на Беломорский канал. Взяли бы с собой таких молодцов, которые все равно писать не могут, зато они ваши чемоданы бы таскали...

— Я не то, что на Беломорский канал, — в Малаховку не поеду [...] 8 января. [...] Днем я обнаружила в архиве нашем, что договор на „Турбиных“ с Фишером закончился, и М. А., при бешеном ликовании Жух(овицкого), подписал соглашение на „Турбиных“ с Лайонсом».

[2] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[3] Булгаков часто беседовал с Вересаевым в его кабинете на квартире, которая располагалась на углу Смоленского и Шубинского переулков. Ныне на этом доме установлена мемориальная доска В.В. Вересаеву.

Итак, приветствую Марию Гермогеновну, Вас обнимаю, а Елена Сергеевна просит Вас поблагодарить за приглашение и так же, как и я, приветствует Марию Гермогеновну.

Ваш *М. Булгаков.*

P.S. Елена Сергеевна перенесла грипп в серьезной форме.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

7. III. 34 г. Москва

Дорогой Коля!

Твое молчание меня тревожит. Я переехал на новую квартиру. Адрес: Москва, 19, Нащокинский переулок, д. 3, кв. 44 (заказными).

О «Зойкиной». *От Б. Рубинштейна* из Парижа (от 22.II.34) я получил письмо, в котором он всячески старается доказать, что он — Рубинштейн (именует себя — «владелец изд-ва Ладыжников», Берлин) имеет права на «Зойкину» на том основании, что он и подписал то самое соглашение, копию которого я тебе послал. *Он пишет, что я должен соглашение второе (то есть доверенность тебе) аннулировать.*

Само собой разумеется, я ему отвечу, что я не с тобой аннулирую соглашение, а с ним. Тебе придется несомненно иметь с ним дело. Так вот, потверже с ним через Société действуй. Пусть установят, на чем основаны притязания г. Рубинштейна. Я полагаю, что никаких прав он не имеет. Копию его письма посылаю тебе в следующем письме. Обуздай ты, пожалуйста, всех, кто тянет руку к гонорару незаконно. Спешу в Театр, целую тебя и Ваню. Здоровы ли Вы?

Твой *М. Булгаков*

Адрес Рубинштейна:
Agence Litteraire et Dramatique Internationale 72-bis, rue Michel Ange
Paris (16-me) для Б. Н. Рубинштейна (в заголовке письма — **Bernhard Rubinstein**).

М.А. Булгаков — П.С. Попову [2]

14.III.1934 г.

Дорогой Павел,

твое письмо от 6-го получил.

Один из Колиных друзей, говоря обо мне всякие пакости, между прочим сообщил, что во мне «нездоровый урбанизм», что мне, конечно, немедленно и передали.

Так вот, невзирая на этот урбанизм, я оценил и белый лес, и шумящий самовар, и варенье. Вообще, и письмо приятное, и сам ты тоже умный. Отдыхай!

Зима эта воистину нескончаемая. Глядишь в окно, и плюнуть хочется. И лежит, и лежит на крышах серый снег. Надоела зима!

Квартира помаленьку устраивается. Но столяры осточертели не хуже зимы. Приходят, уходят, стучат.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 15, л. 2).*

[2] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 15).*

В спальне повис фонарь. Что касается кабинета, то ну его в болото! Ни к чему все эти кабинеты.

Пироговскую я уже забыл. Верный знак, что жилось там неладно. Хотя было и много интересного.

У Коли окончание, а не начало радикулита. Как это по-ученому называется? Во всяком случае, ему стало легче. Но зато он стал несимпатичный. Рассказы рассказывает коротенькие и удивительно унылые: то как у кого-то жена захворала, а тот себе зубы вставляет, то у кого-то дом треснул. Надеюсь, что он поправится.

Собирается на юг ехать.

«Мольер»: ну, что ж, репетируем. Но редко, медленно. И, скажу по секрету, смотрю на это мрачно. Люся без раздражения не может говорить о том, что проделывает Театр с этой пьесой. А для меня этот период волнений давно прошел. И если бы не мысль о том, что нужна новая пьеса на сцене, чтобы дальше жить, я бы и перестал о нем думать. Пойдет — хорошо, не пойдет — не надо. Но работаю на этих репетициях много и азартно. Ничего не поделаешь со сценической кровью!

Но больше приходится работать над чужим. «Пиквикский клуб» репетируем на сцене. Но когда он пойдет и мне представится возможность дать тебе полюбоваться красной судейской мантией — не знаю. По-видимому, и эта пьеса застрянет. Судаков с «Грозой» ворвался на станцию, переломал все стрелки и пойдет впереди. «Гроза» нужна всем, как коту штаны, но тем не менее Судаков — выдающаяся личность. И если ты напишешь пьесу, мой совет — добивайся, чтобы ставил Судаков. Вслед за Судаковым рвется Мордвинов [1] с Киршоном [2] в руках. Я, кроме всего, занимаюсь с вокалистами мхатовскими к концерту и время от времени мажу, сценка за сценкой, комедию [3]. Кого я этим тешу? Зачем? Никто мне этого не объяснит. Свою тоже буду любить.

Напиши мне, пожалуйста, еще из Ясной. Приятно увидеть твой конверт на столе среди конвертов, которые я вскрываю со скрежетом и бранью. Из-за границы, от красавцев, интересующихся моими пьесами.

Приедешь, послушаем цыганские вальсы [4]. Кстати! Гитару удалось вырвать из когтей этого... забыл... ну, который на спектакле?

Анне Ильиничне поцелуй руку и попроси ее поцеловать меня в лоб.

Люся передает вам искренний привет, а я тебя обнимаю.

Твой М

М.А. Булгаков — И.А. Булгакову [5]

---

[1] Мордвинов Борис Аркадьевич (1899—1953) — режиссер, артист.

[2] Киршон Владимир Михайлович (1902—1938) — драматург. Резко отрицательно относился к творчеству Булгакова. В данном случае речь идет о пьесе Киршона «Чудесный сплав», премьера которой состоялась в мае 1934 г.

[3] Очевидно, речь идет о комедии «Блаженство».

[4] Жена П.С. Попова — А.И. Толстая с большим искусством исполняла цыганские романсы и песни, любила пение под гитару. Работая над музыкальным оформлением пьесы «Бег», Булгаков часто прослушивал «концерты» в исполнении А.И. Толстой, а иногда приглашал на вечера и других певцов.

[5] *Творчество Михаила Булгакова. Кн. 3, С.-Пг, 1995. Печатается и датируется по первому изданию.*

Москва, 21 апреля 1934 года

Дорогой Ваня!

От Коли прекратились известия. На последние мох письма ответа от него нет. Пожалуйста, напиши мне срочно, голубчик, что с ним [1]. Я тревожусь.

Целую тебя крепко и твоей семье прошу передать привет. Я переменил квартиру. Мой адрес:

Москва 19, Нащокинский пер. 3, кв. 44.

Твой Михаил.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [2]

Москва, 26 апреля 1934 года.
Москва, 19
Нащокинский пер.
дом 3 кв. 44 тел. 58-67.

Дорогой Викентий Викентьевич!

На машинке потому, что не совсем здоров, лежу и диктую. Телефон, как видите, поставили, но пока прибегаю не к нему, а к почте, так как разговор длиннее телефонного. Никуда я не могу попасть, потому что совсем одолела работа. Все дни, за редкими исключениями, репетирую, а по вечерам и ночам, диктуя, закончил, наконец, пьесу, которую задумал давным-давно. Мечтал — допишу, сдам в театр Сатиры, с которым у меня договор, в ту же минуту о ней забуду и начну писать сценарий по «Мертвым душам». Но не вышло так, как я думал.

Прочитал в Сатире пьесу [3], говорят, что начало и конец хорошие, но середина пьесы совершенно куда-то не туда. Таким образом, вместо того, чтобы забыть, лежу с невралгией и думаю о том, какой я, к лешему, драматург! В голове совершеннейший салат оливье: тут уже Чичиков лезет, а тут эта комедия. Бросить это дело нельзя: очень душевно отнеслись ко мне в Сатире. А поправлять все равно, что новую пьесу писать. Таким образом, не видится ни конца, ни края. А между тем и конец, и край этот надо найти.

Вот что я хотел Вас спросить, Викентий Викентьевич. В Звенигороде, там, где Вы живете, есть ли возможность нанять дачу? Если Вам это не трудно, позвоните или напишите нам об этом: у кого, где, есть ли там купанье? Вопрос идет главным образом о Сережке. Но Елена Сергеевна, конечно, и меня туда приладит. Мне это ни к чему, не люблю подмосковных прелестей, и, следовательно, я там не поправлюсь. Но за компанию и чтобы дать возможность жене с Сергеем подышать свежим воздухом, готов оказаться и на даче. Ежели не Звенигород, то еще где-нибудь близ Москвы да найдем что-нибудь.

Но дальше идет блестящая часть. Решил подать прошение о двухмесячной заграничной поездке: август — сентябрь. Несколько дней лежал, думал, ломал голову, пытался советоваться кое с кем. «На болезнь не ссылайтесь». Хорошо, не буду. Ссылаться можно, должно только на одно: я должен и я имею право видеть хотя бы кратко — свет. Проверяю

---

[1] 4 мая, получив письмо, Иван Афанасьевич написал старшему брату, что нет никаких оснований беспокоиться, три недели тому назад Николай Афанасьевич послал ему письмо. «Собирается писать и сейчас». Иван просит брата сказать ему свое слово о тех стихах, которые он послал.

[2] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[3] Речь идет о пьесе «Иван Васильевич», которую Булгаков написал для театра Сатиры. Первоначальное ее название — «Блаженство». 30 ноября 1934 г. Е.С. Булгакова фиксирует в дневнике: «Днем М. А. диктовал наброски для варианта „Ивана Васильевича“ (измененное „Блаженство“)».

себя, спрашиваю жену, имею ли я это право. Отвечает — имеешь. Так что ж, ссылаться, что ли, на это?

Вопрос осложнен безумно тем, что нужно ехать непременно с Еленой Сергеевной. Я чувствую себя плохо. Неврастения, страх одиночества превратили бы поездку в тоскливую пытку. Вот интересно, на что тут можно сослаться? Некоторые из моих советников при словах «с женой» даже руками замахали. А между тем махать здесь нет никаких оснований. Это правда, и эту правду надо отстоять. Мне не нужны ни доктора, ни дома отдыха, ни санатории, ни прочее в этом роде. Я знаю, что мне надо. На два месяца — иной город, иное солнце, иное море, иной отель, и я верю, что осенью я в состоянии буду репетировать в проезде Художественного театра, а может быть, и писать.

Один человек сказал: обратитесь к Немировичу.

Нет, не обращусь! Ни к Немировичу, ни к Станиславскому. Они не шевельнутся. Пусть обращается к ним Антон Чехов!

Так вот решение. Обращаюсь к Елене Сергеевне. У нее счастливая рука.

Пора, пора съездить, Викентий Викентьевич! А то уж как-то странно — закат!

Успеха не желайте; согласно нашему театральному суеверию, это нехорошо.

Что Вы делаете, Викентий Викентьевич? Здоровы ли Вы и когда поедете в Звенигород? Дом Ваш не трогают (московский)? Будет ли перестройка?

Несмотря на некоторые неполадки и чертовы неряшливости, я счастлив в своей квартире. Много солнца. Ждем газа, а то ванн нельзя брать, а мне без ванн прямо гроб — очень помогают.

Я все-таки вырву минуту — приду к Вам, и очень прошу Вас, позвоните нам или напишите. Дайте Елене Сергеевне совет насчет Звенигорода.

И она и я передаем искренний привет Марии Гермогеновне. Я Вас обнимаю.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

28. IV. 1934 г. Москва

Дорогой Павел!

Полагаю, что письмо тебя еще застанет в Ясной Поляне.

Можешь еще одну главу прибавить — 97-ю — под заглавием: о том, как из «Блаженства» ни черта не вышло.

25-го читал труппе Сатиры пьесу. Очень понравился всем первый акт и последний. Но сцены в «Блаженстве» не приняли никакой. Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил. Теперь у меня большая забота. Думал сплавить пьесу с плеч и сейчас же приступить к «Мертвым душам» для кино. А теперь вопрос осложнился. Я чувствую себя отвратительно, в смысле здоровья. Переутомлен окончательно. К 1 августа надо во что бы то ни стало ликвидировать всякую работу и сделать антракт до конца сентября, иначе совершенно ясно, что следующий сезон я уже не в состоянии буду тянуть.

Я подал прошение о разрешении мне заграничной поездки на август — сентябрь. Давно уже мне грезилась средиземная волна, и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых, и фонтан Мольера, и кафе, и — словом, возможность видеть все это. Давно уж с Люсей разговаривал о том, какое путешествие можно было бы написать! И вспомнил

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 29).*

незабвенный «Фрегат „Палладу“» и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! Ах, если б осуществилось! Тогда уж готовь новую главу — самую интересную.

Видел одного литератора, как-то побывавшего за границей. На голове был берет с коротеньким хвостиком. Ничего, кроме хвостика, не вывез! Впечатление такое, как будто он проспал месяца два, затем берет купил и приехал.

Ни строки, ни фразы, ни мысли! О, незабвенный Гончаров! Где ты?

Очень прошу тебя никому об этом не говорить, решительно никому. Таинственности здесь нет никакой, но просто хочу себя оградить от дикой трескотни московских кумушек и кумовьев. Я не могу больше слышать о том, как треплют мою фамилию и обсуждают мои дела, которые решительно никого не касаются. На днях ворвалась одна особа, так она уж ушла, а мы с Люсей полчаса еще ее ругали. Она уж, может быть, у Мясницких ворот была и икала. Она спрашивала, сколько мы зарабатываем, и рассказала, сколько другие зарабатывают. Один, по ее словам, пятьсот тысяч в месяц. И что мы пьем и едим. И прочее. Чума! Народное бедствие! Никто мне не причинил столько неприятностей, сколько эти московские красавицы с их чертовым враньем! Просто не хочу, чтобы трепался такой важный вопрос, который для меня вопрос будущего, хотя бы и короткого, хотя бы уже и на вечере моей жизни!

Итак, по-серьезному сообщаю: пока об этом только тебе. И заметь, что и Коле я не говорил об этом и говорить не буду.

Ах, какие письма, Павел, я тебе буду писать! А приехав осенью, обниму, но коротенький хвостик покупать себе не буду. А равно также и короткие штаны до колен. А равно также и клетчатые чулки.

Ну вот, пока и все. Жду тебя в Москве. Надеюсь, что Анна Ильинична поправилась. Передай от Люси и от меня привет.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — А.М. Горькому [1]

I.V.1934

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Прилагаемый к этому письму экземпляр моего заявления А.С. Енукидзе [2] объяснит

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20).*

[2] Заявление о заграничной поездке было написано на имя А.С. Енукидзе и передано ему лично. Этой поездке Булгаков придавал очень большое значение по различным причинам, но прежде всего по причинам политическим, так как разрешение на выезд означало бы полное политическое доверие к нему. Конечно, об этом он не писал ни в заявлении, ни в письме к Горькому, но в дневнике Е.С. Булгаковой это прочитывается совершенно определенно. Разумеется, поездка имела для писателя и «действительно жизненный и чисто писательский смысл», поскольку физически он чувствовал себя отвратительно, а морально был надломлен и ему необходим был свежий приток духовных сил. Об этом он и писал В.В. Вересаеву: «Мне не нужны ни доктора, ни дома отдыха, ни санатории, ни прочее в этом роде. Я знаю, что мне надо. На два месяца — иной город, иное солнце, иное море, иной отель, и я верю, что осенью я в состоянии буду репетировать в проезде Художественного театра, а может быть, и писать [...] Пора, пора съездить, Викентий Викентьевич! А то уж как-то странно — закат!»

Можно предположить, что ответа на письмо не последовало по причине преждевременной кончины в эти дни сына Горького. 12 мая Е.С. Булгакова записала в дневнике: «В „Лит. газ[ете]“ объявление о смерти сына Горького, Максима Пешкова. Правительственное письмо Горькому. Есть подпись Сталина. „Вместе с Вами скорбим и переживаем горе, так неожиданно и дико свалившееся на нас всех“. Причина смерти неизвестна. Сказано: после непродолжительной болезни». Но, видимо, были и другие причины, биография Горького этого времени таит еще много тайн, неразгаданных поступков и действий.

Вам, что я прошу о разрешении мне двухмесячной заграничной поездки.

Хорошо помня очень ценные для меня Ваши одобрительные отзывы о пьесах «Бег» и «Мольер», я позволяю себе беспокоить Вас просьбой поддержать меня в деле, которое имеет для меня действительно жизненный и чисто писательский смысл.

Собственно говоря, для моей поездки нужен был бы несколько больший срок, но я не прошу о нем, так как мне необходимо быть осенью в МХТ, чтобы не срывать моей режиссерской работы в тех пьесах, где я занят (в частности, «Мольер»).

Я в такой мере переутомлен, что боюсь путешествовать один, почему и прошу о разрешении моей жене сопровождать меня.

Я знаю твердо, что это путешествие вернуло бы мне работоспособность и дало бы мне возможность, наряду с моей театральной работой, написать книгу путевых очерков, мысль о которых манит меня.

За границей я никогда не был.

Вы меня крайне обязали бы Вашим ответом.

Уважающий Вас *М. Булгаков.*

Москва.
Нащокинский пер. д. 3, кв. 44. Тел. 58-67.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва 10.V.1934

Дорогой Коля,

Ванино письмо с твоей припиской от 4.V получил сегодня. Спасибо за весть, а то я начал беспокоиться. От тебя писем нет уже давно, и я не знаю, получил ли ты мои (я писал, между прочим, и о том, что рад был бы повидать профессора д'Эрель, если бы он приехал в СССР, писал и о Рубинштейне (Ладыжниковская фирма), который расстроился тем, что тебе выдана доверенность).

Из письма Lyons'а видно, что он побывал у тебя и вел разговоры о «Зойкиной»?

Нужны ли еще какие-нибудь мои комментарии к «Зойкиной» или надобность в них отпала? Пойдет ли «Зойкина» в Париже? Когда? Где? [2]

Жду с нетерпением окончания сезона в МХТ, потому что безумно устал. И репетиции и с[нима]тельская работа и переезд в новую квартиру.

Пиши. Целую *М.*

Москва 19.
Нащокинский пер. 3, кв. 44.
Очень прошу — пиши заказными.

М.А. Булгаков — И.А. Булгакову [3]

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20).*

[2] 24 июня 2934 года Н.А. Булгаков подробно рассказал старшему брату о «Днях Турбиных» в Париже, о постановке «Зойкиной квартиры», о том, что познакомился с Е.И. Замятиным.

[3] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 3. С.-Пг., 1995. Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Печатается и датируется по второму изданию. Комментарии В.И. Лосева.*

12.V.1934

Дорогой Ваня!

Спасибо тебе за весть. Ох, письма, письма! С большим трудом я их пишу. Я очень утомлен, и часто бывает так, что начнешь, напишешь первые строчки, отложишь. Так и погибает письмо. Я не в ладах с почтовой бумагой.

Итак, твои стихи передо мной [1]. И раньше я их внимательно прочитал.

Твоя муза мрачна и печальна, но у каждого своя муза, надо следовать за ней [2].

---

[1] Иван Афанасьевич Булгаков присылал старшему брату не только письма, но и свои стихи. В архиве писателя их довольно много. Значительная их часть опубликована в третьем сборнике «Творчество Михаила Булгакова». Но мало кто знает, что младший брат Булгакова печататься начал в малотиражных журналах (и в рукописных, которые зачастую выпускались в одном экземпляре) белогвардейцев, поселившихся в Галлиполи, Горной Джумае и других местах. Перед нами журнал «Константиновец», выпускавшийся в Галлиполи и Горной Джумае в 1921—1922 годах. Иван Булгаков — один из основных его авторов. В № 1 за 1922 год напечатано (написано от руки) его стихотворение — «Почему?».

Почему так грустно, тяжко
Мне среди развалин?
Почему в сугробах мысли
Нет живых проталин?
Почему не бьется сердце,
Как бывало прежде?
Не болит оно, сжимаясь,
В сладостной надежде?
Почему живу я только
Старым и забытым,
Почему сегодня завтра
Для меня закрыто?
Неужель безцельно, глупо
Жизнь моя прожита
И сижу я, словно баба
В сказке, у корыта?

Чувство утраты родины, семьи — навсегда! — угнетало младшего брата безмерно. Это чувство безысходности пронизывало и его стихи, и письма. Он так и не смог приспособиться к жизни на чужбине, не нашел дела, которое хотя бы отчасти заглушало память о «старом». Тоску свою он стал приглушать вином...

[2] Печаль младшего брата, выброшенного в юношеском возрасте из родного дома в чужеземье, вызывала у старшего брата не просто боль, но сознание свершившейся великой беды, поразившей лучшую часть русского народа. Ибо он сам, находясь в России, как никто понимал, что это уже не Россия и что свои чувства русского человека можно проявлять только подпольно. Одинаковые с братом чувства порождали и сходные мысли, запечатленные затем в творчестве. Мрак и печаль сквозят в каждом стихотворении младшего брата, мрак и печаль господствуют и в романе о дьяволе у старшего брата. Характерным в этом смысле является следующее «мистическое» стихотворение младшего брата, написанное им в 1925 году:

Не подвигом, не громом славы,
А днями скорби и тревог
В огне восходит год кровавый
На кровью крапленный порог.

Весами неба грех не взвесить,
Не схоронить, не уберечь.
Встречают Крест и Полумесяц
Открытого в словах Предтечь.

Земля исполнит Откровенье:
Где радость — скорбь, где пенье — крик,
И солнце отвернет с презреньем
Багряно пламенный свой лик.

Одетый в пурпуры зарницы,

«Я жду тебя, певец полночный...» [1] Начало правильное. Верно и «...Тебе окно открыл нарочно и занавесь сорвал с окна...»

Но в остальном смысл затемнен. Певца полночного не видишь. И непонятно, почему поэт ждет его, если он «гость случайный». Лик пришедшего не ясен, благодаря тем определениям, которые дает автор. Что значит «страх ужаса»? В особенности, если далее идет «хранитель сна».

«Скажу — готов и не боюсь». Верно и сильно, а далее досадное ослабление.

И это во многих стихотворениях. Они написаны туманно. Не отточена в них мысль до конца, а это порождает дефекты внешности, неряшливость. Непонятно начало «Греха», непонятны «Облака», как и многое другое. А «Стара Планина» [2] понятна. Продумано,

---

Брильянтами осыпан рос
Сойдет Антихрист, Сын Денницы,
Как небом посланный Христос.

Ему, последнему мессии,
Последняя открыта казнь.
Пред ним склонит покорно выю
Земле измученной боязнь.

И, протянув из звуков медных
По небу трепетную нить,
Трубой печальной Ангел бледный
На Страшный Суд начнет будить.

Некоторые булгаковеды не без основания полагают, что это стихотворение наиболее созвучно с некоторыми идеями романа о дьяволе.

[1] Приводим полный текст этого стихотворения:

Я жду тебя, певец полночный,
Страж ужаса, хранитель сна;
Тебе окно открыл нарочно
И занавесь сорвал с окна.

Мне там, где рдеет облак алый,
Забытый солнцем в небе след,
Твоя десница указала
Пройденный путь постылых лет.

Войдешь без слов, мой гость случайный.
Как зачарованный вопьюсь
Глазами в лик необычайный.
Скажу — готов и не боюсь.

Слезу утрешь, утрешь муку,
Расскажешь, как избыть всю ложь,
Когда, спокойно взяв за руку,
В обитель смерти поведешь.

[2] Приводим полный текст «Стара Планина», понравившееся писателю.

Балкан. Кровавые утесы.
Гигантской брошенный рукой
Осколок, словно знак вопроса,
И прорубив седой гранит,
Змеистый путь наверх бежит.

Пастух овец сбирает стадо,
Чтоб узкой горною тропой
До темноты в селе быть надо,
Где после трудового дня
Прилечь у дымного огня.

закруглено, и читаешь с иным чувством и отмечаешь «осколок, словно знак вопроса»...

Невозможность ли, нежелание ли до конца разъяснить замысел, быть может, желание затушевать его нарочно, порождают очень большой порок, от которого надо немедленно начать избавляться: это постановка в стихах затертых, бледных, ничего не определяющих слов [1].

М.А. Булгаков — Е.С. Булгаковой [2] [3]

Мыся, вчера ночью, пока ты спала, я своими руками испек этот кулич тебе.
21. V.34.

Гиацинт.

Наш поезд мчится в пасть туннеля.
Ловлю последний луч. Закат
На горы стелет алый плат,
Туманом пеленает ели...
Какая мощь и старина
В тебе, угрюмая страна!

[1] Письмо (черновик-автограф) не окончено.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию.*

[3] Это одна из характерных записок М.А. Булгакова к Елене Сергеевне, коих в архиве писателя хранится достаточно много. Некоторые из них мы приводим ниже.

Уважаемая мадам,

Ваш драгоценный отпрыск здоров. Ни одному больному не удалось бы так ловко изгадить масляной краской не только подушку на кровати, но даже собственный зад.

Перестаньте же морить мальчика в комнате и выпустите его на солнце, если температура у него нормальная (я не мерил).

С почтением *Монтозье.*

1.IV.33.

Дорогая Ку,

я поехал играть в винт, благо писать нет никакой возможности. Свари бульон, сделай одолжение. Я приду не чрезмерно поздно. Целую тебя 900 раз.

Твой *М.*

Дорогая Ку!

Проходя в размышлениях из кухни к себе, остановился в средней комнате. Хорошо! Как во сне — такою должна быть одна из тех 8 комнат, которые мы с тобою должны были бы иметь. Делают это цветы. Верю в твой вкус и энергию. Устрой дачу на юге. А? 8 комнат — невозможно. Ну, а 4? Попробуй. А?

Твой... Целую.

Купа!

Мне сказано, что ты в 4 будешь дома. Начинайте обедать, я же постараюсь вырваться, как можно скорее. Я очаровательно катался на лодке, поздоровел, благодушен. Жди меня с нетерпением, целую.

Твой до гро. *М.*

М. Булгаков — в комиссию по приему в члены Союза Советских Писателей [1] [2]

Заявление

Прошу принять меня в члены Союза Советских Писателей, сообщаю о себе следующие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество — Булгаков Михаил Афанасьевич
2. Возраст — 43 года.
3. Социальное положение — служащий
4. Партийность — беспартийный
5. Образование — высшее
6. Литературный стаж — около 15 лет.
7. Какие имеет произведения и где напечатаны: «Дьяволиада» (Альманах «Недра», 1924 г.), «Роковые яйца» («Недра», 1925 г.), (и на фр.языке в журн. в Париже), «Белая гвардия», роман («Россия», 1925, № 4 и 5, отдельным изданием в Париже и Риге, в Риме на итальянском языке). Пьесы: «Дни Турбиных» (в Берлине на нем.языке), «Зойкина квартира» (Берлин, на нем. языке), «Мольер» (в Берлине на немецком языке) и другие.
8. Критические статьи и где напечатаны — Большая Советская энциклопедия.
9. Общественная деятельность —
10. Место работы — Московский Художественный Театр СССР им. Горького.
11. Личный адрес — Москва, 19, Нащокинский, 3, кв. 44, тел. 58-67.

Подпись — *М. Булгаков*

29 мая 1934 г.

М.А. Булгаков — И.В. Сталину [3]

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

От драматурга и режиссера
МХАТ СССР
имени Горького
Михаила Афанасьевича Булгакова

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Разрешите мне сообщить Вам о том, что со мною произошло [4]:

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 3, С.-ПГ. 1995. Публикуется и датируется же первому изданию.*

[2] Е.С. Булгакова в «Дневнике» описывает драматическую обстановку, которая порой возникала во время приема в СП, некоторым сначала отказывали, потом принимали. Многих не принимали вообще. Противоречивые слухи поступали к Булгаковым и о приеме Михаила Афанасьевича сначала вроде бы не приняли, но потом — приняли). См. «дневник», с 1 июня 1934 по август.

[3] *Октябрь. 1987. № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 33).*

[4] Многократные обращения писателя к Сталину свидетельствуют, что он надеялся на доброе отношение со стороны Правительства. Имеется много фактов, указывающих на то, что творческая деятельность Булгакова была постоянно в поле зрения высшего руководства. К отдельным работам писателя Сталин проявлял повышенный интерес. Так, «Дни Турбиных» в МХАТе Сталин смотрел более 15 раз, «Зойкину квартиру» в театре им. Вахтангова — не менее восьми раз. Это сейчас широко известно.

В дневнике Е.С. Булгаковой от 27 марта 1934 г. есть следующая запись: «Сегодня днем заходила в МХАТ за

1

В конце апреля сего года мною было направлено Председателю Правительственной Комиссии, управляющей Художественным Театром, заявление, в котором я испрашивал разрешение на двухмесячную поездку за границу, в сопровождении моей жены Елены Сергеевны Булгаковой.

В этом заявлении была указана цель моей поездки — я хотел сочинить книгу о путешествии по Западной Европе (с тем, чтобы по возвращении предложить ее для напечатания в СССР).

А так как я действительно страдаю истощением нервной системы, связанным с боязнью одиночества, то я и просил о разрешении моей жене сопровождать меня, с тем, чтобы она оставила здесь на два месяца находящегося на моем иждивении и воспитании моего семилетнего пасынка.

Отправив заявление, я стал ожидать одного из двух ответов, то есть разрешения на поездку или отказа в ней, считая, что третьего ответа не может быть.

Однако, произошло то, чего я не предвидел, то есть, третье.

17 мая мне позвонили по телефону, причем произошел следующий разговор:

— Вы подавали заявление относительно заграничной поездки?

— Да.

— Отправьтесь в Иностранный Отдел Мосгубисполкома и заполните анкету Вашу и Вашей жены.

— Когда это нужно сделать?

— Как можно скорее, так как Ваш вопрос будет разбираться 21 или 22 числа.

В припадке радости я даже не справился о том, кто со мною говорит, немедленно явился с женой в ИНО Исполкома и там отрекомендовался. Служащий, выслушав, что меня вызвали в ИНО по телефону, предложил мне подождать, вышел в соседнюю комнату, а, вернувшись, попросил меня заполнить анкеты.

По заполнении, он принял их, присоединив к ним по две фотографические карточки, денег не принял, сказавши:

— Паспорта будут бесплатные.

Советских паспортов не принял, сказавши:

— Это потом, при обмене на заграничные.

А затем добавил буквально следующее:

— *Паспорта вы получите очень скоро, так как относительно вас есть распоряжение. Вы могли бы их получить сегодня,* но уже поздно. Позвоните ко мне восемнадцатого утром.

Я сказал:

— Но восемнадцатого выходной день.

Тогда он ответил:

— Ну, девятнадцатого.

19 мая утром, в ответ на наш звонок, было сказано так:

— Паспортов еще нет. Позвоните к концу дня. Если паспорта будут, вам их выдаст

М[ихаилом] А[фанасьевичем]. Пока ждала его в коридоре... подошел Ник[олай] Вас[ильевич] Егоров 65, сказал, что несколько дней назад в театре был Сталин, спрашивал, между прочим о Булгакове, работает ли в Театре?

— Я вам, Е[лена] С[ергеевна], ручаюсь, что среди членов Правительства считают, что лучшая пьеса — это „Дни Турбиных“».

Неожиданный отказ в поездке за границу буквально потряс Булгаковых. Более месяца они не могли прийти в себя. «Уж очень хорош был шок!» — напишет 6 июля 1934 г. Булгаков П.С. Попову.

О всех перипетиях, связанных с отказом в выдаче паспортов, Булгаков сообщил в письме Сталину. В дневнике Е.С. Булгаковой по этому поводу есть запись: «20 июля (1934 г.) У М. А. очень плохое состояние [...], написал письмо обо всем этом Сталину, я отнесла в ЦК». Ответа на письмо не было.

паспортистка.

После звонка к концу дня выяснилось, что паспортов нет, и нам было предложено позвонить 23 числа.

23 мая я лично явился с женою в ИНО, причем узнал, что паспортов нет. Тут о них служащий стал наводить справку по телефону, а затем предложил позвонить 25 или 27 мая.

Тогда я несколько насторожился и спросил служащего, точно ли обо мне есть распоряжение и не ослышался ли я 17 мая?

На это мне было отвечено так:

— Вы сами понимаете, я не могу вам сказать, чье это распоряжение, *но распоряжение относительно вас и вашей жены есть,* также как и относительно писателя Пильняка.

Тут уж у меня отпали какие бы то ни было сомнения, и радость моя сделалась безграничной.

Вскоре последовало еще одно подтверждение о наличии разрешения для меня. Из Театра мне было сообщено, что в секретариате ЦИК было сказано:

— Дело Булгаковых устраивается.

В это время меня поздравляли с тем, что многолетнее писательское мечтание о путешествии, необходимом каждому писателю, исполнилось.

Тем временем, в ИНО Исполкома продолжались откладывания ответа по поводу паспортов со дня на день, к чему я уже относился с полным благодушием, считая, что сколько бы ни откладывали, а паспорта будут.

7 июня курьер Художественного Театра поехал в ИНО со списком артистов, которые должны получить заграничные паспорта. Театр любезно ввел и меня с женой в этот список, хотя я подавал свое заявление отдельно от Театра.

Днем курьер вернулся, причем даже по его растерянному и сконфуженному лицу я увидел, что случилось что-то.

Курьер сообщил, что паспорта даны артистам, что они у него в кармане, а относительно меня и моей жены сказал, что нам в паспортах ОТКАЗАНО.

На другой же день, без всякого замедления, в ИНО была получена справка о том, что гражданину Булгакову М.А. в выдаче разрешения на право выезда за границу отказано.

После этого, чтобы не выслушивать выражений сожаления, удивления и прочего, я отправился домой, понимая только одно, что я попал в тягостное, смешное, не по возрасту положение.

2

Обида, нанесенная мне в ИНО Мособлисполкома, тем серьезнее, что моя четырехлетняя служба в МХАТ для нее никаких оснований не дает, почему я и прошу Вас о заступничестве.

10 июня 1934 г

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

26 июня 1934 года.
Ленинград. Астория. № 430

Дорогой Павел!

Прежде всего, колоссальное спасибо тебе за присылку «Блаженства». За это

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

чем-нибудь тебе отслужу. До сих пор не мог тебе писать. После всего происшедшего [1] не только я, но и хозяйка моя, к великому моему ужасу, расхворалась. Начались дьявольские мигрени, потом боль поползла дальше, бессонница и прочее. Обоим нам пришлось лечиться аккуратно и всерьез. Каждый день нам делают электризацию. И вот мы начинаем становиться на ноги.

Ну-с, здесь совершился пятисотый спектакль [2] — это было двадцатого. Ознаменовался он тем, что Выборгский Дом поднес Театру адрес, а Жене Калужскому [3] — серебряный портсигар. Дело происходило при закрытом занавесе перед третьим актом. (Калужский был единственный, кто сыграл все 500 спектаклей без пропуска.)

Я получил два поздравления: одно из Москвы, а другое — от Сахновского, как от заместителя директора. Оба меня очень обрадовали, потому что оба написаны тепло, нарядно.

И Немирович прислал поздравление Театру. Повертев его в руках, я убедился, что там нет ни одной буквы, которая бы относилась к автору. Полагаю, что хороший тон требует того, чтобы автора не упоминать. Раньше этого не знал, но я, очевидно, недостаточно светский человек.

Одно досадно, что, не спрашивая меня, Театр послал ему благодарность, в том числе и от автора. Дорого бы дал, чтобы выдрать оттуда слово — автор.

Я тебя вспоминаю часто, Люся также. Надеюсь, что ты вполне и жив и здоров, работаешь.

---

[1] Имеется в виду отказ в поездке за границу. В дневнике Е.С. Булгаковой имеются подробные записи о происходивших событиях, связанных с решением этого вопроса. Приводим некоторые из них. 4 мая Елена Сергеевна записала: «[...] сегодня М[ихаил] А[фанасьевич] узнал от Якова Л[еонтьевича Леонтьева], что Енукидзе наложил резолюцию на заявлении М. А. — „Направить в ЦК“». 17 мая Булгаковы были вызваны для получения заграничных паспортов, им предложили заполнить анкеты. Настроение у них было прекрасное. «Когда мы писали, М. А. меня страшно смешил, выдумывая разные ответы и вопросы. Мы много хихикали, не обращая внимания на то, что из соседних дверей вышли сначала мужчина, а потом дама, кот[орые] сели тоже за стол и что-то писали.

Когда мы поднялись наверх, Борисполец 66 сказал, что уже поздно, паспортистка ушла и паспорта сегодня не будут нам выданы. „Приходите завтра“. — „Но завтра 18-е“. — „Ну, значит, 19-го“. На обратном пути М. А. сказал: „Слушай, а это не эти типы подвели?! М[ожет] б[ыть], подслушивали? Решили, что мы радуемся, что уедем и не вернемся?.. 67 Да нет, не может быть. Давай лучше мечтать, как мы поедем в Париж!“ И все повторял ликующе:

— Значит, я не узник! Значит, увижу свет!

Шли пешком, возбужденные. Жаркий день, яркое солнце. Трубный бульвар. М. А. прижимает к себе мою руку, смеется, выдумывает первую главу книги, которую привезет из путешествия.

— Неужели не арестант?!

Это — вечная ночная тема: — Я арестант... Меня искусственно ослепили...»

Последующие записи в дневнике: 19 мая. «Ответ переложили на завтра». 23 мая. «Ответ переложили на 25-е». 25 мая. «Опять нет паспортов. Решили больше не ходить. М. А. чувствует себя отвратительно». 3 июня. «Звонила к Миневриной 68, к Бориспольцу — никакого толку».

4 июня уже был подписан официальный отказ, но Булгаковы этого не знали. Друзья, в частности Я.Л. Леонтьев, еще пытались поправить дело, поместив Булгаковых в список артистов МХАТа, отъезжавших на гастроли в Париж. О том, что произошло в последующие дни, Е.С. Булгакова записала лишь 20 июля, поскольку не в состоянии была вести дневник. «Что я помню? Седьмого июня мы ждали в МХАТе вместе с другими Ивана Серг[еевича], который поехал за паспортами. Он вернулся с целой грудой их, раздал всем, а нам — последним — белые бумажки — отказ. Мы вышли. На улице М. А. вскоре стало плохо, я с трудом его довела до аптеки. Ему дали капель, уложили на кушетку. Я вышла на улицу — нет ли такси. Не было, и только рядом с аптекой стояла машина и около нее Безыменский 69. Ни за что! Пошла обратно и вызвала машину по телефону.

У М. А. очень плохое состояние — опять страх смерти, одиночества, пространства»..

[2] Имеется в виду пятисотый юбилейный спектакль «Дней Турбиных».

[3] Калужский Евгений Васильевич (1896—1966) — актер МХАТа, муж О.С. Бокшанской.

Я пишу «Мертвые души» для экрана [1] и привезу с собою готовую вещь. Потом начнется возня с «Блаженством». Ох, много у меня работы! Но в голове бродит моя Маргарита и кот, и полеты... Но я слаб и разбит еще. Правда, с каждым днем я крепну.

Все, что можно будет собрать в смысле силы за это лето, соберу.

Люся прозвала меня капитаном Копейкиным. Оцени эту остроту, полагаю, что она первоклассна.

Если тебя не затруднит, побывай у меня на квартире, глянь, что там творится. И время от времени звони нашей красавице [2] (58-67).

Целую Анне Ильиничне ручку. Люся вас обоих приветствует. Если напишешь, буду рад.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [3]

27 июня (1934 г. Ленинград)

Милый Патя,

прилагаю к письму две просьбы:

позвони, ангел,— Арбат 3-59-69, найди (это номер кинофабрики) Илью Вениаминовича Вайсфельда [4] и попроси его, чтобы он срочно прислал мне в Асторию адрес, по которому ему можно будет выслать мой сценарий и по которому я ему могу писать. Но добавь, что, возможно, сценарий я привезу и лично в начале июля. Адрес мне нужен на тот случай, если я задержусь. Скажи, что сценарий я уже заканчиваю.

Также мне нужно знать, сколько времени он и режиссер Пырьев [5] будут в Москве.

Домашний телефон Вайсфельда: Арбат 3.92.66. Есть еще второй, служебный, точно его не помню, но кажется, что Арбат 1.89.34.

Вторая просьбишка: на квартире у меня должна быть телеграмма. Вскрой ее, сообщи содержание письмом.

Если будут письма, пусть лежат до моего возвращения — если только среди них не обнаружишь по конверту чего-нибудь очень важного.

Если телеграммы — вскрывай и сообщай.

Обнимаю.

Твой *М.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

---

[1] В марте 1934 г. Булгаков подписал договор с Союзфильмом на сценарии «Мертвых душ».

[2] Имеется в виду домашняя работница Булгаковых — Фрося.

[3] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[4] Вайсфельд Илья Вениаминович (р. 1909—[2003]) — советский критик и теоретик кино, тогдашний заместитель директора кинофабрики.

[5] Пырьев Иван Александрович (1901—1968) — выдающийся советский кинорежиссер.

6 июля 1934 года (Ленинград)

Милый Павел,

спасибо тебе за хлопоты. Какой ты там нашел застаревший долг? Никакого долга за тобой я не помню, но что ты дал Фросе денег, это хорошо. Спасибо. Я сочтусь с тобой, как только приеду.

Здоровье — увы! — не совсем еще восстановилось, и, конечно, этого сразу не достигнешь. Но все-таки Елена Сергеевна чувствует себя гораздо лучше. Некоторая надежда есть и относительно меня. Уж очень хорош шок был!

Появимся мы в Москве в середине июля, где и надеюсь обнять тебя.

Елена Сергеевна шлет самый лучший привет Анне Ильиничне, и, будь ангелом, еще раз позвони на квартиру; а руке твоей не миновать поцелуя, вспомни мое слово [2].

Твой *М.*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [3]

10.7.34. (Ленинград)

Дорогой Павел!

И от 8-го твое письмо получено. Прежде всего, прости за то, что я не выразил сожаления по поводу смерти твоего отца. Это оттого, что моя измотанная голова еще не совсем хорошо действует.

Спасибо тебе за твои хлопоты.

На Фросины губы никакого внимания не обращай. Это не домработница, а какая-то кисейная барышня. Эти самые книжки, Люся говорит, надо менять на Тверском бульваре 25 (дом Герцена). Люся утверждает, что Фрося должна это знать.

В смысле денег, мы полагаем, что они должны быть у нее. Ведь Екатерина Ивановна [4] должна была рассчитать, сколько нужно было Фросе.

Несколько дней назад мы послали ей 30 рублей. Спроси на всякий случай, как у нее обстоит этот вопрос. Если она скажет, что нет, будь добр, дай ей рублей 25, я тебе терну с благодарностью по приезде в Москву.

Мы должны появиться в Москве числа 15—17 июля.

Корреспонденция моя пусть меня ждет в Москве. Очень правильно.

Если тебе не трудно, позвони Вайсфельду (тел. служ. Арбат 3-59-69 или Арбат 1-84-39, или домашний: Арбат 3-92-66) и спроси: «Вы увезли оба экземпляра сценария?» (Мертвых

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[2] 2 июня Е.С. Булгакова записала в дневнике: «Вечером были у Поповых. М. А. и Патя выдумали игру: при здоровании или прощании успеть поцеловать другому руку — неожиданно. Сегодня успел Патя. Веселятся при этом, как маленькие».

[3] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[4] Екатерина Ивановна — воспитательница младшего сына Е.С. Булгаковой — Сергея (от брака с Е.А. Шиловским). Сергей постоянно жил в семье Булгаковых, а старшин сын Елены Сергеевны о того же брака — Евгений — жил у отца.

душ). Пусть срочно телеграфирует ответ.

Дело в том, что я обыскал весь номер, нет второго экземпляра. Значит, увезли оба, вместо одного.

А я сейчас сижу над обдумыванием его переделки.

Люся утверждает, что сценарий вышел замечательный. Я им показал его в черновом виде, и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть сцена суворовских солдат посреди Ноздревской сцены, отдельная большая баллада о капитане Копейкине, панихида в имении Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтом на балконе, — все это подверглось полному разгрому! Удастся сохранить только Копейкина, и то сузив его. Но — Боже! — до чего мне жаль Рима!

Я выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, как они желают, так что они даже изумились.

С «Блаженством» здесь произошел случай, выпадающий за грани реального.

Номер Астории. Я читаю. Директор театра [1] он же и постановщик, слушает, выражает полное и, по-видимому, неподдельное восхищение, собирается ставить, сулит деньги и говорит, что через 40 минут придет ужинать вместе со мной. Приходит через 40 минут, ужинает, о пьесе не говорит ни единого слова, а затем проваливается сквозь землю и более его нет!

Есть предположение, что он ушел в четвертое измерение.

Вот какие чудеса происходят на свете!

Анне Ильиничне наш лучший привет.

Целую тебя. Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

10.7.34 г. (Ленинград)

Дорогой Никол!

Я нахожусь в Ленинграде. Из Москвы мне прислали сообщение, что пришло твое большое письмо [3] с бланками Сосьете, но французский перевод пьесы не получен (может

---

[1] Вольф Владимир Евгеньевич (1898—1959) — директор Ленинградского Красного театра, организатор Ленинградского театра имени Ленинского комсомола.

[2] *Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 15).*

[3] Некоторые письма Н.А. Булгакова исключительно насыщены информацией. Таковым является и письмо от 24 июня 1934 г. Приводим его с некоторыми сокращениями:

«Дорогой Михаил,

садясь за это письмо, не чувствую уверенности, что оно застанет тебя в Москве, т. к. ты обычно уезжал на отдых, хотя об этом ты ничего не писал. К горькому сожалению, чувствую, что в нашей почтовой связи произошла какая-то помеха, по-видимому, что-то из писем моих ты не получил, может быть из-за перемены квартиры. Приводя перед отъездом в отпуск свои дела и переписку в порядок, попытаюсь восстановить те сведения, которые мною тебе своевременно сообщались, а также поставить тебя в известность о происшедших изменениях.

Итак, по порядку:

1) Встреча с Eugene Lyons'ом. Он был проездом в Париже в марте сего года. Мы с ним виделись два раза и о многом говорили. В частности, он также находит, что было бы несравненно лучше сосредоточить защиту твоих авторских прав вне СССР в одних руках, т. к. распыление их вносит невероятную путаницу, справиться с которой порой не так-то и легко.

По договору с Рейнгардт, переводчиком на франц. „Зойк. квар." и Лайонсом, мы условились прав ему (т. е. Лайонсу) на эту пьесу *сейчас не давать,* а дождаться ее постановки в Париже, что пришлось перенести на осень из-за серьезной болезни директора театра, взявшегося за это дело. В настоящее время он уже почти

поправился и будет работу над постановкой продолжать, но это будет не раньше осени (к концу августа предполагают начать репетиции, если все будет идти гладко).

Сообщаю тебе, что „Зойк. кварт.“ интересуется не только Рубинштейн, но и знакомый тебе через Фишера г. *Каганский,* который вертится здесь в театр. кругах, именуя себя защитником прав чуть ли не *всех советских авторов* . Поэтому становится совершенно необходимым поскорее оформить все с Société des auteurs, о чем речь дальше. Только тогда станет легче вести борьбу упорную и нелегкую.

2) О *„Днях Турбиных“* . В прошедшем только что ряде спектаклей т. наз. „пражской группы МХТ“, давалась также и сценическая адаптация „Белой гвардии“ — в несколько измененном составе артистов. Пьеса была дана пять раз. За неимением доверенности на нее, ограничился справкой, поступили ли в Société des auteurs какие-либо суммы и какова их дальнейшая судьба. Оказалось, что авторское процентное отчисление *вносилось театром* и что через своего представителя издательство С. Фишера деньги получило.

Это несколько расходится с твоим последним письмом, где ты сообщал мне, что передал права на „Дни Турбиных“ Юджину Лайонсу „ввиду того, что мой договор с Фишером на „Дни Турбиных“ кончился!“ (твои слова). Поэтому сообщи мне, что тебе известно по этому поводу:

извещал ли тебя Фишер о поступлении для тебя денег, посылал ли их тебе и имеет ли Фишер на это хоть какое-нибудь право. Это мне весьма важно знать для дальнейших шагов в Société des auteurs.

3) Отношение с „Société des auteuis dramatigues“. В Сосьете произошли перемены: ушел агент Besnard, который должен был вести твои дела по защите авторских нрав (я тебе об этом сообщал). Согласно укладу работ Сосьете ведение дел нужно передать другому агенту. Из имеющихся в распоряжении двух S. Bianchini и A. Bloch нами с М.П. Рейнгард выбран второй, т. е. Alfred Bloch, т. к. Bianchini редкий жулик (это он способствовал темным махинациям Греанина!).

Теперь для легального оформления твоего вступления в Сосьете необходимо возможно скорее проделать следующее (далее подробно описывается процедура вступления в общество и ее документирование)...

Тогда ты станешь членом общества, а я твоим заместителем, агент же A. Bloch ведущим твои дела. Дело значительно облегчится и упростится. Всякие авторские сборы будут поступать в Сосьете и под надзором агента по всем твоим произведениям и повсюду, куда права и связи Сосьете распространяются. Суммы эти не могут быть получены из Сосьете никем, кто не имеет соответствующего легальн. документа с твоей подписью [...] Находясь в Париже, я легко смогу следить за состоянием всех дел через Сосьете и агента A. Bloch-a. Возможности и порывы всех типов, жадных на чужое добро, будут сведены к нулю.

Даже сейчас, когда твое вступление еще не оформлено, достаточно было моего заявления — и деньги даже Фишеру больше выдаваться не будут, пока через тебя не станет ясной картина, как дело обстоит.

Если тебе ясно все изложенное, приступай немедля к изготовке всего необходимого и скорейшей посылке всего в Париж. Когда в Сосьете будет все оформлено, с Рубинштейнами, Каганскими, Принскими и *прочей мразью* будет гораздо легче, ибо иметь дело с Société для них будет неизмеримо труднее — это ведь учреждение юридически легальное и сильное, богатое, не то что далеко сидящий автор, как частное лицо [...]

4) *Постановка „Зойк. кварт.“.* С улучшением здоровья театр. директора дело намереваются двинуть вперед. Вчера по его поручению я говорил с М.П. Рейнгардт. Мною получен текст франц. адаптации, каковой я намерен отправить тебе заказным пакетом. Думаю, тебе следует хорошенько его проработать [...] Руководители намечающейся постановки (т. е. директор, переводчик-адаптатор, Рейнгардт и художник) просят тебя как можно скорее дать заключение о тексте (его корректности или необходимых изменениях по твоим точным указаниям).

Затем они *срочно и убедительно* (и это уже второй раз!) просят помочь их постановке *авторскими указаниями* .

Декорации (обстановки комнат в стиле описываемого момента).

Костюмы — напр. *Аметистова* в первом акте, *Манюшки* и т. д.

Типы и характеры главн. действ, лиц, в частности, обрисовку Аллы (для М.П. Рейнгардт).

Всякие указания, детали, может быть, рисунки, снимки будут невероятно ценны. Конечно, речь не идет о копии постановки Вахтанговского театра, о чем ты пишешь в письме 30 авг. 1933, пункт 10.

Эти твои указания будут иметь очень большое значение, т. к. здесь есть много „спецов“, бывших или не бывших в СССР, которые мнят, что до тонкостей знают и разбираются в русских постановках и, конечно, городят чушь невыразимую. Здесь твои указания — да еще на франц. языке будут единственным мерилом правды и душой автора, которые спасут пьесу и спектакль от „клюквы“ и недобросовестной политической спекуляции.

Здесь уместно рассказать о постановке „Зойк. кварт.“ в Белграде (Югославия). Кто-то перевел на сербский язык „Зойк. кв.“ и состряпал „постановочку“ для тамошнего театра. Сделано это было так головотяпски, что на премьере вышел скандал: публика начала протестовать против пошлости и распущенности. Неясно, снята ли данная обработка дирекцией или нет. В июле я буду в Югославии и постараюсь добраться до Белграда, театра и восстановить истину. Обращались ли к тебе эти незнакомцы? Знаешь ли ты что-либо об этом? Я лично узнал об этом немного поздно и не мог достать белградских газет того периода. Что наворотили там дельцы, пока мне неизвестно! Приложу все усилия, чтобы узнать истину.

Постановка здесь намечается серьезная, привлекаются первоклассные артисты, хороший театр [...] Пьесу нужно сделать хорошо и тонко, под твоим руководством, ибо успех этой постановки весьма важен и откроет

быть, он еще придет, не знаю).

Отвечать на твое письмо я буду из Москвы, куда поеду числа 15—16 июля.

В Ленинграде я, по делам, связанным с гастрольной поездкой «Дней Турбиных», уже около месяца.

И я, и Елена Сергеевна здесь лечимся электричеством. У меня найдено истощение нервной системы. Здесь начинаю чувствовать себя несколько лучше.

Очень благодарю тебя за хлопоты. Целую тебя крепко. Прошу передать мой привет Ивану.

Мое молчание объясняется тем, что я переутомлен. А перед поездкой в Ленинград чувствовал себя совсем уже отвратительно. Итак, еще раз приветствую тебя.

Адрес: Москва, Нащокинский пер., 3, кв. 44.

М.А.Булгаков — В.В. Вересаеву [1]

Ленинград. Астория, 430. 11.7.34

Дорогой Викентий Викентьевич!

Вот уж около месяца я в Ленинграде, где, между прочим, лечусь электричеством и водой от нервного расстройства. Теперь чувствую себя получше, так что, как видите, потянуло писать письма.

Во время своего недуга я особенно часто вспоминал Вас, но не писал, потому что не о погоде же писать. А чтоб написать обстоятельно, надо поправиться. А теперь вспоминаю вдвойне, потому что купил книжку Н. Телешова «Литературные воспоминания». Он рассказывает о кличках, которые давались в литературных кругах. Прозвища заимствовались исключительно в названиях московских улиц и площадей. «Куприн, за пристрастие к цирку — „Конная площадь“», «Бунин, за худобу и острословие — „Живодерка“» и так далее. А «Вересаев, за нерушимость взглядов — „Каменный мост“». И мне это понравилось. Впрочем, может быть, Вы читали?

Хочу рассказать Вам о необыкновенных моих весенних приключениях.

К началу весны я совершенно расхворался: начались бессонницы, слабость и, наконец, самое паскудное, что я когда-либо испытывал в жизни, страх одиночества, то есть, точнее говоря, боязнь оставаться одному. Такая гадость, что я предпочел бы, чтобы мне отрезали ногу!

Ну, конечно, врачи, бромистый натр и тому подобное. Улиц боюсь, писать не могу, люди утомляют или пугают, газет видеть не могу, хожу с Еленой Сергеевной под ручку или с Сережкой — одному смерть!

Ну-с, в конце апреля сочинил заявление о том, что прошусь на два месяца во Францию и в Рим с Еленой Сергеевной (об этом я Вам писал). Сережка здесь, стало быть, все в полном

интересные перспективы [...]

Было бы хорошо, если бы ты *немедленно* подтвердил получение этого письма и франц. перевода пьесы [...] Указания же о постановке (Михаил, они очень важны и совершенно необходимы!) — по возможности на французском — перешли на имя M-me Marie Reinhardt [...]

Ну, пора, уже утро, и я устал.

Обнимаю тебя и шлю сердечный привет Люсе.

Николай.

Познакомился и виделся пару раз с Евг. Ив. Замятиным».

[1] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

порядке. Послал. А вслед за тем послал другое письмо Г [1]. Но на это второе ответ получить не надеялся. Что-то такое там случилось, вследствие чего всякая связь прервалась. Но догадаться нетрудно: кто-то явился и что-то сказал, вследствие чего там возник барьер. И точно, ответа не получил!

Стал ждать ответа на заявление (в Правительственную Комиссию, ведающую МХАТ, — А.С. Енукидзе).

— И Вам, конечно, отказали, — скажете Вы, — в этом нет ничего необыкновенного.

Нет, Викентий Викентьевич, мне не отказали.

Первое известие: «Заявление передано в Ц.К.».

17 мая лежу на диване. Звонок по телефону, неизвестное лицо, полагаю, служащий: «Вы подавали? Поезжайте в ИНО Исполкома, заполняйте анкету Вашу и Вашей жены».

К 4 часам дня анкеты были заполнены. И тут служащий говорит: «Вы получите паспорта очень скоро, относительно Вас есть распоряжение. Вы могли бы их получить сегодня, если бы пришли пораньше. Получите девятнадцатого».

Цветной бульвар, солнце, мы идем с Еленой Сергеевной и до самого центра города говорим только об одном — послышалось или нет? Нет, не послышалось, слуховых галлюцинаций у меня нет, у нее тоже.

Как один из мотивов указан мной был такой: хочу написать книгу о путешествии по Западной Европе.

Наступило состояние блаженства дома. Вы представляете себе: Париж! памятник Мольеру... здравствуйте, господин Мольер, я о Вас и книгу и пьесу сочинил; Рим! — здравствуйте, Николай Васильевич, не сердитесь, я Ваши «Мертвые души» в пьесу превратил. Правда, она мало похожа на ту, которая идет в театре, и даже совсем не похожа, но все-таки это я постарался... Средиземное море! Батюшки мои!..

Вы верите ли, я сел размечать главы книги!

Сколько наших литераторов ездило в Европу — и кукиш маслом привезли! Ничего! Сережку нашего, если послать, мне кажется, он бы интереснее мог рассказать об Европе. Может быть, и я не сумею? Простите, попробую!

19-го паспортов нет. 23-го — на 25-е, 25-го — на 27-е. Тревога. Переспросили: есть ли распоряжение.

— Есть.

Из Правительственной Комиссии, через Театр узнаем: «дело Булгаковых устроено».

Чего еще нужно? Ничего.

Терпеливо ждать. Ждем терпеливо.

Тут уж стали поступать и поздравления, легкая зависть:

«Ах, счастливцы!»

— Погодите, — говорю, — где ж паспорта-то?

— Будьте покойны! (Все в один голос.)

Мы покойны. Мечтания: Рим, балкон, как у Гоголя сказано — пинны, розы... рукопись... диктую Елене Сергеевне... вечером идем, тишина, благоухание... Словом, роман!

В сентябре начинает сосать под сердцем: Камергерский переулок, там, наверно, дождик идет, на сцене полумрак, чего доброго, в мастерских «Мольера» готовят...

И вот в этот самый дождик я являюсь. В чемодане рукопись, крыть нечем!

Самые трезвые люди на свете, это наши мхатчики. Они ни в какие розы и дождики не веруют. Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта (а в этом году как раз их едет очень много), включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру — катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что

---

[1] См. письмо Булгакова к Горькому от 1 мая 1934 г.

не успел он еще рта открыть, как я уже взялся за сердце.

Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку — М.А. Булгакову отказано.

Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавет Воробей! О ней нечего и разговаривать!

Впечатление? Оно было грандиозно, клянусь русской литературой! Пожалуй, правильней всего все происшедшее сравнить с крушением курьерского поезда. Правильно пущенный, хорошо снаряженный поезд, при открытом семафоре, вышел на перегон — и под откос!

Выбрался я из-под обломков в таком виде, что неприятно было глянуть на меня. Но здесь начинаю поправляться.

Перед отъездом я написал генсекру письмо, в котором изложил все происшедшее, сообщал, что за границей не останусь, а вернусь в срок, и просил пересмотреть дело [1]. Ответа нет. Впрочем, поручиться, что мое письмо дошло по назначению, я не могу.

13 июня я все бросил и уехал в Ленинград. Через два дня мы возвращаемся в Москву. Может быть, на короткий срок поеду под Звенигород в деревню, где проживает Сережка с воспитательницей. Буду там искать покоя, как велит доктор.

Очень обрадуете меня, если напишете мне (Москва 19, Нащокинский пер. 3, кв. 44). Напоминаю телефон — 58-67.

И Елена Сергеевна и я шлем Марии Гермогеновне самый лучший привет.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — Н. Клямину [2]

10 июля 1934 г.

Дорогой Коля!

Патя, который навещает мою квартиру, пишет, что от тебя есть там письмо. Прочитаю его, когда приедем — 15—17 июля. Надеюсь, что Кавказ принес тебе пользу.

И Люся, и я лечимся здесь электрическим током и теплыми ваннами. Хозяйка моя привезла сюда совсем больного меня — у меня найдено полное истощение нервной системы. Но теперь чувствую себя лучше.

Передай наш привет Тате.

Целую.

М.

М.А. Булгаков — А.И. Гришину [3]

---

[1] См. письмо Булгакова к И.В. Сталину от (10 июня) 1934 г.

[2] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 3, С.-Пг, 1995. Печатается и датируется по первому изданию.*

[3] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 3, С.-Пг., 1995. Печатается и датируется по первому изданию (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 39, л. 95)*

Москва, 31 июля 1934 года.

Уважаемый Александр Ильич!

Прошу Вас оставшиеся у Вас в моем распоряжении семьдесят (70) лат — (авторский гонорар «Зойкиной квартиры») выдать сестре моей жены, Ольге Сергеевне Бокшанской (секретарю дирекции Московского Художественного Театра), находящейся сейчас в Риге.

Ольга Сергеевна Бокшанская будет у Вас с письмом от моей жены Елены Сергеевны Булгаковой.

Что касается авторского гонорара за спектакли «Мольера» (или «Комедианты господина», как ставили Вы) [1], то прошу его высылать моему представителю за границей — Издательству С. Фишер, Берлин W57, Бюловштрассе 90, Примите уверение в моем уважении

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — М. Рейнгардт

Москва, 31 июля 1934 г.
Москва, 19, Нащокинский пер., д. 3, кв. 44, тел. 58-67

Уважаемая г-жа Рейнгардт!

Я получил от брата французский текст «Зойкиной квартиры» и спешу Вам послать те поправки, необходимость в которых выяснилась при беглом чтении перевода. Вслед за этим я проштудирую перевод основательно, пришлю и дополнительные поправки.

В первую очередь прошу Вас исправить то искажение моего текста, которое находится в первом акте, третьей картине, сцене третьей (в том экземпляре, который у меня в руках — на 41 странице):

Сцена Зои и Аметистова.

Аметистов говорит: Ma valise contient dix jeux de cartes et quelques portraits de Lenine. Ce brave Illich, il ma sauvé la vie! Ca lui sera compté la joint! [2]

Этого ни в коем случае не должно быть.

В моем русском тексте значится так:

Аметистов: в чемодане шесть колод карт и портреты вождей. Спасибо дорогим вождям! Ежели бы не они, я бы с голоду издох!

Ни слов «Ленин», ни слов «Ильич» у меня нет.

Я прошу их исключить и исправить перевод соответственно вышеприведенным русским строчкам.

Далее в этой же сцене: Le portrait de notre grand Lenine, son sourire pour vingt kopeks... [3]

И здесь у меня нет слова «Ленин», и я прошу его исключить.

Далее, в четвертой сцене той же картины (стр. 49-я), Аметистов говорит: Oh! je J'ai dit correctement á Staline! *Allilouia:* A Staline?.. и далее до слов: Ce garden est genial... [4]

---

[1] В начале 1933 года Театр Русской Драмы в Риге, проявлявший большой интерес к творчеству Булгакова, поставил пьесу «Мольер» под названием «Комедианты господина».

[2] У меня в чемодане десять колод карт и несколько портретов Ленина. Этот славный Ильич, он мне спас жизнь! Это ему зачтется! (*франц.*)

[3] Портрет нашего великого Ленина, его улыбка за двадцать копеек... (*франц.*)

[4] О! Я сказал это вежливо Сталину! *Аллилуйя:* Сталину?.. Этот парень гениален... (*франц.*)

Слова «Сталин» у меня нигде нет, и я прошу вычеркнуть его. Вообще, если где-нибудь еще по ходу пьесы вставлены имена членов Правительства Союза ССР, я прошу их вычеркнуть, так как постановка их совершенно неуместна и полностью нарушает мой авторский текст.

* * *

По списку действующих лиц я прошу сделать следующие исправления:

Вместо «Обольянинов» — «Абольянинов». Вместо «Ремонтный» поставить фамилию «Гусь-Ремонтный», причем всюду действующие лица должны, говоря о нем, произносить первую именно часть его фамилии, называя его «Гусь».

Кроме того, не «Robert», а «Рóббер» (фамилия) с ударением на первом слоге.

* * *

По-видимому, пьеса в том виде, как она лежит передо мной, содержит длинноты. Как их исключить, я сообщу Вам в следующем письме, когда внимательно проанализирую экземпляр.

Еще ранее этого я пришлю Вам характеристики действующих лиц, описание их костюмов, а также описание обстановки, соответствующей этой пьесе.

Я очень прошу Вас заказным письмом немедленно подтвердить получение этого письма и принять уверение в моем уважении.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — М. Рейнгардт

Москва, 1 августа 1934

Уважаемая г-жа Рейнгардт!

Вчера я Вам отправил первое письмо с указанием на необходимость исправлений во французском переводе «Зойкиной квартиры». Теперь я посылаю Вам мои авторские комментарии к пьесе.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ.

АБОЛЬЯНИНОВ: бывший граф, лет 35, в прошлом очень богатый человек, в настоящее время разорен. Морфинист. Действительности, которая его окружает, не может ни понять, ни принять; одержим одним желанием — уехать за границу. Единственно, что связывает его с жизнью в Москве, это Зоя; без нее он, при его полнейшей непрактичности, а кроме того, при его тяжкой болезни, пропал бы.

Воля его разрушена. Для него характерны только два состояния: при лишении яда — тоскливое беспокойство и физические страдания; после впрыскивания морфия — оживление, веселое и ироническое к окружающим явлениям.

Внешне: одет у хорошего портного по моде 1924 года, скромно и дорого, безукоризнен в смысле галстухов и обуви.

Чрезвычайно воспитан. Очаровательные манеры. Широк в смысле денег, если они есть.

Музыкален. Романс, который он постоянно напевает, «Не пой красавица, при мне...» и дальше: «Напоминают мне они...» — вне сомнения, какое-то навязчивое явление у Абольянинова.

АМЕТИСТОВ Александр Тарасович: кузен Зои, проходимец и карточный шулер.

Человек во всех отношениях беспринципный. Ни перед чем не останавливается.

Смел, решителен, нагл. Его идеи рождаются в нем мгновенно, и тут же он приступает к их осуществлению.

Видал всякие виды, но мечтает о богатой жизни, при которой можно было бы открыть игорный дом.

При всех его отрицательных качествах, почему-то обладает необыкновенной привлекательностью, легко сходится с людьми и в компании незаменим. Его дикое вранье поражает окружающих. Абольянинов почему-то к нему очень привязался. Аметистов врет с необыкновенной легкостью в великолепной, талантливой актерской манере. Любит щеголять французскими фразами (у Вас — английскими), причем произносит по-французски или по-английски чудовищно.

Одет чудовищно. В первом акте, когда он появляется, на нем маленькое, серенькое, распоротое по шву кэпи, вроде таких, как носят туристы в поездах или мальчики, которые ездят на велосипеде («кепка») — ни в каком случае шляпа. Начищенные тупоносые ботинки на шнурках со стоптанными каблуками. Серенькие рыночные брюки с дырой назади и с пузырями на коленях. Белая грязная блуза однобортная, с поясом из той же материи, с большими карманами на груди («толстовка»).

В руках — измызганный вконец чемодан без замка и перевязанный веревкой, на которой можно повеситься.

В дальнейшем — брюки Абольянинова (хорошие) и опять-таки «толстовка», но уже другая — из защитного цвета материи. На ногах — парусиновые туфли и зеленого цвета носки.

В сценах, где гости, — плохо сидящий на Аметистове старый абольяниновский фрак, несвежее фрачное белье, помятые фрачные же брюки, новенькие лакированные ботинки с вульгарными, бросающимися в глаза белыми гетрами. Галстух, при фраке, черный.

Аметистову лет 37—38.

Борис Семенович Гусь-Ремонтный: коммерческий делец лет 45. Толстый, квадратный, с упрямой челюстью, тусклыми оловянными глазами, лысоват, невоспитан, нагл, уверен, что всего в жизни можно добиться назойливостью и напором. Людей не боится. Уверен. Верит только в деньги.

Жизнь его была бы совершенно гладка, если бы не несчастная его страсть к Алле (у Вас — Елена). Эта страсть его сбила с пути, и погиб он из-за этой страсти.

Костюм: черная визитка, брюки в серую полоску, не идущий к визитке галстух, серый жилет, на нем золотая цепочка. Ботинки лакированные, с темным замшевым верхом.

АЛЛИЛУЙЯ: лет 45. Жулик. Дьявольски опытен в мелких житейских комбинациях.

Наряд: черная кепка с пуговицей сверху. Эту кепку Аллилуйя никогда не снимает, ходит в ней и по улице, и в комнате. Высокие черные сапоги, в которые упрятаны в мелкую полоску дешевенькие рыночные брюки. Черная «толстовка». Порыжевший портфель, в котором бумаги и две белых булки.

ГАН-ДЗА-ЛИН (Манюшка называет его «Газолин»): лет 50, худой, ссохшийся какой-то, китаец. Сухой скрипучий голос.

Содержит прачешную, тайком торгует морфием, кокаином и опиумом.

Влюблен в Манюшку.

Одежда: черная однобортная куртка без пояса, черные, очень высоко подтянутые брюки, белые парусиновые туфли, на голове — твердая соломенная шляпа.

ХЕРУВИМ: лет 25. Очаровательный китаец, пухлое желтоватое лицо с приятными глазками. За свою прелестную улыбку прозван «Херувимом». Говорит мягко, музыкально, никогда не повышает голос. Лишь когда рассержен — начинает шипеть.

Опаснейший бандит и убийца.

Костюм: в первом акте — грубые, здоровенные, на толстой подошве башмаки со шнурками, не доходящие до башмаков, но ниже колен — защитного цвета солдатские штаны. Необыкновенная куртка — толстая, на вате, стеганая, застегивающаяся сбоку на

крючки. Несмотря на летнее время, на голове — меховая шапка.

В дальнейшем — сравнительно приличные длинные брюки и желтые туфли, но та же странная куртка.

В сценах, где Аметистов принимает гостей, Херувим вместо этой куртки надевает длинную, почти до колен, яркой расцветки какую-то китайскую кофту. (Допустима полная и резкая экзотика.) Грудь Херувима татуирована, страшные изображения.

До следующего письма.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — М. Рейнгардт [1]

Москва, 1 августа 1934

Уважаемая г-жа Рейнгардт!

Продолжаю:

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ.

Добавление:

АБОЛЬЯНИНОВ — гладко выбрит.

АМЕТИСТОВ носит черные, маленькие, коротко подстриженные усы. Во второй половине пьесы, подражая Абольянинову, носит прямой, по середине головы, пробор, гладко прилизывая волосы, и начинает носить монокль, отчего одна половина лица у него как-то съеживается.

ЗОЙКА: женщина лет 38, в прошлом жена богатого фабриканта; теперь единственное, что у нее осталось, за что она держится со всей своей железной волей, это — квартира.

Стала циничной, привыкла ко всему, защищает сама себя и Абольянинова, которого любит.

Внешне интересна; вероятно, рыжеватые волосы, коротко острижена, лицо, надо полагать, несколько ассиметрично.

В начале пьесы она в пижаме (отнюдь не шикарной).

В сценах, где она в качестве хозяйки мастерской, она в скромном костюме.

(Вообще все женщины в пьесе одеты по моде 1924—25 годов, конечно, гораздо скромнее, чем за границей, но, видно, стараясь подражать Парижу.)

В сцене кутежа она в парижском бальном платье, так как ей действительно прислали парижские модели.

(Я указываю моды 1924—25 годов, потому что действие пьесы у меня происходит в эти годы.)

АЛЛА (у вас — Елена): молодая женщина из хорошей семьи. Очень красива. Конечно, ни служить, ни работать не может. Воспитанна и умна.

Ее любимый человек находится в Париже. Она действительно тоскует и хочет уехать и Париж. Остальное ей безразлично. Она продает себя Гусю, и Зойке легко удается соблазнить ее. (Мысль — «никто не узнает».)

Костюмы: первое появление — скромный, с хорошим вкусом сделанный костюм, но — странное явление — туфли хотя и хороши, но значительно поношены. В сцене кутежа, — конечно, роскошный бальный парижский туалет.

МАНЮШКА — типичная горничная, ничем другим быть не способна. К Зое привязана, уважает Зою.

Внешне: ни в каком случае никакого признака горничной, то есть какой-нибудь

---

[1] *Современной драматургия, 1986, № 4. Печатается и датируется по первому изданию.*

наколки или фартучка. Никаких манер горничной хорошего дома. Светлая «блузочка», темная юбка, поношенные черные туфли с пряжками и шелковые чулки, подаренные Зоей. Не разберешь, кто она, по ее наряду.

ИВАНОВА, ЛИЗА и МЫМРА — женщины среднего круга. Бросили службу, поступили к Зое.

Внешне стараются изобразить мастериц в мастерской, поэтому одеваются очень скромно.

ИВАНОВА — лет 30, хороша собой, по натуре хладнокровная актриса.

МЫМРА — лет 30 с лишком, любит выпить, добродушна.

ЛИЗОЧКА — молода, фамильярна, глупа, пуста.

Все три ни в коем случае не производят отталкивающего или жалкого впечатления.

Появляются: Иванова — в темном платье, Мымра — в блузочке и юбке, а Лизочка — в дешевеньком костюме. У всех трех — поношенная обувь, туфли.

В сцене показов — в туалетах.

Все три женщины — коротко острижены.

ГЛАВНАЯ МАСТЕРИЦА — женщина, измученная работой, средних лет, действительно мастерица, и не подозревает, где она работает. Коротко острижена, поношенный синий костюм, поношенные туфли. Профессиональные манеры.

АГНЕССА — очень важничает и презирает остальных клиенток. Одета получше других, так как бывала за границей, но безвкусно.

ОБЕ КЛИЕНТКИ — одеты безвкусно — жакеты и юбки. Совершенно очевидно, что то, что готовит для них мастерица, будет еще хуже.

ПЕСТРУХИН, ТОЛСТЯК и ВАНИЧКА — благодушные манеры, ничего таинственного, ничего привлекающего внимания. Внимательные глаза.

Первое появление: Пеструхин — в сером пальто и в кепке, в толстовке с отложным воротником и галстухом бабочкой.

ТОЛСТЯК — в широком пальто, длинных мешковатых брюках, в широкополой шляпе, похож на комического толстого актера.

ВАНИЧКА — сухощав, энергичен, в кожаном пальто, перетянутом ремнем по талии, с кожаной кепкой.

В сцене ареста — Ваничка — в смокинге и в желтых ботинках, Толстяк и Пеструхин — в чистых и приличных костюмах, черных, но Пеструхин — с ярким галстухом, или все трое в смокингах.

Гладко выбриты.

МЕРТВОЕ ТЕЛО — провинциал, который приехал повеселиться в Москву, так пьян, что не отдает себе отчета ни в чем. Все зубы золотые; новенький, но дешевый костюм из плохого шевиота, желтые туфли.

РОББЕР — в смокинге, в роговых очках. Крахмальное белье. Смокинг более или менее умеет носить.

ПОЭТ — ни на какого поэта не похож. Волосы коротко острижены, жесткие, как щетка. Грубоватые черты лица, курносый нос, вечно изумленные глаза, молод, костюм новенький, из плохой материи, туфли поношенные.

КУРИЛЬЩИК — в черном костюме, небрежен и вообще похож на видение.

ПЬЕСА

Первый акт

Передняя у Зои полутемная; в ней зеркало. В гостиной — стоячая лампа с абажуром, черный рояль, на стенах картины, мебель мягкая, старомодная, пальма в кадке.

Все вещи, и вообще вся квартира, запущены. Квартира стала пыльной.

В гостиной тяжелые шторы на окнах, отчего смягчен свет, и вообще квартира Зои должна производить несколько таинственное впечатление. Квартира такого типа, в которой

ждешь, что-то произойдет необыкновенное.

В спальне беспокойно: там большая кровать, громадный шкаф, куда прячется Зоя, платья разбросаны, в окнах, как ад, пылает закат.

Двор громадного дома за окнами звучит все время, но все вместе, то есть голоса, обрывки музыки, не сливаются в бессмысленный гам, а по временам начинают звучать даже музыкально.

Переход к прачешной — с волшебной быстротой: Зоя закрывает штору, — моментально тьма съедает ее таинственную квартиру, и на том месте, где было измученное лицо Абольянинова и тревожное лицо Зои, появляются лица подозрительных китайцев, освещенных светом коптящей керосинки.

Белое белье в полутьме на веревках.

Опять быстрейшая перемена: там, где был свет керосинки, вдруг свет горящего спирта, голубоватый свет, — и опять возникает квартира Зои. И закат за окнами уже смягчен; идет, надвигается вечер.

На спиртовке кипятили шприц.

Второй акт
и следующие

Квартира Зои преобразилась: появились мертвые болваны-манекены — без голов. Масса материи, которая волнами захлестнула в некоторых местах мебель.

Аметистов, повесив занавес, отгородил нечто вроде ниши. Появились лишние лампы под абажурами.

Громадный шкаф из спальни перешел в гостиную, а спальня стала полутемной, таинственной, в ней закрыта штора.

В сцене, когда Зойка соблазняет Аллу, происходит одно из Зойкиных чудес. Когда Зойка распахивает дверь шкафа, он наполняется светом, и в этом свете загораются ослепительные платья.

В этот момент из музыкального шума за окнами отчетливо начинают слышаться голоса мужчины и женщины, которые сладко поют из «Травиаты»: «Покинем край, где мы так страдали...»

Свет после этого исчезает, и опять волшебная перемена — под лампой видно лицо сатанински смеющегося Аметистова.

К приему Гуся, под руками Аметистова, квартира опять-таки волшебно преображается. В ней появляется какой-то соблазнительный уют.

Рояль скрыт за волнами материи или занавесом, слышны только его звуки.

Аметистов демонстрирует манекенщиц Гусю, заставляя манекенщиц появляться внезапно в этой нише в неожиданном свете. Манекенщицы кажутся ослепительно хороши.

Сцена кутежа ни в каком случае не должна быть вульгарна. Мертвое тело производит не отвратительное впечатление, а странное, как бы видение. То же самое и курильщик.

Ни одного грубого момента в обращении мужчин с женщинами.

Перед сценой предсмертной тоски Гуся свет резко меняется. Лишние лампы Аметистов тушит.

Убийца Херувим резко меняется. Зрителю видно, что он страшен, и только Гусь этого не замечает. Убийство оглушительное, внезапное.

Побеги стремительные.

Вообще все темпы стремительные. У зрителя должно остаться впечатление, что он видел сон в квартире Зойки, в котором промелькнули странные люди, произошли соблазнительные и кровавые происшествия, и все это исчезло.

Вот те отрывочные, может быть, не связанные между собою примечания, которые я могу дать Вам издалека. Конечно, их недостаточно. Но что мог, я постарался набросать в

этом письме.

Я уезжаю на несколько дней отдыхать, так как очень утомлен. После 10 августа я напишу Вам о некоторых сокращениях, которые, по моему мнению, следует произвести в пьесе.

Я был бы очень Вам признателен, если бы Вы мне подтвердили получение моих писем. Если у Вас возникнут вопросы, попрошу Вас написать мне, я отвечу на каждый из них.

Брат мой просит меня выслать в Париж фотографию мою. Я это сделаю в половине августа. Я был бы рад получить Вашу фотографию, пришлите мне ее, пожалуйста.

Примите уверение в моем уважении.

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 1 августа 1934 года
Нащокинский пер. дом 3, кв. 44.
Тел. 58-67.

Милый Никол!

Я не здоров, у меня нервное переутомление. Завтра я должен примерно на неделю уехать на дачу под Москвой, иначе не в состоянии буду дальше работать. Диктую, стараясь ответить на все важные вопросы, применительно к твоему письму от 24 июня.

1. В виллу Зора я писал о том, что письмо получено.

2. Получен и французский текст «Зойкиной» [2].

3. Рейнгардт я послал первые поправки. Копия письма к ней здесь при этом письме. Прошу тебя со всей внушительностью и категорически добиться исправления неприятнейших искажений моего текста, которые заключаются в том, что переводчик вставил в первом акте (а, возможно, и еще где-нибудь) имена Ленина и Сталина. Прошу тебя добиться, чтобы они были немедленно вычеркнуты. Я надеюсь, что тут нечего долго объяснять, насколько неуместно введение фамилий членов правительства СССР в комедию. Так нельзя искажать текст! Я был поражен, увидев эти вставки с фамилиями в речи Аметистова! На каком основании? У меня ничего этого нет! Словом, этого делать нельзя!

4. Каганский — наглый и опасный мошенник. Сообщаю, что он никакого отношения к пьесам моим не имеет. Надо сделать все, чтобы он не смел протянуть лапу к деньгам.

5. О «Днях Турбиных». Договор с Лайонсом только для пьесы на английском языке. Поэтому пусть Фишер получает остальное.

6. О Сосьете. Боже, как трудно и хлопотливо получить все те документы, о которых ты пишешь! Просто помыслить не могу о том, что все это удастся здесь перевести, да еще и заверить! Но все старания к этому приложу. Предупреждаю, что начну это не раньше, чем через десять дней. Я не в силах выходить из дому и бывать в учреждениях. Присланные те бланки я заполню, но метрическая выписка и неподсудность, вероятно, придут в Париж не переведенными.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к.19, ед. хр. 15).*

[2] И этот эпизод зафиксирован в дневнике Е.С. Булгаковой: «Из Парижа прислали перевод „Зойкиной“. У М. А. волосы стали дыбом. Перевод-то вообще недурной, но в монологе Аметистова переводчики самовольно вставили имена Ленина и Сталина в неподходящем контексте. М. А. послал тут же письмо с требованием вычеркнуть имена».

7. О «Зойкиной». Авторские комментарии (Милый Никол, я понимаю, насколько это важно, но мне для них был нужен именно этот французский текст!) уже начаты мною, и первые характеристики действующих лиц я сейчас отправляю Рейнгардт. Сколько хватит сил, я допишу и остальное.

К сожалению, я не могу этого написать по-французски. Я не владею настолько языком. Я могу перевести с французского, могу провести несложный разговор, но тонкие указания прямо по-французски я писать не могу, и вынужден все это послать на русском языке. Кстати, мне нужно знать, до сих пор я этого не спрашивал, ты, конечно, французским владеешь в совершенстве?

Пусть переводчики переведут у вас сами, если это им нужно.

8. О белградской постановке. Сукины дети они! Что же они там наделали! Пьеса не дает никаких оснований для того, чтобы устроить на сцене свинство и хамство! И, само собою разумеется, я надеюсь, что в Париже разберутся в том, что такое трагикомедия. Основное условие: она должна быть сделана тонко, и я об этом подробно пишу Рейнгардт, а копии пошлю тебе.

Вот, примерно, все, что я сейчас в силах написать.

С чего ты взял, что я езжу отдыхать? Я уже забыл, когда я уезжал отдыхать! Вот уж несколько лет, что я провожу в Москве и если уезжаю, то по делам (и прошлое лето и это — в Ленинград, где шли «Турбины»). Я никогда не отдыхаю.

Этим летом и именно как раз в то время, когда к тебе придет это письмо, я должен был быть в Париже. Я был настолько близок к этому, что разметил весь план двухмесячной поездки. Тогда я устроил бы все дела. Но в самый последний момент совершенно неожиданно, при полной надежде, что поездка мне будет разрешена, — я получил отказ.

Если бы я был в Париже, я показал бы сам все мизансцены, я дал бы полное, не только авторское, но и режиссерское толкование, и — можешь быть уверен, что пьеса бы выиграла от этого. Но, увы! — судьба моя сложна.

Кончаю это письмо. Нужно делать антракт. Я не могу помногу писать, потому что начинаются головные боли.

Итак, при этом письме — две копии: первая о поправках, упомянутых в начале, — вторая — первые характеристики действующих лиц.

Обнимаю тебя, желаю того, чего сейчас лишен, то есть, здоровья.

Пришли мне адрес Замятина, если можешь.

Люся шлет тебе привет. Она часто расспрашивает о том, каковы мои братья, и я ей говорю о тебе и об Иване, и желаю, чтобы Ваша жизнь была счастливой.

За этим письмом я постараюсь, как можно скорей, послать следующие.

Твой *М.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва. 2.VIII.34 г.
Нащокинский п. 3, кв. 44.

Дорогой Коля!

При этом посылаю тебе копию письма к Рейнгардт — примечания к пьесе, и копию письма к Рубинштейну.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 15).*

Я написал Фишеру и просил, чтобы тебе перевели десять марок, и просил в этом письме, что если Каганский связан с издательством Фишера, чтоб его не допускали к моим делам.

Спешу ехать на дачу, целую тебя и очень благодарю за хлопоты.

Твой *М.*

М.А. Булгаков — в дирекцию 1-й кинофабрики. тт. Саврасову и Вайсфельду [1]

22 октября 1934 г.

Уважаемые товарищи! В ответ на ваше письмо, которое мне 18.10.34 передал т. Кузнецов, сообщаю вам, что я согласен произвести в сценарии «Мертвых душ» те переделки, которые указаны в письме, но при условии, что эта работа будет оплачена фабрикой.

По нашему договору фабрика могла требовать от меня переделки сценария два раза. Дважды мною и были произведены переделки, после чего сценарий был принят фабрикой. Вновь предложенная мне работа не входит в мой договор и должна быть оплачена отдельно.

Прошу на это письмо срочный ответ, так как я чрезвычайно загружен другими работами, и должен знать свои сроки.

Меня крайне удивило то, что вы пишете в письме о возможности привлечения другого автора для осуществления переделок. Фабрика не имеет право вводить в мою работу никакого другого соавтора.

Условия, которые я излагаю в этом письме, были мною сообщены 18.10 т. Кузнецову, но от него до сего времени нет ответа.

М. Булгаков

М.А. Булгаков — И.А. Пырьеву [2] [1]

---

[1] Впервые опубликовано Б. Егоровым в статье «М.А. Булгаков — „переводчик“ Гоголя» в «Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома» за 1976 год. Перепечатано в журнале «Искусство кино», 1987, № 7, Публикуется и датируется по второму изданию.

Там же было опубликовано и письмо руководства кинофабрикой:

Уважаемый товарищ Булгаков!

Настоящим сообщаем вам, что вышестоящими инстанциями даны дополнительные указания по исправлению сценария «Мертвые души».

Полагаю, что вы больше, чем кто-либо другой, заинтересованы в судьбе сценария, а следовательно, и картины «Мертвые души», и учитывая, что привлечение нового автора к осуществлению переделок вряд ли целесообразно как с точки зрения существа сценария, так и с точки зрения вашего правового положения как автора, ниже излагаем основные исправления, которые мы вам предлагаем внести в сценарий.

1. Усилить моменты, характеризующие тот социальный фон, на котором развертывается действие (слухи о мертвых душах, проникающие в деревню и приобретающие там уродливую форму; губернатор, приезжающий в город не только по чичиковскому делу, но и потому, что в губернии неблагополучно; сцена в кабаке с Селифаном и Петрушкой; торговля Чичикова с кузнецами; «Вшивая спесь»; отдельные пейзажные вставки).

2. Усилить роль «дамы приятной во всех отношениях» (заключение Чичикова на балу, приход Чичикова в номер).

3. Ввести сон Чичикова на кладбище (фантасмагория с «оживающими» мертвыми душами).

На полях письма Булгаков отметил: «получил 18.10.34 года вечером. Вручено мне на квартире Г.П. Кузнецовым. М. Булгаков.»

[2] *Ежегодник Пушкинского дома за 1976 год. Перепечатано: Искусство кино, 1987, № 8. Печатается и датируется по второму изданию.*

5 ноября 1934 года

Милый Иван Александрович!

При просмотре экземпляра сценария «Мертвых душ», переписанного с Вашими режиссерскими добавлениями, я обнаружил многие вещи, которые следует немедленно исправить. В частности, на балу Вы ввели менуэт. Я не могу сейчас сделать срочной проверки танцев того времени, но и без этой проверки могу сказать, что на губернаторском балу менуэт в чичиковские времена никак танцевать не могли. Менуэт надо убрать.

Далее; на 56-й странице у Вас введен урядник. Урядники появились в России в 1878 году. Следовательно, урядника надо немедленно убрать.

Еще; на странице 41-й введена странная надпись: «Несравненно замечательное впечатление он произвел на дам...» Такой надписи быть не может!

Вообще весь сценарий содержит такое множество стилистических ошибок и всякого рода искажений, что его надлежит немедленно править. И я прошу Вас прислать мне экземпляр для того, чтобы я его выправил, с этого выправленного переписать и лишь тогда давать его читать. Я не хочу отвечать за те ошибки, которые в нем содержатся. На сценарии стоит моя фамилия, и я, как автор, настаиваю на том, чтобы текст был мною выправлен.

Я надеюсь, что Вы меня познакомите и с режиссерским сценарием.

Нам следовало бы повидаться с Вами и потолковать.

Дополнения, которые, от меня требовались, я сегодня сдаю т. Кузнецову.

Желаю Вам успеха в работе.

Ваш М. Булгаков

М.А. Булгаков — М.В. Загорскому [2] [3]

Москва, 26.XI.34 г.

Милый Михаил Владимирович!

Мы с М.С. Каростиным очень хорошо столковались по поводу «Ревизора», и я прошу, чтобы ставил Каростин.

Полагаю, что будет толк, а он необходим всем нам при этой очень серьезной работе.

Мы с М.С. наметили примерно и наш метод, который и начнем применять, когда М.С. вернется из Киева.

Кроме того, я обращаю Ваше внимание на то, что в газетах все время появляются заметки, в которых сообщают, что «Ревизор» для «Украинфильма» написан Шкловским.

Мало этого. Наконец появилось и газетное сообщение о том, что сценарий сделан мною и Шкловским.

Это меня ни в коей мере не устраивает. Я уже говорил Катинову об этом и прошу Вас настойчиво дать информацию в газеты о том, что М. Булгаков работает над сценарием «Ревизор» для «Украинфильма».

Итак, посылаю Вам дружеский привет.

---

[1] Пырьев Иван Александрович (1901—1968) — кинорежиссер, народный артист СССР (1948). Автор фильмов: «Партийный билет» (1936), «Идиот» (1956), «Братья Карамазовы» (1968) и др.

[2] *Искусство кино, 1987, № 8. Печатается и датируется по первому изданию.*

[3] Загорский М.В. — один из руководителей кинофабрики.

М. Булгаков.

Я тоже. *Е. Булгакова*

М.А. Булгаков — в управление по охране авторских прав тов. Г.М. Танину [1]

10.02.35 г.

Уважаемый Георгий Михайлович!

Вот копия письма, которое я получил от I-й фабрики 18.10.34 г.

Все затребованные здесь поправки были мною произведены по точной договоренности с режиссером. Тем не менее фабрика написала мне, что они не удовлетворены, и ни одна из них в режиссерский сценарий не была введена, за исключением эпизода с «дамой приятной во всех отношениях», который был разработан режиссером Пырьевым почему-то с отступлением от моего плана и, с моей точки зрения, не к улучшению сценария.

Вместо же указанных поправок, о которых фабрика сообщает, что они затребованы вышестоящими организациями, по ходу режиссерского сценария введен ряд изменений, ничего общего с указанными поправками не имеющих.

М. Булгаков. Москва.

М.А. Булгаков — в управление по охране авторских прав [2]

11.02.35 г.

Я ознакомился с письмом I-й Кинофабрики, адресованным в Управление по охране авторских прав.

Сообщаю:

Никакое разрешение на внесение каких бы то ни было поправок к моему авторскому сценарию я не давал, поэтому вся ответственность за такие поправки, сделанные без моего ведома и согласия, ложится на кинофабрику, кому бы она это ни поручала. Тем более что насколько я ознакомился с режиссерским сценарием т. Пырьева (который, как мне известно, является монтажным листом, а не авторским сценарием), внесенные им поправки не имеют ничего общего с теми указаниями, которые мне были сообщены фабрикой, как указания вышестоящих инстанций, и в соответствии с которыми я поправки внес, хотя это и не входило в мои обязанности, поскольку фабрика мой сценарий, дважды переделанный, приняла, полностью оплатила, одновременно премировав меня «при пуске сценария в производство» (см. договор).

Таким образом, я считаю:

1. Что фабрика нарушила мое право и существующие законы тем, что без моего ведома и согласия переделала мой сценарий.

2. Что т. Пырьев, автор монтажного листа, никаких прав в результате этих переделок не приобрел и соавтором сценария не сделался.

---

[1] *Искусство кино, 1987, № 9. Печатается и датируется по первому изданию.*

[2] *Искусство кино, 1987, № 9. Печатается и датируется по первому изданию.*

3. Что фабрика вольна оплачивать его труд по переделке любым порядком без ущемления в дальнейшем моих авторских прав и что, повторяю, всю ответственность за такого рода действия как передо мной, так и перед общественностью и руководящими органами несет фабрика, которую я прошу Управление поставить об этом в известность.

М. Булгаков

М.А. Булгаков — в «Украинфильм» [1]

---

[1] *Искусство кино, 1987, № 9. Печатается и датируется по первому изданию.*

Здесь же публикатор Г. Файман приводит интересный документ, из которого следует, что отношения между соавторами складывались действительно творческие, дружеские. На комплекте журнала «Искра» за 1861 год Булгаков написал: «Милому Михаилу Степановичу Каростину. М. Булгаков, 8.03.1935 г., Москва.

P.S. Сохраните себя таким, как Вы есть, и, если Вам будут показывать свиные рыла вместо лиц, твердо повторяйте — „вижу свиные рыла!“

Пишу это в память наших мучений над „Ревизором“ с большой верой в Вас.

Ваш М. Булгаков»

Тогда же. Там же.

Фильм по «Ревизору» был начат, но завершению его помешали обстоятельства того времени. В «Правде» были напечатаны в начале 1936 года несколько статей по литературе и искусству. После этих статей еще крепче закручивали «гайки», так, что невозможно было дышать свободным художникам. Г. Файман приводит два выступления, из которых ясно, почему фильм по «Ревизору» был закрыт: «Режиссер Каростин ставит в кино „Ревизора“, — говорил А. Довженко в конце февраля 1936 года в Доме кино. — Я думаю, что такую тему нельзя давать начинающему режиссеру. Постановщик „Ревизора“ должен быть зрелым мастером, которому не нужно в процессе работы учиться правописанию... Статьи в „Правде“ требуют от нас практической работы, а не клятв в верности».

А руководитель ГУКФа Б.З. Шумяцкий, просмотрев фрагменты фильма, заявил, что «постановщик извращает смысл и содержание классического произведения Гоголя», «запутался в формалистической паутине».

Это был приговор, не подлежащий обжалованию.

Здесь же приводится и письмо заместителя директора Управления по охране авторских прав:

Директору Московского кинокомбината, копии: Союз советских писателей (Драм-секция), ГУКФ, тов. Шумяцкому, тов. Булгакову

На Ваше письмо от 31 января с.г. № 31 при этом сопровождаем копии писем М.А. Булгакова от 10 и 11 февраля с.г.

Вполне разделяя соображения, приводимые автором сценария «Мертвые души» — т. Булгаковым Управление по охране авторских прав обращает Ваше внимание, что Кинокомбинатом допущено нарушение законов об авторском праве тем, что поправки и изменения сценария были по поручению Кинокомбината произведены т. Пырьевым без согласования с автором. Оставляя в стороне вопрос о соавторстве тов. Пырьева по сценарию, который, как видно из Вашего письма, никем не возбуждался и сообщение, о котором в печать было дано помимо Дирекции фабрики, Управление по охране авторских прав считает, что каковы бы ни были объем и характер внесенных в сценарий изменений, они должны быть обязательно согласованы с автором сценария, о чем Управление и просит Кинокомбинат.

Вместе с тем Управление считает, что Кинокомбинату необходимо дать в печать сообщение, что помещенная в газете «Вечерняя Москва» от 20.01 с.г. № 17 информация о фильме «Мертвые души» в части указания автора сценария является неточной, так как автором его является только т. Булгаков.

Зам. директора Управления Величкин,

юрисконсульт Городецкий.

Приведу и интервью И. Пырьева, опубликованное в газете «Кино» 4 января 1935 года, положившее начало возникшему недоразумению: «С волнением и тревогой я начинаю труднейшую работу: постановку картины „Мертвые души“ по поэме Н.В. Гоголя. Этим я буду занят весь 1935 год.

Используя материал поэмы, беспощадно вскрывающей низость и гнет николаевской эпохи, я хочу показать миллионам зрителей Советского Союза Россию Ноздревых, Маниловых, Собакевичей и Плюшкиных, веками паразитировавших на спинах крепостных крестьян и потому совершенно разложившихся, потерявших облик человеческого существа.

Чичиков — центральный образ. Одержимый страстью стяжательства, жаждой обогащения, он сочетает в себе хитрость, мстительность и дипломатическую гибкость со звериной хваткой волкодава. Чичиков — мировой образ. Это прототип Ставицкого, Детердинга, Базиля Захарова и прочих хищников, действующих в наши дни на мировой арене капитализма.

5.03.35 г.

Убедившись в процессе моей работы над сценарием «Ревизор» по Гоголю, что работа режиссера М. Каростина, постановщика этой фильмы, выходит за пределы чисто режиссерской области, а становится работой авторского порядка, нужной для создания высококачественной сатирической комедии, я прошу «Украинфильм» в договор мой по «Ревизору» в качестве моего соавтора ввести Михаила Степановича Каростина с тем, чтобы авторский гонорар, следуемый мне по договору, был разделен мною с Каростиным пополам.

Наша соавторская работа с Каростиным началась 1 февраля 1935 г.

М. Булгаков

P.S. Прошу поставить меня в известность об исполнении этого моего письма.

М. Б.

М.А. Булгаков — А.П. Гдешинскому [1]

Москва. 2. III.1935.

Дорогой Саша!

Спасибо тебе за то, что вспомнил меня, за милое приглашение.

Если ты полагаешь, что проживаешь в Киеве — жестоко заблуждаешься! По крайней мере, киевский адресный стол тебя в Киеве не видит.

Я был в прошлом августе и бабья рука высунула в окошечко бумажку, на которой отчетливо написано, что А.П. Гдешинский в Киеве «не значится».

Теперь вижу, что чертовы куклы в адресном столе, как и полагается, наврали. Ты «значишься», и я рад твоему письму. Я был в Киеве с одной целью — походить по родной земле и показать моей жене места, которые я некогда описывал. Она хотела видеть их. К сожалению, мы могли пробыть в Киеве только пять дней. В «Континентале» мне не дали номера. Хорошо, что приютил один киевлянин.

6.III

Не мог в один присест написать письмо, так как оторвали театральные дела. Итак, был я и на выступе в Купеческом, смотрел на огни на реке, вспоминал свою жизнь.

Сценарий готов. Он написан известным драматургом М.А. Булгаковым при моем ближайшем участии. Над постановкой вместе со мной работают А. Левшин — режиссер-ассистент, В. Желобинский — композитор, А. Солодков — оператор, П. Павлов — звукооператор, М.В. Бабенчиков — консультант, Н. Минаев — начальник группы».

5 января 1935 года в Доме кино состоялось обсуждение сценария «Мертвых душ», прочитанного И. Пырьевым. Резко отрицательно выступил В. Шкловский: «У меня впечатление такое, что этот опыт инсценировки пока что не удался».

Разговоры о съемках еще некоторое время продолжались, но Пырьев переключился на другую работу — начал снимать фильм «Анка», получивший в прокате новое название — «Партийный билет». Как раз в это время М. Ромм отказался снимать фильм по сценарию Катерины Виноградской, а Пырьев согласился. В тот момент Пырьев выиграл во всех отношениях. Сложная история киносценария «Мертвые души» еще нуждается в уточнениях. Во всяком случае Виноградская не отказала Пырьеву в соавторстве, как Булгаков. «Это была победища!» — признавалась впоследствии Виноградская после того, как фильм под названием «Партийный билет» вышел на экраны.

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн.1, Л., 1991, с. 235—236. Печатается и датируется по первому изданию.*

Когда днем я шел в парках, странное чувство поразило меня. Моя земля! Грусть, сладость, тревога!

Мне очень бы хотелось еще раз побывать на этой земле. Раньше лета, в лучшем случае весной, этого сделать нельзя (сезон). Но думаю, что летом исполню намеченное.

Напиши мне о своей жизни. Женат ли ты? Где работаешь? Если не лень — что-нибудь о стиле жизни в Киеве. Вопрос о поездке не так прост. Если я поеду, то обязательно с женою, и тут всплывают все эти беспокойства с «Континенталем» и прочее. Так напиши же мне о себе!

Твой *Михаил.*

П.С. Жену мою зовут Елена Сергеевна. И живем мы втроем: она, я и 8-летний Сергей, мой пасынок, — личность высоко интересная. Бандит с оловянным револьвером и учится на рояле.

Порадуй письмом.

М.

Нащокинский переулок, д. 3, кв. 44.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

1935 г. 14 марта. Москва

Гравидан, душа Павел, тебе не нужен — память твоя хороша: дом № 3, кв. 44. Не одни киношники. Мною многие командуют.

Теперь накомандовал Станиславский [2]. Прогнали для него Мольера [без последней

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Письма. Публикуется и датируется по автографу.*

[2] Прекрасные отношения, существовавшие между Булгаковым и Станиславским в течение ряда лет, в период репетиции пьесы «Мольер» стали осложняться. Станиславский по-прежнему с чистым сердцем и любовью относился к Булгакову. Об этом, например, свидетельствует следующая запись в дневнике Е.С. Булгаковой (25 августа 1934 г.): «М. А. все еще боится ходить один. Проводила его до театра, потом зашла за ним. Он мне рассказал, как произошла встреча К[онстантина] С[ергеевич]а [...] Речь К[онстантина] С[ергеевич]а в нижнем фойе [...] Когда кончил, пошел к выходу, увидел М. А. — поцеловались. К. С. обнял М. А. за плечо, и так пошли.

— Что пишете сейчас?

— Ничего, Константин Сергеевич, устал.

— Вам нужно писать... Вот тема, например: некогда все исполнить... и быть порядочным человеком.

Потом вдруг испугался и говорит:

— Впрочем, вы не туда повернете!

— Вот... все боятся меня...

— Нет, я не боюсь. Я бы сам тоже не туда повернул».

Но вторжение Станиславского в процесс работы над пьесой после длительнейших репетиций Булгаков воспринимал резко отрицательно. Об этом остром восприятии пишет и Е.С. Булгакова в дневнике. Запись 5 марта 1935 г.: «Тяжелая репетиция у Миши. Пришел разбитый и взбешенный. Станиславский, вместо того, чтобы разбирать игру актеров, стал при актерах разбирать пьесу». 10 марта: «Опять у Станиславского. [...] (Станиславский) начал с того, что погладил Мишу по рукаву и сказал: „Вас надо оглаживать“. Очевидно, ему уже сообщили о том, что Миша обозлился на его разговор при актерах. Часа три торговались. Мысль Станиславского в том, чтобы показать повсюду, что Мольер создатель гениального театра. Поэтому надо вписывать те вещи, которые Миша считает тривиальными или ненужными. Яростный спор со Станицыным и Ливановым. Но Миша пришел более живой, потому что успокоился. Говорил, что Станиславский очень хорошо сострил про одного маленького актера, который играет монаха при кардинале — что это поп от ранней обедни, а не от поздней». 20 марта: «Все это время — то и дело у Станиславского разбор „Мольера“. Миша измучен... (Станиславский) пытается исключить лучшие места — стихотворение, сцену дуэли и т. д. Всего не упишешь.

картины (не готова)], и он вместо того, чтобы разбирать постановку и игру, начал разбирать пьесу.

В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер гений и как этого гения надо описывать в пьесе.

Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за вас. Но нельзя, нельзя это сделать! Задавил в себе это, стал защищаться.

Дня через три опять! Поглаживая по руке, говорил, что меня надо оглаживать, и опять пошло то же.

Коротко говоря, надо вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер и прочее.

Все это примитивно, беспомощно, не нужно. И теперь сижу над экземпляром, и рука не поднимается. Не вписывать нельзя — пойти на войну — значит сорвать всю работу, вызвать кутерьму форменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплаты в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать!

Что это такое, дорогие граждане?

Кстати — не можешь ли ты мне сказать, когда выпустят Мольера? Сейчас мы репетируем на Большой сцене. На днях Горчакова [1] оттуда выставят, так как явятся «Враги» [2] из фойе.

Натурально пойдем в филиал, а оттуда незамедлительно выставит Судаков с пьесой Корнейчука [3]. Я тебя и спрашиваю, где мы будем репетировать и вообще когда всему этому придет конец?

Довольно о «Мольере»!

Своим отзывом о чеховской переписке [4] ты меня огорчил. Письма вдовы и письма покойника произвели на меня отвратительное впечатление. Скверная книжка! Но то обстоятельство, что мы по-разному видим один и тот же предмет, не помешает нашей дружбе.

Блинов не ели. Люся хворала. (Теперь поправляется.) А за окном, увы, весна. То косо полетит снежок, то нет его, и солнце на обеденном столе. Что принесет весна? Слышу, слышу голос в себе — ничего!

Опять про Мольера вспомнил! Ох, до чего плохо некоторые играют. И в особенности

Доходило до того, что мы решали с Мишей вопрос — написать письмо Станиславскому с отказом от поправок, взять пьесу и уйти. Миша все время говорит так: „Я не доказываю, что пьеса хорошая, может быть, она плохая. Но зачем же ее брали?.. Чтобы потом калечить по-своему?“ Но во мне нет сомнений относительно пьесы, и Станиславский вызывает во мне одно бешенство».

[1] Горчаков Николай Михайлович (1898—1958) — режиссер, работал над постановкой «Мольера».

[2] Имеется в виду пьеса М. Горького «Враги», премьера которой состоялась в МХАТе в октябре 1935 г.

[3] Имеется в виду пьеса Корнейчука «Платон Кречет» в постановке И.Я. Судакова. Премьера пьесы состоялась в июне 1935 г.

[4] Речь идет о переписке А.П. Чехова и О.Л. Книппер (издана в трех томах в 1934—1936 гг.). В письме П.С. Попова, в частности, говорилось: «Я как-то с боязнью брался за книгу, опасался, что еще больше разочаруюсь в Книппер. Но письма говорят в ее пользу...»

из дам К. [1] И ничего с ней поделать нельзя.

Заботы, заботы. И главная, поднять Люсю на ноги. Сколько у нас работы, сколько у нас хлопот. Устала она.

Анну Ильиничну за приписку поцелуй. Анна Ильинична! Вашим лыжным подвигом горжусь. Пиши еще. Представляю себе, как вкусно сидите Вы у огня. Славьте огонь в очаге.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — А.П. Гдешинскому [2]

30 марта 1935 г.

Москва
Я писал тебе, дорогой Саша, письмо в ответ на твое, но от тебя нет ничего. Так что я начинаю думать, что ты, не получил моего послания.
Подай весть!

Твой *Михаил*

Пиши заказным
Нащокинский пер., 3, кв.44.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [3]

Москва, 14. IV. 35 г.
Нащокинский переулок, дом № 3, кв. 44.

Дорогой Никол!
Рад, что от тебя пришла весть. Писем от тебя уже давно нет. В частности, я не получил и февральского твоего письма.
Мы живем благополучно, но я навалил на себя столько работы, что не справляюсь с ней. Хворал переутомлением, сейчас чувствую себя лучше.
К сожалению моему, профессор д'Эрель у меня не был[4], и я не знал даже, что он в Москве.

---

[1] Очевидно, Булгаков имеет в виду актрису Лидию Михаиловну Кореневу (1885—1982), игравшую Мадлену.

[2] *Творчество Михаила Булгакова, кн.1, Л., 1991. Печатается и датируется по первому изданию.*

[3] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 16, л. 2).*

[4] Незадолго перед этим Н.А. Булгаков писал брату: «Недели через три в СССР уезжает мои шеф — чудесный бактериолог проф. Феликс д'Эрель, открывший бактериофаг. Он приглашен сделать несколько сообщении. Если он будет в Москве (и встретится с тобой. Его маршрута и программы я не знаю), я прошу тебя оказать ему при случае всякую поддержку по мере сил, средств и возможностей. Это очень порядочный и милейший человек, высококультурный [...] Познакомь его с театральным делом, устрой, если, конечно, можешь, посещение театра, представлений. Он ко мне великолепно относится и сделал много добра». Булгаков, естественно, собирался достойно выполнить просьбу брата, тем более что Николай Афанасьевич крайне редко затруднял Булгакова просьбами.

О том, что в Америке играют сейчас на русском языке «Дни Турбиных», я знаю [1]. У меня есть вырезки из американской прессы.

Я написал Фишеру вчера и прошу охранить и получить мой гонорар, но не знаю, что выйдет у них.

Большое спасибо тебе, что ты обстоятельно пишешь о «Зойкиной квартире» [2]. В свое время я послал Рейнгардт мои комментарии, как она просила. Конечно, этого совершенно недостаточно. Необходимо мое присутствие.

На днях я подаю прошение о разрешении мне заграничной поездки, стараясь приноровить ее к началу осени (август — сентябрь, октябрь, примерно). Я прошу тебя теперь же обратиться в театральные круги, которые заинтересованы в постановке «Зойкиной квартиры», с тем, чтобы они направили через Полпредство Союза в Наркоминдел приглашение [для] меня в Париж в связи с этой постановкой.

Я уверен в том, что если кто-нибудь в Париже серьезно взялся бы за это дело, это могло бы помочь в моих хлопотах. Неужели нельзя найти достаточные связи в веских французских кругах, которые могли бы помочь приглашению?

Жди от меня дальнейших писем, а на это прошу тебя ответить незамедлительно. Целую тебя и Ивана, желаю благополучия, очень благодарю тебя.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — К.С. Станиславскому [3]

Москва, 22 апреля 1935 г.

Многоуважаемый Константин Сергеевич!

Сегодня я получил выписку из протокола репетиции «Мольера» от 17.IV.35, присланную мне из Театра.

Ознакомившись с нею, я вынужден категорически отказаться от переделок моей пьесы «Мольер», так как намеченные в протоколе изменения по сцене Кабалы, а также и ранее намеченные текстовые изменения по другим сценам, окончательно, как я убедился, нарушают мой художественный замысел и ведут к сочинению какой-то новой пьесы, которую я писать не могу, так как в корне с нею не согласен.

Если Художественному Театру «Мольер» не подходит в том виде, как он есть, хотя Театр и принимал его именно в этом виде и репетировал в течение нескольких лет, я прошу Вас «Мольера» снять и вернуть мне [4].

---

[1] «В Северную Америку, — сообщал Николай Афанасьевич, — поехала группа драматических артистов под руководством арт. Леонидова, который тебя знает. Они дают там и твою „Белую гвардию“. Перед отъездом я с ним виделся, и он обещал мне лично позаботиться о защите твоих авторских прав по этим спектаклям».

[2] В деталях описывая предварительную работу к постановке «Зойкиной квартиры», Николай Афанасьевич убедительно просил выслать авторские комментарии к тексту пьесы.

Лаконичная запись в дневнике Е.С. Булгаковой по этому поводу: «Письмо от Николая, Мишиного брата, из Парижа. „Зойкину квартиру“ все-таки хотят ставить в Парижском театре [...] Масса запросов, в том числе запрос о спектаклях группы актеров (б. художественников) в Сев. Америке. Ставят „Дни Турбиных“. Кто будет охранять Мишины права?»

[3] *Письма. Печатается и датируется по первому изданию (автограф в музее МХАТ).*

[4] В дневнике Е.С. Булгаковой от 22 апреля 1935 г. имеется следующая запись: «Сегодня мы с Мишей прочли протокол репетиции „Мольера“ [...] Из него видно, что Станиславский всю пьесу собирается ломать и сочинять наново. В сцене „Кабалы“, например [...] Чаша терпения переполнилась, и Миша тут же продиктовал мне

письма Станиславскому и Горчакову с категорическим отказом от переделок».

Станиславский спокойно отнесся к письму Булгакова. Не изменяя текста пьесы, он стремился актерскими и режиссерскими средствами доказать свою правоту.

Биографы К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко подробно описали ход репетиций «Мольера», использовали стенографические записи бесед режиссеров с актерами и другие документы времени.

Перескажем здесь наиболее существенные факты постановки пьесы.

Много лет уже тянулась история с постановкой «Мольера», то ярко вспыхивала, то угасала вновь. 5 марта 1935 г. Н.М. Горчаков показал Станиславскому всю пьесу, кроме картины «Смерть Мольера». По воспоминаниям Н.М. Горчакова, старый мастер смотрел репетицию с живейшим интересом, сочувствовал героям, улыбался во время комедийных сцен. Потом в присутствии артистов, Горчакова и Булгакова он высказал свои замечания. Эти замечания Станиславского записал помощник режиссера В.В. Глебов: «Считает, что спектакль и пьеса требуют доработки. Главный недостаток С. видит в односторонней обрисовке характера Мольера, в принижении образа гениального художника, беспощадного обличителя буржуа, духовенства и всех видов шарлатанов».

«Когда я смотрел, я все время чего-то ждал... Внешне все сильно, действенно... много кипучести, и все же чего-то нет. В одном месте как будто что-то наметилось и пропало. Что-то недосказано. Игра хорошая и очень сценичная пьеса, много хороших моментов, и все-таки какое-то неудовлетворение. Не вижу в Мольере человека огромной мощи и таланта. Я от него большего жду... Важно, чтобы я почувствовал этого гения, не понятого людьми, затоптанного и умирающего. Я не говорю, что нужны трескучие монологи, но если будет содержательный монолог, — я буду его слушать... Человеческая жизнь есть, а вот артистической жизни нет. Может быть, слишком ярка сценическая форма и местами убивает собой содержание».

В спектакле «много интимности, мещанской жизни, а взмахов гения нет».

С. вступает в спор с М.А. Булгаковым, который утверждает, что Мольер «не сознавал своего большого значения», своей гениальности. И Булгаков в своей пьесе «стремился, собственно, дать жизнь простого человека».

«Это мне совершенно неинтересно, что кто-то женился на своей дочери, — возражает С. — ...Если это просто интим, он меня не интересует. Если же это интим на подкладке гения мирового значения, тогда другое дело». Мольер «может быть наивным, но это не значит, что нельзя показать, в чем он гениален».

С. предлагает «расставить нужные акценты („крантики, оазисы“), которые придадут всей пьесе и спектаклю иное звучание» 70.

Булгаков описал свои впечатления от встреч со Станиславским, читатели уже знают, что им «овладела ярость». Но он смирился на первых порах и попытался «вписывать что-то о значении Мольера для театра», попытался «показать как-то, что он гениальный Мольер и прочее». Сидел над экземпляром, и «рука не поднимается».

Булгаков переделал картины «Ужин короля» и «Собор», внес небольшие поправки и в другие сцены, так, больше для видимости, чем по существу.

В апреле Станиславский проводит несколько репетиций «Мольера», «беседует с исполнителями об образах, разбирает роли по линии физических действий, уточняет главное, наиболее существенное в каждом куске и сцене, выявляет отношение каждого действующего лица к Мольеру, учит актеров типичным для мольеровского времени манерам, ритуалам, жестам...» (См. книгу И. Виноградской с. 403).

Переделки пьесы не удовлетворяют Станиславского, и он снова возвращается к тексту пьесы, настаивает на том, что автор обкрадывает сам себя и сам себе вредит, потому что в пьесе «много исторически неверного». Булгаков наотрез отказался вставлять в свою пьесу подлинные тексты произведений Мольера, вспоминал позднее Горчаков, для того, чтобы, по мнению Станиславского, показать Мольера гениальным комедиографом.

На одной из репетиции В.Я. Станицын, игравший роль Мольера, почувствовал, что Станиславский добивается от него исполнения совсем другого характера Мольера, а не того, каким он изображен у Булгакова. Станицын сказал об этом Станиславскому, но Учитель настаивал на своем понимании Мольера, считая главным в его жизни то, что он боролся и его задавили, а не то, что он подличал. Самое опасное, говорил Станиславский, если получится Мольерчик. Мольерчика, конечно, никто не хотел, и прежде всего сам Булгаков.

И в дальнейшем, репетируя «Мольера», Станиславский стремился вложить в игру актеров и актрис несколько иной смысл драмы, чем тот, что задумал Булгаков. И драма Мольера приобретала совсем иной смысл, иной характер, а Станиславский все еще надеялся, что автор «сам местами пересмотрит свою пьесу». Его не удовлетворяет текст, он фантазирует, предлагает свои варианты картин, реплик... И написанные Булгаковым картины распадаются, текст взламывается, все нужно создавать заново.

Запись репетиции 17 апреля была послана М.А. Булгакову. По поводу этой записи и написал М.А. Булгаков столь резкое письмо, которое читатели только что прочитали.

Расскажем коротко о последующем ходе репетиций «Мольера».

Письмо Булгакова было прочитано во время очередной репетиции «Мольера» 28 апреля. Станиславский, записывает В.В. Глебов, «призывает актеров не падать духом, а добиваться актерскими и режиссерскими средствами осуществления намеченной линии и победить автора, не отступая от его текста». «Это труднее, но и интересней». «Мы попали в тяжелое положение, и надо самим находить выход из него. Я стараюсь вытянуть из

Уважающий Вас
М. Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва. 8.V.1935. Нащокинский переулок, д. 3. кв. 44. Т. 58-67.

Я был очень рад, дорогой Никол, получив твое письмо от 21 апреля 1935 года. Пока пишу только по одному вопросу. 31 июля и 1 августа 1934 года я писал уже тебе и Рейнгардт о том, что прошу срочно исправить те искажения, которые обнаружены мною во французском переводе «Зойкиной квартиры». Именно, что переводчики вставили в первом акте «...quelques portraits de Lenine. Ce brave Ilich... Je l'ai dit correctement a Staline... Staline sail ce qu il me doit»... etc... etc [2] ...чего у меня нет и ни в каком случае быть не может.

вас, что вам нужно, что вам хочется, что вас увлекает. Без увлечения нельзя ничего сделать», — так говорил Станиславский.

Но и последующие репетиции под руководством Станиславского мало что добавили в постановку спектакля. Спектакль разваливался, актеры чувствовали, что они не могут дать того, чего от них добивался Станиславский. Сначала Станицын понял, что он утрачивает ту многогранность образа, которую он должен был играть по замыслу драматурга: потом Б.Н. Ливанов, исполнитель роли Муаррона, заявил, что он «сбит пьесой», стал ее ненавидеть и хочет от нее избавиться; потом Л.М. Коренева, репетировавшая роль Мадлены Бежар, высказала Станиславскому, что она готовила роль совсем по-другому, чем он требует от нее. То, что было раньше, — ошибки, теперь надо играть по-другому: «Прежде искали чувства, теперь — физические действия», — заявил Станиславский.

В ходе многочисленных репетиций «Мольера» возникли противоречия не только между драматургом и постановщиком, но и между актерами и постановщиком пьесы.

Пришлось постановку пьесы завершать В.И. Немировичу-Данченко.

Булгаков во время этого конфликта со Станиславским почти совсем отошел от Художественного театра, а порой ему казалось, что он возненавидел МХАТ вообще.

Осенью возобновились репетиции под руководством Н.М. Горчакова и самого М.А. Булгакова. 31 декабря спектакль посмотрел Немирович-Данченко, решивший в оставшееся время до премьеры кое-что уточнить, кое в чем помочь актерам в завершении созданных ими образов. Ничто не предвещало драматического финала. 16 февраля 1936 г. наконец-то состоялась премьера «Мольера». Успех был несомненный, с бурными аплодисментами и вызовами автора. Одно за другим последовало семь представлении. Но еще до премьеры появились рецензии, отзывы. Чувствовалось, что общественное мнение формируют давние гонители М. Булгакова. О. Литовский в «Советском искусстве» 11 февраля 1936 г., за несколько дней до премьеры, писал, что фигура Мольера получается «недостаточно насыщенная, недостаточно импонирующая, образ суховат». 15 февраля в газете театра «Горьковец» были опубликованы отзывы о спектакле Вс. Иванова, Ю. Олеши, А. Афиногенова, которые во всех недостатках спектакля обвиняли драматурга, а А. Афиногенов прямо заявил, что провал спектакля — «урок печальный и поучительный». И это за день до премьеры!

9 марта появилась разгромная статья в «Правде» под названием «Внешний блеск и фальшивое содержание», а 10 марта «Литературная газета» опубликовала статью Б. Алперса под названием «Реакционные домыслы М. Булгакова», где гневно говорилось не только о «Мольере», но и о «Пушкине», которого только предполагалось поставить. 10 марта объявленный «Мольер» был срочно заменен и больше не возобновлялся. А критики добивали «Мольера», и не только критики. Вс. Мейерхольд 14 марта, то есть пять дней спустя после публикации статьи в «Правде», говорил: «Я сам присутствовал на этом спектакле и у молодого режиссера Горчакова в целом ряде мизансцен, красок, характеристик, биографий видел худшие времена моих загибов. Надо обязательно одернуть, ибо получается, что пышность дана потому, что Горчакову нравится пышность, а добросовестный режиссер обыкновенно очень боится пышности на сцене, так как это яд, с которым можно преподнести публике такую тухлятину, что люди задохнутся».

Так что история с «Мольером» — действительно «урок печальный и поучительный».

С этого письма Булгакова Станиславскому начинается охлаждение в их отношениях, а потом и разрыв.

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 16, л. 3).*

[2] «...несколько портретов Ленина. Этот славный Ильич... Об этом я вежливо намекнул Сталину... Сталин знает, чем он мне обязан...» и т.д.

Еще раз со всею серьезностью прошу тебя немедленно добиться, чтобы указанные фамилии и имена были вычеркнуты, как в первом акте, так и в других, если они там встречаются. Я не поверил глазам, когда увидел эти нарушения.

Абсолютно недопустимо, чтобы имена членов Правительства Союза фигурировали в комедийном тексте и произносились со сцены. Прошу тебя незамедлительно исполнить это мое требование и дать мне, не задерживаясь, телеграмму — по-русски или по-французски — как тебе удобнее, такого содержания: «твое требование вычеркивания исполнено». Это самое важное, что я хотел сообщить, а об остальном — в следующих письмах. Сообщи мне адрес Рейнгардт.

Жду твоего ответного письма, помимо телеграммы. Целую тебя

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 13 мая 1935 г.

Надеюсь, что ты, дорогой Никол, получил мое письмо от 8.V.

При этом письме прилагаю тебе, во-первых, фотографию, на которой моя жена и я, а, во-вторых, копию моего письма в Издательство Фишер, в Театральный Отдел, Г.К. Марил.

Как видишь, я прошу фишеровское издательство гонорар по «Зойкиной квартире» переводить тебе. С этим гонораром прошу поступать так: 25%, как я писал тебе, прошу брать себе, а на остальную сумму открыть для меня в Париже в банке текущий счет на мое имя. Если открытие такого счета представляет какие-нибудь затруднения, то прошу сохранить у себя для меня мой гонорар.

Из трехсот марок, которые Фишер должен тебе перевести (это помимо гонорара по «Зойкиной квартире»), прошу тебя 25 марок, независимо от наших расчетов по «Зойкиной квартире», взять себе, а остальные 275 марок также положи на текущий счет или также сохрани, как сказано выше, для меня.

Сообщаю тебе, что, с моего разрешения, переводчик Эммануил Львович Жуховицкий (Москва), совместно с Чарльзом Боолен Charles Bohlen, секретарем Посольства Соединенных Штатов в Москве, обратившийся ко мне с просьбой перевести «Зойкину» на английский язык, эту пьесу на английский язык перевели.

Они сделали перевод с экземпляра, собственноручно мною откорректированного и сокращенного.

О том, что ты имеешь доверенность на «Зойкину», и Жуховицкий и Боолен мною предупреждены.

В моем исправлении пьеса приобрела, наконец, компактный и очищенный вид [2].

Прошу тебя, если это еще можно, произвести во французском экземпляре сокращения и некоторые изменения, которые я тебе укажу в ближайших письмах.

Первое, что следует сделать, и это важно, — заменить фамилию Алилуйя фамилией Портупея.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 16, л. 4-6).*

[2] Об этом же записано и в дневнике Е.С. Булгаковой от 13 мая 1935 г.: «В течение недели Миша диктовал „Зойкину“ — очень многое изменил и сильно вычистил пьесу. Закончил он ее десятого вечером.

Жуховицкий сияет, как новый гривенник.

О „Зойкиной“ же получено извещение от Фишера. И о ней же пишет Коля из Парижа. По-видимому, там серьезно ею заинтересованы и будут ставить осенью».

Дальнейшее сообщу.

Ты спрашиваешь о Мольере?

К сожалению, все нескладно. Художественный театр, по собственной вине, затянул репетиции пьесы на четыре года (неслыханная вещь!) и этой весной все-таки не выпустил ее.

Станиславскому пришла фантазия, вместо того, чтобы выпускать пьесу, работа над которой непристойно затянулась, делать в ней исправления. Большая чаша моего терпения переполнилась, и я отказался делать изменения. Что будет дальше, еще точно не знаю.

Квартира? Квартира средненькая, как выражается Сергей, она нам мала, конечно, но после Пироговской блаженствуем! Светло, сухо, у нас есть газ. Боже, какая прелесть! Благословляю того, кто придумал газ в квартирах.

Каждое утро воссылаю моленья о том, чтобы этот надстроенный дом простоял бы как можно дольше — качество постройки несколько смущает.

Заявление свое о заграничной моей поездке еще не подавал, но оно будет подано. Впрочем, о заграничной поездке отдельное следующее письмо.

Прошу тебя — передай привет Ивану.

Жду адреса Рейнгардт и подтверждения каждого моего письма тобой.

Вывороченные мои глаза на прилагаемой фотографии покажут тебе, что снимал нас уличный очень симпатичный фотограф.

Мы в зелени. Это зелень моей родины. Это мы в Киеве, на Владимирской горке, в августе 34 года.

Целую тебя крепко.

Михаил.

Адрес Фишера:
S. Fischer Verlag Theaterabteilung Berlin W 57
Bülov str. 90.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 9 июля 1935

Дорогой Коля.

Я своевременно получил твою телеграмму об исправлениях в «Зойкиной», также и письмо [2]. Очень признателен тебе.

Сегодня, пробегая экземпляр, обнаружил еще один сюрприз, неприятнейшим образом поразивший меня. Во второй картине второго акта (стр. 26) фамилия Ремонтный снабжена ремаркой accentjuive [3].

Я прошу тебя настоять, чтобы переводчики убрали эту ремарку, а также и акцент при

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 16, л. 8).*

[2] Приводим выдержки из письма Николая Афанасьевича от 4 июня 1935 г.: «[...] Сегодня утром я дал тебе телеграмму, а теперь приступаю к письму [...] Немедленно же по получении от тебя указании я снесся с переводчиками „Зойк. кварт.“ и передал твои требования исправить грубые искажения и неправильности, допущенные при переводе на франц. язык. Все указанное тобою исправлено и переводчики изъявили согласие на могущие последовать от тебя уточнения и указания».

[3] accent juive — с еврейским акцентом (*франц.*).

исполнении этой роли актером. Неприятно беспокоить тебя опять, но позаботься об этом и извести меня.

Бианчини прислал мне два бюллетеня, которые я подписал и возвращаю ему.

Прими к сведению разделение прав между авторами: Булгаков — 4/12, Рейнгардт — 5/12, Кремье [1]— 3/12.

О Фишере: добиваюсь, чтобы тебе, хотя бы маленькими частями, переводили те деньги, о которых я тебе писал. Указанные тобой два перевода: 30 и 59 франков, сделаны, сколько помню, по моему распоряжению, чтобы ты тратил эти деньги на почтовые расходы по переписке со мною.

Сообщаю тебе, что я подал заявление в Иностранный Отдел Московского Областного Исполкома о выдаче мне разрешения на поездку с женою за границу. Я мечтаю о том, чтобы хотя короткое время провести где-нибудь на курорте у моря, так как безмерно утомлен. Впрочем, об утомлении распространяться не буду, устал уж и жаловаться. Кроме того, конечно, я вижу, что мое присутствие, хотя бы очень короткое, в Париже в связи с «Зойкиной» совершенно очевидно необходимо. Ответ должен быть дней через шесть-семь.

Напиши, где будешь в августе-сентябре?

Целую тебя крепко. До следующего письма.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

Москва, 26. VII. 35

Дорогой Никол! При этом письме — мой снимок.

В предыдущем я сообщал тебе о том, что подал заявление о разрешении мне заграничной поездки.

К сожалению, мне в этом отказано.

Подробнее сообщу в следующий раз.

Целую тебя и Ивана.

Твой *Михаил.*

М. Булгаков — В. Вересаев [3]
Переписка по поводу пьесы «Пушкин» («Последние дни»)

Предисловие Е.С. Булгаковой

---

[1] Кремье — переводчик «Зойкиной квартиры».

[2] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 16, л. 9).*

[3] Эту переписку, опубликованную Е.С. Булгаковой в журнале «Вопросы литературы» в 1965 г. № 3, даем без изменений, с ее предисловием и комментариями. Изъято из данного комплекса переписки и перемещено в соответствии с хронологией лишь последнее ответное письмо В.В. Вересаева от 12 марта 1939 г. Это было сделано в связи с публикацией в журнале «Знамя» (1988, № 1) писем М.А. Булгакова к В.В. Вересаеву, в том числе и инициативного письма от 11 марта 1939 г.

Этот комплекс чуть-чуть нарушает хронологический принцип публикации писем, но от этого нарушения выигрывает ясность и последовательность развивающихся на наших глазах драматических событий. Печатается и датируется по первой публикации.

Как-то в начале октября 1934 года Михаил Афанасьевич Булгаков сказал, что он решил писать пьесу о Пушкине. Помолчал, а потом добавил: конечно, без Пушкина.

Ему казалось невозможным, что актер, даже самый талантливый, выйдет на сцену в кудрявом парике, с бакенбардами и засмеется пушкинским смехом, а потом будет говорить обыкновенным, обыденным языком.

Михаил Афанасьевич предложил Вересаеву вместе писать пьесу. Викентий Викентьевич, когда мы приехали к нему 18 октября, был очень тронут и принял предложение. Зажегся, начал говорить о Пушкине, о трагизме его судьбы, о том, что Наталья Николаевна была вовсе не пустышка, а несчастная женщина. Сначала Викентий Викентьевич был озадачен тем, что пьеса будет без Пушкина, но, подумав, согласился.

Решили, что драматургическая часть будет делаться Булгаковым, а Викентий Викентьевич берет на себя подбор материалов.

По мере набрасывания сцен Михаил Афанасьевич читал их Вересаеву. Были споры, были уступки. Как-то Вересаев сказал:

— А иногда мне жаль, что нет Пушкина. Какая прекрасная сцена была бы! Пушкин в Михайловском, с няней, сидит в своем бедном домике, перед ним кружка с вином, он читает ей вслух: «Выпьем, добрая подружка...»

Булгаков ошеломленно сказал:

— Тогда уж я лучше уступлю вам выстрел Дантеса в картину... Такой сцены не может быть, Викентий Викентьевич!

С тех пор свои попытки при разногласиях прийти к соглашению они стали называть «обмен кружек на пистолеты».

Вересаев мечтал о сугубо исторической пьесе, требовал, чтобы все даты, факты, события были точно соблюдены. Булгаков был с этим, конечно, согласен. Но, по его мнению, этого было мало. Нужны были еще и фантазия художника, и его собственное понимание этих исторических фактов. Задумав пьесу, Булгаков видел возможность говорить на излюбленную тему о праве писателя на свой, ему одному принадлежащий взгляд на искусство и на жизнь. В исторических пьесах — «Мольер», «Пушкин», «Дон Кихот» — он пользовался прошлым для того, чтобы выразить свое отношение к современной жизни, волновавшей его так же, как волновала и волнует она нас сейчас.

Споры между Вересаевым и Булгаковым принимали порой довольно жесткий характер, ибо соавторы говорили на разных языках. Какое счастье, что эти споры проходили не только при личных встречах, но нашли выражение и в письмах. Это — переписка двух честных, принципиальных литераторов. После всех мучений, которые они доставляли друг другу в эти летние месяцы тридцать пятого года, их отношения остались по-прежнему дружескими, их взаимная любовь и уважение нисколько не пострадали.

Елена БУЛГАКОВА

18 мая [1] 1935 г.
В.В. Вересаев — М.А. Булгакову

Милый Михаил Афанасьевич!

Я ушел от Вас вчера в очень подавленном настроении. Вы, конечно, читали черновик, который еще будет отделываться. Но меня поразило, что Вы не сочли нужным изменить

---

[1] В.В. Вересаев ошибочно указывает дату. Следует: 19 мая 1935 г.

даже то, о чем мы с Вами договорились совершенно определенно, — напр., заявление самого Салтыкова, что «это было мое инкогнито», цитирование (лютеранином) Дубельтом евангельского текста, безвкусный выстрел Дантеса в картину (да еще в «ценную», м. б. в подлинного Рембрандта, да еще в присутствии слепого, дряхлого старика, у которого такой выстрел мог вызвать форменный паралич сердца) и т. д. Скажем, это черновик, — Вы не имели времени сделать изменения, читалось это нескольким членам театра для предварительной ориентировки [1]. Но Вы согласились также на прочтение пьесы и всей труппе, — это дело уже более серьезное, и я вправе был ждать некоторой предварительной согласованности со мною. Невольно я ставлю со всем этим в связь и очень удививший меня срок представления пьесы ленинградскому театру — 1 октября: ведь после лета мы сможем с Вами увидеться только в сентябре. Боюсь, что теперь только начнутся для нас подлинные тернии «соавторства». Я до сих пор минимально вмешивался в Вашу работу, понимая, что всякая критика в процессе работы сильно подсекает творческий подъем. Однако это вовсе не значит, что я готов довольствоваться ролью смиренного поставщика материала, не смеющего иметь суждение о качестве использования этого материала. Если использовано лучше, чем было мною дано, — я очень рад. Но если считаю использованным хуже, чем было, то считаю себя вправе отстаивать свой вариант так же, как Вы вправе отстаивать свой. Напр., разговор Жуковского с Дубельтом у запечатанных дверей считаю в Вашем варианте много хуже, чем в моем [2]. Образ Дантеса нахожу в корне неверным и, как пушкинист, никак не могу принять на себя ответственность за него. Крепкий, жизнерадостный, самовлюбленный наглец, великолепно чувствовавший себя в Петербурге, у Вас хнычет, страдает припадками сплина; действовавший на Наталью Николаевну именно своею животною силою дерзкого самца, он никак не мог пытаться возбудить в ней жалость сентиментальным предсказанием, что «он меня убьет» [3]. Если уж необходима угроза Дантеса подойти к двери кабинета Пушкина, то я бы уж считал более приемлемым, чтобы это сопровождалось словами: «Я его убью, чтобы освободить вас!» [4] И много имею еще очень существенных возражении. Хочется надеяться, — Вы будете помнить, что пьеса как-никак будет именоваться пьесой Булгакова и Вересаева и что к благополучному концу мы сможем прийти, лишь взаимно считаясь друг с другом.

Преданный вам *В.Вересаев.*

Москва, 20.V—1935.
М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву

Милый Викентий Викентьевич!

Могу Вас уверить, что мое изумление равносильно Вашей подавленности.
Прежде всего меня поразило то, что Вы пишете о сроке 1 октября.

---

[1] 18 мая в 12 ч. дня М.А. Булгаков читал у себя дома пьесу о Пушкине в присутствии В.В. Вересаева, его жены М.Г. Вересаевой, а также артистов Вахтанговского театра: Л.П. Русланова, И.М. Раппопорта, Б.Е. Захавы и А.И. Горюнова.

[2] Сцена Жуковского и Дубельта в 1 картине 4 действия. К этому времени Вересаев начал писать свои варианты пьесы. М.А. Булгаков не мог их принять, считая недраматургичными, и сцена сохранила булгаковский текст (Михаил Булгаков. Пьесы. М., 1962). В дальнейшем все ссылки на это издание.

[3] Имеется в виду фраза Дантеса — Наталье: «Но не тревожьте себя — он убьет меня, а не вас» (1 д., с. 297).

[4] Фраза Дантеса из Вересаевского варианта «Я его убью, чтобы освободить вас» — не вошла в текст пьесы.

По Вашему желанию я взял на себя скучную, трудную и отнимающую время заботу по ведению переговоров с театрами.

Я истратил сутки на подробные переговоры с Вольфом [1] и разработку договора, принял предложенный театром срок — 1 октября, — сообщил о нем Вам, дал Вам для подписи договор. Вы, не возражая против 1 октября, его подписали, а теперь сообщаете мне, что этот срок Вам не нравится. Что прикажете мне теперь делать, когда договор подписан всеми сторонами?

Я взял на себя хлопотливую обязанность, но я не хочу, стараясь исполнить ее наилучшим образом, с первых же шагов получать укоризны за это. Если Вы находите, что я неправильно составляю договоры, я охотно соглашусь на то, чтобы Вы взяли это на себя.

Тут же сообщаю, что ни в какой связи ленинградский срок 1 октября с московскими сроками чтения не стоит.

Чтение вахтанговской труппе, как совершенно справедливо говорите Вы, дело серьезное. Я к этому добавлю еще, что это крайне серьезное дело, и речи быть не может о том, чтобы авторы выступили с этим чтением, предварительно не согласовав все вопросы в пьесе между собою.

Примерно намечаемое на начало июня чтение ни в каком случае не состоится, если не будет готов согласованный экземпляр. Мы попадем в нелепое положение, если предъявим экземпляр, который вызывает у нас разногласия. А после Вашего неожиданного письма я начинаю опасаться, что это очень может быть. Чтение, конечно, придется отложить.

Вы пишете, что не хотите довольствоваться ролью смиренного поставщика материала. Вы не однажды говорили мне, что берете на себя извлечение материалов для пьесы, а всю драматургическую сторону предоставляете мне. Так мы и сделали.

Но я не только все время следил за тем, чтобы наиболее точно использовать даваемый Вами материал, но всякий раз шел на то, чтобы делать поправки в черновиках при первом же возражении с Вашей стороны, не считаясь с тем, касается ли дело чисто исторической части или драматургической. Я возражал лишь в тех случаях, когда Вы были драматургически неубедительны.

Приведу Вам примеры:

Исторически известно, что Пушкин всем сильно задолжал. Я ввожу в первой картине ростовщицу. Вы утверждаете, что ростовщица нехороша и нужен ростовщик. Я немедленно меняю. Что лучше с моей точки зрения? Лучше ростовщица. Но я уступаю.

Вы говорите, что Бенкендорф не должен возвращаться со словами «не туда». Я выбрасываю это возвращение [2].

Вы говорите, что Геккерен на мостике уступает свою карету или сани. Соглашаюсь — выправляю [3].

Вы критикуете черновую сцену Александрины и Жуковского. Я ее зачеркиваю, не читаю и вместо нее начинаю составлять новую.

Вы выбрасываете план сцены кольца. Я, следуя плану, облекаю в динамическую форму сцену с чтением стихотворения у фонаря, но Вас это не удовлетворяет. Вы говорите: «Нет, чтец должен убежать». Я, конечно, не согласен с этим, ни жизненно, ни театрально он убежать не мог.

---

[1] Вольф В. Е.

[2] М.А. Булгаков впоследствии восстановил это появление Бенкендорфа во 2 картине 2 действия. Реплика Бенкендорфа: «Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...» (с. 329).

[3] 2 картина 3 действия. «**Данзас.** Благоволите уступить ее (карету. — *Е. С.*) другому противнику. **Геккерен.** О да, о да» (с. 336).

Тем не менее я меняю написанное. Чтец убегает [1].

Я не буду увеличивать количество примеров.

Я хочу сказать, что Вы, Викентий Викентьевич, никак не играете роль смиренного поставщика материалов.

Напротив, Вы с большой силой и напряжением и всегда категорически настаиваете на том, чтобы в драматургической ткани всюду и везде, даже до мелочей, был виден Ваш взгляд.

Однако бывают случаи, когда Ваш взгляд направлен неверно, и тут уж я хочу сказать, что я не хотел бы быть смиренным (я повторяю Ваше слово) драматургическим обработчиком, не смеющим судить о верности того мотива, который ему представляют.

Вот случай с Дубельтом и Салтыковым.

Почему Дубельт не может цитировать Священное писание?

Дубельт «ловко цитировал в подтверждение своих слов места из Священного писания, в котором был, по-видимому, очень сведущ, и искусно ловил на словах» (Костомаров, Автобиография, «Русск. мысль», 1885.V.127. Цит. Лемке. «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», Спб. 1909, с. 121 и 122) [2].

Почему Салтыков не может говорить об инкогнито?

«...проходил, сильно стуча испанской тростью, через библиотеку в свой кабинет. Он называл это своим „инкогнито“» («Русский архив», 1878, 11, с. 457).

Объясните мне, почему с такой настойчивостью Вы выступаете против этих мест? Вы говорите, что мы договорились определенно, что я изменю эти места. Нет, мы не договорились об этом, а говорили лишь о том, не следует ли сократить цитату Дубельта.

Вы называете выстрел Дантеса «безвкусным». Это хорошо, что Вы высказываете свое литературное мнение в прямых и резких словах; тем самым Вы, конечно, и мне даете право делать то же самое. Я воспользуюсь этим правом, когда буду говорить о Дантесе.

Я считаю, что выстрел, навеянный пушкинским выстрелом Сильвио, есть самая тонкая концовка картины и что всякая другая концовка будет хуже. Я готов признать, что у меня нет вкуса, но вряд ли кто-нибудь признает, что у меня нет опыта. И вряд ли кто-нибудь докажет, что выстрел Дантеса хоть в чем-нибудь нарушает историю.

Вообще в Дантесе у нас серьезная неслаженность. Вы пишете: «Образ Дантеса нахожу в корне неверным и, как пушкинист, никак не могу принять на себя ответственность за него».

Отвечаю Вам: я в свою очередь Ваш образ Дантеса считаю сценически невозможным. Он настолько беден, тривиален, выхолощен, что в серьезную пьесу поставлен быть не может. Нельзя трагически погибшему Пушкину в качестве убийцы предоставить опереточного бального офицерика. В частности, намечаемую фразу «я его убью, чтобы освободить вас» Дантес не может произнести. Это много хуже выстрела в картину.

Дантес не может восклицать «О, ла-ла!» [3] Дело идет о жизни Пушкина в этой пьесе. Если ему дать несерьезных партнеров, это Пушкина унизит.

Я не могу найти, где мой Дантес «хнычет», где он пытается возбудить жалость Натальи? Укажите мне это. Он нигде не хнычет. У меня эта фигура гораздо более зловещая, нежели та, которую намечаете Вы. (См. примечание.)

---

[1] 2 картина 4 действия. «**Студент.** „Угас, как светоч, дивный гений...“ (*Слова студента тонут в гуле толпы.*) „...Его убийца хладнокровно навел удар... Спасенья нет“. (*Скрывается.*)» (с. 353).

[2] Получив письмо, Вересаев 22 мая позвонил М.А. Булгакову, просил «забыть его письмо». Цитата о Дубельте убедила его.

[3] «О, ла-ла!» — воскликнул Дантес в вересаевском варианте. В пьесу это не вошло.

Относительно разговора Жуковского с Дубельтом [1]. Нет, Ваш вариант не лучше, чем мой, и просто потому, что это один и тот же вариант, с той разницей, что у Вас Дубельт говорит не сценическим языком, а у меня — сценическим. Реплики построены по-иному, но разговор идет об одном и том же. Тут даже, по-моему, и предмета для спора нет никакого.

В заключение Вы пишете: «Хочется надеяться, Вы будете помнить, что пьеса как-никак будет именоваться пьесой Булгакова и Вересаева и что к благополучному концу мы сможем прийти, лишь взаимно считаясь друг с другом». Я так и делал, причем мне всегда казалось, что я считаюсь с Вами гораздо больше, чем Вы со мной.

Относительно благополучного конца Вы ошибаетесь. Мы уже пришли к благополучному концу, по крайней мере в театре. Я разговаривал на другой день после чтения с Руслановым [2]. Он говорил о радости, которая овладела им и слушателями. Он говорил, выслушав не отделанное да и не доконченное еще произведение, — о чрезвычайной авторской удаче. Он меня, утомленного человека, поднял. И до получения Вашего письма я находился в очень хорошем расположении духа. Сейчас, признаюсь, у меня чувство тревоги. Я не могу понять, перечитав еще раз Ваше письмо и мой ответ, — чем все это вызвано?

Во всяком случае, если мы сорвем эту удачу, мы сорвем ее собственными руками, и это будет очень печально. Слишком много положено каторжных усилий, чтобы так легко погубить произведение.

Перо не поднимается после Вашего письма, но все же делаю усилие над собою, пишу сцену бала.

Когда вся пьеса будет полностью готова, я направлю экземпляр Вам. Вот тут мы и сойдемся для критики этого экземпляра, для точного улаживания всех разногласий, для выправления всех неточностей, для выпрямления взятых образов.

Я все-таки питаю надежду, что мы договоримся. От души желаю, чтобы эти письма канули в Лету, а осталась бы пьеса, которую мы с Вами создавали с такой страстностью.

Преданный Вам *М. Булгаков.*

Примечание: Дело вот в чем: я хотел бы ввести в пьесу оригинальную фигуру Дантеса, но ввиду того, что я могу ошибаться и, возможно, ошибаюсь, нам необходимо сочиненное мною серьезно обсудить. Мы будем друг друга убеждать, и если один из нас не примет точки зрения другого, то я предложу проект средней выпрямляющей линии, которая нас выведет из тупика.

В частности: у меня есть вариации сцены с выстрелом. Предложу их [3].

Вся беда в том, что пушкинисты (и это я берусь доказывать) **никакого образа Дантеса в своем распоряжении не имеют и ничего о нем не знают.** О нем нет данных ни у кого. Самим надо выдумать Дантеса. Оставляя сцену бала, я вынужден, после Вашего письма, писать специальный этюд о Дантесе, чтобы демонстрировать Вам все чудовищные затруднения. Я это делаю и в следующем письме пришлю Вам этот этюд.

М.Б.

21. V—1935

1935, май.

---

[1] См. примеч. к письму В.В. Вересаева от 18 мая 1935 г.

[2] Лев Петрович Русланов, артист Вахтанговского театра.

[3] В пьесе сохранен выстрел Дантеса в картину.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву

ДАНТЕС [1]

Происхождение

Покойный П.Е. Щеголев полагает, что Жорж Дантес был сыном Жозефа-Конрада Дантеса (1773—1852) и графини Марии-Анны Гацфельдт (1784—1832). Дантес родился 5.11—1812 г. (нов. ст.).

Рассуждение о Дантесе

Вы говорите, что Вы, как пушкинист, не можете согласиться с моим образом Дантеса. Вся беда в том, что пушкиноведение, как я горько убедился, не есть точная наука.

Чего стоит одна история с записями Жуковского, расшифрованными Еленой Сергеевной!

И ни на ком, пожалуй, так не видна чудовищная путаница, как именно на Дантесе.

Какова его наружность?

«...статен, красив» *(А.В. Трубецкой).*

«не красивый и не безобразный» *(д-р С. Моравский).*

«несколько неуклюжий» (!! — *М.Б.*) *(С.М. Сухотин).*

«...белокурый, плотный и коренастый офицер...» «...видный, очень красивый» *(А.И. Злотницкий).*

«Ростом он был выше среднего» *(Л.Н. Павлищев).*

«...при довольно большом росте...» *(К.К. Данзас).*

«...к которому очень шла полурыцарская, нарядная, кавалергардская форма...» *(Павлищев).*

«...но, когда надевал парадный мундир и высокие ботфорты и в таком наряде появлялся в обществе русских офицеров, его наружности едва ли бы кто-нибудь позавидовал» (!! — *М. Б.*) *(Моравский).*

«...обладал безукоризненно правильными, красивыми чертами лица» *(со слов Павлищевой).*

«...как он хорош собой...» *(О.С. Павлищева).*

«...рот у него, хотя и красивый, но чрезвычайно неприятный, и его улыбка мне совсем не нравится» *(Пушкин).*

«...понравился даже Пушкину...» *(Н.М. Смирнов).*

«...это очень красивый...» *(Пушкин в дек. 1936 г.).*

Что за женщина, на которой женился?

«Старшая невестка Пушкина порядком смахивает на большого иноходца или на ручку от помела» *(бар. П.А. Вревский).*

«...высокая, рослая старшая сестра Екатерина...» *(кн. В.Ф. Вяземская).*

«Дом Пушкина, где жило три красавицы: сама хозяйка и две сестры ее, Катерина и Александра...» *(П.И. Бартенев).*

«...достаточно красива и достаточно хорошо воспитана...» *(О.С. Павлищева).*

Состояние здоровья

Дантес заболел в 1833 г. осенью в немецком городе (простудился, острое воспаление). От 19 до 27.X.—1836 был болен *(В.В. Никольский)* . Дантес [показан] заболевшим

---

[1] При ознакомлении с публикуемой перепиской следует иметь в виду, что биографические данные о Пушкине и его окружении, на которых основывались оба корреспондента, теперь, через тридцать лет после этого спора, в значительной степени устарели. Особенно это касается подборки сведений о Дантесе, в которую, наряду с подлинными, правдивыми свидетельствами современников, включены и материалы ненадежные, а подчас, как установлено современной наукой, и прямо неверные. (*Примечание редакции «Вопросов литературы».*)

простудн[ой] лихор[адкой] с 12.XII—1836 г.

«От 15.XII — 1836 по 3.1 — 1837 г. Дантес был болен» *(В.В. Никольский).*

(Дантес) «очень болен» *(А.И. Тургенев 21.XII — 1836)* . «У него, кажется, грудь болит, того гляди уедет за границу» *(Пушкин).*

Отношение к браку с Екатериной

«...это удивляет город и предместья» *(О.С. Павлищева).* «...в апреле 1837 года Екатерина Николаевна Геккерен родила своего первого ребенка» *(Л.П. Гроссман).*

Три совершенно различных рассказа о том, как Дантес делал предложение (с. 224 у Вересаева). Нет, четыре — сам Пушкин (223).

Русский язык

«Кажется, (!) российского языка как следует Дантес так и не изучил» *(Щеголев).*

Служба

«...должен был дежурить три дня не в очередь...»

Отношение к Наталии

«...страстно влюбился в г-жу Пушкину» *(Н.М. Смирнов).*

«...пожирал ее глазами, даже когда он с нею не говорил...» *(бар. Г. Фризенгоф).*

«Неумеренное и довольно открытое ухаживание...» *(кн. П.А. Вяземский).*

«...настойчивое ухаживание...» *(Пушкин).*

«...жил ли он с Пушкиной?.. Никакого нет сомнения» *(со слов Ефремова).*

Дантес защищал «ее совершенную невинность во всех обстоятельствах этого печального события ее жизни» *(бар. Г. Фризенгоф).*

Дантес уверяет, «что со времени его свадьбы он ни в чем не может себя обвинить касательно Пушкина и жены его...» *(вел. кн. Михаил Павлович).*

«Жена Пушкина заверяла, что не имела никакой серьезной связи с Дантесом» *(А.А. Щербинин).*

«Жена Пушкина, безвинная вполне...» *(А.И. Васильчикова).*

«...о любви Дантеса известно всем» *(М.К. Мердер).*

«...будто бы была в связях с Дантесом. Но Соллогуб уверяет, что это сущий вздор» *(Н.И. Иваницкий).*

Любовная сторона

«...вовсе не ловелас, не дон-жуан... волокитство его не нарушало никаких великосветских петербургских приличий...» *(кн. П.А. Вяземский).*

«...княгиня напрямик объявила нахалу-французу, что она просит его свои ухаживания за женою Пушкина производить где-нибудь в другом доме» *(П.И. Бартенев).*

«Геккерен был педераст, ревновал Дантеса» *(П. В. Анненков).*

«...наиболее близкие к Геккерену люди избегали высказываться о том, какие отношения существовали между ним и Дантесом» *(Н.В. Чарыков).*

«Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккереном, или Геккерен жил с ним...» *(кн. А.В. Трубецкой).*

Служба

За 3 года подвергался взысканиям 44 раза.

Ум, остроумие

«...человек не глупый...» *(Данзас).*

«...умный человек... обладавший злым языком» *(ген. Гринвальд).*

«...человек дюжинный» *(кн. П.П. Вяземский).* «...остроумный француз-красавец... подкупал... своим острословием...» *(гр. В.Ф. Адлерберг).*

«Одна горничная (русская) восторгается твоим умом...» *(г-жа Дантес — Дантесу).*

Образование

«...весьма скудно образованный...» *(Данзас).*

«...он был пообразованнее нас, пажей...» *(А.В. Трубецкой).*

Характер, поведение

«...имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда»

(Данзас).

«...на меня произвел он неприятное впечатление своим ломанием и самонадеянностью...» *(С.М. Сухотин).*

«...прекрасно воспитанный, умный, высшего общества светский человек...» *(А.И. Злотницкий).*

«...заносчивый француз...» *(Н.Н. Пантелеев)* . «...отличный товарищ...» *(А.В. Трубецкой)* . «...понравился даже Пушкину...» *(Н.М. Смирнов)* . «...добрый малый, балагур...» *(кн. П.П. Вяземский)* . «Его считали украшением балов...» *(П.И. Бартенев)* . «Дантес уверял, что не подозревал даже, на кого он поднимал руку... не желал убивать противника и целил... в ноги... смерть... тяготит его» *(А.Ф. Онегин).*

«Это очень красивый и славный малый...» *(Пушкин в дек. 1836 г.).*

«...будто бы он, Дантес, и в помышлении не имел погубить Пушкина» *(Л.Н. Павлищев).*

«...с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном...» *(А.Н. Карамзин).*

Кто он таков?

«По рассказу Матюшкина, Дантес был сын сестры Геккерена и голландского короля» *(Я. Грот).*

«...иные утверждали, что он (Геккерен) его (Дантеса) считал сыном своим, быв в связи с его матерью...» *(Н.М. Смирнов).*

6 июня 1935 г.
В.В. Вересаев — М.А. Булгакову

Дорогой Михаил Афанасьевич! Не пугайтесь,— письмо самое миролюбивое. Я все больше убеждаюсь, что в художественном произведении не может быть двух равновластных хозяев, — разве только соавторы так притерлись друг к другу, настолько совпадают в вкусах, требованиях, манере писания, что милые бранятся, только тешатся. Хозяин должен быть один, и таким хозяином в нашем случае можете быть только Вы. Тут не может быть никакой торговли, никаких обменов «кружек» на «пистолеты», — это будет только обеднять и обескровливать произведение. Будем продолжать быть друг с другом так же откровенными, как были до сих пор. Сейчас положение такое. Вы в душе думаете: «Самое лучшее было бы, если бы Вересаев перестал мешаться в дело и предоставил мне в дальнейшем полную свободу; пусть пытается „социализировать“ пьесу, но чтобы я мог самодержавно отвергать его попытки, не тратясь на долгие препирательства». А я думаю: «Самое лучшее было бы, если бы Булгаков перестал мешаться в дело и предоставил мне свободу в полной переработке рукописи, как будто это был бы мой собственный черновик, — свободу в подведении общественного базиса, в исправлении исторически неверных образов Дантеса, отчасти Александрины и т. д.». Кто имеет большее право на осуществление своего желания? Несомненно, Вы. Вы — подлинный автор произведения, как автором «Ревизора» был бы Гоголь, хотя бы Пушкин дал ему не только сюжет, но и участвовал в фабульной его разработке и доставлении материалов.

Но выйти из дилеммы так просто! Вы назвали «угрозой» мое предложение снять с афиши мое имя. Это не угроза, а желание предоставить Вам законную свободу в совершенно полном выявлении себя. Повторяю, автором пьесы я себя не считаю, мне было очень неприятно, когда Вы заставили меня раскланиваться вместе с Вами на рукоплескания вахтанговцев [1], предложение мое о нашем взаимном праве печатать пьесу в собрании своих сочинений считаю в корне неправильным, — конечно, она может быть помещена только в собрании Ваших сочинений. Подумайте, Михаил Афанасьевич: ведь Вы получаете

---

[1] М.А. Булгаков 2 июня читал в Вахтанговском театре пьесу о Пушкине. Большой успех, аплодисменты. После чтения выступали артисты театра.

возможность и право полностью восстановить места, выкинутые под моим давлением или находящиеся под угрозой, — и признание Долгорукова в написании пасквиля [1], выстрел Дантеса, и байронически-зловещий образ Дантеса, и усиление одиночества Пушкина путем выключения его друзей, и отсутствие нажима на общественную сторону события и т. д. А что можно возразить против снятия с афиши моего имени? Только то, что немногое количество лиц, знающих о нашем сотрудничестве, скажет: «Вересаев снял свое имя с афиши». Так ли это страшно? Вы будете отвечать: «Ничего не мог поделать с Вересаевым: такой чудак! Свою консультантскую роль не считает сотрудничеством, которое давало бы ему право претендовать на соавторство». И я буду говорить то же самое, — дескать, какое же это соавторство? Только консультантство, — «при чем тут я»?

Я считаю Вашу пьесу произведением замечательным, и Вы должны выявиться в ней целиком, — именно Вы, как Булгаков, без всяких самоограничений. Вместе с этим я считаю пьесу страдающею рядом органических дефектов, которых не исправить отдельными вставками, как не заставить тенора петь басом, как бы глубоко он ни засовывал подбородок в галстук.

Все это вовсе не значит, что я отказываюсь от дальнейшей посильной помощи, поскольку она будет приниматься Вами как простой совет, ни к чему Вас не обязывающий. Попытаюсь дать свою сцену Геккерена с Дантесом, предложу свои варианты для вставок [2]. Вообще — весь останусь к Вашим услугам.

Ваш *В. Вересаев.*

Москва, 26.VII—35.
М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву

Пишу Вам, дорогой Викентий Викентьевич, по московскому адресу, Перхушково мне кажется чем-то очень сложным. Из квартиры Вашей сказали, что Вы тридцатого должны быть в Москве. Я пребываю то на даче, то в городе. Начал уже работать. Очищаю язык, занят превращением Арендта в Даля.

Если сделается что-нибудь для Мойки, пришлите, пожалуйста, мне заказным. Также и насчет Строганова. Вообще то, о чем мы говорили на последнем свидании.

У меня побывал режиссер Дикий [3] с дирекцией театра ВЦСПС, просили познакомить с пьесой. Прочел им.

Забыл Вам сказать, что мне несколько раз звонили из «Театра и драматургии». Вынь да положь сообщение о пьесе. И руками и ногами отбивался от этого. Во-первых, пьеса еще не отделана, а во-вторых, я совершенно не умею давать эти сообщения и считаю их ни к чему не нужными. Портрет хотели рисовать. И от портрета я отделался. Сказал «до осени, до осени», заявил, что мы с Вами еще не закончили работу.

В заграничной поездке мне отказали (Вы, конечно, всплеснете руками от изумления!), и я очутился вместо Сены на Клязьме. Ну что же, это тоже река.

Итак, жду от Вас известия и дружески желаю Вам самого лучшего, самого ценного, что есть на свете — здоровья.

---

[1] Прямого признания Долгорукова в написании пасквиля у Булгакова нет. Есть слова: «**Богомазов.** ...Ну, князь, прямо — кто? **Долгоруков.** Кто? Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос? А кто бы ни послал, так ему и надо! Будет помнить!» (1 карт. 2 д., с.318).

[2] Из вересаевских вариантов Булгаков использовал некоторые материалы для сцены на Мойке (2 карт. 4 д., с. 352 и 353), а также для образа Строганова (1 карт. 3 д., с. 333—335).

[3] Режиссер Алексей Денисович Дикий в то время (1931—1936) руководил Театром имени ВЦСПС.

Ваш *М. Булгаков.*

Москва, 1.VIII—35.
В.В. Вересаев — М.А. Булгакову

Дорогой Михаил Афанасьевич! На этот раз я очень обрадовался, узнав, что Вы гуляете не по берегам Сены, Тибра или Арно, а по берегам Клязьмы. Я не мог себе представить, как из такого короткого срока, какой нам остается, вырвать целых три месяца. Пьеса может быть шедевром, но работы над ней еще чудовищно много. После несравненных двух первых сцен идет непрерывное снижение. Сцена дуэли и смерти Пушкина всех, — по кр. мере моих слушателей, — жестоко разочаровывает. Говорят: «Над простой сводкой материала в вашей книге мы не можем удержаться от слез, а тут — остаемся совершенно равнодушными». Центральная по идее сцена на Мойке ужасна по своей серости, и я боюсь, что на ней мы сломаем себе голову. Я написал, — но у меня тоже ничего не вышло. Над головой, как дамоклов меч, висит: «это не сценично», «это не дойдет», «недопустимы разговоры на фоне толпы». Несколько раз перечитал пьесу, — и все яснее для меня стала неприемлемость многих мест. Махнул рукой и решил все без церемонии переделывать, — как бы, по-моему, это нужно сделать. А там будь что будет: может быть, получатся две пьесы, которых совсем нельзя будет согласовать, а может быть, — как-нибудь сговоримся. Совершенно заново написал сцену у Геккерена, написал сцену дуэли, совершенно изменил все разговоры Дантеса с Нат. Ник. Кажется мне совершенно лишнею сцена привоза раненого Пушкина. Попытаюсь дать сцену последних часов жизни Пушкина и первых часов после его смерти. Между прочим, по поводу Дантеса: от целого ряда слушателей услышал убийственное замечание, которое сам я постеснялся Вам сделать: что романтический Дантес пьесы целиком заимствован из «Записок д'Аршиака» Гроссмана. С этим не поздравишь! Кстати: сегодня узнал, что Л. Гроссман с каким-то драматургом, кажется, Базилевским (есть такой?) — тоже пишут пьесу на тему смерти Пушкина.

Концовка бала, может быть, удовлетворит Вас, где будет по-Вашему, а историч. правда не будет нарушена. На слова Богомазова: «А люто вы ненавидите Пушкина», — Долг-в отвечает: «Нисколько! Прекрасный поэт и славный малый. Но забавно, — рога спереди, рога сзади. И какие рога! Царские! Чем не кандидат в заместители председателя светлейшего ордена рогоносцев, его прев. Дм. Л. Нарышкина!» Вот это слышит Вор.-Дашкова, повторяет эти слова в упор Долгорукову и бросает ему: «Это вы в ноябре послали П-ну диплом!» А он в ответ: «Что вы, графиня, как можете вы подозревать меня в такой гнусности!» Она его называет подлецом и выгоняет [1].

Вы не огорчайтесь и не сердитесь на меня, а я работой увлекся и работаю вовсю. К сентябрю, думаю, кончу. Тогда сойдемся. Как? Врагами? Или оба — с одним только желанием, чтобы пьеса вышла как можно лучше?

Ваш *В. Смидович.*

Москва, 16. VIII—35.
М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву

Дорогой Викентий Викентьевич!

---

[1] Вересаевский вариант концовки бала не был принят Булгаковым. Текст сцены — Булгакова (1 карт. 2 д., с. 318 и 319).

Я закончил изучение Вашего материала, который мне вручили у Вас на квартире.

Итак, попрошу у Вас внимания, хотя бы в той мере, как Вы уделили его Вашим слушателям (на самом же деле мне следовало бы уделить его больше).

Пользуясь намеченной Вами на Мойке речью армейца, я начинаю монтировку ее после стихотворения, читаемого студентом, Это трудное дело, но попытаюсь трудности преодолеть [1].

Вы выражали опасение, что на сцене Мойки мы сломаем себе голову, и добавили, что у Вас с нею тоже ничего не вышло. К счастью, в первом, как это мне уже доказали вахтанговцы и как я сам это понимаю чутьем, Вы ошибаетесь — сцена на Мойке готова и сильна, а относительно второго я с Вами согласен: Ваш вариант не вышел, и это вполне понятно. Нельзя же, работая для сцены, проявлять нежелание считаться с основными законами драматургии.

Нарастающую и действенную сцену Вы разрезали двумя длинными и ненужными репликами профессора (Вы полагали, что рассказ о запрещении студентам явиться к гробу прозвучит со сцены, а он не звучит совсем и звучать не может именно потому, что он простой рассказ, а не сценическое событие), лишили Кукольника его сцены, замешали Кукольника в толпу с ненужной фразой: «Посмотрите, профессор, сколько народу собралось...» — уничтожили выступление студента, как бы нарочно для этого поставив ремарку «начало за разговорами плохо слышно», затем еще раз остановили действие после стихов, введя двух студентов с искусственной и странной репликой: «Что Пушкин? Как его здоровье?» — уничтожили армейца (ему нужно вступать немедленно после студента, накалившего толпу) и, наконец, убили все-таки Пушкина в этой сцене, убравши заключительный хор.

Да, вы сломали голову этой сцене, но новой сцены не построили.

Выход простой, он был ясен давным-давно — не нужно было трогать этой сцены.

Для Строганова я из Вашего материала использую карбонаризм и либерализм.

Что же видно из остального материала? Видно, и очень отчетливо, следующее:

По всем узлам пьесы, которые я с таким трудом завязал, именно по всем тем местам, в которых я избегал лобовых атак, Вы прошли и с величайшей точностью все эти узлы развязали, после чего с героев свалились их одежды, и всюду, где утончалась пьеса, поставили жирные точки над «и».

Проверяя сцену Жуковского и Николая на балу, я с ужасом увидел фразу Николая: «Я его сотру с лица земли». Другими словами говоря, Николай в упор заявляет зрителю, прекращая свою роль: «Не ошибитесь, я злодей», а Вы, очевидно, хотите вычеркнуть сцену у Дубельта, где Николай, ничем себя не выдавая, стер Пушкина с лица земли.

Вам показалось мало того, что Геккерен в пьесе выписан чернейшей краской, и Вы, не считаясь ни с предыдущими, ни с последующими сценами, не обращая никакого внимания на то, что для Геккерена составлен специальный сложный характер, вставляете излишний, боковой, посторонний номер с торговлей — упрощенческий номер.

Но и этого мало. Тут же еще Дантес позволяет себе объяснить зрителю, что Геккерен — спекулянт. Причем все это не имеет никакого отношения ни к трагической гибели поэта, ни к Дантесу, ни к Наталье, вообще не имеет права на существование в этой пьесе.

Я обессилел в свое время, доказывая, что Долгоруков не может заикнуться о своих правах на российский престол, он не может говорить об этом с Богомазовым. Но Вы не внемлете мне. Неужели Вы думаете, что следующей картиной должна быть картина ареста Долгорукова и ссылка его в Сибирь или отправление его на эшафот?

В пьесе нарочито завуалированы все намеки на поведение Николая в отношении

---

[1] Вся эта сцена, написанная Вересаевым, не была включена в пьесу. Сцена на Мойке написана М.А. Булгаковым с использованием некоторых материалов, данных Вересаевым (2 карт. 4 д., с. 352 и 353).

Натальи, а Вы останавливаете действие на балу, вводя двух камергеров, чтобы они специально разжевали публике то, чего ни под каким видом разжевывать нельзя.

На том основании, что Вам не нравится изображенный Дантес, Вы, желая снизить его, снабдили его безвкусными остротами, чем Дантеса нового не создали, но авторов снизили чрезвычайно. Ведь не может же быть речи о произнесении со сцены каламбура «в ложе» и «на ложе»! Я подозреваю, что театр снял бы этот каламбур, если бы мы даже и поместили его.

Любовные отношения Натальи и Дантеса приняли старинную форму грубейшего флирта, который ни в какой связи с пьесой не стоит. Нельзя же говорить о том, что сколько-нибудь возможен этот поцелуй на балу, тем более что Дантес, очевидно, забывает, что он уже целовался в первой картине, и в обстоятельствах совершенно иных.

Дантесу, которого Вы предъявляете, жить в пьесе явно и абсолютно нечем, и естественно вполне, что он начинает говорить таким языком, который повергнет в изумление всех. В самом деле, Дантес, объясняя свои отношения к Наталье, выражается так: «Тут одинаково и дело страсти, и дело самолюбия...» То есть, он не действует и не говорит, а кто-то за него, его устами говорит и явно языком из какого-то исследования о Дантесе.

Доходит до того, что Дантес уже не острит, а рассказывает о том, как он сострил на балу («законная»).

Викентий Викентьевич, сказать, что мой Дантес плох, — можно, но этого еще недостаточно — нужно показать другого Дантеса.

То, что Вами написано, это не только не Дантес, это вообще никто, эту роль даже и сыграть нельзя.

Я пишу Долгорукова ненавидящим весь мир и, в частности, Пушкина, а Вы тут же и сейчас же даете ему слова «прекраснейший поэт и очень славный малый», то есть Вы хотите уничтожить роль Долгорукова?

В концовке дуэли... впрочем, я не буду длить этот разбор. Я знаю, что русские литературные споры кончаются тем, что каждая сторона остается при своем мнении. Я хочу сказать короче.

Вы мне, разбирая мою работу, всегда говорили в упор все. И это правильно. Лучше выслушать самую злую критику, чем заблуждаться и продолжать оставаться в заблуждении. Я вам хочу открыть, почему я так яростно воюю против сделанных Вами изменений.

Потому что Вы сочиняете — не пьесу.

Вы не дополняете характеры и не изменяете их, а переносите в написанную трагедию книжные отрывки, и благодаря этому среди живых и, во всяком случае, сложно задуманных персонажей появляются безжизненные маски с ярлыками «добрый» и «злодей».

Ведь девушка (Мойка), произносящая безжизненную фразу «умер Пушкин», ведь она же не живая? Да ведь Дантес мертвый!

Не только данный Вами текст, но даже ремарки выдают эти маски с головой («скрывая победную улыбку, следит за ее действиями» и другие).

Викентий Викентьевич, такие ремарки нельзя давать в театр. Предоставьте эту сторону дела мне.

Передо мною два Ваших письма. В первом, от шестого июня, Вы называете пьесу — произведением замечательным, а меня — подлинным автором этого произведения. Предлагаете мне выявиться в ней целиком, потому что я имею на это большее право.

А так как в пьесе есть вещи, с которыми Вы не согласны, предлагаете мне подписать пьесу одному. Свою помощь Вы при этом предлагаете мне как простой, ни к чему не обязывающий меня совет.

Я оценил это письмо и в свою очередь просил Вас дать еще дополнения и именно Мойку и Строганова, с тем, что я их использую, затем отглажу пьесу и затем предоставлю Вам судить хотите ли Вы ее подписать или я подпишу один.

На том и порешили. Но после этого пришло Ваше письмо от первого августа, совершенно противоположное по содержанию июньскому, и Ваш материал, в котором не

дополнения, а полная ломка уже готовой пьесы. При этом все сломанное Вы или ничем не заменяете, или предлагаете заменить тем, что заведомо не драматургично и что ясно снижает или совершенно уничтожает написанное.

Я Вас прошу вернуться к Вашему июньскому письму и поступить так, как Вы сами предложили, то есть предоставить мне возможность отделать пьесу (еще раз повторяю, она готова) и, наконец, сдать ее вахтанговцам.

Вы ознакомитесь с окончательным экземпляром, и, если принципиально не примете моих трактовок, я подпишу пьесу один. В материальные наши отношения, как мы уговорились, это не вносит никаких изменений.

Из этого, конечно, никак не следует, что мы должны сделаться врагами.

Чем скорее Вы мне дадите ответ, тем более облегчите мою работу. Я, Викентий Викентьевич, очень устал.

Ваш *М. Булгаков.*

22.VIII—35 г.
В.В. Вересаев — М.А. Булгакову

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Иного ответа я от Вас и не ожидал. Мне ясен основной источник наших несогласий — органическая Ваша слепота на общественную сторону пушкинской трагедии. Слепота эта и раньше была в Вас сильна, а теперь, отуманенному похвалами поклонников, Вам еще труднее почувствовать дефекты Вашей пьесы в этом отношении. Показательна история разговора Николая с Жуковским на балу. Я Вам предложил в качестве материала схему этого разговора. Вы ее отвергли и заставили Николая негодовать только... на фрак Пушкина! Под моим давлением Вы ввели упоминание о декабристах и Пугачеве, но настолько этим не смогли зажечься, что, не переплавив, механически вписали в пьесу мою черновую схему. Для Вас это была та же жирная точка над «и», которую Вы скрепя сердце предоставили поставить в пьесе моей руке.

Та же слепота сказывается и в большинстве других возражений. В разговоре «двух камергеров» [1]. Вы усмотрели только разжевывание публике завуалированных Вами отношений Николая к Наталье (нашептывает ей, что ездит мимо ее квартиры и с огорчением видит завешенные окна [2]— вот так вуаль!). Разговор, с одной стороны, рисует для нас невероятное, но исторически верное холопство людей высшего света, за великую честь почитающих класть императору в постель своих жен и дочерей; с другой — рисует моральное в этой среде одиночество Пушкина, суммирующееся с прочими его одиночествами — общественным, литературным, семейным и пр. Для Вас это — только жирная точка.

Геккерен, — мелкий мерзавец, которого брезгливо сторонились другие члены дипломатического корпуса, — слишком, видите ли, упрощается и чернеет, если он будет показан еще и как беззастенчивый спекулянт. Исторически верная и полная характеристика Геккерена и его содержанки Дантеса, — фактических убийц Пушкина, — это — «боковой номер» для пьесы!.. «Слишком черно!» Почему же Вы в «Турбиных» сочли возможным одними черными красками рисовать полковника-крысу и звероподобных петлюровцев?

---

[1] Разговор «двух камергеров», предложенный Вересаевым, не был вставлен в текст пьесы.

[2] Вересаев пишет о I сцене 2 д., о разговоре Николая I с Пушкиной (с. 311).

Строганов, во имя великосветской «чести» посылающий оскорбителей Пушкина на убийство национального поэта, — и это жирная точка. Плачущая девушка, на вопрос студента отвечающая: «Умер Пушкин!» — мертва. А обыватель, недовольный, что ему загораживают вход в его квартиру [1] — живой, сценичный персонаж. Что же это?

Ну, да что продолжать! Мы говорим на разных языках. Я только одного не понимаю. Вы глубоко убеждены в полной несценичности всего, мною предложенного. Почему же Вы так настойчиво протестуете против предложения театру на сравнение и моих вариантов? Театр с улыбкою их отвергнет, Вы докажете свою правоту, и все будет очень хорошо.

Я за лето измучил Вас, Вы измучили меня. Оба мы готовы друг друга ненавидеть. Дальше идти некуда. Делайте с пьесой, что хотите, отдавайте в театр в том виде, в каком находите нужным. Я же оставляю за собой право, насколько это для меня окажется возможным, бороться за устранение из Вашей прекрасной пьесы часто изумительно ненужных нарушений исторической правды и усиление ее общественного фона.

Преданный Вам *В. Вересаев.*

Пора бы нам заключить договор о наших правах на пьесу и уточнить наши взаимоотношения как соавторов. Я, напр., полагаю, что если Вы считаете себя вправе прочесть пьесу Дикому, так и я вправе прочесть ее в пушкинской комиссии.

Москва, 27. VIII—35.
М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву

Дорогой Викентий Викентьевич!

Я получил Ваше письмо от 22 августа, в котором Вы пишете, чтобы я отдавал пьесу в театр в том виде, в каком нахожу нужным, но что Вы оставляете за собой право бороться, насколько это окажется для Вас возможным, за устранение нарушений исторической правды в этой пьесе и за усиление ее общественного фона.

Я полагаю, что Вы, совершенно справедливо писавший мне о том, что в художественном произведении не может быть двух равновластных хозяев, что хозяин должен быть один и что таким хозяином в нашем случае могу быть только я, имеющий на это большее право. Вы, написавший мне такие слова: «Все это вовсе не значит, что я отказываюсь от дальнейшей посильной помощи, поскольку она будет приниматься Вами как простой совет, ни к чему Вас не обязывающий», — не можете даже поднимать вопроса о такой борьбе.

А теперь о деловых вопросах, которые Вы затронули в Вашем письме.

Относительно представления пьесы в театры. Выправив пьесу, я направлю Вам копию окончательного экземпляра, на котором поставлю, как ставили и раньше, две фамилии — М. Булгаков и В. Вересаев. Если Вы, ознакомившись с окончательной редакцией пьесы, пожелаете подписать ее вместе со мною, я направлю ее с двумя подписями в театр. Если же Вы пожелаете снять свою подпись и известите меня об этом, я пошлю пьесу в театры под одной моей фамилией.

Относительно чтения пьесы: Вы имеете право читать пьесу только частным лицам, я имею право читать пьесу частным лицам и всем режиссерам, директорам и представителям любых театров, которым я найду нужным читать, — в силу того, что по нашей договоренности на меня возложена работа по заключению договоров с театрами и такие чтения являются не только моим правом, но и обязанностью.

---

[1] В окончательный текст пьесы указанный Вересаевым персонаж обывателя не вошел (сцена на Мойке).

Пушкинской же комиссии или иным каким-нибудь комиссиям или учреждениям ни Вы, ни я не имеем права читать пьесу порознь, так как это дело очень серьезной согласованности не только соавторов, но и соавторов с театрами, с которыми есть договоры.

Относительно предложенных Вами вариантов: с моей стороны нет возражений против того, чтобы Вы представили их в театры. Если Вы решите это сделать, Вам надлежит направить эти варианты в Вахтанговский театр в Москве и в Красный Театр в Ленинграде с объяснительным письмом и с уведомлением меня об этой посылке. Я же со своей стороны сообщу театрам о своем категорическом отказе от включения этих вариантов в пьесу, так как они, по моему заключению, смертоносны для пьесы.

Относительно договора между соавторами: конечно, его надо заключить. Ввиду того, что Вы объявлением борьбы создали тяжкое по запутанности положение, я предоставляю Вам выработать формулу договора. Мы обсудим ее и, в случае отсутствия разногласий, подпишем договор.

Одно положение в этом договоре я вижу как бесспорное и незыблемое: соавторы делят гонорар по этой пьесе пополам, то есть один соавтор получает 50% и другой также — 50% [1].

Ваш *М. Булгаков.*

Москва, 29.VIII—35.
М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву

Дорогой Викентий Викентьевич!

Я говорил с Борисом Евгеньевичем Захава о наших текстовых разногласиях.

Он предлагает собраться некоторым из вахтанговцев и нам, чтобы обсудить вопрос об этих разногласиях. По этому поводу он Вам напишет письмо.

Ваш *М. Булгаков.*

4 сентября 1935.
В.В. Вересаев — М.А. Булгакову

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Я считаю нашу встречу с вахтанговцами совершенно бесполезною: разногласия наши слишком существенны, чтобы их можно было как-нибудь согласовать. В этом смысле я и отвечаю Б.Е. Захаве.

Варианты мои были представлены Вам в черновом виде, о чем Вы можете судить по моим заметкам на полях. Их нужно бы еще перерабатывать, но мне сейчас неприятно и думать о пьесе. Так что вариантов своих не представляю. Что еще нужно для Вашего успокоения? Отказ мой от «борьбы»? Но не поняли же Вы ее в том смысле, что я, напр., собираюсь поднять в печати кампанию против Вашей пьесы или сделать в репертком донесение о ее неблагонадежности. Желательно Вам, чтобы я на репетициях молчал? Или чтобы пьесу я впервые увидел на премьере? Сообщите, что нужно, чтобы прекратились

---

[1] Договор между М.А. Булгаковым и В.В. Вересаевым был заключен, в нем было два пункта. Первый — о том, что драматургическая часть предоставляется М.А. Булгакову, а подбор исторических материалов — В.В. Вересаеву. Второй — о том, что все виды гонораров по этой пьесе разделяются между соавторами пополам.

Ваши огорчения.

В Москву я приеду в середине сентября.

Преданный Вам *В. Вересаев.*

Москва, 10 сентября 1935.
М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву

Дорогой Викентий Викентьевич!

Вы спрашиваете, что нужно для моего успокоения? Не только для моего успокоения, но и для обоих соавторов, и для пьесы необходимо, по моему мнению, следующее:

Теперь, когда наступает важный момент продвижения пьесы в театры, нам необходимо повсюду, в том числе и в письмах, воздержаться от резкой критики работы друг друга и каких-либо резких мотивировок. Иначе может создаться вокруг пьесы нездоровая атмосфера, которая может угрожать самой постановке.

Примите во внимание, что я пишу это, имея серьезные основания.

Кроме того, до начала репетиционных работ я очень прошу Вас воздержаться от чтения пьесы, потому что, как выяснилось, слушатели (мои ли, Ваши ли, безразлично) нередко служат источником всяких ненужных слухов, которые могут быть вредны опять-таки для постановки.

При этом письме я посылаю Вам и одновременно — чтобы не терять времени — в театры окончательный экземпляр с двумя фамилиями. Просмотрите его. Если Вы найдете нужным оставить Вашу фамилию, я буду очень рад. Если же нет, то сообщите об этом мне. Я дам знать театрам о снятии Вашей фамилии по Вашему желанию.

Позволю себе дать Вам дружелюбный совет: просматривая экземпляр, имейте в виду, что мною было сделано все возможное, чтобы учесть художественные намерения обоих авторов.

Ваш *М. Булгаков*

19/XII—35.
В.В. Вересаев — М.А. Булгакову

Дорогой Михаил Афанасьевич!

В соответствии с выраженным Вами согласием я решаю снять свое имя с нашей пьесы «Александр Пушкин», каковую прошу впредь именовать просто: «М.А. Булгаков. Александр Пушкин». Об этом уполномочиваю Вас сообщить театрам, с которыми мы заключили договоры. Театр Вахтангова я извещаю сам.

Преданный Вам *В. Вересаев.* [1]

---

[1] Решив сохранить вступительное слово и комментарии Е.С. Булгаковой, мы почувствовали необходимость дополнить их, учитывая тот факт, что «Письма» рассчитаны на массового читателя; к тому же за последнее время о Пушкине появилось много интересных, значительных работ, которые необходимо использовать или просто иметь в виду при чтении и переписки, и пьесы «Последние дни» («Пушкин»).

Вересаев (псевдоним, настоящая фамилия Смидович) *Викентий Викентьевич* (1867—1945) — русский советский писатель, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1888 г., а в

1894 г. медицинский факультет Дерптского университета. Печататься начал с 1885 г., но обратил внимание читателей и критики только после того, как опубликовал повести «Без дороги» (1895), «На повороте» (1902), «Два конца» (1899—1903); широкую популярность приобрели его «Записки врача» (1901), много раз переиздававшиеся различными издательствами. «Рассказы о войне» (1906) и «На войне» (1907—1908) — итог его пребывания на русско-японской войне (1904—1905) в качестве врача и корреспондента. Кроме того, до революции В.В. Вересаев опубликовал повесть «К жизни» (1909), исследовательскую работу «Живая жизнь» о Достоевском, Льве Толстом и Ф. Ницше. После Великой Октябрьской революции В.В. Вересаев создает два романа об интеллигенции во время революции — «В тупике» (1922) и «Сестры» (1933), публикует воспоминания «В юные годы» (1927) и «В студенческие годы» (1929), несколько биографических книг: «Пушкин в жизни» (1926—1927), «Гоголь в жизни» (1933), «Спутники Пушкина» (1934—1936) и др. В 1945 г. В.В. Вересаеву была присуждена Сталинская премия за достижения в области литературы.

Как явствует из переписки, В.В. Вересаев должен был поставлять материал для пьесы, а Булгаков создавать ее. Иными словами, Булгаков полностью зависел от того, что представлял ему В. Вересаев, который только что опубликовал «Пушкин в жизни» и «Спутники Пушкина».

«Пушкин в жизни» — это «систематический свод подлинных свидетельств современников», это выписки из документов, писем, воспоминании современников. «В течение рада лет я делал для себя из первоисточников выписки, касавшиеся характера Пушкина, его настроений, привычек, наружности и пр. По мере накопления выписок я приводил их в систематический порядок. И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мной — оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встает совершенно как живой» — так, по словам В.В. Вересаева, возникла эта книга.

В этой книге собраны не только свидетельства современников, хорошо знавших Пушкина, но и слухи, сплетни, легенды... По замыслу В. Вересаева, эта книга должна представить не только великого поэта, но и «дитя ничтожное мира», «грешного, часто действительно ничтожного, иногда прямо пошлого».

Как известно, Булгаков не стал выводить Пушкина на сцену, такт и любовь к гению России избавили его показывать Пушкина как «дитя ничтожное мира». Но материалы, представленные ему о Наталье Николаевне, свидетельствовали о резко отрицательном отношении к ней как виновнице гибели Пушкина.

Клеветнические измышления о Н.Н. Пушкиной имели распространение еще при жизни Пушкина и после его смерти. Все эти свидетельства, собранные в широко известной книге П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшей еще в 1916 г. и не раз потом переизданной, без всяких критических комментариев перешли и в книги В.В. Вересаева, к тому же и дополненные подобным «материалом». Так что перед читателями этих книг возникал образ коварной и эгоистичной светской обольстительницы, ничего общего не имеющей с реальной Н.Н. Пушкиной.

И М.А. Булгаков оказался в плену этой «концепции», этих слухов.

Следует отметить, что вступительная статья Е.С. Булгаковой к переписке Булгакова с Вересаевым и ее комментарии к этим письмам, естественно, не исчерпывают всех сопутствующих творческому содружеству двух известных писателей обстоятельств. Некоторые подробности можно почерпнуть из дневников Е.С. Булгаковой. Нам представляется целесообразным привести те ее записи, которые непосредственно отражают процесс создания пьесы «Пушкин». Записи приводятся в хронологической последовательности.

«*25 августа* [1934 г.] [...] У М. А. возник план пьесы о Пушкине. Только он считает необходимым пригласить Вересаева для разбора материала.

М. А. испытывает к нему благодарность за то, что тот в тяжелое время сам пришел к М. А. и предложил в долг деньги.

М. А. хочет этим как бы отблагодарить его, а я чувствую, что ничего хорошего не получится. Нет ничего хуже, когда двое работают.

9 декабря. Днем у Викентия Викентьевича. Отнесли ему последнюю тысячу Мишиного долга. Обоим нам стало легче на душе.

Решено огласить Мишину идею, то есть, что пьеса без Пушкина.

На обратном пути, в гастрономическом магазине на Арбате, случайная встреча с Руслановым 71.

Спрашивал, над чем работает Миша. Я сказала, что Михаил Афанасьевич сейчас очень занят, тут и пьеса для „Сатиры“, и кино, но главное — это его новый замысел — его работа над Пушкиным вместе с Вересаевым.

У Русланова глаза стали как фонари у автомобиля. Подошел Миша, Русланов — с вопросами. Миша сказал, что его решение — делать пьесу без Пушкина.

Русланов тут же попросил разрешения позвонить на этих же днях.

11 декабря. Позвонил днем Русланов и пришел сейчас же. Страшно заинтересован. Любезен чрезвычайно [...] Разговор начал с того, что Театр и сам давно хотел обратиться к М. А. по поводу Пушкина, только они не надеялись, что М. А. заинтересуется.

Мы на это вежливо молчали.

12 декабря. Днем были у Вересаева. Разговор о Русланове. Решено идти на договор. Отдыхаю душой, когда они говорят о Пушкине.

16 декабря. Днем Миша с Вересаевым были у вахтанговцев — договорились.

17 декабря. Миша со мной у Ванеевой — директора Вахтанговского театра. Договорились материально, подписал договор [...] После этого — Миша на репетиции „Мольера“, а у меня разговор с Егоровым [...] Имел

наглость удивиться, что Миша пишет пьесу для другого театра, а не для МХАТ. Что могла — все сказала ему, о всех издевательствах, которые они проделывали над Мишей в течение нескольких лет, что они сделали с „Бегом“, что они делают с „Мольером“, которого репетируют несколько лет!

18 декабря. Прекрасный вечер: у Вересаева работа над Пушкиным. Мишин план. Самое яркое: в начале — Наталья, облитая светом с улицы ночью, и там же в квартире ночью тайный приход Дантеса, в середине пьесы — обед у Салтыкова (чудак, любящий книгу), в конце — приход Данзаса с известием о ранении Пушкина.

22 декабря. [...] Вообще, эти дни Миша мучается, боится, что не справится с работой: „Ревизор“, „Иван Васильевич“ и надвигается „Пушкин“.

28 декабря. Я чувствую, настолько вне Миши работа над „Ревизором“, как он мучается с этим. Работа над чужими мыслями из-за денег. И безумно мешает работать над Пушкиным. Перегружен мыслями, которые его мучают [...]

К 9 вечера — Вересаевы. Работа над пьесой. Миша рассказывал, что придумал, и пьеса уже видна. Виден Николай, видна Александрина — и самое сильное, что осталось в памяти сегодня, сцена у Геккерена — приход слепого Строганова, который решает вопрос — драться или не драться с Пушкиным Дантесу.

Символ — слепая смерть со своим кодексом дуэли убивает.

Сегодня звонил Русланов, зовут вахтанговцы встречать у них Новый год. Но мы не хотим — будем дома [...]

31 декабря. Кончается год. И вот, проходя по нашим комнатам, часто ловлю себя на том, что крещусь и шепчу про себя: „Господи! Только бы и дальше было так!“

1 января 1935 г. [...] А вечером мне Миша диктовал „Ревизора“.

12/II. Днем ходили с М. на лыжах по Москве-реке. Хорошо!! Вечером — у Вересаевых. Миша читал 4, 5, 6, 7 и 8 картины пьесы. Впечатление сильное, я в одном месте (сумасшествие Натальи) даже плакала.

Старикам больше всего понравилась четвертая картина — у Дубельта. Вообще же они вполне уверены в том, что пьеса будет замечательная, несмотря на то, что после чтения они яростно критиковали некоторые места: старик — выстрел Дантеса в картину, а М. Г. оспаривала трактовку Нат. Ник. Но она не права, — это признал и В. В.

18/II. Вечером были у Вересаева, там были пушкинисты. Я, по желанию В. В., сделала небольшой доклад по поводу моего толкования некоторых записей Жуковского о смерти Пушкина и его последних днях [...] Видимо, кажется, неплохо. И Миша очень похвалил, и пушкинисты.

26 марта [...] Миша продиктовал мне девятую картину — набережная Мойки. Трудная картина — зверски! Толпу надо показать. Но, по-моему, он сделал очень здорово!

Я так рада, что он опять вернулся к Пушкину. Это время из-за мучительства у Станиславского с „Мольером“ он совершенно не мог диктовать, но, по-видимому, мысли и образы все время у него в голове раскладывались, потому что картина получилась убедительная и выношенная основательно. Замечательная концовка сцены — из темной подворотни показываются огоньки — свечки в руках, жандармы... Хор поет: „Святый Боже...“

5 апреля. Миша у Вересаевых [...] Читал две последние картины из „Пушкина“ вчерне.

6 апреля. Вечером был Русланов. Миша ему рассказал содержание пьесы, и, по-моему, на того произвело впечатление.

По дороге [...] говорили о том, как назвать ее. Русланов думает, что лучше, если пьеса будет называться „Пушкин“.

9 апреля. [...] Вечером зашел к нам Вересаев по звонку Миши. Миша с ним говорил о предложении Серг[ея] Ермол[инского] инсценировать будущего „Пушкина“. Вересаев сказал: „Я уже причалил свою ладью к вашему берегу, делайте как вы находите лучшим“. По-видимому, старику понравилось предложение. Он только спросил, „устраивает ли сценариста пьеса без Пушкина“.

Потом ушел наверх к Треневу, где справлялись именины его жены. А через пять минут появился Тренев и нас попросил придти к ним [...]

Там была целая тьма малознакомого народа [...] Миша сидел рядом с Пастернаковой женой [...] Потом приехала цыганка Христофорова, пела. Пела еще какая-то тощая дама с безумными глазами. Две гитары [...] Шумно [...] Когда выпили за хозяйку первый тост, Пастернак сказал: „Я хочу выпить за Булгакова“. Хозяйка вдруг с размаху — „Нет, нет! Мы сейчас выпьем за Викентия Викентьевича (Вересаева), а потом за Булгакова“, на что Пастернак упрямо заявил: „Нет, я хочу за Булгакова. Вересаев, конечно, очень большой человек, но он — законное явление, а Булгаков — незаконное“. Билль-Белоцерковский 72 и Кирпотин73 опустили глаза — целомудренно.

18 мая. В 12 ч. дня Миша читал пьесу о Пушкине. Были Русланов, Рапопорт, Захава, Горюнов 74 и, конечно, Вересаевы. Вахтанговцы слушали очень хорошо, часто обменивались взглядами такими, как когда слушаешь хорошую вещь. А? Каково! Очень тонко чувствуют юмор, очень были взволнованы концом. Одним словом, хорошо слушали. Да, сказать правду, уж очень пьеса хороша!

А старики были недовольны — он — тем, что плохо слышит (а не может же Миша орать при чтении!) — она — тем, что ей, видимо, казалось, что Вике мало внимания оказывают.

20 мая. Оглушительное событие: Вересаев прислал Мише совершенно нелепое письмо. Смысл его тот, что его не слушают. В частности, нападает на роль Дантеса и на некоторые детали [...] Целый день испортил, сбил с работы. Целый день Миша составлял ему письмо.

Вышло основательное, резкое письмо. В частности, я напомнила Мише про одну деталь, касающуюся

Дубельта. Миша поместил цитату в письме.

22.V. [...] Вдруг звонок по телефону. Старик предлагает забыть письма. Все приходит в норму, по-видимому. Цитатой был оглушен. „— Давайте поцелуемся хоть по телефону“.

28.V. [...] Миша диктует все эти дни „Пушкина“. Второго июня чтение в Вахтанговском театре, а 31-го мая он хочет нескольким знакомым дома прочесть.

29.V. Сегодня Миша закончил первый вариант Пушкина. Пришел старик и взял экземпляр. Завтра — сговорились — он придет вечером для обсуждения.

30.V. Был Вересаев. Начал с того, что стал говорить о незначительных изменениях в ремарках и репликах (Никита не в ту дверь выходит, прибавить слово „на театре“ — и все в таком роде).

— А об основном позже буду говорить [...]

Миша говорит, что старик вмешивается в драматургическую область, хочет ломать образ Дантеса, менять концовку с Битковым и так далее. Сначала разговор шел в очень решительных тонах, В. В. даже говорил о том, что, может быть, им придется разъехаться, и он снимет свою фамилию [...] Но потом опять предложил мириться. Решено первого опять встретиться.

1 июня. Вчера, 31-го, было чтение [...] Читал Миша первоклассно, с большим подъемом, держал слушателей в напряженном внимании [...] Оля 75 сказала, уходя: пройдут века, а эта пьеса будет жить. Никто, никогда так о Пушкине не писал и не напишет.

Сереже Ерм[олинскому] и Конскому 76 невероятно понравилась пьеса, они слов не находят для выражения наслаждения ею [...]

Часа в четыре ночи Дмитриев позвонил — чем больше он думает, тем больше понимает, как замечательна пьеса. Она его встревожила, он взволнован, не может спать. Она так необычна, так противоречит всему общепринятому [...]

Яншин слушал тяжело, в голове у него в это время шевелились мысли, имеющие отношение к пьесе, но с особой стороны.

Он сказал потом, что эта пьеса перекликается с Мольером и что Мишу будут упрекать за нее так же, как и за Мольера. За поверхностность (?), что он, как актер, знает, что это не так; потом говорил, что ему не понравились Наталья, Дантес и Геккерен.

В общем, резюме — очень интересное чтение, очень интересный вечер. Я счастлива этой пьесой. Я ее знаю почти наизусть — и каждый раз — сильное волнение.

2 июня. Сегодня Миша читал „Пушкина“ вахтанговцам. Успех — большой. После чтения говорили сначала артисты, потом Миша и Вересаев. Мише аплодировали после его слов (так же, как и после чтения).

22 августа. Прервался мой дневник, потому что суматошная шла жизнь, и просто нет сил уследить за всеми событиями и записать. Не записано: отказ в поездке за границу, история с Вересаевым, которая выражалась в том, что старик наделал жутких неприятностей — вмешался в драматургическую часть, предложил чудовищные по пошлости варианты, пытался вести борьбу за эти варианты. Восстановить все это, конечно, нельзя [...]

26 августа. Судакову нужен „Пушкин“. Сегодня Женя Калужский, Арендт 77, Леонтьев и Судаков слушали у нас пьесу. Впечатление чрезвычайно сильное.

29/VIII. Марков, Виленкин, Сахновский, Топорков, Федя 78, Калужский, Мордвинов 79 [...] — „Пушкин“. Впечатление опять такое же. Явно уцепились за пьесу [...] Федя: это нужно ставить только Станиславскому.

Как раз он-то и погубил бы пьесу!

11/IX. Звонок. Возбужденный Илья 80 передает, что Акулов 81 сказал, чтобы ему дали пьесу на просмотр. Запаковала, надписала, послала в адрес Акулова. Повезут через Театр. Теперь пойдет всякая кутерьма между вахтанговцами и мхатчиками.

20/IX. [...] Миша сказал, что Захава сообщил о разрешении Реперткомом „Пушкина“. Стоит помолиться Богу — наконец радостный день!

24 сентября. У Миши сегодня Русланов. Взволнован тем, что МХАТ хочет играть „Пушкина“.

25/IX. Ольга сообщила мне, что „Пушкин“ пошел к Немировичу.

Вахтанговцы прислали МХАТ письмо с протестом против постановки, говорят, что пьеса — ихняя [...]

27 сент[ября]. Ольга сообщила, что Немирович сказал о пьесе: она написана большим мастером, тонко, со вкусом. Но образы сделаны так сдержанно, четко, что надо будет, как он сказал, „рыть глубины“.

1 октября. В Вахтанговском театре драматические переживания. Илья в МХАТе распределяет роли в „Пушкине“, действует как пират. Больше всех волнуется Русланов, потому что Качалов хочет играть Николая.

2 окт[ября]. Сегодня Ольга [...] трогательно призналась в том, как мхатчики распечатали пакет с пьесой, посланной Акулову, и, конечно, списали экземпляр.

Самое лучшее — не вмешиваться в это дело и предоставить все естественному течению.

3 окт[ября]. Вечером — Сергей Прокофьев с Дмитриевым. Он производит приятное впечатление.

Вопрос об опере на основе Мишиной пьесы (Пушкин). Взял с собой пьесу. За ужином Миша прочел половину пьесы.

Прокофьев хочет ввести Глинку. Пригласил нас завтра на концерт свой в Большом театре.

16 окт[ября]. [...] Сегодня вечером — Прокофьев с женой и Дмитриев [...] Прокофьев, по просьбе Миши, сыграл Сереже 82 кусок своего гавота.

М.А. Булгаков — М. Рейнгардт [1] [2]

Москва, 9 июля 1935 года.

Уважаемая г-жа Рейнгардт!

Брат сообщил мне, что те исправления, о которых я просил, в переводе «Зойкиной» сделаны. Очень благодарен Вам.

При дальнейшем просмотре экземпляра я обнаружил одно добавление к моему тексту, которое совершенно неприемлемо для меня. Именно: фамилия Ремонтный (второй акт, вторая книга) сопровождается ремаркой: accent juif.

Я прошу Вас произвести уничтожение этой ремарки, ни в каком случае невозможной в моей пьесе, а также прошу режиссуру не применять указанного акцента при исполнении роли Гуся-Ремонтного.

Вы меня очень обяжете, если известите меня о том, что моя авторская просьба исполнена.

Я пользуюсь случаем принести Вам мои извинения в том, что в свое время я не поблагодарил Вас за любезную присылку Вашей фотографии, так как был болен, и прошу не сердиться на меня.

Я считаю, что мое присутствие в Париже, хотя бы на сравнительно короткий срок, в связи с постановкой «Зойкиной квартиры», было бы необходимо. Я подал заявление о разрешении мне совершить поездку во Францию в сопровождении моей жены. Ответ должен последовать примерно через неделю.

Известите меня, пожалуйста, когда начнутся репетиционные работы по пьесе — я ожидаю известия от Вас.

Примите мой лучший привет.

М. Булгаков

М.А. Булгаков — Л. Вегнер [3]

9 июля 1935 г.

Уважаемая г-жа Вегнер,

Дальше — интересный разговор о пьесе. Прокофьев говорит, что в оперу обязательно должен быть введен Глинка [...] Прокофьев едет в турне в Африку, вернется через два месяца.

7-го ноября. Проводила Мишу утром на демонстрацию. Он рассказывал потом, что на площади колонны шли в несколько рядов сплошным потоком.

Видел на трибуне Сталина — в серой шинели, в фуражке.

Днем звонил Вересаев, разговаривал в мирном тоне. Видимо, его очень интересует постановка.

1/XII. Чтение „Пушкина“ у нас. Книппер-Чехова, Горчаков, Мелик-Пашаев, Кторов, Попова 83, Станицын, Вильямсы, Калужские, и Ермолинские [...] Было весело».

[1] *Современная драматургия, 1986, № 4. Печатается и датируется по первому изданию.*

[2] Возвращаемся к хронологическому принципу публикации.

[3] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Публикуется и датируется по рукописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 115).*

в ответ на Ваш запрос от 21 и 24.VI.35 сообщаем, что я прошу следуемую мне по договору на пьесу «Дни Турбиных» (Last of the Turbins) сумму в 30 ф. (за вычетом 15%, следуемых фирме Фишер) перевести на мое имя в Торгсин.

Адрес мой: Нащокинский 3, кв. 44. Москва 19, Михаил Афанасьевич Булгаков.

Примите уверение в моем уважении.

9.VII.35.

М.А. Булгаков — Н.К. Шведе-Радловой [1] [2]

Москва, 13 сентября 1935 г.

Дорогая Дина! Спасибо тебе за дубовый листок [3] и за память.

Обычно валятся на голову деловые, мучительные и запутанные письма, а тут просто пришло хорошее письмо.

В Тригорском я никогда не был, полагаю, что никогда и не буду, но ты так ясно все описала, что картина у меня перед глазами [4].

Да, пьесу я закончил — ту самую, с Вересаевым [5]. Ох, и труда же на нее было положено! Сложная штука: Пушкин ни разу не появляется на сцене, но все движется вокруг него, по мере моих сил, для него.

Люся теперь азартно стучит на машинке, переписывая. Кладу Люсе руку на плечо, сдерживаю. Она извелась, делила со мною все волнения, вместе со мною рылась в книжных полках и бледнела, когда я читал актерам.

Теперь поглядим, как судьба распорядится этим произведением.

Мы никуда не уезжали. Сергей жил на даче под Москвою, к нему наезжали, но дождь

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 3. С.-Пг, 1995, с. 250—251. Затем: Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914-1940. М., СП, 1997. Печатается и датируется по второй публикации. Комментарии В. И. Лосева.*

[2] Шведе-Радлова Надежда Константиновна (1895—1944) — художница, написала серию картин, посвященных Пушкину. В конце двадцатых годов поддерживала, как и ее супруг Н.Э. Радлов, хорошие отношения с Булгаковым, часто приезжавшим в Ленинград по делам.

[3] С письмом Дина Радлова прислала и лист дуба, «под которым любил сидеть Пушкин и под которым они с Языковым часто сидели, лежали, даже спали».

[4] Радлова писала (письмо от 25 августа): «Обитатели же Тригорского — мы с Колей... Мы же владеем развалинами дома Осиповой, развалинами всех служб и прекрасным парком с 350-летними дубами и 250-летними липами. Парк расположен на одной из трех гор, на высоком берегу Сороти. „Онегинская скамья“ под сенью лип и дубов, любимое место Пушкина, а также и наше. Отсюда вид совершенно замечательный на равнины, луга и виден даже лес Михайловского и та знаменитая дорога, где стояли три сосны и по которой ездил Александр Сергеевич к нам сюда в Тригорское.

Может быть, ты был здесь? Если нет, очень стыдно, потому что места действительно прекрасные. Михайловское, может, еще лучше. Там сосновый лес и только сама усадьба на горке, спускающейся к ней же Сороти, все в липах и прочих лиственных деревьях.

За все время, что мы здесь, было 10 дней лета. Это было очаровательно. Прочее же время здесь осень. Ее любил Пушкин, так в его честь ее здесь и оставили навсегда; но воздух, но места поразительной красоты, но Пушкин, которым здесь все полно, и вот мы сидим, несмотря на ежедневные дожди и грязь, и дороги времен псковского государства и Иоанна Грозного, и не можем уехать».

[5] О новой пьесе Булгакова Д. Радлова писала с восторгом: «Дорогой Миша, на днях слышала, что ты закончил совершенно замечательную пьесу о Пушкине. Это, вероятно, та самая и есть, которую ты писал зимой с Вересаевым. Поздравляю тебя всячески и желаю твоему творению успехов и долгой жизни. // Если ты обратишь внимание, откуда это письмо пишется, то поймешь, что я имею право тебе написать и сказать, что Тригорское встречает пьесу о Пушкине с величайшим восторгом».

лил как черт знает что.

Лелеяли мечту побывать за границей, подавали заявление, нам отказали [1].

Вот и нет лета — ау! И надвинулся сложный и важный сезон. Сейчас же после Пушкина берусь за отделку комедии [2].

Мне нестерпимо много приходится работать.

Сергей поступил в школу, а помимо этого я ношусь с мыслью сделать из него пианиста. Он занимается у хорошего преподавателя, а со мною играет в четыре руки.

Посмотрим, что из этого выйдет.

Приедешь в Москву — покажись! И Коле накажи показаться. Люся вас обоих приветствует. Заканчиваю письмо и я дружеским приветом. Посылаем московские поцелуи.

Твой *М. Булгаков.*

Нащокинский 3, кв. 44

Пиши! Желаю успеха, когда будешь писать красками или карандашом, нам, кроме того, напиши письмо чернилами.

Приписка рукою Е.С. Булгаковой:

Дорогая Дина, ты так чудесно рассказала о Тригорском, что меня так и тянет туда. Все, что как-то касается Пушкина, необычайно притягательно. Поэтому я бы могла сразу же сорваться с места и — в Тригорское! Но, сама понимаешь, при твоей наблюдательности, что, кроме Пушкина, повышенно притягателен для меня и Булгаков. И вот от него уехать трудновато. А тут еще он сядет за комедию. Значит, я буду переписывать, что очень люблю.

Миша тебе очень скупо написал про пьесу. А по-моему, это совершенно замечательная вещь. В письме очень трудно рассказать, как она волнительна и не похожа ни на что другое. Если пьеса пойдет — буду плакать на ней. На чтении моя сестрица так ревела!.. А я не плачу, а холодею.

Дина, милая, целую тебя крепко и очень кланяюсь Николаю Эрнестовичу. Ах, если бы он сбрил усы!..

Миша прочитал мою приписку и заругал меня за похвалы.

Кель ма ви...

Твоя *Люся.*

М.А. Булгаков — А.С. Щербакову [3]

Москва, 1 октября 1935 г.

---

[1] В июне 1935 года Булгаковы вновь стали хлопотать о выезде за границу на лето. Краткие записи Е.С. Булгаковой. 4 июня: «Ходили в Иностранный отдел, подали анкеты. Анкеты приняли, но рассматривать не будут, пока не принесем всех документов». 9 июня: «Егоров отказался подписать бумажку о том, что Театр не возражает против поездки М. А. за границу. // Оля сказала, что подпишет Вл. Ив.». 13 июня: «...Вл. Ив. подписал бумажку». 15 июня: «Ездили в Иностранный отдел, отвезли все документы. Приняли. Также и 440 руб. денег. Сказали, что ответ будет через месяц». 22 августа: «Прервались записи, потому что суматошно шла жизнь. // Не записано: отказ в поездке за границу...»

В «отказной» справке говорилось: «Настоящим ИНО Мособлисполкома объявляет, что в выдаче разрешения на право выезда за границу Вам отказано». Для Булгаковых это уже не было трагедией, как в прошедшем году, они приняли отказ довольно спокойно.

[2] Речь идет о пьесе «Иван Васильевич».

[3] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 3, С.-Пг., 1995, с. 181—182. Печатается и датируется по первой публикации.*

Ответственному Секретарю Союза Советских Писателей тов. А.С Щербакову от Михаила Афанасьевича Булгакова, члена Союза Советских Писателей.

Уважаемый товарищ!

Проживая в настоящее время с женою и пасынком 9 лет в надстроенном доме Советского Писателя (Нащокинский пер., № 3), известном на всю Москву дурным качеством своей стройки и, в частности, чудовищной слышимостью из этажа в этаж, в квартире из трех комнат, я не имею возможности работать нормально, так как у меня нет отдельной комнаты.

Ввиду этого, а также потому, что у моей жены порок сердца (а мы живем слишком высоко), я обратился в правление РЖСКТ Советского Писателя с просьбою о том, чтобы мне, вместо моей теперешней квартиры, предоставили четырехкомнатную во вновь строящемся доме в Лаврушинском переулке, по возможности, не высоко.

Я прошу Союз поддержать мое заявление.

М. Булгаков.

Москва, Нащокинский пер., 3, кв. 44. тел. К 058-67

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

11.II.1936 г. Москва

Спасибо тебе за вести, дорогой Павел.

«Мольер» вышел. Генеральные были 5-го и 9-го февраля [2]. Говорят об успехе. На обеих пришлось выходить и кланяться, что для меня мучительно.

Сегодня в «Сов[етском] иск[усстве]» первая ласточка — рецензия Литовского [3]. О пьесе отзывается неодобрительно, с большой, но по возможности сдерживаемой злобой, об актерах пишет неверно, за одним исключением.

Ивана Васильевича [4] репетируют, но я давно не был в Сатире.

Об Александре Сергеевиче [5] стараюсь не думать, и так велика нагрузка. Кажется,

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 29, л. 15-16).*

[2] Обратимся вновь к дневнику Е.С. Булгаковой. Этот бесценный документ непосредственного, прямого отражения событии еще долгие годы будет важнейшим источником и свидетельством для исследователей-булгаковедов. Запись 6 февраля 1936 г.: «Вчера, после многолетних мучении, была первая генеральная „Мольера“. Повышенное оживление на генералке, которое я очень люблю [...] Это не тот спектакль, которого я ждала с 30-го года, но у публики этой генеральной он имел успех. Вероятно, будет иметь и дальше. Меня поражает, с какой точностью Миша предсказал, кто как будет играть. Великолепны Яншин (Бутон) и Болдуман (король) [...] Шумный успех по окончании пьесы. Миша ушел, чтобы не выходить, но его извлекли из вестибюля и вывели на сцену. Выходил кланяться и Немирович (он страшно доволен)». 8 февраля: «Завтра опять генеральная. Успеха и счастья!»

[3] Речь идет о статье одного из самых отъявленных преследователей Булгакова — О. Литовского («Два спектакля», журнал «Советское искусство» от 11 февраля 1936 г.), возглавлявшего Главрспертком.

[4] Имеется в виду комедия «Иван Васильевич», основой которой послужила комедия М. Булгакова «Блаженство».

[5] Имеется в виду пьеса о Пушкине «Последние дни», постановку которой пытался осуществить театр им. Вахтангова. Право первой постановки оспаривал МХАТ, включивший в декабре 1935 г. эту пьесу в свой репертуар.

вахтанговцы начинают работу над ним. В МХТ он явно не пойдет.

Мне нездоровится, устал до того, что сейчас ничего делать не могу: сижу, курю и мечтаю о валенках [1]. Но рассиживаться не приходится — вечером еду на спектакль (первый, закрытый) [2].

Обнимаю тебя дружески.

Твой *Михаил.*

Елена Сергеевна Анне Ильиничне и тебе шлет привет.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [3]

12.III. 36 г.

Сейчас, дорогой Викентий Викентьевич, получил Ваше письмо и был душевно тронут! Удар очень серьезен. По вчерашним моим сведениям, кроме «Мольера», у меня снимут совсем готовую к выпуску в театре Сатиры комедию «Иван Васильевич».

Дальнейшее мне неясно [4].

Серьезно благодарю Вас за письмо, дружески обнимаю. Желаю доброго.

---

[1] В письме от 1 февраля Поповы приглашали Булгаковых на отдых в Ясную Поляну. «Дорогой Михаил Афанасьевич, — писала Анна Ильинична, — погода меняется от метели к оттепели, от оттепели к морозу, от мороза к сильнейшему ветру, а мы все в том же мирном настроении, в полном неведении, что делается на белом свете, и только окружены белым снегом, белым музеем, а сидим в комнатах, скромно занимаясь своими делами... В Москву не тянет ни одного, ни другого. Видно, что необходимо посидеть в тишине... Неужели не приедете?»

В коротенькой записке Булгаков отвечал Анне Ильиничне: «Думал, думал — не поехать ли, в самом деле? Но не придется. Забот и хлопот много [...] Конечно, если бы можно было перенестись без всяких усилий в сугробы Ясной, я посидел бы у огня, стараясь забыть и „Мольера“, и „Пушкина“, и комедию. Нет, невозможно. Вам завидую, и желаю отдохнуть, и благодарю за приглашение».

[2] Возвратимся к дневнику Е.С. Булгаковой. 11 февраля 1936 г.: «Смотрел спектакль Поскребышев, секретарь И[осифа] В[иссарионовича]. Очень понравилось ему, как мне сообщила [Бокшанеская]». 15 февраля: «Генеральная прошла чудесно [...] Но зато у критиков, особенно у критиков-драматургов — лица страшные, Марков в антракте рассказывал, что Киршон, Фельдман и Загорский ругали пьесу. Причины понятны». 16 февраля: «Итак, премьера „Мольера“ прошла. Столько лет мы ее ждали! Зал был нашпигован, как говорит Мольер, знатными лицами. Успех громадный. Занавес давали опять не то 21, не то 23 раза. Очень вызывали автора».

Затем, как по команде, пошли резко отрицательные статьи о пьесе. 24 февраля Елена Сергеевна записывает в дневнике: «Участь Миши мне ясна, он будет одинок и затравлен до конца своих дней». Но надежды на лучшее все же не покидали Булгаковых. 4 марта: «Театр полон, в правой ложе видела в полутьме Литовского, который что-то записывал. Занавес давали много раз. Миша выходил кланяться. Сегодня объявлен конкурс на учебник по истории СССР. Миша сказал, что будет писать. Я поражаюсь ему. По-моему, это невыполнимо». 9 марта: «Ставлю большой черный крест [...] В „Правде“ статья „Внешний блеск и фальшивое содержание“ о „Мольере“ [...] Как только прочитали ее, Миша сказал: „„Мольеру“ и „Ивану Васильевичу“ конец“. Днем пошли в театр. „Мольера“ сняли». 10 марта: «[...] Настало для нас очень тяжелое время». 11 марта: «[...] В „Советском искусстве“ сегодня „Мольер“ назван убогой и лживой пьесой. Травят».

[3] *Знамя, 1988. № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второй публикации.*

[4] Через несколько дней, 17 марта, Елена Сергеевна отметит в дневнике, что в журнале «Советское искусство» появилась «чудовищная по тону заметка о „Пушкине“. Миша звонил к Вересаеву, предлагал послать письмо в редакцию о том, что пьеса подписана одним Булгаковым, чтобы избавить Вересаева от нападок, но В. В сказал, что это не нужно». Вскоре дальнейшее прояснилось: все работы в театрах над постановкой пьес М. Булгакова прекратились.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — С.А. Ермолинскому [1]

14.VI.36 г. Москва

По возвращении в тощей пачке писем нашел, к большому удовольствию, твое, дорогой Сережа!

Привет Марике и тебе!

Синоп ты описал чудесно, и мне мучительно хочется увидеть море.

Киев настолько ослепителен, что у меня родилось желание покинуть Москву, переселиться, чтобы дожить жизнь над Днепром.

Надо полагать, что это временная вспышка, порожденная сознанием безвыходности положения, сознанием, истерзавшим и Люсю и меня.

Интереснейшая реакция получилась, когда я сказал о своем проекте кое-кому из МХАТа. У всех одинаково: взор диковатый, встревоженный; и полное неодобрение. Как будто я сказал что-то даже неприличное. С большим интересом я наблюдал собеседников!

О гастролях писать не хочется, устал от театра. «Турбиных» привезли и играют без петлюровской картины [2].

Марков сказал Люсе, что в прессе о «Турбиных» решено не писать.

Одну гастрольную сценку, впрочем, опишу я.

В Управлении по охране авторских прав (Киевском) я условился о получении аванса. Все было согласовано с очаровательною любезностью. Приходите такого-то числа, кроме того, такой-то вас известит. Очень хорошо.

Однако такой-то такого-то числа не известил. Приходим на следующий день. Что за оказия? Не те лица. То есть люди те же, но лица у них перевернутые. А где такой-то?

Заболел.

Жаль, но пожалуйте обещанные деньги. Во взорах — мрак!

Наконец выдавливают из себя фразу:

— Верно ли, что «Турбиных» снимают?

Вздрогнул. Что отвечать? Что? Что это вздор? А «Мольер»?

Говорю, что слышу об этом впервые, но полагаю, что этого быть не может.

Денег, как сам понимаешь, в тот день я не получил.

Просили прийти завтра.

Приходим на другой день. Опять метаморфоза! Все на месте. Ясные лица, приветливые глаза. Пожалуйте в кассу, распишитесь и прочее. Заболевший выздоровел.

Спрашиваю — кто распустил дрянной слух?

Жмутся. Говорю, что хотелось бы полюбоваться на автора этой работы.

Улыбки.

— Да вы только что на него полюбовались! Вы с ним разговаривали. Хи-хи!

Вспоминаю. Перед самым получением подходит в коридоре ко мне жуткий симпатяга.

— Позвольте познакомиться с вами, товарищ Булгаков. Я в таком восхищении от «Турбиных», что хотел подойти к вам на спектакле, да момента не мог улучить. Ах, какая

---

[1] *Независимая газета, 1996, 25 января. Печатается и датируется по первой публикации.*

[2] 12 июня записала в дневнике Е.С. Булгакова: «Сегодня приехали из Киева. Утешающее впечатление от города — радостный, веселый. Мы останавливались в „Континентале“ — очень хороший номер. Портили только дожди.

„Турбиных“ играют без петлюровской сцены

В первый раз их сыграли четвертого ...»

чудная пьеса! Ах...

Комплименты, рукопожатия и прочая чушь собачья. Спрашиваю, с кем имею удовольствие. Оказывается, литератор, фамилия неразборчива, написал «Укразию».

Выражаю чувство огорчения, что не знаю этой вещи.

Симпатяга, окатив меня на прощание комплиментами, смывается. Оказывается, что это он явился в УЗАП и соврал, что «Турбиных» снимают. Из-за него шептались, бегали, ездили проверять.

Ушли мы. Люся сказала:

— Так жить больше нельзя.

Когда поезд отошел и я, быть может, в последний раз глянул на Днепр, вошел в купе книгоноша, продал Люсе «Театр и драматургию» № 4.

Вижу, что она бледнеет, читая. На каждом шагу про меня [1]. Но что пишут!

Особенную гнусность отмочил Мейерхольд. Этот человек беспринципен настолько, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштанниках.

Да, она права. Так жить больше нельзя, и так жить я не буду.

Я все думаю и выдумаю что-нибудь, какою бы ценою мне ни пришлось за это заплатить.

Люся целует Марику и тебя, шлет дружеские приветы. Я также. Когда приедете?

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Я.Л. Леонтьеву [2] [3]

Сухум, гостиница «Синоп» [4]
17, VIII, 1936.

Дорогой Яков Леонтьевич!

Чувствую, что бедная моя голова отдохнула. Начинаю беседовать с друзьями, о

---

[1] «...Какой-то негодяй распространил слух, что „Турбиных“ снимают, отравив нам этим сутки.

Оказалось — неправдой.

Когда сели в Киеве в поезд — я купила „Театр и драматургию“, где в передовой „Мольера“ называют „низкопробной фальшивкой“, и еще несколько мерзостей, в том числе подлая выходка Мейерхольда по адресу М.А.»

Журнал «Театр и драматургия» (1936, № 4) оперативно по указанию свыше опубликовал материалы под заголовком «Против формализма и натурализма». В передовой статье «Свежий ветер» говорилось о «низкопробной фальшивке» — «Мольере», которая была поставлена во МХАТе. Мейерхольд присоединился к этому хору развязных критиков: «Весь мой творческий путь, вся моя практика есть не что иное, как развернутая самокритика. Я никогда не приступаю к новому своему сочинению, не освободившись от плена последнего своего труда. Биография подлинного художника — это биография человека, беспрерывно раздираемого недовольством самим собой... Мастер всегда строг к себе...»

Вот почему ему приходится бороться с «мейерхольдовщиной», расплодившейся особенно в Ленинграде и в Москве. Нет ничего для него страшнее, чем «плохо понятый Мейерхольд». Вот и Горчаков в «Мольере» «ухитрился протащить мейерхольдовщину, но дал это на **идейно порочном материале»** .

Далее, давая оценку работе театра Сатиры, он заявил: «Этот театр начинает искать таких авторов, которые, с моей точки зрения, ни в какой мере не должны быть в него допущены. **Сюда, например, пролез Булгаков** ».

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 27, л. 1-2).*

[3] Леонтьев Яков Леонтьевич (1899—1948) — театральный деятель. В 1933—1934 гг. — помощник директора МХАТа, с 1934 — заместитель директора Большого театра СССР, близкий друг семьи Булгаковых.

[4] На отдых в Синоп Булгаковы уехали 27 июля 1936 г.

которых вспоминаю с нежностью. И в первых строках посылаю привет Доре Григорьевне, Евгении Григорьевне [1] и Андрею Андреевичу [2].

Засим: «Синоп»—прекрасная гостиница. Отдохнуть здесь можно очень хорошо. Парк. Биллиард. Балконы. Море близко. Просторно. Чисто. Есть один минус — еда. Скучно. Однообразно. Согласитесь сами, что нисколько не утешают таинственные слова в карточке — цвыбель клопс, беф Строганов, штуфт, лангет пикан и прочее. Под всеми этими словами кроется одно и то же — чушь собачья. А многие, в том числе и я, принимают иноземцевы капли, и кормят их рисовой кашей и киселем из черники.

Все остальное — хорошо. Не нравится здесь немногим. Но в числе их сестренка Ольга [3]. Въехала она сюда с таким грохотом, что даже я, при всей моей фантазии, изумился. И теперь с утра до вечера кроет последними словами побережье. И горы, и небо, и воздух, и магнолии, и кипарисы и Женю [4] за то, что привез ее сюда, и балкон за то, что возле него пальма. Говорит, что всех надо выселить отсюда, и устроить цитрусовые плантации. Словом, ей ничего не нравится кроме Немировича. Начала она с того, что едва не утонула. И если бы Ершов, как был в одежде, не бросился в воду и не вытащил ее, неувязка была бы крупная. Люся чувствует себя хорошо, чему я очень рад. Наша жизнь трудная, и я счастлив буду, если она наберет здесь сил.

Первое время я ничего не читал, старался ни о чем не думать, все забыть, а теперь взялся за перевод «Виндзорских» для МХАТа [5]. Кстати, о МХАТе. Оттуда поразительные вести. Кумовья и благодетели показывают там такой класс, что можно рот разинуть. Но об этом как-нибудь при свидании. Люся мне говорит — ты — пророк!

Ах, дорогой Яков Леонтьевич, что-то будет со мною осенью? К гадалке пойти, что ли?

Что с «Мининым»? Я Асафьеву послал в письме маленькое дополнение к одной из картин. Работает ли он? [6]

Мы собираемся выехать отсюда 27—28.VIII-го через Тифлис — Владикавказ (Орджоникидзе).

Ежели успеете написать мне сюда, обрадуете. Люся посылает всем вашим самые теплые, дружеские приветы. Не забывайте!

Ваш *М. Булгаков.*

---

[1] Близкие родственники Я.Л. Леонтьева — жена Дора Григорьевна, сестра жены — Евгения Григорьевна.

[2] Андрей Андреевич Арендт — прямой потомок лейб-медика Николая Федоровича Арендта (1786—1859), знакомого А.С. Пушкина. Был женат на Евгении Григорьевне. Жили и отдыхали как бы одной семьей.

[3] Бокшанская Ольга Сергеевна.

[4] Калужский Евгений Васильевич.

[5] В мае 1936 г. Булгаков заключил договор с МХАТом на перевод пьесы Шекспира «Виндзорские проказницы». Перед драматургом была поставлена задача написать новое произведение на основе объединения мотивов «Виндзорских проказниц» и «Генриха IV». В дальнейшем Булгаков отказался от этой работы в связи с разрывом отношений с МХАТом.

[6] В июне 1936 г. М.А. Булгаков приступил совместно с композитором Б.В. Асафьевым к созданию оперы «Минин и Пожарский». Булгаков с огромным интересом работал над этой вещью и за сорок дней написал первую редакцию либретто, тут же отправив ее Асафьеву. В процессе работы между ними завязалась переписка, которая публикуется в данном сборнике, как отдельный комплекс документов, также несколько нарушая хронологический принцип публикации, как и с письмами М. Булгакова В. Вересаеву о работе над пьесой «Александр Пушкин».

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [1]

2.X.1936

Дорогой Викентий Викентьевич!

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и летом отдохнули?

Мне удалось провести месяц на Черном море. К сожалению, Елена Сергеевна съездила со мною неудачно. Привезла с юга какую-то инфекцию и хворает целый месяц. Теперь ей лучше, и я понемногу начинаю разбираться в хаосе, получившемся после моего драматургического разгрома.

Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили «Мольера». Договор на перевод «Виндзорских» я выполнять отказался. Тесно мне стало в проезде Художественного театра, довольно фокусничали со мной.

Теперь я буду заниматься сочинением оперных либретто. Что ж, либретто так либретто!

В этом письме посылаю Вам справку Киевского театра о том, что налог с Вас удержан [2]. Мир праху Пушкина и мир нам. Я не буду тревожить его, пусть и он меня не тревожит.

Переписка Чехова с Книппер нашлась. Принесу ее Вам вместе с другими книгами и моим долгом, как только Елена Сергеевна поправится. Она приведет в порядок финансы, а то «Виндзорские» повисли на шее — надо вернуть деньги по договору.

Обнимая Вас, желаю плодотворной работы.

Ваш *М. Булгаков.*

Сделайте исключение из Вашего правила, дорогой Викентий Викентьевич, от Елены Сергеевны и меня Марии Гермогеновне передайте дружеский привет.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [3]

5.X.1936. Москва

Здорово, Павел!

Продолжаю приятный разговор, который тогда начался по телефону. Ты, все-таки, хотя бы позвонил!

У меня была страшная кутерьма, мучения, размышления, которые кончились тем, что я подал в отставку в Художественном Театре [4] и разорвал договор на перевод «Виндзорских».

---

[1] *Знамя, 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второй публикации.*

[2] 6 декабря 1935 г. Булгаков и Вересаев заключили договор с украинским Театром Красной Армии на постановку пьесы о Пушкине. Аналогичные договоры были заключены и с некоторыми другими театрами страны.

[3] *Письма. Публикуется и датируется по машинописи с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 14, л. 37).*

[4] После долгих и тягостных размышлении, после бесплодных переговоров с руководством МХАТ Булгаков написал 15 сентября 1936 г. заявление об освобождении его от службы в Художественном театре. Уход из любимого театра, конечно, был вынужденным, но в сложившейся ситуации естественным. Начинался новый этап его жизни в совершенно новой для него роли либреттиста Большого театра. Единственное, что утешало, так это прекрасное отношение к нему со стороны руководства ГАБТ, которое готово было взять Булгакова на любую должность, «хоть тенором».

«Виндзорских».

Довольно! Все должно иметь свой предел.

Позвони, Павел! Сговоримся, заходи ко мне. Я по тебе соскучился. Елена Сергеевна долго хворала, но теперь поправляется.

Прикажи вынуть из своего погреба бутылку Клико, выпей за здоровье «Дней Турбиных», сегодня пьеса справляет свой десятилетний юбилей. Снимаю перед старухой свою засаленную писательскую ермолку, жена меня поздравляет, в чем и весь юбилей.

Передай Анне Ильиничне от Елены Сергеевны и от меня привет, позвони, напиши или зайди.

Твой *М. Б.*

М.А. Булгаков — Я.Л. Леонтьеву [1]

5.10.1936 г.

Большое спасибо Вам, дорогой Яков Леонтьевич за милое и заботливое письмо.

Оба договора подписаны [2] 25.09. и я уже начал свою деятельность. Пожелаем, чтобы она была удачна!

Москва, как и полагается, награждает меня житейскими заботами. В числе прочего ожидаю с нетерпением приезда Астафьева. В каком состоянии его работа [3] — не знаю. По словам Дмитриева, он поправляется после болезни.

В проезде Худ[ожественного] Театра загадочное молчание, правда, прерванное легким разговором с юрисконсультом ихним о возврате пяти тысяч за «Виндзорских». — С большим удовольствием, — говорю я, — вычитайте из авторских.

Сестренка, кума и благодетельница [4], распеваясь по телефону в ласках и нежностях, услышав о ГАПТ, рявкнула вдруг: «Как?!!» — столь страшно, что Люся дрогнула. Из чего заключаю, что ГАПТ им не нравится.

А, впрочем, да упадут они в Лету. Туда им и дорога.

Не знаю только, падая, наделают ли каких-нибудь пакостей, или нырнут беззвучно.

Вероятно, наделают, для порядку.

Сегодня у меня праздник. Ровно десять лет тому назад совершилась премьера «Турбиных». Десятилетний юбилей.

Сижу у чернильницы и жду, что откроется дверь и появится делегация от

---

5 октября 1936 года Е.С. Булгакова записала в дневнике: «Сегодня десять лет „Дней Турбиных“, премьера была 5 октября 1926 года.

М.А. настроен тяжело. Все мы бьемся в тисках ужасного вопроса о том, что ему нельзя работать».

[1] *Печатается впервые (РОИРЛИ, ф. 369, № 325, л. 5). Публикация и комментарии В.И. Лосева.*

Отрывок из этого письма, начиная со слов «Сегодня у меня праздник» и кончая словами «выпили из меня за десять лет...», ошибочно был опубликован В.В. Гудковой («Новый мир», 1987, № 2) как часть письма М. Булгакова к П.С. Попову. Такие коровьевские шутки («Это регентовская работа!» — в подобных случаях говорил М. Булгаков) нередко испытывали на себе некоторые булгаковеды, пытавшиеся побыстрее «тиснуть» попавшийся им в руки «горячий» материал.

[2] См. комментарий к письму В.В. Вересаеву от 2.10.1936 года.

[3] Речь идет о музыке к либретто «Минин и Пожарский».

[4] Так в шутку назвал М. Булгаков сестру Елены Сергеевны О.С. Бокшанскую.

Станиславского и Немировича с адресом и ценным подношением. В адресе будут указаны все мои искалеченные или погубленные пьесы и приведен список всех радостей, которые они, Станиславский и Немирович, мне доставили за десять лет в Проезде Худ[ожественного] Театра. Ценное же подношение будет выражено в большой кастрюле какого-нибудь благородного метала (например, меди), наполненной той самой кровью, которую они выпили из меня за десять лет.

Приезжайте поскорей, дорогой друг, я Вам все это покажу. Поправляйтесь!

А вот Вам автографы лиц, входящих в семейство:

Дорогой Яков Леонтьевич. Целую Вас. Сергей.

Дорогой Яков Леонтьевич, я Вас люблю также нежно, как и раньше, без Вас в Москве пусто.

Ваша Елена Булгакова.

Пишите! Целую дружески.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — Е.С. Булгаковой [1]

29 ноября 1936 г.

Утро, где-то под Ленинградом.

Целую тебя крепко, крепко.

Твой *М.*

Облобызай Сергея!

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

Москва, 3.1.37

Дорогой Коля, ответ на твое письмо от 9 декабря 36 год [3] задержан мною из-за болезни

---

[1] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914—1940. М., СП, 1997. Печатается и датируется по первой публикации (ОР РГБ, ф. 562, к. 19 ед. хр. 4, л. 4).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 1-2).*

[3] В этом письме Николай Афанасьевич сообщал: «[...] После долгого периода затишья и выжиданий снова поднялся вопрос о постановке „Зойкин. кв.“ во франц. адаптации. Дело в том, что директор театра „Vieux Colombier“ собирается начать играть ее в январе будущего года. Директор и режиссер этого театра Роше сейчас в большой славе [...] М.П. Рейнгардт (которая будет играть в пьесе) передавала мне, что подобрала весьма удачный ансамбль из известных артистов. Далее директор Роше обещал включить „Зойкину“ в репертуар театра на большой весенней мировой выставке искусств в Париже (май 1937) — на ней будет происходить конкурс театральных постановок. Здесь имеются сведения, что будто бы прибудет труппа Моск. Акад. Госуд. Театра (М.Х.Т.). Известно ли тебе об этом что-нибудь? Если действительно все наладится, как это предполагается, может получиться кое-что весьма интересное для твоего имени. Терпеливо выжидая осуществления давно намеченной этой постановки, я стараюсь привести в порядок дела по защите твоих прав через Société des auteurs в Париже. Дело в том, что если пьеса пойдет на сцене, то авторский гонорар начнет автоматически поступать в кассу Société d. auteurs, но немедленно же всплывут на поверхность стаи всевозможных темных личностей, жадных к чужому добру и весьма опасных — тут мне нужно быть настороже [...] Для этого мне необходимы некоторые документы, которые ты легко можешь мне выправить и послать сюда [...] 1) Выданное тобою мне полномочие (доверенность) на „Зойкину“ потеряло силу [...] *Совершенно необходимо и как можно скорее* выслать новую доверенность, засвидетельствованную Всероскомдрамом [...] 2) Я тебе вышлю, а ты подпишешь официальный текст доверенности, которой ты назначишь для ведения дел по

нашего Сергея — он захворал скарлатиной.

Прежде всего, я со всею серьезностью прошу тебя лично проверить французский текст «Зойкиной» и сообщить мне, что в нем нет и не будет допущено постановщиками никаких искажений или отсебятин, носящих антисоветский характер и, следовательно, совершенно неприемлемых и неприятных для меня, как для гражданина СССР. Это самое главное.

Теперь второе: раз уж пьеса пойдет в Париже, мне не хотелось бы, чтобы разные личности растащили мой литераторский гонорар.

На днях я отправил Альфреду Блоху подписанный мною официальный текст Пувуар, который мне прислал Блох.

Прислать тебе доверенность на французском языке, засвидетельствованную здесь, я не имею никакой возможности. Русскую же постараюсь выправить и прислать тебе.

В этом письме отправляю тебе: 1) копию моего письма к Фишеру и 2) копию моего письма Альфреду Блоху на русском языке, которое сегодня отправляю Блоху и которое прошу тебя перевести на французский язык.

Вот все, что я пока мог сделать для того, чтобы оградить мое авторское достояние.

Дальше: среди моих пьес пьесы под названием «Новый дом» нету. Фишер мне как-то прислал бюллетени с просьбой подписать их и с письмом, из которого как будто смутно видно, что это имеет общее с «Зойкиной квартирой». Я категорически отказался подписать бюллетени, написав, что у меня пьесы «Новый дом» нет. Не можешь ли ты навести справку поточнее, что это за произведение искусства?

Пожалуйста, пришли мне адрес Рейнгардт.

Надеюсь, что мои письма тебе и Блоху помогут охранить гонорар и воспрепятствовать попыткам увезти его в Германию.

Есть предположение, что МХАТ поедет в Париж, но исполнится ли это, я не знаю. С осени этого года я не связан с МХАТ. Я подал в отставку, потому что мне было слишком тяжело работать там после гибели «Мольера». Сейчас я работаю штатным либреттистом в Большом Театре (опера).

Скарлатина у Сергея кончается. Надеюсь, не будет осложнений, станет легче. На днях пишу тебе опять.

Твой *М. Булгаков* .

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 7 января [19]37

защите твоих прав спец. агента Société des auteurs, Alfred Bloch'a — я с ним лично знаком и у него будут сосредоточены все нужные документы. Но в ожидании этого официального текста, следовало бы — 3) Адресовать Société des auteurs в Париже краткое письмо (по-французски) с указанием, что ты будешь рад осуществлению постановки „Зойкиной" в Париже и что защиту авторских прав берет на себя Société des auteurs и тем облегчает задачу брату твоему — Н.А. Булгакову [...] 4) Я очень прошу написать издательству S. Fischer в Берлине о том, что я известил тебя о предстоящей постановке на сцене французской адаптации, сделанной М.П. Рейнгардт *заново с русского текста* , и убедительно прошу его не чинить затруднений к ее осуществлению, за которым наблюдаю я по твоим указаниям.

Ведь издат. S. Fischer может претендовать исключительно на немецкий перевод, сделанный когда-то Ладыжниковым. Но если Fischer вмешается в это дело, то получится чепуха, тем более, что по действующим сейчас законам никакие высылки денег (каких бы то ни было!) из Германии *совершенно невозможны* [...]

Я продолжаю работать по своей специальности [...] Живем мы тихо и скромно: работаем регулярно и много [...]

Евгений Иванович 84 жалуется на сердце, я его лечу и навещаю: он с женой шлют тебе привет».

[1] *Письма, неполностью. Затем: Михаил Булгаков. Дневник. Письма. 1914—1940. Публикуется и датируется по автографу и машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 3-4).*

Дорогой Никол!

При этом письме прилагаю выданную мною тебе доверенность на «Зойкину квартиру», причем подпись моя заверена следующею надписью:

Подпись руки гр-на М. Булгакова Правление дома удостоверяет.

Управдом Пеликс .

6.I.[19]37

И печатью «Р.Ж.С.К.Т. Дом им. Дм. Фурманова „Советский писатель“». Подпись и печать Домоуправления того дома, в котором я проживаю, «гр-на» означает — гражданина, «РЖСКТ» означает Рабочее Жилищно-Строительное Кооперативное Товарищество.

Извести о получении доверенности.

Твой *М. Булгаков.*

Доверенность

Настоящей доверенностью я, драматург Михаил Афанасьевич Булгаков, проживающий в Москве, по улице Фурманова (бывший Нащокинский переулок) в доме № 3, кв. 44, предоставляю брату моему, доктору Николаю Афанасьевичу Булгакову, проживающему в Париже в доме № 11 по улице Жоббе Дюваль, право заключения договоров на пьесу мою «Зойкина квартира» и получения авторского гонорара по этой пьесе за пределами СССР.

Настоящая доверенность выдана для предъявления в Общество драматических писателей и композиторов в Париже (9-11, улица Баллю, Париж IX) и действительна в течение двух лет со дня подписания ее мною, то есть по третье января 1939 года.

М. Булгаков.

Москва, 3 января 1937 года

М.А. Булгаков — П. С. Попову [1]

29.I.1937 г.

Дорогой Павел!

Сообщи, когда можно навестить тебя. Я соскучился по тебе. Звони мне, сговоримся, когда повидаемся у меня, или у тебя.

У нас тихо, грустно и безысходно после смерти «Мольера».

Привет Анне Ильиничне.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 29, л. 17).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 5).*

Москва, 5 февраля [19]37

Дорогой Коля,

здесь два приложения: 1) подлинное письмо Б. Рубинштейна ко мне от 22 февраля 1934 года и 2) копия с копии моего письма к Рубинштейну от 1 августа 1934 года.

В письме, которое идет одновременно с этим, — подлинное письмо Ладыжниковской фирмы ко мне от 3 октября 1928 года.

Твой *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 5 февраля 1937

Дорогой Коля,

вчера получил твою телеграмму. В этом письме прилагаю подлинник письма Издательства Ладыжникова от 3 октября 1928 года, подписанный Б. Рубинштейном, а в другом письме, посылаемом одновременно с этим, — два приложения: 1) подлинное письмо Б. Рубинштейна ко мне от 22 февраля 1934 года и 2) копия с копии моего письма к нему от 1 августа 1934 года.

По моему заключению, ни Рубинштейн, ни фирма Ладыжникова, (ныне к тому же, сколько мне известно, несуществующая?) — ни Фишер, — не имеют права на какую-либо часть моего гонорара по «Зойкиной» в Париже. Я прошу тебя принять все возможные меры, чтобы кто-нибудь, помимо тебя, не получил бы в Сосьете моих денег. Протестуй в особенности против отправки их в Германию под тем предлогом, что они будут предназначены мне.

Если же представить себе наихудшее, то есть, что Рубинштейну или кому-нибудь другому, связанному с Фишером, удастся все-таки произвести посягательство на часть моего гонорара, то, по крайней мере, со всею настойчивостью добейся, чтобы мою-то часть гонорара ни в каком случае Сосьете им не выдало бы.

Обрати внимание на то, что в своем письме от 22 февраля 1934 года Рубинштейн утверждает, что будто бы пьеса пойдет благодаря усилиям С. Фишера. Ведь это же неверно?

Вообще, по моим сведениям, Ладыжниковым — Рубинштейном ничего не сделано для меня по «Зойкиной квартире», кроме перевода ее на немецкий язык.

Обрати внимание на то, что пишется о Каганском в письме Ладыжниковской фирмы от 3 октября 1928 года.

Если бы нужно было мне что-либо телеграфировать в Сосьете или писать в письме с тем, чтобы помочь отразить покушение на гонорар, то заранее пришли мне написанный по-французски текст такой телеграммы или письма с тем, чтобы я сразу мог его здесь переписать, подписать и послать. Иначе мне будет очень трудно составить здесь на хорошем французском языке нужное письмо.

Скажем, если бы пришлось телеграфировать или писать что-нибудь вроде: «Прошу не выдавать денег таким-то», или «Прошу не переводить мой гонорар в Германию» или что-нибудь по таким же мотивам.

Чтобы добыть что-нибудь о Каганском, сегодня начну просмотр архива и тогда напишу.

Благодарю тебя заранее за хлопоты.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 6-7).*

Твой *М. Булгаков.*

P. S. Письмо Ладыжникова на 2-х листах.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 9 февраля 1937

Дорогой Коля! Сегодня получил твое письмо от 2-го февраля [2]. Отправил две

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 8).*

[2] Сообщения Николая Афанасьевича не предвещали ничего хорошего. Напротив, столь тщательно готовившаяся постановка «Зойкиной квартиры» в Париже оказалась на грани срыва в связи с появлением на сцене зловещей фигуры Каганского. Предстояла вновь изнурительная борьба за авторские права, победить в которой практически не было никаких шансов. Но Булгаковы все же решили сразиться.

Письмо Н.А. Булгакова от 2 февраля 1937 г. представляет, на наш взгляд, большой интерес, и поэтому предлагаем читателю познакомиться с некоторыми выдержками из него.

«[...] Театр „Vieux Colombier“, — сообщал Николай Афанасьевич вовсю работает над „Зойкиной“ и ее представление для прессы назначено на *8-ое февраля* . [...] Мне даны формальные заверения в том, что *все твои требования и указания* строжайше исполнены. Во всем тексте французской адаптации *нет ничего* , что бы *могло носить антисоветский характер* или затронуть тебя *как гражданина СССР* . Больше того, и сам режиссер — директор театра Рене Роше, а также и переводчик-адаптатор Benjamin Cremiex принадлежат к числу людей, глубоко чтущих СССР и советское искусство, и они никогда не допустят ничего предосудительного по адресу Союза и престижа советского театрального искусства. Benjamin Cremiex знаком в кругах представителей СССР в Париже и по его инициативе на первое представление посланы приглашения представителям Союза.

К постановке отнеслись весьма серьезно и артисты подобраны высокого качества и с большими именами [...]

Хочется верить, что годы работы [...] увенчаются успехом, и этот успех будет успехом *твоим авторским, успехом советского театрального искусства* и успехом всех тех, кто над этим *трудился и трудится искренне и честно!*

Но есть и огорчения: на сцену вновь всплыл пресловутый Захар Л. Каганский. Пока шла кропотливая и трудная работа над переводом, адаптацией и устройством „Зойкиной“, этот комбинатор ничем себя не проявлял и, конечно, палец о палец не ударил, чтобы делу помочь. Теперь же, когда дело налажено, когда спектакль сработан и о нем уже появились заметки, и когда запахло поступлением денег (авторского гонорара), он появился на горизонте сначала с предупреждениями, а теперь и угрозами судом, арестом постановки и т. д. Через адвоката он написал угрожающее письмо директору Роше, переводчику Кремье и постановщику М.П. Рейнгардт [...]

Когда и я, в свою очередь, обратился к адвокату, то выяснилось, что все документы, составленные и выправленные по указаниям Société des auteurs, оказались совершенно непригодными с юридической точки зрения, и я ими оперировать не смогу.

Здешним юристам совершенно необходимо письмо, посланное тебе издат. Ладыжникова 3-го октября 1928, в котором это издательство предложило точные условия соглашения [...] Из этого подлинного письма нужно немедленно же выяснить, на *каких языках* и для *каких стран* издат. Ладыжникова взяло на себя распространение твоей пьесы „Зойк. квар.“ — и на какой срок [...]

Если только издат. Ладыжникова изданием немецкого перевода закрепило за собой право *какого бы то ни было* перевода, — т. е. *на любой язык* и в *любой стране* — инсценировки, аранжировки, переделки, сценарии и т. д., то ты лично с того момента, т. е. 8 октября 1928 года (в этом твоем ответе издат. Ладыжникова ты письменно согласился с условиями письма его от 3 октября 1928) *никаких прав на „Зойкину“* не имеешь — она целиком принадлежит через издат. Ладыжникова Фишеру, а значит — ты *не мог дать мне ни доверенности* , ни прав на договоры и получение денег. Этим правом законно обладает издат. С. Фишер в Берлине и не оно *ко мне* должно было обращаться, а я *к нему* . Точно также и твой авторский гонорар тебе может выделить лишь С. Фишер [...] Вот на чем основывается издат. С. Фишера, а Захар Л. Каганский заявляет, что *он есть единственный и полномочный агент С. Фишера по театральным делам в Европе* и что на его имя С. Фишером выданы соответствующие законные (?) документы, по которым он смог устроить постановки пьесы в Варшаве и Брюнне (Чехословакия). Мария Рейнгардт, готовя французск. перевод-адаптацию, должна была обратиться к Фишеру и с ним уже договариваться об условиях этой адаптации.

Итак, все построено на подлинном и оригинальном письме издат. Ладыжникова к тебе от 3 октября 1928 года. Только имея это подлинное письмо в руках в Париже, мы сможем установить, насколько законны права издат. Ладыжникова — издат. С. Фишера — З. Каганского, как представителя С. Фишера, — и какие меры

телеграммы.

Тебе: Lettre originale Ladyschnikow est

envoyée 5 Fevrier Bulgakow.

Альфреду Блоху (в адрес Société 11, rue Ballu). Je vous avertis je n'avais jamais donne pouvoir a Zacharia Kagansky dans l'affaire de mon piece Appartement de Zoika Auteur Michel Boulgakow [1].

К этому письму прилагаю оригинал письма Фишера ко мне от 25 августа 1934 г., где содержится следующее:

«...Wir kommen nochmalsauf Ihr Schreiben vom 1. August in der Angelegenheit Kagansky zurück und teilen Ihnen mit, das wir alle Geschaftsverbindungen mit ihm gelost haben».

Это письмо в ответ на мое предупреждение о том, чтобы Каганского не допускать к моим делам и означает:

«...мы еще раз возвращаемся к Вашему письму от 1 августа в отношении Каганского и сообщаем Вам, что мы порвали с ним все деловые сношения».

Фишер писал, что порвал с Каганским, Ладыжниковское издательство (см. посланное тебе 5 февраля в оригинале письмо 3 октября 1928 г.) собиралось из-за «Зойкиной квартиры» возбуждать против Каганского уголовное преследование, а теперь Каганский выступает в качестве представителя Фишера — Ладыжникова.

Спешу отправить это письмо. Продолжаю поиски в архиве моем и немедленно пошлю тебе следующее.

можно принять, чтобы парализовать этого дельца [...] Французские законы, весьма устарелые и дряблые, дают возможность Каганскому (от имени Фишера) наложить арест либо на авторский гонорар, [...] либо вообще арестовать по суду все поступления театра — а это пахнет весьма большим скандалом, тем более, что на постановку уже затрачены большие средства. Чтобы избежать этой крайней неприятности, я убедительно прошу тебя немедленно же и самым экстренным способом послать Société des auteurs подписанный тобою французский текст соглашения с М.П. Рейнгардт.

На мое же имя немедленно надлежит выслать все оригинальные письма издательств Ладыжникова и С. Фишера, особенно те, где речь о Каганском [...] Все эти письма я, конечно, тщательно сохраню и верну тебе по миновании надобности [...]

До начала спектаклей осталось *всего пять дней* , нельзя терять ни одной минуты [...] Мне очень жаль, что непорядок и непорядочность омрачают честную и длительную работу, причиняя тебе и мне огорчения, хлопоты, но дело теперь зашло слишком далеко: нельзя, чтобы на меня указывали как на несерьезного или нечистого на руку человека. Ведь я законно и честно хотел защитить твое честное имя и законное право!

Если будешь немедленно писать в Париж, то напиши в Société des auteurs, что ты никогда и никоим образом не уполномачивал З. Каганского защищать твои права на „Зойкину“ и всегда указывал С. Фишеру, чтобы Каганскому ведение твоих дел никогда и никак не поручалось, как ты это уже писал в свое время самому С. Фишеру [...] Еще раз прошу этого письма не откладывать в сторону ни на одну минуту! Действуй незамедлительно, точно и определенно, иначе чужая рука растащит то, что тебе принадлежит, а я, твой законный представитель, попаду в глупое и неловкое положение [...] Решительная борьба за твои права внезапно вступила в критическую фазу, едва лишь спектакль объявлен и дело запахло деньгами [...] Комбинатор З. Каганский, очевидно, лучше знал и законы и способы, как подцепить оплошности в ведении дела [...] Ах, сколько негодяев и бандитов рассеяно по целому миру!

Я, конечно, постараюсь все сделать, чтобы избежать огласки, скандала, но как это трудно, невыразимо трудно сделать!

[...] Всплывает снова старая и путаная история: издательство Ладыжникова... издательство С. Фишера и ее единственный и всемогущий представитель *Захар Леонтьевич Каганский* , которому якобы принадлежат все права на „Зойкину“ *повсюду и навсегда!* [...] Ему, вероятно, в этом помогает второй делец Б. Рубинштейн — „бывший владелец“ издательства Ладыжникова (оба сейчас находятся в Париже). Société des auteurs, считая, что я законно тебя представляю за пределами СССР по защите авторских прав на „Зойкину“ — написало издательству С. Фишера категорическое заказное письмо несколько недель назад, но до сего дня ответа не получило [...] Итак, Ладыжников не существует, С. Фишер, может быть, также не существует, но существует Лазарь Каганский 85, который остается невидимкой [...]».

[1] «Подлинное письмо Ладыжникова отправил 5 февраля. Булгаков»

[...] «Сообщаю, что я никогда и никоим образом не уполномачивал Захария Каганского защищать мои права на пьесу „Зойкина квартира“. Автор Михаил Булгаков» (*франц.*).

Мне кажется, что главным является то обстоятельство, что по недосмотру в моем письме к Ладыжникову от 8 октября 1928 г. не указан срок его действия. Мне кажется совершенно ясным, что оно утратило всякую силу (иначе что же — вечная кабала?!). Но если этого не признают в Париже и борьба за полное мое право ни к чему не приведет, нужно добиться того, чтобы хоть та часть моего гонорара, которая будет признана бесспорной, не была бы отправлена в Берлин (Фишер). Заяви в Société, что я не могу иметь дело с фирмой в Германии, потому что она не высылает денег. Значит, мой гонорар пропадет совсем. С Каганским борьба должна быть отчаянной, чудовищно думать, что известный определенный мошенник захватит литераторские деньги. Если, в худшем случае, ему удастся все-таки профилировать в качестве «представителя», нужно принять все меры, чтобы хоть бесспорная часть гонорара не была бы выдана ему!

Понимаю все трудности, понимаю как велика путаница! А мне как трудно!

Целую тебя. Твой *М. Булгаков.*

Вырезка из «Le Jour» [1] получена.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

Москва, 11 февраля 1937

Дорогой Коля!

У меня нет и не было договора (соглашения) на французском языке между М.П. Рейнгардг и мной. Она прислала французское письмо от 5 июля 1933 года, которое прилагаю тебе при этом моем письме, а я ей отправил в ответ два письма, копии с копий которых при этом прилагаю также. Кроме того, прилагаю при этом письме письмо Фишера ко мне от 20 октября 1933 года, где сказано:

«Ferner haben wir zur Kenntnis genommen, das Jhr Herr Bruder für Jhr Stuck „Zoykas Wohnung“ Vollmacht besitzt», что означает: «Далее, мы приняли к сведению, что Ваш брат владеет полномочием по Вашей вещи „Зойкина квартира“», из чего видно, что Фишер был извещен мной о том, что я тебе дал полномочия по «Зойкиной квартире». А извещал я их в такой форме:

«Извещаю Вас о том, что все права, связанные с постановкой и охраной за пределами СССР пьесы моей „Зойкина квартира“, а равно также и получение гонорара по этой пьесе, полностью предоставлены мною доверенностью брату моему Николаю Афанасьевичу Булгакову, проживающему II rue Jobbé Duval, Paris XV-e, M-r docteur N. Boulgakow и вступившему в члены французского Общества драматургов и композиторов. К Н.А. Булгакову и надлежит обращаться по всем вопросам, связанным с постановкой „Зойкиной квартиры“ за границей». (Мое письмо от 6 октября 1933 года, пункт 2).

Считаю долгом добавить, что потом в письме от 21 февраля 1934 года ко мне Фишеровская фирма сообщала что она, мол, поняла мое извещение так что тебе предоставлено право получать тантьему с представлений На это я, помнится, ничего не отвечал.

Вот и все, что я могу послать тебе в этом письме [3].

---

[1] «Le Jour»— газета «День» (*франц.*).

[2] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 9).*

[3] 12 февраля 1937 года Е.С. Булгакова записала в дневнике: «У Миши отвратительное настроение, связанное с „Зойкиной квартирой“ в Париже. Опять вчера рылись в архиве, опять посылали документы. Дома не издают, а за границей грабят».

Твой *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — В.Г. Сахновскому [1]

Москва, 6 марта 1937 г.

Дорогой Василий Григорьевич,

Извещаю Вас что в «Литературном агентстве» имеется поступление за «Мертвые души» из Чехословакии в сумме чешских крон 394-24, из которых, согласно нашего договора с Вами, Вам причитается одна шестая часть.

Копию моего договора с «Литературным агентством» (№ 118 от 14 декабря 1935 года) прилагаю при этом письме.

Побывайте в агентстве у Дмитрия Александровича Уманского, условьтесь, чтобы при дальнейших поступлениях Вашу часть выдели бы сразу и зачисляли на Ваш счет.

Адрес агентства — Леонтьевский пер.24, телефон 2-69-58.

Уведомьте меня, пожалуйста заказным о получении этого письма.

Как поживает «Анна»? Когда выпускаете? [2]

Дружески приветствую Вас.

Ваш *М. Булгаков.*

Драматург
Михаил Афанасьевич Булгаков
Автобиография [3]

Сын профессора Киевской Духовной Академии, родился 3 мая 1891 года в Киеве.

В 1909 году окончил Киевскую Первую Гимназию, а в 1916 году — Киевский Университет по медицинскому факультету.

В 1916—1917 годах служил в качестве врача в Земстве Смоленской губернии.

В 1918—19 годах проживал в Киеве, начиная заниматься литературой одновременно с частной медицинской практикой.

В 1919 году окончательно бросил занятие медициной.

В 1920 году, проживая в г. Владикавказе, работал в Подотделе Искусств, сочиняя первые пьесы для местного театра.

В 1921 году приехал в Москву на постоянное жительство.

В 1921—24 годах в Москве служил в Лито Главполитпросвета, работал в газетах в качестве хроникера, а впоследствии — фельетониста (газета «Гудок» и другие), начал печатать в газетах и журналах первые маленькие рассказы.

В 1925 году был напечатан мой роман «Белая гвардия» (журнал «Россия») и сборник

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова. Кн.1. Л., 1991. Печатается и датируется по первому изданию.*

[2] В.Г. Сахновский совместно с Немировичем-Данченко готовили премьеру «Анны Карениной», торопились, предполагая взять этот спектакль в Париж, где должны были состояться гастроли в этом году. 21 апреля 1937 года премьера состоялась.

[3] *Письма. Печатается по этому изданию.*

рассказов «Дьяволиада» (Издат. «Недра»).

В 1926 году Московским Художественным Театром была поставлена моя пьеса «Дни Турбиных», в том же году Театром имени Вахтангова в Москве была поставлена моя пьеса «Зойки на квартира».

В 1928 году Камерным московским театром была поставлена моя пьеса «Багровый остров».

В 1930 году Московским Художественным Театром был принят на службу в качестве режиссера-ассистента.

В 1932 году Московским Художественным Театром была выпущена моя пьеса по Гоголю «Мертвые души», при моем участии в качестве режиссера-ассистента.

1932—36 годы продолжал работу режиссера-ассистента в МХАТ, одно время работая и в качестве актера (роль Председателю суда в спектакле «Пиквикский клуб» по Диккенсу).

В 1936 году МХАТ была поставлена моя пьеса «Мольер», при моем участии в качестве режиссера-ассистента. В том же году Театром Сатиры в Москве была подготовлена к выпуску пьеса моя «Иван Васильевич» и снята после генеральной репетиции.

В 1936 году, после снятия моей пьесы «Мольер» с репертуара, подал в отставку в МХАТе и был принят на службу в Гос. Ак. Большой Театр Союза ССР в Москве на должность либреттиста и консультанта, в каковой должности и нахожусь в настоящее время.

Для Государственного Академического Большого Театра в том же году сочинил либретто оперы «Минин и Пожарский», подготовляемой в настоящее время к постановке при моем участии.

В 1937 году для Гос. Ак. Большого Театра сочинил либретто оперы «Черное море» [1].

Помимо вышеперечисленных пьес, автор пьес: «Бег», «Александр Пушкин» и других. Переведен на французский, английский, немецкий, итальянский, шведский и чешский языки.

Член Союза Советских
Писателей

М. БУЛГАКОВ

Москва, 20 марта 1937 года.

П.М. Керженцеву
Председателю Всесоюзного Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР
Платону Михайловичу Керженцеву [2]

Драматурга и консультанта-
либреттиста ГАБТ
Михаила Афанасьевича Булгакова

---

[1] В дневнике Е.С. Булгаковой отражен ход работы над либретто «Черное море». С предложением на эту тему (о разгроме белогвардейцев в Крыму) к нему обратилось руководство Большого театра и композитор С.И. Потоцкий. Вскоре Булгаков записал в тетради: «Черное море». Либретто оперы. Начато 16.X.1936 г. [...] Фрунзе (Михайлов). В сентябре 1920 г. назначен ком. армиями Южного фронта [...] 6/XI Фрунзе был в штабе 1 и 2 конных армий, разговаривал с Буденным и Ворошиловым [...] Фрунзе: «Доведите атаки во что бы то ни стало до конца [...] Открытая атака живой силой [...]».

Изучив источники и литературу по теме (среди них — собрание сочинений М.В. Фрунзе, труды С.М. Кирова, С.И. Гусева и других), Булгаков в течение месяца неотрывно работал над либретто и 18 ноября 1936 г. завершил работу. И хотя либретто было одобрено театром и композитором, Булгаков вскоре приступил к его переработке, существенно усиливая революционную часть текста. Главная идея булгаковского произведения заключается в том, чтобы показать закономерность, а следовательно, и неизбежность краха белого движения, не пользовавшегося поддержкой народных масс.

[2] *Творчество Михаила Булгакова, кн.2, С.-Пг, 1994. Печатается и датируется по первой публикации.*

Заявление

Обращаюсь к Вам с жалобой на действия, которые предпринял в отношении меня Харьковский Театр Русской Драмы (директор Я. Театралов).

Мною 18.11.1936 был заключен с указанным театром договор на постановку моей, сочиненной совместно с В.В. Вересаевым, пьесы «Александр Пушкин».

Сегодня я получил от этого театра вызов в Московский Горсуд с целью взыскания с меня и В.В. Вересаева 3038 руб., выданных авторам по договору.

Основанием иска служит, как пишет театр, что «М.А. Булгаков предоставил театру пьесу „Александр Пушкин“, не получив предварительно от ГУРК разрешения на постановку этой пьесы и тем ввел театр Русской Драмы в заблуждение и в убыток в сумме руб. 3038».

Сообщая, что я никак не принимал на себя предоставление разрешенной пьесы, что совершенно видно из договора, и что я, согласно законоположения, имею право взыскивать деньги с театра за непоставленную им пьесу, а не театр с меня, — протестую, главным образом, против опорочивающей меня фразы, что я «ввел театр в заблуждение», ибо никаких театров я никогда в заблуждение не вводил.

Вообще, сколько я понимаю, мое положение становится все тяжелее. Я не говорю о том, что я не могу поставить на отечественной сцене ни одной из сочиненных мною в последние годы пьес (я с этим вполне примирился). Но мне приходится теперь, как бы в виде награды за мои драматургические работы, в том числе за пьесу о Пушкине, не только отбиваться от необоснованных попыток взыскания с меня денег (описанный здесь случай — не первый), но еще и терпеть опорочивание моего литературного имени.

Обращаюсь к Вам с жалобой на это [1].

М. Булгаков,

22 марта 1937 года

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

Москва, 24 марта 1937 г.

Дорогой Коля!

Сообщаю тебе, что в первых числах февраля прекратились всякие известия из Парижа как от тебя, так и из Сосьете, и я не знаю, получены ли те документы, которые я послал тебе, в том числе то самое письмо Ладыжниковской фирмы от 3 октября 1928 года, которое требовалось.

Я не знаю, в каком положении дело. Еще раз прошу тебя приложить все усилия к тому, чтобы та часть авторского гонорара, которая причитается мне, не ушла бы в лапы Каганского или не была бы послана в Германию, а была бы оставлена в Париже.

Целую тебя, надеюсь на тебя.

М. Булгаков.

---

[1] Е.С. Булгакова подробно рассказала о том, что пришлось испытать ей и М.А. Булгакову в тяжбе с Харьковским театром (см.Дневник Елены Булгаковой, с 22 марта по 7 апреля 1937 года).

[2] *Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 10).*

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

24.III.1937 г. Москва

Дорогой Павел!

Не написал тебе до сих пор потому, что все время живем мы бешено занятые, в труднейших и неприятнейших хлопотах. Многие мне говорили, что 1936-й год потому, мол, плох для меня, что он високосный, — такая есть примета. Уверяю тебя, что эта примета липовая. Теперь вижу, что в отношении меня 37-й не уступает предшественнику.

В числе прочего второго апреля пойду судиться — дельцы из Харьковского театра делают попытку вытянуть из меня деньги, играя на несчастье с «Пушкиным» [2]. Я теперь без содрогания не могу слышать слово — Пушкин — и ежечасно кляну себя за то, что мне пришла злосчастная мысль писать пьесу о нем.

Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: «Ничего, после вашей смерти все будет напечатано!» Я им очень благодарен, конечно!

Желаю сделать антракт: Елена Сергеевна и я просим Анну Ильиничну и тебя прийти к нам 28-го в 10 часов вечера попить чаю. Черкни или позвони, можете ли быть?

Приветствую, целую!

Твой *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [3]

Москва, 4 апреля 1937 г.

Дорогой Викентий Викентьевич, сообщаю Вам, что дело в городском суде выиграно нами, в иске Художественному театру русской драмы отказано.

В делах Гурка /Репертком/ с большим затруднением удалось разыскать писанное Литовским разрешение Вахтанговскому театру пьесу «Александр Пушкин» включить в репертуар (разрешение от 20 сентября 1935 г.).

После настойчивых моих требований в Реперткоме мне выдали справку о том, что пьеса Вахтанговскому театру была разрешена, но что работы над нею были приостановлены Комитетом по делам искусств, образовавшимся в январе 1936 года.

Выступали в суде я и юрист Управления по охране авторских прав. Со стороны Харькова никто в суд не явился, к моему сожалению, я хотел бы полюбоваться на кого-нибудь из начавших это дело! Вот люди!

За день, примерно, да суда мне звонил из Комитета заместитель Боярского, Гольдман (ответ на мою жалобу) и возмущался действиями Харькова. Сказал, что от Комитета будет написано в Управление харьковскими театрами.

---

[1] *Новый мир. 1987. № 2. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 29, л. 18).*

[2] Театр русской драмы в Харькове предъявил Булгакову иск на полученный им аванс за неразрешенную к постановке пьесу о Пушкине. Процесс по суду был выигран Булгаковым, но само это событие добавило еще много горьких минут писателю (см. Дневник Елены Булгаковой за эти дни).

[3] М.А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М., 1988. Печатается и датируется по первой публикации.

Ну вот и все. Надеюсь, что к этому делу нам больше не придется возвращаться..

Я очень утомлен и размышляю. Мои последние попытки сочинять для драматических театров были чистейшим донкихотством с моей стороны. И больше я его не повторю. На фронте драматических театров меня больше не будет. Я имею опыт, слишком много испытал...

Приветствую Вас. Как прошла Ваша поездка?

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 5 апреля 1937 г.

Дорогой Коля,

вторично сообщаю, что два месяца не имею из Парижа никаких известий.

Неужели пропали письма твои ко мне или мои к тебе, содержащие документы — в частности, письмо Ладыжникова от 3 октября 1928 г., посланное тебе 5 февраля этого года?!

Такой же запрос посылаю тебе сегодня в телеграмме [2].

Целую

Твой *М. Булгаков* .

М.А. Булгаков — С.А. Ермолинскому [3]

1937.18.VI.

Дорогой Сережа!

Два получил твоих письма и очень им обрадовался — мы с Люсей тебя часто вспоминаем.

Получивши, немедленно, конечно, сел к столу отвечать и по сей день не ответил. Почему? Безмерная усталость точит меня, и, естественное дело, вылилось бы мое письмо в одну застарелую, самому опротивевшую жалобу на эту усталость. К чему портить настроение синопскому отшельнику!

Ну-с, дела у нас обстоят так: Сергей в Лианозове с Екатериной Ивановной на даче у учительницы музыки. Ногу он уже пропорол гвоздем, глаз расшиб во время фехтования и руку разрезал перочинным ножом. К великому счастью моему, нож после этого потерял, а на пруд, надеюсь, ему больше одному улизнуть не дадут.

Мы сидим в Москве прочно, безнадежно и окончательно, как мухи в варенье. Надежд на поездку куда-нибудь нет никаких, разве что произойдет какое-нибудь чудо. Но его не будет, как понятно каждому взрослому человеку.

Я пользуюсь поэтому каждым случаем, чтобы выбраться на Москва-реку, грести и выкупаться... Без этого все кончится скверно — нельзя жить без отдыха.

На столе у меня материалы по Петру Великому — начинаю либретто. Твердо знаю, что,

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 11).*

[2] Н.А. Булгаков ответил телеграммой, что документы он получил.

[3] *Независимая газета, 1996, № 15. Печатается и датируется по первому изданию.*

какое бы оно ни было, оно не пойдет, погибнет, как погибли и «Минин» и «Черное море», но не писать не могу. Во всяком случае, у меня будет сознание, что обязательства свои по отношению к Большому театру я выполнил, как умел, наилучшим для меня образом, а там уж пусть разбираются, хотя бы и тогда, когда меня перестанут интересовать не только либретто, но и всякие другие вещи.

Что же еще? Ну, натурально, всякие житейские заботы, скучные и глупые.

Был Куза с нелепым предложением переделывать «Нана» или «Bel'ami» в пьесу.

Я было поколебался, но, перечтя романы, пришел в себя. В самом деле, за возможность на две недели отправиться куда-нибудь к морю, навалить на себя груз [тяжелой, портняжной] работы, которая к тому же тоже не пойдет! Нет, это слишком дорогая цена.

Сидим с Люсей до рассвета, говорим на одну и ту же тему — о гибели моей литературной жизни. Перебрали все выходы, средства спасения нет.

Ничего предпринять нельзя, все непоправимо.

Ну вот и написал довольно бодрое письмо!

Желаю тебе успеха в работе, Марике желаю прочно поправиться.

Приезжай, не забывай, что тебя в Нащокинском любят. Обнимаю тебя дружески и дважды — за себя и за Люсю. Марике передай два поцелуя, а если успеешь, то и напиши.

Твой Михаил.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 15.VII.37

Дорогой Коля!

Я в полном недоумении и беспокойстве. После твоей телеграммы, полученной 7.IV.37 г. «Documents recue attendez lettre Nicolas» [2] из Парижа никаких известий, ни от тебя, ни из Société. Я не знаю, что делается с «Зойкиной», что с авторским гонораром.

Твое молчание меня тревожит. Прошу тебя известить меня.

Целую тебя.

Твой *Михаил.*

М.А. Булгаков — Я.Л. Леонтьеву [3]

17.III.(19)37
Житомир, Богунья.
Дача Тарасевича [4]

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 17, л. 12).*

[2] Документы получены. Ждите письмо. Николай (*франц.*).

[3] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 27, л. 3).*

[4] Каждое лето для Булгаковых было проблемой куда ехать? И каждый раз инициативу на себя брала Елена Сергеевна. На этот раз она решила увезти Михаила Афанасьевича подальше от Москвы, под Житомир. 1 июля 1937 г. она записала в дневнике: «Я поговорила со Степуном по телефону относительно нашего приезда. Он ответил, что его бы это очень обрадовало, он постарается наладить так, чтобы М. А. мог очень хорошо отдохнуть и работать». Запись 10 июля: «Решили ехать в Богунью на месяц — к Степунам. Так как денег не хватает, хочу спросить в долг...» А по возвращении из Богуньи Елена Сергеевна записала: «Вспоминаю Киев —

(В Москву)

Дорогие друзья,

здесь прелестно! И вот, радуясь солнцу, речке, акациям, липам, сладостному воздуху и надежде излечиться от утомления, и Люся и я нежно Вас целуем, а подробности тоже напишем.

Ваш *М. Булгаков.*

1936-1938
Переписка
Б.В. Асафьева с М.А. Булгаковым [1]

какой чудесный радостный город! Мы были там всего 3 часа, поднялись на Владимирскую горку — мое любимое место».

[1] *Эти письма М.А. Булгакова хранятся в отделе рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 369, ед. хр. 306. Письма Б.В. Асафьева хранятся там же, ед. хр. 348.*

Переписка Б.В. Асафьева с М.А. Булгаковым впервые опубликована в книге «Музыка России», вып. 3, «Советский композитор», М., 1980. Публикация и комментарии А. Павлова-Арбенина.

Асафьев Борис Владимирович (1884—1949) — русский советский композитор, музыкальный критик, академик АН СССР, народный артист СССР. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1908) и Петербургскую консерваторию по классу композиции (1910). Свою трудовую деятельность начал как концертмейстер балета в Мариинском театре. Как музыкальный критик под псевдонимом Игорь Глебов начал выступать в популярных газетах и журналах. С 1925 г. — профессор Ленинградской консерватории. На Первом Всесоюзном съезде советских композиторов был избран председателем Союза композиторов СССР (1948). Специалисты подсчитали, что за свою творческую жизнь Борис Асафьев написал 28 балетов, 4 симфонии, музыку к драматическим спектаклям, большое количество романсов и камерно-инструментальных произведений, 11 опер, в том числе и оперу «Минин и Пожарский».

«Опера „Минин и Пожарский“ (в 4 действиях 9 картинах) написана мною по заданию Всесоюзного комитета по делам искусств и Государственного академического ордена Ленина Большого театра СССР. Либретто М.А. Булгакова. Основная тема: защита родины, основной канвой сценария является возникновение и продвижение народного нижегородского ополчения и изгнание поляков-интервентов из Кремля (1612). Музыка оперы песенно-напевная, стремится воссоздать в реалистических массовых сценах через широко развитые хоровые ансамбли ряд картин могучего народного патриотического подъема», — писал Б.В. Асафьев в автокомментарии к опере.

Замысел оперы возник как результат драматического стечения обстоятельств. А все началось со статьи в «Правде», в которой подвергнут был полному разгрому спектакль «Мольер» в Художественном театре. Спектакль, как мы уже знаем, сняли, и М.А. Булгаков был раздавлен этой неудачей. Но вот перед нами письмо О.С. Бокшанской, сестры Е.С. Булгаковой и секретаря Немировича-Данченко, которое кое-что объясняет в развитии дальнейших событий: «...Владимир Иванович, совсем по секрету, потому я знаю, что М.А. Булгаков оторвал бы мне голову, если бы узнал, что я без его ведома и спроса рассказываю о нем. Сегодня утром он вызывался к Керженцеву, пробыл у него полтора часа. После этого он был в театре, сказал мне об этом факте, а когда я спросила, о чем был разговор, то он ответил, что дело шло о будущей работе, что он еще весь под впечатлением множества мыслей, что он „даже жене еще не успел рассказать“ и т. п. Словом, впечатление у меня такое, что ему хотели дать понять, что унывать от статьи он не должен и что от него ждут дальнейшей работы. Я его спросила: что ж, это был „социальный заказ“? Но точного определения, что это было, я так и не получила. Сказал он мне об этом свидании случайно, потому что Керженцев просил его позвонить ему через какой-то срок, а телефона керженцевского он не знает. Вот он за ним и пришел ко мне. Возможно, что дальше Михаил Афанасьевич и не будет делать из этого секрета, но вначале он всегда „засекречивает“ свои мысли и поступки».

Осенью 1936 года М.А. Булгаков твердо решил перейти в Большой театр либреттистом. П. Керженцев, естественно, этот переход согласовал с С. Самосудом, главным дирижером Большого театра. Незадолго до этих событий из Ленинграда в Москву приехал Б.В. Астафьев, побывал за кулисами Большого театра. Вместе с Самосудом осматривая хозяйство Большого театра, помог установить, что значившийся занавес как «Въезд Михаила Романова в Кремль» вовсе таковым не является: на занавесе изображен «Въезд князя Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина-Сухорука в Кремль».

— Вот превосходный сюжет для оперы, — добавил при этом Асафьев.

1. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

10/VII/1936. Поленово
(Дом отдыха ГАБТ)

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Самосуд же искал тему для героико-патриотического спектакля, в котором возникла острая нужда.

Так возникла тема оперы, так возникло творческое содружество М.А. Булгакова и Б.В. Асафьева.

Но эту оперу не суждено было поставить в Большом театре, хотя авторы ее своевременно представили и либретто, и клавир.

Договор с М.А. Булгаковым и с Б.В. Асафьевым был заключен в июне 1936 г., через полгода опера должна быть готова. И работа началась, переписка между соавторами подробно передает некоторые ее этапы. 17 ноября 1936 г. Асафьев сообщает своему другу юности Н.Я. Мясковскому: «Оперой я очень доволен и так ею дорожу, что жалко расставаться и пускать на рынок. Написав ее одним взмахом, как обычно без рояля, я чувствовал необычную радость с точки зрения технической: все, что хочу, умею делать. Кроме того, сила эмоций и качество музыки (в смысле еще большего самовыявления) повысилась в сравнении с „Партизанами“. В общем, как музыкант, я ощущаю себя в росте».

Вскоре после завершения работы над оперой состоялось ее обсуждение руководителями Комитета по делам искусств и Большого театра, высказано было немало справедливых замечаний, и прежде всего, как писал Керженцев, «текста и музыки было пока маловато (чистой музыки, без антрактов только около часу с небольшим)». Вторичное обсуждение оперы Керженцев намечает на середину марта 1937 г., «если успеете все дописать».

А в мае 1937 г. в театре родилась идея поставить «Ивана Сусанина» в новой редакции. Подготовка текста была поручена поэту Сергею Городецкому. Постановка двух опер на родственные темы одновременно в одном и том же театре — дело невозможное. И в сентябре 1937 г. Асафьев пишет П. Керженцеву, что если верны слухи о возобновлении «Ивана Сусанина», то продолжать работу над «Мининым и Пожарским» нет смысла. 7 октября Керженцев подробно разъясняет позицию Комитета по делам искусств: «Вопрос о постановке „Минина и Пожарского“ оттянулся только по той причине, что мы получили разрешение поставить „Ивана Сусанина“ в новой редакции. Мы, конечно, не могли этого дела откладывать. Поставить в одном году две оперы про одну и ту же историческую эпоху, конечно, нерационально. Опера „Минин и Пожарский“ остается заданием, которое мы получили и которое обязаны выполнить. Я считаю, как Вы знаете, что Ваши попытки в этой области в общем удачны, но я считаю также, что пока либретто, даже после переделки, еще недостаточно. Нам нужна опера большого масштаба, героическая, и прежде всего должны быть более широко показаны народные массы. Нужно вывести каких-то ее представителей, дав соответствующий музыкальный материал. Вот этот показ масс еще не достигнут, в основном по вине либретто. С одной стороны, образ Минина и образ Пожарского требуют также дополнительных характеристик. Сейчас оба образа все-таки близки. С другой стороны, надо учесть, что пока музыки примерно на полтора часа, то есть музыкальный материал может быть увеличен почти вдвое...»

20 декабря 1937 г. П. Керженцев вновь возвращается к проблематике «Минина и Пожарского» и адресует свое письмо Булгакову, Асафьеву и Самосуду: «Моя тема снова „Минин и Пожарский“. На днях я еще раз имел возможность беседовать об этом с руководящими товарищами (по их инициативе). Меня спросили, как подвигается опера. Думаю, это даст Вам новый толчок, чтобы работать над „Мининым и Пожарским“. На днях я имел длительную беседу с Булгаковым, указав ему, что именно либретто требует дополнения и развертывания.

Основное — это более широко и полно дать образ Минина, как героического народного вождя, дорисовать образ Пожарского, как доблестного честного воина, дать более развернутые и осложненные характеристики другим действующим лицам, более развернуто дать массу. Создать некоторые, не то что конфликты, но какое-то осложнение и разногласие в позициях Пожарского и Минина в Костроме. Например, что Пожарский несколько осторожен, требует выжидания в Костроме, чтобы подтянуть силы, а Минин более политически прозорлив, требует быстрейшего наступления на Москву, учитывая, что силы Ополчения пополнятся в процессе похода на Москву, и сознавая важность быстрого военного удара...»

П. Керженцев напоминает авторам, что в опере нет еще такой арии, которая бы хоть чем-то напоминала такие арии, как ария князя Игоря. «Я указал Булгакову, — продолжает Керженцев свое письмо, — что в пьесе „Козьма Минин“ Островского есть подобный монолог, где много хорошего, что можно позаимствовать. Вот над этой арией я прошу особенно поработать. Это должно быть кульминацией. Думаю, что можно вставить ее в самом начале Новгородских сцен до веча... Я еще раз перечитал либретто Булгакова и считаю, что в основном оно не плохое, но еще схематично и требует значительной доработки. Ведь размер оперы пока что получился маленький... Я сообщил руководящим товарищам, что работа над „Мининым и Пожарским“ у нас несколько отложилась из-за восстановления новой редакции „Ивана Сусанина“...»

Сюда вчера приехал Мел[ик]-Пашаев [1] и сообщил мне радостную весть: Вы кончили «Минина» [2]. Разрешите, поэтому, Вас от души поздравить и приветствовать, 11-го, т[о] е[сть], завтра, сюда возвращается Мутных [3] и я сговорюсь с ним, как наладить нашу встречу. Не терпится!..

Я здесь с 24.VI. Дней шесть отдыхал, а потом попытался залпом осилить эскизы «К[авказского] пленника» [4], но чуть просчитался: очевидно, годы не позволяют работать по десять — двенадцать часов! Во всяком случае, к 15.VII собираюсь «Пл[енника]» кончить и тогда сразу начну думать над «Мининым», ибо в успех этого дела глубоко верю и увлечен пламенно. Привет В[ашей] супруге. Крепко жму Вам руку и еще, и еще раз сердечно поздравляю. Всего Вам доброго.

Б. Асафьев

2. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

23.VII.1936 (Ленинград)

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, что я уехал, не повидав Вас и не позвонив Вам. Я чувствовал себя очень плохо в Москве, и еще когда был у Вас вечером — еле-еле справлялся с собой, чтобы не выдать мучавшей меня невралгии и неладностей с сердцем.

Пишу Вам, чтобы еще раз сказать Вам, что я искренне взволнован и всколыхнут Вашим либретто. Вы не должны ни нервничать, ни тревожиться. Я буду писать оперу, дайте только отдышаться и дайте некоторое время еще и еще крепко подумать над В[ашим] текстом в связи с муз[ыкальным] действием, т[о] е[сть] четко прощупать это действие. Обо всех своих соображениях буду Вам писать. Не сердитесь, если буду надоедать.

Умоляю, не терзайте себя. Если б я знал, как Вас успокоить! Уверяю Вас, в моей жизни бывали «состояния», к[отор]ые дают мне право сопереживать и сочувствовать Вам: ведь я тоже одиночка. Композиторы меня не признают [...] Музыковеды, в большинстве случаев, тоже. Но я знаю, что если бы только здоровье, — все остальное я вырву у жизни. Поэтому, прежде всего, берегите себя и отдыхайте. Привет супруге. Всего, всего Вам доброго.

Б.Асафьев

3. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову
Телеграмма

[17.X.1936]

Вчера шестнадцатого кончил нашу оперу приветы.

---

[1] Мелик-Пашаев Александр Шамильевич (1905—1964) — выдающийся советский дирижер, с 1931 г. работал в Большом театре СССР, друг М.А. Булгакова.

[2] В июле М.А. Булгаков завершил первый вариант либретто оперы «Минин и Пожарский».

[3] Мутных Владимир Иванович — в те годы директор ГАБТа СССР.

[4] В это время Б.В. Асафьев завершал работу над клавиром балета «Кавказский пленник».

Асафьев

4. М.А. Булгаков— Б.В. Асафьеву
Телеграмма

17.X.1936
Радуюсь горячо приветствую хочу услышать.

Булгаков

5. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

12.XII.1936

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Спасибо за приезд, за чуткость. Но сперва о Мордве. Пока из моих изысканий по этой части ничего не вышло. В занятной книжке Чичагова [1] (Жизнь кн[язя] Пож[арского], келаря Палиц[ына] и гражд[анина] Минина) сказано, что в Юрьевце Поволгском соединились с армией татары, зависевшие от России, но неясно, что это за татары. У Платонова [2] сказано, что бездомные смольняне, вязьмичи и дорогобужцы, лишившись поместий в своей области, желали получить земли в Арзамасском уезде, но и оттуда были выгнаны мордвою! В любопытных Очерках Мордвы Мельникова [3] много сведений о восстаниях мордвы, но как раз на годы 1611—1612 от таковых восстаний ничего не приходится: мордву, по-видимому, усмирили крепко в 1609 г.! Очерка Мельникова [4] Ниж[ний] Новгород и нижегородцы в смутн(ое) время я еще не достал, но думаю, что там вряд ли фигурирует мордва. Достал я еще занятную книжечку И. Беляева [5]: О русском войске в царств[ование] Мих[аила] Фед[оровича], думаю что там найдется кое-что о составе армий и ополчений до Романовых И

---

[1] Чичагов Никифор Петрович (17?—1855) — русский писатель и историк. Работая над оперой «Минин и Пожарский», Б. Асафьев пользовался его книгой «Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина» СПБ., 1848.

[2] Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — русский историк, академик АН СССР, окончил Петербургский университет в 1882 г., с 1899 г. профессор этого университета. С. Ф. Платонов много лет изучал события русской истории XVI—XVII вв., особенно так называемое время «Смуты». Автор «Статей по русской истории» и «Лекций по русской истории», а также книг о Борисе Годунове и Иване Грозном.

[3] Мельников Павел Иванович (псевдоним — Андрей Печерский) (1818—1883) — русский писатель. Родился в дворянской семье. Окончил словесный факультет Казанского университета. Автор романов «В лесах» и «На горах». Имеет многочисленные очерки по этнографии, по истории мордовского и других народов, расселенных в России.

[4] Мельников Андрей Павлович (1855—1930) — археолог, историк, сын П.И. Мельникова. Б.В. Асафьев заинтересовался его книгой «К трехсотлетию Смутного времени...», М., 1911.

[5] Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873) — русский историк. Родился в семье священника. В 1833 г. окончил Московский университет. С 1852 г. — профессор истории права Московского университета. Автор трудов по истории русского крестьянства, права, хозяйства, быта, военного дела, летописания в России. Наиболее значительный его труд — «Крестьяне на Руси». Б.В. Асафьева привлекла его книга «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его до преобразований, сделанных Петром Великим» (М., 1846).

кое-что интересное нашлось, но не по части инородцев (кроме татар: о последних говорится в разрядах о коннице, в которую входили Новокрещены, Мурзы и князья Татарские!). Вот пока и все. Думаю, что нижегородскому ополчению и целям объединения государства мордва не могла сочувствовать и вряд ли входила в состав ополчения. Вытащить ее на оперную сцену будет поэтому трудновато. Но на самый крайний случай несколькими приволжско-инородческими напевами я обладаю. Куда только их вклеить? Они зазвучат пятном всюду. Разве только, если самим нам придумать сцену в стане русского ополчения?! Но, боюсь, длинноты!.. Словом, как видите, с Мордвой плохо.

Клавир «Минина» корректирую и на днях его кто-л[ибо] свезет. Самочувствие у меня гнусное. Потерял энергию, не могу работать и чувствую, что как-то схожу на нет. Прочитал изъяснение Самосуда [1] в «Сов(етском) иск(усстве)» о том, что «Поднятая целина» идет в первую очередь, и успокоился: значит, нечего торопиться — «Минин» в этом сезоне поставлен не будет и увидит свет, в лучшем случае, через год после своего окончания. В самом деле, если в феврале «Руслан», то значит «Целина» не раньше середины апреля. Ну, а там какой-ниб(удь) балет (здесь говорят о «Сне в летнюю ночь» Менд(ельсона), где же «Минин»? Если же «Руслан» запоздает до марта, то отодвинется и «Целина» [...]

Приезд Ваш и Мелика вспоминаю с радостью. Это было единственно яркое происшествие за последние месяцы в моем существовании: все остальное стерлось. При свидании нашем я, волнуясь, ощутил, что я и человек, и художник, и артист, а не просто какая-то бездонная лохань знаний и соображений к услугам многих, не замечающих во мне измученного небрежением человека. Я был глубоко тронут чуткостью Вас обоих. Сердечное спасибо...

Привет Вашей супруге. Намерены ли Вы ждать решения судьбы «Минина» или можно начать думать о другом сюжете уже теперь? Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское до всего мира чуткое сердце, и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра? В Радищеве? В Новгородских летописях (борьба с немцами и всякой прочей «нечистью») или во Пскове? Мне давно вся русская история представляется как великая о_б_о_р_о_н_н_а_я т_р_а_г_е_д_и_я, от которой и происходит извечное русское тягло. Знаете ли Вы наметки Грибоедова о «1812 годе», т[о] е[сть] наброски трагедии из этой эпохи? Тема, тоже давно меня манящая. Там также личность ликвидируется тяглом. Конечно, бывали просветы (Новгород и Ганза, Петр и Полтава, Александр I и Париж), когда наступала эра будто бы утех, право государства на отдых после борьбы за оборону, и отсюда ненадолго шло легкое раскрепощение личного сознания от гос[ударственного] тягла, но и эти эпохи — мираж. Действительность с ее лозунгом «все на оборону» — иначе нам жить не дадут и обратят в Китай — вновь отрезвляла умы. Простите за косноязычие рассуждения, это всего лишь наметки для того, чтобы указать Вам, чего мне хочется. Трагедия жизни Пушкина, его «Мед[ный] всадник», Иван IV, жертвующий Новгородом; Екатерина II, жертвующая своими симпатиями к франц[узской] вольтер[ианской] культуре, а вместе и Радищевым, и Новиковым; Петр, жертвующий Алексеем; Хмельницкий (Украиной в пользу Московии) и т.д. и т.д. — все эти вариации одной и той же оборонной темы. Не отсюда ли идет и на редкость странное, пренебрежительное отношение русского народа к жизни и смерти и неимоверная расточительность всех жизненных сил?!

Ваш *Б. Асафьев*

Убедился, что не знаю и не могу найти адреса Мелик-Пашаева. Очень прошу Вас отослать ему прилагаемое письмо. Секретов нет. Извините за беспокойство. 1 2

---

[1] Самосуд Самуил Абрамович (1884—1964) — дирижер, народный артист СССР. Музыкальное образование получил в Тбилиси, затем в Праге и Париже. Дирижировал в Мариинском и Малом оперном театрах в Ленинграде. С 1936 г. — дирижер Большого театра СССР, его художественный руководитель.

6. М.А. Булгаков — Б. В. Асафьеву

Москва 9.I.[19]37г.

Дорогой Борис Владимирович!

Не сердитесь за то, что до сих пор не написал Вам. Не писал потому, что решительно не знал, что написать.

Сейчас сижу и ввожу в «Минина» новую картину и поправки, которые требуют.[...]

Я ценю Вашу работу и желаю Вам от души того, что во мне самом истощается, — силы.

7. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

13 февраля [19]37 г. Москва

Дорогой Борис Владимирович!

Ко мне обратился молодой композитор Петунин и сказал, что хочет писать оперу о Петре, для которой просит меня делать либретто.

Я ему ответил, что эта тема у меня давно уже в голове, что я намереваюсь ее делать, но тут же сообщил, что Вы ее уже упомянули в числе тех, среди которых ищете Вы и, что если Вы захотите осуществить Петра, я, конечно, буду писать либретто для Вас.

Итак, желаете делать Петра или хотите остановиться на чем-нибудь другом, насчет чего мы с Вами можем подумать?

Если Петра не хотите, я скажу Петунину, что Петр свободен, а так как я все равно либретто это, полагаю, буду делать (если Большой примет тему), то пусть он сговаривается с Большим, пробует, тем более, что он строит свои надежды на этой опере.

Напишите мне срочно, пожалуйста.

Приветствую Вашу супругу и Вас.

М. Булгаков

8. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

16.II.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, пишу спешно (есть оказия) и карандашом. Не могу писать большого письма, т[ак] к[ак] все еще измотан «Партизанами» [1]. Вкратце: о работах с Вами. Петра обязательно со мной. Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому-либо. Затем, с Вами же намерен делать Хаджи Мурата (тоже давно облюбовываю и с ужасом услышал, как Керженцев назвал эту тему для оперы в числе желанных: я его умолял никому ее не выдавать). И, наконец, в третью очередь (с Вами же) 1812 год по наметке трагедии А.С. Грибоедова. Все остальное пусть с Вами работают другие!.. Если останусь жив, непременно сделаю эти три вещи.

Две дополн[ительные] картины «Минина» совсем сложились в голове. В первый же свободный день запишу и отдам переписать. Вот только никак не могу сломать Лобного места. Прямо беда!

---

[1] В это время Б.В. Асафьев работал над завершением балета «Партизанские дни».

Вставка о дележе Российского царства необходима. Почему бы в польский лагерь не мог попасть с какими-л[ибо] поручениями Федька **Андронов** ? Что, если Хоткевич с ним выходит из шатра, на каком-то незавершенном разговоре, раздосадованный неуступками. Нет надобности, чтобы моск[овские] бояре, сигизмундовцы, были какими-то розничными торговцами клочками родины 9, но важно раскрыть колонизаторско-интервенционистский смысл смутной поры и противопоставить этому где-то — хотя бы через слова Минина — государственно-организационную политику городов Приволжья, — и из этих-то слов, что поляки-де тут не остановятся и мелочью не удовлетворятся, и должен вытечь тост Хоткевича! Или эта вставка может быть перед словами Хоткевича после тоста, перед его зовом в поход («близок рассвет»). Для музыки это удобнее. Словом, я лично понял, что вставка эта по своему смыслу для кого-то важна и нужна.

Итак, умоляю.

Привет В[ашей] супруге, Мелику. Музыку дополн[ительных] сцен скоро пришлю. Костромой я доволен. Мордовскую тему нашел.

В сущности, я не понимаю, почему нельзя разучивать «Минина». Семь картин?! Ведь «Целину» же готовили до ее окончания?! А моя фирма в техническом отношении прочнее.

Целую Вас.

Б. Асафьев

9. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву
Телеграмма

17.II.[19]37

Начиная постановку Минина Заканчивайте музыку кратчайший срок Немедленно ознакомьте Дмитриева [1] оперой.

Булгаков.

10. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

27.II.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич! Новый вариант либретто получил. Все хорошо, особенно сцена в Костроме. Зарезана только моя муз[ыкальная] концепция Лобного места! Как тут выбраться, пока не знаю! Напишите или телеграфируйте, санкционировал ли Комитет В[аши] добавления. Если да, я готов быстро все досочинить, чтобы не было отговорок, что опера не готова. Хотя я и понимаю, что ее очередь после дождичка в четверг, но хочу, чтобы на меня вина не падала за столь длительную отсрочку. Кстати, Мелик-Пашаев не ответил мне на целых три письма. Он отступился от «Минина» или его отступили?! Привет В[ашей] супруге. Сердечно обнимаю Вас и умоляю не сдаваться.

Б. Асафьев

Да, здесь меня осаждают из Нижнего (Горький) просьбами разрешить им постановку «Минина». Сообщите В[ашу] точку зрения. Я их послал в Комитет.

---

[1] Дмитриев Владимир Владимирович (1900—1948) — советский театральный художник, друг М.А. Булгакова.

11. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову
Телеграмма

20.II.[19]37

Кончил и сдал [в] переписку вторую картину первого акта пишу картину шестую.

Асафьев.

12. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову
Телеграмма

23.II.[19]37

Кончил костромскую картину сдал переписку шлю письмо приветы.

Асафьев.

13. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву
Телеграмма

5.III.[19]37

Ваши телеграммы получил. Радуюсь Жду нетерпением музыку Обнимаю

Булгаков

14. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву
Телеграмма

10.III.[19]37

Почему задерживается присылка музыки Телеграфируйте Приветы

Булгаков

15. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

12.III. 1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, что молчал. Замучили репетиции «Партизан» и «Казначейши» [1]. Дни уходят на это. Ночами же работал над музыкой (инструментовка) для «Бориса» для МХАТа. А так как я очень изнурен, то времени для остальных дел нет. Итак, сперва отвечаю на телеграммы

---

[1] Казначейша — опера Б.В. Асафьева по поэме М.Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша». Премьера — 1 апреля 1937 г. в Ленинграде.

Вашу и Вл. Ив. Мутных. Не посылал двух дополнительных сцен потому, что у нас кризис с переписчиками. Все хорошие перегружены в данное время, а плохим — зря давать. Еле-еле мне удалось уговорить переписать эти две злополучные сцены к 13/14 марта. Завтра надеюсь уже их проверить и тогда пошлю, хотя еще не знаю с кем. Польскую сцену я пока не трогал. Лобное место не выходит с дополнениями. Либо надо его сохранить, либо писать заново, п[отому] что нельзя на данной музыке сломать ее эмоциональное развитие, не разрушив всего смысла композиции. Ужасная штука в опере — резонерство! В сцене у Минина мне в одном месте пришлось вставить слова (Вы их выправите). Ваш Мокеев, толкаясь по Москве, слышал толки об Илье (Гонсевский Ильюшу на цепь приковал). Но мне необходимо, чтобы он, где-то на базаре или в кабаках, услышал речь и про бояр, предавшихся полякам. Иначе Мокеев сообщает все только для Марии. Это выходит блеклым. Я прибавил поэтому слова: «слышал еще я о боярах молву: спорят о власти и делят предатели нашу страну, шведов и Польшу зовут на Москву...» 10. Конечно, Вы сделаете это ярче, и сделать необходимо.

Теперь иное: я, собственно, удивляюсь спешке с нотным материалом дополнительных картин, а следовательно, непонятны мне и обе телеграммы, особенно В.И. Мутных («работа „Мининым“ задерживается отсутствием музыки, просьба ускорить присылку»). Если опера идет, то ведь в театре **клавир семи картин** , — как же отсутствует музыка? Ничего не понимаю. Ведь учить-то эти семь картин можно. Но по моим сведениям, опера не идет. И значит, «отсутствие музыки» новых картин, очевидно, задерживает не разучивание, а новый (заново) просмотр всей оперы, как это и можно понять из письма ко мне Платона Михайловича [1] («в середине марта собираемся прослушать „Минин“»). Если мое предположение верно, то материал поспеет как раз к сроку. Правда, «Подн[ятую] целину» можно принимать авансом и разучивать до окончания. Но я еще композитор неумелый и незрелый, не владеющий техникой муз[ыкальной] речи, и потому я понимаю всю осторожность в отношении моей работы. И все-таки, о каком же отсутствии музыки может идти речь? Или я чего-то не разобрал, и речь шла о переработке всей музыки? И я должен выслать совсем новый клавир? Но тогда — другой разговор. Пишу Вам и чувствую, что волнуюсь, хотя чего ради? По всем данным, опера не идет. По другим же слухам, ее уже сослали в Филиал. Очевидно, массовые сцены будут купюрованы? Когда у меня был Платон Михайлович и восторженно описывал мне, какой он сценически представляет себе нашу оперу с точки зрения политической значимости тематики, я все время ощущал большой размах, большой план и, следовательно, сцену Большого театра. Но если это мечты, если Б[ольшой] театр не для меня, то ведь тогда, действительно, надо пересмотреть всю оперу и многое переделать в сторону большей экономии массовых сцен, усилить интимно-лирический элемент (или просто его воссоздать), уменьшить число действ(ующих) лиц и т.д., и т.д. Словом, эти слухи о Филиале изнуряют и подтачивают мою творческую энергию едва лишь менее, чем сознание, что опера совсем не пойдет, к чему я все время стараюсь себя приучить. Ну вот пока все. Завтра надеюсь еще написать Вам, получив ноты. А строго говоря, зачем их посылать? Не лучше ли им лежать у меня. Лежит же с декабря клавир в Москве, а «музыка», говорят, «отсутствует»? Приветы В[ашей] супруге. Вам, Мелику. «Кавказский пленник» мой совсем сгинул. Ни в балет, ни в оперу нет хода. Прямо беда. Обнимаю Вас.

---

[1] Керженцев (псевдоним: настоящая фамилия Лебедев) Платон Михайлович (1881—1940) — советский государственный и партийный деятель. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Участник революции 1905—1907 гг. С 1912 г. жил в эмиграций (Лондон, Нью-Йорк, Париж). С 1918 г. сотрудничал в «Известиях», «Правде». В 1920 г. по рекомендации В.И. Ленина был направлен на дипломатическую работу, был заведующим Отделом романских стран, затем заведующим Отделом печати НКИД РСФСР. С 1928 г. занимал ряд ответственных постов в партии и государстве. В 1936—1938 гг. занимал пост председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР. Автор «Истории Парижской Коммуны 1871», опубликованной в 1940 г. Крупный специалист по организации управления.

Б. Асафьев

Знаете ли книжку Любомирова (П. Г.) [1] «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг». (Петроград, 1917). Еще любопытные вещи я вычитал о Смутном времени в одной книге 1718 года [2], редактировавшейся, по-видимому, Петром. Вашу сцену с Шереметевым очень ценю, как историк. Мокеев, кажется, и у меня получился. Вл. Ив. Мутных не пишу отдельно. Сообщите ему мои соображения и недоумения.

16. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

24 марта 1937 Москва

Дорогой Борис Владимирович!

Обе картины получены в театре.

Одну из них, именно «Кострому», 22-го Мелик играл у меня. Обнимаю Вас и приветствую, это написано блестяще! Как хорош финал — здравствуйте, граждане костромские, славные!!

Знайте, что [...], несмотря на утомление и мрак, я неотрывно слежу за «Мининым» и делаю все для проведения оперы на сцену.

О деталях я Вам сейчас не пишу, потому что эти детали прохождения оперы сейчас будут так или иначе меняться, и я буду информировать Вас по мере того, как они будут устанавливаться прочно.

Но повторяю основное: помните, что для оперы делается все, чтобы она пошла на сцену.

Привет супруге.

Ваш *М. Булгаков*

17. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

2.IV.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, все не могу засесть написать Вам обстоятельное письмо. Очень измучен «Партизанами». Но, кажется, сейчас это дело двинулось, встало на рельсы. [...] из г. Горького мне прислали запрос о клавире «Минина». Они хотят ставить в будущем сезоне. Посылать? Они пишут, что имеют разрешение от Моск[овского] упр[авления] по дел[ам] иск[усств] на постановку! О самом «Минине» я хотел сказать Вам, что после сочинения сцены в Костроме я убедился еще более, что всякая порча сцены на Лобном месте резонерством только разбавит нарастающий народный подъем, большую эмоц[иональную] волну, кот[орая] стремится теперь отсюда на Кострому, и финал казачьего лагеря к финалу оперы (где я, пожалуй, начинаю сознавать и необходимость каких-то «проводов» народом поляков).

---

[1] Любомиров Павел Григорьевич (1885—1935) — русский историк. В 1910 г. окончил Петербургский университет. Работал в Саратове и Москве. Специалист по истории России XVII—XVIII вв. Писал о Радищеве и М.М. Щербатове, об истории раскола и старообрядчества. «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.» П.Г. Любомирова вышел в 1915, а не 1917 г. как ошибочно утверждает Б.В. Асафьев.

[2] «Рассуждение о причинах свеиской войны» ближайшего помощника Петра Великого вышло в 1717 г. и действительно вполне могло быть отредактировано Петром. Автор ее, П. Шафиров, занимал крупные государственные посты при Петре Великом.

Мутных мне писал, что я обижаю «Филиал», а я в ответ писал, что Филиал прекрасный театр, но ведь характер-то оперы («Минина») и хотя бы хоровая фактура требуют размаха. Значит, надо будет их сжимать? Ну, ладно, будь что будет. Пока же я думаю сесть за казахскую оперу [1] (делать больше нечего, ибо никто со мной ни о чем новом говорить не хочет) и серьезно, очень серьезно, вновь размышляю о шекспировской «Буре» (давнем моем увлечении). Что вы об этом думаете? Во мне разгулялся лиризм, некуда его деть, а если девать, то хочется не в случайное и преходящее. Кроме того, там природа — сочетание неостывшего средневековья с бэконианством и очень мне дорогим мудрым «взглядыванием» в суть вещей, как это было с Верди в «Отелло» и «Фальстафе». Старею, утомляюсь, хочется успеть сделать что-то существенное.

Приветы. Ваш *Б. Асафьев.*

18. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

15.IV.1937 [Ленинград]

Дорогой Михаил Афанасьевич! У нас премерзкая «весенняя» непогодица. Туман. Грязь. Меня всего ломает. Наконец-то получил переписанные новые картины. Сегодня. Но надо их проверить и затем буду искать надежной оказии, чтобы послать 11. Постараюсь скорее выправить, но не ручаюсь за сегодня, п[отому] что мучает грипп (мигрень и проч.). Длительность оперы получается теперь по моим данным 1 час. 50 мин. Неужели мало? Выверю еще раз. Увертюры, программу которой мне предложил Керженцев, я пока писать не буду. Для этого мне надо иметь представление о сценическом облике спектакля, т[о] е[сть] убедиться в его реальности. Сейчас я в это не верю и никакого подъема у меня нет. Знаю, напр[имер], что «Пленник» не пойдет, и потому стараюсь о нем забыть, а с «Мининым» хуже: дразнят, что, мол, кто знает, может и пойдет! [...] Почему не начинают работать над «Мининым», если опера идет?

Привет. Ваш *Б. Асафьев* 12

19. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

10 мая 1937 Москва

Дорогой Борис Владимирович, диктую, потому что так мне легче работать. Вот уж месяц, как я страдаю полным нервным переутомлением. Только этим объясняется задержка ответа на Ваше последнее письмо. Со дня на день я откладывал это письмо и другие. Не было сил подойти к столу. А телеграмму давать бессмысленно, в ней нечего телеграфировать. Вы хорошо понимаете, что такое замученность, и, конечно, перестанете сердиться на меня.

На горизонте возник новый фактор, это — «Иван Сусанин», о котором упорно заговаривают в театре. Если его двинут, — надо смотреть правде в глаза, — тогда «Минин» не пойдет. «Минин» сейчас в реперткоме. Керженцев вчера говорил со мной по телефону, и выяснилось, что он не читал окончательного варианта либретто.

Вчера ему послали из Большого экземпляр.

Не знаю, как быть с городом Горьким. Какое у них может быть разрешение на

---

[1] Речь, очевидно, идет о статьях Б.В. Асафьева, посвященных казахской музыкальной культуре (см., например, его статью «Первая опера» в «Красной газете» от 27 апреля 1937 г.).

постановку от Управления московского, когда председатель комитета еще не знает окончательного варианта, когда опера еще в реперткоме.

Дорогой Борис Владимирович! Вам необходимо приехать в Москву. Настойчиво еще и еще раз повторяю это. Вам нужно говорить с Керженцевым и Самосудом, тогда только разрешатся эти загадки-головоломки с «Мининым», тогда будет понятнее, что делать с г. Горьким.

Приезжайте для разговора с Керженцевым и Самосудом (о том, что Мутных уже не директор Большого театра [...] Вы, конечно, уже знаете).

Приезжайте. Дружески приветствую Вас!

Ваш *М. Булгаков*

20. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

4.VII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич! Сердечное спасибо за письмо. Насчет «Петра» не только не остыл, но безумно рад В[ашему] известию и готов взяться за работу в любой момент. Урывками, правда, но часто, все время, когда есть свободные часы, заглядывал в материалы по «Петру», пособрав их у себя порядком, поэтому я в «курсе дела». Значит, если Вы, милый, чуткий и добрый человек, хотите доверить свое либретто еще раз мне — мне, не только как мне, но и отверженному композитору, на которого гневается музыкальный Юпитер (как античник я не помню, гневался ли олимпийский Юпитер на тех, кого он сам обижал!), я могу только от всей души Вас благодарить. Только большая серьезная волнующая меня работа может поднять меня из состояния глубокой грусти, в какое меня загнали. Но ведь Комитет вычеркнет меня как композитора с обложки Вашего либретто? Или лучше написать и музыку, а потом уж преподнести все вместе?! Ну, Вам виднее, а я с нетерпением буду ждать либретто и еще В[аших] писем, хотя и кратких. Их я очень люблю. Привет В[ашей] супруге. Жму В[ашу] руку и обнимаю.

Ваш *Б. Асафьев.*

P.S. Известна ли Вам любопытная книжечка Шафирова (при участии Петра) «Рассуждение какіе законные причины его царское велічество Петръ Первый царь (etc.) къ начатію воіны nротів короля Карола 12, Шведского 1700 году имълъ».

21. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

11.VII.1937

Милый и дорогой Михаил Афанасьевич! Имею к Вам просьбу. Исполните ее только в том случае, если для Вас тут нет каких-либо неудобств. Дело в том, что я не знаю адреса Файера [1] и не знаю, выехал ли он за границу или он в Москве. Я думаю, Вы могли об этом узнать от Леонтьева. Меня очень беспокоит судьба взятого у меня весной Файером и Мессерером [2] редчайшего клавира первого издания «Лебединого озера», к[отор]ый мне нужен и о к[отор]ом я навожу справки, но не могу напасть на след. Если неведомо, где

---

[1] Файер Юрий Федорович (1890—1971) — дирижер Большого театра Союза ССР, народный артист СССР.

[2] Мессерер Асаф Михайлович (1903—1992) — балетмейстер и педагог.

Файер, то, быть может, ведомо, где Мессерер? Простите меня за беспокойство по такому пустяку, но мне сия пропажа огорчительна, и я хочу продолжить свои поиски. Здесь носятся упорные слухи, что в Б[ольшом] театре пойдет **«Пленник»** . Но так как от дирекции мне не было и нет никаких сообщений ни о чем подобном, то пребываю в сильном сомнении и полагаю, что лучше после поправки (пока еще лежу) сесть сочинять что-л[ибо], чем зря инструментировать «Пленника». Пишу Вам об этом на тот случай, чтобы Вы знали, что время на сочинение «Петра» есть, даже ценой здоровья. Правда ли, что в Москве кто-то где-то осмелился напечатать несколько строк о «Минине» порядка сообщения о том, что вот-де есть такая вещь?! [1] Кто этот храбрец?

Конечно, «Минин» похоронен волей Самосуда и Комитета, но я бы не хотел его хоронить. Что вы думаете, если бы попытаться подставить под него русский же исторический сюжет с сохранением тех же характеров и типов, тоже с темой защиты родины, ибо ведь вся русская история, в сущности, всегда была и есть история обороны с вытекающими отсюда повинностями для людишек. Труднее всего тут с казаками. Они поворачивают дело на Польшу. Если бы не они, то Псков или Новгород против Ливонии (!?) — вот уже и тема. Стиль музыки позволяет ее вести вглубь сколько угодно: ставшие для меня только что доступными совершенно исключительные фрагменты старинной песенной культуры, по-видимому, новгородской, не уступающие по ценности новгородской иконописи (ритм, линия-мелодия), делают возможным кое-какие любопытные углубления в музыке бывшего «Минина». Эти песни начнут продавать не раньше октября—ноября, потом пройдет время, пока композиторы их раскусят. Я не собираюсь брать темы, но изучу стиль, язык, ритм до полного своеобразного освоения. Что Вы обо всем этом думаете? Впрочем, эти песни помогут и стилю «Петра», помогут в смысле возможности уйти от надоевшего квасного кучкизма. Но возможно, конечно, усилить личную драму, перевести «Минина» на какой-л[ибо] из пограничных с поляками и крымцами эпизод борьбы казаков, как-то избежав модного «Т[араса] Бульбы» и щекотливого Хмельницкого. Вы как хозяин «Минина» не сердитесь на меня за все эти прожекты, весьма досужие! Но ведь жалко же сдаваться?! Где Мелик?! Приветы В[ашей] супруге. Жму руку и обнимаю.

Б. Асафьев

Не забывайте. Как «Петр»? [2] Право, я в состоянии обогнать всех. Техника у меня теперь после адовой борьбы за «Парт[изанские] дни» стала еще надежнее, ну, а силы как-ниб[удь] найду.

22. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

10.VIII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Сейчас получил В[аше] письмо. Рад, что работа на полном ходу. Жду с нетерпением. Я все время в Ленинграде, только-только начал ходить после почти трехмесячного лежанья. Лета так и не почувствовал, поэтому состояние неважное. Сердечно приветствую Вас, буду ожидать дальнейших сообщений. Вести от Вас мне всегда дороги. Желаю всего доброго. Поклон В[ашей] супруге.

Ваш *Б. Асафьев*

---

[1] «Вечерняя Москва», 27 июня 1937 г.

[2] Имеется в виду либретто к опере «Петр Великий», над которым работал М.А. Булгаков.

23. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

2 октября 1937 года

Дорогой Борис Владимирович, извините, что на машинке. Простудился, валяюсь, диктую.

Не писал Вам до сих пор по той причине, что до самого последнего времени не знал, что, собственно, будет с моим «Петром». А тут еще внезапно навалилась проходная срочная работа, которая съела у меня последние дни.

Начну с конца: «Петра» моего уже нету, то есть либретто-то лежит передо мною переписанное, но толку от этого, как говорится, чуть.

А теперь по порядку: закончив работу, я один экземпляр сдал в Большой, а другой послал Керженцеву для ускорения дела. Керженцев прислал мне критический разбор работы в десяти пунктах. О них можно сказать, главным образом, что они чрезвычайно трудны для выполнения и, во всяком случае, означают, что всю работу надо делать с самого начала заново, вновь с головою погружаясь в исторический материал.

Керженцев прямо пишет, что нужна еще очень большая работа и что сделанное мною, это только «самое первое приближение к теме».

Теперь нахожусь на распутье. Переделывать ли, не переделывать ли, браться ли за что-нибудь другое или бросить все? Вероятно, необходимость заставит переделывать, но добьюсь ли я удачи, никак не ручаюсь.

Со многим, что говорил Пашаев, прочитавший либретто, я согласен. Есть недостатки чисто оперного порядка. Но, полагаю, выправимые. А вот все дело в керженцевских пунктах.

Теперь относительно композитора. Театр мне сказал, что я должен сдать либретто, а вопрос о выборе композитора — дело Комитета и театра. Со всею убедительностью, какая мне доступна, я сказал о том, насколько было бы желательно, чтобы оперу делали Вы. Это все, что я мог сделать. Но, конечно, этот вопрос будет решать Комитет.

Мне кажется, что если бы либретто было бы сделано и принято, Вам следовало бы самому сделать шаги в Комитете. И, конечно, если бы они дали хороший результат, я был бы искренне рад!

[...] Буду очень рад, если Вы мне напишете и независимо от «Петра». Ирине Степановне Елена Сергеевна и я шлем привет.

Ваш *М. Булгаков*

24. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

15.XII.1937

Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Вчера мне сообщили из здешнего Радио, что на их просьбу исполнить в виде обычного для них монтажа, как это принято делать с операми, «Минина», им ответили из Всесоюзного комитета сухим безапелляционным отказом. Смысл отказа: «Опера не утверждена, еще пишется и до постановки в Б[ольшом] театре ее исполнять нельзя». [...]

Очевидно, я видел во сне, что я написал «Минина», что еще в прошлом году ее слушали и не отвергли (об этом напечатали), далее, что с марта я сделал по В[ашей] дополнительной редакции дополнительные сцены, к[отор]ые давно сданы Б[ольшому] театру. Я не раз обо всем этом писал Керженцеву. [...] Пишу Вам, чтобы выяснить следующее: если, по мнению комитета, опера «Минин» еще пишется, то, значит, и надо

что-то писать, т[о] е[сть] что-то вновь переделывать. Так не знаете ли Вы: что? ![...]

Правда, я догадываюсь, что Вам рекомендуется не общаться со мной, но ведь речь идет не о каком-л(ибо) новом Вашем либретто. Может быть, надо просто забыть и уничтожить «Минина»? Что ж, я готов. Я же просил вернуть мне клавир и освободить В[аш] текст от моей музыки. Тогда и я буду свободен и Вы. [...] Привет супруге.

Ваш *Б. Асафьев.*

25. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву
Телеграмма

17.XII.[19]37

Посылаю письмо важным известием опере Минин

Булгаков

26. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

18. XII.[19]37. Москва

Дорогой Борис Владимирович!

Я получил Ваше письмо от 15-го; оно меня очень удивило. Ваша догадка о том, что мне рекомендовали не общаться с Вами, совершенно неосновательна. Решительно никто мне этого не рекомендовал, а если бы кто и вздумал рекомендовать, то ведь я таков человек, что могу, чего доброго, и не послушаться! А я-то был уверен, что Вы уже достаточно знаете меня, знаете, что я не похож на других. Посылаю Вам упрек!

Теперь сообщаю Вам важное известие о «Минине». 14 декабря я был приглашен к Керженцеву, который сообщил мне, что докладывал о работе над «Мининым», и тут же попросил меня в срочном порядке приступить к переделкам в либретто, на которых он настаивает. Кратко главное:

а) Расширение Минина (ария, которую можно отнести к типу «О поле, поле...»).

б) Противодействие Минину в Нижнем.

в) Расширение роли Пожарского.

г) Перенесение финала оперы из Кремля на Москву-реку — мост.

Что же предпринимаю я? Я немедленно приступаю к этим переделкам и одновременно добиваюсь прослушания Керженцевым клавира в последнем варианте, где и Мокеев и Кострома, с тем, чтобы наилучшим образом разместить дополнения, поправки и переделки.

Не знаю, что ждет «Минина» в дальнейшем, но на сегодняшний день у меня ясное впечатление, что он снят с мертвой точки. В свете происшедшего понятен, как я полагаю, и ответ Всесоюзного комитета о монтаже. Я-то знаю, что Вы писали «Минина» не во сне, и я сам написал либретто не во сне, но Комитет-то считает, что работа над «Мининым» еще идет. Опера ставится под важный знак, а так как, по мнению Комитета, она может идти не в том виде, как она написана, а непременно с переделками, которые я отметил Вам выше, то естественно, что они не дают разрешения на монтаж и отвечают, что она «не утверждена», «пишется» и прочее.

Вот самое главное сообщил, а сейчас спешу отправить письмо (оттого и диктую — для скорости, извините). Получили ли Вы мою телеграмму, посланную вчера?

О дальнейшем я Вас буду, конечно, уведомлять, а Вас прошу, если у Вас по этому письму возникли какие-нибудь вопросы, немедленно мне написать. Привет супруге.

Ваш *М. Булгаков*

27. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

19.XII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Категорически отметаю первый сердитый абзац В[ашего] письма. Конечно, никто Вам буквально ничего не рекомендовал и, конечно, Вы и не послушались бы при прямом натиске. Но В[ашего] нового оперного либретто я не знаю и, могло быть, что Вам неудобно было меня с ним познакомить, хотя Вы мне и сообщили о своей работе. Затем, один из ленингр[адских] композиторов показывал мне эскизы заказанной ему Б[ольшим] т[еатром] оперы на В[аше] либретто. Не примите все это за упрек. Но я полагаю, что я Булгакова знаю и ценить его умею. Просто я его люблю.

Известия о «Минине» принимаю с интересом и жду дальнейшего. Как только Вы с Керженцевым закончите новую редакцию, я берусь с максимальной решимостью и быстротой выполнить все, чего бы Вы ни пожелали. Единственно, о чем я умоляю — принять все меры к тому, чтобы сохранить сцену в Костроме: у меня на нее большой и, кажется, верный расчет!

Запрещение «Минина» в виде монтажа на Радио я теперь понимаю. Но когда я Вам писал письмо, я по газетным уведомлениям руководства Большого театра знал только, что «Минин» находится где-то на седьмом месте и все еще пишется, и я решительно не понимал, почему некоторые оперы, которые действительно пишутся и в т_о ж_е время репетируются и чинятся, объявляются законченными, и отрывки из них повсеместно исполняются, и это идет в похвалу, на пользу, не вызывая запретов. О моих же даже исполняемых и с большим успехом идущих вещах принято молчать.

Но как бы там ни было, я рад, что о «Минине» вспомнили и что его не сдали в архив. Я с удовольствием вернусь к этому сочинению, а главное, опять к работе с Вами, и пусть даже за этой третьей редакцией последуют еще другие — пусть до «Минина» поставят еще два-три дредноута из Ленинграда — я от работы не откажусь никогда.

Сердечный привет. Не надо на меня обижаться: в 53 года бороться за призвание и право быть композитором и за право писать не только балеты, а и оперы и симфонии — дело нелегкое. Привет супруге. Буду ждать вестей.

Ваш *Б. Асафьев*

Привет Мелик-Пашаеву.

28. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

21. XII. [19]37

Дорогой Борис Владимирович!

Если Вас серьезно интересует судьба «Минина», предупреждаю Вас, что Вам необходимо теперь же приехать в Москву. Захватите с собою Ваш экземпляр клавира. Привет супруге.

Ваш *М. Булгаков*

29. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

23.XII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

На упрек, что меня не интересует судьба «Минина», мне Вам нечего сказать. Я не понимаю только, зачем Вам-то понадобилось так 13 волновать меня?! Из прекрасного доброго письма ко мне Керженцева я ясно понял всю суть переработки «Минина». До сих же пор Вы отлично и чутко во всех отношениях писали весь текст без меня и, как мне казалось, Вы были довольны моей музыкой с точки зрения понимания Вашей превосходной работы. Зачем же мне Вам, столь чуткому автору, мешать? Я спокойно жду 3-й редакции, принимаю все указываемые Пл[атоном] Мих[айловичем] пожелания и только должен сберечь свои силы, чтобы их выполнить. Доктор категорически запрещает мне ехать. Как же быть?! Привет супруге. Вполне в Вас уверенный.

Ваш *Б. Асафьев.*

30. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву
Телеграмма

24.XII.[19]37

Немедленно выезжайте Москву

Булгаков

31. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву
Телеграмма

25.XII.[19]37

Привезите собой девятикартинный клавир Минина

Булгаков

32. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

25 декабря 1937 г.

Дорогой Борис Владимирович!

21-го декабря я послал Вам письмо, где предупредил, что Вам нужно выехать в Москву. Я ждал единственно возможного ответа — телеграммы о Вашем выезде. Ее нет. Что же: Вам не ясна исключительная серьезность вопроса о «Минине»? Я поражен. Разве такие письма пишутся зря?

Только что я Вам послал телеграмму, чтобы Вы выезжали. Значит есть что-то очень важное, если я Вас так вызываю.

Повторяю: немедленно выезжайте в Москву.

Прошу Вас знать, что в данном случае я забочусь о Вас, и помнить, что о необходимости Вашего выезда я Вас предупредил.

Ваш *М. Булгаков.*

33. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

Москва 2.II.[19]38

Дорогой Борис Владимирович!

Посылаю Вам первое из дополнений к «Минину» — арию Минина в начале второй картины.

Вслед за нею начну высылать остальные дополнения.

Да, проверяя экземпляр, нашел ошибку. Я в рассеянности неправильно разметил порядок картин: Кострома должна быть непременно шестой, а не четвертой картиной (исторически не может идти раньше летних картин: у поляков и у Марии). Очень прошу Вас принять этот порядок.

Шлю Вам привет. Как чувствуете себя? Когда опять в Москву? Я очень рад, что Вы побывали в ней. Прошу передать приветствие Ирине Степановне.

Ваш *М. Булгаков*

34. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

Москва 7.II.1938

Дорогой Борис Владимирович!

В прошлом письме послал Вам арию Минина во второй картине. Получили? В этом посылаю дополнения к третьей картине (в Нижнем, на Лобном месте).

Приветствую Вас!

Ваш *М. Булгаков*

35. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову
Телеграмма

10.II.1938 г.

Получил оба письма очень благодарен прекрасные тексты постараюсь написать отвеч[ающую] словам музыку шлю привет

Асафьев

36. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову
Телеграмма

[15.II.1938]

Жду новых текстов на присланные музыка написана

Асафьев

37. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву
Телеграмма

21.II.1938

Нездоров на днях вышлю дополнения Привет

Булгаков

38. М.А. Булгаков — Б.В. Асафьеву

10.IV.1938 г.

Дорогой Борис Владимирович, посылаю при этом дополнения к «Минину».

Булгаков

39. Б.В. Асафьев — М.А. Булгакову

4.VI.1938

Дорогой Михаил Афанасьевич! Простите, что долго Вам не писал. Я так скорбно и горестно похоронил в своей душе «Минина» и прекратил и работу, и помыслы над ним, что не хотелось и Вас тревожить. В Б[ольшом] театре и в Комитете меня как композитора знать больше не хотят. Это мне было ясно, еще когда я сидел у Вас и просил клавир. Кстати, клавир в целости и сохранности лежит близко от Вас в надежных дружеских руках, и если у Вас его никто не спрашивает, то я просил бы Вас повременить с изъятием его из этих рук (Николай Яковлевич Мясковский, Сивцев Вражек, 4, кв. 11, тлф. А[рба]т 1-52-13). Лето, б[ыть] м[ожет], буду жить под Москвой. Приветы В(ашей) супруге. Жму руку.

Ваш *Б. Асафьев*

М.А. Булгаков — в бюро секции драматургов ССП [1]

Москва, 16 августа 1937 года

Дорогие товарищи!

По возвращении моем в Москву я нашел у себя письмо Бюро Драмсекции от 29.7.37, в котором Бюро запрашивает меня о работе моей над пьесой к 20-летию Октября.

С большим сожалением я должен уведомить Бюро, что **уже** больше года я не занимаюсь сочинением пьес для драматических театров.

Причиной этого явилось следующее обстоятельство. В начале 1936 года Театры внезапно сняли со сцен всю мою драматическую продукцию последних лет. Московский Художественный снял, после нескольких представлений, мою пьесу «Мольер», Московский Театр Сатиры, после первой генеральной, — мою комедию «Иван Васильевич»,

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн.3. С-Пг., 1995. Печатается и датируется по первому изданию.*

Вахтанговский — прекратил начинающуюся работу над пьесой моей «Александр Пушкин».

Означенное снятие моих пьес разного жанра сопровождалось появлением в прессе статей такого характера, который показал мне с неоспоримой ясностью, что дальнейшее сочинение мною пьес и представление их в драматические театры является совершенно бесполезным.

Я вынужден был переключиться на другой вид работы и стать оперным либреттистом. В настоящее время я заканчиваю либретто оперы «Петр Великий».

В ответ на запрос Бюро о том, не нуждаюсь ли я в каком-либо виде помощи от Бюро, я сообщаю, что нуждаюсь [1]. Бюро помогло бы мне в моей литературной работе, если бы:

1) (немедленно) поддержало бы безуспешные и повторные заявления о том, чтобы мне вместо моей квартиры в доме № 3 по улице Фурманова предоставили бы квартиру большего размера в Лаврушинском переулке, ибо в теперешней моей заниматься литературным трудом нет никакой возможности вследствие тесноты, и

2) срочно поддержало бы мое заявление в Управление по охране авторских прав о выдаче мне аванса в размере трех тысяч рублей в счет авторского гонорара, ибо описанное выше снятие пьес чрезвычайно осложнило мое материальное положение, что мешает мне работать.

С товарищеским приветом

Москва, 19, ул. Фурманова, 3, кв. 44 тел. Г-6-47-66.

М Булгаков.

М.А. Булгаков — П.М. Керженцеву [2]

Председателю Комитета по делам
ИСКУССТВ
ПЛАТОНУ МИХАЙЛОВИЧУ КЕРЖЕНЦЕВУ
ОТ МИХАИЛА АФАНАСЬЕВИЧА БУЛГАКОВА

Прилагая при этом экземпляр оперного либретто «Петр Великий», сочиненного мною и сданного в Большой театр (согласно договоренности, по которой я обязался сочинять одно либретто в год для Большого театра), прошу Вас ознакомиться с ним [3].

Москва, 19, ул Фурманова 3 кв-44.

М. Булгаков

Тел. Г-6-7-66
17 сентября 1937 года.

М.А. Булгаков — В.В. Вересаеву [4]

---

[1] Никакой помощи Булгаковы не получили.

[2] *Советская музыка, 1988, № 2. Печатается и датируется во первому изданию.*

[3] В дневнике Елены Булгаковой подробно описаны все события, связанные с этим письмом и обсуждением оперы, о чем уже говорилось в комментариях к переписке М. Булгакова и В. Асафьева.

[4] *Знамя. 1988. № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второй публикации.*

5.X.37

Дорогой Викентий Викентьевич,

сейчас получил Ваше письмо и завтра принесу Вам мой долг (а может быть, удастся и сегодня).

Очень прошу извинить меня за то, что задерживался до сих пор: все время ничего не выходит.

Меня крайне огорчило то, что Вы пишете насчет пушкинской биографии и о другом. По себе знаю, чего стоят такие удары.

Недавно подсчитал: за 7 последних лет я сделал 16 вещей, и все они погибли, кроме одной, а та была инсценировка Гоголя! Наивно было бы думать, что пойдет 17-я или 19-я.

Работаю много, но без всякого смысла и толка. От этого нахожусь в апатии.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — В.П. Соловьеву-Седому [1] [2]

16 ноября 1937 г.

Дорогой Василий Павлович, извините, что до сих пор не прислал Вам ответа на Ваше письмо. Причина все та же — я болен. Откладывал ответ со дня на день, чтобы предварительно ознакомиться с тем материалом, который Вы мне прислали. Ознакомиться с ним я могу только дня через два-три, когда меня отпустят мои головные боли, как я надеюсь.

Договор я в данное время подписать не могу, так как чувствую себя плохо и не решаюсь брать на себя какие-либо обязательства. Пусть Воинов подписывает договор и работает с Вами, а я Вам всемерно помогу, как делал это и раньше.

Следующее письмо Вам пошлю, как только просмотрю присланный Вами материал.

Приветствую Вас! Елена Сергеевна Вам шлет привет.

М. Булгаков.

---

1 *Творчество Михаила Булгакова, кн. 1. С.-Пг., 1991. Печатается и датируется по первому изданию.*

2 В мае 1937 года главный дирижер ГАБТ С.А. Самосуд познакомил Булгакова с молодым композитором из Ленинграда В.П. Соловьевым-Седым, который понравился Булгакову чисто человечески, но, прочитав либретто, Булгаков пришел в ужас: настолько оно было бездарно. О ходе работы с Соловьевым-Седым подробно поведала Е.С. Булгакова в дневнике: 16 мая: «Сегодня удружил! Самосуд! Прислал композитора Соловьева с началом оперы. Очень талантливая музыка, но никакого либретто нету. Какие-то обрывки, начала — из колхозной пограничной жизни. План Самосуда — чтобы М. А. написал ему либретто, а у этого Соловьева есть уже либреттист в Ленинграде — Воинов! Соловьев говорит: „Пишите вы“. А М. А. говорит: „Что писать? Откуда я знаю, что дальше произошло? И куда девать Воинова, с которым вы обвенчаны!“ Соловьев расстроен. М. А. говорит: „Вы пишите с Воиновым, как вы начали, а когда у вас будет сценарий, я вам помогу, посоветую, не входя в вашу работу в качестве соавтора“».

7 июня: «...композитор Соловьев-Седой с конспектом своего либретто замучил Мишу. Прямо истязательство! Он обязан консультировать, а не сочинять либретто! И опять будет звонить». 9 июня: «Днем — Соловьев. М. А. составил ему драматургический костяк его либретто. Проводила М. А. в Большой театр на минутку. Мордвинов говорит, что в „Поднятой целине“ нет финала (драматургически). (Помогите)». 11 июня: «Утром сообщение в „Правде“ — Прокуратура Союза о предании суду Тухачевского, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Пугны и Якира по делу об измене родине.

М. А. в Большом театре на репетиции „Поднятой целины“. Разговор у него с Самосудом по поводу соловьевской оперы», (см. также и др. записи).

1938

М.А. Булгаков — В.П. Соловьеву-Седому [1]

7 января 1938 г.

Дорогой Василий Павлович!

Сейчас только начинаю подниматься после гриппа. Пытаюсь разобраться в материале 2-й картины. Ждите от меня известий. [2]

Привет!

М. Булгаков.

М.А. Булгаков — И.В. Сталину [3]

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

от драматурга
Михаила Афанасьевича
Булгакова

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне обратиться к Вам с просьбою, касающейся драматурга Николая Робертовича Эрдмана [4], отбывшего полностью трехлетний срок своей ссылки в городах Енисейске и Томске и в настоящее время проживающего в г. Калинине.

Уверенный в том, что литературные дарования чрезвычайно ценны в нашем отечестве, и зная в то же время, что литератор Н. Эрдман теперь лишен возможности применить свои способности вследствие создавшегося к нему отрицательного отношения, получившего резкое выражение в прессе, я позволяю себе просить Вас обратить внимание на его судьбу.

Находясь в надежде, что участь литератора Н. Эрдмана будет смягчена, если Вы найдете нужным рассмотреть эту просьбу, я горячо прошу о том, чтобы Н. Эрдману была

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн.1, Л., 1991. Печатается и датируется по первой публикации.*

[2] М.А. Булгаков под напором обстоятельств решил помочь талантливому композитору сочинить либретто (см. Дневники Елены Булгаковой).

[3] *Октябрь. 1987. № 6. Затем: Письма. Печатается и датируется по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 33, л. 10).*

[4] Эрдман Николай Робертович (1902—1970) — русский советский драматург. В 1928 г. создал пьесу «Самоубийца», в дальнейшем писал пьесы, киносценарии, чаще всего в соавторстве. В тридцатые годы был дружен с Булгаковым. В дневниках Е.С. Булгаковой есть такая любопытная запись (январь 1956 г.): «Вспоминала рассказ Александра Николаевича Тихонова. Он раз поехал с Горьким (он при нем состоял) к Сталину хлопотать за эрдмановского „Самоубийцу“. Сталин сказал Горькому: „— Да что! Я ничего против не имею. Вот Станиславский тут пишет, что пьеса нравится театру. Пожалуйста, пусть ставят, если хотят. Мне лично пьеса не нравится. Эрдман мелко берет, поверхностно берет. Вот Булгаков!.. Тот здорово берет! Против шерсти берет!.. Это мне нравится!“»

Вопрос не был решен положительно по письму Булгакова. Но бывали случаи и более радостные. Так, в 1935 г. к Булгакову обратилась за помощью Анна Ахматова, у которой были арестованы муж и сын. Вместе они подготовили письмо Сталину. Вскоре муж и сын Ахматовой были освобождены.

дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения.

М. Булгаков

Москва, 4 февраля 1938 года.

М.А. Булгаков — В.П. Соловьеву-Седому [1]

10 февраля 1938

Телеграмма

Приезжайте на несколько дней Москву [2].

Булгаков.

М.А. Булгаков — В.П. Соловьеву-Седому [3]

13 апреля 1938 г.

Дорогой Василий Павлович!

Зачем же во имя «прежней»? [4]

Дружелюбное отношение к Вам в нашем переулке и сейчас налицо. Прут [5], сколько мне известно, отказался от Вашего либретто, потому что занят чем-то другим.

Для меня ясно, что Вам нужно со всею Вашей энергией самому тотчас же приступить к поискам солидного либреттиста и с ним связаться.

Конечно, лучше, если это будет ленинградец. Ведь Вам нужно все время быть с ним, при нем!

Таков мой совет. Я очень желаю Вам успеха в этом деле, а Елена Сергеевна шлет Вам привет.

И я приветствую.

М. Булгаков.

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова. Кн. 1, Л, 1991. Печатается и датируется по первому изданию.*

[2] Эта телеграмма в ответ на телеграмму Соловьева-Седого, что он не может работать, не имея на руках либретто. 12 февраля Соловьев-Седой приехал в Москву, и началась работа, о ходе которой имеются сведения в «Дневнике Елены Булгаковой» за эти февральские дни.

[3] *Творчество Михаила Булгакова, кн. 1, Л., 1991. Печатается и датируется по первому изданию.*

[4] М.А. Булгаков пытается успокоить импульсивного композитора, который просит «во имя нашей прежней дружбы» рассказать ему, что происходит в Большом театре с его либретто, но Булгаков ничего утешительного сказать в связи с этим не мог: пытались привлечь даже В. Катаева, но и он отказался. Сам М. Булгаков был всерьез озабочен первой беловой редакцией романа «Мастер и Маргарита».

[5] Прут Иосиф Леонидович (1900—1996) — драматург, написавший множество пьес на сиюминутные темы.

Письма М.А. Булгакова — Е.С. Булгаковой [1]

1. 27.V.38 [2]

Дорогая Люсенька, целую тебя крепко! Одно беспокоит, как-то ты высадилась со своею свитой? Жива ли, здорова ли после этого поезда? Думал, что сегодня будет телеграмма, но Настя [3] говорит: «Какая телеграмма? Они по базару ходят».

Провожал твой поезд джаз в рупоре над вокзалом. Награжденный Евгений задумчиво считал деньги у нас на диване, обедал у меня, писал Насте письма.

Вечером — в Большом сцена Сусанина [4] в лесу, потом у Якова Леонтьевича. Ночью — Пилат. Ах, какой трудный, путаный материал! Это — вчера. А сегодняшний день, опасаюсь, определяет стиль моего лета.

В 11 час. утра Соловьев [5] с либреттистом (режиссер Иванов). Два часа утомительнейшей беседы со всякими головоломками. Затем пошел телефон: Мордвинов [6] о Потоцком [7], композитор Юровский [1] о своем «Опанасе», Ольга о переписке романа,

---

[1] *Письма и телеграммы М.А. Булгакова к Е.С. Булгаковой частично опубликованы (некоторые не полностью) Л. М. Яновской в журнале «Октябрь» (1984, № 1). Весь комплекс писем и открыток — автографы М.А. Булгакова — хранится в ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 6-8. Публикуется и датируется по автографам.*

[2] В конце мая 1938 г. Е.С. Булгакова уехала с младшим сыном Сергеем на отдых в Лебедянь. По существу, это была первая разлука Булгакова с Еленой Сергеевной со дня их совместной жизни. Отдых Елене Сергеевне был крайне необходим, поскольку жизнь в условиях постоянных потрясений привела и ее к морально-психическому кризису. Головные боли, бессонница стали постоянными. К тому же на ее плечи легли хозяйственные и деловые вопросы. Была она и единственной твердой опорой для Булгакова в его чрезвычайно напряженной жизни. Булгаков, как врач и превосходный психолог, прекрасно понимал ее состояние и решил немедленно отправить ее с сыном на воздух, в относительно спокойное место, подальше от той обстановки, которая и явилась причиной ее нервного переутомления. При этом он запретил ей употреблять какие-либо лекарства.

Может быть, сам Булгаков еще более нуждался в отдыхе, в спокойной обстановке, но категорически отказался от этого по двум причинам: из-за крайне напряженной работы в Большом театре (не главная, конечно, причина) и в силу твердого желания непременно завершить в кратчайший срок роман «Мастер и Маргарита» (безусловно, главная причина).

К маю 1938 г. была закончена последняя рукописная редакция романа, включавшая 30 глав. Но работа предстояла еще большая — необходимо было откорректировать текст перед перепечаткой. Для этого нужна была квалифицированная машинистка-редактор, к тому же с литературоведческими знаниями, поскольку Булгаков намеревался часть текста диктовать. Ею согласилась стать сестра Елены Сергеевны — Ольга Сергеевна Бокшанская.

[3] Настя — домработница Булгаковых.

[4] В 1938 г. впервые на советской сцене была возобновлена опера «Иван Сусанин» с новым либретто, написанным С.М. Городецким. Булгакову пришлось провести большую работу с либретто, проверяя, как отмечала в дневнике Е.С. Булгакова, «каждую строку текста».

[5] Композитор Соловьев-Седой настойчиво просил Булгакова принять участие в написании либретто к опере «Дружба». Булгаков отказывался от предложения, но тем не менее работал с композитором несколько месяцев в качестве консультанта.

[6] Б.А. Мордвинов, в то время главный режиссер Большого театра, был большим почитателем таланта М.А. Булгакова.

[7] Потоцкий Сергей Иванович (1883—1958) — русский советский композитор. Булгаков написал в содружестве с ним либретто к опере «Черное море». Потоцкий просил также Булгакова принять участие в написании либретто к опере «Степан Разин». Булгаков отказался, поскольку имел намерения сам подготовить либретто или пьесу на эту тему.

Евгений [2], приглашающий себя ко мне на завтра на обед, Городецкий все о том же «Опанасе».

Между всем этим Сережа Ерм[олинский]. Прошлись с ним, потом он обедал у меня. Взял старые журналы, приглашал к себе на дачу, говорили о тебе.

Вечером Пилат. Малоплодотворно. Соловьев вышиб из седла. Есть один провал в материале. Хорошо, что не во второй главе. Надеюсь, успею заполнить его между перепиской.

Интересное письмо (конечно, на Пироговскую 35а, кв.6!) из архива Горького.

«По имеющимся у нас сведениям (?!), у Вас должны быть автографы Алексея Максимовича...», так вот, мол, передайте их в архив. Завтра напишу, что сведения эти неосновательны и автографов Горького у меня нет.

Ну, вот и ночь. Устал. В ванне шумит вода. Пора спать.

Целую тебя, мой друг. Умоляю, отдыхай. Не думай ни о театрах, ни о Немировиче, ни о драматургах, ничего не читай кроме засаленных и истрепанных переводных романов (а может, в Лебедяни и их нет?).

Пусть лебедянское солнце над тобой будет как подсолнух, а подсолнух (если есть в Лебедяни!) как солнце.

Твой М.

Поцелуй Сергея, скажи, что я ему поручаю тебя беречь!

2. 30.V.38. Утро.

Дорогая Люсенька! Получены открытка Сергея с изображением ножика и двух целующихся и твоя, где пишешь о развитии энергии по устройству жизни. Не утомляешься ли ты этим?

Роман уже переписывается. Ольга работает хорошо [3]. Сейчас жду ее. Иду к концу 2-й главы.

Настя очень старательна, заботится обо мне. Целую тебя крепко, мой друг. Спешу отдать открытку Насте.

Твой М.

3. 31.V.38

Дорогая Люсенька! Только что получил твое письмо от 29-го. Очень хорошее и интересное! Пишу 6-ую главу, Ольга работает быстро. Возможно, что 4-го июня я дня на 4

---

[1] Юровский Владимир Михайлович (1915—1972) — советский композитор, работавший вместе с С.М. Городецким над оперой «Дума про Опанаса».

[2] Речь идет о Калужском Е. В.

[3] О том, как работала Ольга Сергеевна Бокшанская, можно судить по страницам «Театрального романа», где Бокшанская запечатлена в образе Торопецкой. «Торопецкая идеально владела искусством писать на машинке. Никогда я ничего подобного не видел. Ей не нужно было ни диктовать знаков препинания, ни повторять указаний, кто говорит. Я (...) диктуя, останавливался, задумывался, потом говорил: „Нет, погодите...“ — менял написанное (...) бормотал и говорил громко, но что бы я ни делал, из-под руки Торопецкой шла почти без подчисток идеально ровная страница пьесы, без единой грамматической ошибки — хоть сейчас отдавай в типографию» (изд. 1973 г., с. 337).

еду с Дмитриевым и Вильямсом [1]. Хочу прокатиться до Ялты и обратно. Бешено устал. Дома все благополучно. Целую нежно!

Твой М.

4. Телеграмма. 31.VI.1938

Письма получены. Роман переписывается. Целую крепко.

Булгаков.

5. 1.VI.38

Моя дорогая Лю! Вчера я отправил тебе открытку, где писал, что, может быть, проедусь до Ялты и обратно. Так вот — это отменяется! Взвесив все, бросил эту мыслишку. Утомительно, и не хочется бросать ни на день роман. Сегодня начинаю 8-ую главу. Подробно буду писать сегодня в большом письме. Сейчас наскоро вывожу эти каракули на уголке бюро — всюду и все завалено романом. Крепко целую и вспоминаю. И дважды перечитывал твое письмо, чтобы доставить себе удовольствие.

Твой М.

6. В ночь на 2.VI. (1938)

Сегодня, дорогая Лю, пришло твое большое письмо от 31-го. Хотел сейчас же после окончания диктовки приняться за большое свое письмо, но нет никаких сил. Даже Ольга, при ее невиданной машинистской выносливости, сегодня слетела с катушек. Письмо — завтра, а сейчас в ванну, в ванну! Напечатано 132 машинных страницы. Грубо говоря, около 1/3 романа (учитываю сокращения, длинноты) [2] [...]

Постараюсь увидеть во сне солнце (лебедянское) и подсолнухи. Целую крепко.

Твой М.

7. 2-го июня, 38 г. Днем.

Дорогая Лю!

Прежде всего ты видишь в углу наклеенное изображение дамы, или точнее кусочек этой дамы, спасенной мною от уничтожения. Я думаю постоянно об этой даме, а чтобы мне удобнее было думать, держу такие кусочки перед собою.

_____

Буду разделять такими черточками письмо, а то иначе не справлюсь — так много накопилось всего.

_____

---

[1] Вильямс Петр Владимирович (1902—1947) — русский советский театральный художник, близкий друг М. Булгакова.

[2] Далее две строки зачеркнуты Е.С. Булгаковой тушью.

Начнем о романе. Почти 1/3, как я писал в открытке, перепечатана. Нужно отдать справедливость Ольге, она работает хорошо. Мы пишем по многу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное.

Итак, все, казалось бы, хорошо, и вдруг из кулисы на сцену выходит один из злых гениев... Со свойственной тебе проницательностью ты немедленно восклицаешь:

— Немирович!

И ты совершенно права. Это, именно, он!

Дело в том, что, как я говорил и знал, все рассказы сестренки о том, как ему худо, как врачи скрывают... и прочее такое же — чушь собачья и самые пошлые враки карлс-бадско-мариенбадского порядка. Он здоров, как гоголевский каретник, и в Барвихе изнывает от праздности, теребя Ольгу всякой ерундой.

Окончательно расстроившись в Барвихе, где нет ни Астории, ни актрис и актеров и прочего, начал угрожать своим явлением в Москву 7-го. И сестренка уже заявила победоносно, что теперь начнутся сбои в работе. Этого мало: к этому добавила, пылая от счастья, что, может быть, он «увлечет ее 15-го в Ленинград»!

Хорошо бы было, если б Воланд залетел в Барвиху! Увы, это бывает только в романе!

Остановка переписки — гроб! Я потеряю связи, нить правки, всю слаженность. Переписку нужно закончить, во что бы то ни стало.

У меня уже лихорадочно работает голова над вопросом, где взять переписчицу. И взять ее, конечно, и негде и невозможно.

Сегодня он уже вытащил сестренку в Барвиху, и день я теряю.

Думаю, что сегодня буду знать, понесет ли его в Ленинград или нет.

_____

Роман нужно окончить! Теперь! Теперь!

_____

Со всею настойчивостью прошу тебя ни одного слова не писать Ольге о переписке и о сбое. Иначе она окончательно отравит мне жизнь грубостями, «червем-яблоком», вопросами о том, не думаю ли я, что «я — один», воплями «Владимир Иванович!!», «пых... пых» и другими штуками из ее арсенала, которые тебе хорошо известны.

А я уже за эти дни насытился. Итак, если ты не хочешь, чтобы она села верхом на мою душу, ни одного слова о переписке. Сейчас мне нужна эта душа полностью для романа.

_____

В особенно восторженном настроении находясь, называет Немировича «этот старый циник!», заливаясь счастливым смешком.

_____

Вот стиль, от которого тошно! Эх, я писал тебе, чтобы ты не думала о театре и Немировиче, а сам о нем. Но, можно ли было думать, что и роману он сумеет приносить вред! Но ничего, ничего, не расстраивайся — я окончу роман.

Спешу отдать Насте письмо. Продолжение последует немедленно.

Твой М.

8. 3.VI.38

Здравствуй, Лю! Доброе утро!

Помоги в одном скучном деле: не припомнишь ли, не записан ли где-нибудь у тебя адрес Горшкова (телефон у меня есть, но пользы пока мало — молчание). Колонка распаялась внезапно к чертовой матери. Я безутешен! Но, если сразу не вспомнишь, не ломай головы. Целую тебя! И еще раз целую!

Твой М.

9. 3-го июня, 38 г. Днем.

«Подсолнечник (Helianthus) хорошее медоносное растение»

Из Брокгауза.

Дорогая Люси!

Я очень рад, что ты заинтересовалась естественной историей. Посылаю тебе эту справку из словаря. Ты, ведь, всегда была любознательна!

_____

Да, роман... Руки у меня невыносимо чешутся описать атмосферу, в которой он переходит на машинные листы, но, к сожалению, приходится от этого отказаться! А то бы я тебя немного поразвлек!

Одно могу сказать, что, мною самим выдуманные лакированные ботфорты, кладовка с ветчиной и faux pas [1] в этой кладовке, теперь для меня утвердившаяся реальность. Иначе просто грустно было бы!

Ты спрашиваешь печально: «Неужели, действительно, за один день столько ненужных и отвлекающих звонков?» Как же, Дундик, недействительно? Раз я пишу, значит действительно. Могу к этому добавить в другой день еще Мокроусова (композитор? Ты не знаешь?) о каком-то либретто у Станиславского, и разное другое.

_____

Привык я делиться с тобою своим грузом, вот и пишу! А много накопилось, пишу, как подвернется, в разбивку. Но уж ты разберешься.

_____

Шикарная фраза: «Тебе бы следовало показать роман Владимиру Ивановичу». (Это в минуту особенно охватившей растерянности и задумчивости.)

Как же, как же! Я прямо горю нетерпением роман филистеру показывать.

_____

[...] [2] Одно место в твоем письме от 31-го потрясло меня. Об автографах. Перекрестись... Ты меня так смутила, что я, твердо зная, что у меня нет не то что строчки горьковской, а даже буквы, собирался производить бесполезную работу — рыться в замятинских и вересаевских письмах, ища среди них Горького, которого в помине не было!

У меня нет автографов Горького, повторяю! А если бы они были, зачем бы я стал отвечать, что их нет? Я бы охотно сдал их в музей! Я же не коллекционер автографов. Тебе ... изменила память, а выходит неудобно: я тебе пишу, что их нет, а ты мне, что они есть!

Это Коровьев или кот подшутили над тобой. Это регентовская работа!

Не будем к этой теме возвращаться. И так много о чем писать!

Прости! Вот она — Ольга, из Барвихи. Целую руки!

Твой М.

10. В ночь на 4.VI.(1938)

Дорогая Люси!

Перепечатано 11 глав. Я надеюсь, что ты чувствуешь себя хорошо? Целую крепко.

---

[1] faux pas — ложный шаг, ошибка (*франц.*).

[2] Тщательно зачеркнуты слова обращения.

Твой М.

11. Телеграмма. 8.VI.1938

Телеграмму, две открытки получил. Целую крепко. Переписано четырнадцать глав.

Михаил.

12. В ночь с 8-го на 9-е июня.

Дорогая Купа, в сегодняшней своей телеграмме писано пятнадцать глав, а сейчас уже 16. Пишу эту открытку, чтобы она скорее достигла Лебедяни, а подробнее все опишу в письме завтра.

Устал, нахожусь в апатии, отвращении ко всему, кроме [...] [1] Целую крепко.

Твой М.

P.S. Сергей Петрович взял с меня честное слово, что в каждом письме я буду писать по крайней [мере] две строчки приветов от него.

13. 10.VI.38. Днем.

Дорогая Лю!

Все в полном порядке — перестань беспокоиться! Сейчас получил твое закрытое от 8-го. К сожалению, опять посылаю открытку, потому что сочинение большого письма тебе, это целое священнодействие. Со всех сторон наваливаются важные мысли, которые все нужно передать тебе, а для этого требуется несколько часов полного уединения. Вот сегодня я и намереваюсь составлять большое в надежде, что меня не будут отрывать. Обдумываю вопрос о нашем свидании. Что комнату ты наняла — это хорошо. Но вот куда ты думаешь пристроить Ник[олая] Роб[ертовича]? [2] Но, впрочем, все эти вопросы до большого письма.

Вот с романом — вопросов!! Как сложно всё! Но и это до большого. Диктую 18-ую главу. Жди известий.

Твой М.

Целую тебя крепко! Кланяйся Жемчужникову!

14. Телеграмма. 10.VI.1938

Целую крепко. Жди письма.

Любящий Михаил.

15. 11.VI.38 г.

---

[1] Далее несколько строк тщательно зачеркнуто Е.С. Булгаковой.

[2] Очевидно, имеется в виду Н.Р. Эрдман, который собирался приехать в Лебедянь.

Дорогая Лю!

Хорошо, что ты наняла комнату на всякий случай. Но удастся ли мне вырваться — вопрос!

В числе прочего есть одно! Это июльский приезд sister-in-law [1]. То есть не то что на 40 шагов, я не согласен приблизиться на пушечный выстрел! И вообще помню, что в начале июля половина Лебедяни покинет город и кинется бежать, куда попало. Тебя считаю мученицей, или вернее самоистязательницей. Я уже насмотрелся!

По окончании переписки романа я буду способен только на одно: сидеть в полутемной комнате и видеть и читать только двух людей. Тебя! И Жемчужникова. И больше никого. И не могу ни обедать в компании, ни гулять.

Но это не все вопросы этого потрясающего лета.

_____

Ольга приехала работать. Попробую написать тебе ночью. Итак, я не знаю, как же быть. Заставлять тебя держать комнату? Как ты думаешь устроить Ник[олая] Роб[ертовича]? Да, кстати, холодею при мысли о сенсации, которая поразит все Пречистенки, а с ними, увы, и еще кое-какие места. То-то разразится буря радости! Не даром подавилась та дама!

Не могу больше писать, Ольга над душой.

До следующего письма.

Твой М.

16. 13.VI.38

Дорогая Лю! Чем кончилась история с Сергеевым ухом? Желаю, чтобы все было благополучно!.. Ты, оказывается, ни строчки не написала Якову?! [2]... Напиши! (Померанцев, 8). Як[ов] ходит с палкой, вскоре поедет в Барвиху, потом в Ессентуки.

Был у меня Эрдман. Решает вопрос — ехать ли ему или нет в Лебедянь. Он тебе напишет, или уже написал.

Диктуется 21-я глава. Я погребен под этим романом. Всё уже передумал, все мне ясно. Замкнулся совсем. Открыть замок я мог бы только для одного человека, но его нету! Он выращивает подсолнухи! Целую обоих: и человека и подсолнух.

Твой М.

17. 14.VI.38. Вечером.

Дорогая Люси!

Сегодня от тебя письмо (12-го), открытка (13-го) и сегодняшняя телеграмма. Целую тебя крепко! Лю! Три раза тебе купаться нельзя! Сиди в тени и не изнуряй себя базаром. Яйца купят и без тебя!.. [3] Любуйся круглым пейзажем, вспоминай меня. Много не расхаживай. Значит, здоровье твое в порядке? Ответь!

_____

---

[1] sister-in-law — свояченица (*англ.*). Имеется в виду О.С. Бокшанская.

[2] Речь идет о Якове Леонтьевиче Леонтьеве.

[3] Далее строка тщательно зачеркнута Е.С. Булгаковой тушью.

Вот что интересно: почему Сергей не ответил на мое письмо с пометкой — «секретное, одному Сергею» [1], где я поручил ему сообщить его мнение о твоем здоровье? Неужели он его не получил?

Желая тебя развлечь, посылаю тебе бытовые сценки:

I

Бабка. Звать Настасью на ... экскурсию.

II

Старуха Прасковья, которая у нас служила. Требовала какие-то ее сковородки, которые она «вложила в наше хозяйство, чтобы они промаслились». Разговаривала с Настасьей, так как я в это время был занят телефоном.

III

А. П. (отделывая ноготь). Елена Сергеевна еще не соскучилась по дому?

Я (куря, задумчиво). Да ведь она несколько дней всего, как уехала. Пусть отдыхает.

А. П. (глядя исподлобья). Нет... как же... (Пауза). Л. К. кланялась, велела сказать, что на днях придет к вам ночевать.

Я. Это очень любезно. (Помолчав и представив себе картину — я разговариваю с Дмитриевым, Настасья спит у Сергея, а на рояле спит старуха.) Кланяйтесь ей! (Про себя.) Это надо пресечь!..

IV

Отчаянные крики Л. К. в телефон: «Поздравляю! Поздравляю! Поздравляю! Телеграмму послали?!»

Берусь за сердце. Чудо? «Бег»? «Что такое, Л. К.?» Крики усиливаются: «Константина! Константина! Константина и Елены! Телеграмму!»

«Ах, вы говорите про именины? Да, ведь, они уже были недавно. Я поздравлял!»

Вопли: «Нет! Телеграмму! Нет! Не было! Константина! Не было! Константина! Телеграмму! От меня тоже! Константина!»

«Л. К.! А. П. передавала, что вы хотели прийти ночевать? Зачем вам беспокоиться?»

Внезапное гробовое молчание в трубке. Потом крайне смущенный и раздраженный голос: «Это А. П. все врет. Ходит по квартирам и врет на меня... Если вы меня вызовете, это другое дело!»

V

Sist. (радостно, торжественно). Я написала Владимиру Ивановичу о том, что ты

---

[1] В архиве Булгакова сохранилось это письмо. Вот его текст:

Секретное письмо.
Одному Сергею. Дорогой Сергей!
Спасибо тебе за письмо и рисунки! Пиши еще, а то мне будет скучно.
Напиши мне по секрету, пожалуйста, как, по твоему мнению, поправляется ли Мася и пополнела ли она или нет?
Целую тебя! Саше привет.
Твой ДяМи. 3-го июня, 1938 года.

страшно был польщен тем, что Владимир Иванович тебе передал поклон.

Далее скандал, устроенный мною. Требование не сметь писать от моего имени того, чего я не говорил. Сообщение о том, что я не польщен. Напоминание о включении меня без предупреждения в турбинское поздравление, посланное из Ленинграда Немировичу.

Дикое ошеломление S. от того, что не она, а ей впервые в жизни устроили скандал. Бормотание о том, что я «не понял!» и что она может «показать копию».

VI

Sist. (деловым голосом). Я уже послала Жене письмо о том, что я пока еще не вижу главной линии в твоем романе.

Я (глухо). Это зачем?

Sist. (не замечая тяжкого взгляда). Ну да! То есть, я не говорю, что ее не будет. Ведь я еще не дошла до конца. Но пока я ее не вижу.

Я (про себя) .....!

15.VI. Утром.

...Я слышал, что ты держалась обыкновения сжигать письма. Если ты теперь отступила от этого обычая, то, во всяком случае, я надеюсь, что мои послания не лежат на буфете рядом с яйцами? Мое желание — беседовать с тобою одной. Кстати: непонятное молчание Сергея наводит меня на мысль о том, все ли мои письма получены. Например, письмо с маленькой выпиской из словаря о Хелиантусе? Ответь.

Передо мною 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное — корректура авторская, большая, сложная, внимательная, возможно с перепиской некоторых страниц.

«Что будет?» Ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

_____

Свой суд над этой вещью я уже совершил и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.

Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому неизвестно.

_____

Моя уважаемая переписчица очень помогла мне в том, чтобы мое суждение о вещи было самым строгим. На протяжении 327 страниц улыбнулась один раз на странице 245-й («Славное море»...). Почему это именно ее насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, но зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с ее стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: «Этот роман — твое частное дело»(?!). Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата!

_____

Воображаю, что она будет нести в Лебедяни, и не могу вообразить, что уже несет в письмах!

_____

Ку! Нежно целую тебя за приглашение и заботы. Единственное радостное мечтание у меня — это повидать тебя и для этого я все постараюсь сделать. Но удастся ли это сделать, не ручаюсь. Дело в том, Ку, что я стал плохо себя чувствовать и, если будет так, как, например, сегодня и вчера, то вряд ли состоится мой выезд. Я не хотел тебе об этом писать, но нельзя не писать. Но я надеюсь, что все-таки мне станет лучше, тогда попробую.

О том, чтобы Женя меня сопровождал, даже не толкуй. Это меня только утомит еще больше, а ты, очевидно, не представляешь себе, что тебе принесет ослепительное сочетание — Сережка, Сашка и Женька, который, несомненно, застрянет в Лебедяни. Нет, уж ты себе

отдых не срывай!

Остальное придумано мудро: обедать вместе с компанией — нет! нет! А с S. [1]— даже речи быть не может. Пусть Азазелло с S. обедает!

_____

Ах, чертова колонка! Но, конечно, и разговор не пойдет о том, чтобы я вызывал Горшкова или вообще возился бы с какими-нибудь житейскими делами. Не могу ни с кем разговаривать.

_____

Эх, Кука, тебе издалека не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний закатный роман. Целую крепко!

Твой М [2].

18. 15.VI.38. На рассвете.

Дорогая Лю!

Эта открытка, которую я пишу под гудение Дм[итриева], обгонит заказное. Вчера, то есть 14-го, был перерыв в переписке. Ольга какие-то ванны берет. Завтра, то есть, тьфу, сегодня возобновляю работу. Буду кончать главу «При свечах» и перейду к балу. Да, я очень устал и чувствую себя, правду сказать, неважно. Трудно в полном одиночестве. Но ничего! Не унывай, Куква! Целую тебя! Не могу сосредоточиться, потому что Дм[итриев] гудит как шмель. Хочется спать! Целую тебя! Целую!

Твой М.

P.S. Догадался попросить поклониться тебе Дм[итриев].

19. 15.VI.38. Под вечер.

Дорогая Лю! Тронут твоей заботой и лаской. Целую крепко тебя! Не знаю, удастся ли приехать, но надеюсь на это.

Ни в каком случае не затевай устроить мне в спутники Женю. Это совершенно не нужно! Он мне только мешал бы.

Чувствую себя усталым безмерно. Диктую 23-ю главу. Зачем же Писареву быть в загоне! Кланяйся ему!

Твой М.

20. Телеграмма. 15.VI.1938.

Целую крепко. Постараюсь приехать. Спутник Евгений совершенно не нужен.

---

[1] Имеется в виду О.С. Бокшанская.

[2] На левом поле письма М.А. Булгаковым сделаны три приписки:

1. На с. 1 «В этом письме восемь страниц».
2. На с. 6 «Ку, жду карточку с надписью!»
3. На с. 8 «Як[ов) Л(еонтьевич) показывал мне расписание. Теперь есть удобный поезд с мягким вагоном? № 43 и обратно 44!

Есть? Проверь». Лист 2-ой письма (стр. 3—4) внизу обрезан, возможно, с текстом.

Любящий Михаил.

21. 19.VI.38. Днем.

Дорогая Лю, сообщи, в полном ли порядке твое уважаемое здоровье? Думаю о тебе нежно.

Верно ли Саня пишет, что река ему по колено? Купаться-то можно? Сообщи.

Прилагаю всякие усилия к тому, чтобы в 20-х числах июня побывать в Лебедяни. Если это не затруднительно (а если далеко и трудно — не надо), узнай — есть ли теперь поезд с мягким вагоном? Должен быть. Ну, если нет — это неважно. Ехать можно и в жестком.

По числу на открытке твоей установил, что ты наблюдала грозу, как раз в то время, как я диктовал о золотых статуях. Пишется 26 глава (Низа, убийство в саду). Перестань ты бегать по базару за огурцами и яйцами!! Сиди в тени! [1] [...]

22. Телеграмма. 19.VI. 1938

Телеграфируй здоровье. Есть ли купанье. Пишется 26 глава. Целую.

Булгаков

23. 20.VI.38

Дорогая Лю! Получил сегодня два твоих письма, отвечу подробно ночью. А пока кратко... Перестань ты хлопотать по устройству мне провожатых!! Зачем Лоли?! Умоляю тебя, не занимайся ты этим вопросом! Не нужно этого!

Спешу уходить с Соловьевым, целую!

Твой М.

P.S. Не только не нужно никаких провожатых, но они мне будут мешать! Еще раз целую! М.

24. В ночь на 22. VI.38

Дорогая Люкси!

Сегодня получил соблазняющую меня телеграмму о лодке и подсолнухах. Целую тебя крепко.

Чувствую себя неважно, но работаю. Диктуется 28 глава.

Твой М.

25. 22.VI.38. Утром.

Дорогая Люси, она же очаровательная прекрасная Елена, твои письма и открытки получены. Конечно, если мне удастся навестить тебя, к чему я сейчас делаю первые шаги, я привезу деньги. Сегодня пойду в Театр, узнавать, когда дают жалованье и когда кончится

---

[1] Последние строки зачеркнуты Е.С. Булгаковой.

сезон.

Если сегодня Ольга приедет пораньше, постараюсь продиктовать большой кусок и тогда конец переписки станет совсем близок. Одно плохо во всем — это, что мне нездоровится. Но ничего! Целую тебя крепко. Привет вашей библиотеке в лебедянском раю! В частности Радищеву!

Твой М.

26. 22.VI.38

Доролю! Только что отправил открытку тебе с пятикопеечной маркой! Из-за романа в голове путаница. Теперь марка вторая лежит передо мной и удивляется, почему ее не наклеили. Если удастся навестить рекламируемый тобою рай, рад буду хотя бы раз Радищева перечитать!

К приезду моему первые шаги уже сделаны. Сегодня надеюсь пододвинуться к самому концу романа, хоть и чувствую себя плоховато.

Все твои письма и открытки получены. Деньги захвачу. Целую.

Твой М.

27. 22.VI.38

Дорогая Люси! Твои письма и открытки получены.

Кулик дорогой! Первым долгом плюнь ты на эту колонку! Мне Настасья ничуть не поможет, если на мою голову приведет Горшкова! Привести я его и сам могу, а разговаривать с ним не могу (колонку надо ставить новую, по-видимому).

Вообще, не думай, друг мой, что письмами издалека можно что-нибудь наладить. Ничего из этого не выйдет, поэтому не ломай головы над пустяками... [1]

О нездоровье своем я написал лишь потому, чтобы объяснить тебе, что я, может быть, не в состоянии буду выехать в Лебедянь. Но ради всего святого, не придумывай ты мне провожатых! Пощади! То был Евгений! Теперь — Лоли! Ничего они мне не помогут, а только помешают этой поездке!

Сегодня вечером меня будет смотреть Марк Леопольдович. Тогда все станет пояснее.

Стенограмма:

S. (тревожно). Ну! Ну! Ну! Ты что нудишься?

Я. Ничего... болит...

S. (грозно). Ну! Ну! Ну! Ты не вздумай Люсе об этом написать!

Я. А почему?.. Не вздумай?

S. Ну, да! Ты напишешь, Люся моментально прилетит в Москву, а мы что тогда будем делать в Лебедяни! Нет, уж ты, пожалуйста, потерпи!

У меня сделалась какая-то постоянная боль в груди внизу. Может быть, это несерьезное что-нибудь.

Ты недоумеваешь — когда S. говорит правду? Могу тебе помочь в этом вопросе: она никогда не говорит правды.

В частном данном случае вранье заключается в письмах. Причем это вранье вроде

---

[1] Далее несколько слов зачеркнуто.

рассказа Бегемота о съеденном тигре, то *есть вранье от первого до последнего слова.*

Причина: зная твое отношение к роману, она отнюдь не намерена испортить себе вдрызг отдых под яблоней в саду. Я же ей безопасен, поэтому горькая истина сама собою встает в Москве.

Но зато уж и истина!! К сожалению, лишен возможности привести такие перлы, из которых каждый стоит денег (и, боюсь, **очень** больших денег!).

_____

Но, довольно об этом! Один лишь дам тебе дружеский совет: если тебя интересует произведение, о котором идет речь (я уж на него смотрю с тихой грустью), сведи разговоры о нем к нулю. Бог с ними! Пусть эти разговоры S. заменит семейно-фальшивым хохотом, восторгами по поводу природы и всякой театральной чушью собачьей. Серьезно советую.

Вообще я тут насмотрелся и наслушался.

Ку! Какая там авторская корректура в Лебедяни! Да и «Дон Кихот» навряд ли. О машинке я и подумать не могу!

Если мне удастся приехать, то на короткий срок. Причем не только писать что-нибудь, но даже читать я ничего не способен. Мне нужен абсолютный покой! [...] Никакого Дон Кихота я видеть сейчас не могу... [1]

Целую прекрасную, очаровательную Елену!

Твой М.

P.S. Вот роман! Сейчас стал рвать ненужную бумагу и, глядь, разорвал твое письмо!! Нежно склею. Целую.

Приписка М.А. Булгакова на левом поле последней стр.:

«В этом письме четыре страницы».

28. Телеграмма. 23.VI.1938

Приеду на днях. Число сообщу телеграммой.

Булгаков

29. Телеграмма. 24.VI.1938.

Почему нет ответа мою телеграмму. Заказал билет. День выезда телеграфирую.

Булгаков

30. Телеграмма. 25.VI.1938

Выехал двадцать пятого сорок первым, вагон пять. Встречай.

Булгаков

31. 21.VII. 8 ½ вечера.

С поезда

---

[1] Далее несколько слов зачеркнуто.

Ну, Куква, и поезд же! Половина девятого, а мы только что дотащились до Льва Толстого! Целую!

М.

32. 21.VII. 5 ¼ вечера.

С поезда

Сменили паровоз, полетели как ветер. Целую ручки за ужин! Наслаждались цыплятами! Ах, какие цыплята! Целую! Бешено трясет!

М.

33. 22.VII. 4 ¼ Утра.

С поезда

Дорогая Лю! Невиданный поезд! Треплемся где-то под Каширой. Проводник говорит, что в Москве будем — «в 8, не раньше!» Легендарный поезд! Причем большинство пассажиров радуется, что опоздаем в Москву! Всю ночь (если это можно назвать ночью) таращил глаза на вагонные сценки. «Пирвалнуисси, покуда доедешь», говорит бабка, едущая во Владивосток. Евгений спит. Целую! *М.*

Солнце багровое! Жара будет в Москве, надо думать, адская.

Еду хромой. Какая-то дрянь и меня и бабку тяпнула в ногу.

5 ч. 40 м. стоим в лесу!!

34. Телеграмма. 22.VII.1938

Телеграфируй — где искать членскую книжку РЖСКТ «Советский писатель», акт выверки суммы паевых взносов, квитанции внесенных паевых взносов.

Булгаков

35. 22.VII.38. Вечером.

Дорогая Лю!

Доехал я благополучно, но очень устал. Евгений тоже сонный, но чувствует себя, по-видимому, удовлетворительно.

Прости, что сразу начинаю с дела. На столе нашел документ, из которого видно, что хотят возвратить деньги за квартиру. Это — важная вещь. Требуется:

а) Членск[ая] книжка РЖСКТ.

б) Акт выверки суммы паевых взносов.

в) Квитанции внесенных паевых взносов.

Пришлось вторгнуться в твою Психею (прости! Но что делать?). Я вторгся и обомлел, увидев в конфетных коробках сотни бумажек. Прежде всего я постарался угадать систему, по которой они сложены, но не угадал. Пачка «Нила», пачка квартплаты, старая торгсиновская книжка, пачка электричества, пригласительный билет в Большой театр. Дом творчества в Ялте, расчетная книжка домработницы, квитанция на заказное письмо... Боги мои! Что же это меня ждет?! Посочувствуй мне, Лю! Членскую книжку я, кажется, нашел. Она одна была? На ней написано «по перерегистрации №57». Обнаруживается еще пачка разноцветных, разнотипных квитанций. По-видимому, это и есть паевые взносы.

Но «акт выверки» (а чувствую, что это главное!). Он есть там? Был? Должен быть? Кажется был?

Вынужден был дать тебе сейчас телеграмму с вопросом о том, где искать эти все документы. Извини за беспокойство.

На письменном столе, на бюро, на диване передо мною груды, горы, стопки бумаги. А дальше, письма!! Ведь, не могу же я рыться в твоих письмах?! Постараюсь их обойти. А как их обойти, если этот проклятый «акт выверки» вдруг там?! Ведь, если после счетов за электричество идет счет мебельного магазина и удостоверение о том, что Сергей перенес аппендицит!.. то все может быть!

Тут же, например, бумажка, наводящая на какой-то след: «...на прилагаемом при сем бланке, сальдо...». Да бланка-то нету! А металлическая закрепка на уголке есть — стало быть, был он этот бланк! Был, и отнесен куда-то в другое место. А куда? Кабы я понимал систему! Помоги!

1) Существует ли этот «акт выверки»?

2) Какую, хотя бы приблизительно, сумму должны выдать?

Словом, скучать не придется. Завтра пойду по этим мукам.

_____

Ну-с, въехали мы сегодня в Москву в 8 часов утра. Душно. Таксомотор. Евгения — в Ржевский, меня — домой. Хотел напиться чаю и сейчас же в Сандуновские, а оттуда в Лаврушинский, но после чаю повалился и заснул. После сна стал бодрее, поехал в Сандуновские. Наслаждение от горячей воды, парикмахера. Но горе эти укусы! И лебедянский не проходит ничуть, и в вагоне какой-то летучий гад укусил в ногу у ступни так, что я хромаю и нога распухла. Что за чертовщина?

_____

Сейчас сообразил, что пишу какую-то ерунду! Действительно интересно читать про ступню! Извини.

С интересом глядел на Москву. Все, как полагается. Чувствуется, что многие уехали. Костюмы показывают, что жара изнуряла. Без галстуков, всюду белые брюки, лица лоснятся. Мои телефонные звонки показали, что многих, кого хотелось бы повидать, нету. Вильямсы где-то у Эльбруса. Яков Леонтьевич в Барвихе. Горюю, хотел бы с ним поговорить.

_____

В Лаврушинский сегодня не попл[елся]. Евгений обедал у меня.

Настя встретила его очень нежно. Звонила ему, чтобы он был поосторожнее с газом, на что Евгений обиделся!

Чудно накормила, рассказывала о том, что кто-то у нас в доме умер, а напротив женщина газом отравилась.

Ну, вот так. Целую тебя нежно! Вспоминаю луну возле церкви и погружаюсь в московские заботы. Не сердись за то, что юмористически описывал твой архив. Умоляю — смотри за Сергеем на реке! Запрети кувыркаться в воде категорически. По словам Настасьи, бедный Юра утонул на мелком месте. Упоминаю об этом печальном только затем, чтобы ты не спускала глаз с Сергея! Поцелуй его и не давай ему трепаться словесно.

Евгений тебя целует.

Твой М.

Телеграмму с дождем получил!

Так бессвязно письмо от утомления. Сейчас поужинаю и лягу спать.

Всем, конечно, приветы!

36. 23.VII.38. Утром

Дорогая Лю!

Второй день разбираюсь в хаосе бумаг в Психее, пытаюсь найти документы, нужные для получения денег, внесенных за квартиру. В частности, необходим — акт выверки суммы паевых взносов. Есть такой? Где он? Сейчас поеду в Лаврушинский добиваться денег, а затем в выплатной пункт (Б. Полянка, 28).

Душно. Роюсь, перебрасывая сотни бумажек, и мало надеюсь найти то, что требуется. Целую крепко. М.

37. 23.VII.38. День.

Дорогая Лю!

Сижу безутешен. Нет «акта выверки суммы паевых взносов». Подозреваю, что его и не было. Ругаю себя. Ведь я- то должен был предвидеть, что лишь только уедем, как эта бумага с выплатного пункта придет. Все надежды разбиты. Представляю себе, что мне теперь предстоит, и заранее скрежещу зубами. Вот тебе и «Дон Кихот», вот тебе правка романа. А так мне и надо! Вооружаюсь сейчас теми филькиными грамотами, что нашел, и иду на адские мучения. Если, гуляя в вековом парке или охотясь с соколом, встретишь своего секретаря, которому ты поручила квартирное дело и свою Психею, пожури его мягко. Скажи ему, что он не секретарь, а мечтатель!

Целую.

Твой М.

38. 23.VII.38. В обеденную пору.

Дорогая Лю!

Ура! Документы нашлись. Больше по этому поводу не беспокой себя. Жадно гляжу на испанский экземпляр «Дон Кихота». Теперь займусь им. Душно. Но Настя достала льду и Березовской воды.

Целую крепко.

Твой М.

39. Телеграмма. 23.VII.1938.

Документы найдены. Все порядке. Целуем Михаил, Евгений.

40. 24.VII.38. Днем.

Дорогая Ку! Спасибо тебе за ласковые ночные открытки. Конечно, мне было хорошо! Вспоминаю тебя и целую! Сплавив нудное дело с квартирными бумажонками, почувствовал себя великолепно и работаю над Кихотом легко. Все очень удобно. Наверху не громыхают пока что, телефон молчит, разложены словари. Пью чай с чудесным вареньем, правлю Санчо, чтобы блестел. Потом пойду по самому Дон Кихоту, а затем по всем, чтобы играли как те стрекозы на берегу — помнишь? Но какой воздух! Здесь не жара, а духота, липкая, вязкая, тяжелая. Когда будешь погружаться в воду, вспомни меня. Нога заживает? Целую. Умоляю — набирай сил!

Твой М.

41. Moscu. 25 de Julio de 1938 [...].

Моя дорогая Ку!

Пишу тебе по-испански для того, во-первых, чтобы ты убедилась, насколько усердно я занимаюсь изучением царя испанских писателей, и, во-вторых, для проверки — не слишком ли ты позабыла в Лебедяни чудесный язык, на котором писал и говорил Михаил Сервантес. Помнишь случай с Людовиком XIV-м и придворным? Вот и я тебя спрашиваю: sabe, Vd., el Castellano? [1]

Воображаю, как хохотал бы Сервантес, если бы прочел мое испанское послание к тебе! Ну, что же поделаешь. Признаюсь, что по-испански писать трудновато.

_____

Ах, как душно, Ку, в Москве! Насте не всегда удается достать лед. Но условия для работы исключительно удобны. Полная тишина. Телефон почти не дает о себе знать, и даже двор почему-то не звучит как обычно. Жара, что ли, сморила наших жителей. Вот только радио снаружи иногда отравляет жизнь, да еще какой-то болван по временам заводит патефон. Ах, если бы он его скорей сломал!

Сегодня утром побывала у меня Анна П. Рассказала о том, что одна дама «с морды смазливая», другая пилочку сперла, а у третьей «забабоха» (кажется так) на ноге. Вообще развлекала меня, как могла. Одним глазом глядя в Дон Кихота, а другим на А. П., выслушал рассказ о том, как S буйно рыдала в день отъезда.

— Мне так жаль ее было, так жаль, так жаль!..— и совершенно неожиданно добавила:

— Она такая злая была!

Ку, я тебя убедительно прошу ничего об А. П. тытушке не говорить. Есть? Сама понимаешь, почему.

Пишу тебе об этих пустяках, чтобы поболтать с тобой, alma mia [2].

Вскорости после ухода А. П. раздался звонок Марьи Исак. (ставлю в непосредственную связь). Вопрос о том, как ты поправилась и прочее. Я сказал, что ты выглядишь чудесно и шоколадна.

Ты на меня не сердись, Лю, за то, что я тебя беспокоил квартирными бумажками. Счастлив, что с этим разделался и могу на эту тему до твоего возвращения не разговаривать.

_____

Да, может быть, тебя позабавит случай:

Обливаясь потом, ходил я по этому квартделу. Один неизвестный служащий взглянул в мою бумажку и вдруг спрашивает испуганно:

— Позвольте!.. Это не вы написали «Дни Турбиных»?

Я говорю:

— Я...

Он вытаращил глаза, уронил бумажку и воскликнул:

— Нет?! Ей-Богу?!

Я так растерялся, что ответил:

— Честное слово!

Тут он бросил бумажки и говорит:

— Я «Зойкину квартиру» видел и «Багровый остров». Ах, как мне понравился «Багровый остров»!

Я говорю:

— Да, они в Камерном черт знает что поставили вместо пьесы.

— Нет, нет, нет! Очень хорошо!

И финал:

---

[1] Знаете ли вы испанский? (*исп.*)

[2] Душа моя (*исп.*)

— А... скажите... сколько вы получаете со спектакля «Турбиных»?

И тут я увидел, что бывают случаи, когда такие вопросы задаются не со злостной целью, а просто это невытравимо обывательское. Тут не мерзкая зависть, с которой мы хорошо с тобою знакомы, а любопытство.

¡ Hasta la vista! [1]

Вчера ужинал с Борисом Р(обертовичем) и его женой. Сегодня хотел съездить на дачу к Сергею Петровичу, но не попал.

Целую тебя крепко!

Твой М.

42. 26.VII.38. Днем.

Сегодня, дорогая Ку и Лю, две открытки от тебя (от 23 и 24). Ага! Видишь, и плотину закрыли и дождь! Уж я знаю, когда куда ездить. Но было бы хорошо, если бы устроилось наоборот: сюда — дождь, а вам московскую погоду. Там в садах ее переносить вам было бы легче. Висит духота, небо затянуто и грязновато местами, но капли нет дождя. Нету воздуху, хоть плачь! Воротничок нельзя надеть — он через минуту превращается в раскисший жгут. Томительно хочется пить. Нарзану нет. Пил Березовскую воду, пил Миргородскую, но их тоже трудно достать. А работается неплохо. Мысль остра сравнительно. Впрочем, об этом будем толковать с тобою в больших письмах. Радуюсь тому, что Сергей с тобой. Ах, как это хорошо. Но, умоляю, не перекармливай его. Ему вредно это. Ку, подумай насчет этого! Целую! Твой М.

Только что написал — затянуто, как опять голубизна и жжет, жжет!

43. 26.VII.38. Вечером.

Сейчас, дорогая Ку, получил телеграмму и открытку, где сообщение о случае с Сергеем. Потрясающий малый!

Надеюсь, что это быстро заживет. Ты не надорвалась, когда тащили его? Ведь он же тяжелый как комод! Кстати, Ку, как состояние твоего здоровья? Напиши!

Пьесу никому не читал и не буду читать, пока мы ее с тобой не перепишем на машине. Пиши мне поподробнее. За книгу большое спасибо!

И вечер не приносит спасения от духоты. Сейчас половина одиннадцатого, все окна открыты, но воздух почти не входит в комнаты. Впрочем и воздух-то такой, что хоть бы и не входил. Настя спит теперь на балконе.

До завтра, Ку! Целую тебя, а Сергею скажи, что я просил его погладить по голове от меня.

М.

44. 27.VII.38. Час дня. Савеловский вокзал

Дорогая Лю! Забыл дома открытку, написанную тебе, и пишу эту, проклиная вокзальные чернила и перо. Сейчас поеду к Федоровым на дачу, вернусь вечером. Напиши, каково состояние твоего здоровья?

Кихота никому не читал и не буду читать до переписки. Работа пока идет интересно.

---

[1] До свидания (*исп.*)

Духота неописуемая. Целую!

Твой М.

45. Телеграмма. 27.VII.1938

Как твое здоровье. Целую.

Михаил

46. Телеграмма. 28.VII.1938

Телеграфируй порядке ли твое здоровье.

Михаил

47. 28.VII.38. Днем.

Ку, дорогая! Я не понял твоего ответа насчет здоровья и поэтому дал вторую телеграмму. Твое здоровье в порядке, надеюсь? Ответь — в порядке или нет!

Сознайся, что ты поручила составление телеграммы Коту Бегемоту! Он и устроил головоломку — «здорова»! Нате вам! Что это значит?

Сегодня буду писать тебе большое письмо. Целую тебя крепко!

Твой М.

48. 29.VII.38. Днем.

Дорогая Лю! Телеграмму, где обещаешь телеграфировать о здоровье, получил. Жара давит, трудно работать. Ку! Две деловых вещи: не ходи по солнцу много! Серьезно говорю. Поплатишься за это, я боюсь. Сиди в тени! А второе: не давай Сергею объедаться! Ведь ему на глазах это приносит вред. Довольно! Сейчас буду писать тебе большое письмо. Целую тебя крепко.

Твой М.

49. Телеграмма. 29.VII.1938

Целую крепко. Все благополучно.

Булгаков

50. 30 de julio de 1938 [...]

Милый друг!

Все твои письма получаю и читаю их с нежностью. Не ломай головы над этими испанскими посланиями, мой дорогой Шампольон Младший! Отдыхай! И тени, тени

больше. Совсем не ходи по солнцу, послушайся меня, друг мой! Меня ты можешь пожалеть. Здесь кромешный ад. Не только не видно конца жаре, но с каждым днем становится все хуже. Вечером в открытые окна влетают ночные бабочки, тонут в варенье. За ними какие-то зеленые мушки, которые дохнут на книгах. Настасья с мокрой тряпкой на голове, хнычет. Рассказывает, что в очереди за льдом упал мужчина и еще кто-то. Работать стало трудно. Если бы можно было надеяться, что, приехав куда-нибудь, найдешь номер в гостинице, я хоть на три-четыре дня уехал из Москвы. Ну, хоть, скажем, глянуть на море. Но об этом и разговору быть не может.

Дмитриев очень зовет меня навестить его в Ленинграде. И сгоряча я было стал склоняться к этому. Судя по телефонному разговору, у него все вышло худо. А сам он в Москву приехать не может. Но сейчас вижу, что сочетание звезд совсем не для этой поездки. Прежде всего я чувствую себя отвратительно и подвиг этот выполнить не могу просто физически. И притом целый узел дел может связаться для меня как раз в эти дни. Так что буду бить отбой и продолжать штурмовать Кихота.

В Москве плохо (вчера пошел в Эрмитаж, ушел через десять минут). Интересно: не встретил ни одного знакомого лица! Потом пошел в ресторан Жургаз, в чем тоже раскаиваюсь. Там, правда, знакомые лица на каждом шагу. Могу их подарить кому-нибудь. А под Москвой, по-моему, еще хуже. Ездил к Федоровым на дачу. Очаровательно, как всегда, встретили меня, но эта подмосковная природа! Задымленные, забросанные бумагой, запыленные дачные места, и это на десятки километров. А купанье! Вспомнил я Дон, песчаное дно!

А эти курятники-дачки! Возвращался, когда солнце уже село, смотрел в окно и грустил, грустил. И особенно остро тебя вспоминал. Вот бы сейчас поговорить с тобой!

Больше писать не в силах, изнемогаю. О S., театре, романе и прочем в следующем письме. Будь бодра, здорова (отчего нет обещанной телеграммы, недоумеваю?), целую крепко! Сергея погладь по голове.

Твой М. Нездоровится — из-за жары, что ли?

51. 31.VII.38. Утром.

Дорогая Ку! Ты — молодец! Тебе надо иероглифы читать! Во многом ты ошиблась, но смысл письма и его основа разобраны верно. Я не помню точно текст, а то бы я прислал тебе перевод для сличения. При свидании сличишь.

Беспокоит меня то, что нет телеграммы. Что же это значит? Ну, надеюсь, что все благополучно.

Мучает жара. Целую крепко.

Твой М.

52. Mosca. 31 luglio 1938 [...]

Дорогая Лю!

Я вижу, что испанским языком тебя не удивишь [1], поэтому перехожу на итальянский.

Беспокоюсь, что от тебя нет телеграммы. Как ты чувствуешь себя? Надеюсь, что у вас все благополучно?

Сейчас пришла открытка от 30-го (12 ч. дня). А телеграммы нет! Фотографии не получал.

---

[1] Часть письма была написана по-испански, а точнее — на «плохом» испанском. М.А. Булгаков только начал его изучать.

Целую тебя!

Твой М.

P.S. Вечером сегодня, когда упадет жара, примусь за театральное письмо. Там будет обо всем, в том числе и о S.

М

53. В ночь на 1 августа, 38 г.

Вечером сегодня получил, дорогая Лю, снимок. Большое, большое, громадное спасибо тебе!

Как фамилия фотографа? Есть ли у тебя нераскрашенный экземпляр? С интересом жду снимок домика.

Твой М. Захвати с собою негатив!

54. 2.VIII.38

Дорогая Ку! Озабочен тем, что от тебя нет телеграммы о здоровье. Ку! Сообщи мне, пожалуйста, не откладывая, адрес Боярского и Сахновского (это нужно Дмитриеву). Жара совершенно убивает. Тем не менее я работаю. План такой: как только сделаю все поправки (а это уже близко), перепишу всю пьесу начисто 14, и развяжусь и с Кихотом и с Санчо. Сергеево послание получил. Скажи, что я думаю о нем тепло и хорошо и верю в то, что он вырастет умным, способным, радующим тебя. Скажи, что тебя поручаю ему.

Твой М.

55. Телеграмма. 3.VIII.1938

Почему нет телеграммы здоровье. Беспокоюсь.

Михаил

56. 4.VIII.38

Дорогая Лю!

Получил только что закрытое твое письмо от 2-го. Какая тут Лебедянь! Сижу в тревоге из-за твоего здоровья как на иголках и жду не дождусь, когда кончится твое лебедянское сидение. У меня нет никакой возможности приехать в Лебедянь! Я чрезвычайно опечален тем, что тебя сейчас нет со мной, и только одним утешаю себя, что ты отдыхаешь. Но здоровье! Что это еще за оказия? Настроение духа у меня плохое, я озабочен, подавлен массой стрессов. Грущу, что тебя нет.

Целую крепко!

М.

57. Телеграмма. 4.VIII.1938

Крайне встревожен здоровьем. Не нужно ли тебе срочно вернуться Москву. Телеграфируй.

Михаил

58. 5.VIII.38. Поздним вечером.

Дорогая Люсенька! Спасибо тебе за ласковые письма и радостную телеграмму, которая пришла сегодня утром.

Отчего до сих пор не послал тебе длинного письма, ты узнаешь из длинного письма. Составлять его буду завтра. Целую тебя крепко и хочу, чтобы ты была здоровой, бодрой и веселой. Поцелуй Сергея и спроси, как он находит роль Санчо — хорошей ли? Он смыслит в этих делах.

Жара упала!!

Твой М.

59. Телеграмма. 6.VIII.1938

Счастлив, что все благополучно. Целую

Михаил

60. 7.VIII.38. Поздно вечером.

Мой друг, сегодня, когда писал тебе днем письмо, узнал, что Станиславский умер. Все время как-то находился в уверенности, что Калужского известит театр, а сейчас меня взяло сомнение — вдруг не известили? Иду на телеграф, дам ему телеграмму сейчас.

Целую!

Твой М.

61. 6-7.VIII.1938.

Дорогой друг Люси! Одной из причин, почему я до сих пор не мог взяться за длинное письмо, являлся Дмитриев. Он обрушился на меня из Ленинграда с сообщением, что его посылают на жительство в Таджикистан. Сейчас он хлопочет через Москвина, как депутата, и МХТ о пересмотре этого решения, и есть надежда, что так как за ним ничего не числится, а жительство ему назначено как мужу сосланной его жены, а также потому, что значение его как большого театрального художника несомненно, участь его будет изменена.

Теперь приступаю к театральной беседе, о чем уж давно мечтаю, мой друг. «Questa cantante cantava falso» означает: «Эта певица пела фальшиво». Mostro d'inferno — исчадие ада. [Monstrum латинск., monstre франц., monster англ., monstrum нем., monstruo исп., и mostro итальянск., — чудовище.] Да, это она, как ты справедливо догадалась, и, как видишь, на каком языке ни возьми, она — монстр. Она же и пела фальшиво.

Причем, в данном случае, это вральное пение подается в форме дуэта, в котором второй собеседник подпевает глухим тенором, сделав мутные глаза. Итак, стало быть, это он, бывший злокозненный директор, повинен в несчастье с «Мольером»? Он снял пьесу?

Интересно, что бы тебе ответили собеседники, если б ты сказала:

— Ах, как горько в таком случае, что на его месте не было вас! Вы, конечно, сумели бы своими ручонками удержать пьесу в репертуаре после статьи «Внешний блеск и фальшивое содержание»?

Статья сняла пьесу! Эта статья. А роль МХТ выражалась в том, что они все, а не кто-то один, дружно и быстро отнесли поверженного «Мольера» в сарай. Причем впереди всех, шепча «Скорее!», бежали... твои собеседники. Они ноги поддерживали.

Рыдало немного народу при этой процедуре. Рыдала незабвенная Лид[ия] Мих[айловна] [1], которая теперь вынуждена посвятить свои досуги изображению графини-внучки. Известно ли все это собеседникам? Наилучшим образом известно. Зачем же ложь? А вот зачем: вся их задача в отношении моей драматургии, на которую они смотрят трусливо и враждебно, заключается в том, чтобы *похоронить* ее как можно скорее и без шумных разговоров.

Поэтому, когда женщина, потрясенная гибелью всех сценических планов того, с кем она связана, поднимает шум у театрального склепа, ей шепчут на ухо:

— Это он снял... Он! Вон он... Вы за ним, madame, бегите... Вон он!

Выбирается первое попавшееся, но непременно одиозное имя и по следам его и посылают человека. Поди-ка, проверь! Поверит, кинется в сторону, и шум прекратится и прекратятся пренеприятнейшие разговоры о роли [2] [...] Немировича в деле того же «Мольера» и многих других делах, о работе Горчакова, а, главное, о своей собственной работе!

Звезды мне понравились. Недурно было бы при свете их сказать *собеседнику* так:

— Ах, как хороши звезды! И как много тем! Например, на тему о «Беге», который вы так сильно хотели поставить. Не припомните ли вы, как звали то лицо, которое, стоя в бухгалтерии у загородки во время первой травли «Бега» говорило *лично автору* , что пьеса эта *нехороша и не нужна?*

Тут бы собеседование под звездами и кончилось!

_____

Но, нет, нет, мой друг! Не нужно больше разговаривать. Не мучай себя, и не утомляй их. Скоро сезон, им так много придется врать каждый день, что надо им дать теперь отдохнуть. Все это мелко. Я и сам поддался этому вдруг. Сказалась старая боль! *Обещаешь не разговаривать?*

Но вот что я считаю для себя обязательным упомянуть при свете тех же звезд — это [то], что действительно хотел ставить «Бег» писатель Максим Горький. А не Театр!

Я случайно напал на статью о фантастике Гофмана [3]. Я берегу ее для тебя, зная, что

---

[1] Очевидно, имеется в виду актриса МХАТ Лидия Михайловна Коренева.

[2] Зачеркнуты слова: «...Станиславского в деле „Мольера“».

[3] Речь идет о статье И.В. Миримского «Социальная фантастика Гофмана», которая была опубликована в журнале «Литературная учеба», 1938, № 5. Этот выпуск журнала в архиве сохранился. Булгаков проявил к этой статье очень большой интерес. Вся она испещрена его подчеркиваниями и пометами. Очевидно, он нашел много родственного в принципах творчества с выдающимся немецким писателем. Привлекло его в статье прежде всего то обстоятельство, что Гофман не был понят и оценен отечественной критикой. Булгаков подчеркнул, например, следующие строки о Гофмане: «[...] цитируются с научной серьезностью подлинные сочинения знаменитых магов и демонолатров, которых сам Гофман знал только понаслышке. В результате к имени Гофмана прикрепляются и получают широкое хождение прозвания, вроде спирит, теософ, экстатик, визионер и, наконец, просто сумасшедший.

Сам Гофман, обладавший, как известно, необыкновенно трезвым и практическим умом, предвидел кривотолки своих будущих критиков...»

Из многих подчеркнутых Булгаковым строк и даже абзацев приведем некоторые.

«Стиль Гофмана можно определить как реально фантастический. Сочетание реального с фантастическим, вымышленного с действительным...»

«[...] Если гений заключает мир с действительностью, то это приводит его в болото филистерства, „честного“

она поразит тебя так же, как и меня. Я прав в «Мастере и Маргарите»! Ты понимаешь, чего стоит это сознание — я прав!

Обрываю письмо и вычеркиваю слова о Станиславском. Сейчас о нем не время говорить — он умер.

Твой М.

62. 8 августа, 38 г. Днем.

Дорогая Люсенька!

Вчера ночью получил твою открытку от 6-го и в ней кой-чего не понял [...] [1]

Появление Дмитр[иева] внесло форменный ужас в мою жизнь. Кихот остановился, важные размышления остановились, для писем не могу собрать мыслей, в голове трезвон телефона, по двадцать раз одни и те же вопросы и одни и те же ответы. Его жаль, он совершенно раздавлен, но меня он довел до того, что даже физически стало нездоровиться!

Сегодня вечером он уезжает в Ленинград, добившись здесь, благодаря МХТ, приостановления своего дела, что, надеюсь, приведет к отмене его переселения. Уехать он должен был вчера, но его вызвали для оформления траурного зала в МХТ.

Я сделал все, что мог, чтобы помочь ему советами и участием, и теперь, признаюсь тебе, мечтаю об одном — зажечь лампу и погрузиться в тишину и ждать твоего приезда.

Кошмар был, честное слово! Спешу кончить письмо, чтобы отдать его Настасье.

Итак, ты выезжаешь 14-го? Очень хорошо. Нечего там больше сидеть. Ку, если не трудно, закажи порошки от головной боли, привези. Волнуюсь при мысли, что вам трудно будет с поездом. Сдай, что можно, в багаж!

В голове каша! Целую тебя крепко! Жду!

Твой М.

63. 9 августа, 38 г.

Дорогая Люси!

У меня первое утро без Дм[итриева]. Что это за счастье, ты не поймешь, так как не была в кошмаре, о котором подробно расскажу при свидании. Достаточно того, что у меня началась полная бессонница. Уехал он, сказав, что на днях появится вновь, и я серьезно озабочен вопросом о том, как оградить свою работу и покой. Всему есть мера!

Впервые за это время хорошо заснув, был сегодня разбужен cuñad'ью [2], появившейся с двумя ящиками рано утром. Она унеслась быстро, оставив мне эти ящики и головную боль. После этого мне пришлось позвонить к ней, чтобы узнать число, когда ты выезжаешь. Поговорив с Кал[ужским], я уж хотел положить трубку, как получил к телефону cuñad'у,

---

чиновничьего образа мыслей; если же он не сдается действительности до конца, то кончает преждевременной смертью или безумием».

«Он превращает искусство в боевую вышку, с которой как художник творит сатирическую расправу над действительностью».

«Смех Гофмана отличается необыкновенной подвижностью своих форм, он колеблется от добродушного юмора сострадания до озлобленной разрушительной сатиры, от безобидного шаржа до цинически уродливого гротеска».

[1] Далее значительная часть текста письма тщательно закрашена Е.С. Булгаковой тушью.

[2] cuñada — свояченица (*исп.*)

которая стала мне быстро и неразборчиво рассказывать что-то о варенье и о каком-то русском масле и что-то приказывать с ним сделать, чего я, конечно, не сделаю, так как, чуть-чуть отодвинув трубку, перестал слушать эту белиберду.

Итак, ты выезжаешь 14-го и деньги у тебя есть? (Ольга сказала, что есть.) Счастлив, что скоро увижу тебя. Я с глубокой нежностью вспоминаю, как ты охраняла мой покой в Лебедяни.

Сейчас дело идет к полудню, а Настасья куда-то провалилась, чего с ней никогда не бывало. Уж не случилось ли с нею чего-нибудь? Ну, ничего, сегодня будет еще больной день, а завтра, верю, удастся вернуться к Кихоту. Начну его переписывать.

Вот пришла Настя! Все в порядке.

Как ты понимаешь, я нахожусь под впечатлением смерти Константина [1]. И все раздумываю, раздумываю. А так как мысли мои тяжелые, навязчивые о литературной судьбе, о том, что сделал со мною МХТ, то, чтобы перевести их на другие рельсы, приведу тебе несколько картин, сопровождающих смерть.

Человеку, случайно позвонившему в Театр по своему делу, днем 7-го, мхатовская дама (кажется, сестра Рипси. Есть такая?), заикаясь, сказала так:

— Да... вот... у нас тут... происшествие...

— Какое происшествие?

— Происшествие... Константин Сергеевич... умер... Только умоляю... никому, никому ни слова!..

Я. Настя, вы знаете, кто такой Станиславский?

Настасья. Станиславский? Нет, нет! И не знаю я! Никакого такого не знаю!

Я. А... Ну, ладно.

Через несколько часов.

Настасья (сконфуженно). Вы спрашивали, знаю ли я Станиславского? Я-то своими мыслями была занята... Ну, как же мне его не знать! Мне Поля позвонила сейчас... Ведь я так люблю сцену!.. И мамочка его так любила... Мы, бывало, сидим с мамочкой и каждый вечер о нем разговариваем... Мамочка говорит: Ах, Настя, Настя! Вот бы от кого букеты да духи получать! И я говорю — хорошо бы было, мамочка!

Теперь-то Оле директором Николая Васильевича [2] посадят! (Записано дословно.)

Ну, вот две сцены. Больше пока писать не буду, приехал Сережа Е(рмолинский). При этом письме от него листок [3]. Целую крепко

Твой М.

P.S. Появился Евгений из Архангельского и придет обедать.

Переписка М.А. Булгакова с И.О. Дунаевским [4]

---

[1] Имеется в виду К.С. Станиславский.

[2] Речь идет, очевидно, о Н.В. Егорове.

[3] В архиве сохранилась эта записка. В ней, в частности, имеются такие шутливые строки: «...Тщетно зову Мишу приехать ко мне. Он сидит голый, в рваных трусиках и в чернильных пятнах — и ни за что не хочет покинуть свой московский дом. Сейчас закончу эту приписочку и начну снова его уговаривать».

[4] *Письма М.А. Булгакова хранятся в ЦГАЛИ, письма И.О. Дунаевского — в ИРЛИ.*

Часть переписки опубликована впервые: Дунаевский И. Избранные письма. Л., 1971. Печатаются и датируются по первым изданиям.

М.А. Булгаков — И.О. Дунаевскому

1 декабря 1938 года. (Москва)

Дорогой Исаак Иосифович!

Что же вы не подаете о себе никаких вестей.

Я отделываю «Рашель» и надеюсь, что на днях она будет готова. Очень хочется с Вами повидаться. Как только будете в Москве, прошу Вас, позвоните мне. И «Рашель», и я соскучились по Вас.

И.О. Дунаевский — М.А. Булгакову

4 декабря 1938 года. Москва

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Проклятая мотня со всякими делами лишает меня возможности держать с Вами тот творческий контакт, который порождается не только нашим общим делом, но и чувством глубочайшей симпатии, которую я к Вам питаю с первого дня нашего знакомства. Мои приезды на 1—2 дня в Москву настолько загружены разными «делами», что подлинное и настоящее наше дело не хочется ворошить получасовыми налетами на Ваш покой и работу. Я счастлив, что Вы подходите к концу работы, и не сомневаюсь, что дадите мне много подлинного вдохновения блестящей талантливостью Вашего либретто.

Приеду в Москву через несколько дней и обязательно буду у Вас.

Не сердитесь на меня и не обращайте никакого внимания на кажущееся мое безразличие. Я и днем и ночью думаю о нашей чудесной «Рашели».

Прошу передать мой самый сердечный привет Елене Сергеевне.

Крепко жму Вашу руку и желаю здоровья и благополучия.

Ваш *И. Дунаевский.*

И.О. Дунаевский — М.А. Булгакову

18 января 1939 года.

Дорогой Михаил Афанасьевич! Считаю первый акт нашей оперы с текстуальной и драматургической сторон шедевром. Надо и мне теперь подтягиваться к Вам. Я получил письмо Якова Леонтьевича — очень хорошее и правильное письмо. Я умоляю Вас не обращать никакого внимания на мою кажущуюся незаинтересованность. Пусть отсутствие музыки не мешает Вашему прекрасному вдохновению. Дело в том, что я всегда долго собираюсь в творческий путь. К тому же первый акт ставит неразрешимые для дальнейших картин задачи. Очень легко сбиться в нем на веселых немецких студентов. Вот тут-то и закавыка. Изволь делать принятые с музык(альной) стороны ариетты и песенки (динь-дон, фи-фи и пр.) и в то же время высмеивать «с бичом сатиры». Над этим следует много и серьезно думать. Вопросы техники меня мало смущают. Но я не хочу марать зря бумагу и терять время (и то и другое дефицитно) на «варианты», ибо оттолкнуться важно от правильных муз(ыкальных) позиций. Поэтому, не оставляя 1 акта, я хочу написать первую ноту своей оперы на лирических темах и, следовательно, уповаю на Вас и ожидаю дальнейших картин. Начнем с б....а мадам Телье. Друг мой дорогой и талантливый! Ни секунды не думайте обо мне иначе, как о человеке, беспредельно любящем свое будущее детище. Я уже Вам говорил, что мне шутить в мои 39 лет поздновато. Скидок себе не

допускаю, а потому товар хочу показать высокого класса. Имею я право на длительную подготовку «станка»? Мне кажется, что да. Засим я прошу передать мой самый сердечный и низкий поклон Елене Сергеевне, симпатии которой я никогда не посмею нарушить творческим хамством в отношении Вас. Крепко жму Вашу руку и желаю действовать и дальше, как в картине. Я ее много раз читал среди друзей.

Фурор! Знай наших!

Ваш *И. Дунаевский.*

М.А. Булгаков — И.О. Дунаевскому

22 января 1939 года.

Получил Ваше милое письмо, дорогой Исаак Осипович! Оно дает бодрость и надежду. В этом письме 11-я картина. От всей души желаю Вам вдохновенья. К этому пожеланию полностью присоединяется Елена Сергеевна. Мы толкуем о Вас часто, дружелюбно и очень, очень веруем. Извините, что пишу коротко, и как-то хрипло-отрывисто — нездоровится. Колючий озноб, и мысли разбегаются...

Руку жму крепко, лучшие пожелания посылаю Вашим.

Булгаков

P.S. Не могу отделаться от мысли, что Шантавуан — бас. Бас, бас! Не согласны?

М.А. Булгаков — И.О. Дунаевскому

26 января 1939 года.

Дорогой Исаак Осипович!

При этом письме третья картина «Рашели». На днях во время бессонницы было мне видение. А именно: появился Петр I и многозначительно сказал:

— Время подобно железу горящему, которое ежели остынет...

А вслед за ним пожаловал и современник Шекспира Вебстер и то же самое подтвердил:

— Strike while the iron is hot! [1]

Да! Это ясно: ковать, ковать железо, пока горячо. Пишите. Пишите!

От Елены Сергеевны и от меня привет.

Ваш *М. Булгаков.*

М.А. Булгаков — И.О. Дунаевскому

7 апреля 1939 года. Москва.

Дорогой Исаак Осипович!

Посылаю при этом 4 и 5 картины «Рашели». Привет!

М. Булгаков.

---

[1] Куй железо, пока горячо! (*англ.*)

Приписка Е.С. Булгаковой:

Миша мне поручил отправить Вам письмо, и я пользуюсь случаем, чтобы вложить мою записку. Неужели и «Рашель» будет лишней рукописью, погребенной в красной шифоньерке! Неужели и Вы будете очередной фигурой, исчезнувшей, как тень, из нашей жизни? У нас было уже много таких случаев. Но почему-то в Вас я поверила. Я ошиблась? [1]

М.А. Булгаков — А.П. Гдешинскому [2]
Телеграмма

4 декабря 1938 г.

Киев, улица Артема 58а, кв.6. Александру Петровичу Гдешинскому [3]. Принимаю все меры достать лекарство, на днях телеграфирую.

---

[1] На этой печальной ноте переписка между Булгаковыми и И. Дунаевским кончается.

«Рашель» — это либретто М.А. Булгакова по мотивам рассказа Мопассана «Мадемуазель Фифи». И. Дунаевский поначалу серьезно отнесся к работе над оперой по либретто М. Булгакова. 26 декабря 1938 г. в «Ленинградской правде» он выражал надежду, что опера будет написана в 1939 г.: «Особняком стоит работа над первой моей оперой „Рашель“ (по Мопассану). Прекрасное либретто оперы написал М. Булгаков. С большим энтузиазмом приняв предложение художественного руководителя Большого театра СССР С.А. Самосуда, я сейчас изучаю богатейшие музыкальные и песенные материалы Франции второй половины XIX века. Эта опера задумана нами как гимн патриотизму народных масс, неугасимому и неукротимому народному духу и величию».

Но И. Дунаевскому осуществить этот замысел не удалось. Сначала обычная «проклятая мотня со всякими делами» мешала ему приступить к созданию музыки оперы, а потом, скорее всего слухи об очередной немилости по отношению к Булгакову (МХАТу не порекомендовали ставить пьесу «Батум» — о молодом Сталине), совсем остудили его намерение. 4 января 1940 г. он вспоминает «Рашель» в письме к В.К. Владимирову, заведующему творческой мастерской ГАБТа: «Что касается оперы, то у меня были попытки подытожить свои творческие поиски в каком-нибудь крупном вокально-музыкальном произведении. Вам, вероятно, известно, что Самуил Абрамович Самосуд год тому назад предложил мне написать оперу на сюжет „Мамзель Фифи“ Мопассана. Было много сделано для осуществления этого предложения. Так, в частности, М.А. Булгаков уже давно закончил либретто будущей оперы, которая называлась бы „Рашель“. Правда, это либретто скорей представляет собой пьесу, так как либретто надо было бы только делать на основе этой пьесы. Но это, по сути, дела не меняет. Возможно, в руках опытного мастера (того же Булгакова, если его здоровье сейчас позволяет ему работать) либретто может превратиться в нужное и, главным образом, не тенденциозно направленное произведение. Это меня очень устроило бы, так как все же жаль не столько затраченной энергии, сколько мобилизации силы творческого духа, которая зря пропадает. При этом, образ Рашели столь интересен, что я совершенно искренне считаю, что после „Кармен“ можно было бы повторить такую женскую роль в „Рашель“».

4 февраля 1940 г. В.К. Владимиров писал И. Дунаевскому:

«М.А. Булгаков, почувствовавший себя лучше в период 10—15 января, после этого опять серьезно занемог. Мне удалось побеседовать с ним лишь по телефону в самые последние дни. Он не считает возможной серьезную реконструкцию „Рашели“».

«В годы Великой Отечественной войны тема „Рашели“ приобрела актуальность, — писал публикатор этой переписки Н. Павловский. — Композитор Р.М. Глиэр и писательница М.А. Алигер, сделав сокращения и внеся некоторые изменения в либретто Булгакова, создали оперу, которая в 1943 году была разрешена к постановке на периферийных сценах. К сожалению, никаких свидетельств того, что „Рашель“ увидела свет, найти не удалось» (Театр, 1981, № 5, с. 94-96).

[2] *Творчество Михаила Булгакова. Кн. 1., Л., 1991. Печатается и датируется по первому изданию.*

[3] А.П. Гдешинский, старый друг Булгакова, сообщил, что ему грозит остаться калекой, если не достанет новейшее средство под названием «ятрен-козеин», в Киеве этого лекарства нет, есть только в Кремлевской лечебнице. Известный киевский терапевт посоветовал во что бы то ни стало достать это лекарство, «ибо останетесь калекой».

Булгаков.

М.А. Булгаков — А.П. Гдешинскому [1]

7 декабря 1938

Дорогой Саша!

Извини, что на машине. Когда нужно что-нибудь спешно отправить — диктую. Сообщение твое о болезни меня глубоко огорчило. Ведь этакая напасть! Будь добр, не падай духом.

Лекарство, нужное тебе, у меня уже на столе [2], и завтра я тебе отправляю его почтовой посылкой. Дело только в том, что обе коробки — слабого ятрена. Увы — сильного не было, мне сказали, что это две последние коробки. Теперь ломаем голову, как его упаковать, чтобы в посылке не раздавили. Думаю, что придется, вскрывши коробки, вложить вату между ампулами.

Как только пришло твое письмо, я отправил тебе телеграмму. Получил ли ты ее?

Пока больше ничего не пишу, сейчас займемся упаковкой.

От всей души желаю тебе выздоровления, Елена Сергеевна также. Ларисе Николаевне передай наш поклон.

О себе я напишу в следующем письме, и ты пиши мне.

Твой Михаил.

М.А. Булгаков — А. П. Гдешинскому [3]
Телеграмма

8.XII.1938
Киев, ул. Артема, дом 58а квартира 6
Александру Петровичу Гдешинскому

Лекарство выслано почтой [4].

Булгаков

Москва 19, ул.Фурманова, д.3, кв.44
М.А. Булгаков.

М.А. Булгаков — В. В. Вересаеву [5]

---

[1] *Творчество Михаила Булгакова, кн.1. Л., 1991. Печатается и датируется по первой публикации.*

[2] Е.С. Булгакова 7 декабря записала в дневнике: «Вчера Оля прислала лекарство [...] Вчера Миша диктовал мне письма: [...] Саше о том, что завтра высылаем лекарство».

[3] *Творчество Михаила Булгакова, кн.1, Л., 1991. Печатается и датируется по первой публикации.*

[4] А.П. Гдешинский с глубокой благодарностью сообщил Булгаковым, что в полной сохранности получил посылку с редким лекарством.

[5] *Знамя. 1988, № 1. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию. (это и следующее*

11.III.39

Дорогой Викентий Викентьевич! Давно уж собирался написать Вам, да все работа мешает. К тому же хотел составить наше соглашение по «Пушкину».

Посылаю его в этом письме в двух экземплярах. Если у Вас нет возражений, прошу Вас подписать оба и вернуть мне один [1].

У меня нередко возникает желание поговорить с Вами, но я как-то стесняюсь это делать, потому что у меня, как у всякого разгромленного и затравленного литератора, мысль все время устремляется к одной мрачной теме о моем положении, а это утомительно для окружающих.

Убедившись за последние годы в том, что ни одна моя строчка не пойдет ни в печать, ни на сцену, я стараюсь выработать в себе равнодушное отношение к этому. И, пожалуй, я добился значительных результатов.

Одним из последних моих опытов явился «Дон Кихот» по Сервантесу, написанный по заказу вахтанговцев. Сейчас он и лежит у них и будет лежать, пока не сгниет, несмотря на то, что встречен ими шумно и снабжен разрешающею печатью реперткома.

В своем плане они его поставили в столь дальний угол, что совершенно ясно — он у них не пойдет. Он, конечно, и нигде не пойдет. Меня это нисколько не печалит, так как я уже привык смотреть на всякую свою работу с одной стороны — как велики будут неприятности, которые она мне доставит? И если не предвидится крупных, и за то уже благодарен от души.

Теперь я занят совершенно бессмысленной с житейской точки зрения работой — произвожу последнюю правку своего романа.

Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо. Мучает смутное желание подвести мой литературный итог.

Над чем Вы работаете? Кончили ли Ваш перевод? [2]

Хотелось бы повидаться с Вами. Бываете ли Вы свободны вечерами? Я позвоню Вам и зайду.

Будьте здоровы, желаю Вам плодотворно работать.

Ваш М. Булгаков.

В.В. Вересаев — М.А. Булгакову

12.III.39

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Посылаю Вам один из экземпляров нашего соглашения. Недоумеваю, для чего оно теперь понадобилось. Или явилась надежда на постановку? [3]

письмо)

[1] В соглашении предусматривалось, что подпись под пьесой будет одна — Булгакова, а авторский гонорар будет разделен пополам.

[2] В это время В.В. Вересаев работал над новым переводом «Иллиады» Гомера.

В архиве Булгакова хранится книга «Гомеровы гимны» (перевод В.В. Вересаева, изд. «Недра», 1926) с дарственной надписью автора перевода: «Михаилу Афанасьевичу Булгакову. С огромными надеждами на него. В. Вересаев. 14/V.(1)926 г.»

[3] Тогда, действительно, появилась слабая надежда на воскрешение пьесы, но она мгновенно исчезла. Пьеса была поставлена на сцене МХАТа лишь в 1943 году; шла без перерыва до 1959 года. (*Примеч. Е.С. Булгаковой.*

15/III я, вероятно, на месяц уеду в санаторий. Но вообще мне, конечно, очень было бы приятно встретиться с Вами, и мне не нужно в этом заверять Вас, Вы должны это чувствовать сами.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Вересаев.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [1]

Москва, 9 мая 1939 года
75, улица Оливье де Серр, Париж XV.

Коля, я получил из Лондона от Акционерного Общества «Куртис Браун» сообщение о том, что Захария Каганский предъявил Куртис Брауну какую-то доверенность, на основании которой Куртис Браун гонорар по лондонской постановке моей пьесы «Дни Турбиных» разделил пополам и половину его направляет Каганскому (9, улица Людовика Великого, Париж 2), а половину—тебе (75, улица Оливье де Серр, Париж XV) [2].

Ответь мне, что это значит? Получил ли ты какие-нибудь деньги?

М. Булгаков.

Москва. 19, улица Фурманова 3, кв. 44.
Михаил Афанасьевич Булгаков.

М.А. Булгаков — З.Л. Каганскому [3]

Москва, 9 мая 1939 года.
9, улица Людовика Великого, Париж, 2.

Я получил извещение из Лондона от Акционерного Общества Куртис Браун о том, что Вами предъявлена Куртис Брауну некая доверенность, на основании которой Куртис Браун авторский гонорар по лондонской постановке моей пьесы «Дни Турбиных» разделяет пополам и половину его направляет Вам, а половину — Николаю Булгакову (75, улица Оливье де Серр, Париж XV). Ввиду того, что никакой доверенности, указывающей на такое

)

[1] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию.*

[2] 18 апреля 1939 г. Е.С. Булгакова записала в дневнике: «Ну, утро! Миша меня разбудил словами: вставай, два письма из Лондона! Ты прочти, что пишет Кельверлей!

А Кельверлей предлагает ответ Куртис Брауну, который она получила на свой запрос ему. Оказывается, что К. Брауну была представлена Каганским доверенность, подписанная Булгаковым, по которой 50 процентов авторских надлежит платить 3. Каганскому (его парижский адрес) и 50 процентов Николаю Булгакову в его парижский адрес, что они и делали, деля деньги таким путем!!!

Мы с Мишей как сломались! Не знаем, что и думать!»

В последующие дни Булгаков направил несколько телеграмм и писем в адрес Куртис Брауна, в которых протестовал против выплаты каких-либо сумм Каганскому.

Но вскоре выяснится вся бесплодность какого-либо противодействия отлаженному механизму обмана.

[3] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914-1940, М., СП, 1997. Печатается и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38).*

распределение, а равно и вообще никакой доверенности я Вам не выдавал и не подписывал, будьте добры сообщить мне, что это за доверенность и кем она подписана? [1]

Кроме того, сообщите, пожалуйста, получил ли Николай Булгаков какие-либо суммы по лондонской постановке и в каком именно размере?

М. Булгаков.

Москва 19, улица Фурманова 3, кв. 44.
Михаил Афанасьевич Булгаков.

М.А. Булгаков — Н.А. Булгакову [2]

Москва, 29 мая 1939

Я получил, дорогой Коля, твое письмо от 19 мая 39 с приложением 3-х копий [3].

Хорошо, что прервалось молчание, потому что неполучение твоих известий принесло мне много неприятных хлопот.

Вчера я отправил Куртис Брауну письмо-телеграмму (копию его смотри в этом письме).

Об остальном в следующем письме, которое я пришлю тебе в самое ближайшее время.

Прошу тебя все время держать меня в курсе дел.

Твой М. Булгаков

М.А. Булгаков — В.Я. Виленкину [4] [5]

14.07.1939

---

[1] Но и это письма не помогло М.А. Булгакову в борьбе за свои авторские права: допущенная оплошность в молодости давали возможность Каганскому в судебных тяжбах.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию.*

[3] От Николая Афанасьевича поступила неутешительная информация — тяжба с Каганским закончилась полнейшим торжеством опытного проходимца. Более того, и перспектива была мрачная — вечная зависимость от владельца документа (письмо Булгакова издательству Ладыжникова от 3 октября 1928 г.), полученного в результате наглого обмана (см. комментарий на с. 139—141.). С горечью сообщал Николай Афанасьевич о результатах неравной схватки: «Теперь о Каганском. Здесь приходится мне вернуться к постановке „Зойкиной“ в Париже. Все мои попытки обойти претензии Каганского при помощи Société des auteurs в Париже кончились судебным разбирательством, причем выяснилось, что Каганский имеет полномочия от Фишера (а через него еще и от Ладыжникова) и что сделанная тобою давно оплошность неизбежно будет тянуться дальше и всплывать каждый раз, когда где-либо будут для тебя деньги. Боясь, что и то немногое, что собиралось для тебя, уйдет на тяжбы и переезды, я решил [...] разделить пополам поступившие деньги между тобой и Каганским [...]».

И хотя Михаил Афанасьевич пытался еще изменить как-то ситуацию, безнадежность борьбы стала более чем очевидной.

[4] *Виленкин В. Воспоминания с комментариями. М., 1982. с. 399. Затем: Письма. Печатается и датируется по второму изданию.*

[5] Виленкин Виталий Яковлевич (1911—1997) — советский театровед. В 1930-е годы был сотрудником литературной части МХАТа.

Дорогой Виталий Яковлевич!

Спасибо Вам за милое письмо. Оно пришло 11-го, когда я проверял тетради перед тем, как ехать в Комитет искусств для чтения пьесы. Слушали — Елена Сергеевна, Калишьян, Москвин, Сахновский, Храпченко, Солодовников, Месхетели и еще несколько человек.

Результаты этого чтения в Комитете могу признать, по- видимому, не рискуя ошибиться, благоприятными (вполне). После чтения Григорий Михайлович [1] просил меня ускорить работу по правке и переписке настолько, чтобы сдать пьесу МХАТу непременно к 1-му августа [2]. А сегодня, (у нас было свидание) он просил перенести срок сдачи на 25 июля.

У меня остается 10 дней очень усиленной работы. Надеюсь, что, при полном напряжении сил, 25-го вручу ему пьесу.

---

[1] Калишьян Г. М. — в те годы исполнял обязанности директора МХАТ.

[2] Речь идет о пьесе «Батум», в которой главным героем показан молодой Сталин. Фигура Сталина, пожалуй, с конца 20-х годов постоянно была в поле зрения и в мыслях писателя. Как справедливо замечает С.А. Ермолинский, «мысль написать о Сталине забродила в нем... Вдруг стало ясно: все ближайшее будущее страны — и собственная жизнь, и жизнь каждого — зависела, и с каждым дыханием все больше, от этого всесильного человека. Он вырастал, как сила громадная, подавляющая. Можно ли было не думать об этом?»

Булгаков работал над пьесой с увлечением, но с перерывами (первые записи сделаны в начале 1936 г., а закончил в начале августа 1939 г.). МХАТ предполагал закончить работу над пьесой к декабрю 1939 г., поэтому Булгакову были определены исключительно сжатые сроки для завершения работы над пьесой. Как бы подводя итог этой кипучей и в то же время очень обнадеживающей работы, Е.С. Булгакова писала 11 августа своей матери в Ригу: «Мамочка, дорогая, давно уж собиралась тебе написать, но занята была безумно. Миша закончил и сдал МХАТу пьесу. Диктовал он ее мне, так что, сама понимаешь, сидела я за машинкой с утра до вечера.

Устал он дьявольски, работа была напряженная, надо было ее сдать к сроку. Но усталость хорошая — работа была страшно интересная. По общим отзывам, это большая удача! Было несколько чтений — два официальных и другие — у нас на квартире, и всегда большой успех.

Пьеса называется „Батум“. Теперь в связи с этой вещью, МХАТ командирует бригаду под руководством Михаила Афанасьевича в Тифлис и Батум для подготовительных работ к этой пьесе. Едут два художника для зарисовок, помощник режиссера и пом. заведующего литературной частью для собирания музыки, наблюдения над типажами, над бытом и так далее. Возглавляет Миша, который будет руководить ими, вести переговоры с грузинскими режиссерами.

Ну, а я при нем, конечно.

Это, конечно, замечательно интересная поездка, не могу дождаться, чтобы сесть скорей в поезд. Наверно, поедем 14-го...

У меня чудесное состояние и душевное и физическое. Наверно, это я в связи с работой Мишиной. Жизнь у нас заполненная, интересная, чудесная!

Он тебе очень кланяется нежно, хорошо...»

Однако в самый последний момент (Булгаков с группой даже успели сесть в поезд и проехать до Серпухова) пьеса была запрещена. Запись в дневнике Е.С. Булгаковой: «15 августа. Вчера на вокзале: мой Женюшка, Борис Эрдман, Разумовский и, конечно, Виленкин и Лесли.

Через два часа — в Серпухове, когда мы завтракали вчетвером в нашем купе (мы, Виленкин и Лесли), вошла в купе почтальонша и спросила: „где здесь бухгалтер“, и протянула телеграмму-молнию.

Миша прочитал (читал долго) и сказал — дальше ехать не надо.

Это была телеграмма от Калишьяна — „Надобность поездке отпала возвращайтесь Москву“.

Через пять минут Виленкин и Лесли стояли, нагруженные вещами, на платформе. Поезд пошел.

Сначала мы думали ехать, несмотря на известие, в Тифлис и Батум. Но потом поняли, что никакого смысла нет, все равно это не будет отдыхом, и решили вернуться.

Сложились и в Туле сошли. Причем тут же опять получили молнию — точно такого же содержания [...] В машине думали: на что мы едем? На полную неизвестность? Миша одной рукой закрывал глаза от солнца, а другой держался за меня и говорил: навстречу чему мы мчимся?..

Через три часа бешеной езды... были на квартире. Миша не позволил зажечь свет, горели свечи. Он ходил по кварт(ире), потирал руки и говорил — покойником пахнет...

Состояние Миши ужасно».

Сталин, узнав о пьесе, сказал: «Все дети и все, молодые люди одинаковы. Не надо ставить пьесу о молодом Сталине». (Огонек, 1969, № 11, март).

В Комитете я читал всю пьесу за исключением предпоследней картины (у Николая во дворце), которая не была отделана. Сейчас ее отделываю. Остались две-три поправки, заглавие и машинка.

Таковы дела.

Сергею вчера сделали операцию (огромный фурункул на животе). Дня через два он должен отбыть с воспитательницей в Анапу.

В квартире станет тише, и я буду превращать исписанные и вдоль и поперек тетрадки в стройный машинописный экземпляр.

Я устал. Изредка езжу в Серебряный бор, купаюсь и сейчас же возвращаюсь. А как будет с настоящим отдыхом — ничего не знаем еще.

Елена Сергеевна шлет Вам сердечный привет! Сколько времени Вы пробудете в блаженных петергофских краях? Напишите нам еще. Ваше письмо уютное.

Крепко жму руку!

Ваш М. Булгаков.

Евгения нет в Москве — он на даче у приятеля. Устав, отодвигаю тетрадь, думаю — какова будет участь пьесы. Погадайте. На нее положено много труда.

М.А. Булгаков — С.А. Ермолинскому [1]

13.VIII.39

Дорогой Сережа!

Завтра я во главе бригады МХТ уезжаю на поиски материалов для оформления новой моей пьесы «Батум» в Тбилиси — Батуми [2].

---

[1] *Независимая газета, 1996, 25 января. Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914-1940. М., СП, 1997. Комментарии В.И. Лосева.*

[2] Казалось бы, все складывается благополучно, даже триумфально. Все участники обсуждений пьесы и друзья были уверены в ее успехе. Все, но только не Булгаков. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с планом дальнейшей работы над пьесой, который, к счастью, сохранился в архиве писателя. Планом определялся состав рабочей группы, направления и порядок ее работы, в нем нашла отражение вся глубина понимания писателем важности темы пьесы и его стремление сделать ее исторически достоверной и художественно убедительной.

Бригада, возглавляемая Булгаковым, должна была в Тбилиси немедленно связаться с Секретариатом ЦК КП(б) Грузии и начать работу на постоянной выставке по деятельности Сталина в Закавказье. Предстояло вжиться в атмосферу рабочих собраний тех лет, как можно больше узнать о Сталине: «где жил, как жил, где бывал, как держался, нет ли очевидцев того времени». Предполагалось привезти с мест событий: фотографии и характерные зарисовки, дающие материал для атмосферы быта, типические места (экстерьеры и интерьеры), «как сидят, как ходят, комнаты, улицы, сцены общих собраний, материалы по указанию Секретариата ЦК КП(б) Грузии: 1) как фактически протекали выборы в Батумский комитет в 1901—1902 гг., где, характер жилья; 2) что известно о бытовой обстановке Тифлисской семинарии, где велась политическая пропаганда; как и где именно происходила забастовка в Батуме перед расстрелом 1902 года; 4) точное описание расстрела, где, на какой улице».

Планировался осмотр подходящих зданий и местностей для тех картин, где протекает действие пьесы, в частности, планировалось обследование пересыльной тюрьмы или казармы в Батуме, ряд старых помещений в Тбилиси, Кутаиси и Батуме, а также типичных домиков и комнат рабочих, с цветом (характер обоев, цвет стен, печей, дверей). Не были забыты и «кривые улицы в гору между заборами и зданиями с поворотами, типичные заборы, ворота».

Особое внимание уделялось изучению природы, национального колорита, традиций и обычаев. Художникам рекомендовалось непременно привезти «эскизы того, что видно из окон (горы, море)», чтобы «чувствовалось, что действие происходит на Кавказе», и создавалось «ощущение Кавказа за окном». В состав режиссерской бригады включался «режиссер-консультант грузин». Он должен был помочь «слепить пластические куски в манере держаться, носить костюм, дать указания по сцене празднования Нового года у грузин; помочь усвоить

Люся едет со мной.

Вернемся, я полагаю, в первых числах сентября. Жалею, что ты не возвратился в Москву до моего отъезда. Ну что ж, до сентября [1]!

грузинский акцент в народной сцене...».

Специальный раздел плана был посвящен режиссерским работам по прологу. Декорации и обстановка на сцене должны были создать реальную атмосферу, царившую в Тифлисской духовной семинарии. Предполагалось изучить все подробности «подобных заседаний в семинарии, как протекал выгон ученика за антиправительственную деятельность», как кончаются «торжественные литургии или молитвы после обедни в духовных семинариях, кажется, поют во время словопроизнесений священный духовный концерт».

План предусматривал решение еще многих вопросов, предстояла огромная работа в сверхсжатые сроки — премьера должна была состояться 21 декабря 1939 года — в день 60-летия Сталина. Дирекция МХАТа обратилась в ЦК КП(б) Грузии с просьбой оказать максимальное содействие в работе бригады по ознакомлению с историческими местами, связанными с деятельностью Сталина.

Но и детальный план работы над пьесой не вполне удовлетворял писателя. Булгаков прекрасно понимал, что описываемые им события представляли значительную веху в революционном движении Закавказья, да и всей России, а многие участники этих событий еще были живы. Требовалось строго документальное отражение действительности. Прежде всего это касалось фигуры Сталина — главного героя пьесы. Писателя крайне огорчало, что он не обладает достаточным фактическим материалом. Он постоянно изучал литературу, в которой упоминалась деятельность Сталина в молодые годы. Воспоминания участников Батумской демонстрации 1902 года Булгаков исследовал как ученый-источниковед, сопоставляя их с другими документами, стремясь восстановить наиболее существенные факты и их последовательность. Например, он составил список рабочих батумских предприятий с точной фиксацией их участия в основных революционных событиях, причем условными знаками отметил характер этого участия. Стремление писателя к документальному отражению событий подтверждают и многочисленные ссылки на источники по тексту пьесы-автографа (черновика). Каждый эпизод пьесы сопровождается большим числом выписок, набросков, статистических разработок, вопросов («Была ли артиллерия?»), конспективных записей, рисунков. Обращает на себя внимание, например, такая запись: «Клички: Давид, Коба, Нижарадзе, Чижиков, Иванович. Когда под какой работал? В Батуме — Сосо, Пастырь».

Булгаков наметил провести огромную дополнительную работу по сбору материалов в Тбилиси и Батуме, в частности, изучить архивные документы и экспонаты в партийных и государственных архивохранилищах и музеях, периодические партийные издания того времени («Искра», «Брдзола», «Квали», «Элва» и др.), духовный вестник грузинского экзархата за 1884—1898 гг.; побеседовать с участниками революционного движения Закавказья (в записной книжке писателя значатся десятки фамилий и адресов); провести детальный осмотр, с выполнением зарисовок, всех мест (более 30 наименований), связанных с деятельностью Сталина и его соратников в Закавказье; познакомиться с памятниками культуры и традициями народов Грузии и многое другое.

Но тревога Булгакова о судьбе пьесы была связана не только с пониманием ее некоторой незавершенности. Он смотрел гораздо глубже. В ходе работы над «Батумом» Булгаков, несмотря на исключительно благоприятную внешнюю обстановку и восторженные отзывы о пьесе, неоднократно впадал в состояние отчаяния. В дневнике Елены Сергеевны нередко встречаются такие фразы; «Миша [...] мучительно думает над вопросом о своем будущем, хочет выяснить свое положение», «Настроение у Миши убийственное» и т. п. Булгаков не был уверен в том, что пьеса пройдет главную «экспертизу» — на самом верху...

[1] Поездка Булгакова на юг длилась... всего несколько часов. Уже в Серпухове его настигла роковая телеграмма — поездка по местам, связанным с деятельностью Сталина, отменялась. Предчувствия писателя оправдались. Воспринял же он эту весть с чувством полной обреченности. Впрочем, здесь необходимо придерживаться только фактов, поэтому переходим к цитированию дневника-оригинала Е.С. Булгаковой. 13 августа: «Условились с Калишьяном, что он в три часа пришлет машину и Миша поедет в Театр получать документы, билеты и деньги. Поехали. Получили... Укладывались. Звонки по телефону [...] „Советское искусство“ просит М. А. дать информацию о своей новой пьесе: ...наша газета так следит за всеми новинками... Комитет так хвалил пьесу...

Я сказала, что М. А. никакой информации дать не может, пьеса еще не разрешена.

— Знаете что, пусть он напишет и даст мне. Будет лежать у меня этот листок. Если разрешение будет, я напечатаю. Если нет — возвращу вам.

Я говорю — это что-то похожее, как писать некролог на тяжко заболевшего человека, но живого.

— Что Вы?! Совсем наоборот...

Неужели едем завтра!! Не верю счастью».

14 августа: «Восемь часов утра. Последняя укладка. В 11 часов машина. // И тогда — вагон!»

15 августа: «Вчера на вокзале мой Женюшка, Борис Эрдман, Разумовский и, конечно, Виленкин и Лесли.

Через два часа — в Серпухове, когда мы завтракали вчетвером в нашем купе, вошла в купе почтальонша и

Твоя машинка будет на моем письменном столе. Взять ее ты можешь при помощи

спросила: „Где здесь булгахтер?“ — и протянула телеграмму-молнию.

Миша прочитал (читал долго) и сказал — дальше ехать не надо.

Это была телеграмма от Калишьяна — „Надобность поездки отпала, возвращайтесь Москву“.

Через пять минут Виленкин и Лесли стояли, нагруженные вещами, на платформе. Поезд пошел.

Сначала мы думали ехать, несмотря на известие, в Тифлис и Батум. Но потом поняли, что никакого смысла нет, все равно это не будет отдыхом, и решили вернуться. Сложились и в Туле сошли. Причем тут же опять получили молнию — точно такого же содержания.

Вокзал, масса людей, закрытое окно кассы, неизвестность, когда поезд. И в это время, как спасение — появился шофер ЗИСа, который сообщил, что у подъезда стоит машина, билет за каждого человека 40 руб., через три часа будем в Москве. Узнали, сколько человек он берет, — семерых, сговорились, что платим ему 280 руб. и едем одни. В машине думали: на что мы едем? На полную неизвестность? 86

Через три часа бешеной езды, то есть в восемь часов вечера были на квартире 87.

Состояние Миши ужасно.

Утром рано он мне сказал, что никуда идти не может. День он провел в затемненной квартире, свет его раздражает».

17 августа: «Вчера в третьем часу дня — Сахновский и Виленкин. Речь Сахновского сводилась к тому, в первой своей части, что М. А. должен знать, что Театр ни в коем случае не меняет ни своего отношения к М. А., ни своего мнения о пьесе, что Театр выполнит все свои обещания, то есть, — о квартире, и выплатит все по договору.

Потом стал сообщать: пьеса получила наверху резко отрицательный отзыв. Нельзя такое лицо, как И.В. Сталин, делать литературным образом, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать.

Второе — что наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым, как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе.

Это такое же бездоказательное обвинение, как бездоказательно оправдание. Как можно доказать, что никакого моста М. А. не думал перебрасывать, а просто хотел, как драматург, написать пьесу — интересную для него по материалу, с героем, — и чтобы пьеса эта не лежала в письменном столе, а шла на сцене?! [...] Миша думает о письме наверх». 18 августа: «Миша все время мучительно раздумывает над письмом наверх». 19 августа: «...Виленкин, после звонка пришел. Миша говорил с ним, что у него есть точные документы, что задумал он эту пьесу в начале 1936 года, когда вот-вот должны были появиться на сцене и „Мольер“, и „Пушкин“, и „Иван Васильевич“». 22 августа: «Рано (для нас) в 11 часов приехал без звонка Калишьян. Убеждал, что фраза о „мосте“ не была сказана. // Уговаривал писать пьесу о советских людях. Спрашивал: а к первому января она будет готова? (!) Попросил дать „Бег“, хотя тут же предупредил, что надежд на ее постановку сейчас никаких нет. // У Миши после этого разговора настроение испортилось. О деньгах и квартире — ни слова». 25 августа: «Днем я заехала в МХАТ, отвезла обратно тысячу — командировочных, бумаги и 250 руб. за мой билет в Тбилиси. День 14-го обошелся нам больше 600 руб. В Театре все глядят на меня с сочувствием, как на вдову». 26 августа: «Сегодня — сбор труппы в Большом и первое заседание по декаде. Миша был. Слова Самосуда (о „Батуме“): а нельзя ли из этого оперу сделать? Ведь опера должна быть романтической». 27 августа: «Сегодня без конца телефонные звонки [...] Калишьян — с сообщением, что запрещение не отражается на материальной стороне и что деньги я могу прийти получить когда угодно. Второе — что Храпченко приглашает М. А. для разговора. И что он, Григорий Михайлович, считает целесообразным пойти. Я спросила: а это не будет такой же бестолковый и бессмысленный разговор, как вел Керженцев после „Мольера“? Тогда М. А. еще хуже будет себя чувствовать? — Нет, нет, ни в коем случае.

Виленкин — с сообщением о деньгах (по договору — то же, что и Калишьян). Кроме того, весь сегодняшний день (сбор труппы в МХАТе) прошел под знаком „Батума“ и Михаила Афанасьевича.

В общем скажу, за это время видела столько участия, нежности, любви и уважения к Мише, что никак не думала получить. Это очень ценно [...] У Миши состояние раздавленное. Он говорит — выбит из строя окончательно». 31 августа: «Вечером у нас Оля и Женя Калужский. Со слов Оли — Немирович не может успокоиться с этой пьесой и хочет непременно просить встречи с Иосифом Виссарионовичем и говорить по этому поводу [...] Вечером у нас Федя [Михальский]. Миша прочитал ему половину пьесы. Федя говорил — гениальная пьеса и все в таком роде. Высказывал предположения, что могло сыграть роль при запрещении: цыганка, родинка, слова, перемежающиеся с песней». 8 сентября: «Ходили мы в Театр для разговора с Яковом [Леонтьевым]. Он не советует ехать в Батум (у нас уже были заказаны билеты на десятое сентября). Доводы его убедительны. И пункт неподходящий и время. Уговорил поехать в Ленинград. Обещал достать билеты и номер в „Астории“.

Вчера были у нас Калишьян с женой и Хмелев. Калишьян очень уговаривал не ехать в Батум — дожди там начались. // Говорил с Мишей о новой пьесе очень настойчиво, предлагал заключить договор. Потом заговорил об инсценировке „Вешних вод“». 9 сентября: «Ужасно мы огорчены, что сорвалась поездка на юг. Так хотелось покупаться, увидеть все эти красивые места!»

Жени, который будет у нас в квартире 17-го, 20-го, 23-го и 27-го днем (примерно от 2- х до 4-х).

Пишу кратко, передо мною зияющая пасть чемодана, набитого заботами. Дальнейшее, то есть отдел «Быт и вещи», поручено Люсе, а Марику и тебя крепко целую.

Твой М.Б.

Рукой Елены Сергеевны:

Дорогие Марика и Сережа, жалею очень, что не увидела вас перед отъездом своим из Москвы.

Мечтаю скорей сесть в вагон, путешествие наше меня манит и волнует.

Марика, милая, если тебе до моего возвращения понадобятся твои теплые вещи и ты их вынешь из шкафа, заклеенного в передней, — будь так добра, помоги тогда Женичке сразу же заклеить его опять, чтобы моль не проникла туда ни в коем случае, несмотря на всю ее, молину, хитрость.

Целую вас обоих крепко.

Ваша Люся.

М.А. Булгаков — А.П. Гдешинскому [1]

26.IX.39 Москва

Дорогой Саша!

Твое письмо из Пятигорска я своевременно получил [2]. Решил отвечать тебе на досуге, сбросив с плеч летние заботы и работу, но судьба решила иначе. Вот настал и мой черед. В середине этого месяца я тяжело заболел, у меня болезнь почек, осложнившаяся расстройством зрения.

Я лежу, лишенный возможности читать и писать, и глядеть на свет [3].

Прошу тебя, напиши мне о себе. Надеюсь, что твое состояние улучшилось после этого лета. Каждая весть от тебя будет приятна, в особенности теперь, когда связывает меня с внешним миром только освещенное окошечко радиоаппарата, через которое ко мне приходит музыка. Для того, чтобы письмо к тебе было повеселей, посылаю тебе мою карточку.

Твой М.Б.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [4]

---

[1] Творчество Михаила Булгакова, кн. 2. С.-Пг., 1994. Печатается и датируется по первому изданию.

[2] В письме из Пятигорска А.П. Гдешинский сообщал, что он лечится в санатории и чувствует себя немного лучше.

[3] Елена Сергеевна в своем дневнике подробно рассказала о событиях, последовавших после возвращения из Тулы, особенно подробно — о тяжкой болезни Михаила Афанасьевича в предчувствии скорой смерти.

[4] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется по подлиннику (письмо написано Е.С. Булгаковой под диктовку Михаила Афанасьевича, подписано Булгаковым) (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

4.X.1939 г.

Спасибо тебе за милое письмо, дорогой Павел. Мое письмо, к сожалению, не может быть обстоятельным, так как мучают головные боли. Поэтому я просто обнимаю тебя, а Анне Ильиничне шлю привет.

Твой М.Б.

М.А Булгаков — П.С. Попову [1]

23. X. 1939 г. Москва

Ну, разодолжил ты меня и утешил, дорогой Павел, своим письмом об Апухтине! [2] Как раз незадолго до своей болезни я перечитывал его прозу и впервые прочитал прекрасно сделанную вещь: «Архив графини Д.». Присоединяюсь к мнению Александра III — это великолепная сатира на великосветское общество. Вообще Апухтин — тонкий, мягкий, иронический прозаик, и если ты занялся им, желаю тебе полного успеха в твоей работе. С большим оживлением я слушал Елену Сергеевну, читавшую мне твое письмо. А «Павлик Дольский»!! Какой культурный писатель! И точно так же, как и ты, я нисколько не пленен его поэзией. Если будет время, пиши еще.

Посылаю поцелуй Анне Ильиничне и тебе. Елена Сергеевна тоже.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [3]

Барвиха. 1.XII.[1939]

Дорогой Патя, диктую скупо, потому, что лежу в гриппе, который, к великому счастью, кажется, кончается.

В основной моей болезни замечено здесь улучшение (в глазах). Благодаря этому у меня возникла надежда, что я вернусь к жизни. Рад тому, что зажила твоя нога. Желаю Анне Ильиничне и тебе самого полного здоровья!

Когда будешь сидеть в твоем кабинете и читать книжку — вспомни меня. Я лишен этого счастья уже два с половиной месяца. [4]

Если напишешь, чему буду очень рад, пиши прямо к нам на городскую квартиру.

Твой Михаил.

Сердечно кланяюсь.

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Печатается по автографу, написанному Е.С. Булгаковой под диктовку М.А. Булгакова. (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[2] Письмо П.С. Попова, в котором он описывает курьезный литературный факт из биографии поэта Апухтина, опубликованного в сборнике «Творчество Михаила Булгакова, кн. 2, С.-Пг., 1994, с. 332-333».

[3] *Новый мир, 1987, № 2. Затем: Письма. Публикуется по автографу, написанному Е.С. Булгаковой под диктовку Михаила Афанасьевича (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4).*

[4] О переживаниях этих двух с половиной месяцев Е.С. Булгакова рассказала в своем дневнике и письмах близким.

Елена Булгакова.

М.А. Булгаков — А.М. Файко [1] [2]

Барвиха, 1.XII. 39

Дорогие друзья! Спасибо Вам за дружеское внимание, за тюбетейки и ласковое отношение к Сергею.

Мои дела обстоят так: мне здесь стало лучше, так что у меня даже проснулась надежда.

Обнаружено значительное улучшение в левом глазу. Правый, более пораженный, тащится за ним медленнее. Я уже был на воздухе в лесу. Но вот меня поразил грипп. Надеемся, что он проходит бесследно.

Читать мне пока запрещено. Писать — вот видите, диктую Ел. С. — также. Пока желаю Вам всего самого хорошего, ну, конечно, здоровья в первейшую очередь!

Когда ко мне врачи станут допускать, сейчас же дадим знать об этом. Если захотите написать, передавайте прямо п квартиру нам, оттуда нам пересылают. Эго удобнее всего.

Ваш М. Булгаков

М.А. Булгаков — А.П. Гдешинскому [3]

2.XII.39

Санаторий «Барвиха»

Спасибо тебе, дорогой друг, за поздравление [1], которое пришло ко мне вчера. Вот в

---

[1] Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (РГАЛИ).

[2] Файко Алексей Михайлович (1893—1978) — советский драматург, окончил историко-филологический факультет МГУ, печататься начал в 1921 г. комедией «Дилемма». В различных театрах в 20-е годы были поставлены его драмы и комедии: «Озеро Люль» (1923), «Учитель Бобус» (1925), «Евграф, искатель приключений» (1926), «Человек с портфелем» (1928), «Не сотвори себе кумира» (1956) и др.

С М.А. Булгаковым А.М. Файко познакомился на заседании Московской ассоциации драматургов, сокращенно МАД, где Булгаков читал одну из своих пьес. В «Записках старого театральщика» А. Файко, которые публиковались на страницах журнала «Театр», есть и строчки о Булгакове. Таким вот запомнился «старому театральщику» М.А. Булгаков: «Булгаков был худощав, гибок, весь в острых углах, светлый блондин, с прозрачно-серыми, почти водянистыми глазами. Он двигался быстро, легко, но не слишком свободно» (см.: Театр. 1975. № 6, с. 139).

А.М. Файко чуточку иронизирует относительно тех, кто разыскивал дом, в котором действовала шайка Воланда, сам-то он хорошо знал этот дом, где протекало действие многих персонажей произведений М.А. Булгакова: «Но странное дело: в ту самую минуту, когда точный адрес московской резиденции Воланда установлен окончательно, азартность моих усилий начинает мне вдруг казаться наивной и несостоятельной. В конце концов, не все ли равно, в какой квартире он жил, этот Воланд? В 50-й? В 34-й? А может быть, во всех сразу? Важно другое: был дом. Реальный дом со своим реальным существованием. Пришел художник, вдохнул в него иную, фантастическую жизнь, населил сотнями образов, расширивших его до размеров вселенной. Потом колдовство кончилось, и дом снова вернулся в границы действительности. Но мне, связанному с ним пятьдесят лет, уже не отделаться от мысли, что рядом с моей текла здесь другая жизнь — вымышленная, призрачная и в то же время куда более прочная, чем моя, подлинная. Жизнь, которая переживет и дом Пигит и всех его обитателей. Нескончаемая жизнь искусства» (см.: Театр. 1971, № 11, с. 120).

[3] *Творчество Михаила Булгакова, кн.2; С-Пг., 1994, с. 66-68. Печатается и датируется до первому изданию.*

уголке письма тебе ответ на один из твоих вопросов. В этой самой санатории, лучшей в Союзе, я и лечусь. Ну про что тебе сказать? Появилась у меня некоторая надежда, что вернется ко мне возможность читать и писать, т. е. то счастье, которого я лишен вот уже третий месяц. Левый глаз дал значительные признаки улучшения. Сейчас, правда, на моей дороге появился грипп, но авось он уйдет, ничего не напортив. До него я ходил уже в черных очках, — и с наслаждением дышал воздухом, надеюсь к этому вернуться. Вообще отличились мы с тобой! Очень, очень, от всей души желаю, чтобы тебя наконец починили и поставили на ноги! Послушай, друг мой: но тебе все-таки дают хоть какой-нибудь отдых или срок от твоего лечения? Ведь нельзя же до бесчувствия. Ты пожаловался, что очень утомлен, я потому и спрашиваю. Я правда ничего в этом не понимаю.

Во всяком случае, будем, как написано в «Монте-Кристо», ждать и надеяться!

_____

Да, я тоже все время приковываюсь в воспоминаниям я был бы очень благодарен тебе, если бы ты помог мне в них кое в чем разобраться. Дело касается главным образом музыки и книг.

Если тебе не утомительно будет, напиши ты мне ответы на нижеследующие вопросы:

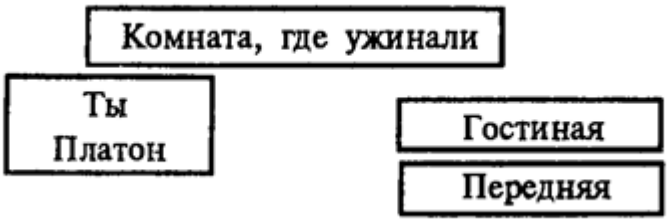
1) Играли ли у Вас в семье квартеты? Чьи? Какие? Кто играл на каком инструменте?

2) То же самое трио, дуэт.

3) Что такое Musette Оффенбаха или мне это приснилось? (Будь я в Москве, многими вопросами бы не тревожил, но здесь, среда этих сосен, какую же справку найдешь?).

4) На скрещении каких улиц стоял дом, в котором вы жили?

5) Верен ли план вашей квартиры?



Приблизительно, конечно..

6) Нет ли у тебя, не сохранилось ли в хламе каких-либо программок музыки в саду купеческого собрания за годы 1904 — ну, окажем 1913... Может быть, одну спишешь и пришлешь мне, или две? Помнится всегда была 12 номеров. Какие вещи исполнял оркестр?

7) Ну, это не вопрос, а просьба. Нет ли у тебя, не можешь ли достать и прислать мне что-либо касающееся Академии и ее библиотеки. Может быть, хоть отрывок какого-нибудь каталога? Несколько слов о библиотеке: сколько было в ней залов?

За бестолковую просьбу извини. Если не трудно, напиши незамедля [2].

Еще раз желаю тебе полного исцеления. Ответ посылай на мою московскую квартиру непременно заказным.

Позволяю себе роскошь написать много слов.

Твой Михаил.

Ларисс Николаевне от Елены Сергеевны и от меня привет.

---

[1] А.П. Гдешинский поздравил М. Булгакова с днем именин 21/8 ноября.

[2] 9 декабря А.П. Гдешинский написал большое письмо, в котором ответил на все вопросы М.А. Булгакова (см. Творчество Михаила Булгакова, кн. 1, Л., 1991, с. 250-257).

М.А. Булгаков — Е.А. Светлаевой [1] [2]

Барвиха, 3.XII.39

Дорогая Леля!

Вот тебе новости обо мне. В левом глазу обнаружено значительное улучшение. Правый глаз от него отстает, но тоже как-будто пытается сделать что-то хорошее. По словам докторов выходит, что раз в глазах улучшение, значит есть улучшение и в процессе почек.

А раз так, то у меня надежда зарождается, что на сей раз я уйду от старушки с косой и кончу кое-что, что хотел бы закончить [3].

Сейчас меня немножко подзадержал в постели грипп, а то ведь я уже начал выходить и был в лесу на прогулках. И значительно окреп.

Ну, что такое Барвиха?

Это великолепно оборудованный клинический санаторий, комфортабельный. Больше всего меня тянет домой, конечно! В гостях хорошо, но дома, как известно, лучше.

Лечат меня тщательно и преимущественно специально подбираемой и комбинированной диетой. Преимущественно овощи во всех видах и фрукты. Собачья скука от того и другого, но говорят, что иначе нельзя, что не восстановят иначе меня, как следует. Ну, а мне настолько важно читать и писать, что я готов жевать такую дрянь, как морковь.

Сколько времени нам придется пробыть здесь — неизвестно. Если захочешь написать мне, чему я буду очень рад, то пиши на нашу городскую квартиру. Привет Варе и Наде. Люся целует тебя и шлет привет тебе и им.

Твои Михаил.

М.А. Булгаков — П.С. Попову [4]

Барвиха, 6.XII.[19]39 г.

Да, дорогой Павел, никогда не следует заранее что-либо загадывать. Обоих нас скосил грипп, и все пошло прахом — в смысле воздуха и дальнейшего движения вперед. Чувствую я себя плохо, все время лежу и мечтаю только о возвращении в Москву и об отдыхе от очень трудного режима и всяких процедур, которые за три месяца истомили меня вконец.

Довольно лечений!

Писать и читать мне по-прежнему строго запрещено и, как сказано здесь, будет еще запрещено «надолго».

Вот словцо, полное неопределенности! Не можешь ли ты мне перевести, что значит «надолго»?

К двадцатому декабря, во что бы то ни стало, постараюсь быть уже в Москве.

---

[1] *Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 32). (Написано рукою Е.С. Булгаковой с подписью-автографом Булгакова).*

[2] Елена Афанасьевна Булгакова-Светлаева (1902—1964) — младшая сестра М.А. Булгакова.

[3] И в эти тяжкие дни болезни Булгаков продолжал работать, диктуя Е. С. редакционные поправки к роману «Мастер и Маргарита».

[4] *Новый мир, 1987, № 2. Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 4). (Написано рукою Е.С. Булгаковой с подписью-автографом Булгакова).*

Анне Ильиничне привет!

Твой М.

М.А. Булгаков — Е.А. Светлаевой [1]

25.XII.39

Дорогая Леля,

я в Москве с 18-го. Навести меня. Созвонись с Люсей [2], когда это тебе удобно. Немногословен, берегу глаза.

Твой М.

Приписка Елены Сергеевны Булгаковой:

Целую Вас. Елена Б. [3]

М.А. Булгаков — А.П. Гдешинскому [4]

28.XII.1939. Москва

До сих пор не мог ответить тебе, милый друг, и поблагодарить за милые сведения [5]. Ну, вот, я и вернулся из санатория. Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я умирать.

Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло. Как известно, есть один приличный вид смерти — от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется.

Поточнее говоря о болезни: во мне происходит, ясно мной ощущаемая, борьба признаков жизни и смерти. В частности, на стороне жизни — улучшение зрения.

Но, довольно о болезни!

Могу лишь добавить одно: к концу жизни пришлось пережить еще одно разочарование — во врачах-терапевтах.

Не назову их убийцами, это было бы слишком жестоко, но гастролерами, халтурщиками и бездарностями охотно назову.

Есть исключения, конечно, но как они редки!

Да и что могут помочь эти исключения, если, скажем, от таких недугов, как мой, у аллопатов не только нет никаких средств, но и самого недуга они порою не могут

---

[1] *Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 32).*

[2] Имеется в виду Е.С. Булгакова.

[3] Е.С. Булгакова записала в дневнике: «18 декабря 1939 года в 12 часов дня вернулись из Барвихи. Спал плохо, просыпался часто». В эти дни Булгаковых навещали Ермолинский, Файко и др. Изредка гуляли.

[4] *Письма. Печатается и датируется первому изданию.*

[5] Получив это письмо, А.П. Гдешинский тут же ответил, сообщив, что в «Киеве вновь идут „Дни Турбиных“, говорят, что этот спектакль лучше „Анны Карениной“, порадовался известию, что Вахтанговский театр работает над постановкой его „Дон Кихота“».

распознать.

Пройдет время, и над нашими терапевтами будут смеяться, как над мольеровскими врачами. Сказанное к хирургам, окулистам, дантистам не относится. К лучшему из врачей Елене Сергеевне также. Но одна она справиться не может, поэтому принял новую веру и перешел к гомеопату. А больше всего да поможет нам всем больным Бог!

Пиши мне, очень прошу! Л. Н. Поклон.

От всего сердца желаю тебе здоровья — видеть солнце, слышать море, слушать музыку.

М.А. Булгаков - Е.А. Светлаевой [1]

31.XII.39 (Москва)

Милая Леля,

получил твое письмо. Желаю и тебе и твоей семье скорее поправиться. А так как наступает Новый год, шлю тебе и другим радостные и лучшие пожелания.

Себе ничего не желаю, потому что заметил, что никогда ничего не выходило так, как я желал. Окончательно убедившись в том, что аллопаты-терапевты бессильны в моем случае, перешел к гомеопату. Подозреваю, что загородный грипп будет стоить мне хлопот. Впрочем, не только лечившие меня, но даже я сам ничего не могу сказать наверное. Будь, что будет. [2]

Испытываю радость от того, что вернулся домой. Вере и Наде с семьями передай новогодний привет. Жду твоего звонка и прихода. И Люся и я тебя целуем.

Михаил

М.А. Булгаков — Е.А. Светлаевой [3]

Дорогая Леля, навести меня, позвони, поскорей.

Миша

Далее рукою Елены Сергеевны Булгаковой:

Леля, голубчик, пишу Вам по просьбе Миши, и от себя: позвоните, потому что Миша говорит, что нам звонить к Вам неудобно, и условимтесь, когда Вы придете. Миша чувствует себя хуже, опять начались его головные боли, и прибавились еще боли в желудке. [4]

Целую Вас.

Ваша *Елена.*

2.I.1940.

---

[1] *Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 32).*

[2] О состоянии М. А. в эти дни см. «Дневник Елены Булгаковой».

[3] *Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 32).*

[4] Но в эти дни Булгаковы гуляли, принимали друзей, бывали в Большом театре (см. «Дневник Елены Булгаковой»).

М.А. Булгаков — П.С. Попову [1]

24.I.(19)40

Жив ли ты, дорогой Павел? Меня морозы совершенно искалечили и я чувствую себя плохо [2]. Позвони.

Твой М.

Последний автограф М.А. Булгакова [3] [4]

Спасибо Вам, дорогие Оля и Лена, за письмо. Желаю Вам счастья в жизни.
1940
8/II

---

[1] *Новый мир, 1987, № 2. Письма. Печатается и датируется по автографу (ОР РГБ, ф. 219, к. 1269, ед. хр. 4).*

[2] Сохранились документы, рассказывающие о последних днях жизни Булгакова. В конце января 1940 г. начался сильнейший приступ болезни, выразившийся в усилении головных болей, которые не могли снять никакими лекарствами. Положение становилось катастрофическим.

В этой ситуации друзья и близкие Булгакова сделали все возможное, чтобы спасти его. Когда же бессилие медицины стало очевидным для всех, товарищи Булгакова по сцене, выдающиеся актеры Качалов, Тарасова и Хмелев, предприняли последнюю отчаянную попытку вернуть его к жизни, полагая, что особое радостное потрясение поможет ему преодолеть кризис и поверить в свои силы. В начале февраля 1940 г. они обратились с письмом к Сталину (через его секретаря А.Н. Поскребышева), в котором, в частности, писали: «Дело в том, что драматург Михаил Афанасьевич Булгаков этой осенью заболел тяжелейшей формой гипертонии и почти ослеп. Сейчас в его состоянии наступило резкое ухудшение, и врачи полагают, что дни его сочтены. Он испытывает невероятные физические страдания... Практической развязки можно ожидать буквально со дня на день. Медицина оказывается явно бессильной... Единственное, что, по их мнению, могло бы дать надежду на спасение Булгакова, — это сильнейшее радостное потрясение, которое дало бы ему новые силы для борьбы с болезнью, вернее — заставило бы захотеть жить, — чтобы работать, творить, увидеть свои будущие произведения на сцене».

Вскоре после этого письма Булгакова навестил Фадеев. Очевидно, по поручению Сталина. В дневнике Е.С. Булгаковой, который она вела уже от случая к случаю, появляется короткая запись: «15 февраля. Пишу после длительного перерыва. Вчера позвонил Фадеев с просьбой повидать Мишу, а сегодня пришел. Разговор вел на две темы: о романе и о поездке Миши на юг Италии, для выздоровления. Сказал, что наведет все справки и через несколько дней позвонит».

В начале марта Фадеев еще дважды приходил к Булгакову. В последнее посещение между ними состоялся доверительный прощальный разговор. И когда Булгаков, указав на Елену Сергеевну, сказал ему: «Я умираю, она все знает, что я хочу», Фадеев, стараясь держаться спокойно и сдержанно, ответил: «Вы жили мужественно, вы умираете мужественно». После чего выбежал на лестницу, уже не сдерживая слез.

10 марта 1940 г. Булгаков умер. Елена Сергеевна нашла силы в себе записать в дневнике: «10/III. 16.39. Миша умер».

Весть эта мгновенно облетела Москву. «На следующее утро, а может быть, в тот же день, — вспоминал Еромолинский, — позвонил телефон. Подошел я. Говорили из секретариата Сталина. Голос спросил:

— Правда ли, что умер товарищ Булгаков?

— Да, он умер.

Трубку молча положили».

[3] *Булгаков Михаил. Дневник. Письма. 1914-1940. М., СП, 1997. Печатается и датируется по указанной публикации.*

[4] В этот день Н.А. Булгакова-Земская навестила старшего брата и передала письмо от дочерей Ольги и Елены. В знак благодарности и на память М.А. Булгаков подарил им свою фотографию с этой надписью.

ПРИЛОЖЕНИЕ
(Материалы к биографии М.А. Булгакова)

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1] [2]

февраль 1940 г.

Дорогая моя мамуся! Сегодня опять вышел с Люсей разговор оч[ень] короткий, так что о Маке почти не говорили, а вот вчера Веня [3] их днем навещал и пришел ко мне с рассказом, что Мака-то ничего, держится оживленно, но Люся страшно изменилась; хоть и хорошенькая, в подтянутом виде, но в глазах такой трепет, такая грусть и столько выражается внутреннего напряжения, что на нее жалко смотреть. Бедняжка, конечно, когда приходят навещать Маку, она оживляется, но самые его черные минуты она одна переносит, и все его мрачные предчувствия она выслушивает, и выслушав, все время находится в напряженнейшем желании бороться за его жизнь. «Я его не отдам, — говорит она, — я его вырву для жизни». Она любит его так сильно, это не похоже на обычное понятие любви между супругами, прожившими уж немало годов вместе, стало быть, вроде как привыкшими друг к другу и переведшими любовь в привычку наполовину. [...]

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [4]

3.III.40

Мамуся моя родная, вчера днем была я у Люси. Ее я застала более собранной внутренне, но вообще картина ужасно грустная. У него появляются периоды помутнения рассудка, он вдруг начинает что-то говорить странное, потом опять приходит в себя. Я взяла у них сидя энциклопедию, прочитала об уремии и вижу, что страшно схожие признаки. Это идет отравление всего организма частицами мочи, и это действует главным образом на нервную систему и мозг. Бедная Люсинька в глаза ему глядит, угадывает, что он хочет сказать, т. к. часто слова у него выпадают из памяти и он от этого нервничает; утром у него был жестокий приступ болей в области печени, он решил, что чем-то отравился, но когда я пришла, он отоспался и болей не было. Ах, как грустно, как страшно на все это смотреть. Он обречен, и все мы теперь больше думаем о Люсе, как с ней будет, ведь сколько силы душевной надо иметь и еще это выдержать, как на ее глазах мутится разум близкого человека. Но когда он в себе, он мил, интересен, ласков по-старому с Люсей. А потом вдруг

---

[1] *Письма. Публикуется по первому изданию (ОР РГБ).*

[2] А.А. Нюренберг (урожд. Горская) — мать О.С. Бокшанской и Е.С. Булгаковой. Постоянно проживала в Риге. Все публикуемые письма О.С. Бокшанской к матери написаны на машинке и отправлены из Москвы в Ригу.

[3] Речь идет о Е.В. Калужском.

[4] *Письма. Печатается по первому изданию (ОР РГБ).*

страшно раздражителен, требователен. Хотя надо сказать, что к Люсе и Сереже у него замечательное отношение, сердится он на других, но теперь ведь все ему прощают, только б не мучился, не волновался. Ах, Лютик, ужасно о ней беспокоюсь.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

5.III.40

Дорогая моя мамусенька, вчера не успела тебе написать. Была страшно занята, стучала во всю прыть, а после работы, к определенному часу, пообещала всем своим подружкам придти в Дом Актера, где был киносеанс. Поэтому, достучав до последнего момента, я уж потом сильно торопилась. В Доме Актера бывают показы фильмов, и мы как-то привыкли всей большой компанией туда ходить, вроде как по обязанности уж влечемся все. Там нам всем приятно встретиться. Эта сколотившаяся наша компания чудесно себя чувствует вместе, и так это заметно другим нашим, что уж множество актрис нас выспрашивали, не могут ли и они войти в нашу дружную «бабью» компанию, где мы и в картишки играем, и штопаем, шьем, и дурачимся, и всякие разговоры ведем.

У Люси сегодня с утра о[чень] плохо с Мишей, помутнение разума его достигает все больших размеров, вчера была у меня Лоли, рассказывала, что он испытывает и физич[еские] страдания, т. к. боли бывают повсеместно, а сегодня Женечка оттуда позвонил, говорит, что он в сильном возбуждении, но при этом в полном помрачении ума. С Женечкой говорила неск[олько] раз, Люся ему поручала звонить мне, сама она от него не отходит. К вечеру нет сведений, а сама звонить не решаюсь, не помешать бы...

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [2]

8.III.40

Дорогая моя мамуся! Все печальнее и печальнее вести от Люси. Вчера был у нас выходной, Веня поздним утром пошел в театр и оттуда позвонил туда, но ему сказали, что и Мака и Люся спят. Тогда Веня от себя решил, что лучше мне туда не ходить, а он сам зайдет. Однако, когда он несколькими часами позже пришел, Люся и Мака продолжали спать, и Веня говорил с их друзьями, дежурившими там. Они сказали, что Маке все хуже и хуже. А сегодня пришел один знакомый художник, друг их, кот[орый] ночевал там вот в эту последнюю ночь. Он под убийственным впечатлением: Мака уж сутки как не говорит совсем, только вскрикивает порой, как они думают, от боли. Мочеиспускание почти прекратилось, и если в этой области показывается что-то, он вскрикивает, вероятно это болезненно. Люсю он как бы узнает, других нет. За все время он произнес раз одну какую-то фразу, не очень осмысленную, потом, часов через 10 повторил ее, вероятно, в мозгу продолжается какая-то работа, мысль идет по какому-то руслу. Сережу Люся отправила к отцу и Женюше. Женечка мне не звонил нынче, был ли он там — не знаю.[...]

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [3]

9.III.40

---

[1] *Письма. Печатается по первому изданию (ОР РГБ).*

[2] *Письма. Печатается по первому изданию (ОР РГБ).*

[3] *Письма. Печатается по первому изданию (ОР РГБ).*

Мамочка моя родная, дорогая! Все в том же положении Мака; сегодня звонила туда, говорила с дежурящей там их приятельницей. Она сказала, что накануне ночь и день были ужасные, ночь напролет ни он, никто глаз не сомкнул. А вот последнюю ночь он проспал, с докторским уколом наркотика, много, и Люся поэтому тоже отоспалась. Некоторые наркотики на него перестали уж действовать, он не засыпает, а вчерашний какой-то другой наркотический препарат вот подействовал. Конечно, надежд никаких не прибавляет эта спокойная для него ночь. Думаю, что теперь уж ни волоска надежды нет. Сереженька отправлен жить к отцу, но ходит туда днем, вчера Поля моя туда носила всякие продукты, и узнала, что Сергей только что ушел от них. Женюша бывает ежедневно. М. б. он вчера и звонил мне, как обычно это делает, чтоб рассказать (он предпочитает звонить из дому, откуда говорит откровеннее, не боясь расстроить Люсю), — но я вчера ушла к подружке в 8 ч., мог не застать меня в театре. [...]

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

Москва, 12 марта 1940 года

Дорогая, дорогая моя мамочка! Может быть, ты уж догадалась, почему я не писала тебе эти дни — скончался Мака, и у меня не было сил это написать тебе, а телеграмму дать Люся не позволила, сказала — не надо пугать маму, телеграмма ее взволнует.

Он умер 10-го числа, без двадцати минут пять, днем. После сильнейших физических мук, которые он терпел в последнее время болезни, день смерти его был тих, покоен. Он был в забытьи или под действием наркотиков, которые ему все время впрыскивали, чтоб он не терпел болей, под утро заснул, и Люсю тоже уснуть заставили, дали ей снотворного. Она мне говорила: проснулась я часа в два, в доме необыкновенная тишина и из соседней комнаты слышу ровное, спокойное дыхание Миши. И мне вдруг показалось, что все хорошо, не было этой страшной болезни, просто мы живем с Мишей, как жили до болезни, и вот он спит в соседней комнате и я слышу его ровное дыхание. Но, конечно, это было на секунду — такая счастливая мысль. Он продолжал спать и очень спокойно, ровно дышать. Часа в 4 она вошла в его комнату с одним большим их другом, приехавшим в этот час туда. И ОПЯТЬ ТАК СПОКОЕН был его сон, так ровно и глубоко дыхание, что — Люся говорит: подумала я, что это чудо (она все время ждала от него, от его необыкновенной, непохожей на обычных людей натуры) — это перелом, он начинает выздоравливать, он поборол болезнь. Он так и продолжал спать, только около половины пятого по лицу прошла легкая судорога, он как-то скрипнул зубами, а потом опять ровное, все слабеющее дыхание, и так тихо-тихо ушла от него жизнь. Люся так и осталась сидеть около него, там были еще Женюша и близкие им муж и жена Ермолинские, которые вот уж сколько времени постоянно там дежурили и поддерживали Люсю. В начале шестого Женюша позвонил мне, и я тотчас поехала туда с одним соработником моим, тоже их другом. А Веня распрощался со мной до четырех и сказал, что пойдет пройтись и именно к Люсе и Маке придет. О том, что он доживает последние часы, я узнала по телефону от их близких друзей еще часов в 12, они мне сказали, что начался отек легких и пульс 40, что это не может длиться больше суток. И все-таки как-то нельзя было это усвоить, и Веня шел в надежде застать его еще в живых. Но пришел и узнал, что жизнь его кончилась. Люся проявила громадную выдержку, колоссальное мужество — все решительно, кто ни говорит о ней, потрясены ее стойкостью, героическими средствами сдержанности, благородства. По большей части она сидела около него, потом, когда приходили люди, уступала им место, говорила о нем, отвечая на расспросы — она очень охотно говорит о нем, вспоминает разное. Она рассказала, что когда он уж был совсем плох, юмор не покидал его. Там была одна из милос[ердных] сестер, которую он не жаловал,

---

[1] *Письма. Печатается по первому изданию (ОР РГБ).*

и выражал это только одним Люсе видным движением губ, как бы сплевывал: сестра готовит ему, скажем, шприц, а он делает губами вроде неслышного «тьфу». И тут, он еле смог повернуть голову в Люсину сторону, но повернул и чуть шевеля губами сделал это движение губами, когда обнаружил эту сестру около себя.

Все дела по организации похорон взял на себя Союз сов. писателей, который прислал специального человека, а с ним переговаривался Сережа Ермолинский, чтоб Люсю избавить от этих дел. Она только сказала, что желание Миши было, чтобы не было музыки. В первый же вечер тело подверглось замораживанию, потому что по объяснению доктора эта болезнь повлечет за собой более быстрое разложение тканей. Во время этой операции мы все сидели с Люсей, а этим распоряжались Женичка и Сережа Ерм(олинский). Маленький Сережа был ведь в последние дни отправлен к отцу, но скоро после моего прихода и он туда пришел — его, видимо, потрясло сильно первое соприкосновение со смертью, Люся всячески старалась сделать это для него как можно проще, естественнее, мужественнее. Женичка был совершенно изумительно умен, тактичен, он — это главная Люсина поддержка, его она слушается, к нему все время тянется, и он так тонко, так поразительно верно во всем самом сложном душевном разбирается.

Веня уехал играть спектакль, потом вернулся, и мы уехали оттуда во втором часу. Люся приняла снотворное, легла, понимая, что ей еще много сил надо для следующих дней. На след[ующее] утро я приехала к ним, там, как и накануне, были близкие. Накануне приезжали некоторые актеры из разных театров, все время приезжал народ. Около четырех привезли гроб и переложили Маку с кушетки, на кот[орой] он лежал, после чего на погребальной машине мы, окружая гроб, поехали в Дом Союза советских писателей, где гроб был установлен в зале на постаменте. Постепенно туда стали собираться актеры, писатели, приносили венки — от нашего театра, от Союза писателей, от Большого театра, от театра Вахтангова, от театра Сатиры, от участников спектакля «Турбины», от Качаловых, от нас, от трех семейств очень друживших с ним художников — Вильямса, Эрдмана [1] и Дмитриева (они с женами все время тоже с Люсей, даже по ночам), еще от дружественных каких-то лиц, — гроб был весь заставлен венками. В четверть шестого началась гражданская панихида — были две речи от Союза писателей (писатель Всев. Иванов и драматург А. Файко — сосед Булгаковых по квартире и хороший их друг, говорил он лучше всех), потом от нас — нар. арт. Топорков и от Большого театра — главный их режиссер Мордвинов. После этого постепенно все присутствовавшие становились в почетный караул, по четыре человека в каждой смене. По желанию Миши — музыки не было, а то бы непременно Большой театр и другие прислали бы музыкантов и певцов. Потом постепенно пришедшие ушли, остались мы там только самые близкие. И потом, за вечер, приходили одиночные друзья, которые не смогли быть на гражданской панихиде. Дежурили члены Комиссии по похоронам, в которую входили писатели, 4 делегата Большого театра и 4 нашего, среди них Веня. Люся, ребята, сестра Маки Елена, художники-друзья, Ермолинские остались там на всю ночь — в Доме Союза сов. пис. предоставили им два кабинета, где можно было отдыхать, — одни сидели у гроба в зале, другие в это время отдыхали. Я уехала с Веней после того, как Люся пошла лечь, Женичка ее уговорил, и Сережка уж сладко спал на диване. Это было примерно в час ночи. Сегодня к 10 мы пришли в театр, где собралось много наших, потому что было решено, что тело будет подвезено к Большому театру (он ведь там работал последние годы) и к нашему и будет остановка около подъезда, где соберутся все, кто хочет отдать ему этот долг. Так и было, примерно к 10.40 подъехала машина, на которой был установлен гроб в цветах, затем шла машина с венками и легковая машина, в которой ехала Люся с Сережей (Женичка был около гроба). Процессия остановилась, Люся вышла из машины, к ней подошли некоторые наши, все-то боятся не растревожить подходом, сочувствием. Так

---

[1] Эрдман Борис Робертович (1899—1960) — советский театральный художник, брат драматурга Н.Р. Эрдмана.

постояли. Потом двинулась первая машина, и все, кто стоял на подъезде театра, двинулись за ней, проводив ее до угла, когда она уже постепенно стала уходить быстрее вперед. Люся поедет за гробом до крематория, где тело надо передать для вскрытия, потому что без этого по закону хоронить, а тем более сжигать, нельзя. Сегодня в 5 час. будет кремация. Сейчас из крематория Люся, пока будут производить вскрытие и проводить формальности, поехала домой, где немного отдохнет, а к пяти часам и она, и все мы поедем на кремацию — там тоже ожидается короткая по времени гражданская панихида. Вероятно, через несколько дней будет получена урна — и тогда состоятся похороны ее на кладбище Новодевичьего монастыря. Там у Художественного театра есть свой участок, засаженный вишневыми деревьями, а невдалеке расположены некоторые могилы Большого театра, и вот хотят похоронить урну на границе этой земли. Милая моя мамочка, я нарочно рассказываю тебе все так подробно, чтоб не останавливаться на нашем внутреннем состоянии — боюсь, сдержаться не смогу, и без того я вся исплакана, глаза не видят, а надо бы крепиться главным образом для Люси, чтоб не потащить ее к слезам, она держится из последних сил, и мы все стараемся плакать украдкой от нее, хоть и не удается это всегда. Подумать страшно, как она будет тосковать о нем, вся ее жизнь вот с тех пор как они вместе, была им заполнена целиком. Вся надежда у меня на ребят, на предстоящую ей работу по оставленным им рукописям, на ее душевную крепость, стойкость вообще — она такой большой человек. Ну вот, больше не стану писать, а то трудно мне. Целую тебя, мое дорогое сокровище. Она тебе напишет, она все о тебе поминала в вечер его смерти, что все собиралась и не могла писать тебе за его болезнь.

Приписка на полях:

Целую тебя, мое сокровище дорогое, целую тебя. Напиши Люсеньке — да вероятно тебе об этом и говорить не надо, ты сама этого захочешь. Целую тебя.

Твоя *Оля.*

В.И. Немирович-Данченко — Е.С. Булгаковой [1]

(март 1940 г.)

Вот какая беда свалилась на Вас, милая Елена Сергеевна! И какой удар по театру!

Ясно представляю себе глубину Ваших переживаний. Сколько бы ни повторять себе «жалостью не вернешь», рассудок бессилен облегчить горе.

Все же помните следующее: во-первых, Вы молоды и перед Вами еще большая жизнь и с ее бодрой борьбой и с ее радостями. Не отталкивайте ее равнодушием. А потом — Вы счастливее многих в Вашем положении, потому что Булгаков не умер; крепкой, хорошей памяти о нем хватит на многие-многие десятилетия, и это будет вносить какой-то греющий свет даже в Вашу печаль.

Трудно, а может быть, и невозможно находить настоящие слова для такого письма, как мое, но если мое сочувствие хоть чуточку способно тронуть Вас утешением, примите его с верой в мою сердечность и искренность.

Ваш *Вл. Немирович-Данченко.*

В.И. Качалов — Е.С.Булгаковой [2]

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (Автограф ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу ОР РГБ.*

Василий Иванович Качалов
(март 1940 г.)
Народный артист Союза ССР
Брюсовский пер., 17, кв. 10
тел. 63—77

Дорогая Елена Сергеевна.

Хочется сказать Вам несколько слов. И даже, пожалуй, не Вам, а куда-то, кому-то в пространство. Или, мож[ет] быть, самому себе, но так, чтобы эти слова как-то дошли и до Вас. Мне хочется сознаться перед самим собой, что у меня не хватило сил на самое, казалось бы, простое дело: без всяких слов, хоть несколько минут побыть с Вами, посмотреть Вам в глаза, молча поцеловать Вашу руку. Не хватило сил на это. До такой степени волнительно и потрясающе-высоко напряжение Вашего духа, так велика красота всего Вашего поведения за этот страшный год, — что я почувствовал — нет у меня достаточных сил владения собой, чтобы мужественно и достойно, без истерики, хотя бы на какой-то момент, приблизиться к величию и красоте Вашего духа.

С преклонением и нежностью целую Вашу руку

Василий Качалов.

В.В. Вересаев — Е.С. Булгаковой [1]

12/III.40

Дорогая Елена Сергеевна!

Повышенная t° и грипп помешали мне быть на похоронах Михаила Афанасьевича. Позвольте мне хоть в письме выразить Вам глубокое сочувствие в тяжелой потере, которая постигла и русскую литературу, и русский театр: ушел из них крупнейший современный драматург. Преданный Вам

В. Вересаев.

А.А. Фадеев — Е.С. Булгаковой [2]

Милая Елена Сергеевна!

Я исключительно расстроен смертью Михаила Афанасьевича, которого, к сожалению, узнал в тяжелый период его болезни, но который поразил меня своим ясным талантливым умом, глубокой внутренней принципиальностью и подлинной умной человечностью. Я сочувствую вам всем сердцем: видел, как мужественно и беззаветно вы боролись за его жизнь, не щадя себя, — мне многое хотелось бы сказать вам о вас, как я видел, понял и

---

[1] *Огонек, 1984, №17. Затем: Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (Автограф ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

оценил вас в эти дни, но вам это не нужно сейчас, это я вам скажу в другое время.

Может быть, и не было бы надобности в этом письме: вряд ли это может облегчить твердого и умного человека с сердцем в период настоящего горя. Но некоторые из товарищей Михаила Афанасьевича и моих сказали мне, что мое вынужденное чисто внешними обстоятельствами неучастие в похоронах Михаила Афанасьевича может быть понято, как нечто имеющее «политическое значение», как знак имеющегося якобы к нему «политического недоверия».

Это, конечно, может возникнуть в голове людей очень мелких и конъюнктурных, на которых не стоит обращать внимания. Уже в течение семи дней я безумно перегружен рядом работ (не по линии Союза писателей, а работ, место и время которых зависит не от меня) — не бываю в Союзе, не бываю и часто даже не ночую дома, и закончу эти работы не раньше 17—18. Они мне и не дали вырваться, о чем я очень горевал, — главным образом, из-за вас и друзей Михаила Афанасьевича: ему самому это было уже все равно, а я всегда относился и отношусь равнодушно *к форме.*

Но я не только считал нужным, а мне это было по-человечески необходимо (чтобы знать, понять, помочь) навещать Михаила Афанасьевича, и впечатление, произведенное им на меня, неизгладимо. Повторяю, — мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный, — с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не все видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного. Хуже было бы, если бы он фальшивил.

Мне очень трудно звонить вам по телефону, т.к. я знаю, насколько вам тяжело, голова моя забита делами и никакие формальные слова участия и сочувствия не лезут из моего горла. Лучше, освободившись, я просто к вам заеду.

Нечего и говорить о том, что все, сопряженное с памятью М. А., его творчеством, мы вместе с вами, МХАТом подымем и сохраним: как это, к сожалению, часто бывает, люди будут знать его все лучше по сравнению с тем временем, когда он жил. По всем этим делам и вопросам я буду связан с Маршаком и Ермолинским и всегда помогу всем чем могу. Простите за это письмо, если оно вас разбередит. Крепко жму вашу мужественную руку.

Ал. Фадеев.

15.III.40 г.

Н.А. Захаров [1] — Е.С. Булгаковой [2]

12.III.1940 г.

Глубокоуважаемая Елена Сергеевна!

В эти тяжелые дни хочется разделить с Вами скорбь, пожать крепко Вашу руку, как-то смягчить, хотя бы чем-нибудь облегчить Ваше большое горе. И вместе с тем знаешь, что это — правду сказать — невозможно! Гибель Михаила Афанасьевича переживается как-то особенно остро, как личное горе. Смерть возьмет каждого из нас в свой час, но когда она

---

[1] Н.А.Захаров — лечащий врач М. Булгакова.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (Автограф ОР РГБ).*

подкрадывается к человеку еще недавно полному душевных сил, к человеку так несчастному в своей творческой судьбе — это вызывает чувство нестерпимой досады, жалости, почти физической боли. Ушел из жизни большой человек. Его гибель не только Ваше, но горе многих. Его утрата несомненно взволнует и найдет отклик во многих честных русских душах, хотя бы по одному тому, что его подвиг не может и не забудет честная русская интеллигенция переходного периода, так как его мысли и его муки — это ее думы, ее страдания.

Восхищаясь его умом, его талантом, преклоняясь перед художественной правдой его пьес, хотелось верить, что слово его будет звучать, что мысли и образы будут волновать души и сердца, звать к истинной человечности.

Как не мирилась мысль с безжалостным сентябрьским приговором судьбы! Как не хотелось верить ему (даже вопреки здравому смыслу врачебного опыта) до самых последних дней, — настолько — по-человечески — ужасным, несправедливым и жестоким он представлялся в его личной судьбе!

И чем больше я узнавал Михаила Афанасьевича, тем менее мог мириться с этим прогнозом. Но судьба и смерть неумолимы.

Вы отдали всю себя борьбе с нагрянувшей бедой. Вы боролись неутомимо, со всею страстью, не щадя сил и крови, как верный друг, верящий и любящий!

Можно только преклоняться перед безмерным подвигом, который Вы совершили во имя любви и веры в талант Михаила Афанасьевича. Каких сил, какой выдержки это Вам стоило, знают немногие близкие и я, невольный свидетель Вашей жизни за последние месяцы. Вы сделали все, что могли. Ничего не могло спасти Михаила Афанасьевича, и наша наука (во всем мире) в настоящее время не знает средств против этой коварной болезни, уносящей в могилу людей в пору их творческого расцвета.

Простите меня, если чем-либо невольно я причинил Вам ненужные огорчения. Зная, как врач, о неизбежном, ужасном конце, я не всегда находил в себе силы говорить Вам правду, особенно, когда Ваши нервы доходили до предела напряженности. Сам, всею душою, всем сердцем желая спасти Михаила Афанасьевича или задержать наступление роковой развязки, я пытался бороться с болезнью, не покладая рук, готовый временами поверить хотя бы в чудо, откуда бы оно ни пришло, и отступил лишь тогда, когда стала ясна вся бесплодность этих усилий.

Примите мое искреннее сочувствие Вашему горю и крепко поцелуйте от меня юного друга Михаила Афанасьевича, так им любимого, Сережу.

Ваш *Захаров.*

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

15.III.40

Моя любимая, обожаемая мамочка! Я теперь не пишу тебе по-прежнему аккуратно, прости меня, это не невнимание. Именно теперь, когда ты, конечно, ждешь известий от меня о Люсе, я тебя мучаю, — прости меня. Получилось так потому, что все сразу смешалось: и горе Люсино и наше общее, и множество работы, и отчаянное мое настроение, и неспособность в этом состоянии сосредоточенно и потому привычно крепко работать, и возвращение В.И. [2] к работе на репетициях. Словом, дни забиты полностью, голова чумная.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[2] Имеется в виду Вл.И. Немирович-Данченко.

Вчера работали с Веней в театре до полов[ины] 2-го ночи: у Вени масса дел в связи с определившейся на лето гастрольной поездкой в Ленинград и необходимостью уточнить, что же мы повезем; у меня сдача работы, кот[орую] и задержала из-за нашей горькой беды. У Люси была в выходной наш 13-го, на след[ующий] день она слегла простуженная, кашляющая, и начались мои телефонные сообщения с домом, через Женичку, не покидающего ее. Грустно глядеть на нее, хоть она и старается быть оч[ень] стойкой. Зная его, зная их любовь — поэтическую, прекрасную, непохожую ни на какие обыденные, привычные понятия о супружеской любви, ясно, что для нее это утрата невозвратимая и незаменимая. Телеграмму твою дали мне ночью, дуся, и сегодня я ее туда относила.

Целую нежно.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

16.III.40

Моя любимая мамочка! Вот что я хотела тебе еще объяснить. Ты не думай, что по случайности я не послала тебе телеграмму о нашем горе. Тогда, 10-го, я приехала ведь к Люсе сразу после Женичкиного звонка. Мы сидели с Люсей вдвоем около Маки, на той кушетке, где он и больной лежал, где и потом его положили, и я сказала Люсе:

я дам маме телеграмму завтра утром, а то она придет на ночь, и муся не будет спать ночь.

А Люся сказала:

нет, не давай телеграммы, это ее испугает, когда принесут, напишем ей письмо, ты напиши и я потом.

В своем личном горе мы и не подумали, что Макина смерть явление больше чем личное, что это горестное известие облетит газеты повсюду, и вы узнаете об этом раньше, чем придет мое письмо. Я поняла это только тогда, когда пришла ваша телеграмма. Вчера Веня навестил Люсю и посидел у нее, пока я работала, и еще один дружок из нашего театра, а завтра вечером я непременно к ней собираюсь, тем более, что ребят я решила отправить в цирк на какого-то, как говорят, замечательного фокусника. Пусть ребята немного отойдут от невеселой настроенности дома, они молодые, им еще надо жить, не горюя. Люся еще лежит, надеется скоро встать и приняться за работу над его литературным наследством — здесь у нее будет много дела. Моя любимая, целую тебя крепко.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [2]

18.III.40

Милая, любимая моя мамуся, вчера, наконец, попала я к Люсеньке. Она еще лежит, хотела встать 19-го, теперь уж, как она говорит, простуда прошла, но упадок сил... Она мужественный человек, твоя настоящая дочка, старается крепко себя сдерживать, все свое внимание направить на дело его памяти: она занята мыслями об издании его пьес, о чем вопрос уже стоит в писательской организации, она хочет привести в порядок свои дневники во время его болезни, закончить корректуру его романа, кот[орый] он ей заповедал, перепечатать ряд его произведений, словом, дело большое впереди ей предстоит, и это хорошо, в этом она будет находить живой толчок к деятельности. Кроме того, у нее мечта копить деньги для хорошего памятника, это она мне шепнула. А с болезнью и материальные

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

и хозяйственные дела (с болезнью милого Макочки) запущены, т[ак] что и в этом смысле ей надо наладить жизнь. Счастливо случилось, что у нее ребята, а то бы она извелась от горестной тоски, ведь Мака был человеком совершенно потрясающего обаяния и интереса, таким, который целиком заполнял ее жизнь, всю ее окрашивал для нее в потрясающие краски, — и вдруг теперь такая пустота. А ребята лучше кого и чего бы то ни было, каждый по-своему, теперь заполняют ее дни. Дуся моя, целую тебя.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

21.III.40

Дорогая, любимая моя мамочка! Вчера вечером я изо всех сил торопилась кончить Макину пьесу, которая нужна Люсе, и не хватило у меня 5 минут написать тебе вечером, потому что Веня было позвал меня домой, я сказала, что хочу закончить и мне нужно еще полчаса, тогда Веня отправился домой, взял Катьку на поводок и пришел за мной, и тут я как раз кончала последние строки. Говорю: я маме еще хочу написать, а он говорит, что держать Катьку в конторе долго опасновато, а ну как поведет себя неважно, а тут как раз спектакль кончился, публика идет, заглядывает в контору, удивляется Катьке. Я и отложила на сегодн(яшнее) утро, дуся моя. Вчера говорила с моей Люсенькой, а накануне, 19-го, Веня, гуляя, пошел к ней посидеть, а я пошла и в свой выходной в театр, чтоб отстукать для Люси вот эту пьесу. Рада, что закончила ее, потому что Люся хочет дать мне и еще одну, а у меня и своей переписки много, так что надо со всем этим делом торопиться и хорошо все обдумать в смысле уплотнения времени. Вот к весне, я думаю, у меня дела будет меньше, потише будет с работой и я хочу тогда побольше время проводить с Люсей. Такая она умница, что так держит себя сдержанно, но, конечно, это ей нелегко стоит и вероятно иной раз хочется ей отпустить душу на волю, и это, думаю, ей лучше и легче со мной — вот я с ней и хочу быть.

Моя любимая, целую тебя.

Н.Н. Лямин — Е.С. Булгаковой [2]

21/III.40

Дорогая Люся!

Я знаю, что тебе сейчас совсем не до меня, но мне захотелось тебе написать. Огромное горе, постигшее тебя, постигло нас всех. Я никак не могу себе представить, что никогда больше не увижу Маку, не услышу, как он читает свои новые произведения, не сыграю с ним в шахматы. Вспоминаются все те большие и маленькие радости, которые я получал от него. Многое было пережито вместе, а ведь наша последняя встреча была такой мимолетной. Только сейчас отдаешь себе отчет, каким большим и хорошим человеком был Мака. И вот не удалось его удержать, несмотря на беспримерную преданность, проявленную тобой. Об этом мне много писали и Патя и Тата.

Крепко, очень крепко целую тебя и моего любимца Сережу — он сейчас твое главное утешение. Мне рассказывали о том, как замечательно держали себя оба твои мальчика.

Твой *Коля.*

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (Автограф (ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

Приписка рукою жены Н.Н. Лямина — Н.А. Ушаковой:
Крепко и нежно целую тебя

Тата.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

22.III.40

Моя дорогая мамуля! Сегодня я старательно работаю, а вчера к вечеру что-то расхотелось печатать, подружки соблазнили, не поиграть ли нам в карты, я и позвала их к себе, поэтому стучала только до 9 час. Так мы высчитали, что теперь будет большой сравнительно перерыв для картежниц, потому что каждый вечер кто-нибудь занят. Сегодня буду работать старательно, засела за перепечатку для Люси второй Мишиной пьесы, когда ее напишу, свои обязательства перед Люсей на некоторый срок закончу, возьмусь за начатые для других работы, с ними расправлюсь, и тогда смогу снова помогать Люсе. Тем более, что то, что она потом мне даст писать, пока ею не выправлено. Бедная девочка, она так тоскует. Сегодня стали мы говорить по телефону, она заплакала, бедная моя. Я хотела было к ней поехать, позвонила к ней немного погодя, не приехать ли, но оказалось, что она уж сидит, работает над правкой пьесы, потом уйдет по делу вечером, так что мы свидание отложили. Мы так уж и договорились, что пока я печатаю, нам видеться не удастся часто. Мож[ет] быть, она уедет на недельку за город, у Сережи с завтр[ашнего] дня весенние каникулы, они бы вместе и поехали бы, если она получит путевку в хороший дом отдыха. Это нелегко, потому что зимних домов немного под Москвой, путевки разбирают. Целую тебя нежно, дуся.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [2]

24.III.40

Моя мамуся! Вчера не написала тебе, потому что так подогналась работа, что не поспела до прихода ко мне Женюши, а он пришел, чтоб идти со мной на киносеанс в Дом Актера, и так времени было только тютелька в тютельку, что мы и побежали. Прости, дуся, не думай, что я равнодушна к таким пропускам в письмах, но все это время я нахожусь в совершенно загнанном положении с работой, ужасно много дела, еле поспеваю, и все время вперед надо рассчитывать, как так все расставить, чтоб успеть, и в то же время не оторваться от жизни целиком в работу, напр[имер], все-таки успеть вывести Женичку в кино, он так любит эти посещения, ему все там приятно.

А теперь особенно хочется ему это сделать, потому что слишком у него и глубоких переживаний много. Сегодня все мы, и Люся с семейством, на «Турбиных», кот(орые) идут в 900-й раз. Завтра Люся с семьей будет у меня обедать, просидит вечерок, я надеюсь. Дуся, мы тебя все просим: если у вас в газетах было помещено что-то о Маке, пожалуйста, собери и пришли вырезки, Люся все собирает, что только возможно, имеющее отношение к ее дорогому Мише. Ах, как крепко ее держат воспоминания и как ей одиноко, несмотря на ребят и множество дела. Моя любимая, целую тебя горячо.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

26.III.40

Моя любимая муся! Вчера после громаднейшего перерыва была у меня Люся, ведь в последний раз, по-моему, она была у меня в июне — в начале июля, когда столько радости ждала она от жизни. Она пришла со всеми своими: Женюша, Сережа и Лоли, и еще одна молодая дама, жена Макиного товарища. Кроме того из нашего театра были все самые приятные Люсе люди: жена Качалова, и двое мужчин: мой сослуживец Виталий и наш актер Хмелев, молодое наше светило, все это нежно к ней расположенные люди. Было задушевно, хорошо, но все-таки Люсик позвонила мне сегодня и сказала, что рано вероятно ей выходить так на люди, что она ночь не спала от мучительных своих дум, что ей день ото дня все тяжелее на душе. Даже жаловалась, что она недовольна собой, не может сдержаться от слез даже на улице, как было сегодня. Бедняжка моя, даже не найдешь слов для утешения, потому что я-то знаю, по всей их любви, по характеру их жизни знаю, какая пустота образовалась в ее жизни. Мулинька, она просила написать тебе, хоть она и понимает, что ты все уже поняла, все знаешь,— что у нее нет сил, она прямо боится начать письмо к тебе, потому что у нее тогда сердце разорвется от горя, когда она заговорит с тобой в письме, надо дать ей время пережить эту остроту горя.

Моя дорогая, целую тебя нежно.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [2]

(Между 26 и 29 числами марта 1940 г.)

Дорогая моя мамочка! Только что отбарабанила большую стенограмму репетиции В. И., потом еще небольшую приватную, вот теперь напишу тебе открытку, дуся, и возьмусь еще за печатание пьесы Миши, для Люси, т. к. все равно нет смысла уходить, через час с небольшим Веня отыграет спектакль, и мы пойдем домой вместе. Сегодня Люся сказала мне, что Председатель союза писателей [3], совершенно исключительно ценивший Маку, был у нее и настаивает, чтоб ей уехать куда-ниб[удь] на юг, немного укрепить нервы, сердце, взять Сережу, работу на машинке, самую машинку, и укатить, он се хорошо устроит, например, в Ялте. Люся немного колеблется, но, кажется, начинает склоняться к отъезду. Туда же едут на днях большие ее и Миши друзья, т[ак] что она там будет не одна. И вместе с тем это люди тактичные, если ей захочется побыть одной, они не будут ей в тягость. Я ей тоже посоветовала поехать, ей надо переменить обстановку. Она в очень большом душевном упадке, тоска ее переполняет [...]

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [4]

29.III.40

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[3] Речь идет о А.А. Фадееве.

[4] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (Автограф ОР РГБ).*

Моя дорогая, любимая мамуся! Только сегодня пришли твои обе открытки, 10 дней они шли, и вот я пересылаю их обе, и мою и Люсину, Люсе, о чем ей сказала по телефону. Поплакала я, конечно, над ними, верно и Люсенька прольет немало слез, несмотря на все желание твое, моя любимая, ее утешить. Теперь тот нерв, которым она держалась последние дни, ее оставил, и она часто плачет, как говорил мне Женюша, тоскует, томится отсутствием Миши, кот(орый) заполнял ее жизнь целиком. Действительно, это был человек такой интересный, такой необыкновенной сущности, так жарко к ней привязанный, так деливший с нею глубочайшие свои замыслы, фантазии, вдохновение, что жизнь ее стала пуста невероятно. Она старается изо всех сил сохранить бодрость, старается работать, да тут и не только старанье, но и жгучее желание продлить память о нем изданием его произведений, организацией всего этого дела. Зная хорошо его вещи, я должна сказать, что это был человек необычайной одаренности, и конечно он останется в веках, это для меня несомненно. Женичка помогает ей в ее работах и даже в деле обуздания и воспитания Сергея, который по молодости лет и по буйности и лихости темперамента немного, как говорится, отбился от рук. Хочу завтра поехать повидать Люсю, благо сегодня сдала работу. Целую тебя, сердце мое.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [1]

30.III.40

золотая мамуся, сейчас еще не поздно, половина 6-го, но я вот напишу тебе и поеду к Люсе. Сегодня у нас нет репетиции, В. И. не приехал в театр, и я довольно самостоятельна в работе, могу прервать ее. Вообще, вчера я хоть и устала зверски, но у меня было такое удовлетворенное чувство, что к вечеру позднему я закончила печатание для Люси (пьесы Маки), и все стенограммы мне отдиктовали, т[ак] что и здесь на несколько дней я чиста. Взялась за работу для музея нашего театра, кот[орую] прервала из-за Мишиных пьес. Вот когда закончу и для музея, тогда останется совсем немного у меня дела, и я смогу по вечерам бывать свободней, буду с Люсей больше, если она не уедет за город, или в Ялту, как ее хотят устроить. Ты спрашиваешь, дуся, о ее материальных делах. Миша еще в октябре, когда болел и предсказывал скорый свой конец, а врачи отрицали, — составил завещание, по нему она единственная наследница, за ней Сережа. Поэтому она будет получать авторский гонорар за его пьесы, кот[орые] пока идут только у нас, но вот мы надеемся, что еще две его пьесы с буд[ущего] года пойдут и в Москве, и в др. городах. Одна из них, «Пушкин», будет ставиться у нас. Вот пока ее доходы, на кот[орые] она рассчитывает обойтись без труда и усилий. Пока на эти темы мы не говорим, это мои наметки.

Целую тебя, милая моя.

О.С. Бокшанская — А.А. Нюренберг [2]

31.III.40

Моя золотая, моя любимая мамуленька! Побыла я вчера у Люси долго, часов 5—6 просидела. Удалось нам и вдвоем посидеть, и давно нам это было нужно, высказала, выплакала она мне свое горе, хоть немного отпустила свои напряженные нервы. Боже мой, как тяжело ей, как она тоскует. И мучит теперь ее мысль, почему она на какие-то минуты отходила от него, почему она, отвлекаемая делами дома, жизни, не сидела при нем

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

неотлучно, почему, согласившись на его настояния, спала в соседней комнате: она уверена, что он, просыпаясь, не сразу ее будил, а оставался один и, бессонный, думал о смерти, в которой был уверен. Зачем она не все до конца смогла услышать от него, — хотя до конца он не мог бы с ней поделиться, пот(ому) что он был так богато одарен, что блестящие фантазии, мысли, образы, все новые и новые, непрестанно в нем рождались, он был по-настоящему неисчерпаемый человек. Ах, как жаль, что его нет! Ах, как страшно жаль! Если Люсенька уладит формальности, без улажения которых она не хочет уехать, то она решила поехать на юг, в Ялту, взяв с собой Сережу. Для нее это было бы просто необходимо, это, может быть, придало бы ей сил, как-то притушило боль, от которой ей иной раз хочется по-звериному завыть, застонать. Только на исцеляющее время я надеюсь — оно авось ослабит боль.

Целую тебя, мое сокровище.

А.Ш. Мелик-Пашаев — Е.С. Булгаковой [1]

25/IV.40

Милая, дорогая Елена Сергеевна!

Как Вы чувствуете себя на отдыхе? Здоровы ли? Хороша ли погода, есть ли кроме Сережи какие-нибудь близкие и знакомые? По-моему, лучше, если бы их никого около Вас не было, и вы бы тихо вошли снова в себя, без непрестанных слов утешения и сочувственных взглядов. Когда я увидел первый раз после ужасного несчастья, как стойко и мужественно шли Вы по двору, как тихо и сдержанно говорили, я взглянул в Ваши отчаянно горевшие глаза, и слезы сдавили мгновенно мое горло — я понял вполне, что произошло и какой Вы есть человек. И тут же я почувствовал, что не могу говорить с Вами, не могу видеть Вас, ибо все, что привелось бы сказать — таким было бы неделикатным, грубым, не выражающим мысль и чувство, было бы таким пустым и не соответствующим моему чувству к незабвенному Михаилу Афанасьевичу.

Передо мной лежит открытка. С нее глядят на меня вдумчивые ласковые глаза. Большой умный лоб перерезан размашистым, крупным почерком. Все! Все во внешнем мире, что осталось мне от любимого друга, — да еще четырехручный «Щелкунчик», подаренный им давно-давно, в первые дни счастливого знакомства. Как ужасно сознавать, что все это **было!!** [...]

Ал. Мелик-Пашаев.

Я.Л. Леонтьев — Е.С. Булгаковой [2]

Москва, 27 апреля 40

Дорогая Леночка Сергеевна!

Прежде всего — все благополучно и нет никаких оснований Вам беспокоиться по вопросам, о которых мы с Вами беседовали за несколько дней до Вашего отъезда.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

[2] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ).*

Ваша линия поведения в отношении пытающихся применить к Вам действие веселящего газа — совершенно понятна. Думаю, что удачнее всех это сделает Сергей младший в своей непосредственности «души общества».

Вспоминая Вас, я не могу не вспомнить прекрасные письма, которые Вам прислали хорошие по-разному люди, но все же наибольшее впечатление по честности, мне кажется, производит письмо Фадеева, а по мудрости В.И. Немировича-Данченко.

Никто по-настоящему, кроме В.И. Качалова, пытавшегося это сделать, не смог выявить Вас, большого и прекрасного в своей силе и страдании человека. Я не умею в письме написать это так глубоко и осмысленно, как Вы того стоите, но мне хочется сказать Вам, что я так ошеломлен Вами, хотя это слово, конечно, не то, но, по правде говоря, все то, что Вами было сделано для Михаила Афанасьевича, не укладывается ни в какие слова и их не сыщешь. Я всегда почитал в Вас необыкновенную женщину, такую, которую, не знаешь как с ней быть, любить ли ее больше или уважать? Это, конечно, не исключающие друг друга понятия, но при уважении как-то надо быть серьезнее, при любви — легкомысленнее! Так, кажется? А Вас я всегда и любил и уважал глубоко, а теперь эти два чувства еще более укрепились, соревнуются друг с другом, но идут плечо к плечу.

Я знаю, что, самокритически говоря, человек я недостаточно мягкий или, будем прямо говорить, грубоватый, но в редких случаях жизни я пасую перед необыкновенными явлениями — Вас считаю этим явлением и преклоняюсь перед Вами. Говоря и думая о Вас, я всегда ассоциирую Вас с теми русскими женщинами прошлого века, которых так блестяще рисовал поэт, описывая жен декабристов.

Ну вот я и объяснился Вам в любви, а еще больше в преданности. Так поймите и, если можете, простите.

Прошу передать мой искренний и дружеский привет Сереже Ермолинскому. Его я крепко обнимаю, особенно теперь, когда в глубоко потрясшем нас всех несчастье, я его еще больше узнал.

Однажды, не особенно давно, беседуя у меня дома со мной, о моем отношении к Булгаковым, он спросил меня, чем можно объяснить мое отношение к Вам обоим? Видимо, трудно было понять и разрешить эту задачу, ибо бывал я у Вас не особенно часто, погруженный в свои дела, а между тем я бывал очень напорист, если брался за что-либо, касавшееся Михаила Афанасьевича. Я был смущен этим вопросом, но Сереже я этого вопроса не задам, ибо видел сам и чувствовал, как глубоко и нежно он любил и любит Михаила Афанасьевича.

Здесь я что-то наговорил сумбурное, но Вы Сереже этого не покажете, а я, право, кроме любви к нему ничего не питаю и считаю его правым, когда он мне вопрос этот задал.

Простите, если я Вас хоть чуточку расстроил, не хотел я этого, но, право, не о «трех сестрах» же писать, хотя Вы и в Ялте.

Сережу маленького прошу поцеловать и передать, что им я обижен. Доверенность на выдачу мне заимообразно плетки он не оставил, а без нее Женя мне ее не выдаст. А мне плетка так нужна! Ведь скоро конец сезона, артисты ходят все чаще и чаще! Ну что делать? Пусть хоть телеграфно распорядится.

Неужели Сережа большой не использует Сережу маленького в качестве кадра для кино?

Ну вот и заканчиваю. Прошу передать мой привет Файкам. Алексея Михайловича я нежно полюбил, а за что — он и сам догадается.

Обоих Сергеев целую.

Вас, дорогая, хорошая, нежно обнимаю и прошу верить, что у Вас есть друг в Москве, именующий себя

Я. Леонтьев.

Федоровы [1] — Е.С. Булгаковой [2]

Москва, 30.IV—1940 года.

Большое спасибо за весточку о себе и память. Знаем, что Вам невероятно тяжко и, конечно, нет таких слов, которые могли бы облегчить эту тяжесть. Знайте только, что Ваше горе — наше горе и что всей душой мы с Вами, так как сильно любили и любим нашего Михаила Афанасьевича.

Грустно думать, что при жизни в своей прекрасной работе Михаил Афанасьевич мало видел внимания со стороны тех, кто особенно должен был бы бороться за создание необходимых для его работы условий. Говорю о Союзе писателей, представители которого так верно и хорошо говорили при последнем расставании с Михаилом Афанасьевичем. Если бы все эти слова и оценку своей работы Михаил Афанасьевич слышал при жизни, ему легче было бы жить и работать. Он не чувствовал бы в этой среде одиночества, которое, насколько я мог проникнуть в душу Михаила Афанасьевича, очень огорчало его и порой заставляло сомневаться в необходимости работы и даже в качестве ее.

Все эти переживания так свежи у меня в памяти, так как знали мы Михаила Афанасьевича и в период нелепых гонений и притеснений его.

Да, так уж устроены людишки, которые, плывя по течению, не имеют мужества отстаивать то, что по общему признанию провожавших Михаила Афанасьевича заслуживало всяческой поддержки.

Когда-нибудь мы поговорим с Вами о том, кто так дорог нам. Но до этого разговора должно пройти много времени, так как и на письме разговаривать с Вами трудно: пишу и реву, реву...

Милая Елена Сергеевна, очень хочу просить Вас, насколько это возможно, подумайте и о себе: нужно быть бодрой и здоровой, хотя бы для того, чтобы видеть торжество Михаила Афанасьевича при надлежащей оценке и признании его литературных произведений. А что это так будет, в этом мы твердо уверены.

Воспользуйтесь наступающей весной и чудным местом, в котором Вы находитесь, и наберитесь сил побольше.

Поцелуйте покрепче милого Сережу, который, конечно, хорошо заботится о своей чудной маме.

Крепко Вас обнимаем, целуем и еще крепче любим.

Ваши С. и В. Федоровы.

В.В. Дмитриев — Е.С. Булгаковой [3]

Милая Елена Сергеевна!

Можно или писать десятки страниц или почти не писать. Я начал с первого. Но оставил. Пожалуй, это пока нежелательно. Правда, кроме всего остального меня очень беспокоит Ваше состояние и самочувствие. А здесь важнее всего знать, что ты не один и не в

---

[1] Михаил Афанасьевич очень часто посещал эту семью, отдыхая душой в беседах и за игрой в винт.

[2] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (Автограф ОР РГБ).*

[3] *Письма. Публикуется и датируется по первому изданию (Автограф ОР РГБ).*

пустоте. И что есть какая-то взаимоответственность между людьми. Она есть и за границей жизни и в жизни. В этом смысле Ваша судьба и жизнь есть часть и моей судьбы и жизни. Все мы вроде выброшенных на необитаемый остров и связаны друг с другом. Связаны и жизнью, и любовью, и памятью. Поэтому все же жить легче. То что было — не проходит и существует реально всегда.

Но это опять философия, а в жизни ничего интересного сообщить Вам не могу.

Рисовать комнату начну на днях [1], когда сдам работу. Я хочу ее написать маслом и очень заинтересован этим. Может быть, что-нибудь выйдет.

Новостей никаких нет интересных. Очень кланяется Вам Марина.

Очень рад был Вашему письму.

Преданный Вам

В. Дмитриев

9 мая 1940.

Письма П.С.Попова и А.И. Толстой-Поповой к Е.С. Булгаковой [2]

1. (Из Москвы в Ялту)

Дорогая Елена Сергеевна,

я попробовал набросать остов того, что, может быть, следует написать о Мише [3]. Это первая проба. Мне хотелось бы, чтобы Вы предварительно наметили, что не так и чего не следует говорить. Не знаю, можно ли упоминать о «Батуме» [4] (я обхожу молчанием). Главная моя цель, которой я Вас решаюсь затруднить, — чтобы Вы восполнили недостающие даты и конкретные сведения. Я оставил пробелы. Нет ли у Вас стенограммы Файко? У него было несколько метких и удачных выражений [5], которые я хотел бы

---

[1] В память о М.А. Булгакове В.В. Дмитриев рисовал комнату, в которой писатель провел последние дни жизни.

[2] *Письма. Полный текст писем П.С. Попова к Е.С. Булгаковой публикуется по первому изданию (ОР РГБ).*

[3] К написанию творческой биографии М.А. Булгакова П.С. Попов приступил после первого заседания комиссии по литературному наследству писателя под председательством А.А. Фадеева, состоявшегося 14 марта 1940 г.

[4] Последняя пьеса М. Булгакова — «Батум» (см. комментарии в этом томе, а также т. 9).

[5] А.М. Файко выступал с речью на траурной панихиде по М.А. Булгакову 11 марта 1940 г., в которой, в частности, отмечал: «Михаил Афанасьевич был [...] драматургом не только потому, что он писал пьесы для театра хорошо, знал его актеров и любил сцену, а потому, что он ощущал жизнь, как действие. Для него жизнь всегда была актом, каким-то неожиданным поворотом, каким-то открытием. Острота его чувства, как драматурга, была в самом настоящем смысле слова потрясающей.

Когда Михаил Афанасьевич писал свои последний роман, то, мне кажется, этот роман он писал тоже как драматург. Потому что каждая глава, каждая небольшая сцена этого романа были насыщены глубокой, неожиданно вскрывающей жизнь деятельностью. Этот роман был и фантастичен, и философичен, и лиричен, и в нем было то глубокое чувство быта, конкретности и запаха жизни, которое давало ему возможность открывать в каждом лице, в каждом повороте, в каждом действии все новые и новые краски.

Темперамента Михаил Афанасьевич был потрясающего. В последние дни, незадолго перед кончиной, он все еще работал и диктовал своей жене Елене Сергеевне правку глав этого последнего романа. Он не мог писать сам, в комнате было темно, но каждое его слово вскрывалось ярким светом — так он пластически, так

восстановить в памяти,— они бы меня навели на нужные мысли. Будьте любезны, укажите также статью о Гофмане в «Литературной критике» [1], о которой Вы мне говорили.

Преданный Вам

Павел Попов.

4 апреля 1940 г.

2. *21 апреля 1940 г. (Из Москвы в Ялту)*

Дорогая Елена Сергеевна, спасибо за весточку. Очень приятно было ее получить. Я очень хорошо понимаю Ваше состояние. Особенно отъезд из Москвы без Вашего постоянного спутника — тяжел. Я здесь всегда боялся этого состояния, приходя к Вам. Но Ваши разговоры, рассказы, чтение отдельных рукописей Миши создавали иллюзию — казалось, что и он тут; и всякий раз, уходя от Вас, испытывал ощущение, что побывал и у Миши. Прочел всего «Ивана Васильевича» одному своему приятелю и его жене: они нашли один «недостаток» — слишком остроумно. И не отдельные реплики, а вся сплошь. Говорят: ведь публика будет мешать слушать. Засмеются на одну остроумную фразу, а за ней другая — еще более остроумная. И смех на первую фразу не успеет прекратиться. Находят, что в такой пьесе исполнение должно быть на исключительной высоте, оно должно быть тонким и в высшей степени легким. Иначе пьеса сомнется, как тонкое кружево. Завтра идем на генеральную репетицию «Трех сестер». Говорят, Качалов совсем отпал. Будто никто особенно не выделяется. Ну да убедимся сами. Скоро ли возвращается Серг(ей) Александрович? [2] Мой привет ему, а также Файко. Он мне очень полюбился: все вспоминаю, каким он был трогательным 10 числа. Анночки [3] нет дома, она просила передать Вам самый горячий привет. Целую руку. Уважающий Вас

П. Попов.

3. *4.V.40. (Из Москвы в Ялту)*

Дорогая Елена Сергеевна,

спасибо Вам за Ваше милое письмо. У нас все холода, т[ак] ч[то] радуюсь за Вас, что Вы на юге. Судя по игре Сережи в спички и пирожные, — впечатление от теперешней Ялты,

---

действенно ощущал каждую реплику в своем произведении.

Михаил Афанасьевич был писателем глубокого этического чувства [...] Он был очень требователен к людям, но глубоко привязчив и жаден до настоящего человеческого [...]

Наряду с этим темпераментом и колоссальной энергией, которая в нем клокотала, он умел работать методично, последовательно и систематично. Когда он обращался к прошлому — [...] он изучал материал с скрупулезной точностью [...]. Его слово — всегда верное, попадающее всегда в цель — было результатом того, как нужно сказать, и как это звучит со сцены. В его беллетристических прозаических вещах это слово звучало умно, сценично, трибунно, заражающе».

[1] Имеется в виду статья И.В. Миримского «Социальная фантастика Гофмана», опубликованная в журнале «Литературная учеба», 1938, № 5.

[2] Имеется в виду С.А. Ермолинский.

[3] Жена П.С. Попова — А.И. Толстая-Попова.

увы, исправить трудно. Это мне подтвердила М.П. Чехова, которая признала, что ялтинцы пережили очень суровую зиму.

Вы меня смутили почетным местом моего писания у Вас на столе. Все это Мише пока недостаточно. Я слышу его голос: помни, Патя, биография должна быть написана пристойно. Если он был требователен к себе, как же нам нужно строго относиться к своим писаниям. Словом, всю биографию я сызнова перебуравил. Думал ее переслать Вам письмом, да Анночка остановила — говорит: все равно ты через две недели опять все переменишь, пусть она отлежится к приезду Елены Сергеевны. О переменах настроений Миши можно сказать смелее, динамичнее. Об отдельных «основных» произведениях следует несколько расширить.

Перечел я «Бег». Очень отчетливо вспомнил, как Миша однажды пришел, — довольно поздно, и стал говорить о втором действии, — что его трудно исполнить. Нужна музыка. Музыка должна быть сильная, неожиданная, и вдруг сразу обрывается. Вызвали знакомого — Володю Д., чтобы были две гитары. Миша хотел выжать из гитар все, что они могут дать, чтобы слышался целый оркестр. Просил повторять по нескольку раз, а сам вслух читал за Хлудова. Потом представлял свистки, как бы протяжные стоны. «Бег» — страшная вещь и, пожалуй, самая глубокая. И оценить в ней мастерство — значит понять Мишины силы. Когда наступает паника, охватывает ужас, то все смешивается в сутолоке, люди не сознают себя. Кажется, все краски переливаются одна в другую. Миша взял предельное состояние безнадежности, катастрофы и не потерял своих героев, он им всем придал индивидуальную окраску. Они все мыслят и действуют по-своему. Пожар объял их пламенем, но в пламени они не смешались: и Хлудов остается Хлудовым, Чарнота — Чарнотой. Я бы сказал, тут обнаруживается стройность и выдержанность художественной фантазии Миши. Другое: как пустить «Ивана Васильевича» в современность или управдома в 16 век. Можно сделать балаган, подсунуть первые попавшиеся ситуации. Этого Миша не допустил. Бунша своей индивидуальности не теряет; в самых фантастических условиях он остается самим собой. «Позвоните в милицию. Без номера». В этом *без номера* — человек как на ладони: с своим укладом, привычками. Фантазия сдержанная, поэтому она такая яркая, выпуклая, поражающая своей жизненностью. Все у Миши было своеобразно. Подумал сейчас о другом. Недавно разговаривал с Арендтом [1]. Он сказал, что вскрытие обнаружило сильный склероз мозга. Но вот удивительно, — добавил Арендт, — сознание было совсем не такое, как у склеротика. Ясность, стройность мысли поражала чуть не до последних дней.

Пробудем в Москве до конца мая. Может, будем «перевозиться» двумя приемами. Сначала съездим на несколько дней, 26-го у меня доклад, после чего перееду окончательно. Трудно жить далеко от Москвы, но и Москва понадоела.

Ахматова сразу выходит в двух издательствах: в «Совет[ском] писателе» и Ленинградском отделении ГИХЛа 15 (в большем объеме). Новые ее стихотворения появляются в ленингр(адских) журналах. Вышел Есенин («избранный»). Разошелся в одно утро. Назревает реформа в издательствах. ГИХЛ будет издавать только классиков и переводную литературу, также многотиражных авторов (Шолохов, Ал. Толстой), вся же масса современных авторов переходит в «Сов[етский] писат[ель]». Привет всем знакомым и Сереже. Целую руку. Преданный Вам Павел Попов. Только кончил писать письмо — и неожиданный звонок из Союза писателей о заседании по поводу Мишиного наследия в квартире Маршака. Будет Фадеев. Но нет ни Вас, ни Серг(ея) Александровича), что можно решать?

Приписка рукой А.И. Толстой-Поповой:

Я давно готовлю мысленно Вам длинное письмо и надеюсь сегодня его написать во время отсутствия Пашеньки, так что и подробности заседания припишем Вам. Целую Вас

---

[1] Врач, консультировавший М.А. Булгакова. В дневнике Е.С. Булгаковой за 18 октября 1939 г. имеется следующая запись: «Сегодня у Миши днем: Патя, Арендт, Сережа Ермолинский, д-р Захаров». В обширном списке профессоров и докторов, лечивших М.А. Булгакова, фамилия Арендта записана второй.

нежно.

Анна Т. П.

4. *5/V—40 г. Москва*

Милая Елена Сергеевна, так давно мечтаю написать Вам, что уверенно могу сказать, что напишу плохо. Не одно, так другое отрывает от намеченного, и жизнь несется по какому-то боковому руслу, а не тому, которое стараешься проложить себе. Но надо быть довольной малым. До праздников сидели с Пашенькой и считывали переписанный мною 84 том Толстого — письма Льва Ник[олаевича] к Соф[ье] Андр[еевне] с 1886 г. по 1910 г. [1], когда он ушел и умер. Вся моя жизнь, мелкие воспоминания, разговоры, интонации вспоминались по ходу работы. В конце концов устала двояко: от переживаний и от окончания большого труда [...].

Хотела сказать Вам еще, что постоянно думаем и говорим о Вас и о Михаиле Афанасьевиче. Пашка то на ночь читает что-нибудь, то возится с биографией, переделывая ее и прибавляя по словечку, так что я уж не подсчитаю, сколько раз я ее переписывала. Я не согласна с ним, что он хочет давать ее на чтение всем членам. Это надо сделать под конец, когда она у него в достаточной степени утрясется, а пока он ее трясет и трясет, и делается лучше. Вчера он чувствовал себя затерянным среди важных и надменных орденоносцев, но, по-видимому, барахтался и что-то возражал и пояснял так, чтобы заступиться за произведения и за то, чтобы представить [...] все произведения, без безапелляционного выбора их членами комиссии. И что за тон? Ох, я бы с удовольствием спросила, откуда этот тон? До чего не люблю я напыщенности и необоснованной важности! Ну вот, разворчалась, старушечья манера, но делать нечего, уж кажется я повидала на своем веку людей, а важности в них и не заметила, а в новых простоты нет. Ну, заткнись, старуха. Целую Вас, милая Елена Сергеевна, крепко. Надеюсь, что Вы все же повидаете красоту неба и гор Крымских.

Далее рукою П.С. Попова:

Дорогая Елена Сергеевна, припишу Вам несколько слов о заседании. Протокол Вам, впрочем, вышлют [2]. Деловая сторона (издательство, квартира, пенсия) разрешается удовлетворительно, но тон заседания во всяком случае не в духе Миши. Безапелляционный и орденоносно-авторитетный. Оказывается, Миша написал две плохих пьесы: Мольера и Ивана Васильевича. На Мольера бросался Фадеев, на Ив. Вас. — Хмелев и Леонов. Очевидно, Хмелев не подыскал себе роли, свои оценки он доводами не подкрепляет. У Фадеева хоть аргументы есть — в конце Ив. Вас. милиция не должна задерживать всех; Тимофеева, как изобретателя, следовало оставить в покое. Мольер — самая бесцветная фигура в пьесе, а возвеличен Людовик. Но что же делать, если последнего Болдуман хорошо играл, а Станицын — плохо. Особенно ратоборствовали против кровосмешения. Тем не менее делается попытка издать все 6 пьес. Самое симпатичное в заседании — письменное заявление Асеева. Очень хорошо написал [3]. Маршак мил. Виленкин приятен своей

---

[1] См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч., т. 84. М.—Л., 1949. Подготовка текста писем и комментарии осуществлены П.С. Поповым и И.Н. Гусевым. В «Редакционных пояснениях», составленных к тому П.С. Поповым, отмечается, что «в установлении текста писем Толстого деятельное участие принимала А.И. Толстая».

[2] Протоколы заседания первой комиссии по литературному наследству М.А. Булгакова хранятся в его фонде (ОР ГБЛ).

[3] Отзыв Н.Н. Асеева в архиве отсутствует.

озабоченностью.

Статьи предложено две — биография и оценочно-идеологическая, говорящая о творчестве М[иши] в целом. Фадеев для последней статьи рекомендовал Юзовского [1] и Гурвича [2]. Остановились на двух: Маркове и Гурвиче. Юзовского я себе представляю, Гурвич мне ничего не говорит. Биографию свою я предложил пустить на просмотр всем членам комиссии. Что касается общей статьи, то Фадеев так определил то положительное, что внесено М[ишей] в литературу («многого он не видел»): 1) гуманизм, 2) он любил свою родину, 3) боролся с ложью. По существу это верно, но нельзя рубить талант тезисами.

Вспоминаю, как Миша рассказывал о заседании, где обсуждалось его либретто «Минин и Пожарский». «Я не понимаю, зачем они меня слушали, они наперед все знают и им все ясно, ну а мне неясно». Издавать, вероятно, будет «Советский писатель». Ну вот я у Анночки занял всю бумагу. Целую руку.

Павел.

Приписка А. И. Толстой-Поповой:

Милая Елена Сергеевна, поймите, что не из непонимания, а потому что боюсь, не смею говорить о Вашем самочувствии и Ваших переживаниях.

Ваша А.Т.П.

5. *(Из Москвы в Ялту)*

Дорогая Елена Сергеевна, Вас ждут в Москву 2—3 июня. Хотя из-за погоды мы все откладываем отъезд, но вряд ли дождемся Вас. Пользуюсь случаем, что мы идем к Вашим соседям, и решил занести к Жене: 1) 2 книги, у меня задержавшиеся, 2) две Мишиных вещи («Война и мир» и рассказ), 3) 2 экземпляра биографии, как она окончательно у меня определилась. Я на заседании комиссии предложил для ознакомления мое писание, но после заседания никого не видел, т(ак) ч(то) разрешите передать через Вас. Разумеется, предварительно я прошу Вас прочесть все написанное и внести те поправки, которые Вам покажутся нужными. Если комиссии или Вам биография предстанется неприемлемой в целом, то отложите ее; если для печатания понадобятся какие-нибудь выкидки или изменения, то Вы наилучше это рассудите. Я на все согласен, лишь бы это было к лучшему для Мишиной памяти, а ведь как раз это-то Вы соблюдете наилучше. Еще бы мне хотелось, чтобы ознакомилась Елена Афанасьевна [3], которая мне так помогла разными сведениями. Еще я передал один экземпляр Леонтьевым; больше никому не давал и никого не видел.

Выезжаем мы до 10 июня. Если бы Вы захотели нам прислать о себе весточку или что-нибудь понадобится в связи с биографией, то удобнее всего писать на адрес Коли — Калуга, улица Марата, 13 — для передачи нам. Мы будем жить против города, по ту сторону Оки, — и почта там сомнительная.

Спасибо Вам за Ваше последнее письмо. Вы писали в нем о скором выезде из Ялты,

---

[1] Юзовский Иосиф Ильич (1902—1964) — советский литературный и театральный критик. В 1930-е годы был известен такими работами, как «Вопросы социалистической драматургии» (1934), «Спектакли и пьесы» (1935) и др.

[2] Гурвич Абрам Соломонович (1897—1962) — советский литературный и театральный критик, автор многих статей о творчестве советских писателей. Наиболее значительные из них собраны в книге «В поисках героя» (1938) и др.

[3] Сестра М.А. Булгакова.

поэтому мы решили, что письмо уже не застанет Вас там. Почта ходит очень плохо, до Калуги — около 5 суток!

Очень хотелось бы поговорить и повидаться с Вами. Вдруг захотелось почитать «Батум». У меня была какая-то фальшивая апперцепция этой вещи, сейчас я к ней подготовился. А в этом месте его творчества у меня нет реального представления. Разумеется, прочесть роман в целом законченном виде будет для меня величайшим наслаждением. Вы мне подарили один литературный документ: бумажка 30 карбованців подробно и досконально описана в сцене Василисы из «Белой гвардии» — точка в точку. Миша держал перед глазами бумажку, когда писал соответствующую страницу романа.

«Художественный» в Ленинграде. Я видел М.П. Чехову на другой день после отъезда Книппер. «Три сестры» в Ленинград не повезли. Спектакль этот — настоящий. Ансамбль хороший. Мужчины хуже прежнего состава, но женщины на высоте. И Тарасова хороша. Мне этот спектакль доставил подлинное наслаждение, мы были на генеральной репетиции.

Я что-то расписался, а хотел только уведомить Вас о возвращаемых книгах и рукописях. Целую руку. Преданный Вам

Павел Попов.

27.V.40
Приписка А.И. Толстой-Поповой:
Целую Вас нежно. Усталая Анна Т.П.

6. (*Из Калуги в Москву)*

Дорогая Елена Сергеевна, из полученного вчера письма узнали, что у Вас 11-го дня был траурный день, а у меня этот день памяти Миши пал на 15-е число; исполнил в этот день его просьбу. Я исполнял ее и в Москве, а тут удалось еще лучше, больше и простора и сосредоточенности, который в духе М(иши). Еще в Москве я слышал, что в середине месяца должно было быть обсуждение сборника Мишиных пьес; надеюсь, что все прошло благополучно. Как Вы будете проводить вторую половину лета; со вчерашнего дня наконец началась хорошая летняя погода. Пребыванием здесь мы очень довольны; даже дождливые дни мне были на пользу — в эти дни моя работа шла успешнее. Описывать прелесть вида с нашего балкона на Оку и Калугу не берусь, кто-то правильно сказал, если бы после поднятия занавеса открылся такой вид, понимающая публика единодушно зааплодировала бы. Извините за карандаш:

это мое единственное здесь орудие производства. Анночка Вам шлет горячий привет, а я целую Вашу руку и остаюсь неизменно Вам преданным

Павлом Поповым

22.VI.40

7. *(Из Москвы, в Мытищи)*

Дорогая Елена Сергеевна,

были сейчас на могиле М(ихаила) А(фанасьевича), и невольно мысли перешли к тому, чьей рукой так любовно украшена могила: к Вам. И место и цветы очень хороши. Особенно нам понравилось, что нет трафаретной формы надгробия. Если сознательно рассуждать, то кажется странным, зачем землю укладывать в форме гроба, как будто нет лучшего, более признанного символа и формы. В этом отношении форма Мишиной куртины мне очень

приглянулась. Памятник, сделанный Мухиной, о котором Вы говорили, разумеется, хорош, представляя собой произведение искусства, — и все же для могилы это что-то не то.

Пишу и не знаю, куда направить это письмо: позвоню к Вам и, если никого не застану, то пошлю по московскому адресу в надежде, что так или иначе, но открытка не пропадет. Анна Ильинична шлет Вам свой привет.

Ваш *Павел Попов.*

У меня новая любовь — влюбился в Вашего Женю.
9.VIII.40

8.

Дорогая Елена Сергеевна, с грустью узнал, что Вы в постели — следовательно, болезнь прогрессировала. Может быть, письмо Вас развлечет, поэтому решил написать Вам. Я все под впечатлением романа. Прочел первую часть, кончая визитом буфетчика к Вас. Дм. Шервинскому. Я даже не ждал такого блеска и разнообразия; все живет, все сплелось, все в движении — то расходясь, то вновь сходясь. Зная по кусочкам роман, я не чувствовал до сих пор общей композиции, и теперь при чтении поражает слаженность частей: все пригнано и входит одно в другое. За всем следишь, за подлинной реальностью, хотя основные элементы — фантастика. Один из самых реальных персонажей — кот. Что ни скажет, как ни поведет лапой — как рублем подарит. Как он отделал киевского дядюшку Берлиоза — очки надел и паспорт осмотрел самым внимательным образом. Хохотал я больше всего над пением в филиале в Ваганьковском переулке. Я ведь чувствую и слышу, как вдруг ни с того ни с сего все, точно сговорившись, начинают стройно вопить. И слова — это прелесть: Славное море священный Байкал! Вижу, как их подхватывает грузовик — а они все свое. В выдумке М. А. есть поразительная хватка — сознательно или бессознательно он достиг самых вершин комизма. Современные эстетики (Бергсон [1] и др.) говорят, что основная пружина смеха — то комическое чувство, которое вызывается автоматическим движением вместо движения органического, живого, человеческого. Отсюда склонность Гофмана к автоматам. И вот смех М. А. над всем автоматическим и поэтому нелепым — в центре многих сцен романа.

Вторая часть — для меня очарование. Этого я совсем не знал — тут новые персонажи и взаимоотношения — ведь Маргар[ита] Кол[дунья] это Вы и самого себя Миша ввел. И я думал по-новому заглавию, что Мастер и Маргарита обозначают Воланда и его подругу. Хотя сначала читал залпом, а теперь решил приступить ко 2-ой части после паузы, подготовив себя и передумав первую часть.

Хочется отметить и то, что мимолетные сцены, так сказать, второстепенные эпизоды также полны художественного смысла. Напр(имер), возвращение Рюхина из больницы;

описание природы и окружающего с точки зрения встрясок на грузовике, размышления у памятника Пушкина — все исключительно выразительно.

Я подумал, что наш плотниковский подвальчик Миша так энергично выдрал из тетрадки, рассердившись на меня за что-то. Это мож(ет) быть и так, но изъял это место Миша, конечно, по другой причине — ведь наш подвальчик Миша использовал для описания квартиры Мастера. А завал книгами окон, крашеный пол, тротуарчик от ворот к окнам — все это он перенес в роман, но нельзя было вдвойне дать подвальчик. Словом — уступаю свою прежнюю квартиру.

Но вот, если хотите — грустная сторона. Конечно, о печатании не может быть речи. Идеология романа — грустная, и ее не скроешь. Слишком велико мастерство, сквозь него все

---

[1] Очевидно, речь идет о французском философе и писателе Анри Бергсоне (1859—1941). См. его собр. соч. т. 5, СПБ., 1914.

еще ярче проступает. А мрак он еще сгустил, кое-где не только не завуалировал, а поставил точки над i. В этом отношении я бы сравнил с «Бесами» Достоевского. У Достоевского тоже поражает мрачная реакционность — безусловная антиреволюционность. Меня «Бесы» тоже пленяют своими художественными красотами, но из песни слова не выкинешь — и идеология крайняя. И у Миши так же резко. Но сетовать нельзя. Писатель пишет по собственному внутреннему чувству — если бы изъять идеологию «Бесов», не было бы так выразительно. Мне только ошибочно казалось, что у Миши больше все сгладилось, уравновесилось, — какой тут! В этом отношении, чем меньше будут знать о романе, тем лучше. Гениальное мастерство всегда останется гениальным мастерством, но сейчас роман неприемлем. Должно будет пройти лет 50—100. Но как берегутся дневники Горького, так и здесь надо беречь каждую строку — в связи с необыкновенной литературной ценностью. Можно прямо учиться русскому языку по этому произведению.

Вот мои первые беспорядочные строки в связи с новыми страницами творчества М. А., с которыми я имел счастье познакомиться — благодаря Вам, почему и прошу Вас принять выражения моей глубокой признательности.

Целую Вашу руку и остаюсь уважающим Вас

Павлом Поповым.

27.XII.40. (Москва)

9.

Дорогая Елена Сергеевна,

Вы себе представить не можете, как подействовал на меня Ваш ценный подарок и Ваши трогательные строки. Я снова оказался во власти обаяния Миши и его таланта как самого крупного писателя нашего века. То обстоятельство, что я впервые читал печатный текст [1] любимых моих произведений, захватило меня целиком: показалось, что вернулись вновь старые времена — как будто ничего не было, я сижу в подвальчике, читаю и сейчас пойду поделиться своими впечатлениями в соседний переулок.

Какой стиль! Ведь ни одного лишнего слова, а образы вспыхивают как живые при максимально сжатом тексте.

Вечером я был совсем усталый, а ночью внезапно проснулся и стал все читать подряд, как в молодые годы гимназистом зачитывался долгожданной книгой. Вместе с тем — какая трагедия: первое издание выходит 30 лет спустя после написания. Прекрасно оформлено, богатые фотографии. Конечно, для меня на первом плане — Художественный театр, и, если хотите, прежде всего Добронравов, — очень хороша его фотография, как он передал эту роль.

Низко, низко Вам кланяюсь и благодарю за внимание и память

Павел Попов.

21.XII. 55.
(Москва)

П.С. Попов. Биография М.А. Булгакова

[1] Скорее всего, речь идет об издании: Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни. М., 1955.

Михаил Афанасьевич Булгаков [1], сын профессора-историка, родился в Киеве 15 мая 1891 г. Ему было около шестнадцати лет, когда умер его отец, Афанасий Иванович. В большой семье Булгаковых значительную роль для внутренней биографии сына сыграла мать писателя. Варвара Михайловна, рожд. Покровская, — человек выдающийся и незаурядный. Михаил Афанасьевич с младенческих лет отдавался чтению и писательству. Первый рассказ «Похождения Светлана» был им написан, когда автору исполнилось всего семь лет. Девяти лет Булгаков зачитывается Гоголем, — писателем, которого он неизменно ставил себе за образец и наряду с Салтыковым-Щедриным любил наибольше из всех классиков русской литературы. Мальчиком Михаил Афанасьевич особенно увлекался «Мертвыми душами»; эту поэму он впоследствии инсценировал для Художественного театра. Гимназистом Михаил Афанасьевич читал самых разнообразных авторов: интерес к Салтыкову-Щедрину сочетался с увлечением Купером. «Мертвые души» расценивались им как авантюрный роман. Сочинения в гимназии писал хорошо, но впоследствии говорил, что «с общечеловеческой точки зрения это было дурное, фальшивое писание — на казенные темы». Учителем словесности был человек весьма незначительный. Впрочем, от гимназии у Михаила Афанасьевича остались очень богатые впечатления, от университета — гораздо более скудные.

По окончании гимназии в 1909 году Михаил Афанасьевич, после известного колебания, избирает медицинский факультет; его интересовали также юридические науки. Он предпочел карьеру врача. Работа медика ему казалась блестящей и привлекательной. Наиболее выдающимся из своих фельетонов, написанных в начале революции, он считал «День главного врача», в этом очерке описывается врач в боевой обстановке. Впоследствии многие случаи из своей медицинской практики он описал в ряде фельетонов, напечатанных в журнале ЦК Медсантруда «Медицинский работник» (1925—1927 гг.), предполагая издать особую книгу «Записки юного врача». Первая женитьба Михаила Афанасьевича относится к 1913 году. По окончании Киевского университета в 1916 году Михаил Афанасьевич в должности земского врача поселяется в Сычевке Смоленской губернии. Гражданскую войну на Украине (1918—1919 гг.) Булгаков пережил, находясь в Киеве. Его литературный дебют относится к 19 ноября 1919 года. В своей автобиографии Булгаков писал: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты». По собственному свидетельству, Михаил Афанасьевич пережил душевный перелом 15 февраля 1920 г., когда навсегда бросил медицину и отдался литературе. К творчеству Михаила Афанасьевича приложима характеристика, данная профессором А.Б. Фохтом в отношении А.П. Чехова, — Чехов был учеником Фохта по медицинскому факультету: «Немало дала писателю медицина, которая много берет из жизни и цель которой прекрасно отмечена у Гёте: „Цель медицины, как науки, постигнуть жизни сложный ход“. Действительно, врачу, как никому другому, близки интересы жизни, ему легче ориентироваться в типах, легче проникать в тайники человеческой жизни».

1920 год Михаил Афанасьевич проводит во Владикавказе (Орджоникидзе), там он пишет и ставит первые свои три пьесы, впоследствии им уничтоженные: «Самооборона», «Сыновья муллы» (из ингушской жизни) и «Братья Турбины» (не смешивать с известными «Днями Турбиных»). Во Владикавказе Булгаков читает курсы по истории литературы в Народном университете и Драматической студии. С 1921 года Михаил Афанасьевич поселяется в Москве; испытывая большие материальные затруднения, он принужден отдавать свои силы мелкой газетной и журнальной работе. Одно время он — конферансье в театре, то он — заведующий издательской частью научно-технического комитета. В качестве

---

[1] *Письма.* Считаем необходимым включить в сборник первую биографию М.А. Булгакова, написанную его другом П.С. Поповым в 1940 г. к готовящемуся изданию сборника пьес М. Булгакова. Полный ее текст печатается по первой публикации.

хроникера и фельетониста Булгаков работает в Торгово-Промышленном вестнике и в газете «Гудок», печатается также в «Рупоре», «Красном журнале для всех», «Красной газете», «Красной панораме» и берлинской газете «Накануне». В приложениях к этой газете он печатает свои «Записки на манжетах» (1922 г., № 8 и следующие; в более полном виде эти записки см. в альманахе «Возрождение», т. 11, М. 1923 и журнале «Россия», 1923, № 5). Более значительные рассказы он публикует в сборниках «Недра» (кн. V и VI). Впоследствии они были объединены в собрании рассказов Булгакова «Дьяволиада». М., 1925 (второе издание 1926). Мелкие сатирические рассказы вошли в «Библиотеку сатиры и юмора», изд. ЗиФ — М. Булгаков «Трактат о жилище», М.—Л., 1926, и «Рассказы» в «юмористической иллюстрированной библиотеке журнала „Смехач“, № 15, 1926».

В 1922 г. умирает мать Булгакова. Это был громадный толчок во внутренней жизни Михаила Афанасьевича. Он задумывает большой роман. Роман писался в Москве в 1923—1924 гг. очень порывисто и стал печататься под заглавием «Белая гвардия» в журнале «Россия» в 1925 г. № 4 и 5. В романе отразилась жизнь Киева, как ее пережил сам автор в годы гражданской войны на Украине. Романом заинтересовываются руководители Художественного театра; в апреле 1925 года МХАТ обратился к автору с предложением инсценировать роман. Внешний толчок совпал с интимным желанием Михаила Афанасьевича: он мечтал написать драму об Алексее Турбине. Еще 2 июня 1921 года из Тифлиса он писал: «Турбиных переделываю в большую драму». Поэтому к предложению МХАТа Булгаков отнесся со всею серьезностью и дал глубокую творческую переработку сцен романа, значительно видоизменив образ героя. Вскоре после постановки пьесы Булгаков так отозвался на вопрос о предпочтении повествовательной или драматической формы: «Тут нет разницы, обе формы связаны так же, как левая и правая рука пианиста». Пьеса имела три редакции; наиболее отличается третья редакция, вторая редакция близка к первоначальной.

В первый раз пьеса, которой автор дал название «Дни Турбиных», была сыграна на сцене Художественного театра 5 октября 1926 года. В настоящем сборнике «Дни Турбиных» печатаются впервые — в редакции, в которой пьеса исполняется на сцене театра. На первом представлении главные роли распределялись так: Алексей Турбин — Хмелев; Елена — Соколова; Николка — Кудрявцев; Мышлаевский — Добронравов; Лариосик — Яншин; Шервинский — Прудкин; фон Шрот — Станицын.

«Дни Турбиных» имели шумный и устойчивый успех. Залог этого успеха лежал в жизненности и глубокой человечности главных действующих лиц: их судьбу Булгаков внутренне пережил и выстрадал. Превосходное исполнение пьесы группой молодых артистов, впервые получивших ответственные роли в пьесе Булгакова, составило эру в жизни театра и выдвинуло новые кадры первоклассных актеров для всех последующих постановок в театре. Немалое значение для театра имела мастерская техника молодого драматурга: Булгаков сразу почувствовал актера на сцене и неизменно во всех последующих своих пьесах давал чрезвычайно выигрышный материал для исполнителей. Режиссерская и актерская работа увлекла писателя. Он принимал самое деятельное участие в режиссуре, мог показать и сыграть любую роль и пробовал собственные силы на сцене: так, он выступил в роли судьи в инсценировке «Пиквикского клуба» Диккенса.

«Дни Турбиных» прочно вошли в репертуар театра. За четырнадцать лет пьеса прошла 900 раз; с большим успехом она исполнялась также во время гастрольных поездок Художественного театра в Ленинграде, Киеве и Горьком. Ставилась она и за границей: в Париже, Риге, Нью-Хевене (США).

Последующей пьесой Булгакова, в которой автор развил и углубил тему гражданской войны, в гораздо более ответственных и широких рамках, был «Бег». Писался «Бег» в 1926—1928 гг. Если тон первой драмы по преимуществу лирический, и тяжелые эпизоды гражданской войны сменяются картинами домашнего уюта, то в «Беге» преобладает драматизм, а фон пьесы суровый и мрачный. Охват пьесы шире и значительнее. Главное действие развертывается в Крыму. Никогда не бывши за границей, автор сумел перенестись

в обстановку вне пределов СССР, он смело двинул последние действия пьесы в Константинополь и Париж. Драматизм психологии главных действующих лиц автор углубил, показав их в двух фазисах: когда в годину гражданской войны они, не приняв революции, обнаружили себя злейшими врагами народа, и когда затем им пришлось пережить большую внутреннюю ломку и трагедию; характеры на протяжении пьесы живо эволюционируют под влиянием чувства патриотизма, поэтому опять-таки образы оказываются глубоко человечными. Пьеса впервые печатается в настоящем сборнике. Когда «Бег» готовился к постановке в Художественном театре, М. Горький, назвав пьесу «превосходной» и усматривая в ней «глубоко скрытое сатирическое содержание», высказывался так: «Твердо убежден, „Бегу“ в постановке МХАТа предстоит триумф, анафемский успех» («Красная газета» от 10 ноября 1928 г.). В работе над пьесой в деле установления данных для характеристики изображенного этапа гражданской войны значительную помощь оказала вторая жена Булгакова Любовь Евгеньевна Белозерская.

Наряду с основной линией своей драматургической работы М.А. Булгаков уделяет время культивированию иных жанров: трагического фарса или трагикомедии (такова его «Зойкина квартира», поставленная в 1926 году на сцене театра Вахтангова) и комедии-сатиры («Багровый остров», сыгранный в Камерном театре в 1928 году).

Работает М.А. Булгаков необыкновенно быстро, но вместе с тем исключительно придирчиво относится к себе в смысле отделки произведения. Он порою беспощадно бракует написанное. Булгаков оттачивает фразу, стремясь к максимальной лаконичности и выразительности. К себе он очень строг. По этому поводу можно процитировать следующие его шутливые слова из одного частного письма: «Печка уже давно сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, нечего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи». Другая черта творчества Булгакова — необыкновенная живость сюжета. Он был блестящим рассказчиком-импровизатором; из шутки порою рождалась фабула. Булгаков был также большим мастером-чтецом своих произведений, вдумчивым, тонким и выразительным. Писал он только о том, что ему было близко и понятно, что им было доподлинно пережито. Он не мог писать, чему он сам не верил и не полюбил творческой любовью автора. Все его произведения овеяны глубокой искренностью. То, что ему казалось недоуясненным, он откладывал. Когда тема становилась осязательно доступной и пережитой, он брался за перо; принципиальный сторонник свободы художественного творчества, он никогда не навязывал себе тем; ложь и фальсификацию в писательском деле он презирал. Михаил Афанасьевич считал, что искусственно нельзя создавать то или иное произведение, тот или иной жанр. Творец исключительно острой сатиры, он писал: «Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой внезапно».

Глубоко почувствовав творчество Мольера как писателя и актера, он с интересом отдается изучению произведений и жизни гениального французского писателя. Одно время М.А. Булгаков говорит только о Мольере; собирает литературу о нем, ходит в библиотеки, переводит его произведения, стремится понять его изнутри. Результатом его работы в этой области является драма «Мольер»; она писалась в 1929 г. и была поставлена на сцене филиала Художественного театра в феврале 1936 года. Хороший перевод ее на немецкий язык Вольфганга Грёгера вышел в Берлине в 1932 г. Наряду с этой пьесой Булгаков составляет биографию Мольера (около 10 печ. листов) в форме очень живого и художественного рассказа о судьбе французского драматурга, вложенного в уста особого рассказчика, повествующего о жизни Мольера. Булгаков переводит «L’avare» («Скряга», 1935 г.). Пьесе «Мольер» ставился упрек, что в ней дано место измышленной врагами Мольера версии, будто вторая жена Мольера Арманда — дочь от первого его брака с Мадленой; документальных исторических данных для подтверждения этой версии нет. В своей биографии Мольера Михаил Афанасьевич пишет об Арманде несколько иначе и осторожнее: «Я уверен в том, что она была дочерью Мадлены, что она была рождена тайно,

неизвестно где и от неизвестного отца. Нет никаких точных доказательств тому, что слухи о кровосмешении правильны, то есть, что Мольер женился на своей дочери». Как биограф, Булгаков сдерживал себя в неясных местах жизни Мольера, давая себе, как драматургу, больший простор. Ему, как художнику, в пьесе важно было конкретно представить себе ситуацию и психологию действующих лиц.

М.А. Булгаков был не чужд гротеска; он превосходно владел техникой легкого комедийного жанра. Такова его пьеса «Иван Васильевич». Несмотря на сразу и легко охвативший автора замысел фантастической пьесы, работал над ней Булгаков очень усидчиво. Сначала, в 1933—1934 гг., он пишет пьесу «Блаженство» в виде «сна инженера Рейна в четырех действиях». Затем, сохранив структуру первого действия, автор в корне перерабатывает последующие сцены.

В 1935 г. из этой переработки возникает пьеса «Иван Васильевич», включаемая в состав настоящего сборника [1].

Интерес к театру М.А. Булгакова получает практическое применение, когда в 1930 г. он был приглашен в качестве режиссера-консультанта в ТРАМ (Театр рабочей молодежи) и в Художественный театр. В 1934—1935 гг. Михаил Афанасьевич пишет пьесу «Александр Пушкин»; в ней драматург изображает преддуэльные дни и смерть Пушкина; оригинальность пьесы в том, что сам Пушкин на сцене не появляется. В настоящее время Художественный театр приступает к репетированию этой пьесы. Театр предполагает показать «Пушкина» в конце 1940 года. Работа в театре, порою будничная и черновая, увлекает Булгакова. В 1936 г. он переходит в Большой театр консультантом-либреттистом. По заказу театра он составляет либретто «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Черное море» и «Рашель» (по рассказу Мопассана «Мадемуазель Фифи»), а также консультирует по переработке текста «Ивана Сусанина».

Из инсценировок Михаила Афанасьевича, кроме упомянутых выше «Мертвых душ» (впервые поставленных на сцене МХАТа 9 декабря 1932 г.), назовем также «Войну и мир» (по роману Л.Н. Толстого). Опираясь на сюжет Сервантеса, Михаил Афанасьевич создает оригинальную пьесу «Дон Кихот». Пьесу эту, публикуемую в настоящем сборнике, подготавливает к постановке театр имени Вахтангова для предстоящего сезона.

Наряду с инсценировками имеются киносценарии, составленные М.А. Булгаковым («Мертвые души», «Ревизор»).

Отдаваясь театру, М.А. Булгаков не оставляет повествовательного жанра. В продолжение почти десяти лет он работает над новым романом, который ему удалось закончить до начала роковой болезни: «Мастер и Маргарита». В романе этом Булгаков дает совсем новый образец своего творчества, развернувшегося в этой его предсмертной вещи с особой оригинальностью. Если во многих произведениях Булгакова отличительной чертой является острая наблюдательность автора над обыденщиной, над наиболее характерными элементами повседневной жизни в сочетании с самыми неожиданными фантастическими образами и перипетиями сюжета, то в его романе реальное и фантастическое переплетается в самых острых формах. В отношении структуры роман отличается неожиданным разнообразием: в нем прихотливо сочетается план современный, план исторический (эпоха начала нашей эры) и план фантастический. План исторический разработан с привлечением философского элемента. Общий состав романа напоминает самые оригинальные и причудливые романы Гофмана. В своем романе М.А. Булгаков одновременно ультраромантик и ультрареалист, подобно Гофману. Есть и еще одна черта, роднящая Булгакова с Гофманом, — борьба с филистерством, под которым немецкий романтик разумел и самодовольную пошлость, и умственный застой, и эгоизм, и тщеславие, и формализм, превращающий человека в машину, и педантизм. Романтическую иронию оба автора умеют освобождать от мистической созерцательности и обращать в острую сатиру.

---

[1] Сборник не был издан в 1940 г.

Образ кота, представленный в романе Булгакова с такой предельной живостью, сродни по своей законченности и выдержанности бесцеремонному и торжествующему обжоре коту Муру Гофмана.

Для романа М.А. Булгаков глубоко изучал историю Рима и, главное, эпоху раннего христианства.

К историческим занятиям Михаил Афанасьевич имел вообще особое тяготение. С историческими фактами, как таковыми, он обращался чрезвычайно вдумчиво и проникновенно — умел всегда уловить колорит эпохи. Особенно дорожил он историей нашей родины. В архиве покойного сохранился замечательный документ, свидетельствующий о его занятиях историей Союза ССР. В связи с постановлениями о конкурсе по составлению краткого учебника истории Союза М.А. Булгаков в марте 1936 г. усердно принимается за работу. К сожалению, она остановилась на предварительной стадии. В тетрадях Булгакова мы находим интересные наброски (главным образом по истории XVIII века) исторического повествования с попыткой выработки четкого и выразительного исторического стиля, отсутствие которого так отрицательно сказалось на работах школы Покровского в области русской истории. Вообще М.А. Булгаков был образцовым стилистом, превосходно владевшим всем богатством и разнообразием русского языка.

Как человек Михаил Афанасьевич отличался исключительным обаянием, так ярко отражавшимся в его улыбке, пытливых лукавых глазах и заразительном смехе; другая черта его — глубокое благородство: он был настоящим гуманистом. Деликатный даже в мелочах, он тонко чувствовал чужую жизнь. Если он порою мог с ней не считаться, то это объяснялось его постоянно вспыхивавшими новыми интересами, его непрестанным исканием. Интересы его были чрезвычайно гибки, широки и многогранны, он с живым вниманием вникал во все, что встречалось ему на жизненном пути. Иные повороты его внутренней жизни могли казаться неожиданными. Пытливый и вечно ищущий, человек беспокойного ума и мятежной души, он постоянно работал над собой; в своих частых колебаниях и сомнениях он мог всегда найти исход и не растеряться. Друг М.А. Булгакова в самом начале его литературной деятельности правильно предвидел, заметив в одном письме: «Он поймает свою судьбу, она от него не уйдет». Ум его был изобретательный и находчивый. Его беспокойство было беспокойством неизменно развивавшегося и ищущего новых путей таланта. Его энергия не оскудевала при всех заминках. В личной жизни человек крайностей, человек глубоких противоречий и переменчивых настроений, он в часы упадка находил выход в эмоциональном подъеме. Порою мнительный в мелких обстоятельствах жизни, раздираемый противоречиями, он в серьезном, в моменты кризиса не терял самообладания и брызжущих из него жизненных сил. Ирония у него неизменно сливалась с большим чувством, остроты его были метки, порой язвительны и колки, но никогда не шокировали. Он презирал не людей, он ненавидел только человеческое высокомерие, тупость, однообразие, повседневность, карьеризм, неискренность и ложь, в чем бы последние ни выражались: в поступках, искательстве, словах, даже жестах. Сам он был смел и неуклонно прямолинеен в своих взглядах. Кривда для него никогда не могла стать правдой. Мужественно и самоотверженно шел он по избранному пути. Писательская работа М.А. Булгакова никогда не останавливалась. Иногда лишь давали себя чувствовать бессонницы, головные боли и, казалось, беспричинное беспокойство. Последний год жизни М.А. Булгаков работал особенно интенсивно и за лето сильно переутомился. Постепенно нараставшая болезнь грозно его подстерегала. В сентябре 1939 года обнаружился первый зловещий симптом: внезапная потеря зрения. В первые же дни заболевания глаз была выяснена глубокая органическая причина его: у Михаила Афанасьевича врачи засвидетельствовали неизлечимую болезнь: склероз почек. Будучи сам врачом, Михаил Афанасьевич хорошо сознавал собственное положение, тем более что картина болезни писателя была точным повторением болезни его отца, умершего от склероза почек в том же возрасте, как и Михаил Афанасьевич. Возвратившись из Барвихи, где он находился в больнице, в декабре 1939 г., Михаил. Афанасьевич писал другу своей юности в Киев: «Ну

вот, я и вернулся из санатория. Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я, чтобы умирать. Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло».

Тяжкие месяцы все прогрессировавшей болезни Михаил Афанасьевич проводил как подлинный герой. Картину своей болезни он наблюдал острым вниманием писателя и мог бы ее использовать в качестве творческого материала подобно Мольеру. Жизнелюбивый и обуреваемый припадками глубокой меланхолии при мысли о предстоящей кончине, он, уже лишенный зрения, бесстрашно просил ему читать о последних жутких днях и часах Гоголя. Мысль его не падала, а обострялась. Она могла затуманиваться (болезнь, от которой умер Михаил Афанасьевич, часто у других кончается прямым умоисступлением), но тем ярче она вспыхивала в моменты просветления. В дни сильнейшего недомогания он продолжал править свой роман, который ему заботливо перепечатывала и читала вслух его жена, Елена Сергеевна, окружавшая его неизменным вниманием. Михаил Афанасьевич говорил, лежа на смертном одре, что нужно продолжать работу, пока не лишишься сознания. Последний месяц организм не воспринимал пищи. В результате уремии Михаил Афанасьевич скончался 10 марта 1940 года, оставив после себя богатое литературное наследие и унесши с собой в могилу не менее богатое достояние неразвернувшихся замыслов: уже в разгар болезни он мысленно составил план новой пьесы, предназначавшейся для Художественного театра.

«Покойся, кто свой кончил бег», — невольно вспоминаются слова Жуковского, те слова поэта, которыми Михаил Афанасьевич озаглавил одно из значительнейших своих драматических произведений. Беспокойный, трудный путь писателя, пройденный с таким напряжением и неоскудевавшей энергией, путь жизни и творчества, на который было затрачено столько сил, работы и душевных мук и который оборвался так рано и несправедливо, дает право писателю на безмятежную оценку его писательского труда и на глубокую и вечную признательность за незабываемый вклад, внесенный им в сокровищницу русской литературы.

Е.С. Булгакова — И.В. Сталину [1]

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

В марте 1930 года Михаил Булгаков написал Правительству СССР о своем тяжелом писательском положении. Вы ответили на это письмо своим телефонным звонком и тем продлили жизнь Булгакова на 10 лет.

Умирая, Булгаков завещал мне написать Вам, твердо веря, что Вы захотите решить и решите вопрос о праве существования на книжной полке собрания сочинений Булгакова. Наступившая вскоре война задержала выполнение его последнего желания.

После смерти Булгакова в 1940 году, постановлением Президиума Союза советских писателей была создана комиссия по литературному наследству Булгакова. Эта комиссия не сделала ничего.

В то же время Издательство «Искусство» включило в свой план издание сборника шести пьес («Дни Турбиных», «Бег», «Мольер», «Иван Васильевич», «Пушкин», «Дон Кихот»), но в дальнейшем Издательство вычеркивало последовательно по пьесе, так что остался нетронутым один «Дон Кихот», и сборник не вышел.

«Дни Турбиных», пьеса, в которой впервые проявились блестящие таланты советского поколения мхатовских актеров, сыгравшая огромную роль в истории Художественного Театра, прошедшая во МХАТе около тысячи раз, — снята и не разрешается к

---

[1] *Письма. Полный текст письма публикуется и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ).*

возобновлению.

О пьесе «Бег» Горький на прослушивании в Театре сказал: «Это превосходнейшая комедия с глубоко скрытым сатирическим содержанием. Твердо убежден: „Бегу“ в постановке МХАТа предстоит триумф, анафемский успех» («Красная газета», 10.X.1928 г., вечерний выпуск).

МХАТ дважды начинал репетировать «Бег», и дважды репетиции запрещались в середине работы.

Пьеса «Мольер», тоже одобренная Горьким (отзыв которого прилагаю), получила визу Главного Репертуарного Комитета, и Театр, после четырехлетней работы над ней, выпустил пьесу с большим успехом. После седьмого представления «Мольер» был снят.

Комедия «Иван Васильевич» была снята после генеральной репетиции в Театре Сатиры, хотя до этого Репертуарный Комитет разрешил Театру постановку этой пьесы.

И, наконец, говоря о пьесах Булгакова, я не могу не сказать о последней его пьесе «Батум», которую он писал с таким увлечением и которую так хотел поставить МХАТ.

Роман «Белая гвардия» не вышел полностью до сих пор. Две трети романа были напечатаны в журнале «Россия», №№ 4 и 5, 1925 г.

«Жизнь господина де Мольера», биография, написанная Булгаковым в 1933 году по заказу редакции «Жизнь замечательных людей», также не была издана.

Из всего его литературного наследства:

четырнадцать пьес,

романы, повести, рассказы, оперные либретто,

наброски и подготовительная работа для учебника истории СССР, — не печатается ничего, а на сцене идут: пьеса «Последние дни (Пушкин)» и инсценировка «Мертвые души», но в одном только Художественном Театре, причем спектакль о Пушкине Театр не имеет права ставить по субботам и воскресеньям и более двух-трех раз в месяц.

Булгаков не держал в руках гранок 15 лет, с 1926 года по день смерти, — хотя каждая строчка его произведений написана им для своего театра, для своей страны.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я прошу Вашего слова в защиту писателя Булгакова. Я прошу именно Вашего слова — ничто другое в данном случае помочь не может.

Сейчас, благодаря Вам, Советская Россия вспомнила многие несправедливо забытые имена, которыми она может гордиться. Имя Булгакова, так беззаветно отдавшего свое сердце, ум и талант бесконечно любимой им родине, остается непризнанным и погребенным в молчании. Я прошу Вас, спасите вторично Булгакова, на этот раз от незаслуженного забвения [1].

Вдова писателя Булгакова

Елена Булгакова.

Москва, 7 июля 1946 года.

---

[1] Трудно сказать, дошло ли письмо до Сталина, хотя передавалось оно непосредственно А.Н. Поскребышеву, секретарю Сталина. Сохранилась копия письма Е.С. Булгаковой А.Н. Поскребышеву следующего содержания:

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Надеясь на Ваше благосклонное отношение к творчеству Булгакова, обращаюсь к Вам с большой просьбой передать прилагаемое письмо товарищу Сталину.

Елена Булгакова.

Москва, 7 июля 1946 года.

Сохранилась также записка Е.С. Булгаковой, приложенная к копии письма А.Н. Поскребышеву. В ней говорится, что письмо се к Сталину было рассмотрено в ЦК, принято положительное решение и ей рекомендовано «связаться с издательством „Искусство“ на счет издания пьес Булгакова».

Е.С. Булгакова — С.Я. Маршаку [1]

Дорогой Самуил Яковлевич, простите, что на машинке, но так будет легче и для Вас и для меня, — привычка, я и детям и маме пишу всегда на машинке.

Я нарочно пишу Вам, а не звоню по телефону, потому что, когда я слышу Ваш больной голос, я не могу ничего толком сказать Вам, мне делается стыдно, что и я затрудняю Вас своими делами. Но сказать мне необходимо, так как Вы — единственный человек, с которым я могу говорить об этом. К Александру Александровичу [2], к моему великому сожалению, я не могу позвонить.

Что же касается Леонова, Федина, которых я знаю мало, или Суркова, Поликарпова, которых я совсем не знаю, то к ним я не могу звонить. Да и кроме того, если Федин мог сказать Вам, что «это трудное дело, ведь вот Горьким не продлили» — о чем тогда говорить?

Сравнивать мое положение с положением наследников Горького, — это походит на издевательство, — хотя это и не похоже на Федина. Казалось бы, что Федин или любой другой настоящий человек, настоящий писатель должен был бы сказать Вам в ответ: — конечно, мы должны этого добиться.

А если бы этот человек был еще и искренен и мужественен, то он должен был бы добавить: — мы все виноваты перед Булгаковым.

Все знают, что Булгаков исключительно талантлив, что литературная жизнь его была так тяжела, так невыносимо тяжела, что и умер он в результате всех своих потрясений. Так говорили Булгакову в лицо все лечащие его врачи.

Все знают, что Булгаков всего себя отдал (если говорить громкими словами) родине, родному искусству, родному театру. Он отказался от заграницы, когда ему это предложил Сталин. Он работал без передышки, без отдыха 20 лет, бросив свою профессию врача в 1919 году для того, чтобы стать писателем. И он, действительно, стал замечательным писателем. А кроме того, он все время еще работал то актером, то режиссером, то газетным работником, то консультантом-либреттистом. Он работал каждую минуту, не щадя себя, не отдыхая. Когда в 1936 году, в один день у него полетели три пьесы сразу (Мольер, Пушкин, Иван Васильевич), он принялся за учебник истории. Это был человек несгибаемой воли и мужества.

И Вы хотите, чтобы я сейчас звонила к людям, равнодушным людям, мало мне знакомым, и просила их о милости. Нет, родной мой, тогда не нужно ничего!

Я считала, что если есть у нас справедливость, то она должна, наконец, быть распространена и на Булгакова, пасынка в своем отечестве. Я думала, что если я обращусь к двум близким мне людям, к Вам и Александру Александровичу, с дружеской просьбой помочь мне добиться этой справедливости, то Вы избавите меня от унизительной роли вдовы-просительницы.

Я надеялась, что, имея письмо Литературной Комиссии (которая, не в укор ей будь сказано, так ничего и не сделала за 15 лет, прошедших со дня смерти Булгакова), письмо из МХАТа и мое официальное заявление в ССП, — я верила, что Вы все, такие всесильные с моей точки зрения люди — в моем деле — добьетесь справедливого удовлетворения моей просьбы.

Что нужно для этого (казалось мне): час времени для того, чтобы написать горячее, заинтересованное, убедительное ходатайство в Правительство, и согласие какого-нибудь более свободного, чем Вы оба, писателя поехать с этими бумагами и проявить настойчивость для получения ответа, возможно более скорого. Я пишу об этом, так как с 1 января все мои

---

[1] *Письма. Печатается и датируется по машинописной копии с подписью-автографом (ОР РГБ).*

[2] Речь идет о А.А. Фадееве.

наследственные права уже закончились.

Я понимаю, что все это отнимает у Вас время, но что мне делать, ведь случай этот единичный, ведь если бы по отношению к такому талантливому и работоспособному писателю, как Булгаков, была проявлена раньше справедливость, — ведь мне не пришлось бы просить о продлении.

Я предполагала, что, может быть, Тихонов, бывший друг, или Михалков, который очень хорошо относился к Булгакову, согласятся сделать это.

Простите меня, дорогой Самуил Яковлевич, если это письмо доставит Вам неприятные минуты. Ужасно то, что Вы, все Вы, никогда не поймете меня, так же, как сытый никогда не поймет голодного. Когда я слышу по радио (теперь, в последнее время, особенно часто) или читаю в газетах, как перечисляют всех, кого будут издавать в 1955 году, я почти всегда дохожу до слез, иногда впадаю в ярость. Ведь я дала ему клятву перед его смертью, что я добьюсь издания. Перечисляются все: талантливые и бездарные, свои и чужие, искренние и лживые, нужные и ненужные, такие, которые были, есть и будут любимы и уважаемы всегда, и такие, о которых, через год или через 10 лет, скажут что-нибудь вроде как о Сурове... [1]— словом, все.

Нет только одного имени, светлого, чистого имени Булгакова.

В чем вина Булгакова? В бесстрашной правде, которую он считал своим писательским долгом говорить прямо, — больше ни в чем. Кажется, Эренбург сказал на съезде: — воображаю, как бы встретили на улице Воровского Маяковского с его первыми стихами! — А я добавлю: — и Салтыкова-Щедрина и Гоголя!

Разве не доказали «Дни Турбиных», что они нужны людям? Разве не было на самом деле «Зойкиных квартир»? Разве не проделывал Репертком того, о чем написано в «Багровом острове»? Разве ошибался Горький, превознося «бег», который гораздо сильнее ставит точку на белом движении, гораздо беспощаднее обнажает людей белого движения, чем «Дни Турбиных»? Разве не имел Булгаков писательского права на своего Мольера, которого он любил и о котором изучил все, что написано нами и французами? Разве не удивительно, что в 31 году, когда и слова об атомной войне не было, — у Булгакова появилось видение перед глазами — будущей войны, и он написал «Адама и Еву»? Разве не достойно уважения, что Булгаков изучал испанский язык, чтобы лучше почувствовать Сервантеса, и сделал труднейший фокус — превратил в пьесу гениальный, но трудный роман о Дон Кихоте? Разве не доказали себя на деле слова Булгакова, что нельзя показывать на сцене Пушкина и Лермонтова? И, наконец, кто еще так угадал Сталина, как Булгаков в своем «Батуме»?..

Роман «Белая гвардия» правдив с первого до последнего слова, но — что еще важнее — он написан большим художником, и — еще важнее — бесконечно любящим свою родину. Роман «Жизнь господина де Мольера» не издается, а «Бальзак» Н. Рыбака [2] издается. Это было бы смешно, если бы не доводило до слез. А «Дьяволиада»? Я не собиралась просить о ее переиздании, но разве Вы не видели всего этого тогда в жизни? Он видел, бегал по Москве — в старой шинели, в башмаках, подошвы которых были привязаны веревочками, — в поисках материала для газеты.

Булгаков избрал трудный путь сатирика, но кто же обвинит человека, избравшего трудный путь?

Сейчас булгаковскую судьбу решают трусливые редакторы из издательства «Искусство». А почему не читатель? Если бы объявить подписку на Булгакова и напечатать столько экземпляров, на сколько будет сделана подписка?

---

[1] Суров Анатолий Алексеевич — советский драматург, член Союза писателей СССР. Автор пьес «Далеко от Сталинграда», «Рассвет над Москвой» и др.

[2] Рыбак Натан Семенович (1913—1978) — украинский советский писатель, автор историко-биографического романа «Ошибка Оноре де Бальзака».

А почему издательство «Советский писатель» не хочет издавать Булгакова?

Пишу Вам ночью, потому что мысли меня одолели и мне не спится. Только Вы мне не звоните по телефону, а лучше напишите. Я не могу говорить обо всем этом без слез, а потом проклинаю себя ночами за это.

И последнее — если все мои предположения, все мои надежды на Вас обоих ошибочны, то, прошу Вас, верните мне все эти бумаги, я проделаю последнюю попытку добиться справедливости, написав письмо Правительству. Я не могу медлить, все сроки прошли!

Обнимаю Вас.

Ваша *Елена Булгакова.*

В ночь на 6 января 1955.

Из писем Е.С. Булгаковой к Н.А. Булгакову [1] (Из Москвы в Париж)

1. 17 октября 1960 года

(...) На глазах у всех Миша стал успокаиваться, как-то, если можно так выразиться, расцветать внешне, к 1939 году он был прелестен и внешне и душевно. Так что все его обычные разговоры о скорой смерти (а он их вел всегда в самой юмористической форме за столом с друзьями — и все, глядя на его актерские показы и слушая его блестящий текст, не могли удержаться от смеха). Но так как он их вел всегда, то раз в год (обычно весной) я заставляла его проделывать всякие анализы и просвечивания. Все давало хороший результат, и единственно, что его мучило часто, это были головные боли, но он спасался он них «тройчаткой» — кофеин, фенацетин, пирамидон. Но осенью 39-го года болезнь внезапно свалила его, он ощутил резкую потерю зрения (это было в Ленинграде, куда мы поехали отдыхать), — и профессор, обследовав его глазное дно, сказал: «Ваше дело плохо. Немедленно уезжайте домой». Эта докторская жестокость повторилась и в Москве — врачи не подавали ему надежды, говоря: «Вы же сами врач, и вы понимаете». Миша всегда, с самого первого дня, когда попросил, чтобы я была с ним, взял у меня клятву, что я не отдам его в больницу, что он умрет у меня на руках, — предупреждая о том, что с ним будет все, как с отцом, Афанасием Ивановичем. И даже год сказал — 1939-ый. Врачи мне тоже говорили, что это вопрос трех-четырех дней. Но Миша прожил после этого 7 месяцев, как он говорил: потому, что верю тебе. А я клялась ему, что он выздоровеет. Когда все это было, я думала, что страшнее этого в моей жизни ничего не будет. Но через 17 лет все это повторилось, как это ни странно, с моим старшим сыном, 35-летним человеком. Простите за тяжелое письмо, но Вам же надо все это знать. Вы так любите Мишу, и он Вас любил невероятно сильно. Николка в «Днях Турбиных», в «Белой гвардии», в рассказе «Красная корона», в одном черновике романа, все это посвящено Вам...

2. *5 декабря 1960 года*

[...] После всего тяжкого горя, выпавшего на мою долю, я осталась цела только потому, что верю в то, что Миша будет оценен по заслугам и займет свое принадлежащее ему по праву место в русской литературе.

---

[1] *Письма. Публикуется и датируется по автографу (ОР РГБ)*

3. *5 января 1961 года*

[...] Теперь хочу рассказать Вам подробнее о смерти Миши, как это мне ни трудно делать. Но я понимаю, что Вам надо это знать. Когда мы с Мишей поняли, что не можем жить друг без друга (он именно так сказал), — он очень серьезно вдруг прибавил: «Имей в виду, я буду очень тяжело умирать, — дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках». Я нечаянно улыбнулась — это был 32-ой год, Мише было 40 лет с небольшим, он был здоров, совсем молодой... Он опять серьезно повторил — «поклянись». И потом в течение нашей жизни несколько раз напоминал мне об этом. Я настаивала на показе врачу, на рентгене, анализах и т. д. Он проделывал все это, все давало успокоение, и тем не менее, он назначил 39-й год, и когда пришел этот год, стал говорить в легком шутливом тоне о том, что вот — последний год, последняя пьеса и т. д. Но так как здоровье его было в прекрасном проверенном состоянии, то все эти слова никак не могли восприниматься серьезно. [...] Потом мы поехали летом на юг, и в поезде ему стало нехорошо [...] Это было 15 августа 1939 г. Мы вернулись в тот же день обратно из Тулы (я нашла там машину) в Москву. Вызвала врачей, он пролежал несколько времени, потом встал, затосковал, и мы решили для изменения обстановки уехать на время в Ленинград. Уехали 10 сентября, а возвратились через 4 дня, т. к. он почувствовал в первый же день на Невском, что слепнет. Нашли там профессора, который сказал, проверив его глазное дно: «Ваше дело плохо». Потребовал, чтобы я немедленно увезла Мишу домой. В Москве я вызвала известных профессоров — по почкам и глазника. Первый хотел сейчас же перевезти Мишу к себе в Кремлевскую больницу. Но Миша сказал: «Я никуда не поеду от нее». И напомнил мне о моем слове. А когда в передней я провожала проф. Вовси [1], он сказал: «Я не настаиваю, т. к. это вопрос трех дней». Но Миша прожил после этого полгода. Ему становилось то хуже, то лучше. Иногда он даже мог выходить на улицу, в театр. Но постоянно ослабевал, худел, видел все хуже [...]. Мы засыпали обычно во втором часу ночи, а через час-два он будил меня и говорил: «Встань, Люсенька, я скоро умру, поговорим». Правда, через короткое время он уже острил, смеялся, верил мне, что выздоровеет непременно, и выдумывал необыкновенные фельетоны про МХТ, или начало нового романа, или вообще какие-нибудь юмористические вещи. После чего, успокоенный, засыпал. Как врач, он знал все, что должно было произойти, требовал анализы, иногда мне удавалось обмануть его в цифрах анализа, — когда белок поднимался слишком высоко.

Люди, друзья, знакомые и незнакомые, приходили без конца. Многие ночевали у нас последнее время — на полу. Мой сын Женечка перестал посещать школу, жил у меня, помогал переносить надвигающийся ужас, Елена [2] тоже много была у нас, художники В. Дмитриев и Б. Эрдман (оба теперь умершие) каждый день приходили, жили Ермолинские (друзья), сестры медицинские были безотлучно, доктора следили за каждым изменением. Но все было напрасно. Силы уходили из него [...] Ноги ему не служили. Мое место было — подушка на полу около его кровати.

Он держал руку все время — до последней секунды, 9-го марта врач сказал часа в три дня, что жизни в нем осталось два часа, не больше. Миша был как бы в забытьи. Накануне он безумно мучился, болело все. Велел позвать Сережку, положил ему руку на голову. Сказал: «Свету!»... Зажгли все лампы. А девятого, после того как прошло уже несколько часов после приговора врача, очнулся, притянул меня за руку к себе. Я наклонилась, чтобы поцеловать. И он так держал долго, мне показалось — вечность, дыхание холодное, как лед, — последний поцелуй. Прошла ночь. Утром 10-го он все спал (или был в забытьи), дыхание стало чаще, теплее, ровнее. И я вдруг подумала, поверила, как безумная, что произошло то чудо, которое

---

[1] Вовси Мирон (Меер) Семенович (1897—1960) — советский терапевт, академик АМН СССР.

[2] Имеется в виду сестра М. Булгакова — Елена Афанасьевна.

я ему все время обещала, то чудо, в которое я заставляла его верить — что он выздоровеет, что это был кризис. И когда пришел к нам часа в три 10-го марта Леонтьев (директор Большого театра), большой наш друг, тоже теперь умерший, — я сказала ему: «Посмотрите, Миша выздоровеет! Видите?» — А у Миши, как мне и Леонтьеву показалось, появилась легонькая улыбка. Но может быть, это показалось нам... А может быть, он услышал?

Через несколько времени я вышла из комнаты, и вдруг Женечка прибежал за мной: «Маменька, он ищет тебя рукой», — я побежала, взяла руку, Миша стал дышать все чаще, чаще, потом открыл неожиданно очень широко глаза, вздохнул. В глазах было изумление, они налились необычным светом. Умер. Это было в 16 ч. 39 м. — как записано мной в тетради. Во время болезни я стала сначала записывать предписания врача, потом прибавилась полная запись дня: когда и какие лекарства принимал, что ел, когда и спокойно спал. Потом — его слова, потом, в последнее время его ухудшение состояния, — тяжелые минуты потери памяти (очень редкие), галлюцинации, и наконец, подробные записи последних дней его страданий, что его почти нельзя было узнать. Я с ужасом думала — никогда не увижу Мишу, каким знала. А после смерти лицо было успокоенным, счастливым почти, молодым. На губах — легкая улыбка. Все это не я одна видела, об этом с изумлением говорили все видевшие его [...].

Он умирал так же мужественно, как и жил. Вы очень верно сказали о том, не всякий выбрал бы такой путь. Он мог бы, со своим невероятным талантом, жить абсолютно легкой жизнью, заслужить общее признание, пользоваться всеми благами жизни. Но он был настоящий художник — правдивый, честный. Писать ом мог только о том, что знал, во что верил. Уважение к нему всех знавших его или хотя бы только его творчество — безмерно. Для многих он был совестью. Утрата его для каждого, кто соприкасался с ним, — невозвратима.

4. *16 января 1961 года*

[...] Мишина могила часто вызывает такое восхищение, что ко мне звонят незнакомые и говорят об этом [...]. Я долго не оформляла могилы, просто сажала цветы на всем пространстве, а кругом могилы посажены мной четыре грушевых дерева, которые выросли за это время в чудесные высокие деревья, образующие зеленый свод над могилой. Я никак не могла найти того, чтобы я хотела видеть на могиле Миши — достойного его. И вот однажды, когда я, по обыкновению, зашла в мастерскую при Новодевичьем кладбище, — я увидела глубоко запрятавшуюся в яме какую-то гранитную глыбу. Директор мастерской, на мой вопрос, объяснил, что это — голгофа с могилы Гоголя, снятая [...] когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили. С большим трудом, так как этот гранит труден для обработки, как железо, рабочие вырубили площадочку для надписи: Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. 1891—1940. (4 строчки, золотыми буквами). Вы сами понимаете, как это подходит к Мишиной могиле — Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя. Теперь каждую весну я сажаю только газон. Получается изумительный густой ковер, на нем Голгофа, над ней купол из зеленых густых ветвей. Это поразительно красиво и необычно, как был необычен и весь Миша — человек и художник... Эту глыбу — морской гранит — привез Аксаков специально для могилы Гоголя...

Комментарии

1

Скорее всего, это Федор Михальский.— *В. П.*

2

В те годы партийный работник.— *В. П.*

3

Театральный деятель — *В. П.*

4

Клёстов-Ангарский — известный издатель. — *В. П.*

5

Я.Л. Леонтьев — заместитель директора ГАБТа. — *В. П.*

6

Видимо, «драматургическим». — *Сост* .

7

Опровержение это было напечатано в «Днях» от 24 февраля. — *Примеч. ред.*

8

Это одно из моих многочисленных прозвищ — Л. Е. Б.

9

Впрочем, в Федьке Андронове могли быть иудины свойства и измерзить его не жалко. (*Примеч. автора.*)

10

Это после слов Минина: Народ не забудет подвиг гонца. (*Примеч. автора.*)

11

Но посылать ли? Если опера не идет, а начинается новый просмотр, не лучше ли и нам с Вами счесть ее неготовой и начать тоже додумывать. (*Примеч. автора.*)

12

Слева на полях во всю длину листа: «Пишу опять на офиц[иальном] бланке, когда-то данном в б[ывшем] Мар(иинском) театре, — других нет, а не из тщеславия, не подумайте!» (*Примеч. автора.*)

13

Что значит это «предупреждаю»?.. Не надо. (*Примеч. автора.*)

14

Чтобы можно было не диктовать для машинки. (*Примеч. авт.*)

15

Государственное издательство художественной литературы. — *Сост.*

16

Иван Павлович Воскресенский — второй муж матери М.А. Булгакова. — *Сост.*

17

А.М. Земской в то время болел малокровием и малярией — *Сост.*

18

Центральный аэродинамический институт им. Жуковского. — *Сост.*

19

Стонов Дмитрий Миронович (1892—1962) — известный русский советский писатель. — *Сост.*

20

Ю. Л. Слезкин читал свой роман «Столовая гора» в литературном кружке «Зеленая лампа» в 1922 г. В том же году Булгаков опубликовал статью об этом романе и его авторе в журнале «Сполохи», № 12. Роман же Слезкина был опубликован в 1925 г. под названием «Девушка с гор». — *Сост.*

21

Загребского. — *Сост.*

22

сын Б.М. Земского. — *Сост.*

23

Зайцев предложил Булгакову в те минуты принести в издательство другую работу, на что тот мгновенно согласился и через неделю принес новую рукопись, это была повесть «Роковые яйца». — *Сост.*

24

Лелю, Елену — *Сост.*

25

Тогдашний премьер-министр и военный министр Польши. — *В. Л.*

26

Министр финансов в правительстве Веймарской республики, один из лидеров социал-демократии. — *В. Л.*

27

Один из руководителей итальянской соцпартии. — *В. Л.*

28

Именно об этом говорили и русские политики зарубежья. — *В. Л.*

29

Сотрудника ВЧК. — *В. Л.*

30

Восстание коммунистов, которое было подавлено властью. — *В. Л.*

31

Эррио вынужден был пойти на уступки консервативным силам, поскольку в самой Франции зрело мощное сопротивление его политике. — *В. Л.*

32

Прежде всего, в силу активного сопротивления самих врангелевцев. — *В. Л.*

33

Ранее Эррио принял решение о передаче врангелевского флота Советам. — В. Л.

34

Вспомним булгаковское: «Дикий мы, темный, несчастный народ». — *В. Л.*

35

Именно это выражение более всего понравилось Булгакову. — *В. Л.*

36

Далее автор приводит несколько примеров, с его точки зрения наиболее характерных. — *В. Л.*

37

Какая точность! — *В. Л.*

38

Видимо, все-таки из среды литераторов. — *В. Л.*

39

Чтение романа и знакомство с Ляминым Н. Н. состоялось в 1924 году. — *В. Л.*

40

Так в тексте — *В. Л.*

41

Женя и Лида — дочери Понсовых.— *Сост.*

42

Видимо, речь идет о пьесе «Дни Турбиных» — *Сост.*

43

Подчеркнуто нами — *Сост.*

44

Напомним, что в белой армии служили и воевали все три брата Булгаковы, чье беднейшее существование в детские и юношеские годы обеспечивалось пенсией покойного отца, профессора Киевской духовной академии. — *В. Л.*

45

Булгаков. — *В. Л.*

46

В пьесе. — *В. Л.*

47

«Дни Турбиных». — *Сост.*

48

Речь идет о Булгакове. — *Сост.*

49

Агитпроп. — *В. Л.*

50

Очевидно, было передано через отъезжающих в Париж. — *Сост.*

51

С Булгаковыми. — *Сост.*

52

Театр рабочей молодежи. — *Сост.*

53

Белозерская. — *Сост.*

54

Сестра Е.С. Шиловской — Ольга Сергеевна Бокшанская. — *Сост.*

55

Пьеса Афиногенова. — *Сост.*

56

И.В. Сталин. — *Сост.*

57

Речь идет о заседании Всероскомдрама, на котором обсуждалась пьеса А. Файко «Неблагодарная роль». — *Сост.*

58

Женей Малым в семье Шкловских звали сына Евгения. — *Сост.*

59

Жена И.А. Булгакова. — *Сост.*

60

Сердечно поздравляю... (*франц.*)

61

Тальберг изменник? (*франц.*)

62

Никогда (*франц.*)

63

Но почему? (*франц.*)

64

До свидания (*франц.*)

65

Егоров Н. В.— в то время один из руководителей МХАТа.

66

Очевидно, сотрудник иностранного отдела Мособлисполкома. — *Сост.*

67

Не исключено, что и на этот раз интуиция не подвела Булгакова. — *Сост.*

68

Секретарю А.С. Енукидзе. — *Сост.*

69

Поэт Александр Безыменский — один из злейших врагов М.А. Булгакова.

70

См.: Виноградская И. «Жизнь и творчество К.С. Станиславского», т. 4, с. 396—397

71

Режиссер и актер Вахтанговского театра. — *Сост.*

72

Билль-Белоцерковский Владимир Наумович (1884—1970) — советский драматург.

73

Кирпотин Валерий Яковлевич (1898—1997) — советский литературовед и критик, в то время — зав. сектором художественной литературы ЦК ВКП(б).

74

Все — режиссеры и артисты Вахтанговского театра. — *Сост.*

75

О.С. Бокшанская. — *Сост.*

76

Актер МХАТ. — *Сост.*

77

Врач, близкий знакомый семьи Булгаковых. — *Сост.*

78

Ф. Михальский. — *Сост.*

79

Все — члены коллектива МХАТ. — *Сост.*

80

И. Я. Судаков. — *Сост.*

81

Начальник Главискусства. — *Сост.*

82

Сын Е.С. Булгаковой. — *Сост.*

83

Актриса МХАТ. — *Сост.*

84

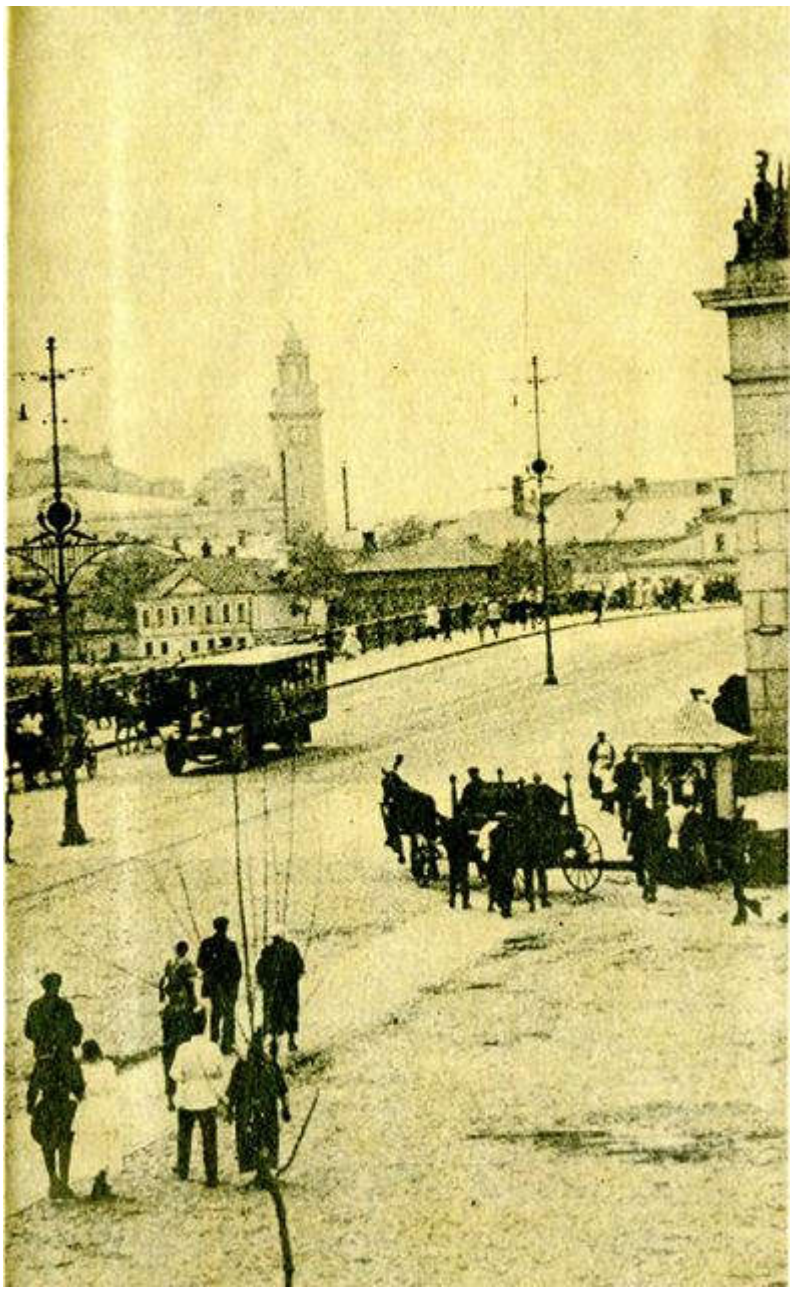
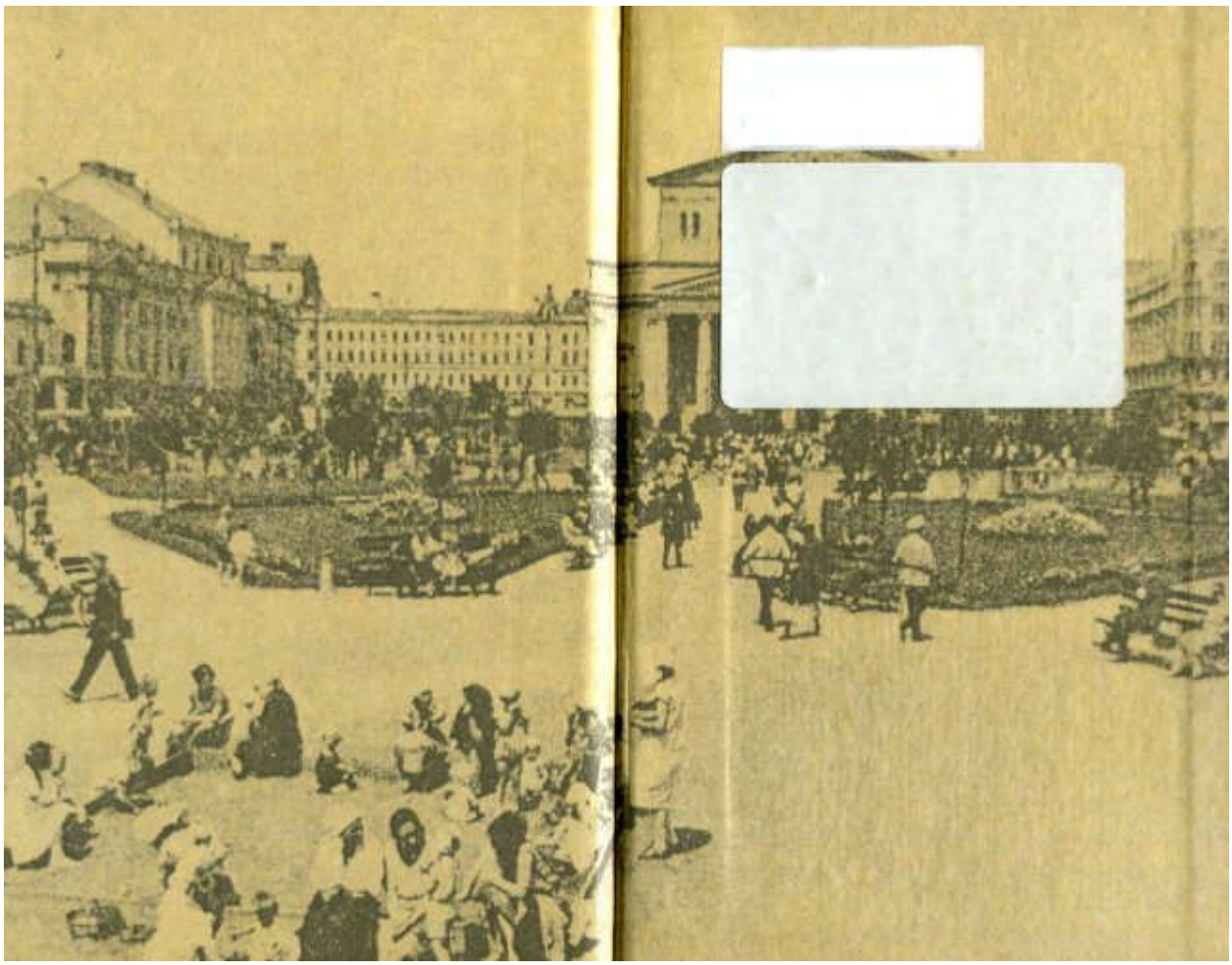
Е.И. Замятин. — *Сост.*

85

Речь идет от том же З.Л. Каганском.

86

Позднейшая приписка Е. С. карандашом в этом месте: «Миша одной рукой закрывал глаза от солнца, а другой держался за меня и говорил: навстречу чему мы мчимся? Может быть, — смерти?» — *В. Л.*

87

Еще одна приписка Е. С.: «Миша не позволил зажечь свет: горели свечи. Он ходил по квартире, потирал руки и говорил — покойником пахнет. Может быть, это покойная пьеса?» — *В. Л.*